

Прочтение Библии

пояснения и подробности некоторых деталей

Время Царей, Плен и Восстановление

Время расцвета Израиля. К сожалению, открывалось не только возможности к добру, но и ко злу. И что преуспело больше? Время царей заканчивается потерей самостоятельности, потом и государственности, сменяясь пленом. Плен не вечен, но самостоятельность в полной мере уже не возвращается. Ко времени Мессии Израиль оказывается в зависимости от Рима.

Оглавление

Времена Царей.....	6
Самуил.....	6
Обретение сына.....	6
Детство и становление в неблагоприятных обстоятельствах.....	12
Самуил – пророк.....	15
Потеря Ковчега.....	17
Возвращение Ковчега.....	20
Успехи Самуила. Школы пророков.....	21
От судей к царям.....	24
Придирка к Самуилу.....	24
Первый царь в Израиле.....	28
Представление царя.....	31
Незаметное начало и утверждение на царство.....	31
Саул.....	35
Освобождение от филистимлян. Неверные действия Саула.....	35
Последнее испытание Саула – война с амаликитянами.....	42
Новый кандидат в цари – Давид.....	45
Впервые при дворе Саула. Давид целитель.....	50
Победа над Голиафом, слава и известность.....	50
Опасности сгущаются. Изгой.....	58
Под защитой сверхсилы.....	60
Полоса проблем.....	62
Неудачная попытка в Гефе и свой путь. Глава отряда.....	65
Саул – уничтожение дома священников.....	66
Защита Кеиля.....	69
Поиски Давида, шпионы и доносы.....	70
Саул в руках Давида. Признание и примирение с Саулом.....	72
Инцидент на Кармиле. Авигея.....	75
Последняя охота Саула на Давида.....	81
Снова у филистимлян.....	83
Гибель Саула.....	84
У аэндорской ведьмы.....	86
Смерть Саула.....	88
Нападение на Секелаг.....	89
Плач по Саулу.....	91
Царствование Давида.....	92
Царствование в Хевроне. Авенир собирает всех к Давиду.....	92
Гибель Авенира.....	94
Воцарение над Израилем. Годы благополучия.....	96
Убийство Иевосфея.....	97
Царь Израиля.....	97
Перенос Ковчега в Иерусалим.....	99
Замысел о Храме.....	102
Благополучные годы и успехи.....	102
Падение Давида.....	106

Восстановление и последствия.....	112
Проблемы с сыновьями. Возмездие.....	116
Амнон.....	116
Авессалом.....	119
Ход Иоава.....	120
Хитрый план Авессалома.....	122
Взлёт Авессалома.....	123
Мятеж. Давид оставляет Иерусалим.....	124
Решающий момент.....	129
Сражение. Конец Авессалома.....	131
Возвращение на царствование.....	134
Конфликт.....	135
Окружение Давида, подвиги и герои.....	138
Ненужная переписка.....	139
Последние дни Давида.....	143
Заговор Адонии и его провал.....	144
Время царей. Разделённая страна.....	147
Соломон.....	147
Происки и конец Адонии.....	149
Встреча и разговор с Богом.....	152
Храм.....	156
Обещаний наказаний за преступления.....	162
История разделённых Израиля и Иудеи.....	164
Ровоам.....	164
Северное царство. Иеровоам.....	167
Объявление наказания.....	173
В это время в Иудее. Ровоам.....	173
Иудея. Авия.....	175
Иудея. Аса.....	177
Упадок последних лет Асы.....	179
Израиль. Смена династии. Вааса.....	180
Израиль. Смена династии Ваасы. Замврий и Амврий.....	181
Северное царство. Амврий, Ахав и Илия.....	183
Иезавель.....	184
Протест Илии и Реформация.....	184
Воскрешение сына вдовы.....	188
Поражение Ваала.....	189
Бегство.....	193
"Лёгкий ветерок" Ахава.....	198
Неиспользованный шанс.....	199
Виноградник Навуфея.....	202
Союз с Иудеей.....	206
Гибель Ахава.....	207
Израиль. После Ахава – Охозия и Иорам.....	213
Уход Илии с Земли.....	215
Елисей.....	220
Оздоровление воды Иерихона.....	221
Проклятие молодёжи.....	222
Совместный поход Иорама и Иосафата.....	222

Чудеса Елисея.....	224
Обедневшая вдова.....	224
Обезвреженный яд.....	225
Друзья и их проблемы.....	225
Избыток с недостаточного.....	227
Сириец Нееман.....	228
Плавающий (недолго) топор.....	232
Эфирная разведка.....	232
Осада и голод в Самарии.....	236
Елисей в Дамаске.....	239
Иудея. Иосафат.....	240
Война с восточными соседями.....	241
Неудачный поход за золотом.....	243
Иудея. Иорам, сын Иосафата.....	243
Иудея. Иоас.....	245
Время Гофолии.....	245
Иоас и Иодай.....	246
После Иодая.....	247
Израиль. Смена династии. Ииуй.....	250
Израиль. Иоахаз и Иоас.....	257
Иудея. Амасия.....	258
Израиль. Иеровоам.....	261
Иудея. Озия.....	261
Иудея. Иофам.....	265
Израиль. Закат северного царства.....	265
Израильская земля после Израиля.....	267
Иудея. Ахаз.....	267
Езекия.....	270
Вторая половина царствования Езекии.....	277
Манассия.....	280
Амон.....	282
Иосия.....	282
Реформы Иосии.....	284
Плен.....	287
Сыновья Иосии на царстве.....	287
Седекия.....	289
Годолия. Оставшиеся на своей земле.....	292
Сомнения и отказ от Сущего.....	293
Пророки.....	296
Иеремия.....	297
Иезекииль.....	310
Исаия, Михей и другие пророки.....	310
Иона.....	311
Жизнь в плену. Даниил.....	315
Сон Навуходоносора и первое пророчество о будущем мироустройстве.....	317
Сон и его значение.....	320
Навуходоносор. Попытка изменить историю – забрать всё.....	322
Духовные проблемы Навуходоносора. Суровая шлифовка.....	325
Валтасар. Конец Вавилона.....	328

Служба у Дария. Интриги и ночь со львами.....	330
Второе пророчество о будущем мироустройстве. Седмая глава книги Даниила.....	334
Третье видение. Восьмая глава книги Даниила.....	339
"Ежедневное служение", отнятое у Вождя, и оскверненное Святилище.....	340
Пояснения и дополнения к увиденному от небесных личностей.....	343
Девятая глава. Восполнение пропущенного в прошлый раз. Предсказание о Мессии – 70 седьмин.....	345
Четвёртое откровение. Одиннадцатая глава.....	347
Двенадцатая глава.....	368
Окончание Плена.....	369
Восстановление Храма и города. Тяжёлые времена.....	369
Восстановление Иерусалима. Ездра и Неемия.....	372
Ездра.....	372
Неемия.....	373
Восстановление стен.....	374
Фарисеи и саддукеи.....	378
Есфирь.....	381

Времена Царей

Отсутствие системы поддержки божественных порядков вело к тому, что люди жили очень уж расслабленно. То есть всё было как у всех, но именно здесь так не должно было быть. Хотя пережитые проблемы оставляли некоторый след в умах, помогая избегать самых плохих уклонов с Пути, это было слабым утешением, от этого народа ожидалось гораздо большее. Пока мало кто занимался обучением народа, не было системы воспроизводства и поддержки духовности и знаний. Но всё же появился человек, осознавший необходимость устройства системы просвещения народа на постоянной основе.

Самуил

Недавно Бог делал попытку ставить судьёй человека посвящённого, но поддержки с Его стороны оказалось недостаточно. Возможно, что этот дар не оказался желанным, достался матери Самсона слишком легко, она не выглядит охваченной сильной жаждой иметь детей, она хотя и испытала долю бездетной, но недолгое время. Из-за этого родители не приложили серьёзных стараний объяснить сыну необходимость глубокого посвящения, они как будто думали, что всё делается само собой. Конечно, нет гарантии, что и серьёзнейшие усилия родителей в этом направлении обеспечили бы нужный результат, потому что Самсон делал выбор всё равно сам, однако же чем лучше удобрена почва, тем выше вероятность хорошего урожая. Бог должен был пройти этот этап – не "давить" сильно на родителей, постепенно наращивая степень воздействия, надеясь на добровольное посвящение и сотрудничество с Ним человека, отдавая этим дань человеку, могущему и без особых стимулов выдавать высочайшие результаты. Человек может, но всё же испорченность среды давала себя знать, и Богу приходилось наращивать усилия. В этот раз матери очередного судьи пришлось ждать дольше и в более тяжёлых условия. Это, разумеется, навлекало критику со стороны дьявола, что по доброй воле люди не держатся Пути надёжно, он не пропускал ни единого повода указать на даже кажущийся недостаток в планах и деле Бога с людьми, но что делать... Он устраивал со своей стороны мощный саботаж, используя всякую слабость конструкции, а потом усмехался, как будто проблемы возникали по вине Бога. Хотя, с другой стороны, он сам же и давил на будущую мать Самуила, так что кто ему виноват?

Надеюсь, всем понятно, что конструкция человека не рассчитывалась на работу в режиме зла, поэтому его "уязвимости" перед злом таковыми не являются, это напротив, система балансов для гармоничного сосуществования огромного множества характеров и конструкций. Если бы кто-то попробовал изменить конструкцию живого, то получил бы нечто нежизнеспособное. Это только в фэнтези легко рисовать монстров, которые защищены со всех сторон и все воюют против всех, но это всё тупиковые направления, столь высококлассный паразитизм не может существовать без поддерживающих структур среды обитания. Даже по одной лишь энергетике такие миры выглядят сильно перекошенными, то есть невозможными.

Обретение сына

Анна, мать Самуила, пока ещё не имела детей. Её муж, похоже, при всей любви к ней и счастью с ней, рассматривал вопрос потомства очень уж серьёзно. Из-за этого он решился на шаг, который принёс в его дом существенные проблемы – в доме появилась ещё одна женщина. С ней появились вскоре и дети, но исчез мир и уют. Соперница Анны было вполне довольна собой, считала себя главной, раз она дала наследников хозяину. Первая жена была по прежнему выделяема мужем и любима, и Феннана¹ при всех её стараниях не могла этого изменить. Без-

1 В оригинале Пенина.

успешно попытавшись воздействовать на хозяина дома, она сосредоточилась на сопернице. Елкана, похоже, не замечал попыток второй жены что-то изменить, с другой стороны не понимал насколько стало плохо Анне. Он пытался утешать её как мог, но Феннана была по больному месту, по бездетности, и не давала ране заживать. Ощущая себя лишённой любви, завидуя первой жене, вторая компенсировала свою проблему насмешками и упрёками, незаметными для хозяина.

Некоторые любители споров преувеличивают влияние культуры на сознание и жизнь человека, придавая обычаям и общепринятым вещам самодовлеющее и даже абсолютное значение. Кто-то описывал подобные ситуации, как они разрешаются в восточных культурах – якобы, если жена не может дать мужу детей, тот вправе привести в дом любую согласную на то женщину, и производить детей от неё. Первая же жена в этой ситуации будет рада прислуживать мужу и его новой женщине, как бы в рамках этой культуры полностью покорная и довольная тем, что в доме появятся дети. Они скажут, что она будет счастлива этим решением, тем, что у мужа всё будет хорошо, однако я не верю, что культура, сколь бы сильна она не была, способна подавить природу человека. Да, можно верить в "у нас так принято", быть воспитанными в рамках привычных установок, и даже испытывать диктуемые обычаями эмоции, но вот что они будут без тени сомнения и оттенков боли – не бывает. Есть культуры и обычаи, противоречащие природе человека, и как бы не был мощен слой воспитания и веры в существующие порядки, природа человека пробивается сквозь асфальт и железо ростками живого.

Елкана был из тех, кто держался правильных обычаев и заданного Богом направления. Каждый год он со всей семьёй ходил на все праздники, три раза в год, в Силом, где находилось святилище с переносным шатровым храмом Моисея. Мирные жертвы принадлежали тем, кто их приносил, кроме особой доли священника, и в такие всенародные собрания люди хорошо веселились. Мужья торжественно делили доли членам их семей, первенцы и любимцы получали двойные доли. Елкана тоже наделял детей и их мать их порциями, но любимой жене доставалась большая часть. Со стороны соперницы, чувствующей себя обиженной, ведь дети были от неё, а тут дают за что-то совершенно незаслуженно двойную долю, следовали не возражения хозяину, а придирки и подколки к Анне. Нетрудно представить характер и содержание этих обидных намёков и выражений лица за спиной мужа. Анна не могла привыкнуть к атмосфере постоянных придирок, не всякий готов изменить себя на что-то грубое, да и чувствовала она себя слишком уязвимой, ей было нечем хвалиться. Хотя другие бы на её месте нашли себе опору для лучшего самочувствия и чем ответить на усмешки, но она было из какого-то иного теста. В принципе, мысль мужа была здоровой и стоящей того, чтобы принять её во внимание, что он для неё мог бы быть достаточно значим, чтобы не переживать так сильно, его любовь и их общее счастье вещи очень весомые и значимые, но всё же яд насмешек и зависти может отравлять жизнь тоже сильно. Плохо было то, что муж не мог или не сумел как-то улучшить климат в доме, урезонить вторую жену. С другой стороны он, видя сыновей и дочерей, наслаждаясь их играми и радостями, не смог понять проблемы бездетной жены. Она могла ответить – "тебе хорошо, это твои дети, а не мои", но наверное, так и не высказала этого, всё равно это ничего не изменит...

Однажды, в очередное посещение храма и пиршества там, Анна дошла до какой-то черты. Ей уже было, по всем меркам, близко к тридцати, минимум двадцать пять, если она рано вышла замуж, и тянущаяся бездетность тяготила её, ей казалось, что скоро она уже вообще выйдет из детородного возраста, и всякая надежда исчезнет. После очередных насмешек от Феннаны после раздачи долей она не притронулась к своей порции и встала из-за стола. В который раз одно и то же, и муж не может помочь, хотя и смотрит с сочувствием и сожалением, но помочь не может, слова уже сказаны. Она в слезах направилась к двору храма. Была ли у неё эта мысль сразу или

появилась лишь когда, встав, она смотрела, куда направить свой путь, но сейчас думала о Боге. Откуда-то пришли мысли, что она с такой бедой не первая, да и, видимо, далеко не последняя на Земле. Вспомнились уроки истории их народа, что праматери их все как одна имели ту же самую проблему, и что они также страдали. И даже подумалось, что им приходилось ждать куда больше, чем ей, разве только лишь Рахиль терпела шесть или семь лет. Появилась надежда, что Бог, о Котором в их доме не забывали, может помочь ей так же, как и тем женщинам, что получали желаемое даже после потери надежд. Также существенно, что в их бездетности прослеживалась явная воля Бога, Его какое-то намерение, когда Он не спешил давать им детей. Учителя народа говорили, что детей надо хорошо воспитывать, и что Бог имел именно это намерение, делая детей очень желанными, чтобы их образованию и воспитанию было уделено высокое внимание. Может быть и ей..? Недавняя история Самсона, посвящённого Богу ещё до рождения, тоже всплыла в её памяти, и она решила на обет, что её сын, если Бог услышит её и ответит, тоже будет назореем от рождения, и даже раньше, так что ей самой придётся тоже воздерживаться от винограда и вина. Забылись обиды от насмешек Феннаны, идея посвящения Богу сына завладела сознанием, она ощущала, что здесь она может иметь успех и решение всех своих проблем. А где её сын будет воспитан наилучшим образом, как не в храме их Бога? И она решила на обет назорейства для сына и что он будет отдан в храм на служение с самого раннего возраста, едва он станет немного самостоятельным.

Мне сложно судить о возможностях назореев, давало ли их посвящение им право на то, чтобы сравняться с левитами или священниками. В законах и правилах это не оговаривается. Но еврейская традиция говорит о святости назорейства, что она приближалась к таковой священничества. Святость в этом контексте подразумевается не та, что связана с праведностью, но имеется в виду сакральность посвящённого Храму. Что в иврите, что в греческом варианте, что и в русском, слово "святость", означающее совершенство праведности, производно от слова "священный", то есть имеется в виду не то, что храм требует святости (это само собой подразумевается), а что в храме могут находиться лишь посвящённые предметы и люди, отделённые от обыденного и повседневного употребления для возвышенных целей. Можно допустить, что посвящённость назорея открывала возможность участвовать в службе храма, что для обычных людей было немыслимо, доступ туда был лишь у племени Левия. Судя по Самуилу, сыну Анны, это действительно было так, хотя нигде больше такое неизвестно, и традиция иудейства как будто нигде не говорит о таких возможностях назорейства. Правда, есть ещё возможность того, что Елкана, отец Самуила, был левитом, но я не нашёл этого в Библии, хотя вполне возможно, что здесь нужно исследование родословных, о чём я не могу говорить уверенно. Но даже если он по происхождению был левитом, он не мог как левит совершать жертвоприношения, однако в реальности он делал это, и значит его назорейство расширило его возможности до уровня священника. Хотя, не исключено, что это нетипично и стало возможным как раз из-за сильного упадка просвещения, когда даже священники не изучали уставов своей службы как надо...

Она направилась к внешним воротам храмового двора, откуда собиралась обратиться к Суцему, которого присутствие находилось в каких-то полусотне шагов. Дальше во двор люди обычно не проходили, и она, остановившись у входа, стала говорить к Богу, впрочем, не высказывая ничего вслух. Её огромное огорчение заставило её высказать эту небольшую речь. Хотя содержание её уместилось в один небольшой библейский стих, но она всё говорила и говорила и не могла остановиться:

Суций Воин! Если Ты обратишь на меня внимание, на моё горе, и вспомнишь обо мне и не забудешь меня – дашь служанке Твоей сына, то я отдам его Суцему на всю дни его жизни, и бритва не коснётся его головы.

Рядом сидел на своём седалище первосвященник Илий, он обратил внимание на молодую женщину, которая ничего не говорила, хотя губы её шевелились. Слёз её он не видел, видимо она уже не плакала ко времени, когда дошла до святилища. Ему показалось не очень обычным такое поведение, молчаливое стояние без видимой цели, и он посчитал, что эта женщина перепила вина и то ли забыла, зачем пришла сюда, то ли никак не соберётся заговорить. Беспорядок мало кому нравится, а он считал себя ответственным за поведение людей при храме, он был ещё и судьёй народа в это время. Последним в книге Судей обозначен Самсон, похоже, что первосвященник застал его времена, и когда Самсон погиб, не обязательно сразу после этого, ответственность за страну и народ была возложена на него. Постепенно фигура молчащей и без цели стоящей женщины, которую он считал нетрезвой, вызвала его негодование, поэтому он наконец обратился к ней, потребовав пойти протрезвиться сначала, прежде чем делать что-то перед Богом. Однако ответ её оказался неожиданным, она оказалась совсем не пьяна, а двигало ею сильнейшее расстройство. Ему стало жалко её – что могло настолько выбить такую здравую и положительную женщину из равновесия? Он знал о своих некоторых возможностях как представителя храма и Бога этого народа, поэтому со всей душой постарался утешить её – он сказал ей, что Бог выполнит её просьбу.

Казалось бы, как он мог с уверенностью такое говорить? Если бы он был пророк, и Бог ему сказал бы, что просьбу этой женщины Он услышал и выполнит, лишь тогда он мог такое сказать – таковы обычно рассуждения современных последователей Бога. Но они не совсем правы – Илий был совсем не посторонний человек здесь и не простой прохожий (которые тоже не всегда оказываются простыми), но первосвященник, пусть и редко, но оказывающийся в присутствии Бога в день Очищения Святого-Святых, поэтому его слова весили больше, чем слова обычных людей. Да и сама Анна доверяла этой значимой фигуре среди служителей Бога, поэтому она, услышав о том, что Бог выполнит её желание, приняла это за стопроцентный факт. Она поверила, и эта уверенность, поселившаяся в ней с этого момента, изменила всё вокруг. Её печаль вдруг исчезла, хотя у неё не было ещё детей, но вдруг это перестало быть таким значимым, как прежде. Она соприкоснулась с Высшим, и оказалось, что это более значимо, чем она думала раньше. Когда любимый муж спрашивал её, не лучше он для неё десяти сыновей, это, хотя и имело смысл, для неё не казалось значимым, но когда то же самое прозвучало со стороны Бога (пусть это не прозвучало словами, но мысль такая задела её, пусть немного), то оказалось, что Сверхсущество действительно несёт что-то с собой такое, что лучше и детей, и много чего ещё... Она ощутила, что Бог из храма действительно слышал всю её мольбу, и всё изменилось. Когда она вернулась к столу, где сидела её семья, её доля всё ещё ждала её, и она уверенно села на своё место и ела с аппетитом и удовольствием. Феннана почему-то больше не могла пробить её и, возможно, что и не пыталась пакостить ей, как привыкла, что-то стало идти не так. Её прежние подколки ещё на подходе уже не звучали, и если она и пыталась что-то высказать в прежнем духе, то всё это совершенно не работало.

Когда семья вернулась домой, то прошло немного времени и в доме узнали, что Анна беременна. Теперь никто уже не смотрел на неё сочувственно или с насмешкой. Потом пришло время родиться и её желанному сыну, выпрошенному у Бога, и это самое выражение стало его именем, "Бог услышал" – Самуил. Этот мальчик со временем стал одним из сильнейших и знаменательных людей этого народа и в целом планеты. Анна заявила мужу, когда надо было идти на праздник в Силом очередной раз, что сейчас она не пойдёт туда по понятным причинам, сосредоточившись на вскармливании младенца, а когда он вырастет и сможет обходиться без неё, она отдаст его в храм, где он будет служить Богу. Елкана обладал, в принципе, законной возмож-

ностью запретить обет жены, однако ему не пришло в голову такое, он очень уважал её, поэтому подтвердил её намерение.

Случай Самуила во многом схож с обстоятельствами Самсона, но там Бог сам явно предназначил Самсона быть посвящённым, здесь это сделала мать Самуила. Можно заметить Его интерес, чтобы подвести его мать к этому шагу, то есть и в Самуиле Бог был заинтересован никак не меньше, чем в Самсоне. В принципе, в такой же мере Бог заинтересован любым из нас, разве что в те времена эти люди были нужны для обустройства служащей Богу нации, однако для любого человека нашлись бы самые блестящие перспективы, если бы наша действительность управлялась Богом.

Сильно перекошенное неравенство между известными и знаменитыми и безвестными винтиками возникло из-за эгоистичного духа, который "тянет на себя", забирая возможности у других. Там же, где все делятся друг с другом, благо может умножаться, но там, где ищут как бы отнять или украсть, общее благо не может расти без особых усилий со стороны общества. Если оставить дело идти по стихийным законам, то общество скорее разрушится, настолько всё зависит от настроения каждого отдельного человека на добро или зло. От того, насколько в стране или народе сильны настроения альтруизма или эгоизма (и тут не скажешь "при прочих равных условиях", поскольку эгоизм сильно влияет на усиление злых начал в личности и обществе) зависит, сколько усилий и затрат придётся приложить обществу на правоохранение и систему наказаний. Поэтому народы, добровольно и всей душой принявшие освобождённое Евангелие во времена протестантской эры, получили огромное преимущество и в короткое время расцветали также и в богатстве, хотя не все удержались потом на добром пути, процветание испортило их и они забыли, как пришли к этому.

Самуила лучше сравнивать с Моисеем, хотя их не всегда ставят рядом, но его значимость, влияние и сама сила личности никак не меньше во всех отношениях. Рядом с ним происходили чудеса, пусть и меньше описанные и не так яркие, как переход через море, но, пожалуй, даже более сильные и, кроме того, они происходили часто, даже постоянно. Кроме того, он сумел добиться духовного переворота в народе, возвращения людей на Путь, а это редкие явления в истории Израиля, такого успеха не имел даже Моисей. Над Моисеем его мать потрудились очень тщательно, чтобы он пропитался пониманием важности божественного Пути, не меньше усилий приложила и мать Самуила, с не меньшим же успехом. Они вряд ли совершали какой-то чрезвычайный подвиг или напрягали силы до невозможной степени, они просто работали, подмечая каждый момент, где они могли научить сына добрым вещам, не считая мелочи мелочами. Они не навязывали силой ничего, кроме некоторых требований умеренности и воздержания, в остальном действовали добром и пытались увлечь ребёнка через интерес. В такой работе неудач не предусмотрено. Если и были неудачи в случае Самсона, то лишь из-за того, что родители не оценили предоставленного им шанса и пустили дело во многом на самотёк. Если бы они постарались выполнить свои обязанности как надо, божественная помощь не замедлила бы подсказать и направить их в воспитании избранника небес, та же помощь, что была оказана родителям Самуила и Моисея, была бы и с ними.

Спустя лет пять или шесть лет (может быть и раньше) Анна снова пришла на праздник, теперь с ней был сын, к появлению которого это место имело отношение. Самуил был приведён к воротам святилища, чтобы оно стало его домом. Не думаю, что Анне было жалко выполнять обещание, то соприкосновение с Богом оставило в ней уверенность, что это не потеря, и не только ей будет радость от этого её сына. Какие-то эмоции о расставании не могли не быть, но в них не было тоски и печали. Они подошли к находящемуся на привычном своём месте первосвященнику, и Анна представила ему своего сына, сказав, что именно о нём она молилась в тот раз. Илий не знал, о чём была её просьба и теперь увидел результат не только её веры, но и своих

собственных слов, которыми он ободрил её тогда. Дальнейшие слова Анны, вероятно, были сюрпризом для старого священника – он услышал, что этот мальчик будет служить в этом храме. Такого до сих пор не делал никто, и, похоже, никому и в голову не приходило, что так можно. Но и после этого случая таких историй больше неизвестно (если Елкана был из рода левитов, то никаких проблем нет вообще). Я уже предполагал выше, что теоретически назореи могли приближаться к храму подобно левитам, но не слышал о такой практике. Однако же это произошло сейчас. Может быть даже так, что Илий пропустил Самуила в святилище лишь потому, что закон в те дни не был хорошо изучаем, однако не думаю, что дело было настолько плохо. В храм пришёл очень нужный и правильный человек, его судьба была обустроена и подготовлена Всевышним, это был Его человек специально для этого народа и именно для этого места.

Илию понравился этот славный мальчуган, очень серьёзный для своих лет. Его собственные сыновья были им избалованы и упущены, он это понимал, и сейчас перед ним был шанс что-то исправить если не с сыновьями, то хотя бы того, кто заменит их, он сделает более верно настроенным и направленным служителем. Он принял его под своё покровительство и обучение, и Самуил стал постигать премудрости и тонкости всего служения в храме. О древних днях не пишут, что детей держали в очень строгих рамках, мне трудно представить такое (нет, аргумент не моё воображение, а лишь то, что из всего, что я читал о тех временах, не было свидетельств жёсткого обращения с детьми), и думаю, у Самуила было достаточно времени для своих дел, но он со своей стороны искал не столько развлечений, сколько как бы стать всё знающим и умеющим в своём деле человеком. У Самуила было немало свободы, и что удивительно, он предпочитал, чтобы его постель располагалась около самого шатра храма, можно даже подумать, что он вообще спал в самом шатре, хотя вряд ли кому другому это разрешили бы. Но Илий видел, что интерес Самуила к Богу, и его стремление быть как можно ближе к Нему происходит не из каприза, но вполне серьёзно, поэтому не препятствовал этому. Позже в своей поэзии Давид описывал нечто близкое к этому², хотя самому ему не доводилось спать поблизости от божественного присутствия, но он явно мечтал об этом.

Анна же, передав с рук на руки первосвященнику свою драгоценность, испытала небывалый взлёт духа, и её посетило вдохновение, Бог открылся ей сильным ликованием и радости. Она не смогла сдержать слов и с её языка прозвучала ещё одна песня победы, выражающая тайны силы святых людей, причастных к жизни Бога.

Обрадовалось сердце моё в Сущем,

вознёсся рог³ мой в Боге моём

Широко открылся рот мой на врагов моих...

Лук сильных ломается, а слабые опоясываются силой

Сытые работают ради хлеба, а голодные отдыхают

Илий благословил отца и мать Самуила словами пожелания, чтобы Бог дал им ещё детей вместо отданного храму. Родители Самуила вернулись домой, и после этого у Анны родились ещё дети, трое сыновей и двое дочерей, так что жизнь удалась в полной мере и даже больше, чем она могла ожидать.

2 "Ласточка находит место для гнезда у алтарей Твоих", также "Живущий под кровом Всевышнего" имеет ту же направленность.

3 Многие презирают "травоядных", предпочитая хищников, однако же рога и копыта у травоядных бывают опасны не меньше зубов и когтей хищников. Эти инструменты доставляют повод для гордости и достоинства не в меньшей мере.

Детство и становление в неблагоприятных обстоятельствах

Условия жизни у Самуила были вполне благоприятные, не отмечено, что с ним кто-либо обращался плохо. Рядом с ним были люди очень плохого поведения, кто мог бы повлиять на него в самую плохую сторону, однако даже они обращались с ним, похоже, по дружески. Сыновья первосвященника, один из которых должен был унаследовать положение отца после его ухода, были плохими и ненадёжными людьми. Если бы Самуил попал под их влияние, то история эта была бы очень недоброй, но то ли Илий проконтролировал, чтобы мальчик не водился с его сыновьям, то ли он в силу разницы в возрасте не попадал в их круг. Они не выродились до открытого разбоя, однако их слуги приходили к котлам, где готовились мирные жертвы и брали оттуда куски без всякого спроса, хотя их доля уже была отдана им. Также их слуги запросто угрожали, требуя от человека, чтобы он дал им мяса на жаркое. Люди знали порядок и говорили, что пусть хотя бы на жертвеннике сначала принесут сало от жертвы и тогда пусть берут свою часть, но они не хотели ждать, требовали сейчас. Они не стеснялись злоупотреблять своим начальственным положением в храме. Мало кто мог им противиться, положение начальства даёт возможность злоупотребления им, и когда начальник требует чего-то незаконного, чего не положено ему, от чего он сам ещё должен предостерегать и хранить порядок, кто-то уступает не только из-за опасения репрессий, но и потому, что якобы "начальству можно" то, чего обычным людям нельзя. Их труднее приструнить, и иной раз невозможно ограничить напрямую, но всё же, как пишет Соломон, "над высшим наблюдает ещё высший", и умение и даже искусство найти управу на нарушающего порядок должностного лица создаёт качественное гражданское общество. Хорошо отлаженный государственный механизм не возникает сам по себе.

Илий сам по себе был хорошим человеком, однако этого оказалось слишком мало для того, чтобы и дети пошли по его стопам. Он был слишком мягок с сыновьями, не ограничивал их ни в чём, где это нужно было делать, был слишком снисходителен к их шалостям, и постепенно в сыновьях стал проявляться недобрый характер. Он же, видя эти злые черты, так и не нашёл в себе сил остановить их, точнее, просто преступно пустил дело на самотёк. Многим на самом деле кажется, что если с проблемой ничего не делать, то она рассосётся сама по себе, только этот подход, да и то ограниченно, годится лишь к прыщикам на коже. Имея дело с детьми, приходится сталкиваться временами с вещами, которые требуют вмешательства и коррекции, чтобы характеры не пошли вразнос, и это дело требует воли и твёрдости. Есть немало людей, кто легко переключается из комфортного состояния в то, которое требует этот момент – а это почти что боевое расположение духа. Но некоторым кажется так трудно переключиться, вот всё шло так комфортно, и начать воспитывать ребёнка сейчас – это так не вовремя, это значит потерять всё удовольствие момента. Эта любовь к комфорту сейчас приводит к большим потерям завтра. Ради завтрашнего дня, ради блага самих детей нужно переключиться. Потом они могут проклясть вас за преступное легкомыслие, сами собой злые черты характера не проходят. Иной раз и прохожий может значительно помочь с этим, но линия обороны и защиты нравственности нового поколения проходит вообще-то в доме.

Лишь однажды Илий собрался с духом, чтобы повлиять на сыновей. Это было вообще-то слишком поздно – когда он собрался сделать им всего лишь выговор, то повод к разговору был более чем серьёзным – кто-то донёс до ушей Илия возмущение, что его сыновья спят с женщинами, ночующими у ворот храма, также о насилии и угрозах в отношении доли мяса с жертв от приносящих жертвы. Эти вещи крайне возмущали людей и у многих пропадало желание идти в храм, отталкивая людей в незаконные формы жертвоприношений, а то и вообще в язычество. За такие вещи полагалась если не смертная казнь, то немедленное отстранение от должности, однако Илий собрался всего лишь поговорить... О халатности Илия говорит уже то, что при сложившемся положении просто-напросто уменьшались их собственные доходы, но даже это не заставило его принять соответствующие меры. Да и разговор его вышел даже не выговором, а прось-

бой. Как и следовало ожидать, это неадекватное моменту мероприятие не оставило следов на сыновьях. Хотя в целом то, что он им сказал, было очень серьёзным, но для этого были нужны более внимательные уши и более адекватный обстоятельствам подход со стороны самого Илия, даже тон голоса. Мягкий же просительный тон Илия скорее усилил в них настрой продолжать в том же духе.

С Самуилом же Илий в какой-то степени реабилитировал себя, воспитав из него гораздо лучшего человека, чем своих собственных детей. Помогало, конечно, и то, что Самуил был совсем из другого теста, внимательный к любой науке и просто серьёзный во всём, что было связано с обязанностями. Сказалось воспитание матери, готовящейся не просто отдать его по достижении возраста в храм, но готовящей его к высшей ответственности. Его посвящение в назорей также играло роль, и он от начала был чётко наставлен, что он связан с Богом самым непосредственным образом. Так что Илий с ним просто отдыхал душой, потому что этот мальчик не противился наставлениям, как его сыновья, но впитывал всё как губка. Думаю, что в раннем детстве легко может быть заложен подобный фундамент, так что у детей может быть интерес к вещам серьёзным не меньший, чем к развлечениям. Им нужно сообщить, что их характеры требуют наблюдения, чтобы они понимали необходимость поправок в себе, тогда будет нетрудно им указать на отклонения. Это необходимая часть становления личности.

Где-то после разговора первосвященника с сыновьями, который ни к чему их не обязывал, в храм пришёл вестник, принесший приговор. Илий пропустил все возможности и сроки исправить ситуацию с сыновьями, не обуздал их вовремя, не отстранил их, когда до него дошли вещи о вопиющих нарушениях, и, кажется, наступило время, когда исправить сыновей стало уже невозможно, оставалось лишь ждать, когда свершится приговор оскорблённого Бога. Хотя было не поздно лишить их священства, но почему-то Илий не сделал даже этого. Не смог? Не захотел? Есть ещё один вероятный момент в этом деле, который напрямую не освещён нигде – дело в том, что священников было не так уж мало, их род насчитывал десятки, если не сотни человек, однако же Илий, став первосвященником, почему-то не спешил давать работу своим родственникам, а продвигал только самых близких из них, остальные же, похоже, оставались вдали от святилища. Илий был не из рода Финееса и, кажется, считал их конкурентами, непонятно каким образом он однажды отодвинул их от служения, и при том, что место первосвященника было обещано потомкам Финееса, он удерживая, место незаконно, боялся их возвращения, понимая, что он и его потомки уже не смогут занимать высший пост в храме. Может быть, он также считал, что в храм приходит не много народа и на пропитание многих не хватит их даров и приношений с десятинами. Возможно, что он не доверял кому-то из братьев и племянников по тем или иным причинам, объективным или нет. Если было слишком мало приходящих в храм по причине уклонения многих в язычество, то нужно бы было делать как раз наоборот – усилить работу храма, направить усилия на просвещение и воспитание, но то, что сделал Илий, независимо от побуждений, из которых поступил так, работало как раз на ослабление веры и духовности народа. То, что он не пускал остальных из священнического рода, было злом, и отчасти и послужило тому, что сыновья полностью распустились. Они, возможно, даже знали, что отец не подпустит никого другого к храму, и поэтому ощущали себя незаменимыми, почему и позволяли себе нарушать правила. Пророк, пришедший к Илию, передал ему слова Сущего, что они попирают ногами Его жертвы и что Илий предпочитает своих сыновей Богу.

В этом послании Сущего прозвучали важные слова о перемене времени, точнее, политики Бога по отношению к Его народу. Если раньше Он защищал тех, кто принадлежал Ему практически всегда, то сейчас, передал пророк, "Я буду прославлять тех, кто прославляет Меня", те же, кто бесславит его, будет посрамлён. Божественная защита была снижена на одну ступень, с можно сказать абсолютной стала, своего рода, интерактивной, зависящей от настроя и состояния пациента.

Было произнесено также некоторое проклятие, которое Илий долго и тщательно зарабатывал для себя и своего дома – в их домах не будут жить до долгой старости, притом что все остальные не будут замечать этих проблем, это коснётся только рода Илия. Сыновья же, Офни и Финеес, было сказано, умрут в один день, а вместо них будет поставлен другой священник, к которому будут приходить потомки Илия и просить, чтобы он взял их хотя бы на левитскую должность, чтобы иметь кусок хлеба. Для Илия, оттеснившего родственников от святилища, это было, наверное, самым чувствительным ударом, с этого началось его падение. Но, похоже, что он не проникся вестью пророка, ему было трудно поверить в перемены после стольких лет, в которые ничего не менялось. Может быть всё-таки как-то пронесёт? – ведь Илий старался делать всё как можно более верно и правильно, надеясь, что правильность в одной области как-то поможет исправить то, что оказалось перекошено и осквернено. Только возможно ли заменять долг чем-то другим, что легче даётся?

Многим кажется, что возможно добром и праведными поступками покрывать сделанное зло и грехи, как если бы это были весы-балансир с двумя чашами, на одной стороне которых находится праведное начало человека, а на другой злое, и что перевешивает, то и засчитывается человеку (такое линейное представление может отчасти быть справедливым в отношении количества зла или разрушений в этом мире, но не в области праведности и греховности...). Но нет, если бы даже это были и балансиры, то на одной стороне весов находятся гири, а не другая сторона нашей природы. Гири как мерило указывают на закон, которым измеряются качества и поступки человека. На другой стороне весь человек, и если в нём зло, то его вес облегчается, мельчает, он не основателен, всем известны слова из книги Даниила, обращённые к Валтасару – "мене, мене, текел". "Взвешен, найден лёгким", то есть не соответствует эталонным образцам.

Многие люди хотели бы соответствовать, но когда пытаются делать это, то обнаруживает, что это вовсе не просто, что в человеке есть какие-то то ли неосознаваемые, слабо управляемые свойства, направляющие нас, редко или часто, к действиям разрушительным если не для нас самих, то для других, проявляется ли это в словах или в действиях.

Когда человек делает что-то неправильное, он теряет связь с Богом. Да, все люди имеют с небом большую или меньшую степень связи, у каждого есть охрана от тёмных сил, и даже недобрые люди до поры до времени имеют этот покров и защиту. Тёмные силы тоже имеют влияние на человека, и наш выбор между этими направлениями определяет результаты, чем мы пропитаны. Добрыми делами не создаётся праведность, Бог уже пытается хранить нас на этом пути, и добро, делаемое нами, лишь поддерживает эту связь с небом, этим подтверждается, что мы хотим оставаться в этом. Грехи потому и переживаются многими поначалу как потеря чего-то очень важного, что теряется присутствие Бога с нами, как ребёнок в начале своей жизни сильно зависит от присутствия матери, и оно для него очень материально и осязаемо. По мере развития и обретения самостоятельности мы перестаём ощущать ту зависимость, примерно то же и со связью с небом – если развиваться в плохом, то это усиление тёмных начал приведёт нас к независимости от неба...

Человек может изменяться в течении жизни, уклоняясь от Пути и затем под влиянием разных вещей возвращаться к нему снова, в этом можно видеть борьбу этих начал и развитие самого человека, или же можно сказать, тех принципов и начал, что свойственны ему. Это очень долгая история – вызревание идей и развитие тенденций, накопление и наработка привычек, оценка и переоценка результатов, коррекция в зави-

симости от поставленных целей, и от оценки самих целей, насколько они были нужны вообще или верно ли были поставлены. Как мне кажется, этот процесс не бесконечен, это наука и знания могут развиваться бесконечно, но осознание принципов жизни и смерти, воплощаемых в поведении и выборе, раньше или позже исчерпываются, и приходится делать финальный выбор. Многие люди и не собираются разбираться в этих вопросах, делают выбор стихийно, и если выбор в сторону зла скорее естественен (в силу того, что называют греховностью), то в сторону света выбор хотя и приветствуется небом, но Бог не оставит человека в слепоте даже если он сделал плохой выбор, и так или иначе свой выбор человеку придётся не раз подтверждать и он будет неизбежно приведён к большей осознанности, такова уж природа Бога и всего Его царства.

Один или даже сотня грехов не приведут к полному оставлению Богом, но нужно понимать, что как мать может наказать ребёнка угрозой оставления, если он капризничает, так и Бог отходит от человека, так что совестливый и сознательный человек заметит разницу в состоянии связи до и после поступка, неодобряемого небом. Илий здесь, упорствуя в своём ключевом грехе вытеснения родственников из бизнеса, забрав всё в храм в руки только своей семьи, не поддавался исправлению. Бывают люди, неплохие почти во всём, но капризно держащиеся всем существом одной какой-то пусть даже мелочи, губят всё доброе, что они делали в жизни. Отказом исправиться они всё больше рвали связь с Богом, пока время испытания не выходит полностью. То, что они пытались делать много добра, только усиливает их ответственность за сопротивление в одной-единственной мелочи... Иной раз на это даётся вся жизнь, но она ограничена, поэтому испытание заканчивается на этом, но всё же в неопределённости человек редко остаётся слишком долго.

Через поступки происходит усиление, укоренение принципа, воплощённого в поступке. Мы питаем своим выбором и его осуществлением либо тёмное начало, либо светлое. Илий постоянно и неуклонно подпитывал одно небольшое зло конфликта со своими родственниками священниками. Этим он делал напрасными все остальные правильные дела. Эти дела несли добро кому-то, но для себя лично он устраивал совершенно иную судьбу. Если человек не отрекается от недоброго в себе, то этого более чем достаточно, чтобы разорвать связь с Богом.

Самуил – пророк

Состояние нации оставляло желать лучшего. Похоже, что в конце времени судей святилище регулярно посещали немногие, и Илий в целом скорее отталкивал людей от живого Бога, чем способствовал укреплению основ. Сам он, если бы не было его сыновей или если бы он держал их покрепче, как от него требовалось, мог принести больше добра народу, но влияние его сыновья превышало все его старания, и он мог спасти дело только наведя порядок с ними. Самые худшие времена Израиля, в моём понимании, характеризуются редкостью или угасанием пророчеств, когда Бог не находит людей, кого Он мог бы послать с вестью, когда нет тех, кто интересуется Его делом. Или когда Он уже и не хочет посылать никого к этим потерявшим смысл людям, которым не надо ничего, кроме как взять свой маленький кусок жизни и уйти в пустоту без цели и смысла. О этом времени, когда Бог заговорил с Самуилом, сказано, что видения были редки.

Самуил спал, как я думаю, снаружи храма у стены Святого-Святых, хотя можно подумать и о том, что это было внутри него, в первом отделении, где за второй завесой стоял ковчег завета. Светильник во Святом ещё горел и Самуил ещё не спал, когда услышал голос, обращающийся к нему: "Самуил, Самуил". Он посчитал, что его зовёт первосвященник, и он, вскочив с места, по-

бежал к нему со словами "вот я!" Илий сказал ему, что не звал его, и Самуил вернулся на свою постель.

Тот же самый зов раздался во второй раз, и так же Илий отослал его назад, сказав, что не звал его. Он мог подумать, что Самуил услышал что-то издали и спутал что-то, по другому было сложно объяснить случившееся. На тот момент Самуил ещё не сталкивался с подобным, хотя, возможно, ему и рассказывали, как Бог мог говорить прямо из Святого-Святых – там над крышкой ковчега постоянно сияло свечение между херувимами, означавшее Его присутствие среди людей. Но этот голос Сущего был пока незнаком Самуилу.

Когда Самуил пришёл в третий раз, докладывая, что явился по зову Илия, первосвященник понял, что происходит. И он сказал воспитаннику, как надо отвечать, и что это голос не человека. Нужно было ответить – "говори, Сущий, твой слуга слушает". Эта инструкция взволновала Самуила, и он, вернувшись на своё место, стал ждать повторения. Бог снова заговорил с ним, Он хотел что-то сказать, и очень терпеливо, оказывается, ждёт его ответа.

Это тоже характеризует Бога – Он мог бы без всяких подходов просто сказать то, что Самуил должен передать, однако прежде чем начать говорить о деле, Он устанавливает личный контакт с неопытным мальчиком. Любой человек на свете интересен Ему, с каждым Он хотел бы время от времени говорить и общаться – я лично в этом очень уверен, хотя мало чем могу удостоверить это своё впечатление о Нём. Будь мы чуть более направлены в своих мыслях и интересах в Его сторону, намного больше людей могло бы рассказать о встречах и контактах с Создателем миров.

И вот в четвёртый раз послышались слова – "Самуил, Самуил!" От волнения Самуил пропустил имя Бога, но в целом сделал как ему было сказано – "говори, слуга Твой слушает". И с этого момента он стал связным между Богом и людьми, пророком. Голос, говоривший с ним, был таким же, как и человеческий, только неизвестно, в данном случае слышал ли его только Самуил, или же, если бы кто-то в это время был рядом, мог тоже его слышать. Бог сообщил Самуилу, что надвигается время немалого кризиса, о котором, "кто услышит, у того зазвенит в обоих ушах". Илий своим преступным бездействием, которое усугублялось как раз тем, что он во всём остальном показывал себя неплохим человеком (именно поэтому осознанное сопротивление уставам его службы выглядит ещё преступнее, а не покрывает его проступки, как считали бы сторонники самоправедности), навёл на себя и на страну большие проблемы. Ему было дано время на осознание и исправление проблем с сыновьями, и он его бездарно прождал, не собираясь ничего менять, только ожидая наказания, понимая, что Бог им крайне недоволен. И оно пришло.

Самуилу было сообщено, что скоро всё, о чем Илий был ранее предупреждён, наступит, и что теперь вина дома Илия не может быть заглажена никакими жертвами. В Библии есть понятие "непрощённого греха", и это как раз этот случай. Многие по простому склонны считать, что непрощаемые грехи это какие-то особо тяжёлые грехи, но это не совсем поступок или действие или бездействие, но черта, когда время испытания оказывается пропущено, когда человек откладывал исправление в бездействии и нежелании менять привычный круг вещей, в то время как ему было указано на это достаточно явным и понятным способом, так что он прекрасно понимал свой долг или обязанность, но игнорировал предупреждение. При таком поведении способность человека к осознанию неправильности своего поведения или дел постепенно слабеет, моральная чувствительность или совесть перестаёт различать добро от зла, привычка к тому, что Бог хочет видеть исправленным, усиливается. В общем, любой грех, большой или малый, может стать непрощённым.

Наутро Самуил занялся всеми своими обычными делами, и с отчётом к первосвященнику он не спешил. Ему было страшно идти к нему с такими страшными известиями, тем более, что

Бог не стал его отягощать ответственностью явным образом, снисходя к его слишком молодому возрасту, понимая привязанность к Илию. Но всё же он должен был рассказать, потому что сказанное ему касалось совсем не его лично. Он это понимал, но тянул время. Наблюдавший за ним Илий видел, что Самуил избегает контактов с ним, и понимал, что Самуил имел нелёгкий разговор ночью, и понимал, что он касался его. Он вызвал Самуила к себе и дал ему ещё одно наставление, которое было абсолютно верным, как и многое, что он делал для народа и храма. Он сказал Самуилу, что он не может скрывать в себе того, что сказал ему Бог, и что Бог его накажет, если он будет скрывать данную ему информацию, если она предназначена для кого-либо или для народа. На нём была ответственность пророка. До этого Самуил был верным и честным служащим храма, делая всё безупречно, как его учил всему Илий, и теперь он удостоен ещё более высокой чести, гораздо большей, чем имеют все священники и левиты, не могущие приближаться к Богу напрямую. Но и спрос за это соответствующий. Тогда Самуил передал всё как есть, при этом трепеща за своего духовного отца, который был ему как отец уже. Илий же, ощутив и поняв, что ничего уже не изменить, и не стал пытаться менять что-то, хотя вполне мог уменьшить зло, причиняемое народу и самому делу, которому служил, только вздохнув, что Сущий сделает то, что Ему угодно...

После этого случая Самуил продолжал время от времени слышать этот голос и получал вести для разных случаев. Скоро весь народ узнал, что Бог удостоил Израиль чести, поставив им Своего вестника.

Потеря Ковчега

Филистимляне оставались сильным противником для Израиля, и ещё со времён Самсона считали, что евреи были когда-то их владением. Не всегда им удавалось брать с них дань, но они долгое время контролировали или пытались контролировать какую-то часть территории Израиля. Время от времени между ними происходили столкновения. В северной части Израиля, на территории, которая должна была давно принадлежать ефремлянам, однако же на практике побережье Средиземного моря принадлежало филистимлянам, как и немалая часть владений Дана. Здесь собрались войска евреев и филистимлян. Произошло сражение и евреи были поражены в первый день этой войны. Вернувшись в свой лагерь, евреи занялись анализом случившегося. Само желание подвести итоги и сделать выводы в стремлении к победе и просто чему-то большему и высшему было делом совершенно верным. Старейшины даже коснулись ключевой темы, но как-то слегка и не с той стороны. Они подумали, что с ними не было Сущего в этот день, поэтому они потерпели поражение. В принципе как бы верно, но вместо того, чтобы дать Ему больше места в самих себе, вместо того, чтобы проверить себя и свои ряды, нет ли чего-то препятствующего Ему находиться с ними и помогать им, они решили вопрос чисто механически – решили вызвать ковчег Завета к себе в лагерь. Насколько я понимаю, это было необязательным, обычно ковчег оставался в лагере. А здесь они решили всё за Бога, посчитав, что Он обязан делать всё для них уже в силу лишь Своего присутствия... Но о том, что Его присутствие для не подготовившегося к этому может быть смертельным, они не хотели думать.

Поскольку на войну собрались многие племена и их вожди, их требование было удовлетворено, Илий не нашёл причин отказать им, хотя ему было тревожно и беспокойно на душе. Сопровождать ковчег отправились оба сына Илия. Предчувствия давили первосвященника, он помнил, что Бог высказал о них Своё недовольство и намерение наказать их. Но сделать что-либо он не мог – он до сих пор не пытался со своей стороны исправлять свои и сыновей упущения – теперь же, когда приблизилось время исполнения наказания, он обнаружил, что ничем не может отвести надвигающиеся беды. Однако же при всём том он беспокоился не столько о сыновьях, с их участью он как-то примирился, зная свою вину за их испорченные характеры, сколько о ковчеге, сердце Израиля и средоточии его славы.

Когда ковчег появился в лагере, все встречали его с огромным энтузиазмом. Крики множества людей были таковы, что их слышали даже в расположении филистимлян. Они поинтересовались, чем вызвано такое ликование, и узнав, что к евреям пришёл их Бог, испугались. Правда, евреи слишком рано радовались, а филистимляне рано расстроились, этот живой Бог не собирался быть игрушкой в руках тех, кто не вникал в Его уставы и порядки, кто хотел пользоваться Его силой по своему разумению, не стремясь узнать о Нём ничего. Особенно оскорбительным для Него было то, что двое Его служителей давно были чуждыми Ему, и отбросили даже внешние приличия. Будь Офни и Финеес другими людьми или будь они заменены на верных людей, скорее всего Он дал бы евреям успех в их деле, других препятствий к этому не было, но сейчас все, связанные с этими священниками, должны были потерпеть поражение. Дело Бога должно делаться чистыми руками, с этим у Него строго. Если кто-то сейчас скажет, что негативных примеров было очень и очень много, я соглашусь, но только конец тех, которые будут в этих примерах, тот же самый, что и у Офни с Финеесом. Мало ли кто при жизни не получил по заслугам, это ещё не конец, все встанут для получения заработанного ими, и расплата будет полной.

Филистимляне, поначалу упав духом, всё же не отказались воевать, напротив, они проявили мужество и несгибаемость, решив сражаться, и будь что будет. Они показали хорошее знание истории, помня и перечисляя дела Суцего и Его мощь. Однако при этом они не хотели показывать слабость, не желали быть покорёнными, не хотели меняться местами с евреями, которых в немалой степени если не презирали, то смотрели на них свысока. Поэтому они настроились пусть на гибель, но они будут сражаться.

Войска вышли против друг друга и сражение состоялось. Филистимляне, к своему удивлению, если и были поражены в этот день, то удивлением, как легко им удалось разбить израильские войска. Из евреев погибло тридцать тысяч, остальные разбежались по домам, были убиты и оба сына Илия. Однако самым страшным было то, что филистимляне забрали ковчег, защитников у которого не осталось. Для них это всё было неожиданно и удивительно, но они были рады такому успеху, их боги, судя по такому их успеху, нежданно оказались как будто сильнее еврейского Яхве. Возможно, что они даже недоумевали по этому поводу, они сами знали о том, что этот Бог был куда сильнее всех богов Египта вместе с его жрецами и фараоном и его армией, а тут их не самые сильные боги вдруг пересилили самого Суцего (в язычестве каждый бог заведует своим делом, в то время как Единый держит в своих руках всё)... Что-то было в этом деле не так, и они скоро в этом убедились.

Один человек прибежал с поля сражения, чтобы принести весть о случившемся. Он сначала объявил о разгроме их войска в городе, что вызвало плач и вопли горя у слышавших это. Сидевший у ворот святилища Илий потребовал сведений, он всё это время, как ковчег забрали на войну, переживал о нём, и вот к нему подошёл вестник и объявил, что народ был разбит в сражении с филистимлянами, что оба его сына погибли, и что ковчег Суцего взят врагами. Первое и второе было плохими новостями, но услышав о пленении ковчега, Илий не перенёс этого. То, что его сыновья своими бесчинствами давно уже осквернили святилище и оттолкнули многих от живого Бога, он не переживал сильно, но когда предмет славы и гордости народа попал в руки к врагам, это оказалось более чем чувствительно. Он понимал, что это он довёл ситуацию до такого печального и позорного состояния, что это никакая не случайность. Он был довольно тучным человеком, и когда упал навзничь, его шейные позвонки не выдержали неудачного падения и он умер. Эта беда не была последней в доме Илия. Жена Финееса была беременна и её срок уже был близок, и когда она услышала все эти новости о ковчеге, смерти мужа и свёкра, то упала на колени и у неё начались схватки. Роды были неудачны для неё, хотя сын родился благополучно, но что-то в ней было поражено очень сильно, и она умирала. Хотя как женщина она не имела никакого доступа к святилищу, но в отличии от мужа, Бог и Его дело для неё были вещами высокой ценности. Она ощущала беду и бесславие момента, и назвала сына этим словом – "бесславие",

Ихавод. Женщины, помогавшие ей с родами, утешали её, пытались отвлечь её, говорили, что у неё сын, но ничто не смогло ей помочь, она умерла.

У филистимлян же был большой праздник и ликование. Взятый ковчег великого Бога они принесли его в Азот (или Ашдод, как в оригинале). Там они поставили его в храме Дагона, бога имевшего, как говорят некоторые источники, вид рыбы. Хотя на другом языке это слово означало "колос", что ближе к делу, поскольку Дагон покровительствовал земледелию. Ковчег Сущего был поставлен рядом со статуей этого бога, как бы под его сенью или покровительством. Но если Сущий, можно сказать, универсал, заведующий всем на свете, то Дагон заведует лишь частью мироздания, являясь персонификацией или отражением одной из частей Сущего. Филистимляне, думая, что раз они победили евреев, то и вольны принижать значимость Яхве, несколько ошиблись. Наутро кто-то вошёл в храм и увидел поразительную картину – Дагон (в смысле его статуя) лежал лицом вниз перед ковчегом. Конечно же, он не сам ожил и сошёл со своего места и лёг, это было сделано сопровождавшими ковчег служителями Бога, охранявшими ковчег, и это были не люди. Я вполне могу допустить, что Бог вполне мог заставить двигаться и саму статую, Ему это не было трудно, но всё же склонен считать, что и в применении Своих способностей Он проявляет определённую постепенность.

Жрецы Дагона, придя, вернули статую Дагона на её место, однако это событие гоняло мурашек по их коже. Вряд ли в своей жизни они видели хоть одно чудо со стороны своих богов, которым посвятили свои жизни, и вот теперь сподобились увидеть нечто, не укладывающееся в их реальность. Мало того, что они увидели сверхъестественное, но их бог при этом оказался то ли поклонником Сущего, то ли просто унижен более сильным.

На следующее утро они опять увидели новый порядок в святилище у Дагона – снова Дагон лежал ниц перед ковчегом Сущего, только голова и руки его, отдельно от тела, лежали на пороге... С тех пор суеверные жрецы Дагона и посетители святилища не наступают на порог, он стал для них освящён прикосновением головы и рук бога.

Жители Азота тоже получили немало проблем с тех пор, как захваченный в добычу священный предмет Израиля оказался у них – у многих, если не у всех, на коже появились всякие болячки, опухоли и наросты. Жрецам Дагона не нравилось, что их бог подвергается унижению, и ковчег сначала вынесли из храма, а когда жители города готовы были взбунтоваться – все понимали, откуда у них проблемы – кто-то предложил вынести ковчег за пределы города, за стены. С ним обращались уважительно, думаю, он не стоял в поле под открытым небом, но под каким-то кровом, однако они всё ещё считали еврейского Бога своей добычей и не собирались признавать Его. Поэтому санкции продолжались – поля окрестностей Азота наполнились грызунами, уничтожающими урожай. Наросты также не исчезали, и в конце концов азотяне предложили передать ковчег пленённого ими Бога соседям, в Геф. Гефяне с опаской приняли его, отказаться от такой чести сразу они не догадались, но едва начались те же проблемы с кожей и нашествием мышей в полях и кладовых, очень быстро продолжили эстафету, предложив передать ковчег дальше, в Аскалон. Жители Аскалона были уже хорошо наслышаны, и вместо радости, что к ним пришёл переходящий приз, вместо того, чтобы разделить славу победителей, стали громко возмущаться, а кто-то и плакать, что и к ним добралась их погибель.

К их чести надо сказать, что ни одному филистимлянину и в голову не пришло (по крайней мере, свидетельств об этом не осталось) уничтожить ковчег. Они знали дела Сущего и всю историю, сколько Он успел причинить бед тем, кто противился Ему. Может быть кто-то и проронил такое предложение, но те, кто это слышали, пресекали такие предложения на корню. Самоубийц не было, тем более пострадали бы не только сами разрушители, но и целый край.

Наросты и болезни, насланные Сущим, были достаточно серьёзными проблемами, некоторые от этих болезней умирали, так что жители и князя Аскалона созвали представителей власти

со всех городов и территорий и выставили предложение, звучащее как требование – вернуть ковчег Сущего обратно Израилю, пока они ещё живы. Чем дольше ковчег находился в филистимской земле, тем больше увеличивался страх перед ним. Впрочем, мог быть ещё один выход – признать Его своим Богом, срочно начать изучать Его законы и правила, но филистимляне видели пример евреев, их соседей, что они не очень-то и служат этому Богу, хотя Сущий превосходит всех богов других народов. Они были уже наслышаны о этих правилах и законах, и не многие ими вдохновлялись, особенно глядя на соседей, как они неохотно служат Ему и часто прибегают к их богам. Избавиться от проблем, приняв Сущего и слушаясь Его правил, или же просто удалить от себя Его ковчег и спокойно продолжать жить как жили – что проще? Вот и они думали также...

Возвращение Ковчега

У филистимлян ковчег пробыл семь месяцев. Поначалу им казалось, что победа над Богом евреев даст им что-то, однако крупные проблемы из-за нахождения святыни Сущего на их земле не дали им долго радоваться. Сейчас они стояли перед проблемой больших угроз своему народу, точнее, той области, где находился этот священный предмет. Если ковчег передавали кому-то, то беды начинались там, а в прежнем месте жизнь налаживалась. И тех, кто согласился бы терпеть его у себя ради славы других, не находилось. Все дружно отказывались от того, чтобы держать его у себя, и голос аскалонцев был подхвачен, в конце концов, всеми. Решив позвать на совещание своих жрецов, филистимляне поступили мудро, это всегда правильно, когда решение принимают с учётом знаний и советов специалистов. Духовное сословие разных народов и религий накапливает ценные знания о жизни, о человеке и сверхъестественных вещах и технике безопасности обращения с ними. Вырождение может касаться и их, когда туда идут люди, думающие, что там можно не работать и жить припеваючи, этим они ставят свои народы и страны под угрозу распада и исчезновения. Вот у евреев именно это и имело место быть с сыновьями первосвященника, почему и священный предмет оказался в плену у врагов, и это были лишь краткосрочные последствия, и если бы не Самуил, которого Бог успел подготовить, то могли бы наступить и гораздо худшие последствия.

Жрецы филистимлян выглядят суровыми критиками вождей и народа, указывая им на опасность следования путём упрямства и гордыни, то есть они бы вернули ковчег завета Израилю раньше, чем это догадались сделать обычные люди, хоть князя, хоть народ. Они предложили принести жертвы повинности, хотя и не по правилам закона Моисея, но достаточно разумным. По числу областей, подвергшихся наказаниям от Сущего, нужно было сделать по пять золотых изображений мышей и наростов, и положить их в ящик на колеснице, на которой будет поставлен ковчег. В колесницу нужно было запрячь двух коров, телята которых оставались дома, и по поведению коров, которые по естественному порядку вещей должны бы повернуть к дому, к своим телятам, смотреть, куда они пойдут. Если они пойдут домой, то ковчег должен оставаться у них, и все их проблемы случайны, это простое совпадение с нахождением израильской святыни в их земле. Но если они не пойдут к себе домой, но в сторону Израиля, то это воля Сущего, и после ухода ковчега их беды прекратятся.

Собрание послушалось своих жрецов, всё было сделано по их совету, и все смотрели, как коровы, мыча, шли тем не менее по дороге на Израиль. Их провожали наблюдатели, никто не вмешивался и не управлял коровами или повозкой. Провожавшие ковчег видели, что когда коровы дошли до полей Вефсамиса, то остановились там. Люди, работавшие на полях, встретили ковчег с большой радостью. Наблюдатели видели это всё и затем вернулись к себе рассказать, чем закончилось дело. Соприкосновение с живым Богом, хотя и осталось в памяти этого народа, но непохоже, что оно принесло филистимлянам какую-то пользу, к чудесам всё же нужен ещё и хороший пример или хотя бы какие-то пояснения.

Жители Вефсамиса позвали левитов, и те сняли ковчег с повозки, установив на камень, бывший на том поле. Люди принесли жертвы, пользуясь случаем, в благодарность за избавление как самого ковчега из плена, так и за то, что Бог не покинул их, как многим это казалось. Правда, среди жителей городка нашлись слишком любопытные, желавшие узнать, что находится под покровами ковчега – он никогда не переносился в открытом виде, в перемещениях его накрывали те покровы, что служили крышей храма. Погибло семьдесят любопытных (в Вефсамисе с окрестностями всего населения было не более пятидесяти тысяч, так что погибло не всё население района, а из всех эти пятидесяти тысяч только семьдесят), что немало напугало людей и вызвало большой плач. Выглядит так, будто они были умерли не мгновенно, едва приподняв покрывало, а спустя некоторое время, либо поглядеть на ковчег попытались уже после окончания жертв, иначе гибель людей могла расстроить церемонии левитов с приёмом и обустройством ковчега в этом месте и жертвоприношениями. Многие не могли понять требований не смотреть на то, что им хочется посмотреть, и ощутили себя неуютно, их Бог оказывался очень строгим. Хотя другие боги бывали ничуть не мягче, а часто вообще требовали крови на пустом месте, по сравнению с Суцим.

Расстроившись из-за гибели семидесяти человек, жители этого городка решили, подобно филистимлянам, избавиться от ковчега, слишком уж грозного для слабо воспитанных людей, и послали в соседний город, чтобы те взяли ковчег Суцего к себе. В Кириаф-Иариме люди были посерьёзнее, они забрали ковчег к себе, устроили его в одном из домов, хозяин которого пожелал хранить его у себя. Авинадав, взявший на себя обязанность хранителя ковчега, посвятил своего сына, чтобы он был его хранителем, и немало лет ковчег провёл в этом доме. Хранящие его люди даже не пытались совершать какие-то обряды и церемонии, не брали на себя роль священников, только берегли святыню своего народа.

Успехи Самуила. Школы пророков

Святылище осталось в некоторой степени разорённым. Стены храма остались без священников, которые погибли, как и первосвященник, ушедший вслед за сыновьями. Конечно, клан священников никуда не делся, но некоторое время было замешательство, может быть связанное с тем, кто теперь может или имеет право занять высший пост в левитской системе служения. Так или иначе это решилось, возможно, что какие-то сведения могли сохраниться среди священников, но это мало кому известно, если известно вообще. Так что храм остался на попечении Самуила, который, скорее всего, участвовал в выборе или даже назначении людей, которые заняли место Илия и его сыновей. Некоторые обряды стали невозможны, пока в храме не было ковчега, но для большинства жертв ковчег не требовался, и народ по-прежнему приходил за освобождением от вины и просто выразить благодарность Богу в праздники. Самуил, к тому времени постигший многое, не упустил этой трагедии, чтобы не сделать из неё уроков и выводов, а также не упустил ни одного шанса, чтобы донести их не только до всех посетителей святылища, но и всей страны. Те, кто в прежние дни прекратил посещения храма из-за бесчинств сыновей первосвященника, снова начали приходить сюда, услышав о суровом возмездии Бога тем, кто оскорблял и их. Слушая Самуила, объяснявшего им суть обрядов, совершаемых для них, и причины успехов и провалов, люди заново открывали для себя своего Бога, и это оказывалось неожиданно интересным и привлекательным.

Самуил понимал, что три посещения храма по праздникам в год будет слишком мало для успешного воспитания, и он придумал или изобрёл нечто, что должно было бы быть сделано давным-давно. Он устроил школу. Её называли школой пророков, хотя там вряд ли учили на пророков (хотя и не без того). Её можно назвать школой актива, там учили тех, кто заинтересовался Богом через пример и речи Самуила, кто желал стать ближе к Богу. Там Самуил обучал молодых людей работать с массами. Фактически эта работа не новая, это была задача левитов, которых было намного больше, чем требовалось для служения в храме, и все, свободные от хра-

ма, должны бы были заниматься просвещением всех остальных. Вполне возможно, что с леви-тов Самуил и начал, но поскольку ходить по стране с уроками и просветительством не было свя-зано ни с какими обрядами, то этим могли заниматься и все остальные. Так в его училищах, а со временем их возникло несколько, были собраны многие, имевшие талант и способности к рабо-те с людьми. Их он готовил, обучая законам, чтобы люди не были безграмотны, чтобы искоре-нить давнюю проблему, когда люди делали то, что кому казалось правильным. Кроме законов, там присутствовало обучение основам духовности, и вряд ли Самуил имел какие-то книги, но это были живые беседы, где он делился с воспитанниками тем, что успел узнать из опыта жизни и из общения с Богом. Возможно, что многие свои вопросы он адресовал Богу и получал на них ответы, и этими богатствами он щедро делился с молодёжью. После того, как выпускники пер-вой его школы прошли по стране с проповедями, с песнями и рассказами о их перспективах, ко-торые Бог давно ожидал раскрыть перед ними, началось мощное движение, приведшее к тому, что пришли новые молодые люди, для которых пришлось открывать новые школы, а в стране на-чалось то, что в других местах и временах называли Возрождением.

Со времени возвращения ковчега прошло лет двадцать, и урок потери священнойшей дета-ли храма многим дал понимание, что с Богом шутить не стоит. С другой же стороны деятель-ность Самуила и его школа пророков оказали мощное влияние на жизнь всех племён. До сих пор Люциферу удавалось создавать впечатление, что человек настолько неудачное создание Бога, что без постоянного надзора и подпорок он вообще неспособен к жизни по правилам, обязательно уклоняется с пути, как шарик с поверхности мяча. Правда, он не рассказывал, сколько сам по-стоянно работает над тем, чтобы контролировать узловые точки механизмов жизни, сбивая лю-дей с Пути, без его усилий уклонение человека с Пути шло бы в сотни раз медленнее. Хотя если убрать это влияние тёмных сил, то сам по себе человек не смог бы вернуться в первоначальное непавшее состояние. Однако теперь, когда злomu влиянию противопоставили усилия в здравом-направлении, положение в Израиле резко изменилось. Людям напоминали не только о законах и правилах здоровой жизни или праведности и добре, но и раскрывали надёжность правильных пу-тей, как и гибельность любого уклонения от них. Людям принесли весёлые песни и пляски, не содержащие развращающих элементов эротики, возвышающие человека, а не ведущие к поте-рям, и это удивляло многих, привыкших искать веселье только в языческих обычаях. Здоровые начала впитывались новым поколением, и люди впервые за многие годы перестали видеть в своём Боге только скучные и наводящие тоску поучения. Общество заметно выздоравливало, хотя и не мгновенно. В один из праздников, когда к храму пришло множество людей, многие за-говорили с Самуилом о происходящем с ними сейчас, и они сравнивали это с прежними време-нами. Самуил увидел, что нация сейчас готова к дальнейшим шагам, и он предложил сделать их.

Хотя подавляющее большинство радовалось переменам, расслабляться было слишком рано. Привыкнув издавна к присутствию в их домах элементов язычества, они не замечали это-го, но в дальнейшем это стало бы заметным тормозом в их приближении к Богу, волна интереса к Сущему скоро могла ослабеть, и если сейчас не сделать ничего в дальнейшем освобождении себя от ещё остающегося язычества, то все эти перемены забудутся, и люди вернуться к прежне-му образу жизни. И Самуил сделал призыв, гласящий, что если люди действительно расположе-ны к Сущему, то надо удалить из домов и селений все статуи других богов и посвящённые им предметы. А также, что при этом нужно начать и свой собственный поиск контакта с Ним, чтобы каждый человек был знаком с Ним лично, не через кого-то. Он прибавил к этому, что такое поло-жение вещей гарантирует и отсутствие врагов их страны. Это воззвание оказалось очень вове-ря, люди всерьёз занялись очищением своей жизни и домов. За короткое время они не могли до-стигнуть вершин духовности, но начало этому было сделано. Вернувшись с праздника, они уда-лили всякое напоминание о язычестве с улиц и из домов. Самуил, увидев перемены и серьёз-ность их намерений, созвал всех в Массифу, чтобы там закрепить этот настрой в обществе.

Филистимляне после победы над Израилем, когда погибли сыновья Илия, не встречали сопротивления от евреев, хотя и не спешили развивать успех. Обе стороны вели себя осторожно. Филистимляне получили внушительный урок с ковчегом Сущего и, похоже, опасались идти на Его землю походами. Однако с тех пор прошло много времени, успело отчасти смениться активное поколение, и многие горячие головы снова смотрели на восток в поисках славы и богатств. Когда евреи вдруг собрались посреди страны в огромном количестве, филистимляне встревожились, такие собрания часто означали походы против кого-либо. Это всеобщее собрание было не у храма, и время это не было временем праздников, когда все должны были приходиться на них, так что, узнав о нём, филистимляне немедленно собрали свои войска и отправились наводить свой порядок.

Израильтяне были встревожены – они пришли, чтобы их жизнь была изменена, они собрались найти здесь Сущего, устранить преграды, до сих пор мешающие им иметь с Ним полноценные отношения. Самуил раскрыл многое, о чём мало кто задумывался прежде, и увидев, насколько они были чужды Богу, в то время, как сами себе они казались вполне хорошими, все плакали в сильном расстройстве. Так часто бывает, человек кажется сам себе едва ли не безукоризненным во всём, почти праведником хоть сейчас на небо, но стоит раскрыть ему глаза на себя и на то, что им движет, и оказывается, что нужно очень многое менять. Как настройщик пианино я часто сталкивался с такой ситуацией – инструмент выглядит как будто вполне нормальным, только чуть подтянуть пару нот, остальное в полном порядке, но стоит только взять ключ и сесть за проверку строя, и практически везде требуется подтяжка, двумя струнами дело никогда ещё не обходилось... Так и сейчас люди были расстроены масштабностью несоответствий своих навыков и черт характера с тем, что они увидели как оно должно быть. Люди плакали из-за того, что они не годятся для Бога, искали путь и способ, как войти в гармонию с требованиями закона, Самуил ещё не успел подвести их к следующей стадии, где они могли утешиться и успокоиться, обретя желаемое, и тут затрубили тревогу из-за приблизившихся врагов. Не самый удачный момент для войны, где нужны решимость и твёрдость... Тем более, что филистимляне проводили политику сдерживания, в данном случае они не позволяли иметь евреям оружия. Если перенастроиться на битву не представляло большой трудности, то оружие имелось мало у кого, и люди ощутили себя совершенно беззащитными. Они обратились к Самуилу, которого воспринимали сейчас как представителя Бога, чтобы он воззвал к Богу о защите. Самуил взял совсем молодого ягнёнка, который довольно точно обозначал новообращённых израильтян, только что понявших немного о Боге, ещё беспомощных в духовных делах, и когда эта жертва была на жертвеннике, филистимляне начали атаку. Однако когда они приближались, над ними началась сильная гроза, и грома, разразившиеся прямо над их головами, не способствовали боевому настрою. Они были дезориентированы, и когда израильтяне, видя явную поддержку со стороны Бога, бросились на них, филистимляне побежали. Это был разгром, евреи похватили оружие филистимлян и долго преследовали беглецов. Были освобождены многие города и местности, которые филистимляне удерживали уже давно или заняли в этом походе. В память о славной победе серьёзно вернувшихся к Богу евреев Самуил поставил большой камень памятником о битве этого дня, произнеся слова "Авен-Езер" – "камень помощи".

Кто ищет, тот найдёт – в этот день люди получили больше, чем ожидали. Они шли, чтобы стать теми, кем хотел их видеть Бог, кем Он и предназначал им быть в Своих планах. Они увидели, как Бог явным образом поддержал их, ободрил их всем этим, что они приняты и их настрой на дальнейший духовный прогресс и поиск лучшего правилен. Когда им были раскрыты их проблемы, что в них самих по природе хорошего немного и что они сами по себе ненадёжны, они не отвернулись от столь трудных и неприятных тем, но приняли это как оно есть, поняв, что настоящим источником праведности является лишь их Бог. Это было хорошее начало, фунда-

мент, на котором можно было строить всё остальное. Победа этого дня подтвердила им, что надо продолжать начатое.

Действия Самуила по возрождению духовности в народе были вполне успешны, он своими глазами видел большой успех, исходящий от его школ и просветительской деятельности. Вершиной этого успеха было обновление завета в Массифе, когда впервые за всю историю Израиль вдруг осознал величину своей задачи и свои перспективы в Боге. После этого памятного события Самуил ни в малейшей мере не успокоился и продолжал обходить год за годом территорию страны, вникая в дела людей, судя их тяжбы и обучая, посылая своих учеников, понимая, что успех надо поддерживать и развивать, что если ослабить воспитательную работу, то многие начнут охладевать.

Наверное, доведя духовность людей до определённого уровня, можно действительно расслабиться и переключиться на другие задачи, но лишь при условии, что нравственность, посвящённость, сознательность будут воспроизводиться сами собой, станут самоподдерживающимся процессом. Любые блага жизни требуют труда, что дома с газом и водой, что снабжение товарами первой необходимости или поддержание технологического уровня в стране, но кто сказал, что качества людей складываются сами собой? Это такой же труд, такая же забота, даже по своему ещё более насущная. Поставить людям мозги, мышление и чувство, обучить управлять своим настроением и эмоциями, научить избегать разрушительных подходов и методов – всё это намного повысит качество жизни отдельного человека и общества в целом, снизит преступность на порядки, уберёт необходимость тратить огромные и неэффективные усилия на правоохранение, связывающие общество и лишаящее его многих преимуществ. Оставить воспитание людей на самотёк, на удачу, всё равно что не пахать землю и не сеять, надеясь, что продукты в магазин кто-то завезёт или вообще сами собой появятся...

От судей к царям

Придирка к Самуилу

Успехи Самуила в пробуждении народа были огромны, масштабы изменений можно назвать тектоническими. Духовность и сознательность людей изменились в значительной степени, эти перемены можно сравнить с тем, как если бы масса тех, кто считают себя обычными православными или католиками (в большинстве своём редко думающими о религиозных вещах), стали вдруг лютеранами в его начале, или позднейшими протестантами, чья религия серьёзно вплелена в их повседневность. Однако даже это само по себе не гарантировало высокого качества человека, оно было лишь одним из необходимейших условий. Главнейшая проблема состоит в том, что люди привыкают... Привычка же делает многие вещи малозаметными, а то и малозначимыми. Лишь когда сам человек решает не уклоняться с Пути, можно что-то гарантировать, но если этого нет, то сколь бы не была насыщена обстановка вокруг человека, без его воли и движения в нужном направлении это будет лишь декорациями. Каковы бы не были внешние проявления религиозности, это мало предохранит от нарушений и уклона от правильного и должного. Также и одни добрые дела не могут сами по себе компенсировать никакие другие нарушения, особенно если кто-то вообразит, что он может загладить грех последующим правильным поступком (можно лишь нейтрализовать последствия сделанного, и это в лучшем случае).

Люди, постепенно привыкнув к более духовной жизни, не все были одинаковы в отношении к наступившим переменам. Многие стали вспоминать прежние вольности и тяготились неосознанными, а то и осознанными желаниями. Все такие понимали, что обязаны всеми этими переменами Самуилу. Они видели его фигуру, но забывали, из какой ямы он их вытащил, в кото-

рую они уверенно скатывались, когда Бог уже был на грани кардинального решения их судьбы. Когда ковчег оставил их, многие пришли в ужас, и смерть Илия в связи с утерей ковчега совсем не случайна. Но теперь после многих лет благополучия у многих снова стали появляться фантомная чесотка, цикличность отпадений давала себя знать. Привычка, однако... Твёрдая рука уже не одного только Самуила, но и множества его помощников, как и множества верных людей во всех городах и сёлах не позволяли явно заниматься чем-либо запретным, это стало опасным, как, собственно, и должно было быть, если бы общество Израиля было всегда было таким сознательным. Не будучи счастливыми в этих обстоятельствах, недовольные нашли выход подспудным брожениям в другой сфере. Прежде, смотря на жизнь и быт других народов, они завидовали внешне ярким и самобытным формам язычества, однако сейчас им бросалось в глаза другое. Для многих народов царская форма правления была эффективным способом организации, и хотя не все были счастливы от царей и от их налогов, но издали пышность самих царей, дворцов и придворных всё же впечатляли. Бедность и подавление несогласных происходили где-то на задворках, но витрины были очень яркими и красочными, особенно для неискущённых в этом простодушных селян. Многие в Израиле, в ком духовность новых времён не находила себе места, обнаружили, что без царя они никак не могут. Им стало неприятно, что ими руководят всегда ставленники Бога, а царь, будучи одним из них, будет человек свой, и их надежды на снижение давления праведности были вполне обоснованы.

Долгое время их желания не имели шансов на воплощение, но и у Самуила нашлись некоторые слабые места, которыми люди определённой категории не преминули воспользоваться. Обходя земли Израиля, уделяя немало времени воспитанию учеников в своих школах, Самуил физически не мог постоянно заниматься своими сыновьями. Само по себе это ещё не делает детей хуже, они делают свой собственный выбор. Даже посвяти себя Самуил исключительно семье, это не могло гарантировать высокого качества его сыновей, которых он решил приобщить к делу судейства, дав им возможность показать себя, дав им каждому по городу для практики. У них были какие-то данные, и он надеялся, что из них могут выйти хорошие помощники, но вместо того, чтобы использовать свой шанс, они дали слабину. Мне сильно кажется, что их окружение, видя их первоначальную неопытность и наивность, решило сыграть на этом против Самуила, и влиятельные старейшины этих мест сначала всячески расслабляли этих молодых людей, по дружески втягивая их в группировки, а затем, когда они выказали предпочтение одним за счёт других, изобразили всё как несправедливость. Им навязывали подарки от одной из сторон, и это было игрой с определённой целью, и когда их решение позже обжаловали, вдруг каждый их промах оказался очень серьёзным. Хотя в этом деле были замешаны хитрость и коварство, это не извиняет сыновей Самуила, они должны были и вполне могли выйти из этих вражеских происков с честью, но не вникли в ситуацию, вели себя беспечно. В какой-то мере Самуил, росший под влиянием Илия, подражал ему, излишне мягко воспитывая своих сыновей. Для множества учеников в школах он был хорошим учителем, но на своих детях, где требовалась повышенная бдительность, расслабился подобно Илию. Из этого раздули громкий скандал, и к Самуилу пришла влиятельная делегация князей и старейшин, хорошо знающая, что сейчас надо делать.

Самуил не должен был планировать поставить кого-то из сыновей судьями, это было не в правилах судейского управления вообще, такого не делал никто из судей до сих пор, хотя некоторые старейшины и предлагали Гедону такое. Полностью отрицать нельзя, но всё же мне не кажется вероятным, что Самуил хотел продвинуть сыновей. Он прекрасно знал, что любого из судей до сих пор призывал и ставил Бог, и что сам по себе желающий такой власти не имел шансов на признание как минимум со стороны Бога, да и людей тоже. Немало времени из эпохи судей Израиль не имел судей вообще, и страна от этого не исчезала, и если бы народ имел более прочные навыки верности Всевышнему, они были бы призываемы гораздо реже, чем это было в истории. Поэтому в попытке Самуила с сыновьями лучше видеть желание иметь помощников,

подобно Моисею, когда забот с людьми было слишком много. К этому времени Самуил начинал стареть и обходить страну из города в город ему становилось всё тяжелее, и с его стороны это было вполне разумным поставить в городах постоянных своих представителей, в то время как воспитанники его школ были временными, ходящими из местности в местность учителями. Но эти помощники не равнялись с ним по авторитету, не будучи пророками. Когда Самуил решил поставить сыновей на крайнем юге страны, не думаю, что он делал это без согласия других, и даже думаю, что его предложение (или чьё-то со стороны) было встречено с одобрением, ибо люди знали характер его сыновей, и кое-то мог ещё на этом этапе планировать провокацию против Самуила.

Но пришедшая сейчас с претензиями толпа выставила дело так, как будто его сыновья после него собираются быть судьями, и как бы даже были согласны на это, если бы не их промах, бывший больше подставой со стороны новоявленных монархистов. Дело, однако, пахло очень нехорошо – судью ставил Бог, и власть судьи была, собственно, властью Бога, потому что всегда судья получал указания от Него. Кроме того, судья имел пожизненное призвание, но Самуила пришли смещать при его жизни... Оспаривать авторитет судей в прежние времена никогда не решались, кроме случая с Иеффаем, когда ефремляне угрожали ему, также было подобное с Гедеоном и теми же ефремлянами. Но ефремлянам их угрозы обошлись очень дорого, после чего это племя стало намного скромнее, потеряв не меньше половины мужского населения. Гедеон скорее не хотел развязывать войны с ними, и их счастье, что его мягкие уговоры оказались достаточны, но они могли получить много проблем уже тогда. И вот сейчас признанному властителю Израиля, одному из сильнейших пророков всех времён говорят, что он должен уйти, и дать им другого властителя.

Поймав Самуила на ошибке сыновей, они требуют, чтобы у них стал другой правитель. Но где гарантия, что царь, не будучи пророком, ведь он ставился уже из обычных людей, будет верным и не будет делать подобного тому, что сделали сыновья Самуила? Да и как-то нелогично, с Самуила спрашивать так, будто он сделал то, что сделали сыновья. За ошибку сыновей Самуил должен был либо отстранить их сразу же, либо, если проблема была не велика, разобравшись, при всех вскрыть их ошибку, чтобы такое больше не повторялось. Это было бы всё что нужно на тот момент для разрешения проблемы, большего не требовалось, но тогда к Самуилу вообще никогда не подкопаешься... Им нужно было обязательно воспользоваться этим моментом, они знали, что другого момента, иной ошибки у Самуила просто не будет. Поэтому действовали грубо и неадекватно. Собственно, это было оскорбление в лицо – "мы наконец-то нашли нечто против тебя, так что уходи"... Кто-то бы на месте Самуила мог сказать им на это – "Мои сыновья сделали неправильно, и я убираю их с поста, вместо них будет назначен кто-то другой, или вам нужно будет ждать, пока я приду к вам раз в год, либо вам самим надо будет идти ко мне. Но вопрос о царе – не в моей компетенции". Царя им Самуил так и не назначал, он сначала обсудил это с Богом, и лишь после этого люди получили то, что потребовали. Но могли и не получить вообще. Бог посчитал нужным всё же уступить людям в этом вопросе. То, как они обошлись с величайшим правителем своей страны, было оскорбительно не только для Самуила, который не обиделся, его самолюбие не было задето этим, но он был сильно расстроен, что все его усилия и его успехи были сейчас нейтрализованы. Его воспитательная работа была подорвана, и хотя она продолжалась, но люди нашли способ уклониться от неё, сделать гораздо менее успешной.

В расстройстве он обратился с этой печалью к Сущему, и тот ответил, что позволяет им иметь царя. Он добавил, что Самуил был совершенно прав в оценке текущего момента, и что при всех успехах Самуила по воспитанию и подъёму нации к высотам духовности люди сумели найти то, что остановит все усилия в этом направлении. Их интересы направились на царя и новый образ жизни, при этом их повышенные ожидания и последующие разочарования надёжно отвлекут их и заставят забыть о многих уроках, преподанных Самуилом. Этот переворот обще-

ственного устройства сделал из многих людей утоптанную придорожную и заросшую сорняками типы почвы из притчи Христа о сеятеле – новые заботы и интересы сделают невозможным рост посеянного Самуилом. Бог сказал ему – "Они отвергли не тебя, но Меня", хотя утешение это было слабое.

Если не дать им сейчас царя, эти любители подражать пышности других народов поднимут плач до небес о самодуре, не дающем ходу прогрессивным идеям, не заботящемся о процветании своей страны, держащем общество в замшелых традициях, тормозящих его развитие, что все соседи смеются над евреями, держащихся древних (замшелых, пронафталиненных) правил. Ясно, что эти слова обязательно найдут слушателей и что работа Самуила будет парализована и он станет непопулярным у людей. Так что меньше вреда выходило, если дать людям эту новую игрушку. Возбуждение от нового скоро схлынет, но если держать назначение царей под контролем свыше, то царь ненамного уступит по влиянию судьбе. Царь, держащийся Пути, и особенно передающий это по наследству, может быть даже более эффективным в воспитании нации, подавая людям хороший пример. Зато, если судьи нечасто сбивались с пути, то цари, будучи обычными людьми, могут уклоняться гораздо чаще, что, в принципе, и случалось.

Самуилу было сказано познакомить людей с новым порядком вещей – царская система власти гораздо затратнее экономически для населения, о чём люди практически не думали. Новость об этом не была оценена по достоинству, и никого не оттолкнула от стремления поменять систему управления, очень все разогнались и думать о новом порядке налогов очень не хотелось. Самуил написал, подобно Моисею, практически новый гражданский закон, из которого в Библии описано немного, в том числе упомянута новая десятина, предназначенная для содержания царя и двора с новым механизмом управления. До этого до четверти дохода людей было предназначено в налоги, две десятины – одна для левитов, другая для праздников и благотворительности, и ещё третья, собираемая раз в три года для бедных. Теперь к этому прибавлялась ещё одна, хотя и для светских целей, но введённая авторитетом Бога, то есть у людей уже не было выбора – они не могли отдавать её по желанию, и уклоняться от содержания царя становилось нарушением закона, грехом. Самуил передал обществу предсказание, что они, разочаровавшись, станут стонать под игмом этой новомодной власти, однако назад будет повернуть уже невозможно – перемены вводятся под влиянием хоть и каприза, но очень надолго. Трудно сказать детально, в Библии нет никаких отчётливых указаний, но можно подумать из предупреждений Самуила, что имущественные права людей уменьшаются, что царская система меняет довольно многое, и наследные имения, возможно, станут уже не так надёжно закреплены, как раньше. На службу к царю потребуется много людей, так что патриархальный уклад пошатнётся, царь получает право забирать себе земли для того, чтобы наделять ею своих слуг. Многие станут оторваны от семей и своих домов, уходя на службу в другие места, и кормить их будет уже не их родной надел земли, но налоги. Смогут ли они по выходе со службы вернуться назад, на землю, будет ли куда возвращаться, если семья невелика, это всё создавало при неудачном стечении обстоятельств немалые проблемы для конкретных людей, и для новой государственной машины это не её забота. Превышавшая система была гуманнее, но если народ настойчиво требует проблем, делать нечего. В новых условиях для защиты людей требуется гораздо больше усилий, гораздо больше нравственности, чем при прежнем устройстве общества.

Бог ещё давно, при Моисее, упоминал о возможности введения царской системы, однако если бы это происходило с Его подачи, то это было бы сделано в нужный, удобный для этого момент времени, когда она была бы нужна, когда общество созрело бы для этого, когда понадобилась бы мобилизация для решения новых задач по мере развития общества, но это развитие общества включало бы в себя и более сильные моральные устои. В тех условиях царская власть сама бы знала рамки дозволенного, работая в режиме бесконфликтного (по крайней мере значительно менее конфликтного) функционирования, и люди, каждый на своём месте, не превышали

бы своих полномочий, не требовали бы невозможного от участников общественного взаимодействия. Сейчас же дьявол толкнул под руку людей на преждевременный, незрелый шаг, и этим много навредил планам Бога. Об этом времени Бог выразился, что дал царя в гневе⁴, не на благо, но скорее в порядке наказания... О требовании людей Бог сказал Самуилу, что это их отступническая натура толкнула их на это, что они всегда поступали так ещё с самого начала, от Египта – оставляли Сущего и склонялись к иным богам.

Когда люди слышали предупреждения о нуждах царской системы государственного устройства, то увлечённость новым проектом не позволила им понять, во что это всё выльется. Они по прежнему были увлечены картиной, как "царь будет ходить и выходить перед ними, будет вести их войны, как они станут похожи на другие народы", более передовые, чем они, так что будучи уверены, что все другие народы как-то живут с этим, то переживут и они. Если они завидуют другим народам, значит у других всё прекрасно, а только у евреев темнота и отсталость. Самуил, наслушавшись их ответов на все эти предупреждения, в расстройстве, и даже в ужасе пересказал всё, что услышал, Богу. Вряд ли были те, с кем он мог поделиться печалью, немногие могли сейчас оценить его переживания. Бог с сочувствием ответил тем же – послушайся их и дай им то, что просят.

Первый царь в Израиле

Пока что Самуил не мог поставить никого в цари, Бог ничего пока не сказал об этом, поэтому Самуил распустил собрание по домам. Но они получили заверения, что их требование в скором времени будет удовлетворено, только нужно найти того, кто будет подходящей фигурой для царствования. В один день такие вещи не делаются, и даже требующие царя это понимали. Вряд ли кто-то из заговорщиков претендовал на положение номер один, пока стоял Самуил – пока он сам не проведёт необходимые процедуры, всякие иные претенденты на царство были бы спорны и могли вызвать совершенно ненужные волнения с немалыми жертвами. Понимая, что ими руководил не столько Самуил, сколько Бог, они были согласны подождать ещё немного, тем более получив заверения, что получат желаемое, Самуил их никого никогда не обманывал...

Где-то вскорости после этого у одного вениамитянина, по имени Кис, человека известного своими воинскими умениями и силой, потерялись ослы, и он отправил сына со слугой искать их. Саул, сын Киса ходил по окрестностям целых три дня, однако удача в поисках их не сопровождала, никто даже не видел их животных. Наконец Саул сделал разумный вывод, то если они будут проводить поиски дольше, то начнут искать уже их самих, и что пора вернуться домой, чтобы хотя бы дать знать о себе. Но слуга предложил ещё более разумную вещь, он сказал, что сейчас они находятся вблизи места, где обитает Самуил. По его словам видно, что о пророке знали не все в Израиле, раз ему понадобилось объяснять Саулу, кто такой Самуил. Но Саул согласился потратить ещё один день и они пошли в город, где должен был в это время находиться этот сильный пророк. Саул не был совсем уж юным, у него уже были свои дети, семья, однако он не выглядит хорошо знающим всё обо всём в стране, интересуясь лишь ближним окружением. Его отец, скорее всего, был в курсе всех дел в Израиле, но Саул почему-то не таков, хотя в воинских умениях он один из сильнейших, он кажется временами очень легковесным, неосновательным.

Придя в этот городок, Саул со слугой спросили, где им искать пророка, и им сказали, куда идти. Оказывается, сегодня как раз будет некий праздник или торжество с жертвоприношением и пиром после него, и оно ещё не началось, Самуил пока ещё в городе и они могут его застать. Они направились по указанному маршруту, и дойдя до центра, встретили Самуила, который уже ожидал, что сегодня к нему придёт будущий царь Израиля. Ночью Бог рассказал ему о Сауле, хотя без подробностей, пророк должен был сам увидеть его и познакомиться с ним. Ему предстояло с ним немало работать и направлять его, даже когда он станет царём.

4 Осия 13,11

Саул подошёл к одному из присутствующих на площади и спросил, где здесь можно найти провидца, и оказалось, что попал точно на того, кто был им нужен. "Я провидец", ответил тот, к которому он обратился, и направил его на холм, где собирался народ и где должно было пройти жертвоприношение. Самуил же, когда увидел Саула, услышал голос, сказавший ему, что это как раз тот самый человек, о котором он был предупреждён вчера. Самуил предупредил Саула, что к нему у него есть разговор, и что также он сегодня его гость, один из тех, кто занимает самые почётные места на пире. Для Саула это всё было слишком неожиданно, вряд ли он мечтал о таком, хотя мало кто из нас не мечтает о том, чтобы оказаться хоть в чём-то избранным или известным, хотя бы в детстве. Он также успокоил Саула о потерянных животных, что они нашлись. При этом Саул услышал нечто пока ещё непонятное, что даже бы если животные и потерялись, это бы не было ущербом его отцу, потому что скоро всё самое лучшее в стране будет его... Но здесь Саул проявил скромность, о которой много позже Самуил ему напомнил – он сказал, что он представляет не самое большое племя среди остальных племён, и его семья не самая знатная, даже наименьшая среди вениамитян. Очень верное качество, однако его слова сейчас повторяют то же самое, что некогда говорил Гедеон в похожей ситуации. Саул явно помнил уроки своей истории, и сказал сейчас не совсем свои мысли, но подражая Гедеону в начале его пути, при этом чётко понимая, что и у него судьба меняется примерно также, что его призывают на службу к Богу. Всё бы прекрасно, но повторяя слова древнего героя, не подражал ли он ему лишь внешне? Или вообще совпадение? Дальнейшая его жизнь не подтвердила, что он говорил это от всей души. Впрочем у него были все шансы, даже намного большие, чем у многих других прежде него. В это время, которое хочется назвать эпохой Самуила или эпохой Духа, в обществе Израиля проявлялись сверхъестественные силы и чудеса, на многих людях проявлялись дары сверхъестественной природы, и сила Бога действовала в масштабах превосходящих времена даже первоначальной христианской церкви. Саулу предстояло познакомиться с этим влиянием, которое могло изменить его кардинально.

Когда свершилось жертвоприношение, приглашённые люди отправились за столы, и Саул оказался на почётнейшем месте рядом с Самуилом. Самуил сказал повару, чтобы подали самую лучшую часть, которая была отделена особо, и поставил это перед Саулом, сказав, что это сохранено специально для него. Для Саула всё происходящее было загадкой, хотя какие-то догадки могли уже возникнуть, история с требованием дать народу царя и обещанием в скором времени предоставить его, думаю, должна была быть известна даже ему. После пира Саул оказался в доме Самуила, и общение продолжалось, Самуил немало спрашивал его обо всём. Он много работал с людьми, воспитал немало учеников, изменивших Израиль, и сейчас видел определённый потенциал и в этом молодом человеке. Возможно, он видел в нём и некоторые шероховатости, но надеялся, что это можно исправить. Сам этот будущий царь понравился Самуилу, он сильно привязался к нему, так что когда Саул не справился с доверенным ему постом, много переживал об этом и печалился.

Наутро он вышел проводить Саула, он пока ещё не раскрыл ему причины такого внимания к его персоне, но теперь пришло время и для этого. Он попросил Саула отправить слугу вперёд, сам же остановился, чтобы рассказать Саулу о его призвании. Сначала он полил оливковым маслом на его голову, как говорили, помазал его, сообщив, что Бог выбрал его быть правителем Своего народа. С этим елеопомазанием Саул должен был получить и некоторые дары от Бога, которых он совсем не просил и вряд ли даже стремился к ним, однако высокое призвание обязывало. Самуил предсказал несколько событий, которые произойдут с ним в течении дня, несколько встреч, и последняя будет с группой пророков, учеников пророческой школы Самуила. Этот отряд пророков будет, как Самуил сказал, пророчествовать, спускаясь с холма, и Саул присоединится к ним, не в том смысле, что станет в их строй, а что Дух Святой охватит его и он станет таким же как они, познавшим новое, сильное и необычное для обычного человека. Ему станут

открыты многие предметы, чувства и разум расширятся, и он наполнится новыми переживаниями. Трудно сказать, что именно делали те ученики пророческой школы, многие считают, что они пели, и что это пение обладало очень мощным зарядом. Я сам уверен, что даже если это и было пение, то пели они в состоянии, близком к чему-то вроде экстаза, доступного им, делавшего их, как позже как-то обычные люди описывали этих студентов, "неистовыми", хотя и достаточно умеренному. Не самая плохая репутация, к тому же ещё и очень уважительная – никто так не мог, а кто мог, те прошли через эти учебные заведения. Нет, они не были всегда такими, они не были нервными и дёргаными или непредсказуемыми, ни в коем случае, максимум, что кто-то мог бы это с натяжкой уподобить "священному безумию" – что поделаешь, Бог и Его мир не всегда легко передать и осознать, многое выходит за рамки приниженного бытия "человека потерянного". Впрочем, далеко не всегда состояние пророков характеризуется экстазом или чем-то подобным, пророк Елисей раскрывал своему помощнику удивительные вещи, будучи в самом обычном состоянии. В обычном, спокойном состоянии они могли видеть скрытое от всех остальных. Вне пророческих состояний это обычные земные люди, но в них живёт некая искра, и сами они жили более полно и могли многим поделиться, много чего дать обычному человеку. Впрочем, они могли быть настолько обычными людьми, что даже их дар им начинал восприниматься рутиной и будничной повседневностью, так что они также уклонялись с Пути, как и любой другой человек. Привыкание к необычному и низведение его в разряд скучного разрушает человека, хотя сама по себе способность к привыканию была задумана как стимул к развитию, к движению к новым горизонтам и высотам...

В тот день всё, что предсказал Самуил, случилось. По дороге Саула встретили люди, передавшие ему, что потерявшиеся животные нашлись. Затем он встретил троих, идущих в Вефиль, и они поделились с ним хлебом, и после этого он со слугой проходил мимо холма с пророками, которые с музыкой сходили с холма, и сила Духа была на них и на всём, что они делали. Эта картина захватила всё внимание Саула, он поддался влиянию того, что видел, и как написано, на него сошёл Дух Святой. Он вошёл в их ряды и пел и пророчествовал среди них. Те, кто знали, видели, что он какой-то совершенно иной, чем был всегда, и говорили – "Что это с Кисовичем?" Зная прежнее недоверие Саула к школам Самуила, его отношение к тому, что там происходило, они недоумевали – "неужели и Саул во пророках?" Если уж даже такие люди поддаются этому влиянию, наверное, что-то такое там есть... Туда шли люди определённого характера, и Саул был не из той когорты. Школы пророков были новым для Израиля, консерватизм в то время означал традиционную склонность к уклонению от путей Создателя, а праведность и посвящённость Богу были модным трендом. Редко такое бывает, но вот в те времена всё же случилось такое. Не то, чтобы тот консерватизм был стремлением пуститься во все тяжкие, но всё же как и сегодня православный и католический народ он стоял на том, что обычный человек фактически должен грешить, приговорён к этому, только чтобы не забывал время от времени покаяться. Время от времени это вело общество к большим отклонениям, но сейчас Самуил совершил с помощью божественных сил, в сговоре с Богом, своего рода мощную идеологическую диверсию, запустив в широкий оборот образ посвящённой, святой жизни как легкодостижимое дело, которое даёт много преимуществ в самых разных сферах.

Новое незнакомое прежде состояния через некоторое время прошло, не оставив отката или упадка, Саул ощущал теперь, что это с ним навсегда, и продолжал путь домой. Прежде чем он достиг дома, его встретил родственник, начавший допрашивать его, видя, что с Саулом происходит что-то необычное. Саул знал, что его дядя человек въедливый, и хотя Самуил как будто не говорил ему о необходимости скрывать свою избранность, понимал, что раньше времени раскрывать своё предназначение не стоит. Поэтому он рассказал лишь то, что они дошли в своих поисках до пророка, и что тот сказал ему о нашедшихся ослицах.

Представление царя

В скором времени Самуил, держа обещание, созвал народ для того, чтобы показать им найденного кандидата в цари. Он начал к речь с упрёка от Бога, который ему было велено передать, раскрывая людям суть их теперешней ошибки – "Он вывел вас из Египта, избавлял вас от врагов, а теперь вы отвергаете Его, требуя царя. Итак, встаньте перед Суцим по вашим племенам". И он стал вызывать к себе представителей племён, чтобы Бог указал из какого племени и какой семьи окажется Его выбор. Наверное, использовалась одежда первосвященника с Уримом и Туммимом, и было отмечено племя вениамитян. Из его состава было указано племя Матрия, а когда стали называть имена из этой семьи, указание пало на Саула, сына Киса. Однако его не оказалось среди собравшихся, и Самуил спросил у Бога, где его искать. Ответ пришёл, что Саул скрывается в обозе. Очень похоже, что его охватил какой-то приступ неожиданной скромности, однако за ним послали людей, которые нашли его и привели к народу. Мне кажется, что повышенная чувствительность, возникшая после крещения Духом⁵, привела его к пониманию, что народ сделал очень существенную ошибку с требование царской власти в стране, и ему не хотелось участвовать в этой трагедии. Однако всё же Бог выбрал его, и он не стал решительно отказываться от этой общественной нагрузки, надеясь не подвести Бога и смягчить последствия народной ошибки. Оказавшись среди народа, он вызвал восторженные крики у многих – один только его рост делал его заметным, он был не то, что на голову, но в плечах выше самых высоких среди присутствующих.

Саул был очень красив, мужествен, богатырского сложения и стати, полностью соответствующим поверхностным представлениям многих людей о том, каким должен быть царь. Для них это был воистину царский подарок, хотя учитывая, что Бог не одобрял всего этого, что давал царя "в гневе", стоило ожидать подвоха – не со стороны Бога, нет, а во что выльется их собственный посыл. Он не давал Саула народу для беды и разрушения, но всё же воплотил именно то, что сам народ и требовал, в тех же рамках, в которых люди и мыслили. Саул не был обязан впасть в грех и деградировать, он вполне мог преодолеть негативные стороны своей натуры, но всё же со временем в нём проявилась закономерность старых привычек, а то, что было менее вероятным в силу его характера, так и осталось нереализованным...

Самуил, после того, как люди выразили более-менее свои восторги и оценки представленного им будущего царя, обратился к ним – "Ну как вам избранник Суцего?" В ответ все восторженно воскликнули – "Да живёт царь!" После этого Самуил достаточно детально рассказал о переменах в гражданских законах, обо всех новых налогах и порядках, о "правах царя", но вряд ли люди стали от этого унывать. Отказываться и поворачивать обратно было поздно, уже и новые законы были написаны и положены в храм. Да и появившемуся царю не скажешь "мы передумали".

Незаметное начало и утверждение на царство

В первые дни и недели в стране всё оставало без видимых перемен. Саул вернулся к себе домой заниматься полевыми работами, сезон ждаться не будет, и семью кормить нужно. Пока ещё рано было говорить "не царское это дело" о крестьянских заботах. Но всё же за Саулом уже пошли некоторые люди, которые были готовы взять на себя какие-то его заботы и помогать в обустройстве нового порядка вещей. Самуил отмечает, что пошли за Саулом те, кого коснулся Бог, кто ощутил на себе ответственность за то, чтобы новое в устройстве общества проходило по наилучшему сценарию. То есть за ним поспешили не примазавшиеся жулики и проходимцы, а посвящённые, водимые лучшими принципами люди. Те же, кто ищут лёгких доходов и власти, в этом слабом начале не заметили для себя никаких сигналов богатства и будущей славы, они ви-

5 Термин из позднейших времён, а так можно называть по-разному, в зависимости от используемых подходов – расширение сознания, духовная инициация и прочее подобное.

дела уже устоявшиеся царства и не знали, как они начинались, так что сейчас не распознали для себя удобного случая. Впрочем, Бог тоже контролировал многое вокруг назначения Саула, так что люди недобрые, кого как раз надо держать подальше от власти, скорее смеялись в этот день и презирали Саула. Они не поднесли ему никаких подарков, наоборот, презрительно насмеялись – "этот, что ли, будет защищать нас?" Хотя внешний вид Саула был весьма внушителен, и в этом отношении он сильно впечатлял многих, но его начальное смущение и попытка спрятаться в обозе дали недалёким людям основание для несерьёзного отношения к первому царю Израиля.

Такое положение могло бы длиться долго, но помогли враги. Аммонитяне, у которых вождём был Наас, ищущий то ли приключений, то ли славы, напал на один городок за Иорданом на востоке. Жители не ожидали, что им одним придут на выручку, и поначалу им казалось проще покориться завоевателям, но Наас выставил неприемлемое и дикое условие, мир он заключает лишь с одноглазыми. Он так и объявил об этом, что хочет опозорить евреев, поэтому если они хотят мира, то должны позволить ему выколоть им каждому правый глаз. Жители Иависа, осаждённого аммонитянами городка попросили времени на то, чтобы обратиться за помощью к главам племён, а теперь у них был ещё и царь, и если уж там не помогут, то тогда, не видя у себя каких-либо возможностей к сопротивлению намного превосходящим силам врага, сдадутся на милость победителя. Наасу это предложение показалось приемлемым, если зов осаждённых услышат в других местах Израиля, то позор жителей Иависа ляжет на всех – это вполне согласовывалось с его желаниями. То, что может придти реальная помощь, его особо не волновало, война была для него, похоже, всем на свете.

Посланные от Иависа поспешили в Гиву, где жил Саул, и прибыв, рассказали жителям о их беде. Люди прониклись сочувствием и плакали. Многие недоумевали, как могли враги напасть сейчас, когда они уже немало лет верны своему Богу и не давали причин наказывать их или оставлять на волю врагов. В это время с работы в поле пришёл Саул, гоня волов домой, и услышав плачь народа, спросил о причинах этого. Когда он услышал о угрозе одному из малых городов на востоке, он впол в ярость, и это был не обычный гнев, но Дух, руководивший им с недавних пор, обеспечил усиленное ощущение несправедливости и желание защитить свою землю и свой народ. В этих эмоциях он послал послов во все концы страны, усилив приказ наглядным пособием разрубленных на части своих же волов. Когда твоей стране угрожают, можно и пожертвовать своим имуществом на общее дело, не до выгод. В это время он ещё не получал налогов, либо если что-то и поступило в кассу царя, это было потрачено на обустройство тех, кто пришёл с ним сюда помогать ему в становлении нового малоизвестного (скорее совсем неизвестного) государственного механизма. Вообще-то могло получиться и так, что раз народ не выразил полного одобрения по поводу Саула, то дело так и повисло в воздухе – кто-то пошёл помогать ему, но никаких перестроек в управлении не делалось и налогов не было введено. Царём он считался, но и всё, дела продолжали идти по прежнему.

Люди слышали призыв на войну, действие Духа сопровождало не только самого Саула, но от него это влияние распространялось и на всех, с кем он имел дело. Единодушно и быстро они собрались к нему в назначенное место, горя тем же желанием защищать свою землю. Собралось триста тридцать тысяч человек ополчения, не указано сколько было аммонитян, но скорее всего израильтян было больше. Жителям Иависа отправили вестников, что на следующий день к ним придут защитники. Недели, отпущенной аммонитянами, оказалось достаточно. Осаждённый Иавис сообщил Наасу, что на следующий день они выйдут из города. Эти слова должны были сказать Наасу, что они как будто сдаются на его милость, но Наас ничего не уточнял, ему было неинтересно, что ответили им из центра, так что следующий день принёс ему неприятный сюрприз.

Армия Саула двигалась следом за послами Иависа, и до места они успели добраться вовремя. Саул разделил войско на три отряда, атаковав войско Нааса рано утром с разных сторон,

причём один из отрядов пробрался прямо в лагерь противника на рассвете. Разгром было полный, выживших и спасшихся аммонитян было немного. В этом походе, где собрались представители всех племён, люди очередной раз сплотились, ощутили себя единым народом, и также увидели своего нового вождя в деле. Давно уже не было таких общенациональных мероприятий, прежние войны под руководством судей редко собирали больше четырёх-пяти племён, теперь же у них была новая объединяющая фигура рангом повыше судьи, о чём многие мечтали, желая быть не хуже других народов. Саул показал себя не только отличным воином, что уже было достаточно для славы и уважения в народе, но и грамотным командиром, чьё руководство спланивало всех, чьё слово уважалось и оказывалось верным и уместным. В общем, сейчас авторитет Саула взлетел высоко, и даже если кто и сомневался в нём до этого, теперь был готов идти за ним куда угодно. За ним ощущался также ещё и авторитет Бога, хотя он не был пророком как прежние судьи, однако всё же он был и пророком в силу наделённости Духом Бога. Здесь стоит отметить, что есть разница в призвании пророка – далеко не всякий, имеющий личный контакт со Всевышним, не всякий, могущий с Ним говорить и получать ответы на вопросы, призывается на общественное служение. Саул был поставлен царём, а не провидцем, к нему не приходили за ответом на бытовые вопросы. Прежние судьи помогали и в этом, если у них был пророческий дар, то они служили обществу и этой способностью, но с Саулом, как и позже с Давидом, было иначе, их пророческие способности были только для них самих, не для общества.

После победы, когда люди радовались и торжествовали, некоторые вспомнили неуважение, проявленное к Саулу в день объявления его царём. Где были сейчас те скептики, насколько их сомнения оправдались? По порядкам многих народов неуважение к вождю наказывалось иной раз очень строго. Многим показалось важным расправиться с теми насмешниками, но Саул, не привыкший ещё к власти и чрезмерному почтению, не мог позволить себе такого низкого торжества над противниками. Он запретил эти намерения, сказав, что в этот день, когда Бог явил им помощь и защиту, нехорошо проливать кровь, в день спасения губить чью-то жизнь – неправильно. Это действие Духа, начинавшего облагораживать общество, во многих вызвало уважение, и оно могло бы развиваться во что-то намного высшее со временем, гуманные времена могли бы наступить намного раньше христианской⁶ эры, но Саул, к сожалению, не удержал результата, достигнутого в первые дни своего царствования.

Присутствующий здесь Самуил предложил пойти в Галгал и закрепить произошедшие перемены в общественном устройстве, заодно отпраздновав эту победу. Все направились в Галгал, где когда-то был первый центр, откуда Иисус Навин координировал покорение Палестины, и это место оставалось памятным. Они обновили договор с Саулом, ещё раз провозгласив его царём, и в этот раз никаких возражений и сомнений никто не думал высказывать.

В летописях, вошедших в состав Библии, не упоминается возраста Саула, когда он стал царём, также нет упоминания лет его правления. Многие считают, что он занимал трон сорок лет, но это неверно – годы царствования Саула входят в годы судейства Самуила, и когда умер Самуил, Саул пережил его очень ненадолго. Это Самуил был судьёй сорок лет, годы же Саула на царстве намного короче. Реально он был царём не более пятнадцати или шестнадцати лет, столько, сколько понадобилось Давиду, чтобы из подростка, победившего Голиафа, достигнуть тридцатилетия, когда уже он стал царём.

Люди в Галгале радовались и веселились от всей души, празднуя и исполнение своих мечтаний о том, чтобы быть "как все народы", имея царя, и победу над аммонитянами, и благодаря Бога за покровительство и помощь во всём, но Самуил видел, что люди слишком беспечны и не

⁶ Многие вспоминают о крестовых походах и инквизиции, но я бы здесь возразил, что католицизм и компания не совсем христианство, у него мало общего с тем, что строил и замыслил Христос, основатель христианства. Думаю, на это существенных возражений будет немного. О судьбах христианства после Христа речь впереди, и уже в этом томе пророчества Даниила затрагивают эту тему.

понимают некоторых проблем. После некоторого времени этого празднования, может быть пары дней, он встал и начал речь, выдав вдруг довольно печальные новости, кому-то, наверное, подпортив праздник. Но не его воля была в том, чтобы сломать веселье, это было очень нужно сделать для блага людей, для их будущего.

Речь Самуила была примерно такая:

Вот, я послушался вас, поставил вам царя, и вот ваш царь перед вами. Я состарился и стал седым, и мои сыновья среди вас сейчас. Я был с вами с молодости, и теперь скажите – обидел ли я кого, судил ли кого-то неправильно, есть ли те, кто недоволен и может опспорить мои слова? Я возвращу вам, если нанёс ущерб.

Люди ответили, что среди них нет ни одного такого человека, кто бы желал предъявить ему претензии, хотя среди них явно были те, кто в разбирательствах выходил неправыми. Но и такие не могли покривить душой против честности и благородства посвящённого человека. Тогда Самуил призвал в свидетели Сущего, а также Саула, что за ним никто не нашёл никаких нарушений правосудия. Все согласились, что всё сказанное совершенно верно. Все ощущали, что веселье кончилось, и наступил какой-то серьёзный момент. Это был не просто выходной, который Самуил вдруг стал портить нравоучениями, но победа над серьёзным врагом, а также менялась эпоха, порядок общественного устройства, и хотя, наверное, не всем было приятна перемена в ходе праздника, все ожидали от очень уважаемого учителя народа новых откровений.

Теперь Самуил должен был сказать всё, что нужно было сказать, как бы оно не звучало, и он высказал упрёк людям за своего рода измену ему и Богу. Он сказал, что сейчас будет судиться со всем народом. Бог от начала помогал их отцам и им, выводя их из рабства и египетского, и от окружающих народов, которые не раз приходили к ним и поработали их, но они забывали каждый раз о Боге и Его защите. Сейчас, когда очередной завоеватель пошёл на них походом, они повели себя не как прежде, взывая к Богу, но потребовали царя, в то время, как их царём был их Бог. Если они и обращались к судье своего времени, они обращались к нему как представителю Бога, но в этот раз, требуя царя, они отвергли и оскорбили уже существующего судью, поставленного Богом и успешно избавлявшего их от вражеских войск. Они отвергли Самуила, и более того, и Бога как своего царя они отвергли также, пожелав видимого для себя, не понимая своих преимуществ перед всеми остальными народами.

Наверное, все хорошо понимали, о чём говорил Самуил, но он решил сделать свой урок более наглядным для них. Он обратил внимание людей на время года, что сейчас жатва пшеницы, не время дождей, летние месяцы, но сейчас будет дождь и гроза. Он стал говорить к небу, к Богу, и в ответ на его слова очень быстро началась сильная гроза. Эти проявления сил и стихий потрясли людей, они ощутили бессилие и страх, зависимость от многих и многих вещей, также от природы, которая не всегда благоприятна к человеку, что лишь забота обустроившего планету Бога обеспечивает их всем. То, что хотел сказать Самуил, как будто дошло до них. Некогда желание иметь царя, удобный момент, когда они могли получить требуемое, подобно страсти, затмило им глаза и здравый голос не мог пробиться к их разуму, но теперь их желание было удовлетворено, и в разгаре своего успеха и веселья они осознали моменты своей неправоты. Духовность, наработанная многими годами трудов Самуила и его помощников помогла людям постигнуть глубину их падения, в том числе тяжесть оскорбления, нанесённую Самуилу, которого они фактически отодвинули с его пожизненного поста. Многие ахнули – "ко всем нашим грехам мы добавили ещё и этот, что потребовали себе царя". Если бы их требование не было выполнено, то разгоревшееся недовольство было бы очень трудно погасить, и объяснить что-либо разгорячённым людям, считающим себя обманываемыми, было бы невозможно. И что было вернее – чтобы они поняли, куда их занесло, получив желаемое или же чтобы они остались в прежней системе устройства, но разрушив себя и страну бунтами? Результаты того и другого вряд ли различались.

То, что люди поняли свою проблему, было хорошо, но назад уже было не вернуться, и угроза отступивших царей обязательно принесёт много проблем, в конце концов доведя страну до гибели. Впрочем, этот народ мог достигнуть того же конца и без царей, так что по всем раскладам как будто было легче дать им желаемое.

В прошлый раз царь был представлен народу, но полной процедуры не было совершено, оппозиция в народе поставила назначение Саула под некоторое сомнение, и лишь теперь, после победы над аммонитянами, царь был принят всеми и утверждён по настоящему. Видимо поэтому Саул некоторое время занимался полевыми работами как и прежде, не пытаясь строить систему управления или умирять своих противников. В начальный период под руководством божественного Духа это был воистину великодушный, утончённый и разумный человек, лишённый нездоровых амбиций и избыточной гордости. Это время между провозглашением его царём и реальным вступлением на трон могло стать крепким фундаментом его личности, обеспечивая твёрдость принципов и верность Богу, призвавшему его, продолжи он и в дальнейшем держаться этого направления.

Саул

Освобождение от филистимлян. Неверные действия Саула

Год или два спустя после начала царствования Саул выбрал себе дружину числом в три тысячи человек. Для регулярной армии этого было слишком мало, но эти люди могли быть его вестниками и организаторами, выполняющими любое его поручение. Хотя Саул легко справился с аммонитянами, однако же с давних пор на западе израильских владений закрепились филистимляне. До сих пор их отряды стояли в некоторых местах, и там, где они стояли, они осуществляли контроль над населением. Из-за их политики сдерживания у многих людей не имелось оружия, и даже кузнецов, могущих его делать, филистимляне не позволяли иметь. За всяким делом, связанным с железом, им приходилось идти к филистимским мастерам. В восточных территориях люди, скорее всего имели оружие – мечи и копья, но в пределах влияния филистимлян с этим были проблемы. Хотя даже в этих условиях луки и пращи имели все, это филистимляне почему-то не считали опасным для себя, либо просто не могли контролировать. В пределах вениамитян также стоял охранный отряд филистимлян, проводящий их политику в этих краях. В какой-то мере ещё со дней Самсона люди этих мест привыкли к их присутствию и не замечали его или не слишком им тяготились, привыкнув обходиться тем, что есть. Однако же Саулу и его людям их присутствие было очень заметно с тех пор, как он стал царём. Со своей стороны филистимляне, видимо, тоже расслабились, не чиня никаких препятствий тому, что делал Самуил, они хорошо помнили попытку своего вмешательства в Массифе лет десять или меньше назад, и видя его мероприятия, направленные на укрепление духовной составляющей Израиля, в эти дела они старались не лезть, Авен-Езер и вмешательство Суцего им запомнились. Наверное, поэтому они не вмешивались и в назначение Саула, поскольку всё осуществлялось через Самуила. Они косо поглядывали на появление у Саула дружины, но не спешили высказывать недовольство. Так вышло, что теперь в Израиле появились силы, способные взять под свой полный контроль всю страну, и столкновение с давними вторженцами было неизбежно.

Саул не спешил начинать действий против филистимлян, не видя достаточного повода, народ к ним слишком привык и где-то они могли считаться едва ли не своими. Не было явного угнетения, как бывает в устоявшейся компании, где у некоторых между собой натянутые отношения, но уже выверенные и не создающие новых проблем, и обе стороны выработали взаимоприемлемое поведение в отношении друг друга. Пытаться их изменить означает разрушить тот хрупкий мир, который сложился, и далеко не все готовы на это идти и не одобряют максималистов, потому что неизвестно, чем это кончится, тогда как худой мир всё же мир. Так думал Саул и большинство народа. Однако рано или поздно надо было это решать, и Саул готовился к вы-

теснения филистимлян из страны, но так и не был готов начать решительных действий. Но сын Саула Ионафан, наверное, по молодости был склонен к более радикальным подходам. Неизвестны причины, скорее всего кто-то из филистимлян недостаточно вежливо обошёлся с ним или кем-то из его отряда, в общем, охранной отряд филистимлян в Гиве был уничтожен. Это, естественно, создало ситуацию большой ссоры с захватчиками и началась война.

Саул как будто совершенно не осуждал сына за проявленное нетерпение, нет никаких следов подобного, он принял свершившееся как факт, видимо, сам давно уже думал, как бы начать развязывать этот узел. Здесь у него возникла другая проблема. По новым уставам от Бога царь не был полностью самостоятельным, пророки и судьи осуществляли некоторый контроль, в данном случае Самуил ещё изначально, с первой встречи дал Саулу приказ ожидать его, прежде чем начинать важные действия. Место встречи было в Галгале, первом лагере в Ханаане, и Саул должен был ожидать не менее недели. Он помнил приказ и терпеливо ждал, хотя многое, казалось, заставляло его торопиться. Самуил был нужен, чтобы дать инструкции свыше, также ободрить и благословить участников боевых действий, что на самом деле весьма существенное дело. Нет, благословения можно обрести разными путями, но был приказ ожидать именно Самуила для совершения всего нужного. Но в это время филистимляне собирали большую армию, сильно возмущённые восстанием и нападением на представительство в Гиве. Они уже были готовы к боям, уже ходили по стране, беря под контроль города, а он всё должен был ждать и не мог ничего делать. Множество людей прятались от филистимлян в горах и укрытиях, кто где мог. Поначалу к Саулу собралось немало людей, однако когда день за днём не делалось ничего, многие теряли настрой и разбегались по домам, а то и бежали на восточные территории подальше от войны, надеясь отсидеться там. Саулу вид деморализованной толпы действовал на нервы, и он начал терять уверенность в помощи Бога. Он негодовал на Самуила, которого какие-то помехи задерживали в пути, он боялся, что народ от него разбежится и ему будет некого вести в бой. Самуил должен был спросить Бога о предстоящих сражениях, а также принести жертву, без которой не делалось в те времена ничего. Спросить Бога Саул не мог, точнее не был уполномочен и призван делать это в общественном масштабе. Ему бы, поскольку он и сам наделён Духом, сосредоточиться на этой связи со Всевышним, пусть без конкретных ответов, но он бы тогда перестал беспокоиться и находиться в мрачном состоянии духа, что в свою очередь изменило бы положение с людьми, они бы тоже перестали разбегаться и унывать.

Шёл седьмой день ожидания, люди знали, что это крайний срок, но они не ждали окончания этого дня, когда условие истекало и можно было бы быть свободным от распоряжения Самуила. Они начали массово разбегаться именно сегодня, и Саул решился на дело, для него не предназначенное. С новой утончённой душевной организацией Саул мог бы легко вспомнить или подумать, что Богу не составило бы труда дать им победу с любым числом оставшихся людей, но он, поддавшись беспокойству и разочарованию, потерял верный настрой, отдавшись мрачным чувствам. Он потребовал привести животное для жертвы и начал совершать жертвоприношение, не будучи ни священником, ни назореем, ни пророком, уполномоченным на такое исключение из правил. Он свершил свою жертву, рискнув всем, но ответа свыше так и не получил, зато вместо этого он увидел, что Самуил наконец-то пришёл.

Я бы по человечески понял, что многие на месте Саула могли бы обрушить на него упрёки, однако же Саул особо не упрекает Самуила, но он даже не пытается извиниться, не ощущает за собой вины, за которую по закону должен бы ответить жизнью... Правда, в условиях, когда многие делали подобное, втихомолку делая по запрещённому патриархальному порядку, одного Саула привлекать к ответу было бы слишком жёстко, тогда бы было нужно тотально следить за каждым, кто приносил жертвы самостоятельно.

Самуил ответил ему на его оправдания, что нарушение условия, данного ему изначально, уже привело к самым плохим для Саула последствиям. Если бы Саул выдержал это испытание,

его положение на троне было бы увековечено, но теперь вместо него будет другой человек. Саул пока ещё не проникся гордыней, не заразился страстью к власти, не стал подозрительным, но когда он потеряет присутствие в нём Духа, спасающего его от власти тьмы, в нём быстро разовьются самые неприглядные черты тирана и властолюбца. Ещё пару подобных шагов непослушания Богу, и вместо божественной силы в нём воцарится пустота, пока же присутствие Бога в нём не давало места многим и многим видам зла. Но и удержать его силой на Пути Дух не то, что не мог, это просто не его задача – если человек позволяет себе делать иное, чем его склоняет присутствие высшей природы, то винить он может только себя, выбор делает не Бог, а сам человек и только человек.

Саул иногда лично мне воспринимается как очень лёгкий человек, в смысле легко относящийся к тому, что для других значимо и весомо, он иногда слишком беззаботный. Сейчас, выслушав едва ли не приговор, он как будто не услышал, что он не будет царём всё время. Конечно, перед ним стояла важная проблема – война с филистимлянами, которых сильно взбудоражил его сын. То, что он не беспокоился о занимаемом положении, как будто даже похвально, но то, что он не допускал ни малейшей мысли о своей вине, не хотел подумать, что нарушил волю Бога, весьма нехорошо. В таких ситуациях говорят о "морде ящиком", о прикидывании шлангом, о том, что кто-то строит из себя невинного при полной очевидности нарушения. Когда нарушение маленькое, многие оценивают это как отсутствие нарушения, но одно дело, когда нарушается правило из общественного договора, которые меняются со временем, и другое, когда нарушается что-то из божественных постановлений и норм (хотя и с правилами людей тоже не всё просто). Надо отметить, что Саул в прежней жизни был далёк от религиозности, духовности и всего, связанного с Богом, хотя в то же время не был и нечестивым, держась в рамках того, что называют "добрыми людьми". То есть понимал ответственность за поступки, но только в узких пределах обыденности, оставляя за собой право жить полностью по своей воле и нарушать что-либо, если очень хочется или чем-то выгодно, соглашаясь нести ответственность, будучи пойманным. Праведным он, можно сказать, стал помимо своей воли. Кто-то бы даже мог сказать, что он был сделан праведным насильно. Правда, он не чувствовал себя принуждаемым, просто в нём открылись новые ощущения, он увидел иные направления, лучшие его прежних представлений о жизни, и естественно следовал им. Однако же старые привычки никуда не делись, и сейчас они дали о себе знать. По настоящему праведный человек проходит борьбу внутри себя за выбор правильного, через отречение от привлекательных для одной стороны своего существа вещей, но губительных для самого человека, и в этой борьбе за правильный выбор он закаляется, и в результате в нём формируется более прочный характер. Саул же не имел такого опыта, он прежде жил как получится, не мучаясь выбором, и после своего перерождения под внешним воздействием жил в этом отношении практически также, пока праведное ему нравилось, он выбирал праведное... И когда пришло время делать выбор, когда ситуация привела его к дилемме поступить так или так, он с привычкой к лёгким вариантам естественно скатился к прежней бездумной жизни. Отречься от желания – это дело было неприятное, но главное, что непривычное. Нет, он и в зрелые свои года мог начать борьбу за настоящее и истинное, мог вполне наверстать упущенное, но всё же в большой группе таких людей лишь немногие станут это делать, остальные пойдут так, как шли – инерция большое дело, однако.

В общем, Саул, как ни в чём ни бывало, собрал людей, оставшихся с ним, а это было всего лишь шестьсот человек из прежних двух тысяч, остальные разбежались, и оправился на соединение с отрядом Ионафана. Неподалёку от отряда Ионафана, впрочем теперь здесь был Саул, взявший на себя командование, находился главный лагерь филистимлян. Пока не начинались столкновения, филистимляне посылали рейдерские отряды вокруг себя, собирая, точнее грабя провиант для себя, предупреждая евреев от того же, чтобы оставить их без снабжения. Саул опасался атаки филистимлян, когда на седьмой день ожидания взялся за принесение жертвы само-

стоятельно, но нападения и столкновения на их лагерь не было до сих пор. Он довольно сильно выпал из должного хода вещей, оказался выбит собственным нарушением, и не решался теперь на активные действия. Самуил не дал ему никаких распоряжений и советов о воле Бога. Сейчас он пытался понять, что надо делать в сложившихся обстоятельствах, но пока не мог ничего придумать. Он, берясь за жертвоприношение, думал, что обладая даром Духа, сможет понять ответ Бога, потому что он имел с Ним контакт через имеющийся дар, но сейчас он убедился, что хотя он и может быть назван пророком из-за дара, но с Самуилом и ни с кем из судей он не равняется. Впрочем, если бы Бог не хотел отвечать по какой-то причине, никто вообще не смог бы узнать ничего. Если пророк общественного назначения получал распоряжение, он должен был передать его кому-то, если не всем, но если Саул или Давид имели откровение, то на них не было обязанности делать его известным. Могли поделиться, но они не отвечали за его сокрытие от остальных. Здесь кардинальная разница между этими дарами. Если бы я из видения узнал что-то, неизвестное до сих пор, я не обязан доводить это до всех и каждого, но если тот, на ком лежит такая обязанность, утаит что-то из открытого ему, он будет чрезвычайно виноват и его судьбе не позавидуешь.

Ионафан, сын Саула, оказался под сильнейшим впечатлением перерождения отца. Он видел совсем другого человека, и хотя и прежний Саул для него был отличным отцом, но теперешний, наполненный присутствием Всевышнего, был намного выше и лучше. Он стал утончённым, светящимся, приятным во всём, очень умным и чутким. Вышло так, что Ионафан получил от дара отца намного больше, чем сам Саул... Он и сам теперь открыл для себя Сущего как интереснейшую личность на свете, с Которым возможно почти всё (почти только потому, что ты человек, чего-нибудь, да не знающий). Он самым серьёзным образом впитал всё, что можно было найти и узнать о Боге в своём окружении, и от него заражались этим же настроением и другие. Скорее всего Ионафан не был наделён Духом, как ученики Самуила и Саул, но это явным образом. Когда человек тянется к высшему, к свету и правде, то и высшее тоже тянется к нему, это взаимно, потому что сам интерес этот вызван опять же присутствием в человеке высшего начала, так что это лишь дело времени, когда проявится дар Духа, Он не всегда появляется заметным образом.

В один из таких дней, когда Саул не знал, что делать, когда отряды филистимлян обирали ближние и отдалённые края, когда население пряталось от войны в ущельях, пещерах и лесах, Ионафан ощутил сильное побуждение к действию. Бездействовать в этой обстановке, он ощущал, было неразумным, филистимляне рано или поздно не оставят им ничего съестного и возьмут их голыми руками, когда они от голода ослабеют. Он прекрасно помнил из истории своего народа случаи, когда Бог действовал руками совсем немногих людей. Сам он великолепно владел оружием и своим телом, поэтому не ощущал какой-то опасности для себя, вид же врагов, топчущих его землю и отнимающих всякие припасы у его народа возбуждал жажду восстановить должное положение вещей, чтобы в Израиле эти люди были лишь гостями, но не хозяевами и не врагами. Дальше он терпеть не мог, и предложил своему оруженосцу выйти к врагам с целью нанести им ущерб. Он не действовал самоуверенно, но собирался согласовать своё намерение с Сущим. Оруженосец полностью поддержал его с виду рискованный план, Ионафан заражал многих своей уверенностью и располагал к себе обходительностью и дружелюбием. План же был такой – показаться на глаза филистимлянам, охраняющим их лагерь, находящийся на другой стороне долины. Дальше всё зависело от того, какой ответ даст им Бог, какой знак, о котором они условились, они получат. Если филистимляне позовут их наверх, то значит Бог отдаёт врагов в их руки и будет полный успех. Но если филистимляне скажут, чтобы они сейчас спустились вниз к ним, то успеха не будет и надо будет уходить, по крайней мере не идти на столкновение.

Многие, наверное, засомневаются в качестве такого источника информации, какой выбрал Ионафан. Ответ, хотя был испрошен у Бога, должны были дать враги, люди, чуждые Сущего, имеющие своих богов. Да и вообще, без каких-то особых ритуалов, не имея даже Урима и Туммима рядом, задавать вопросы Богу – не слишком ли смело? И вообще надёжно ли это было? Пожалуй, не будь Ионафан связан с Богом большим интересом ко всему, связанному с Ним, не имея он чистой совести, без которой контакт с живым Богом всегда нарушен, то есть всякое непрощённое, не исповданное, то есть названное по имени зло или грех, нарушение Его воли, разрушают контакт с Ним, то его запрос к Богу был бы простой самонадеянностью и это легко привело бы его в большие проблемы и даже гибель. Но Ионафан с тех пор, как встал на Путь, если и нарушал где-то волю своего Бога, то не оставлял ничего позади себя неназванным, не осозанным и не принесённым к Нему с повинной. Между ним и Богом ничего не стояло, он не ощущал никаких преград, чтобы обращаться к Богу с любой нуждой, поэтому так легко и непринуждённо определяет, как Бог даст ему верный знак об успехе задуманного. Без сомнения он задал вопрос и чётко знал, что Бог ответил "да".

Охранники, увидевшие внизу двоих молодых евреев, рассмеялись – "однако евреи стали вылезать из своих укрытий", и предложили им подняться наверх, им здесь что-то скажут, и вряд ли утешительное. Среди евреев были те, кто держались филистимлян и считались у них своими, но по крайней мере у одного из находящихся внизу был меч, и было件нятно, что это с другой, непримиримой стороны. Ионафан, услышав желаемый ответ, сказал оруженосцу, чтобы он следовал за ним, их враги уже побеждены. На время восхождения они стали невидны тем стражам, карабкаясь по крутым скалам. Когда Ионафан появился на площадке, где находились воины дозора, он начал действовать стремительно, те же несколько опешили, не ожидая натиска. В доли секунды первые воины были сражены, Ионафан кинулся к другим, и почему-то все те филистимляне, что находились в этом месте, не успевали отреагировать, двигались заторможенно. Даже умелые воины никак не могли собраться, лишь видели, что один человек двигается как молния и там, где он пробегает, падают тела. За Ионафаном двигался оруженосец, добивая раненых, он разжился подходящим оружием у врагов, но его помощи почти не требовалось. Небольшой отряд был разбит на виду у большого лагеря, и увидевшие, как была уничтожена наблюдательная группа на краю горы, впали в панику. Что им показалось в первый момент, трудно сказать, но они побежали. Паника в большом лагере на горе заразилась и те отряды, что отошли уже на некоторое расстояние, они увидели хаос, приключившийся на их базе. Многим показалось, что напали не только со стороны обрыва в долину, но любое движение с других направлений ими воспринималось как нападение неприятеля. Чем больше людей поддавалось панике, тем больше виделось врагов. Панику усугубляло то обстоятельство, что среди филистимлян находились и евреи, державшие их сторону, но сейчас никто не разбирался, свой это еврей или чужой, в минуту этой неразберихи и ужаса все они воспринимались чужими. Разбираться было некогда, и евреи, считавшие филистимлян друзьями и прислуживавшие им, теперь подверглись атаке и многие оказались убиты. Это вызвало, разумеется, ответную реакцию, и в таком обращении с собой эти евреи увидели, что их не считают за друзей и людей. Они видели это и раньше, но надеялись через угождение захватчикам как-то устроиться в этой жизни, но теперь даже они поняли, что это враги и с ними им не по дороге. Кто мог, вооружался и нападал на филистимлян, что действительно увеличило количество нападавших. Так что паника привела к цепной реакции усиления паники и неразберихи. Доходило до того, что филистимляне нападали уже на своих, не видя разницы между друзьями и врагами.

В это время у Саула заметили, что в лагере филистимлян поднялась суматоха. Проведя проверку людей, поняли, что не хватает Ионафана и его слуги. Было непонятно, что делать, но в то

же время ясно, что это удобный момент для нападения. Всё же желательно было спросить Бога перед этим, но спросить не получилось, когда первосвященник с камнями пришёл к Саулу, было настолько всё ясно, что спрашивать было уже нечего, ещё немного и врагов практически не останется. Поэтому Саул сказал священнику, чтобы он ничего не делал, но отдал приказ об атаке, видя, что Бог уже дал ответ – враг уже поражён. Сегодня не он, нарушивший распоряжения Бога и взявший на себя слишком много, принеся жертву самовольно, был организатором победы, но его сын был тем, кто принёс избавление.

Когда отряд Саула подоспел к лагерю филистимлян, они увидели, что все воюют против всех, а увидев новых нападавших, все бросились бежать, израильтянам осталось только догонять их. Многие, услышав о победе Израиля, выходили из мест, где прятались до этого, и присоединялись к погоне за врагами. Филистимлян собралось много, и работы хватило всем, может быть не всем досталась богатая добыча, но гонять убегающих занятие само по себе довольно захватывающее...

Саул в этот день сделал ещё одно неверное действие, хотя и не столь явно нарушающее законы Бога, однако некрасивое. Перед этим он был не в настроении после конфуза перед Самуилом, а также нескольких дней бездействия и нерешительности, что не прибавляло ему ни авторитета, ни уверенности в себе. Также это время, когда он мог бы навести порядок в себе, примириться с Богом, придя с повинной, он потратил бездарно и бесплодно, запершись в себе и не желая признавать никакой вины, сваливая вину на опаздывавшего Самуила и невовремя начавшего войну сына. В таком весьма удалённом от Бога состоянии он намерился пристроиться к успеху сегодняшнего дня. Он потребовал от всех какого-то особого, причём совершенно ненужного посвящения, закливая людей требованием не есть в этот день, пока идёт сражение. Он прибавил к проклятию обоснование – "пока я не отомщу врагам моим", эгоистичные слова, как будто битва принадлежала ему, что не было верно – война была Сущего, и даже начало битвы было не его, как и разгром, к которому он лишь присоединился. Однако он был царём, вождем народа, авторизованный Всевышним, его слово имело вес, и небо услышало его заклятие – если бы кто-то нарушил его, то либо нарушитель должен был умереть, либо если бы он не был известен, заклятие пало бы на всех, и могла бы повториться история с Аханом, приведшая к поражению в Гае в начале завоевания Ханаана.

Люди были устали после многих часов погони и сражения, и теперь, когда зашло солнце, многие поспешно резали животных, готовя еду. В этой спешке не все сливали кровь, как требовалось по уставу, но с этим Саул быстро разобрался и приказал, чтобы животных резали в его присутствии. Когда люди немного отдохнули и поели, Саул подумал, что было бы неплохо довершить начатое, в эту же ночь продолжить преследование врагов, чтобы нанести более существенный ущерб. Народ был не против, но первосвященник предложил, что надо спросить Бога, потому что дело могло быть рискованным. Он задал вопрос Богу, однако же сейчас камни не показали ничего, ответа не было. Саул понял, что его заклятие кто-то нарушил, другой причины для молчания Бога как будто не было. Сейчас он выступал как ревнитель, как жёсткий судья, заранее готовый даже сына покарать за нарушение. Совсем недавно он упрямо противился всему, что говорил Самуил, тупо оправдывая себя, не желая признавать ничего, теперь же старался компенсировать свои грехи наказанием чужих... Кстати, это общая проблема человечества, далеко не только в религии бывает, что снисходительность к себе компенсируется жёсткостью и даже жестокостью к другим, виноватым гораздо меньше. Как бы у судьи, оправдавшего преступника за некую мзду или угрозу своей жизни потом начинает говорить совесть, и после этого на невиновного или на виноватого в меньшем проступке, он накладывает несоизмеренно большое наказание, как бы в компенсацию за предыдущую сделку с совестью... Но такая чрезмерная нетерпимость к чужим грехам и нарушениям, особенно если она соединена с терпимостью к себе и своему кругу, наказываться соответственно, также жёстко и немилосердно. Ионафан, преследуя

врага, не был там, где Саул объявлял своё заклятие. В лесу он наткнулся на текущий из дупла дерева мёд, и обмакнув в него конец палки, поел, сколько там его оказалось. Больше он себе позволить не мог, однако и этот глоток мёда заметно укрепил его силы, усталость отступила и глаза загорелись новым огнём. И только сейчас спутники, присоединившиеся к нему, просветили его насчёт того, что Саул заклял всех не есть до захода солнца... По идее, Ионафан, поскольку он не был в это время среди отряда, не должен был подпадать под заклятие, но поскольку его просветили об этом, ситуация стала расплывчатой, нечёткой. Совсем другое дело было бы, просвети его спутники заранее, тогда он просто не стал бы этого делать, однако же Бог решил дать Саулу урок, показав ему значимость слов, и то, что за всякое слово придётся отвечать. Заклятие Саула Бог привёл в действие, но не стал наказывать нарушителя, как должно было бы быть, если бы оно было уместным и поддержано Им, и не стал требовать полного расчёта.

Итак, когда Саул понял, что кто-то виноват, то стал искать нарушителя его заклятия. Он потребовал от начальников и командиров доложить о ситуации с этим. Все знали, кто был нарушителем царского слова и красноречиво молчали, и Саул, начав ощущать неладное, решил бросить жребий. Он разделил себя с сыном против народа, и жребий показал виновными его с Ионафаном. После этого надо было узнать, он ли виноват сам или всё же сын. Ему было страшно, так как он знал за собой упорство в отрицании вины – вдруг Бог сейчас укажет на него самого? А он уже не раз тут поклялся, что виновный непременно умрёт... Но всё же жребий указал Ионафана, и Саул потребовал от него объяснений, готовясь к тому, что героя-освободителя, кем он гордился, сейчас придётся убить. Его сын силой Бога принёс победу этого дня, и он же оказался нарушителем его глупого каприза – но сейчас Саул был монстром, преследующим только эгоистичные цели, он выгораживал себя перед народом и своей совестью, не переживая о дорогом прежде сыне.

Саул потребовал отчёта, что именно произошло. Он сам прекрасно знал, что Ионафана здесь не было, когда он отдавал этот приказ, что он в это время гнал тысячи врагов и убил многих из них, однако судит его так, будто он слышал заклятие наравне со всеми... Ионафан рассказал – "с палки я лизнул немного мёда, и вот теперь должен умереть...". Он ощущает некоторую горечь, неправильность ситуации, и он вполне мог догадаться о такой проблеме ещё когда ему рассказали о заклятии. Близость смерти, не в бою, где Бог его поддерживал, а от руки своих же, кого он сегодня выручил из больших проблем, смутила его и он немного растерялся. Саул, вместо того, чтобы обратиться к Богу, как разрешить такую ситуацию, а зацепка была очень сильная, ведь сын не знал о заклятии, держал лицо каменным, в глаза сыну объясняя ему, что он всё же должен умереть. Счастье, что сам ещё не схватился за меч, чтобы тут же выполнить угрозу. Потерянный контакт с Богом сказывался на его разуме, он считал, что попытка соблюсти правосудие сейчас будет истолкована как попытка избавить виновного от ответственности, и берёт свой авторитет, не боясь при этом на самом деле нарушить справедливость. Дело перед ним было необычное, запутанное, но он уже принял решение и не собирался его менять. Он ведёт себя так, как будто предпочёл, что пусть о нём лучше скажут, что он решительный, чем разумный... Он играл перед людьми, делая ставку на свой авторитет. Сегодня был второй случай, когда он упрямо держался ложного пути и всё дальше уходил от Бога.

Люди не остались равнодушными. Несмотря на авторитет, Саула самые сильные и авторитетные военачальники вмешались и не позволили, чтобы Ионафана коснулась чья-либо рука, защитили его. Они вынесли своё решение, более справедливое, чем соображения Саула, что спасителя сегодняшнего дня, героя, которому все они, в том числе и его судья, отец, обязаны жизнями, просто нельзя казнить, тем более в умах людей висело соображение о формальной невинности Ионафана. Саул не стал бороться с толпой, вставшей на защиту его сына, и скорее облегчённо вздохнул, чем рассердился, сам он почему-то не видел выхода из положения.

Очень важно то, что будь нарушение завета действительным, то есть если бы Ионафан был на самом деле виноват (но это лишь если бы он знал о завете), то после того, как его отказались судить, Бог должен бы был больше не отвечать ни на какие запросы, то есть покинуть и оставить евреев, как это было в случае с Аханом. И пока виновный не был бы наказан, не помог бы им, напротив, их враги имели бы успех в войнах с Израилем. Но Бог сейчас показал, что с заветами нельзя обращаться своевольно, запреты и ограничения должны накладываться только по делу и в рамках уже данных законов и порядков. Его молчание, фактически, было неодобрением не Ионафана, как бы нарушившего завет, а Саула, наложившего его. И когда дело было вскрыто и разобрано, не продолжил Свой бойкот дальше, продолжил заботиться о народе и земле.

Похода, который Саул предложил, не состоялось, на следующий день Саул, мрачный от окружающих его личных неудач, не решился продолжить успех вчерашней победы, так что филистимляне получили возможность передышки и войны с ними продолжались, но теперь они уже не выглядели столь критичными. Через некоторое время Саул вернулся в нормальное расположение духа, и был вполне успешен во всех походах и сражениях со многими окружающими воинственными соседями и с востока и с запада. Даже если он сам упустил что-то в отношениях с Богом, то его люди и вся страна пользовались по прежнему расположением Бога, Саул же просто пытался не думать о своих проблемах. Увы, слишком успешно.

Последнее испытание Саула – война с амаликитянами

Бог не мог оставить Саула в таком зависшем положении, это был народ, связанный некоторыми обязанностями перед Ним и человечеством, имеющий важную миссию. Саул сделал неверные шаги, но хотя ему было объявлено об отвержении, всё же человек может и одуматься, измениться, пока он жив. Порог отказа от призвания ещё не был перейдён, и Бог дал Саулу ещё шансы на исправление своего пути, ещё раз испытал его, какой выбор он сделает на этот раз. На Сауле ещё оставалось одно дело, где он мог показать себя и реабилитироваться, кто знает, могло и получиться. Бог послал Самуила с новым заданием к царю, и Самуил чётко дал понять, что это не его личный каприз, но голос Всевышнего. Бог напоминал, что он стал царём по Его призыву, настраивая на серьёзный лад. Задание было как будто совершенно нетрудное, как раз по профилю воинских умений – провести окончательную расплату с амаликитянами. Этот народ очень долгое время Бог не трогал после того, как лет пятьсот назад они напали на ослабевших людей, отставших в переходе от основной массы народа, только объявил о возмездии. Амаликитяне за прошедшие века несколько не изменились, не исправились ни в чём, скорее лишь закоснели в своей ненависти к народу Всевышнего, так что их время истекало. Оттого, что они были приговорены давно и записаны в памятные записи у самого Сущего, с ними надо было поступить как с заклятыми, то есть от них нельзя было брать никакой добычи. Саул должен был это понимать однозначно, он сам видел, как сильно даже слово человека меняет ситуацию, когда из-за Ионафана, лизнувшего немного мёда в нарушение его приказа, Бог перестал им отвечать.

Он созвал войско, послав вести во все племена, и собралось немало народа, за двести тысяч человек. Они сделали дело, уничтожив всех, кто был в городах и сёлах, однако же почему-то оставили в живых царя, главного своего врага, воплощавшего воинственный и бандитский дух этого народа. Также они не должны были брать никакой добычи, однако же непонятно почему и этот приказ не был выполнен, многочисленные стада овец и волов также были приведены с собой. Если бы Саул потребовал, не думаю, что кто-то бы осмелился противоречить его воле, однако же он совершенно не обращал на это внимания. Я бы подумал, что это было его прямое разрешение брать животных. Он уже давно склонялся к чему-то такому, что можно назвать "теорией замен", то есть сводил отношения с Богом, с Его справедливостью и судом к торгу – если нарушил что-то, выполни какое-нибудь другое требование для покрытия проступка. И ещё у многих людей присутствует идея, что "тройка" – удовлетворительная оценка... Тоже весьма вредная

идея в отношении выполнения божественных распоряжений и законов. Бог нигде не давал оснований для такого подхода, но сон разума, бездумная жизнь выдвигали свои извращения здравых начал религии. Со стадами животных у него была заготовлена отговорка, которую он потом и озвучил Самуилу, что эти животные пойдут для жертв их Богу. Мысль неплохая, казалось бы, однако это если бы этот скот они не предназначали вместо своих животных, таким образом экономя своё имущество... Но кое-что с этим было не так.

По законам Моисея, возможно я ошибаюсь, но не исключено, что моя ошибка совпадает и с их подходом, а именно – что заклётое должно принадлежать храму, таким образом они привели эти стада как бы не себе, а для храма и богослужения. Может быть такое дело было бы нормальным, хотя по законам заклётое в жертвы не приносится, это касается только неживых предметов. Однако же Саул отвечает Самуилу на вопрос о животных, что они предназначены для их собственных жертвоприношений, а вовсе не храмовых. То есть это добыча для них самих, а не храма. Если бы это было предназначено для храма, то они сами уже не могут этим распоряжаться, и значит не могут приносить это в жертву от себя. Они же собрались именно сэкономить за счёт скота амаликитян. Таким образом они коснулись заклётого, присвоили его сначала себе, и лишь потом собрались приносить это в жертву.

Бог говорил с Самуилом ночью, что жалеет о том, что поставил его в цари. Саул не оправдал возложенных на него надежд, его сопровождали чудеса, влияние Бога могло хранить его везде, но он сумел нейтрализовать голос Духа и Его освящающее действие. Его безразличие к вопросам духовным, свойственное ему изначально, вернулось на своё привычное место и вытеснило то, чем он был наделён после встречи с Самуилом. Утончённость и продвинутая чувствительность может быть и не исчезли, но своей главной работы они уже не совершали, Саул сумел сделать себя прежним собой, уклоняющимся от вопросов высшей значимости, от совести. Самуил очень огорчился этому, он искренне привязался к Саулу, хотя и видел, что он с некоторых пор совсем не тот, кем стал под действием Духа. Но он всё надеялся, что тот передумает, вернётся на Путь.

Если кто-то думает смутить вопросом, зачем же Бог ставил Саула, если изначально знал, что он станет снова неверным, то вопрос сей навеян представлением, что Бог должен всегда добиваться стопроцентного успеха. Это хорошая стратегия для создания машин, но не в делах с существами субъективного устройства. Живые существа могут быть разными – там, где замешан выбор, нельзя действовать программируемым выбором, иначе это не выбор.

У Саула были все возможности остаться верным человеком, и это был его выбор, а не ошибка Бога. Бог не ошибался, Он ожидал желаемого результата, и это Саул не оправдал ожиданий, но не Тот, кто хотел, чтобы Саул был на нужном пути и дал ему на это шанс и все возможности для этого. Бог берёт своё в другом месте – все, сбившиеся с Пути, подобно Саулу, сделавшие себя негодными для Бога, в том числе и Люцифер, ответят за сделанное ими. Впереди время большого Расчёта, и в то время никто не скажет, что Бог проиграл... Да, на протяжении истории "информационная война" чаще была проигрываемая, но это такое, не самое главное.

Встав утром, Самуил пошёл на встречу с Саулом. По дороге ему рассказали, что Саул после похода пошёл сначала куда-то на Кармил и поставил там себе памятник (по крайней мере что-то сделал там), и после этого пошёл на встречу в Галгал. Когда они встретились, Саул приветствовал его словами благословения, как бы благодаря за помощь и поддержку, добавив, что выполнил всё порученное. Для Самуила такая кривизна души была не то, чтобы внове, но ложь в глаза без малейшего сомнения, когда сам же знает о неверности сказанного (и знал о том, что

Самуил тоже знает...), коробила. Наверное, Саул считал, что если выполнить половину порученного, то этого более чем достаточно, чтобы считать поручившего своим должником. Самуил пытался деликатно, не загоняя сразу в тупик обнаглевшего подопечного, прояснить ситуацию, как далеко он готов зайти. Он поинтересовался, что это за бляение и мычание стоит неподалёку. Саул с готовностью (кто-то бы на этот тон не преминул бы навесить ярлык "прикинулся шлангом") ответил – "а-а, так это для жертв Богу, народ пощадил самое отборное из животных для этой цели, а остальное мы уничтожили...".

Это было нагло, разве что один только момент ещё оставался, что мог его извинить, если Саул бы уже потерял часть рассудка. Но это было впереди, сейчас он был ещё вполне здоров, лишь его духовность была разрушена. Самуил остановил его оправдания: "Не надо (или "не напрягайся", "не трать слова"). Я сейчас скажу тебе, что мне Суций говорил ночью". Это было серьёзно, и Саул немного напрягся – "скажи".

Самуил напомнил его первые дни, когда он был призван на царство – "не мал ли ты был в своих глазах, когда встал во главе племён Израиля?" Что-то случилось с Саулом за это время. Ладно, что он привык к положению главного, что от его слова и решения зависят судьбы людей. Не власть портит человека, а человек власть... Но после первого отступления, в чём он не раскаивался, он пошёл иным путём. Сейчас он, судя по всему, тяготился тем, что обязан слушаться команд Бога и Самуила. К этому его толкала ложная гордость, как она понимается многими в этом мире – ему не хотелось снова ощущать себя мальчишкой, которого отчитывает взрослый. Разве не должен он быть здесь первым, царь он или здесь или кто? Но пророк, будучи связным между людьми и их Богом, стоял выше него, и не только потому, что был пророком, но он был великим человеком, редчайшим за всю историю человечества. Это было как-то не то, что у остальных народов. Хотя, вообще-то вопрос о светской и духовной властях в любом развитом государстве мог стоять остро, и эта проблема решалась по разному в Египте и в Вавилоне. Саул, похоже, о таком противостоянии жрецов с царями не слышал, ему просто не хотелось зависеть от кого-либо вообще, хотелось развернуться в полную силу без ограничений. Это он прочувствовал влияние той силы, которой оказался подневолен со времени отхода от Бога. Саул думал скинуть с себя подневольность Богу. Им овладело примерно то же состояние, что и Люцифером в своё время – пойти на риск, а там как кривая вывезет. То, как он поступил с распоряжением Бога, показывает, что это было спланировано и осознано, он ещё не дошёл до открытого восстания, слишком рано было для этого, но уже насмеялся над Самуилом своими вроде даже идиотскими ответами, он готовился, прощупывал границы, насколько далеко он может зайти. Он знал, что Бог может остановить его и наказать, поэтому не спешит действовать открыто.

Самуил продолжил – "тебе было приказано Богом – иди уничтожь заклятых амаликитян, а ты бросился на добычу – зачем? Зачем сделал зло перед Богом?" Та роль, которую Саул выбрал для себя, диктовала, что сейчас надо изображать из себя оскорблённую невинность, и он упорно держит эту линию – "Но я же послушался голоса Суцего – я пошёл, куда Он меня послал и привёл вот Агага, царя амаликитян, и народ из заклятого (то есть прекрасно понимая, что это запретное) взял для жертвы Суцему в Галгале" (другие цари на его месте избегали даже намёка, чтобы принесённое ими в жертву было бесплатным для них, да и само понятие "жертвы" подразумевает принесение её именно и исключительно из своего, а не из чужого имущества).

На этот тезис Самуил возразил очень существенно, и Саул не был готов к такому повороту – "Неужели жертвы так же приятны Суцему, как послушание? Повиновение лучше жертвы... И непокорность есть то же, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство". Саул, похоже, рассчитывал вывести Самуила из себя, заставить его ощутить себя бессильным влиять на него, заставить видеть в Сауле главного, фигуру номер один в стране, в логике людей из лагеря тьмы это понятно, двух руководителей не должно быть, потому что не может такого быть. Но вместо этого он ощутил, что перешёл черту в отношениях с Богом, без Которого не могло быть

его успеха. Кроме этого, он услышал ещё и приговор – "ты отверг слово Суцего, и Он тоже отверг тебя, чтобы ты не был царём".

Если без Бога Саул ещё как-то рассчитывал свою дальнейшую жизнь, если, конечно, Его не оскорблять слишком сильно, то на такой поворот почему-то не рассчитывал. Он вывел из себя вовсе не Самуила, как он рассчитывал свою игру, но Бога, с которым спорить было, он это достаточно хорошо понимал, не с руки. Он понял, что его игра не вышла, вместо того, чтобы отставить Самуила в сторону от влияния в стране, он сам вдруг оказывается не у дел. Дальше наглотаться нельзя, дело может кончиться ещё хуже, и он соглашается быть номером два, и начинает признаваться, хотя это всего лишь уступка более сильному, но не признание вины. Теперь он признаётся, что да, "я согрешил, я нарушил повеление Суцего", но это только потому, что боялся возразить народу. Он лжёт, прикрываясь народом, как будто все были такие злодеи, кинулись грабить и слова не скажи, не посмотрят, что царь. Такого практически не было в Израиле никогда, особенно сейчас, когда Саул был популярен у всех с его успехами во всех походах.

Саул просит Самуила не покидать его, ему стало страшно, что если он теперь нелегитимный царь, то люди могут убить его. Он рассчитывает, как бы это не дошло до людей, потому что могут сразу найтись охотники на царство, он помнил претензии тех, кто не хотел признавать его вначале. Он умолял пророка почтить его перед князьями, которые ожидают слова благословения от него. Он просит Самуила потерпеть его проступок, снизойти. Самуил, посчитав свой долг выполненным, расстроенный всем случившимся, в том числе и тем, что пришлось обличать дорогого до сих пор ему Саула, собрался уходить, сказав, что не пойдёт с ним на пир – "ты отверг слово Суцего, и Он отверг тебя тоже, чтобы ты не был царём". Он отходил от него, когда Саул в отчаянии ухватился за край его одежды и она разорвалась. Самуил повернулся к нему и добавил – "сейчас Сущий забрал от тебя царство и отдал твоему ближнему, который лучше тебя", это было новое откровение к уже сказанному. Иногда наши действия буквально программируют следующие события...

Однако же у Саула нашлось нечто, что заставило Самуила не спешить с претворением предсказанного в жизнь. Он сказал "Я согрешил", признаваясь уже без оговорок и киваний на других, "но ради старейшин и Израиля окажи мне почтение, вернись со мной, чтобы я поклонился Богу" на праздничном пире. Также и нового царя пока ещё нужно было подготовить, он был ещё слишком молод. Также царствование Саула некоторое время ещё должно было продолжиться, чтобы народ увидел и убедился на себе, что бывает, когда у Бога вытребывают вещи, которых Он не хотел бы давать людям, что такое "дал в гневе", с посылом негодования. Это были достаточно существенные соображения, даже для Бога, смута в стране была Ему не нужна. Поэтому Самуил, получив разрешение, вернулся с Саулом к народу и из народа вряд ли кто знал, что сейчас происходило, какие судьбоносные решения были приняты. Правда, прежде чем состоялся пир, Самуил должен был восстановить порядок, привести вещи в соответствие с задуманным, и он потребовал привести к нему пленённого Агага. В синодальном переводе написано, что он подошёл дрожа, но в других переводах оттенок немного другой. Оригинал использует слово, которое можно перевести как "осторожно", а можно и как "бодро". Думаю, что он подходил всё же с опаской, не зная, чего ожидать от пророка, хотя когда он умолял Саула, тот пощадил его. Сейчас он сказал, что надеется, что горечь смерти уже в прошлом. Этот царь задавал тон (имя, похоже, передавалось по наследству, по традиции) национальным особенностям этого народа, и Самуил высказал ему заслуженное – "поскольку твой меч жён лишал мужей, и матерей лишал детей, то пусть и твоя мать будет лишена сына", и разрубил его.

Новый кандидат в цари – Давид

После этого пира Самуил направился к себе домой, и как говорит летопись, больше с Саулом не встречался. Он печалился, видя как народ, над которым он столь много работал, который

было возродился к небывало активному духовному поиску (но это лишь по сравнению с любым прежним временем), теперь считал, что получил уже всё, что ему было нужно, обретя царя, став "не хуже, чем все нормальные народы", и начинал скатываться к прежней упрощённой жизни, ни к чему не стремясь. Он всё надеялся на Саула, но не видел с его стороны ни малейшего стремления к прежней духовности. Его мрачные размышления вскоре были прерваны Богом, который заговорил с ним и дал новую задачу – "Что ты всё печалишься о Сауле, которого Я отверг...? Возьми рог с елеем и иди в Вифлеем. Там, у Иисея я увидел Себе нового царя".

Самуила эти вести обрадовали, правда в нынешней обстановке он усматривал очень серьёзные проблемы со стороны Саула, который, выйдя из под контроля божественного начала, активно портился и разлагался внутри.

Здесь стоит сделать отступление и разъяснить положение с Саулом. Когда обычный человек уходит с Пути и возвращается к прежней жизни, чтобы пожить в своё удовольствие, то меняется немного, само то, что он захотел пожить по старому говорит о том, что к религии он пришёл случайно и не понял её хорошо. Совсем другое дело для тех, кто был приобщён к чудесам, кто был "крещён Духом", или, иными словами, в ком были активированы скрытые до поры до времени возможности человека, то есть кто близко соприкоснулся с глубокими вещами. Человек силён не только мышцами, не только ловкостью, скоростью и реакцией, не только умениями, и даже не только знаниями и науками – в природе человека заложены ещё и возможность работать не руками, слышать не ушами, видеть не глазами – это хотя и слабые, далёкие по возможностям от божественных, но всё же способности опять же по Его образу и подобию. То, что воздействует на нас, похоже, может быть использовано и нами самими... В общем это те способности, что могут быть инициированы как Богом, так и тёмными силами, хотя могут пробудиться и сами по мере осознания нами этих возможностей. По настоящему они раскрываются лишь в связке с Богом, создавшим нас и знающим всё о нас, и когда такой человек, приобщившийся к тайнам заложенного в нём, уходит от Бога, это оборачивается совершенно другими последствиями, чем для рядового человека, какие бы посты он не занимал и каким бы числом людей не командовал. Павел однажды писал об уровне ответственности таких людей: "невозможно ... сделавшихся участниками Духа, вкусивших ... сил будущего века и отпадших, снова обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божьего⁷..." Не то, чтобы для них было совсем уж невозможно вернуться, но их состояние всегда намного хуже из-за того, что они имели намного больше, чем обычные люди. С большой высоты падать намного опаснее, чем с малой, и если даже на земле иные падения оборачиваются гибелью, то насколько важнее техника безопасности полётов...

Саул уже стал другим, хотя внешне разницу заметил бы не всякий, но это уже не был внутренне праведный человек, руководимый Богом, а лишь внешне, до ближайшего испытания. Внутри него были иные мысли и иные намерения, иные планы, чем после знакомства с Самуилом. Его душа теперь была не садом, а джунглями, где водилось всякое, только не показывалось на глаза случайным свидетелям. Поэтому Самуил, хорошо зная природу теперешнего Саула, уже бывшего подопечного, засомневался в благополучных результатах поручения – "Когда Саул узнает об этом, он меня убьёт" – он был сильно впечатлён тем, когда Саул оторвал полу его одежды, какой отчаянный был у него взгляд, готовый на всё ради власти. Однако же дело должно быть сделано, и надо как-то обойти проблему. Самуил личность очень известная и значимая, многие люди наблюдали за каждым его движением, и если хоть кто-то узнает, что его выход был связан с новым кандидатом в цари, то Саул, с некоторых пор ухватившийся за власть очень уж цепко, без малейших сомнений примет любые меры по недопущению угрозы для себя с этой сто-

роны. Он ещё не проявил к кому-либо враждебности из-за этого, но его игра с Самуилом по перетягиванию центра власти на себя дала Самуилу понять, что дело зашло очень далеко, выражение глаз и лица ясно показали степень его падения. Бог знал, что опасения Самуила реальны, поэтому сразу говорит, как развязать этот узел – нужно скрыть от Саула и всех любопытных цель путешествия. Суций сказал – "Возьми с собой тёлку и скажи, что идёшь для жертвоприношения". Самуил часто ходил с такими посещениями в самые разные места, может быть не всегда с животными, но и такое не было чем-то необычным. Это не было ложью, разве что это было прикрытием другой цели, жертвы Самуил совершал везде, куда приходил, это был неотъемлемый атрибут его служения и его дела. Помазание нового царя, естественно, тоже не могло обойтись без жертвы, а о появлении нового царя объявлять было не нужно, чего опасался Самуил. Саул впоследствии мог бы считать себя обиженным или обманутым такой уловкой, но если царство досталось ему без малейших усилий с его стороны, и без особого призвания на это он так бы и оставался простым земледельцем (может быть не совсем простым, но всё же и не князем вениамитян), то когда доверивший ему пост потребовал от него освободить его, Саул не имел права считать себя пожизненным обладателем трона и не имел права обижаться на жёсткие действия Бога, удаляющего его от власти. Из-за нежелания Саула уйти пришлось действовать скрытно, чтобы не возникла смута и раздор, ведущие к войне.

Самуил направился в Вифлеем. Что-то такое носилось в воздухе, что когда он приблизился к этому городку, старейшины, вышедшие встретить его, если и не дрожали буквально, то всё же были в страхе. После ссоры из-за невыполненного задания по амаликитянам, пусть люди и не слышали (наверное) самого разговора пророка с Саулом, они видели выражения лиц и движения обоих, и теперь гадали, не пришёл ли Самуил делать что-то такое, чего не было до сих пор – может быть он будет мобилизовывать всех на свержение неугодного Богу царя? Они понимали, что Саул своего уступать никак не будет, и новой войны с вениамитянами опасались. В принципе, их догадки не были далеки от истины, только, к счастью, Бог не собирался силой решать вопрос. Самуил поспешил их успокоить, ответив, что его визит мирный и они могут успокоиться. Он позвал всех к жертве, которая скоро состоится, и особо позвал Иессея, потомка Вооза и Руфи, знатного гражданина этого места, к жертве.

Мне неясно, как проходил процесс оценки сыновей Иессея. Они заходили к Самуилу и находящемуся с ним отцу поодиночке. Там могли находиться и старейшины города, тогда они все могли знать о происходящем у них, и должны были держать в секрете произошедшее среди них, потому что Саул мог всех свидетелей помазания на царство его соперника запросто уничтожить, как он позже сделал с семидесятью священниками по совершенно необоснованному подозрению. Но явно этот смотр сыновей Иессея происходил до жертвоприношения, в его доме и без посторонних. Когда в комнату вошёл старший сын Иессея, Самуил был удивлён его видом и статью, он ничем не уступал Саулу, так что Самуилу показалось, что это будет новый царь, не менее нравящийся всему народу и не менее удачливый в любом деле. Самуил подумал, что Бог наверняка выберет его для Своих дел, однако на его мысленный вопрос Бог ответил, что не стоит смотреть на внушительный вид и рост, этот человек не подходил для Него. "Ты смотришь на внешность, а Я смотрю на сердце", сказал Суций. Самуил сказал хозяину дома, чтобы заводил следующего сына, но и о нём он сказал отцу, что и этот его сын не избран Богом. Не уверен, что Иессей знал, для какого дела Самуил выбирает себе одного из его сыновей, но мог и знать, если не сейчас, то немного после.

Так один за другим семеро сыновей этого человека появлялись перед Самуилом и уходили, ничего не услышав нового, только то, что они не избраны. Самуил был в некотором недоумении, вроде бы уже всех перебрали, а нужного нет, и он спросил у хозяина дома, нет ли у него ещё сыновей. Ответ был положительный, но младший был в поле со стадами, его не позвали, потому что думали, что Самуилу нужны люди, уже вступившие в зрелый возраст. Самуил попросил по-

звать его, потому что пока не найдётся нужный ему человек, они не могут сесть за стол есть принесённую (или её совершат после) сегодня жертву.

Когда в комнату вошёл Давид, Самуил услышал голос, сказавший ему: "это он, на которого ты должен полить елей". Давид был с виду обычным парнем, неизвестно, сколько лет ему было в этот момент. У него были живые глаза и его лицо выдавало здоровый характер, доброжелательность и уравновешенность. Правда, в трудные моменты жизни он бывал довольно эмоциональным, но это свойственно очень многим, это норма, когда причина депрессии находится вне нас, тогда с уходом причины уходит и мрачное состояние. Он был развит и телом и духом. Пася стада, он не боялся нападения хищников, немного погодя он говорил Саулу, что убивал и львов и медведей. Также другие люди характеризовали его как человека воинственного, то есть он знал, что делать в бою. При этом он очень любил музыку и пение. Свирель, наверное, всегда была при нём, также он умел обращаться со многими другими музыкальными инструментами. Скорее всего ему могло быть от пятнадцати-семнадцати до двадцати (скорее меньше, чем больше) в это время. В тридцать он стал царём и ему пришлось пройти путь от народного героя, начальника части войска до изгоя и преследуемого беглеца. Самуил собрал, насколько я понимаю, всю семью Давида, и посреди братьев возлил на его голову елей, выделив этим из ряда обычных людей. Не думаю, что суть обряда была тайной для семьи, несколько лет назад такой же обряд проводили над Саулом... Конечно, это делали и в других случаях, но Давид не был больным, выздоравливающим от проказы, и всё остальное тоже не были применимо здесь, так что оставалось только одно значение этого обряда – он будущий царь. Семья понимала, что из-за этого они все могут оказаться в больших проблемах, если сведения об этом дойдут до Саула, но все они были надёжными людьми, утечки не было. Относительно односельчан сказать труднее, но если кто-то из Вифлеема и причастен был к информированию Саула о том, что Давид будет новым царём, то это произошло намного позже, когда у Давида уже были большие проблемы, и новых бед это не добавило.

С момента, когда Самуил полил оливковое масло на его голову, он оказался наполнен Духом. С ним произошло то же, что с Саулом, тот дар из Саула сделал праведника и святого человека, однако если Саул сам по себе был чужд этого влияния, не ценил его и не стремился соответствовать, то для Давида наоборот – вся его жизнь была подготовкой к тому, что произошло сейчас, с касанием рук Самуила, одного из сильнейших пророков всех времён. Он и раньше стремился к Богу, ходил прямыми дорогами, и то, что было ему дано сейчас, стало новой ступенью в его развитии. Бог стал ближе, многие вопросы стали лёгкими и ясными, он теперь мог практически без преград говорить с Ним, хотя нельзя сказать, что общение это было двусторонним, по крайней мере не всегда, когда Давиду этого хотелось. Фактически, Давид сам стал пророком с этого времени, разве что он не получал вестей для других людей. Он не стал человеком по сердцу Бога с момента крещения Духом, он уже давно был таковым, именно по этой причине он и был пригоден для Него.

По характеру Давид не имел призвания и талантов к управлению обществом. Если бы Саул был верным человеком, то не было бы нужды призывать Давида, и он провёл бы вполне счастливую жизнь в своём доме, не помышляя о троне или высшем положении в стране, хотя с его талантами мог стать выдающимся воином и военачальником. Но как говорят иногда очень хорошим людям – "нам нужны как раз такие", и что толку от сколь угодно талантливого менеджера, если он насаждает нездоровые принципы и ведёт страну к разрушению? Зато верного человека можно наделить способностями, пусть даже он изначально к ним не был приспособлен. Не в возможностях ли Бога все способности человеческой природы и таланты? Прирождённые свойства от приобретённых если и отличаются, то вряд ли так уж значительно... Давиду нужно было пройти некоторую подготовку, хотя и в трудных обстоятельствах. Его призвание приводило его в

царский дом, на высшие посты и в изгнание, провело через огонь и воду и медные трубы. Так что царь из него получился нисколько не хуже любого другого.

Старший брат как-то назвал Давида любопытным, и хотя он вкладывал в это слово негативный смысл, ему почему-то не нравилась эта черта младшего брата, но он подметил у него важную черту характера, делавшую его пригодным и для царствования над людьми, и для много чего другого, включая и жизнь в вечности – интерес ко всему, вникание во всё, что он видел и слышал, что выражалось в живой любознательности. Он легко находил подход к людям, и сам также вызывал немалую симпатию к себе. Таким был избранник Бога, через которого Бог намеревался много сделать для Израиля и всего человечества.

С момента, когда Дух стал находиться с Давидом, с Саулом произошла большая перемена. До сих пор, хотя он показал свою неверность и хорошо в ней закрепился, очень упорно и настойчиво, он этим как бы показывал совершенную ненужность ему этого дара, всё же он сильно зависел от связи с Богом, с высокими энергиями, это уже вошло в его обмен веществ. Наличие Духа делало его святым, однако же раз ему это было чуждо, то какой смысл искусственно давать ему эту способность, когда он постоянно выталкивает её из себя? Он её не использовал, но активно подавлял и отрекался. Поэтому пришло время, когда дар был снят. Вторая сторона дела была в том, что это помазание делало царя легитимным царём, а не самозванцем, как некогда Авимелех, и снятие Духа от Саула означало и знак, что Саул действительно "должен уйти". Силой Бог его не убирал, здесь были важны уроки для всех – что бывает, когда пост занимает не тот, кто должен. Это был тяжёлый урок для Давида, но после него уже не должно было появляться вопросов, почему это свергнутый царь должен быть уничтожен (и это было требованием Бога, если Он поручал сменить династию), часто вместе с его наследниками и родственниками. Увы, смута приводит к большой крови и иной раз гибели страны. В то время трудно было иначе, это в последующие времена человечество обрело достаточный опыт, чтобы дорогу во власть и из власти сделать не столь драматичной. И именно Саул, уйдя он добровольно, создал бы прецедент безболезненного, бескровного транзита власти, но он отказался, задав этот немирный тренд. Отказываясь от даруемой ему праведности, Саул не понимал, какое место в его жизни занял теперь божественный дар, и когда возникла пустота в душе, его всё существо ощутило это самым заметным образом. Он стал мрачным, раздражительным, подозрительным, и почти всё время хандрил. Без большого преувеличения можно сказать, что счастье Саула перешло к Давиду. Едва Давид переполнился новыми ощущениями и жизнью, счастьем и полётом, в тот же миг Саул потерял всё, оставшись с пустотой в душе. И уйдя опять же он с царского поста, его болезнь исчезла бы вместе с властью. Абстинентный синдром? – вполне можно сказать и так. Если в случае высокой совместимости люди друг для друга бывают источником больших ощущений и счастья, то что говорить о тех, кто близок с Истоком?

Знающие люди, а таковых появилось немало в Израиле после успешно проведённого Самуилом духовного возрождения нации, понимали проблему Саула, для них было явно как день, что это явление связано с действием Бога. Не то, чтобы Бог мучил Саула, нет, Он не посылал мучений, Он всего лишь забрал то, что дал, и хотя вина была на самом Сауле, но все же верно и то, что непосредственной причиной его мук было действие Бога. Точнее наоборот, отсутствие действия Бога, но ведь всё равно это действие Бога, даже если это от Его бездействия и отсутствия. Помочь с этой бедой можно было, но то ли глубоких знатоков этих проблем не было, то ли озвучивать рецепт опасались... Если бы Саул выполнил последний приказ Бога, то получил бы покой. Последним же откровением было, что у Израиля будет новый царь и что Саула Сущий отверг, это было озвучено очень картинно оторванной полой одежды, то есть Саул не должен больше занимать трон, он должен был уйти по хорошему. Но Саул предпочитал мучиться, он где-то понимал, что с этой дырой в душе он сможет со временем примириться и она должна бы зажить, время же лечит всё. Или не совсем всё? В общем, он был сам виноват в происходящем с

ним, сам сделал выбор сопротивляться решению Бога, которому принадлежала и страна, и сами люди, вошедшие с Ним договор. Саул должен был благодарить Бога, что Он не смещал его силой, как последующих упрямец.

Впервые при дворе Саула. Давид целитель

Знающие люди посоветовали Саулу найти хорошего музыканта, который бы помог ему развеяться и отвлечься от душевных болей. Тот прислушался к совету и начал искать, кого бы призвать на эту роль. Довольно быстро кто-то из служащих Саулу вспомнил об одном молодом человеке, который одновременно воинственен, то есть может быть хорошим охранником, что в свою очередь означало, что он может пригодиться потом и в войске, потому что Саул собирал отборных людей специально для войска, и отлично владеет музыкальными инструментами, к тому же ещё и разумен, и умеет хорошо говорить и ладить с людьми. Такой вариант выглядел идеальным, и к Иессею в Вифлеем были посланы люди то ли с приказом, то ли с просьбой, которой было сложно отказать, послать младшего из сыновей к царю на службу. Отец Давида собрал его в дорогу, они были люди не бедные, дав достаточно на первое время и обустройство на новом месте.

Когда Давид появился перед Саулом, они быстро нашли общий язык и Саулу понравился этот славный юноша. Одно его присутствие даже без музыки уже помогало ему, снимало с него уныние и мрак, до этого крепко держащих его. Проверив его умения, Саул даже сделал его своим оруженосцем. С тех пор Саул снова воспрял духом, и хотя у него случались приступы тоски и мрака, но в таких случаях Давид брал в руки гусли, и от его умелой игры настроение Саула неизменно улучшалось. Уверен, что будь на месте Давида кто-то иной, пусть даже гораздо лучше умеющий обращаться с музыкальными инструментами, эффект музыки не был бы столь благотворен, дело в том, что Давид имел дар, который ушёл от Саула, и хотя поделиться им или вернуть его Давид не мог, поскольку Саул не был хозяином дара (как и Давид), всё же пустота немного заполнялась, добрые отношения с Давидом, его добрым ангелом, раскрывали какие-то двери, возможности даже к возвращению Саула на Путь. Если бы он был более склонен искать совершенства или Бога, то это вполне могло бы случиться. Вряд ли Саул был бы возвращён на царство, оно уже было переписано на другого, но неужели для счастья обязательно нужен высокий пост?

Победа над Голиафом, слава и известность

В роли целителя Давид не был долгое время. Через какое-то время Саул стабилизировался, то ли время действительно помогло, то ли Давид оказался очень действенным помощником в этих делах, но Саул ощутил, что он уже и сам спокойно справляется со своими приступами, которые стали реже и слабее. Поскольку больше не было нужды отвлекать молодого человека от домашних дел, и возможно личных, Давида отправили обратно. Тем временем над Израилем снова сгущались тучи – филистимляне собрались с силами и то ли зная точно, то ли ощущая (у филистимлян были мудрецы, понимающие толк в расстановке сил, в том числе духовных), что Бог Израиля недоволен своим народом, собрались на войну, пока была удобная возможность. Возможно Бог и в самом деле не мог оказывать прежнюю помощь, поскольку Саул держался за трон, не желая уходить, хотя получил достаточно ясные указания, и пока Саул был царём, в их защите были серьёзные прорехи.

Так филистимляне пришли и встали лагерем на склоне холмов в одной долине на западе Израиля. Саул расположил своё войско на другой стороне долины напротив них. Долгое время они стояли друг против друга, однако в этот раз противостояние было для евреев очень неприятным. В среде филистимлян оставались потомки гигантов, может быть не самых больших, но всё же для большинства людей они были проблемой в случае войны. С ними можно было справиться, ничего сверхъестественного в них не было, но в этот раз, когда Бог не спешил поддерживать

евреев, признающих Саула царём, они не ощущали былой уверенности перед лицом этого богатыря. Ростом он был за три метра, и вместе с мощными мускулами это производило сильное впечатление. Его чешуйчатая броня, если я не ошибаюсь с весом сикля, весила около пятидесяти килограммов, а наконечник копья был в шесть килограммов... Голиаф предложил единоборство с желающим из израильтян, что было достаточно общим обычаем, и результат их схватки предопределил, кому из сторон быть в рабстве у другой стороны. Побеждает Голиаф – евреи становятся рабами (как было до недавних пор) филистимлянам, а если вдруг победит еврей, то гордые филистимляне станут служить и платить дань Израилю. Среди израильтян не было такого же по силе человека, с подобным же ростом и мышцами, и хотя относительно сильных людей хватало, почему-то при взгляде на Голиафа все они теряли присутствие духа. Голиаф каждый день по утрам и вечерам выходил и предлагал поединок, и те, на кого падал его взгляд или кого он с насмешкой вызывал, предлагая выйти против него, просто сбегали с поля под его едкие издевательства. Люди не отказались бы выйти строем против строя, несмотря на наличие этого силача среди других, в бою шансы другие, можно помогать один другому и не так страшно, но выходить один на один без поддержки друзей вокруг было чем-то совсем другим. Так Голиаф день за днём несколько недель гонял тех, кто попался ему на глаза, психологически обрабатывая евреев. Не думаю, что дух войска падал, этому нет свидетельств, люди ждали развития событий, когда можно будет идти всем вместе, но попасться на глаза Голиафу и позорно убежать в задние ряды никому не нравилось. Саул, похоже, был снова в расстройстве, не чувствуя божественной поддержки, сейчас он понимал, по крайней мере должен был, что это всё из-за него. Хотя, возможно, он таких мыслей к себе не допускал, но и выхода не находил. Прежде он мог бы обратиться к Сущему и знать, что помощь уже пришла и смело выступать вперёд, но сейчас положение было иным.

В это время Иессей решил послать младшего в войско, чтобы узнать, как там его сыновья, трое из которых были на службе. Давид с припасами для братьев и главы отряда отправился, и вскоре прибыл туда, где стояли друг против друга две армии. Он оставил свою ношу обозному сторожу и пошёл в ряды к братьям. В это время войско выстраивалось, готовясь к возможному сражению, братья были на своих местах и Давид направился к ним, чтобы поговорить. Они не успели пообщаться обо всём, о чём хотели, как снова появился Голиаф со своим вызовом. Он обзывал евреев рабами Саула, видимо, подчёркивая разницу организации армии своей и израильской. Прежде, во времена судей, евреи собирались добровольно, это было народное ополчение, чаще всего это были неравнодушные люди, очень редко случалось, чтобы требовали от каждого явиться на войну, обычно это было представительство от селений и городов. Теперь же, когда евреи, так желая подражать окружающим народам, завели себе царя, оказалось, что и здесь они угодили не всем, их всё равно не признавали равными, обозвали рабами, поскольку от призыва на службу к Саулу было трудно уклониться, у него были права заставлять... Обидно, старались заслужить уважение у других, не ценя своё, значит, не уважая самих себя. В таких случаях, как ни старайся, насмешники всё равно найдут, над чем посмеяться. Филистимляне же считали себя свободными людьми, в прошлые войны с ними не было Голиафа и его братьев, они, подобно евреям в прошлом, сами решали, идти им в походы на соседей или оставаться дома.

Голиаф вылил свою обычную дозу оскорблений на израильтян, и хотя это не нравилось никому, лишь один Давид высказал это вслух. Он, конечно, был здесь новичком, и хотя был искренен – "как это этому филистимлянину позволяют такое говорить на Израиль?", это тоже было некоторым вызовом уже своим. Обычно в таких случаях новичку делают внушение, самое простое из которых – попробуй сначала сам, потом говори. Давид, правда, продолжил с довольно практичного вопроса, не вызывавшего отталкивания у тех, кто терпел всё это сорок дней – "что будет тому, кто убьёт этого филистимского воина?" Дело в том, что когда Голиаф начал своё выступление, среди воинов, где был Давид, кто-то стал просвещать всех стоящих в том месте, что если бы

кто-то отважился выйти против Голиафа и победит его, то он обрёл бы большие преимущества и свободу от налогов и повинностей перед царём. Это Саул, наконец, после многих сомнений и поисков, решил простимулировать своих солдат материальной заинтересованностью. Он верно решил, что с такими наградами людям рисковать будет сподручнее. Именно это объявление дало Давиду хороший шанс к действию. Хотя, не думаю, что он остался бы в стороне и так, но всё же начался разговор достаточно обоснованно и безопасно с точки зрения конфликта постороннего с ветеранами многих сражений. Услышав то, о чём рассказывал передающий новость, он переспросил – "что будет тому, кто убьёт этого филистимлянина?" Никто уже не мог раздражаться на Давида, что он начал свою игру с этого вопроса. Он понимал, что просто так требовать действий от тех, кто уже немало воевал, было бы очень неразумно. Когда он слышал Голиафа во время разговора с братьями, он ничего не говорил, хотя сам уже ощутил обстановку, он видел, что все присутствующие здесь боятся выходить с ним один на один. Это вряд ли была трусость, от одного человека зависело множество, и быть побитым в схватке, хотя и обидно, но это всё же нормально для мужчин и воинов, а здесь была ставка, которая и правда больше чем жизнь одного человека – из-за чьего-то неверного порыва в рабство легальным образом попал бы весь Израиль. Давид ощутил также и то, что Бог не поддерживал сейчас никого из стоящих тут из-за упорного сопротивления царя перед Суцим, и что на реальную помощь может рассчитывать только он. И на самом деле он и должен был заступиться за всех, как назначенный на высший пост. На царство ему было ещё рано, а вот выйти против богатыря и заслонить собой всю страну – в самый раз.

Когда Давид спросил, что будет победителю в единоборстве, он добавил под начальный вопрос и несколько провоцирующее "который снимет позор с Израиля?" На лицах всех здесь можно было прочесть следы оскорблений, которые им приходилось выслушивать и терпеть. Пока ему собирались повторить условия награды победителю, он добавил ещё – "А то кто этот необрезанный, что так оскорбляет воинство живого Бога?" Люди увлечённо пересказывали Давиду то, о чём говорили сами, и на его слова особо никто не обижался, вот только старший брат Давида, с чего-то с некоторых пор начавший относиться к Давиду ревниво после того, как на него было обращено особое внимание Самуил, но потом вдруг передумал и свершил свой обряд не на нём, а на младшем, рассердился. Он обрушил на Давида обвинения в праздном любопытстве, что он пришёл смотреть на войну как на развлечение, когда его место с овцами, а тут люди льют кровь... Но Давида было не сбить с толку, он легко отмахнулся от брата, которого никто не поддерживал – "Что я такого сделал? Это только слова", и продолжил разговоры с остальными воинами. Он обратил на себя внимание многих, и когда его в самом деле спросили, что здесь люди уже опытные, а он новичок, и понимает ли он, о чём ведёт речь, он ответил, что готов выйти против Голиафа, и что он полностью уверен в себе. На это было трудно возразить, тем более о нём многие были наслышаны – та характеристика, что привлекла Саула, что это человек воинственный и удачливый, была известна многим и здесь. В конце концов толпа вокруг него решила, что он может попробовать, и дело донесли Саулу, всё же он решал, кто будет представлять народ в этой схватке со ставкой за всех сразу.

За время, прошедшее с тех пор, как Давид был при Сауле, прошло пару лет, за которое Давид изменился ещё раз в своём становлении и взрослении. Это, да ещё то, что у Саула было немного не в порядке с головой (потеря дара бесследно не проходит) привело к тому, что Саул не узнал своего недавнего оруженосца и лекаря. Сейчас он был в одежде пастуха, обстановка также способствовала проявлению совсем других сторон характера, так что Саул говорил с ним как с незнакомым человеком. Он поверил этому молодому человеку, что он действительно преуспеет с тем делом, на которое вызвался. Когда поначалу Саул сказал о молодости стоящего перед ним парня, а соперник у него опытный воин, учившийся обращению с оружием с молодых лет, Давид уверил его, что тоже обладает большим опытом, выходя на медведей и львов с одной лишь

палкой. Иной раз на стада нападали хищники, и всякий пастух в те времена сталкивался с этим. Многие оправдывали свои потери тем, что одни и без оружия, они не могли защитить стадо от медведя и льва, но Давид не мог такого спустить никому. Он рассказал царю, что догонял четвероного вора и выхватывал у него из пасти ещё живую овцу или ягнёнка. Если же хищник обижался и бросался на него (Давид ещё и шутил неплохо, в этом месте многие слушатели усмехнулись), то он хватал зверя за гриву и убивал. В Палестине эти звери, по рассказам многих, поменьше наших, но всё же... Однако же он говорил это не у костра на отдыхе, а собираясь на очень ответственную схватку. Судя по результату с Голиафом, он несколько не преувеличивал и насчёт взятых им медведей со львами.

Саул попал под обаяние Давида, да и никто другой не вызвался больше, затянувшееся время требовало каких-то действий, и он разрешил ему выступить за всех в единоборстве. Саул отдал Давиду даже свои латы и броню, однако Давид, когда одел это новое для себя защитное снаряжение, ощутил, что не сможет в этом двигаться свободно. Сначала он попробовал походить, надеясь, что быстро освоится с этим, однако понял, что это не для него, поэтому отдал всё назад, сказав, что не привык двигаться в броне. У него было своё представление о предстоящей схватке – одевшись в свою одежду, не стеснявшую свободы движений, взяв с собой посох с пращой, он выбрал из ручья подходящие камни, и выдвинулся из строя в сторону филистимлян. Голиаф к тому времени, похоже, уже закончил своё "выступление", и ожидал на своей стороне ответа от евреев. В этот раз движение среди израильтян указывало, что какой-то ответ будет, и вот он заметил, что от израильского строя в их сторону движется человек. Голиаф знал, что среди евреев вроде как нет никого равного ему по силе и росту, однако он был наслышан, что в прежние времена гиганты, подобные ему, были выбиты, а кто остался, ушли из Палестины, то есть с этими большими людьми умели сражаться и побеждать их, и даже не всегда толпой на одного. Тревожился ли он оттого, что на его вызов кто-то ответил, или же не ведал сомнений, уверенный в себе, что ему нет равных, неизвестно. Но всё же что-то кольнуло его, когда он заметил направляющегося к ним воина, те, кто начинают рассматривать схватки одинаково, не изучая противника, могут однажды проиграть, сколь бы непобедимы не были. Когда он рассмотрел Давида, что это совсем молодой юноша, он просто вышел из себя, посчитав это насмешкой и издевательством над своими умениями, силой и опытом. Хотя судя по тому, на что именно он рассердился, можно подумать, что он был встревожен поначалу, и именно поэтому его реакция на молодость и кажущуюся неопытность Давида была повышенной. Он явно рассердился из-за того, что ожидал умелого противника и испытал по этому поводу тревогу, а увидев, что бояться нечего, застылся мимолётного страха... Голиаф с возмущением спросил Давида, почему он идёт на него с палкой, разве он считает его за пса? Он счёл это оскорблением и вызовом, хотя после его оскорблений израильтян не ему бы возмущаться. Хотя со стороны это тоже выглядело утончённым издевательством. Что-то было неладно – в смертельную схватку, откуда лишь один выйдет живым, неумеха и плохой шутник ни за что не полезет, да ещё с такими ставками на судьбу народов, кто его выпустит? Голиаф в сердцах проклял Давида именами своих богов, и добавил, рассчитывая на их помощь – "иди сюда, я отдам твоё тело на корм птицам и зверям".

Давид ответил ему, и его голос был слышен также всем участникам, и он звенел торжеством уже как будто одержанной победы – "Ты идёшь на меня с мечём, копьём и щитом, а я иду на тебя во имя Суцего Воина, Бога армий Израиля, которые ты оскорблял. Сегодня Суций отдаёт тебя в мои руки, и я убью тебя и отдам трупы войска филистимлян птицам и зверям, и вся земля узнает, что есть Бог в Израиле. И все здесь узнают, что не мечём и копьём избавляет Суций. Это война Суцего, и Он отдаст вас в наши руки". Слышать такое от слишком молодого и чересчур самоуверенного, на взгляд прошедшего сотни битв опытного воина, выскочки, было чересчур, и Голиаф, остановившийся было для своей речи к противнику, двинулся на Давида. Давид был без всяких защитных приспособлений, поэтому Голиаф, хотя и не стал тратить

время на раздевание, отбросил хотя бы шлем, чтобы не сказали, что он взялся за совсем уж слабого противника, и яростно кинулся на Давида. Давид же вытащил из сумки на боку камень, вложил в пращу и метнул камень умелым броском в лоб богатыря. Камень вонзился в голову Голиафа, и на этом история Голиафа и его побед закончилась. Давид подскочил к уже мёртвому телу и выхватив меч противника, снёс ему голову. С расстояния между рядами армий могло быть не видно деталей, не видно раны от камня, поэтому Давид довершил картину, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что вызов филистимлян проигран ими.

Филистимляне повели себя не совсем честно. Они выдвинули условия, и теперь почему-то сразу забыли о них. Если бы проиграл Израиль, они бы сказали, что теперь они все их рабы, и стали бы делить себе бывших воинов Израиля, кому кого забирать и сколько, но проиграв сами, побежали, а не стали ждать, когда их разберут евреи в свои хозяйства... Двойные стандарты, как же давно всё это началось. Может быть, правда, их так испугала нежданная гибель их непобедимого силача, что они просто забыли всё? Или они хотели сказать, что Голиафа никто не уполномочивал выдвигать условия о рабстве и коллективной ответственности? Но в таком случае они не должны были ждать эти дни и недели, когда Голиаф издевался над израильянами, по два раза в день повторяя условия поединка, а давно уже провести сражение. В общем, не сдержали слова.

Израильское войско тоже ошеломлённо наблюдало за стремительными изменениями обстановки – вот Голиаф, которого все боялись, уже лежит на земле, вот он уже без головы, вот филистимляне поворачиваются и быстро бегут. Но их встряску было не сравнить с тем, что испытали филистимляне, и их замешательство не длилось долго, вскоре все гнали противника на запад. Граница филистимлян была не очень далеко, и люди вернулись из погони, довольные успехом и немалым поражением сил противника. Вернувшись, они до наступления темноты ещё прибрали всё полезное из лагеря филистимлян, с собой те не успевали унести почти ничего, потому что в бегстве любая ноша становится опасной, отнимая силы и замедляя бегущего.

Когда Давид пошёл навстречу Голиафу, Саул вдруг подумал, что не распросил этого молодого человека, кто он и откуда, он так неожиданно вызвался решить огромную головную боль царя. Саул не мог узнать его, так как за время после ухода от Саула Давид заметно повзрослел. Он спросил у Авенира, командира всей армии, кто был этот юноша, но и он не опознал в нём не столь уж давнего обитателя царского двора. Скорее всего Авенир был поставлен над войском не так давно, поначалу с войском вполне успевал управляться и сам Саул, и лишь когда оно стало большим, он привлёк своего двоюродного брата на это дело. Во всех прежних описаниях военных дел Саула упоминается лишь он сам как командующий войском, Авенир появляется лишь сейчас. Когда Давид возвращался с поединка, Авенир перехватил его и привёл снова к Саулу, и тот спросил его, чей он сын. Давид ответил, и Саул был очень удивлён, с трудом узнав прежнего своего ангела-хранителя, который помог ему пережить трудные времена. Состоялась встреча старых знакомых, немало смеялись над тем, как его трудно теперь узнать и как смутно Саул ощущал, будто уже где-то видел этого молодого человека. Давиду этот разговор помог отойти от схватки, и хотя он не ощущал для себя опасности, но всё же бой, хотя и успешный для него, был непростым.

Это были приятные минуты, однако в этом весёлом и радостном общении Давид обрёл гораздо более серьёзный подарок судьбы – друга. Ионафан, сын Саула, наблюдал за Давидом, что и как он делал до, во время и после боя, и сам весьма удачливый, сильный и смелый человек, восхитился всем, что делал новый герой Израиля. Между ними было полнейшее взаимопонимание, они понимали друг друга с полуслова, с полунамёка. Ионафан сам был героем народа, в первой схватке с филистимлянами он также точно, как сейчас Давид, действовал под вдохновением свыше, и он был чрезвычайно рад видеть практически такого же, как и он сам, с кем они были одного поля ягодой. Они и сами по себе были бы друзьями не-разлей-вода, но когда за обоими стоял Бог, то их дружба раскрывалась высшими, неземными нотами и красками, возвышая и

облагораживая, запуская души в полёт, редко кому в этом мире доступный. Ионафан утащил его к себе, они много говорили и не могли наговориться, они делились всем, желая закрепить братство, правда, Давид практически не имел ничего сейчас при себе, чтобы обменяться с другом, он шёл сюда лишь узнать о здоровье и состоянии братьев, но зато Ионафан одел его из своих запасов, подарил ему свой меч и лук. Они побратались, правда, не по тому обычаю, когда смешивают кровь, однако не менее серьёзно.

Потом все, когда вернулись из погони воины, когда закончили сбор добычи, возвращались к месту расположения, к дому Саула, их встречали и весело приветствовали из селений, лежащих на их дороге. В одном месте женщины с танцами под сопровождение музыкальных и ударных инструментов пели в честь очередной победы: "Саул победил тысячи, а Давид десятки тысяч". Вроде бы всё было совершенно правильно, Саул был умелым воином, а также хорошим полководцем, и победы, одержанные под его руководством, заслуживали хорошей отметки. Однако же заслуги Давида в этот раз весили и оценивались иначе – он встал в одиночку в защиту всей нации, риск был гораздо больший, чем в обычном сражении, так что его победа была оценена по достоинству. Точно такую же песню могли сложить и о предыдущей победе и главном герое той битвы – Ионафане, и стал бы Саул завидовать собственному сыну? Но нездоровый дух Саула воспринял эту оценку Давида совсем иначе. Увы, те, кого называют "вредными людьми", вредны не потому, что хотят быть такими (хотя не удивлюсь, если и такое найдётся на свете, когда зло развивается слишком далеко, доходит и до такого), но потому, что их души больны и они оценивают вещи иначе, чем здоровые люди. Они видят злой умысел там, где его нет. Если такой умысел возможен, то разумный человек отметит его себе и проверит, так ли это, или будет ждать, пока человек проявит себя больше, чтобы точнее узнать ближнего. Кто-то, находящийся на ответственном посту, по должности вынужден подозревать и отсеивать тех, кто даёт право думать о себе плохо, но лишь больной человек поверит именно в плохое и не усомнится в своих оценках. Саул ухватился за "подсказку" обеими руками... Сначала он обиделся, что его вдруг обошли в наградах, хотя по уму всё было правильно. Когда Голиаф ходил и разлагал морально ему войско, отравляя их самолюбие и уверенность в своих силах, он не знал, что делать, а сейчас уже забыл, как его это тяготило и мучило, как он ощущал себя оставленным Богом.

Также иногда бывает, опять же с не очень здоровыми людьми, что в какой-то хорошей ситуации они могут наговорить много добрых слов, слишком много, а потом их от этого добра мутит, и им хочется обратно, и они тогда ищут причину, чтобы испортить отношения. Знакомая ситуация? Тут тоже такое имело место, и восхваления того, кто спас не только страну, но и его лично от огромных проблем, возбудили его ревность и дали повод реализовать тёмную сторону его души. Саул огорчился прямо-таки как ребёнок, который нацелился на конфетку, предназначенную другому, хотя его тоже не сказать, что обделили. Но свою награду он не считает достаточной, и очень уж обижается, что ближний получил больше. Налицо была некая деградация, когда заслуженный человек, имеющий многое из желаемого обычными людьми, имеющий уже состоявшихся детей и внуков, ведёт себя как маленький. Это тоже последствия потери связи с Богом и потери дара. Он говорит себе, но при этом, кажется, произносит это открыто вслух – "Давиду дали десятки тысяч, а мне только тысячи – ему теперь только царства не хватает"...

Некоторые люди устроены так, что на них могут сильно влиять их собственные слова. Мой командир роты как-то выразился довольно крепко о невнимательном слушателе на занятиях, и пока он говорил, у него было вполне обычное выражение лица, он собирался пошутить и посмеяться, но после того как высказался, в следующие пару секунд пришёл буквально в ярость (представив себе наглядно свои же собственные слова), к счастью, не стал развивать тему и никто не пострадал. Было ясно, что выбери он что-то не столь крепкое, этого настроения не возникло бы.

После этого Давид у него был постоянно под подозрением, этот момент для него как бы стал откровением, что Давид будет пытаться отстранить его и обязательно попробует захватить его царство. Он помнил, что Бог его отверг, знал от Самуила, что на его место Бог кого-то может назначить, если уже не назначил. И уж не Давид ли это? Хотя оснований думать так прямых у него не было, но ему хватило и этих догадок. И ведь насколько близко он попал, разве только с одним он промахнулся, что Давид его будет отстранять. А как отстранять – у других народов, где давно уже были цари, которым евреи так хотели подражать, уже была немалая история переворотов, и довольно часто цари сменялись не мирным путём, и не только самих царей, но и их семей, многих родственников. Это была плата за высокое положение, попытка ценой жизни претендентов на власть сохранять жизни больших групп населения, которые легко вовлекались в кровавую междоусобицу, из-за которой гибли целые народы. Саул это всё уже предчувствовал, и кто бы мог его успокоить? Давид был уполномочен на царство, но он не получал, и не получит приказа силой освободить трон. Более того, он ни при каких обстоятельствах не позволит себе поднять руку на прежнего царя, он был благородным человеком. Однако у Саула пробудились прежние страхи и возобновились мрачные состояния, ради которых Давид некогда постоянно был при нём с музыкальным инструментом.

Давида не отпустили домой, и Ионафан и Саул пригласили его к себе, и он оставался с ними. В этот же день или, скорее, на следующий, у Саула был приступ, о котором говорится как о странном, необычном поведении, неистовстве. Давид вспомнил свою прежнюю практику помощи Саулу и взялся за гусли. Приступ у Саула в этот раз раз протекал тяжелее, помощь Давида почему-то не срабатывала как когда-то. Неудивительно, теперь Саул не доверял ему. Хуже того, Саул держал в руках копье, с оружием он ощущал себя увереннее. В некоторой степени ему стало немного лучше, но вместо того, чтобы взять себя в руки и выйти из чернейшей депрессии, он сознательно делал вид, что ему всё ещё плохо и что он не управляет собой. Однако он хотел использовать этот момент, симулируя бессознательное состояние для убийства Давида, пока тот был занят игрой на струнах. Саул метнул копье в Давида, желая приколоть его к стене, однако Давид, то ли ощущая неправильность ситуации, был начеку и следил за движениями и приготовлениями Саула, то ли Бог подсказал ему в нужный момент, и он уклонился от летящего в него копья. Он не перестал играть на гусях, но когда копье полетело в него ещё раз, он посчитал свой долг перед пациентом выполненным и удалился из дома.

На следующий день Саул был снова в порядке, и Давиду как будто ничего не угрожало с его стороны. Саул видел успешность Давида в разных делах и обстоятельствах, и теперь он понял, ощутил очень хорошо, что всё то, что он имел некогда после встречи с Самуилом от Бога, теперь присутствует у Давида, что он пользуется расположением Бога так же, как он сам до недавних пор. Давиду помогает Бог и бороться с ним почти бесполезно. Зная возможности Бога, он стал опасаться и бояться Давида. Когда он пришёл в норму, он решил действовать чужими руками, чтобы убрать Давида. Он назначил его над тысячей воинов, командиром одного из полков, так что лишь Авенир и сам царь были его начальниками. Саул надеялся посылать Давида в самые опасные места с самыми трудными заданиями, считая, что рано или поздно война сделает своё дело и филистимляне или другие враги убьют его. Однако чем труднее были задания и сражения, тем больше была слава молодого полководца. Его удача, военный успех и личная харизма снискали ему огромный авторитет и любовь всего народа и войска. Для врагов же Израиля имя Давида стало связываться с большими проблемами и его боялись. То, что такой успешный воин служит у Саула, поднимало авторитет и самого царя, и он понимал свою выгоду, хотя не переставал бояться этого чрезвычайно успешного человека. Саул постоянно пытался найти в действиях Давида какие-нибудь ошибки и неточности, чтобы придраться к нему и дискредитировать, однако же это оказалось не просто. Давид был просто-напросто очень честен, да и в организации дел

не упускал ничего, так что какие интриги и козни царь не пытался предпринять, его и с этой стороны ожидало разочарование.

Желая подорвать авторитет Давида, Саул надумал некоторую провокацию. Было бы закономерно столь успешному вождю и командиру породниться с домом царя, тем более и сын царя был лучшим другом у Давида, так что Саул пообещал Давиду, что отдаст за него свою старшую дочь. Однако же Давид не обольщался на свой счёт, он осознавал, что у царя в отношении него не самые добрые намерения. Он скромно отказывался от предложенной чести, не хватаясь за возможность подняться ещё выше. Его отказ не был категорическим, он лишь давал понять, что не испытывает желания по расчёту забираться выше, в царскую семью. Между ним и Меровой, которую царь собирался отдать ему, вряд ли было взаимное чувство, поэтому Давид не видел никакого смысла в браке раньше времени. У Саула же сложилась комбинация, чтобы посмотреть на крушение надежд Давида, также считая, что когда у Давида случится неудача с его дочерью, люди посчитают его не столь везучим, как раньше. Он думал понизить рейтинг Давида таким образом. Так что когда пришло время, на свадьбе с Меровой оказался совершенно другой человек. Люди, слышавшие немало о том, что эта дочь царя предназначена Давиду, могли сделать выводы. Наверное, кто-то, определённого характера и склада ума, подумал то, что хотел царь, однако же в общем итоге популярность Давида не упала. Скорее сам Саул оказался перед людьми человеком, не держащим слова.

Саул сделал вид, что так и должно было быть, что в дело вмешались непредвиденные обстоятельства, и что Давид по прежнему у него в планах, и он стал говорить окружающим его, что у него есть ещё и другая дочь, через которую Давид станет родственником царя. Ему показалось важным, чтобы в доме его соперника были его люди. Однако же и здесь Саула ожидал жестокое разочарование – позже, после всех придворных намёков и плясок вокруг Давида, когда свадьба всё же состоялась, оказалось (Саул как-то совершенно упустил это из виду), что Мелхила, его младшая дочь, влюблена в народного героя. Она совершенно не подходила на роль шпиона, скорее наоборот, однажды спасла жизнь своего мужа, заставив его убегать и не медлить, поскольку за ним обязательно придут. Давид не спешил обзаводиться семьёй в это время, он понимал, что пока он не царь и пока царём является Саул, его положение шатко и ненадёжно, он ходил по лезвию ножа, везде ощущая недобрый взгляд за собой. И когда к нему стали подходить разные влиятельные люди с предложениями породниться с царём, он не показал своей заинтересованности, наоборот, даже избыточно скромничал. Однако же отказываться он тоже не мог, поводов для этого не имелось, оскорблять отказом дом царя, да и даже своего побратима, не хотелось и не стоило. Саулу донесли ответы Давида, где он отвечал, что стать зятем царя весьма ответственно, а он человек пока ещё недостаточно знатный, то есть вообще незначительный. Отчасти здесь была лазейка для него, что от него могли бы и отстать, ведь обычаи требовали подарков для невесты, для царской дочери это были значительные суммы. Саул же в это время крепко решил привязать Давида к своему дому, чтобы он был под постоянным надзором, и, может быть, даже обезопаситься, по его разумению, от покушений на свою жизнь. Ведь когда конкурента во власти в те времена устраняли, за ним устраняли всех его родных, и соображения Саула не были лишены резона, хотя в случае с Давидом, предельно верным и послушным Богу это было бы излишним. Правда, Саул мерял его по себе, да и именно в отношении Бога сомневался тоже, ведь ему было сказано словом Суцего, что он не будет царём... Так что паранойя Саула диктовала и такую подстраховку.

Выслушав отчёты тех, кто говорил с Давидом, Саул нашёл зацепку – если Давида останавливает от брака с его дочерью соображение незнатности и бедности (вообще-то его отец был совсем не беден, но лично Давид мог иметь малое наследие, и в данное время действительно имел под собой полк, но никак не богатство), то надо ему сделать скидку, и тогда он не сможет отказаться. Давиду передали, что никаких ценностей царь не требует, и если у Давида проблемы с

материальным достатком, то калым ему назначают как раз по его специальности, по военной – доставь царю свидетельства ста убитых филистимлян и всё... Там было по своему изощённо – Давид должен был обрезать сотню филистимлян. Саул рассчитывал, что такое действие Давида навлечёт на него гнев и негодование филистимлян, и они отомстят ему. Поскольку война с филистимлянами не была закончена, не был установлен мир, то эта операция была продолжением этой войны, тянувшейся очень давно, поэтому Давиду даже понравилась эта идея. Отказываться он действительно больше не мог, и перевыполнив требование Саула в два раза, принеся доказательства двухсот убитых врагов, вскоре получил в жёны Мелхолу. Та была счастлива заполучить Давида, Ионафан был также рад за них обоих, только у Давида не получилось скольнибудь долго наслаждаться своим домом и семьёй. Саул, когда увидел счастливую дочь, особенно когда попробовал настроить её нужным для него образом, и это полностью сорвалось, испугался того, что у него в итоге вышло. Он ещё больше стал бояться за свою жизнь, его душевная болезнь, душаю, на этом этапе об этом уже вполне можно говорить, разыгралась, и он воображал, что своими руками ввёл в свой дом и приблизил к себе человека, который закрепится в нём и вскоре устранил его одного, и никто этого почти и не заметит, поскольку Давид у всех популярен, его ценят и любят и не станут взыскивать с него смерть Саула, особенно если его устранил тайно. Он уже не боялся за детей и родственников, только за одного себя.

Опасности сгущаются. Изгой

Вскоре дела у Саула пошли совсем плохо. Любой успех Давида вгонял его во всё большую подозрительность. Наконец Саул озвучил свои мысли вслух, и что удивительно, он раскрыл свои замыслы Ионафану. Сам он с этим сыном был весьма дружен, и даже то, что сын был столь же близок с его воображаемым врагом, не разрушило его отношения с сыном. Возможно, что Саул не понимал степени дружбы Ионафана с Давидом, что он раскрыл ему свои мысли и замыслы, убеждая помочь ему избавить царство от соперника. Пока ещё Саул составлял заговор, собирал тех, кто может ему помочь, понимая, что просто так Давида не получится убрать, тому помогает Бог и сам он очень успешный и везучий, поэтому готовил всё тщательно. Ионафан, посвящённый вдруг в такие неожиданные обстоятельства, спорить или говорить об этом ничего не стал. Сначала он решил предупредить друга и вывести его из-под удара, и лишь затем разговаривать, понимая, что его поспешные слова могут только ускорить действия отца. Он рассказал Давиду об опасности и предложил ему скрыться и не появляться при дворе, сам же попробует серьёзно поговорить с отцом, выясняя степень опасности и можно ли что-то сделать. Ему не верилось, что отец настолько потерял ориентиры, чтобы его нельзя было вернуть на здравый путь. Ионафан был близок к истине, Саул действительно ещё не закрепился в своих планах, его разум ещё был способен увидеть дело с другой стороны.

На следующий день, когда Давид не пришёл ко двору, Ионафан воспользовался возможностью поговорить с отцом в поле. Он представил ему дело так, как оно выглядит в глазах большинства людей, которые видят успешное царство, хорошего царя, надёжных воинов и блестящих героев, которые действуют под благословением своего Бога, служат опорой друг друга. Если люди узнают, из-за чего умер Давид, то это будет выглядеть предательством, и царство Саула как раз станет непрочным и ненадёжным, идиллия будет разрушена. Давид, говорил Ионафан, рискует жизнью для народа, буквально всё, что он делает, полезно для Саула и Израиля. Это герой, который победил Голиафа, это было огромной радостью для всех, в том числе для самого Саула. И после всего этого проливать кровь человека, не виноватого, не давшего вообще никакого повода для этого? Все эти слова сына дошли до Саула, ему раскрылась другая сторона дела. Дух Бога, действовавший с сыне, развеял ту тьму, что до этого сгущалась в душе Саула, и он вдруг не нашёл своих страхов, которые и побуждали его бояться Давида и искать его смерти. Саул согласился с сыном и даже поклялся, что Давиду больше не угрожает опасность. У Ионафана свалилась гора с плеч, и он передал Давиду, чтобы он пришёл к нему. Встретившись, он

рассказал ему о разговоре и результатах. Не знаю, как Давид воспринял эту новость, явно с облегчением, только он не был уверен, что это надолго. Проникновение в суть вещей позволяло ему видеть несколько глубже, однако же он уверенно смотрел в будущее – он был уверен в своём Боге, который вёл его и направлял его шаги.

Надо сказать, что у Давида была достаточно мощная опора в жизни, он имел некоторые уверения свыше, он знал, что ему выпало быть царём Израиля, поэтому раньше, чем он станет этим царём, и процарствует какое-то немалое время, ему рано думать о смерти... Мало кто из людей имеет такие гарантии, однако же по мере способностей и обстоятельств человеку выпадают и испытания. Хотя даже если быть уверенным в выживании, всё же бывает очень неприятно видеть неблагодарность или зло со стороны людей. Давиду же выпали такие опасности, что он не раз ощущал себя на волосок от смерти, и никакие обещания Бога эти ощущения не развеивали. Меч и война ходили за ним и иной раз гоняли его по пещерам и оврагам, преследуя раз за разом, так что ему долго не удавалось расслабиться и ждать, пока его попросят сесть на трон.

Ионафан привёл Давида к Саулу, и тот принял его как ни в чём не бывало, и Давид снова ходил со своими отрядами и служил при дворе. Однако же этот период спокойствия не длился долго. Случились новые столкновения с филистимлянами и Давид снова нанёс им сильные поражения, и снова люди восхищались победой над врагами и умелым полководцем. Когда Давид пришёл с этими вестями к Саулу, у того от успехов Давида снова всплыли и разыгрались старые подозрения, и от увещаний сына не осталось и следа. Саул снова погрузился в чёрную депрессию, и снова Давиду пришлось брать свои гусли, чтобы успокоить потерявшего покой царя. Судя по всему, музыка уже почти не помогала, болезнь прогрессировала. Саул сидел с копьём в руках, он говорил, что с оружием в руке ему спокойнее. Правда, окружающие от этого ощущали себя, напротив, беспокойно, особенно Давид. Он понимал, что в такие моменты его жизнь висит на волоске, он ощущал физически, насколько темны мысли и чувства Саула. Он не показывал страха и был расслаблен, отдавшись музыке, однако же не был рассеян, но слушал и контролировал всё вокруг себя. Саул боялся Давида, как не раз говорит Библия, и желая убить его, не мог подобрать момента удара, он ощущал, что Давид всегда начеку. Это ему казалось только дополнительным подтверждением его подозрений, что Давид также ищет его смерти, как и он его. В какой-то момент он бросил копье, увидев, что Давид как будто отвлёкся, но и в этот раз Бог не позволил Саулу нанести какой-либо вред своему слуге, Давид вовремя уклонился в сторону, и копье воткнулось в стену. Маска была сброшена и Давид мог спасти свою жизнь, в его помощи здесь больше не нуждались.

Давид убежал из царского дома к себе, была ночь, но верная жена не позволяла ему расслабиться. Он думал, что наутро Саул придёт в себя и, как и в прошлый раз, он сможет нормально разговаривать с Саулом, если же что-то будет не так, то это будет видно и можно будет действовать по обстановке. Всё же Саул клялся, что не будет искать смерти Давида. Однако Мелхола видела последние перемены в отце, и это был не совсем тот человек, что раньше, хотя и неделю и месяц назад он тоже был не тем, что в начале своих болезней. Всё говорило, что если он нарушил клятву сыну, то от него надо ожидать самого худшего, так что она объясняла мужу, что если он не уйдёт прямо сейчас, то утром его уже убьют. Она спустила его из окна, так как в двери было уходить небезопасно. Её тревоги оказались верными. Саул не ждал ждать утра, он послал за Давидом слуг ещё ночью. Мелхола, давая время Давиду уйти подальше, тянула время, ответив посланным, что муж болен и лежит в кровати. Те донесли Саулу, что Давид не может придти, но он потребовал принести его даже на кровати, если он не может встать. Мелхола тем временем положила в кровать статую, обернув голову козьей кожей, чтобы показать в потёмках, как будто там лежит человек. Однако же пришедшие за Давидом не удовлетворились видом лежащей фигуры, и её обман раскрылся. Разгневанный Саул, у которого сорвалось намечающееся кровопролитие, обрушился на дочь с обвинениями, так что ей самой пришлось оправдываться, что она

поступила так под угрозами. В этих условиях уловки и обман не были грехом, поскольку приходилось защищать свою и мужа жизнь.

Все как будто понимают и согласны, что обман – это нехорошо. В самом деле, в норме для него места нет, нет никакой нужды в таком средстве. Заповедь "не кради" (как и "не произноси лжи на ближнего") исключает обман ради выгоды, применение лжи в этой сфере является средством ограбления ближнего. Но в случае угрозы жизни, как никому не запрещено, даже напротив, разрешено и положено, защищать и защищаться, то же самое имеет место и с обманом и дезинформацией противника. Как агрессор виноват в нападении, также агрессор будет виноват, применяя обман для своих целей, и точно также защищающаяся сторона невиновна, если уничтожает агрессора и когда применяет дезинформацию для защиты себя или тех, кого защищает. В Библии немало случаев⁸, где защищаются не только сокрытием информации, но и подачей ложной. Пока обман применяется в таких целях, думаю, вряд ли кто-то всерьёз обвинит Бога или религию в освящении лжи, также как защиту себя и своей страны. Желающие спорить вспомнят иезуитское "цель оправдывает средства", но к Богу и Его Пути это имеет слабое отношение.

Под защитой сверхсилы

Давид впервые оказался в таком положении – беглец без прав и защиты. Все, кто помогут ему, подвергнутся той же участи, что и он. Он может прятаться, но его будут искать, и многие поверят царю и его людям, что Давид преступник, и его выдадут многие и будут при этом уверены, что делают доброе дело, так что долго прятаться среди людей он не сможет. Возможно, что пока он вообще не представлял, что ему делать. В доме отца его будут искать в первую очередь, однако же он не испытывал отчаяния – его Бог мог дать ему защиту, и он подумал, что было бы правильно направиться сейчас к учителю Израиля, к Самуилу. Там, где жил этот человек, творились необычные дела, происходили чудеса, и сверхъестественное там было обычным явлением. Он не без оснований полагал, что под защитой Самуила он будет в безопасности, а также что там ему могут дать хороший совет о будущем, поскольку там можно спрашивать пророка, и Бог даст через него любой ответ и помощь. Это всё было совершенно верным, и остаётся лишь сожалеть, что очень редко на Земле бывали подобные времена, места и люди. Фактически, подобное если и повторялось, то лишь в ограниченной степени, во времена Илии и Елисея. Даже время Христа не обладало такими возможностями – то есть возможности там были куда большие, но только неизвестно, чтобы кто-то пользовался ими в полной мере... Хотя времена Христа особые, они располагались в такой эпохе, в которой служащие Богу были обречены зависеть от людей, они больше не пользовались той защитой, которая была покровом над Авраамом и его потомками до плена. Плен изменил всё и надолго, вплоть до наших времён.

За систематические срывы божественных планов Израиль был наказан потерей суверенитета, но при этом, поскольку власть была отдана в руки других государств и властей, то и прежней системной поддержки Своим людям Бог уже не оказывал. Помощь Его люди получали, когда Бог располагал правителей к Своим гонимым представителям, но прежней поддержки уже не было. Может быть кому-то это покажется слишком суровым, однако предыдущие поколения навлекли именно такое решение на практически все последующие поколения. Это долгое время, когда, говоря библейским языком, "святилище и войско будут попираемы", было определено на 2300 лет, фактически оно длилось даже больше, поскольку отсчёт этой эпохи начался с пятого

8 Например Раав, введшая в заблуждение тех, кто хотел захватить еврейских разведчиков, пришедших в Иерихон. Или позже Елисей – "это не та дорога и не тот город..." 4Цар.8,10. Или как Хусий Архитянин "работал" на Авессалома, разрушая совет Ахитофела. И прочее подобное.

века до нашей эры⁹, но к моменту, когда начался отсчёт, Израиль уже давно был не-самостоятельным. Отсчёт начался, когда Израиль восстанавливал хотя бы какое-то обособленное существование – автономию под персидским правлением, а независимость потерял за полтора века до этого¹⁰.

Пока ещё было далеко до потери божественной защиты, но Давиду от этого было не легче, царём был тот, кто не должен был уже занимать трон, и по его распоряжениям он должен быть уничтожен как конкурент – у всех народов положение вещей со властью было суровым. Давид добрался до Самуила и ощутил себя на время в безопасности. Не знаю, были ли эти места укрепленными, но множество наделённых Духом учеников, здоровых и здравых, успокаивало. Через каждого из них проявлялась божественная сила, и даже армия могла оказаться абсолютно бессильной перед какой-то сотней или даже несколькими десятками таких людей. Саул вскоре услышал, где находится Давид, и, разумеется, сразу же послал людей в Раму, чтобы они взяли и привели беглеца к нему. Дело казалось лёгким, воины пришли, однако же не смогли дойти до Давида... Когда они увидели группу пророков, поющих и высказывающих в какой-то то ли торжественной форме, то ли это было какое-то искусство вроде танцев и музыки, подготовленное или импровизированное в рамках уже выработанных форм, то их охватил тот же экстаз, в котором были все участники действия. Они все попали под руководство Бога, и также стали высказывать вслух те удивительные вещи, что им вдруг стали доступны, о Боге, о жизни, о мире и его законах и проявлениях. В таком состоянии им стало не до приказов Саула, о которых они поняли, что не обязаны их исполнять, поскольку они ложны, неправильны и преступны. Остались ли они воинами армии Саула, не могу сказать, может быть они и вернулись позже в войско, но возможно, что и остались среди учеников Самуила, перейдя в ряды пророков. Их духовная сфера с этого времени была активирована.

Саулу донесли, что произошло с посланными им, но он не внял голосу разума, а послал ещё один отряд воинов, думаю, что он подобрал более грубых и отмороженных, сколько смог найти, однако конец и этого отряда был тот же, они также попали под влияние Бога, и их души переродились, как некогда и сам Саул был изменён помимо своего желания и старания. Пусть ненадолго, но это было. Бог не может насильно спасти, поскольку в этом должно быть желание самого человека, но вот насильно изменить – нет никаких проблем... Обычно в этом нет смысла, поскольку человек практически всегда возвращается к привычному для себя, стоит отклоняющему (или нормализующему) воздействию прекратиться. Это когда человек обнаруживает у себя слабость, что его желания и страсти сильнее его, тогда стоит вспомнить об этих возможностях Бога. Без сильного и устойчивого стремления человека к переменам, к отречению от неправильностей своей природы к здоровью, желания уйти от искажённостей этого мира, даже такая помощь Бога не даст результата. Зачастую человек лишь вообразит себя уже совершенным и незаслуженно расслабится, считая, что всё что нужно, он уже имеет, и ему уже ничего не грозит.

Саул послал ещё один отряд за Давидом, но видя, что лишь теряет людей, которые уже не станут безоговорочно выполнять любые его приказы без вопросов, отправился лично. Столь велик был настрой уничтожить соперника, столь велика вера в выдуманное самим, что он рискнул бросить вызов Самуилу и стоящему за ним Богу. Пожалуй, он был готов даже быть поражённым, зная, против кого выступает, но лишь бы закончить этот свой страх перед Давидом. Случилось ожидаемое, Давид и остальные видели, как Саул приближался к селению, как снимает верхние одежды, как Дух снова, как когда-то в прошлой жизни взял его под контроль, как Саул валится лицом на землю и произносит возвышенные вещи, высказывая хвалу Богу. Давиду стало

9 Дан.8,13-14

10 457 год до Р.Х. – работы Неемии по восстановлению Иерусалима как города и административной единицы областного значения, потеря же независимости начинается со смерти царя Иосии в 608 или 609 году до Р.Х., когда фараон Нехао по праву сильного поставил царём своего назначенца.

страшновато, ему показалось, что Саул сумеет и под контролем высшей силы добраться до него. Это он потерял, как говорят, веру, он бы должен был остаться и поговорить с Саулом. Однако он упустил отличную возможность выяснить многое, да и повлиять на многое и изменить состояние дел. Пока Саул был здесь, он не был опасен для него, он бы был в ясном уме и под контролем высшей силы, и кто знает, на что он был способен сейчас – он может быть даже мог отречься от царства и уступить место Давиду. Но Давид почему-то испугался и оставил единственное место, где был на самом деле безопасен. Спустя долгое время скитаний и бегства от Саула он наконец смог поговорить с ним, убедив, что безопасен для него, и Саул поверил ему (хотя нельзя сказать, что это было надёжно), но у Самуила подобный разговор был бы намного более эффективным, и не пришлось бы столько времени проводить в поисках укрытий. Если бы Саул отказался от власти, дальше он был бы безопасен для Давида, и кроме того, Дух уже не покидал бы его, ведь он, уйдя из царей, выполнил бы ключевое условие.

Полоса проблем

Пока Саул целые день и ночь лежал не одетый и пророчествовал в экстазе, многие снова вспомнили старую поговорку о нём – "неужели и Саул в пророках?". Но Давид вместо разговора с ним решил оставить это убежище и поговорить с Ионафаном. Он встретился с ним и жаловался на судьбу. Друг посочувствовал ему и предложил, что поскольку он у отца по прежнему в доверии, то ему нетрудно будет узнать у отца о планах в отношении Давида, когда он вернётся из Рамы. Давид возразил, что Саул, зная о дружбе его с Давидом, может скрыть от него свои замыслы, и предложил свой план, в самом деле более точный. Один раз Ионафан выступил посредником и заступником Давида и это хорошо сработало, но сейчас настрой у Саула может быть другим, он просто не станет говорить сыну ничего, зная о его дружбе с Давидом. Так что Давид решил узнать о своей судьбе по реакции самого Саула на своё отсутствие. Он описал Ионафану возможные реакции царя и они условились о знаках, какое слово будет означать удачное развитие событий и какое негативное. Ионафан ощущал, что сейчас особое время, наступил какой-то переломный момент, и после него жизнь может значительно измениться. Он знал о Давиде, кто он, знал, что в принципе его отец почти прав, считая Давида претендентом на престол, только знал и то, что его друг ни за что не сделает ничего противозаконного и также не собирается никого свергать. Он попросил у друга, чтобы если вихри судьбы вскоре сметут его с отцом, а он собирался быть с отцом до конца, пытаясь защитить его не только от бед, но и от неверных шагов, и может случиться всякое, то чтобы Давид помог его детям и потомкам.

Итак, на следующий день праздновалось начало нового месяца, причём оно длилось два дня. Давид должен был находиться за столом царя вместе со многими другими, как уже установился обычай. Давид скрывался на поле, где они договорились встретиться, и его место было незанятым. К этому времени Саул вернулся от Самуила, и хотя он выглядел несколько посвежевшим после прикосновения к священному, к потерянному было дару, который сейчас опять отошёл от него, в остальном он остался тем же, и лишь укрепился в своих замыслах. Он заметил, что Давида не было, но посчитал это случайностью, однако же когда его не оказалось на пиру и на следующий день, он спросил сына, почему его друга нет. Ионафан ответил, что Давид отпросился у него, что было правдой, хотя в новолуние праздновали все или почти в народе, только Давид был не в Вифлееме, а прятался неподалёку от Гивы. Однако нарушением эта дезинформация не была, поскольку Давид был в реальной опасности. Саул впал в сильный гнев, оскорбил Ионафана и описал, что он не сможет быть царём или его правление будет в опасности, пока Давид жив. Он потребовал привести Давида к нему, потому что Давид приговорён и обречён на смерть. Это всё звучало от него совершенно серьёзно, он так верил во всё это, но Ионафану было очень больно слушать эти злые подозрения, ставшие для отца полной реальностью.

Ионафан пытался воззвать к здравому смыслу – "Он же ничего не сделал! За что его убивать?" Очень сложно, однако, переговорить параноика... Саул поступил так, как обычно такие больные и поступают, отдавшиеся во власть того, что им диктует их больное воображение – бросил копье в сына, как бросал прежде в Давида. Бросал всерьёз, на поражение, но к счастью, не попал. Ионафан глядел отцу в глаза, надеясь на проблеск души, и когда копье пролетело рядом с ним, встал в гневе из-за стола и вышел. Когда человек преследует какую-то дурную идею и даже не может услышать, или отказывается слышать доводы разума, это очень расстраивает. К сожалению, многие люди, даже достаточно здоровые, не всегда склонны слушать другого, не из болезни, а просто из упрямства, и это обычно вызывает очень неприятные ощущения. Когда довод разума, взвешенный, верный, да даже пусть ошибочный, но искренний, вызывающий к диалогу, к возражениям, готовый сам выслушать и оценить доводы другого, не выслушивается и отвергается заранее, это бьёт по нервам. Когда есть надежда, что получится поговорить, выяснить, узнать о причинах проблемы, но в ответ получаешь лишь выстрел эмоций и ничего разумного, это просто разрушительно. Когда бьют доводом, это как удар меча, острого отточенного орудия, который можно парировать, но когда отказываются говорить и стоят на своём, не выслушивая или сыпя одно и то же, игнорируя доказательства, мне лично это представляется как удар дубиной, тупым орудием, против которого нет приёма... Тупым во всех смыслах. Так что можно представить себе, насколько оказался расстроен и выбит из колеи Ионафан. Сейчас он вдруг ощутил то, в каких проблемах жил его друг.

На следующий день Ионафан вышел в поле как бы прогуляться и развеяться, с ним был слуга, носивший его оружие. Ионафан стал стрелять из лука вдаль, и послал слугу собирать стрелы. Условными фразами у них с Давидом были "стрела позади" и "стрела впереди". Первое означало "всё хорошо, мир, проблема разрешилась", а второе – "всё плохо, уходи". Когда слуга отбежал, Ионафан закричал: "стрела впереди тебя!", а потом, вкладывая в голос эмоции, добавил: "беги скорее, не останавливайся!"... Молодому человеку это ничего не говорило, кроме разве того, что царский сын чем-то расстроен, но рядом прятался Давид, понявший, что дела плохи чрезвычайно. Но он не побежал никуда в данный момент, хотя Ионафан советовал ему это почти открытым текстом, он подождал, пока слуга удалится, и потом вышел на поле к Ионафану попрощаться. Неизвестно было, когда они смогут снова увидеться, было очень жаль расставаться, так что оба плакали, впрочем не столько из-за необходимости бегства, сколько из-за несправедливости жизни. Они подтвердили свои клятвы друг другу и благословили друг друга, и Давид отправился в неизвестность.

В этот раз Давид не знал, куда идти. Сейчас он был совершенно один. Не то, чтобы он был совсем растерян и не знал, что делать, но в целом всё же был сбит с толку. Почему-то идти к Самуилу он не хотел, теперь и там он не ощущал себя защищённым, и это была одна из самых больших его ошибок – он позволил себе сомневаться в возможностях Бога, хотя это были всего лишь эмоции. Возможно, из-за этого его отношения с Богом несколько сократились, он просто не доверял этому варианту. Поэтому он в первые дни бегства поступал не лучшим образом и делал ошибки.

Среди последователей Бога есть такие, что думают, что на каждый день и час жизни Бог имеет Свой план и расписание, и нужно обязательно соответствовать этому расписанию. Странно, что они как-то рассчитывают это знать, однако же подавляющее большинство людей, не будучи пророками, знать этого никак не могут и не знают. Хотя, в защиту таких можно сказать, что они ориентируются на высокие достижения – говорить с Ним и получать от Него ответы. Цель похвальная и достойная, но с другой стороны, будь эти люди действительно пророками, они бы нашли, что хотя такие ситуации и бывают, когда Бог хочет или требует от кого-то быть здесь или там в такое-то время, или жить не там, где кому-то бы хотелось, а идти совсем в другие ме-

ста, то Он и ответственен, чтобы дать знать об этом человеку самым ясным образом. Но случаи такие не часты. В общем, нет людям никакого греха в том, что они живут там, где живут, а не где-то ещё... Есть люди с особой ответственностью и поручениями, и для них действительно могут существовать предписания о месте жительства, и уклонение от этого предписания свыше будет нарушением, за которое придётся отвечать, как было в случае с пророком Ионой и некоторыми другими. Если кому-то в самом деле Бог предназначает, чтобы он жил в другом месте, то действует Он обстоятельствами, толкающими к переездам, через других людей и события, а то и сам человек испытывает сильные побуждения к иной жизни, его толкает мечта и зовёт какой-то голос... Я не могу сказать, что знаю это всё абсолютно точно, но то, что я узнал и понял о жизни и порядках Всевышнего, даёт мне достаточно уверенности говорить так. Если у кого-то есть сильные аргументы против, было бы интересно узнать их.

Сейчас Давид пришёл к Святилищу, он надеялся получить там совет от Бога, у первосвященника были камни, дающие ответ. Его собственный разум был довольно сильно смущён и выбит последними событиями, поэтому он не мог сам выйти на Бога с вопросами, из-за сильного эмоционального волнения ему нужна была помощь извне.

Самый сильный человек имеет свои моменты, когда его сила не может ему помочь, то ли потому, что его проблема не решается в той сфере, где он силён, то ли потому, что его разум сбит и смущён, как поверхность воды ветром. Эмоции и стресс сбивают тонкие настройки мозга и нервной системы, поэтому и нужны друзья и помощники, которые не испытывают тех же тревог, кто своим покоем может послужить и помочь выйти из беды. Индивидуалисты, рассчитывающие исключительно на себя и пропагандирующие такую жизнь как единственно достойную, делают неверную работу — человек создан не для разделённости с другими, но объединён в сеть с подобными себе, и кроме того, подключён к главному Серверу, без Которого жизнь обеднена на порядки.

Давид пришёл в Номву, селение священников, в это время походный храм находился у них. Ему встретился священник Ахимелех, он был не в курсе последних событий, связанных с Давидом, однако же что-то его смутило. Самое первое, что могло его насторожить, было то, что Давид был один, но и кроме этого, в самом Давиде было что-то, что для чувствительного человека показывало, что у человека проблемы. Давид в тот момент был в сильном душевном смятении, чем больше проходило времени, тем больше до него доходило сложившееся положение. Умом он понимал всё и раньше, но теперь картина становилась всё более чёткой, и всё более неприятной. Кроме того, у него с собой не было даже оружия, что тоже не вдохновляло. Нельзя идти домой, все, кто помог бы ему, оказались бы под угрозой от Саула. В этом случае Давид должен был говорить правду, перед ним был не враг, а тот, к кому он пришёл за помощью. Если он хотел получить помощь от Бога, а это было именно так, то всё же почему он не шёл к Самуилу, где Бог обитал явно? Однако то, что Ахимелех насторожился и чего-то испугался, сбilo Давида с толку. Он собирался посоветоваться о будущем, спросить совета у Бога, а это означало, что первосвященник будет выслушивать его вопросы, ведь Урим и Туммим были на его одежде. Но теперь Давид передумал и решил действовать по другому сценарию. Он уйдёт в пустынные места или пойдёт к филистимлянам или за пределы Израиля к моавитянам или ещё куда-то, но нужно найти оружие и добыть еды. И то и другое он мог получить здесь. Он сделал вид, что идёт по тайному и срочному поручению царя и даже людей не взял сюда с собой, оставив их в условленном месте. Давид попросил какой-нибудь еды, что выглядело несколько нелогично, хотя кто знает эти секретные поручения? Ахимелех затруднился, в этот момент в храме не оказалось обычной пищи, а идти в селение не стоило, чтобы не привлекать внимания к Давиду. Тогда он предложил ему

священный хлеб, который снимают со стола в Святом, чтобы положить туда новые раз в неделю по субботам. Это были большие пресные лепёшки весом более двух килограммов, так что Давиду хватило надолго, и когда к нему вскоре присоединились помощники, это пригодилось и им. Давид также поинтересовался оружием, нет ли здесь чего-то подходящего, и священник предложил меч Голиафа, который каким-то образом попал в святилище после известных событий, когда Давид попал на службу к Саулу. Это был трофей Давида, и он по праву забрал его из храма, с ним он ощутил себя уже не таким забытым и оставленным.

То, что Давид сказал Ахимелеху неправду, было неверным делом. Ахимелех не был известен ему как сторонник Саула, он должен был быть выше политических вопросов, выше мнения Саула о Давиде, весьма и весьма спорного и неразумного, так что Давид оскорбил его недоверием. Но если бы только это – в результате обмана Ахимелех оказался совершенно неготовым к разговору с Саулом, когда его привели к нему за помощь Давиду. Когда Давид и Ахимелех разговаривали, в пределах храма оказался по каким-то делам заведующий стадами Саула, некий Доик Идумей. Давид, когда увидел его, сразу понял, что Саул узнает о его приходе сюда, может быть из-за него он и решил не посвящать священника в свои проблемы, но вышло только хуже.

Неудачная попытка в Гефе и свой путь. Глава отряда

Из храма Давид отправился дальше на запад, и пришёл в Геф, к царствовавшему там Анхусу. Он рисковал, идя сюда, среди этих людей он был известен как враг, однако же почему-то решился рискнуть. Скорее всего он рассчитывал, что его просто не узнают, в боях вряд ли воины всматриваются друг в друга, и запоминаются лишь те, кто выделяется особыми чертами. У Давида же была скорее стандартная внешность, не выделяющаяся. В какой-то мере это действительно сработало, его опознали одни, но засомневались другие, так что он был избавлен от возможных неприятностей. Однако же неприятностей могло даже не быть, если бы он сам не засомневался, правильно ли поступил. Идя сюда, он не был уверен в водительстве Бога, он всё ещё ощущал себя потерянным и сбитым с толку, да и времени прошло едва один день с момента бегства от Саула. Его могли принять здесь, ведь спустя какое-то время он пришёл сюда же во второй раз, и его приняли вместе с его дружиной и дали место для жилья, и даже считали его своим. Это же могло сработать и сейчас, но его испугал приём, оказанный ему у Анхуса. Когда его привели к царю, и царь было уже был готов оказать ему расположение, кто-то из советников или воинов при царе то ли возмутились, то ли удивились намерениям Анхуса, возразив – "это же Давид, которому пели в хороводах – "Саул победил тысячи, а Давид десятки тысяч"". Давид не ожидал такого приёма, это его сильно испугало, и не дожидаясь реакции Анхуса, он прикинулся больным на голову, стал чертить на дверях какие-то линии и фигуры, при этом пуская слюни по бороде. Выглядело это как с виду нормальный человек вдруг был поражён приступом. Подражал ли Давид виденному где-то или импровизировал на ходу, не могу сказать, однако это помогло, царь поверил разыгранному. Он выговорил тем, кто привёл Давида, что надо лучше смотреть и проверять, а не верить всяким бродячим Наполеонам (пардон, Давидам), а то мало ли кто как назовётся...

Хотя Давид и ощущал себя оставленным Богом, не получающим подсказки и совета свыше, Бог его не оставлял, он хотя и действовал дёргано и бессистемно, но вышел из проблем без вреда для себя, и когда он удалился из филистимских пределов, вскоре стал приходить в себя. Избежав опасности в Гефе, он понял, что Бог не оставлял его, хотя он и не замечал Его помощи. Это сознание столь окрылило его, что у него сложилась ещё одна из победных песен, занявших место в кние Псалмов¹¹. Теперь он решил выбрать вариант попроще, пойдя в места не очень населённые и выбрал себе пещеру, где мог собраться с мыслями и перевести дух. В Одолламской пещере он был, похоже, уже не один, по пути туда он нашёл людей, которые имели проблемы,

11 Тридцать третий

подобные его или иные виды человеческой несправедливости сорвали их с насиженного места. Кто-то из этих первых спутников сходил в Вифлеем и сообщил о событиях, постигших их сына и брата, и также о проблемах, надвигающихся на них со стороны Саула, подозрительность которого не ослабевала. Было понятно, что им нужно бросать всё и исчезнуть из Вифлеема на какое-то время, возможно надолго. Вскоре к Давиду пришли братья и вся семья. Не так давно некоторые из них придирчиво относились к младшему, и теперь, когда по его вине им пришлось уходить в неизвестность и оставлять нажитое, они могли бы совсем обозлиться на него, но нет, ничего подобного не произошло. Они напротив, стали поддерживать Давида, признав его предназначение. Их брат был некоторое время начальником одного из отрядов армии Израиля, был уважаемым и заслуженным человеком, и они хорошо понимали, что Саул несправедлив и просто безумен. Ни у кого из них не возникло и мысли выслужиться перед Саулом и сдать брата или отречься от него, выказывая верность царю. Наверное, между ними был лад и мир, без трений и зависти. Несмотря на не самые комфортные условия жизни, впрочем и в полевых условиях можно обеспечить себе неплохие условия при хорошо поставленных руках, не было недовольств.

Странное дело, Саул не знал, где находится Давид, но все, кто искали убежища от притеснений и несправедливости, собирались сюда к Давиду, так что в скором времени у него было под началом четыре сотни человек. Видимо, верные и надёжные люди имеют свою сеть, создающуюся невольно и без намерений, и отсюда сложно утечь курсирующей там информации. Хуже обстоит дело у организаций, которые расширяются и используют формальные методы работы, там почти невозможно или даже вовсе невозможно избежать случайных людей или, хуже того, засланных от конкурентов или врагов. У Давида образовалось своё небольшое царство, и как главный, дающий кров и убежище своим сторонникам и помощникам, он организовал дело на основах братства и справедливости, не тех, которые встречаются и у преступных сообществ, но тех, которые даны человеку из безошибочных источников свыше. В его лагере не все были совсем уж хорошие люди, жизнь показала характеры некоторых, но в обыденности даже они проявляли тот характер, который был задан Давидом, который в свою очередь был движим и вдохновлён Духом. Не все из нашедших у Давида убежище пострадали ни за что, были и такие, что сами были виноваты в том, что стали изгоями, но здесь многие из них исправлялись и вставали на лучший путь, постепенно отходя от прежних проблемных привычек. Здесь было легко жить и все ценили мир и покой, пропитывающий всё и всех здесь находящихся. В какой-то мере это было заразно, многим не хотелось возвращаться к скандальному и эгоистичному поведению, это казалось ненужным и чуждым.

К Давиду пришли не только братья, но и родители, им было опасно оставаться в своих владениях. В то же время и в полевых условиях быть долго им было нежелательно, если какой-то привычный комфорт ещё можно было обеспечить, однако же вскоре могло наступить время менять место расположения. Хотя Саул сам не мог найти, где находится Давид и его люди, но всё же случалось, что некоторые любители наград, узнав, что рядом с ними живёт гонимый человек, были рады донести на него. Давид это прекрасно понимал и поэтому, пока не наступили более трудные времена, взял родителей и пошёл с ними к моавитянам. Их род был в родстве с моавитянами через Руфь, и он воспользовался этим моментом. Он нашёл хорошее взаимопонимание с царём этого народа и его родителей приняли там. Давид попросил, чтобы им дали убежище на время, пока устроятся его дела, по всей видимости им пришлось жить там несколько лет.

Саул – уничтожение дома священников

Давид вернулся в пещеру к своим людям, но долго после этого они там не оставались. Среди тех, кто был с ним, появился пророк, который пересказывал ему советы от Сущего. Он сказал, что на этом месте оставаться дольше не стоит, но они должны находиться в пределах Иудеи, и это было выполнено, они расположились в лесу теперь уже в западной части Иудеи, неподалёку от границ филистимлян. До этого они располагались вне Иудеи или на её восточном краю, близ-

ко к моавитянам. Когда они появились в Иудее, их заметили, и Саул, услышав имя, приводившее его в страх и злобу, отреагировал. До этого, после бегства Давида не устраивал разборок со своими слугами, ограничившись дочерью, но сейчас он созвал всех и упрекал их за то, что почему-то никто из них не рассказал ему о сговоре его сына Ионафана с Давидом. При этом он не устроил на него гонения, хотя, наверное, ограничил его в чём-то, может быть сняв с командных постов, но ничего худшего не было. Удивительно, что Саул настолько погрузился в свою реальность, что в обращении слугам присутствует прямо-таки поэзия и полёт воображения, его речь развёрнута в несколькоэтажные обороты – "Послушайте, сыны Вениамина – неужели вы все получите от Давида посты и подарки? Как так, что вы все сговорились против меня, почему никто не раскрыл мне, что мой сын настраивал против меня моего слугу?"

Он в этот раз превзошёл себя, решив откуда-то, что именно Ионафан виноват в восстании Давида (или это был какой-то хитроумный ход?)... Давид не восставал – это очень важно, потом второе, если во вступлении он подразумевает, что царём будет именно Давид, ведь он говорит, что он даст или не даст вениамитянам подарки, то какой смысл Ионафану устраивать заговор, не собираясь быть царём? Если Ионафан хотел бы сместить отца, то Давид был бы лишь орудием в его руках, но власть бы оставалась среди вениамитян, и тогда вопрос Саула не имеет смысла... Думаю, что слуги Саула, стоящие перед ним, не были спокойны и веселы, они ощущали, что царь безумен, но как его остановить или что можно сделать? Многие ощущали, что это время бед.

Однако в этом месте мысль Саула была утрачена, потому что в дело вступил тот самый идумей, что был в храме когда там был Давид. Доик воспламенил подозрения Саула теперь в сторону священников, перечислив, что Ахимилех дал Давиду священный хлеб, меч Голиафа и что спросил для него Сущего через камни (что обращались к Богу через камни, Доик, кажется, добавил от себя). Достаточно было упомянуть, что Давид разговаривал со священником, как для Саула стало ясно, с кого теперь спрашивать за смуту в стране. А уж то, что он дал подозреваемому и обвиняемому хлеб и меч Голиафа, тем более спрашивал Бога, сделало все подозрения реальными и доказанными. Саул потребовал привести к себе всех священников, живших в Номве. Когда они явились, что потребовало какого-то времени, Саул обрушил на Ахимелеха обвинение в сговоре с Давидом и поддержке заговора против царя.

Ахимилех показал полное непонимание обстановки, но царя это не остановило, он даже не заметил недоумения первосвященника. Если бы Давид хотя бы намекнул, что происходит, в разговоре с ним, то Ахимелех мог бы выработать линию поведения и не оказался захваченным врасплох сейчас. Он говорил, исходя из представлений о прошлом Давиде, успешном военачальнике и зяте царя, исполнителе его личных поручений, однако это лишь придало лишней злобы и подозрительности Саулу, которому казалось, что его пытаются заговорить. Это делал Ионафан в первый раз, но во второй раз перечисление заслуг и добродетелей Давида уже не работало, сейчас тем более, лишь ухудшило дело. Ахимелех пытался апеллировать к тому, что перед Богом все равны, и что он обязан передавать Богу вопросы любого пришедшего в храм, не зная ни малого, ни великого в своём служении, но все оправдания лишь усиливали подозрительность Саула. И он высказал свой приговор – "ты должен умереть, Ахимелех, и весь дом твоего отца". Кощунственность приговора его не заботила, если против него подняли руку, то все виновные должны умереть... Слуг Саула охватило ощущение неправильности происходящего, никто из них не тронулся с места, чтобы выполнить его приказ, который он отдал после вынесения приговора. Сейчас судьба самого Саула висела на волоске, потому что поднять руку на служителей Бога было как-то слишком, и люди, уставшие от паранойи царя, из-за которой многим не было покоя, могли взбунтоваться. Кто-то мог помнить распоряжение в законе Моисея, чтобы "не погубить" племени Каафа у левитов, которые должны были носить ковчег на своих плечах, а тут речь о священниках, тем более первосвященнике.

Саул видел, что люди и воины, окружающие его, медлят и о чём-то размышляют – перешагнуть через привычное нелегко, и ощутил, что момент сейчас решительный, или-или. Но его спас этот идумей, который был готов осуществить приказ Саула, и Саул, видя готовность Доика, сказал ему, чтобы он сделал то, что отказываются сделать израильтяне. Выполняя приказ Саула, были приведены все, принадлежащие к роду Ахимелеха, восемьдесят пять человек, и все они были убиты Доиком. У них не было оружия, и никто из придворных Саула не посмел вступить за них, иначе они все бы оказались бунтовщиками, и этим бы подтвердили все подозрения Саула. Также и Давиду тогда уже вряд ли было возможно убедить Саула в неверности его подозрений. После этого убийства люди Доика были посланы уничтожить всё население Номвы, и они сделали это, причём уничтожили даже животных, то есть действовали как если бы город был заклят. Это был вызов и Суцему и Израилю, оскорбление и осквернение всего связанного с Богом и его народом, осуществлённое этим идумеем с злобным удовольствием, вымещающим давнюю неприязнь к евреям, но почему-то Саула это совсем не заботило. На людей же Саула, самых патриотичных его сторонников вениамитян, это оказало угнетающее впечатление, и в немалой степени поэтому много здоровых вениамитян стали в душе сторонниками Давида и впоследствии поддерживали его.

В прошлой книге я не задевал этого момента с Илием, почему он не пускал никого из других священников, держа места лишь за своими сыновьями. Дело было, пожалуй, в том, что сам он неизвестным образом занял место первосвященника, хотя имел на это мало шансов, до него первосвященниками были сыновья Елеазара и его сына Финееса, которому Богом было обещано навсегда преимущество в занятии места первосвященника. Но почему-то он, являющийся потомком другого сына Аарона, Ифамара, занял этот пост и после он, похоже, боялся конкуренции с ветвью Финееса, почему он и не допускал никого, и это способствовало моральному разложению его сыновей, так как их отец имел в этом месте большую проблему морального плана и не имел силы влиять на сыновей. Позволение себе поступать неверно в одном обязательно затрагивает другие стороны человека, хочет он или нет – многие бы не против быть праведными в чём-то, даже практически во всём, но иметь для себя лазейку – в одном или двух предметах поступать по своему, делать запрещённое, но кажущееся им совершенно безобидным, несравнимым с другими видами нарушений. Не все понимают разрушительность преступления сразу, многим требуется немало времени на осознание или открытие этого, и пока оно непонятно, люди бунтуют или возмущаются по поводу ненужности ограничений Закона. И люди искренне нарушают, считая, что "ничего особенно плохого" не происходит, и не думают, сколько разрушений вносят в жизнь других, насколько портят и отравляют её, особенно если сами не успевают ощутить проблем, растущих из делаемого ими.

Из всех живших в Номве остался лишь сын Ахимелеха, он каким-то образом выжил, может быть его оставили при храме, чтобы не оставить храм без присмотра, чтобы было кому проводить утренние и вечерние жертвы. Когда он узнал о уничтожении своего рода, он убежал к Давиду, забрав с собой, кстати, одежду первосвященника с камнями, дающими ответ. Он после отца наследовал пост первосвященника, правда из-за того, что он из-за угрозы жизни находился у Давида, в храм вернулись священники из рода Финееса, эта семья не была под подозрением у Саула. Из-за того, что ефод находился в лагере Давида, Садок, новый первосвященник или кандидат на эту должность, не мог делать многого, так что во время Давида, даже когда он стал царём, сохранялась некоторая неопределённость в том, кто именно занимает главный пост в храме. В хрониках царствования позже было отмечено, что Давид распределил службу при храме для обоих родов, избегая конфликта между ними, и что это было сделано с помощью совета свыше. Когда Авиафар прибыл к Давиду, тот принял его и оставил у себя, зная, что он находится в такой

же точно опасности, как и сам Давид. Давид извинился перед ним, понимая, что его обман Ахимелеха привёл того к гибели и на нём лежит немалая вина перед его сыном, но у Авиафара не было мысли высказывать за это Давиду претензии. С приходом первосвященника в его стан Давид в какой-то мере обрёл преимущества над Саулом, именно у него находился первосвященник и ефод с Уримом и Туммимом, он мог спрашивать Бога и получать любые ответы, это придавало ему авторитета в глазах народа. У народа Давид после бегства и превращения в изгнанника не утерял расположения, и теперь он стал ещё и защитником угнетённых, что только добавило ему славы в глазах многих.

Защита Кеиля

Как-то к Давиду пришли люди с известием, что на селение Кеиль напали филистимляне и присили защиты. Это был знаменательный момент – они пошли не к Саулу, а именно к Давиду, считая его обязанным помогать и защищать. Его признали правителем, у него оказался тоже некий центр власти, хотя он и не владел большими силами. Конечно, играло роль и то, что Давид был рядом, а к Саулу добираться было дальше, однако будь Давид совсем никем в глазах народа, к нему бы никто не пошёл. Вопрос легитимности такой помощи Давида не заботил, если надо помочь, значит надо помочь, вопрос был только хватит ли у него сил для этого. Он обратился с помощью Авиафара к Богу, и Тот дал ответ, что идти надо, и что он будет иметь успех в этом походе. Для Давида всё было ясно, однако у его людей возникли немалые сомнения, они выразили их, говоря – "мы здесь в своей стране сидим с опаской и оглядкой, как же нам идти против врагов?" Это заставило Давида ещё раз обратиться к Богу с тем же вопросом – чтобы успокоить некоторых не очень доверчивых, и Бог опять ответил то же – "вставай и иди в Кеиль, и филистимляне будут в твоих руках, Я их отдаю тебе". От этих слов сомневающиеся люди Давида могли ощутить себя уже не беглецами, прячущимися от всех, а именно серьёзной силой и даже опорой страны. Это был важный и значимый опыт для страны в целом, когда легитимная власть превращалась из-за преступлений и личностной повреждённости царя в нелегитимную, а преследуемый ни за что беглец с отрядом ещё более потерянных людей превращались в защитников народа и страны. Это, хотя и рискованное, однако всегда интересное явление для истории и для политики, обогащающее память народа и при должном осмыслении могущее создать предохранители и противовесы на будущее, чтобы предотвратить угрозы изнутри и извне. Также опыт бескровной смены властных фигур, если бы он состоялся, был бы бесценным опытом и наследием для всего человечества. Будь на месте Давида менее принципиальные люди, то дерзкой вылазкой в удобный момент они могли уничтожить прежнего царя с его окружением, но это было бы тем, что делали все остальные почти всю историю нашего мира, но Давид с его непоколебимой принципиальностью на тысячелетия опередил гуманистические тенденции новейшей истории мира. Конечно, ему припомнят его воинственность, но он был воином и судьёй, живя во времена неспокойные, но вряд ли кто даже из ненавистников религии назовёт его несправедливым – его судьи сами обнаруживают гораздо большую кровожадность, рубя сплеча всё, что им не по нраву. Тут надо смотреть, что они сами делали бы на его месте, и я уверен, что в их исполнении историю читать было бы намного неприятнее.

После того, как Бог подтвердил Свой ответ, возражения смолкли и отряд, к этому времени разросшийся до примерно шестисот человек, отправился на войну. Враги, вторгшиеся в пределы Израиля, почувствовавшие их слабину или решившие проверить соседей на прочность (слухи о болезни и ненормальности Саула давали им повод к этому) были разбиты. Они занимались пока не столько осадой городка, сколько грабежом окрестностей, поэтому не были собраны вместе, и не могли оказать организованного сопротивления. В результате этой успешной операции Давид даже несколько обогатился за счёт захваченного скота филистимлян, который они пригнали с собой для откорма на полях евреев. Правда, долго наслаждаться победой у отряда Давида не получилось. Они на некоторое время расположились в этом селении, но вскоре кто-то сообщил Сау-

лу, что в его владениях появился отряд, не принадлежащий ему, но выполняющий его работу, а уж то, что это был Давид, лишь ещё подгрело болезненную ревность царя. Он обрадовался, что Давид сейчас находится в укрепленном месте – оттуда им невозможно будет скрыться, если осадить их там, так что он мгновенно объявил поход на Кеиль.

К счастью, доброжелатели Давида сообщили ему о собирающемся против него походе, и перед ним встал вопрос, что делать дальше. Можно было остаться в этом укреплении и принять бой либо уйти в другие места и продолжать скрываться. Столкнуться с превосходящими силами целой армии было не лучшим решением, и ответ вырисовывался достаточно ясный, что лучше уйти сразу, но Давид полагал, что у Бога может оказаться какое-то ещё решение, он знал, что количество войск далеко не всегда имеет решающее значение, по крайней мере когда в делах людей принимает участие живой Бог. Так что он сказал Авиафару принести верхнюю одежду первосвященника с камнями и задал свои вопросы Богу. В этот раз летопись сохранила слова Давида и как шёл его разговор с Богом, какие Он давал ответы. Это представляет интерес, видно, что вопрос должен был быть разбит на отдельные пункты, на каждый из которых давался ответ "да" или "нет". Сначала Давид описал проблему в целом, что Саул хочет придти сюда и воевать с городом. "Придёт ли Саул сюда?" – был его первый вопрос. Урим засветился, что означало "да", Бог ответил утвердительно. После этого Давид спросил, как жители города поступят с ним и его людьми – "отдадут ли жители Кеиля меня и моих людей в руки Саула?" Снова засветился Урим – "да, отдадут..." Дальше спрашивать вроде бы уже было не нужно, не надо искушать добрых людей на действия свыше их сил – если жители Кеиля не отдадут Давиду Саулу, хотя и своего избавителя, то их всех сметёт армия Саула – не лучше ли просто уйти и избежать сразу всех проблем? Что и было сделано как можно скорее.

Поиски Давида, шпионы и доносы

Саул услышал, что Давид ушёл из этого места и отменил поход против Кеиля. Давид ушёл снова на восток Иудеи, но не в прежнее место, не в пещеру. Он не оставался на одном месте, ходя по пустыне, может быть в поисках удобного места для лагеря, и вскоре остановился неподалёку от Хеврона, в пустынной местности Зиф около одноимённого селения. Саул же, отменив запланированный поход, решил заняться поисками своего соперника, считая, что пока нет иных врагов и войны, можно заняться выдуманным противником. Думаю, что наличие в стране беглеца с серьёзным отрядом, показавшим в Кеиле хорошие воинские умения, не давало ему покоя, также он ощущал и ущерб своему царскому достоинству, что люди обратились за защитой не к нему, а к тому, кого он назначил своим врагом. Давид узнал, что Саул стал искать его, и это определённо навело его далеко не лучшее расположение духа. Он понимал, что посланные Саулом будут ходить, спрашивая один город за другим, ища тех, кто видел его отряд или знает о его местонахождении, и что по человечески рассуждая, его найдут рано или поздно. Впрочем, можно не оставаться подолгу на одном месте, но кто знает, какие меры будет предпринимать Саул. Он знал, что Бог будет защищать его и его людей, но сталкиваться с опасностью и ждать её всё же занятие нелёгкое, генерирующее немало стресса. От этой депрессии его спас его друг – Ионафан разыскал его через надёжных людей и пришёл к нему. Встреча была радостной, и Ионафан напомнил ему о Боге, да и от себя добавил немало обнадеживающих слов – "Мой отец тебя не найдёт, а ты будешь царём, и я буду вторым после тебя в твоём царстве..." Это была настоящая дружба, не загадывающая наперёд о выгодах, когда уверен в другом как в себе. Когда Ионафан ушёл, Давид уже не погружался в уныние, теперь он стал смотреть на жизнь веселее и его перестало пугать, что его начали искать.

Где-то в это же время некоторые из соседей Давида, услышав о том, что его ищут, решили то ли выслужиться, то ли подзаработать, и к Саулу пришли некоторые люди из Зифа и донесли царю, что Давид находится у них неподалёку, назвав даже конкретное место. Саул не преминул показать себя прежним человеком Божьим, благословив этих предателей именем Сущего за их

помощь ему, и нагрузил их обязанностью дальнейшей слежки за ним, чтобы они выяснили наличие у Давида резервных убежищ и лагерей, но не бросился в атаку по первому же сигналу. Похоже, что до этого никто не делал подобного, не доносил на Давида. Так что эти люди не получили пока что никаких наград, напротив, их нагрузили задачей, за которую ещё неизвестно, будет ли оплата, если их информация не поможет поймать Давида... Думаю, они не были рады своей инициативе, если они будут следить за Давидом, а их поймают за этим занятием, то будет плохо. А это было весьма вероятно, так как Давид, ожидающей опасностей, поставил охранное дело может и не очень профессионально, но серьёзно, от этого зависели жизни его и его людей. И конечная награда может и не добраться до них. Разведав всё о Давиде, эти люди должны были снова придти к Саулу и доложить о проделанной работе, и лишь после этого он пойдёт в поход на Давида.

Озадаченные зифеи вынуждены были выполнить порученное, и когда они снова появились у царя через какое-то время, Саул собрал отряд и отправился на охоту на человека. Пока Саул собирался, Давида успели предупредить надёжные люди, и он сменил место, в котором до этого находился. Саул, придя туда, не нашёл тех, кого он искал, однако действительно, ему донесли и о других местах, где Давид может находиться, так что Саул погнался за ним. Похоже, что среди людей Саула был хороший следопыт, либо кто-то подсказал точно, куда ушёл Давид, но Саул со своими людьми были довольно близко. Если бы Давид не поспешил снова сменить место расположения, его могли бы настигнуть. Сейчас Саул шёл наперехват, получилось так, что беглецы и преследователи спешили по разные стороны одной горы, одни стремясь скорее оторваться, другие перехватить убегающих. Кто знает, чем бы кончилось это преследование, но в это время на страну напали филистимляне, и Саулу волей-неволей пришлось переключиться с выдуманных врагов на настоящих. Не было бы счастья... Иногда, когда человек мучается от выдуманных проблем или страхов, реальные опасности помогают ему, он имеет хорошую возможность произвести переоценку, насколько ему угрожают реальные, и насколько мнимые опасности. Иногда такие люди даже выздоравливают, благодаря реальной беде, она может корректировать воображаемые страхи. Впрочем, Саулу, если война и помогла успокоиться насчёт Давида, то ненадолго.

Давид испытал немалый стресс, меч врага едва не настиг его, и в результате этот день вылился в несколько песен, одни из которых были плачевными, другие же воспевали его Бога, защитившего его и на этот раз. Из этих мест Давид со своим отрядом ушёл ещё дальше на восток, к берегу Мёртвого моря, летопись называет эти места безопасными или неприступными. В этих холмах и скалах на берегу их было труднее обнаружить и атаковать, да и поблизости в то время, похоже не было местных жителей, либо они были очень редки, некому было доносить на них. Однако же расчёт на безлюдность, если он был, не оправдался, кто-то всё же прошёл за ними и знал о новом месте их расположения.

Война с филистимлянами на некоторое время заняла Саула, но она не была большой, израильтяне отбили атаки нападавших, в очередной раз прощупывавших соседей на прочность. Когда Саул вернулся домой из похода, может быть он бы и не стал вспоминать о Давиде, но его ожидал человек с вестью о новом укрытии Давида, и слова о нём всколыхнули в царе все прежние чувства. Поэтому он не стал ждать, выбрал из войска три тысячи самых лучших воинов и отправился снова в поход. Нет бы отдохнуть от войны, и дать отдохнуть людям...

Место информаторы точное не знали, поэтому Саулу пришлось искать самому, и он настроился на длительные поиски на побережье и в окрестных скалах. Люди Саула не осмеливались жаловаться и возражать или высказывать своё мнение о происходящем, это было опасно. Саул же не знал покоя и отдыха, ходя по холмам, камни и твёрдая почва которых не хранили следов, здесь искать Давида можно было долго.

Саул в руках Давида. Признание и примирение с Саулом

Как-то так получилось, что люди Саула в своих поисках попали точно туда, где находились Давид со своими людьми, однако об этом не знали. Сейчас беглецы уже хорошо маскировались, не оставляли видимых следов от своего лагеря и стоянок, и никто не догадывался, что преследователи ходили почти по головам тех, кого искали. В летописи не оставлены свидетельства, что ощущали Давид и его отряд в это время, по их поведению выглядит, что никакого страха никто не испытывал. Даже в худшем случае все эти шестьсот воинов были готовы противостоять впятеро большему числу умелых воинов Саула. Они явно не теряли времени в своих странствиях и учились владеть телом и оружием, так что каждый в этом отряде мог стоять нескольких, и неизвестно, чем бы кончилась прямая их стычка, вот только такая встреча ослабила бы страну, так что Суций не позволил такому случиться. Саул же в этот момент вдруг захотел облегчиться, и он зашёл в пещеру при дороге, по которой они шли. Здесь был загон для овец и пещера, она была очень удобных укрытием для овец от непогоды, так что кто-то удачно устроил здесь место для своих стад. Сейчас здесь никого не было, кроме как раз Давида со своими людьми, но никому не приходило и в голову искать их здесь или проверить местность. Саул устроился в тени пещеры, а неподалёку спокойно ждали изгои израильского общества. Кто-то шепнул Давиду, что это отличный момент закончить все проблемы, идущие от Саула, и всем было понятно, что если бы устранили сейчас Саула, то эти три тысячи солдат вряд ли бы стали воевать, скорее все вздохнули бы с облегчением – ненормальность Саула всех порядочно утомила. Давиду привели какие-то пророческие слова о том, что Бог отдаст его врага в его руки, и Давид под влиянием азарта было согласился с этим предложением, он подкрался к Саулу, однако же пока он приближался к нему, он оценил заново этот аргумент и передумал. В этом пророчестве, если такое именно было, не было названо имя именно Саула, оно просто говорило о всяких других его неприятелях, которых было достаточно за его жизнь. О Сауле же у Давида были совсем иные соображения, из-за которых он ни сейчас, ни до, ни после не мог позволить себе поднять руку на царя. Тот был уполномочен на свой пост Богом, и пока Бог не дал команды на его свержение, всякий пытающийся его устранить становился бы преступником. Даже если не получилось мирно сменить власть, но всё же Бог ясно обозначил желательность этого, это было чрезвычайно важно для Его правления, и урок для всех желающих понять характер Сущего был очевиден. Давид был давно уже тоже помазан на царство, но не получал приказа осуществить своё право, поэтому ждал своего времени. Из истории своего народа он видел примеры людей, даже особо избранных Богом, действующих раньше времени и видел проблемы, случившиеся из-за этого, и никак не хотел попасть в это число и множить беды. Так что его азарт момента, когда ему показалось, что одним движением можно закончить свои и страны беды, быстро поостыл. Но он трансформировался в озорной план, и с ощущением полной безопасности, несмотря на многократное численное преимущество противника, Давид своим мечём отрезал кусок верхней одежды Саула, который ничего не заметил и вскоре вышел из пещеры.

Удивительно, после этого Давид ощутил в себе кое-что, не всем людям свойственное (хотя я почему-то уверен, что такое ощущают все, просто не все дают волю этим ощущениям, так что они не у всех пробиваются в высшие слои мысли и чувства) – ему стало нехорошо, что он оружием вообще коснулся этого человека, пусть даже только его одежды. Кажется, он очень удачно и успешно пошутил, но даже то, что пострадала целостность одежды царя, совесть Давида не пропустила безнаказанно. Его озорной азарт оказался вдруг тоже неуместным и неправильным перед высшими соображениями. Это вовсе не мнительность и не избыточная щепетильность, что укорила его за увлечённость моментом, что не сразу оценил правильно расстановку смыслов в текущей ситуации, на месте Давида всякий должен ощущать подобное.

Здесь очень тонкая игра или балансирование между тем, что было должно сделать и что можно или допустимо. Давиду нужно было доказательство, что Саул был в его руках и что он не

тронул его, для этого отрезанная пола вполне подходила, и само по себе этой действие не было грехом или нарушением чего-то, насколько я понимаю, разве что если бы это происходило во дворце с официальным приёмом – тогда имиджу царя был бы нанесён ущерб, но в полевых условиях оттолкнуть царя, если на него падает дерево, являлось бы сохранением его жизни, а не неподобающим обращением с его величеством. Однако же Давид судит себя, ощущает виноватым, и в принципе он прав, это говорит в его пользу, если бы он всегда таким оставался и детей приучил мыслить и чувствовать так же. Его совесть обличила его, скорее, не за само действие с одеждой царя, а за то, что он сделал это играя, а ещё что поначалу вообще едва не поднял оружие против самого Саула. Он задним числом понял, что делать это было лучше серьёзнее, с пониманием, а не легкомысленно. Может быть даже и вообще иначе можно было показать царю несостоятельность его обвинений в заговоре и восстании против него.

Вернувшись к своим людям с отрезанным кусочком одежды, Давид возразил тем, кто давал ему совет, что это недопустимо, что на получившего полномочия свыше нельзя поднимать руки никому без особой санкции на это от давшего те полномочия. Он остановил тех, кто видя его кажущуюся нерешительность уже были сами готовы сорваться с места и поразить Саула. Однако хотя Давид и корил себя за излишнюю несерьёзность, дальше он действовал так, как и задумал. Едва царь отошёл от загона с пещерой, Давид вышел следом за ним, выдержав некоторое время, чтобы отряд Саула отошёл подальше. Хотя если бы каким-то образом Саул не образумился, то Давид со своими людьми оказались бы в опасности. Но доводы Давида были очень и очень весомыми, так что даже Саул оказался покорён и убеждён.

Давид закричал вслед отошедшей толпы, обращаясь к Саулу. Саул повернулся и увидел того, за кем он гонялся и кого преследовал как худшего из врагов. Его люди остолбенели от такого сюрприза – что сейчас будет... Давид склонился в поклоне и заговорил – "Зачем ты веришь тем, кто говорит, что я замышляю против тебя зло?" Хотя Давид смягчил ситуацию, это сам Саул придумал и вообразил всё это о нём, люди лишь сообщали о местонахождении Давида, всё остальное исходило не от них. Но так было лучше, наверное, в этой ситуации. Дальше Давид рисует ему, что сейчас было, что могло произойти, если бы то, во что верил Саул было бы правдой – "Ты сам видишь, что Бог отдавал тебя в мои руки в пещере... Мне говорили, что я могу убить тебя, но я пощадил тебя, я сказал себе, что не подниму руки на того, на ком помазание Суцего. Отец, посмотри на край твоей одежды у меня в руке! Я отрезал её, но тебя не убил..."

Саул слушал это в прострации, как бы ни сильно было его воображение и вражда к Давиду как к сопернику, сейчас рушились все его представления. Он не мог противостоять реальности, слишком сильной она была. Невозможно было оставаться прежним, даже если бы он всю жизнь воевал против правильного и очевидного, даже если бы был отпетым сатанистом... Давид продолжал – "Убедись, что я не держу на тебя зла, не замышляю против тебя ничего, в то время как ты ищешь отнять мою жизнь. Бог пусть рассудит нас с тобой и Суций отомстит за меня, но моя рука на тебе не будет". Давид не побоялся привести старинную поговорку "от незаконных исходит беззаконие", явно намекая, что всё зло, воображённое Саулом о нём, произведено не его, Давида, реальными преступлениями, но создано самим Саулом потому, что как раз он сам сильно неправ. Он намеренно заострил этот момент, чтобы помочь Саулу вернуться к здравым вещам, хотя это могло привести к озлоблению Саула настолько, что он бы напал на него несмотря ни на что. Он рисковал, но понимал это и был готов к худшему.

Продолжая, Давид взывал к здравому началу в Сауле, показывая ему неадекватность происходящего – "Против кого царь Израиля вышел? Не за одной ли блохой ты гоняешься?" От тона голоса сильно зависело звучание этих последних слов, если бы они звучали резко, они могли ожесточать и озлоблять, но они звучали искренне и дружелюбно, располагали к миру. Однако опять мне кажется, что если бы Давид пару минут назад не раскаялся в ничтожной детали, что допустил мысль о нанесении вреда Саулу и что коснулся даже одежды Саула оружием с неподо-

бающим настроем, то и Саул бы не смягчился от его слов и не испытал бы благодарности за то, что его пощадили. Подобное порождает подобное...

Никто не был готов к такому повороту, особенно Саул. Однако пока он слушал речь Давида, он постепенно пришёл в себя, сейчас он был под сильным влиянием момента, вдохновение Давида заразило и его. Он не смог сейчас лгать себе и другим, да и вопрос жизни и смерти обычно сильно способствует возврату к здоровым, неискажённым меркам.

Многие люди измеряют вещи не совсем адекватно, каждому из нас это встречается, и даже в нас самих измерительные приборы очень уж часто показывают не совсем то, что по здравому рассуждению должно бы быть. В самом деле, у одного нервы очень крепкие, у другого слабые, а у третьего притуплены чем-нибудь, даже хотя бы привычкой. Один реагирует нормально, второй повышено, третий едва заметит. Что на добро, что на зло мы реагируем одним из этих путей. Капризность всегда извращает чувствительность в сторону преувеличения, другие получают повышенную чувствительность из-за болезненности (похоже, что дисбактериоз очень сильно снижает болевой порог, то есть даже слабый удар ощущается очень болезненно; стенка кишечника при этом истончена и проницаемость тоже повышена, что не есть хорошо, из-за этого в организме повышены воспалительные явления, но к делу нашему мало относится пока), а многие сами развивают в себе нетерпимость, так что даже имея хорошее здоровье, прививают себе чрезмерную реакцию на многое. Человек из-за богатства своего устройства может сделать себе реакцию даже извращённую, так что на доброе будет реагировать как на зло, и такую породу людей сегодня, кажется, выводят целенаправленно... В общем, как и измерительные приборы, человек может или сам себя, или с помощью со стороны, отрегулировать себя, "поставить стрелку на ноль". Важное дело, однако. Важна адекватность, чтобы простое дело не воспринималось сложным и запутанным, чтобы благоприятное не выдавалось за вредное и тому подобное. Как раз изучение себя, наблюдение за своими реакциями позволяет заметить, что там или здесь можно было отреагировать послабее и попроще. Хотя где-то нужно и наоборот. Однако нас выравнивает зачастую сама жизнь. Кто-то, воображая себе, что та или эта вещь ужасна, ещё не испытав на себе или даже не имея реальных впечатлений от друзей, накручивает себя. Представляя себе, что с ним может такое случиться, он думает, что это будет чрезвычайно плохо. Но затем сталкивается с этим и реальность оказывается не всегда лучшей, чем он воображал, но почти всегда иной. И после обретения опыта он уже не будет накручивать себя, но его реакция будет адекватной событию. Также бывает и с радостями и удовольствиями. Столкновение со смертью, глядящей в глаза, бывает очень сильным выравнивающим все реакции психики, все преувеличенные представления о плохом после такого опыта оказываются часто не стоящими эмоций, выделяемых на них...

Саул накручивал себя о Давиде, доводя себя до бешенства при упоминании даже его имени, однако сейчас оказался в его руках и сейчас ощущал, что столько времени занимался полнейшим бредом. Будь он заговорщиком, Саул бы остался в пещере, да ещё и осквернённым в собственных отходах жизнедеятельности. Давид оказался справедливым, и ещё больше милостивым. Он заботился о царе, в то время как имел право, защищаясь, употребить для этого и оружие, и вряд ли бы кто его осудил. Но он пощадил его и Саул никак не мог извратить сейчас его мотивы. Да и желания такого в нём сейчас не нашлось. Он буквально расстрогался, сейчас искренность Давида вернула его к норме, он ощущал Давида чуть ли не как сына, и так и обратился к нему при всех, стоящих здесь – "Твой ли это голос, сын мой Давид?" Его голос задрожал и он заплакал. "Ты правее меня", сказал он, "ты воздал мне добром" за всё зло, что было причинено им. Он давно ни в чём не раскаивался, но сейчас от соприкосновения с Давидом его душа

ожила и он реагировал как должен реагировать всякий нормальный человек. Как будто поблизости от Давида к нему возвращались здоровые начала, как будто Дух, покинувший его самого, снова передавался ему от Давида. И это было ценно для омертвевшего душевно Саула. Он признал всю свою неправоту, исповедуясь при элитных воинах Израиля, демонстрируя прямо-таки сильнейшие чудеса, вещи небывалые и неожиданные от него. Под конец Саул признал, что Давид будет царём по праву, и мог говорить об этом без ненависти и зависти. Сейчас он не беспокоился о своей судьбе, зная, что его жизнь гарантированно не будет никогда в опасности со стороны Давида, что его беспокоило всё это время. Он попросил его поклясться, что это будет именно так, что Давид, став царём, не станет преследовать его потомков, и Давид дал эту клятву. На этом отряды разошлись каждый в своё место. Давид пока ещё не был готов возвращаться в родной дом, который стоял пока в запустении, даже его отец с матерью были в вынужденной эмиграции у моавитян.

Инцидент на Кармиле. Авигея

Саул был вполне серьёзен, отпуская Давида с миром, и Давид в какой-то мере ощутил, что его проблемы заканчиваются. Он мог облегчённо вздохнуть, понимая, что если полоса бед и не закончилась, то всё же на какое-то время он имеет передышку. Верить Саулу может быть и можно было, но только тот не был себе хозяином, и владеющие им силы были гарантией, что рано или поздно он вернётся на прежний путь, ведь он всё ещё не собирался уходить с занимаемого им места. Без этого возникновение вражды к иному претенденту на царство было лишь делом времени, Саул своим упорством отдавал себя в руки тёмных сил...

Где-то в это время умер Самуил, великий учитель Израиля. К сожалению, он ушёл с чувствами не лучшими. Он сделал много для народа и для Бога, у него был небывалый по любым меркам успех, но к сожалению, пробуждение, которое он произвёл, было нейтрализовано – всё внимание людей отвлекло установление царской системы правления. По сравнению с возможностями, которые могло дать духовное развитие больших масс людей, внешняя пустышка царской системы отбросила людей назад, за суетой нового увлечения они забыли многое, чему успели было научиться в молодые и зрелые годы Самуила. Разочарование что Бога, что самого Самуила, трудно преувеличить, и вернуть всплеск народного энтузиазма было, пожалуй, невозможно. Переключившись на новинку, оно скоро угасло, увидев, как Саул превращается в тирана и теряет рассудок. Подобный всплеск общественного интереса когда-то повторится, но этот момент высокого интереса к высшим предметам был упущен. Этот упадок предопределил многое в последующем развитии событий.

Саул очень ненадолго пережил его, и последние события с Давидом и Саулом имели место в течении месяцев шести или чуть больше. Этого времени более чем достаточно для всего случившегося до смерти Саула.

Многие поверхностно считают время царствования Саула в сорок лет, беря за основу упоминания новозаветного периода¹², но там Павел рассказывает историю тех времён, которые входят в годы судейства Самуила, именно он был судьёй этот срок, и годы царствования Саула являются частью времени Самуила. Ведь то, что у Израиля появился царь, никак не сняло Самуила с его поста, оно было пожизненным. Более взвешенные оценки говорят о двенадцати годах нахождения Саула на троне, и это гораздо более реальные цифры.

Давид сначала вернулся в прежние места, где раньше прятался от Саула, но после того, как узнал о смерти Самуила, кажется, покинул Израиль, уйдя ещё южнее, в пустынные места, где когда-то бродили евреи, проводя сорок лет наказания. Он не спешил возвращаться в города или сёла. В этих местах паслись стада одного богатого человека, жившего севернее, в Маоне, здесь

12 В Деян.13,21

же в весеннее и зимнее время для его овец были хорошие условия. У Давида и его отряда имелся скот, которым они занимались в этих местах, в некотором отдалении от Израиля. Люди Давида, занимавшиеся животными, помогали также и соседям, которые были как раз людьми Навала, этого землевладельца с Маона. Однако же в отличии от многих других у Давида не было возможностей нормально заниматься сельским хозяйством, практически все они жили вне своих земель. За свою помощь и поддержку Давид решил попросить некоторой помощи у Навала, считая, что вполне может рассчитывать на его благодарность, так как при их содействии с его овцами не случилось ничего плохого, они благополучно умножались. Будь Навал нормальным человеком, он бы мыслил в таком же русле, тем более что ему помогал ни кто иной, как Давид, о котором все знали, что он будет царём после Саула. Само его имя – "глупый и злой", которым его называли в раннем детстве, отражало его проблемы с умом и характером, и у родителей, если и получилось что-то в отношении выправления его недостатков, то немного. С другой стороны Давид не был ещё царём, пока что это был гонимый человек, но даже при всё этом он был начальником вооружённой группы людей, также у него был послужной список очень успешного, удачливого и авторитетного человека, начальника одного из отрядов израильской армии. Не учитывать это было бы неразумно. Давид не был разбойником, не делал зла мирным людям, однако он был скор на возмездие врагам, и если кто знаком с тем, какие песни он писал, то среди них есть такие слова – "С раннего утра буду истреблять нечестивых..." (хотя в реальности он ничего подобного не делал, это было бы очень примитивно, недостойно для его довольно утончённого характера), так что оскорблять его никому не стоило. Но Навал, видимо в силу своего богатства, характера и ума, имел совсем другие представления, не такие, как у большинства. По всей вероятности, кто-то из его слуг убежал от него некогда, а он был наслышан, что к Давиду собрались люди как раз из тех, кто пострадал от несправедливости, в том числе и его. Сам он не числился среди справедливых людей, поэтому ощущал к Давиду зависть и обиду, как если бы он лично увёл у него этих людей. И когда к нему пришли десять человек с приветствием от Давида и просьбой помочь в благодарность за охрану, он оскорбил посланных и пославшего и отказал в помощи, сказав, что нынче что-то развелось много беглых рабов... Тень падала не только на воинов Давида, но и на самого Давида, он тоже убежал от Саула, и при большом желании его тоже можно было называть рабом Саула, как это делал Голиаф в отношении израильских воинов.

Многие поверхностные люди говорят, что богатый человек всегда умный, ибо в противном случае он не смог бы обрести богатство – знаете, наверное, эту присказку "если ты такой умный, то где твои деньги". То, что это не так, вряд ли нужно много доказывать, потому что многие богатые люди не сами собирали своё состояние, но их родители или предки. Немало из таких теряют его, потому что собирали как раз не они и они сами не имеют навыков к его умножению. Многие всего лишь занимают удачное место, где для умножения богатства достаточно просто не упустить шанса, и какого-то большого ума это вовсе не требует, достаточно вовремя делать то, что нужно. Что губительно для достатка, так это лень, но глупость в простых случаях сама по себе не ведёт к нищете, многие виды прибытков очень просты и не умоёмки, так что и неграмотный человек может жить в достатке и удобствах. В Советском Союзе многие, считая, что капитализм плох, в то же время излишне уважительно считали, что капиталист всегда умеет считать деньги и приумножать их. Они не видели реальности... Капиталист (это говоря тогдашним языком, на самом деле собственник небольшого бизнеса) на самом деле редко имеет максимум возможного, многие довольствуются горстями там, где могли бы иметь чемоданы денег. Недаром с недавних пор на них стали паразитировать легионы "менеджеров", учащих и советующих как выжать максимум, но они привели западное общество к тяжелейшему кризису – когда деньги делают только деньги, то реальное производство разваливается.

Давид, услышав ответ Навала, возмутился и едва не совершил тяжёлую ошибку. В это время, когда Саул оставил его в покое, он расслабился и стал жить свободнее. Он ещё не успел хорошо устроиться в этой жизни, но уже поверил в то, что следующим царём будет он. Как это будет, как уйдёт Саул, как ему передадут царство – всё это было ещё совершенно неясно. Но ощущая себя царём, он в какой-то мере в отношении Навала повёл себя так, как если бы уже имел на голове венец. Царь мог ответить на оскорбление наказанием, и Давид, возмущившись, задумал то же. Он взял с собой людей и отправился к Навалу домой, решив уничтожить его со всеми теми, кто окажет сопротивление или вообще всех мужчин, кто попадёт под руку. Это бы не было праведным и справедливым делом, но он где-то расслабился и позволил себе вспылить и загореться гневом из-за оскорбления. Если бы он это сделал, то его слава оказалась бы омрачена, Бог также вынужден был бы отойти от него. До сих пор он был достаточно скромным лично, не гонясь за славой от людей, ему вполне хватало, что его любили все, кто его знал или встречал и не требовал большего. Но вот сейчас тёмная сторона человеческой природы разыграла и он оказался беспомощен, как и многие из людей, здесь многие могут понять Давида.

Сколько преступлений было совершено из-за ненужных слов и избыточных, чрезмерных реакций на них, сколько людей пострадало и погибло, сколько оказалось в тюрьмах, где их дополнительно провели через недобрую школу, научив вещам разрушительным. Причём в преступниках оказались люди, не являющиеся ими по характеру, не имевшие никаких преступных планов, всего лишь из-за всплеска эмоций (держат вместе людей с привычкой к насилию и таких случайно оступившихся, в принципе весьма неправильно, это очень портит общество). Этой беде могло помочь лучшее воспитание, насаждение большего понимания природы человека и взаимоотношений, но даже в СССР подобное не ставилось целью (кто-то может и доходил до такого, но на практике мысль практической педагогики не охватывала этих требований)...

В это время кое-кто из слуг Навала, знавших Давида и его посланников, очень сильно встревожился. Этот человек срочно обратился к жене Навала, Авигее. Эта женщина была весьма умна и красива, Навал, судя по всему, просто купил её, образно говоря, с его влиянием это было очень нетрудно. Не думаю, что она была рада жизни в этом доме, но с её умом она могла устроить себя вполне неплохо, распоряжаясь тем, что было в её руках. Сейчас же, когда к ней обратился один из работников, она поняла его тревогу и то, что её дому грозит полное разрушение. На их месте угрозу нужно считать было по максимуму, неизвестно, какой приказ отдаст Давид, насколько он станет разбираться в причастности слуг к делам скандального хозяина имени, будет ли смерть грозить только хозяину или всему, что ему принадлежит. Женщинам проблемы как будто не грозили, Давид позже сам укажет, что собирался наказать только мужчин, но если разорён дом и основная рабочая сила, то женщинам это всё равно большая беда и потрясение. Так что она стала действовать сразу же.

Первым делом она хотела поговорить с мужем, объяснить ему, насколько он был неправ. В глазах того дело было маленьким, он всего лишь поставил на место какого-то беглеца, много возомнившего о себе, осмелившегося потребовать у него за помощь, которую не просили, но он забыл, что имел дело не с простым нищим, просящим подаяния, а с кандидатом на престол, умеющим обращаться с мечом и другим оружием. Авигея не стала советовать мужу ничего, у того шёл пир, и участники его были пьяны. Как говорил слуга, с ним было невозможно говорить, особенно сейчас, из-за злого и недоброго характера. Попробуй она что-то объяснить ему о грозящей им беде, он бы лишь оборвал жену и отослал её из мужского присутствия, отказавшись говорить на уже решённую тему. И это был бы конец для всего, что она имела. Поэтому она сама отдала нужные распоряжения, собрав продовольствия для людей Давида. Затем она навьючила груз на ослы и отправила людей к Давиду и сама пошла за ними.

Она успела. На спуске с горы им навстречу уже шли вооружённые и впереди был Давид. Когда вестники принесли ему ответ Навала, он поклялся, выглядело это вроде как в шутку, но для его противников это не было бы смешно, что уничтожит всех мужчин у этого неблагодарного человека. Для Давида охрана стад соседа было серьёзным делом, и он был сильно разочарован реакцией Навала. Теперь вот на подъёме его встретила красивая молодая женщина, упавшая к его ногам с просьбой не делать того, что он хотел сделать. Она просила не обижаться на хозяйна, она не знала, что приходили посланники от Давида, и сейчас она исправила оплошность хозяйна, передав ему немалые запасы всего, что не хватало странникам в пустыне. Она извинялась за Навала, что тот глуп и не знает чести, и умоляла не убивать никого, заклиная именем Сущего, что Тот не даст Давиду осквернить себя такой мелочной мстью. Она проклинала всех врагов Давида участью своего мужа, что с ними всеми будет то же, что с Навалом, которого та очень скоро настигла, когда его парализовало. Она снова напомнила Давиду, что он ведёт войны Сущего, и что в нём не должно найтись никакого порока и зла, а также что участь Давида находится целиком в руках Бога, и что все его враги находятся под надёжным наблюдением и он под полной защитой Сущего. Она заглянула наперёд, сказав, что когда Давид станет царём, то он не будет жалеть о том, что отказался сейчас от мести и он будет вспоминать её совет с благодарностью.

Её речь лилась каким-то завораживающим потоком, Давид с удивлением слушал её и смущался. Он увидел себя виноватым снова, ощутил стыд, что сам не понял этого, спеша схватиться за меч и бежать мстить, когда сам ещё находится в бегах, что рано расслабился. Женщина перед ним говорила практически пророческие вещи, хотя не была пророком, он ощущал в ней присутствие большого разума, с её красотой это было переживание высшего порядка. Он увидел себя со стороны и понял, как нужно было действовать – как минимум посоветоваться с Богом, если уж не хватало своего понимания. Как и многие хорошие люди в таких случаях, Давид краем разума ощущал, что делает что-то не то, где-то ошибается, но не давал себе возможности анализировать, гнал себя и людей в поход на обидчика, не понимая, что это очередная небольшая проверка небес. Он с чувством поблагодарил Авигею, благословляя её и её разум, её совет и то, что остановила его, не дав сделать большую глупость, хотя люди могли бы и одобрять его поступок. Он не должен был сам мстить за себя, это не была непосредственная опасность, да и вообще никакой опасности от Навала для него не было. Однако он сказал Авигее со всей честностью и прямоотой, что если бы она сейчас его не остановила, то от её владений мало что осталось бы... Он успокоил её, сказав, что послушался её голоса и почтил её, приняв её совет и слова.

Она вернулась домой, облегчённая и обрадованная. Встреча с Давидом была чем-то особенным, в других обстоятельствах это было бы памятным событием, но сегодня с ним была связана опасность, что не способствует хорошим впечатлениям. Но и Давид оказался чрезвычайно впечатлён разумом и вдохновением одной из лучших женщин его народа. То, что он мог нанести ей ущерб или её дому, смущало его и он мог, может быть впервые, задуматься о проблемах, связанных с его воинственным характером. Это всё хорошо на войне или в кризисные моменты, а сейчас насколько он вообще промахнулся? Не лучше ли было бы оставить причинённое ему оскорбление Тому, кто уполномочил его на царство, только не видеть мучения и агонии на этом прекрасном лице, хотя иначе он бы не встретился с ней и не увидел, на что она способна и не услышал её мудрости и вдохновения? Сознать, что он заставил её пережить страх, было ему неприятно. Он всерьёз благодарил Бога, что обошлось, и размышлял над закономерностями взаимодействия людей, как же сложно всё устроено.

Авигея вернулась домой, и хотела рассказать мужу о едва не произошедшем с ним и его людьми. Однако взглянув на пирующих у него, увидела, что говорить сейчас невозможно, он был очень навеселе, слова просто не дошли бы до него. Она подождала до следующего дня, когда он протрезвился. Навал вряд ли был совсем уж неразумен – когда он услышал, что Авигея

остановила большую группу вооружённых людей, шедших как раз к нему, он понял, что очень сильно ошибся. Ещё вчера он должен был быть убит, если бы жене не рассказали о посланниках Давида. Картина разгрома его хозяйства и вид себя самого, поражённого мечём, испугал его. Раньше он, кажется, не испытывал никаких бед, а богатство давало ему возможности избежать ответственности за оскорбления, наносимые другим, и он никогда не нёс ответа за свой недобрый характер. Теперь же, не умея проигрывать, он испугался по настоящему. Думаю, сказалось ещё и похмелье, да и годы его были уже явно не молодые, так что он то ли впал в ступор и оцепенение, то ли его парализовало. То, что с ним сейчас случилось, было и судом и наказанием от Бога, Он вступился за Давида, который не стал мстить сам за себя, отдав этот вопрос Ему.

Это интересный вопрос, он обычно вообще не освещается в среде "нормальных" людей, только в специфических сообществах, откуда обычно ничто не пересекается с потоками информации и разговоров большого общества. Но мне эта тема знакома с детства, так что попробую познакомить с этим остальных. В Библии есть пару значимых выражений, одно из них здесь: "Не мстите за себя..., но дайте место гневу Божьему"¹³. Оно базируется на более древнем выражении: "У Меня месть и воздаяние"¹⁴. Все слышаны, наверное, о миролюбии, незлобivosti и практически всепрощении некоторых христианских церквей, оно основано не только на заповеди "не убивай", но и именно на этом принципе, особо указанном правиле жизни. Суть здесь та, что обиды, нанесённые невинным, не будут забыты, раз те, кому они нанесены, простили своих обидчиков, но наоборот, придёт время, когда всё накопленное с процентами будет взыскано. По всей справедливости и строгости закона. Если, разумеется, обидчики, пока есть такая благоприятная возможность, не одумаются, не раскаются и не исправят направление своей жизни, по возможности возместив причинённый ущерб. Не всегда, правда, у этих христиан, которые верят в это, хватает веры следовать этому правилу, а зря, потому что это есть хороший и осязаемый канал для воздействия Бога на наш мир. Он редко проявляет Себя, но если бы люди делали по предписанному, делали то, что их вера требует от них, то и Бог бы почаще показывал людям, каков Он, и куда больше бы людей имело понятия о должном и недопустимом. Бог не против того, чтобы проявлять Себя в человеческой жизни, но делать это Он склонен на Своих условиях, а не на тех, которые хотели бы люди. Его путь просто надёжнее... У меня была сестра, умершая в возрасте 2,5 лет. Мама рассказывала, что это случилось из-за медработника, что-то прописавшей не то, что было нужно, и сделала она это сознательно, моя мама ей чем-то сильно не угодила. Ей после говорили, когда она рассказывала другим эту историю, что надо подать в суд, доказательства были достаточные, чтобы ту женщину судить, но она отказалась это делать. Было очень горько, но дочь вернуть этим было невозможно, и она согласилась смириться и отдать, как говорят у нас, "отдать дело в руки Бога". У той женщины случилась подобная беда... Иногда даже люди далёкие от христианства, случается, хорошо понимают и чувствуют эти моменты – иной раз и они видят руку Бога, когда в нашем запутанном мире невозможно отплатить злым людям, защищённым высоким положением или международными правилами, что делающим зло вдруг прилетает достойное возмездие. В таких случаях как раз и говорят – "есть Бог на свете" или "высшая справедливость всё же существует". Её могло бы быть куда больше...

Дней через десять Навал умер. Давид мог не верить, что Бог настолько защищает его, по человечески немного всё же мог сомневаться, что лично он представляет для Бога такой большой интерес, когда у него был столь долгий период скитаний и бегства от преследований,

13 Рим.12,19

14 Втор.32,35

когда жизнь его и его людей висела иной раз на волоске, но на примере Навала, когда этот человек был жёстко наказан всего лишь за словесное оскорбление, это стало сильным уроком доверия. Когда Давид узнал об этом, он не мог упустить такого момента – Авигея поразила его не только своей речью и мудростью, это лишь увеличило его интерес к ней, но она была весьма красивой женщиной. Не знаю, насколько гармоничную пару они составляли, возможно, что между ними не было стопроцентной совместимости, о чём можно заключить из последующей их жизни, но сейчас Давид не желал упустить её. Если бы он не предложил ей пойти за него, то богатство Навала вместе с ней перешло бы к родственникам её мужа, но ей явно были в тягость эти люди. Её, как скорее всего было, просто продали, её красота была ценностью, за которой охотятся многие обладающие средствами в этом мире, и её разум не был никому нужен, и если бы она не нашла сама себе применения своим дарованиям, её жизнь была бы трагична. С Давидом у неё был великий шанс найти себе гораздо лучшую судьбу, хотя бы её способности будут оценены по достоинству. Если же при этом они были совместимы в достаточной степени, то она могла быть вообще счастливой, как и Давид. Не бери Давид себе лишних жён, на что его толкало скорее окружение или обычаи, скорее всего не случилось бы трагедии с его другом Урией и преступления с его женой Вирсавией. Но после того как Давид взял себе ещё жён, начав царствовать, его тончайшие способности стали притупляться и Авигея не смогла остаться рядом с ним, она ушла в тень, сосредоточившись на воспитании своего единственного сына от Давида. Устами и порядками неба не стоит пренебрегать, какими бы мелкими и незначительными они не казались...

Как только Давид услышал, что Навала больше нет, он не стал упускать шанс жениться на Авигее, её родственники по мужу легко могли прибрать её к себе по всем законам, поэтому Давид сразу же послал к ней людей с предложением пойти за него. Авигея без каких-либо раздумий, для неё всё было ясно и понятно сразу, она ждала этого предложения, согласилась. Она кроме всех прочих своих достоинств, была ещё и достаточно скромной – соглашаясь идти к Давиду, она была готова заботиться о его людях как служанка, такой характер стоит очень дорого... Собравшись и взяв с собой несколько служанок, взяв лишь личные вещи, в этом доме у неё своего было очень немного, пошла за людьми Давида в его дом. За то время, что Саул оставил Давида в покое, он, хотя и не стал селиться в городах и сёлах, всё же обустроился достаточно, чтобы обрётённая жена не жаловалась на жизнь. В прошлые времена это было проще, также помощников и взаимовыручки в лагере Давида хватало. Кроме Авигеи Давид позволил себе взять ещё одну женщину, хотя им приходилось жить не в доме. Но походный шатёр – чем не дом? Им пришлось делить с Давидом ещё некоторое беспокойное время бегства от Саула, когда он вдруг снова взялся за старое, но это случилось уже в последний раз. Мелхола же, первая жена Давида, отданная ему Саулом, перестала быть ему женой, её отец взял на себя большой грех, отдав её за другого человека просто из чувства мести к Давиду. То, что это было нарушение седьмой заповеди, Саула не волновало, и винить Мелхолу тут невозможно, её не спрашивали и решали всё без неё.

Для многих романтически смотрящих на вещи многожёнство не кажется плохим делом, Авигея не долго задумывалась о своей судьбе при всей её мудрости, хотя в последующие времена она не выглядит счастливой (она вполне могла понимать, что так и будет, но лучшей доли просто не было на горизонте, а при определённом старании Давид вполне мог бы дать ей всё и сам больше ни в ком не нуждаться для счастья). Даже если они с Давидом были идеальной парой, обстановка полигамной семьи никак не способствует счастью человека, в ней всегда появляются микроразрывы и микротрещины, и это в лучшем случае. Жёны придают мужчине статус в глазах других, но этот авторитет забирается у женщин, что можно бы назвать своего рода вампиризмом, а также у тех, кто мог бы быть идеальной парой этих женщин... Это всё, в принципе, является злом, и когда люди потеряли смысл идеальной пары, полностью

удовлетворяющей и поднимающей один другого внутри своего замкнутого круга, многим осталось лишь частичное использование тех возможностей, что даёт союз и взаимодействие мужчины и женщины (количество и качество преимуществ семьи сильно уменьшилось, зато сколько проблем и зол отсюда происходит, трудно преувеличить).

Последняя охота Саула на Давида

Давид понемногу привыкал к безопасности, с некоторых пор он стал ощущать, что больших бед с ним уже не случится, клятва Саула о непричинении ему вреда и последующее спокойствие дало ему возможность придти в себя. Период напряжённости после бегства из дворца и до встречи с Саулом у пещеры дали ему большой опыт управления собой и немалым отрядом, он привык, освоился в самых неблагоприятных обстоятельствах, даже напротив, нашёл и в пустыне и лесах источник вдохновения и покоя. Больше ничего страшного он уже не ожидал встретить, его союз и общение со своим Богом лишь укрепились. Теперь же, в спокойном периоде он совершенно окреп душой и уверенно смотрел в будущее.

Однако, перестав тревожиться, он не потерял осторожности. Он всё ещё нигде не думал селиться на постоянное жительство, переходя с места на место по тем местам, где скрывался во времена, когда его искали шпионы Саула. Так он пришёл снова в края зифеев, которые доносили Саулу о нём, и история повторилась. Кто-то жил там очень нездоровый... Правда, "последний поход оказался не таким, как первый", как о подобном сказано у пророка Даниила по поводу событий далёкого будущего. Кое-кто у зифеев, помня прошлый раз, как они доносили царю о беглеце, видимо, не удовлетворившись наградой, да и не будучи в курсе примирения Саула с Давидом, решили попытать удачи ещё раз. Их донос едва не увенчался тогда успехом, Давид и преследующий Саул были близки, но тогда война помешала Саулу. И вот эти же недобрые люди снова появились у Саула и сообщили ему, что Давид снова находится в их местах. И Саула снова охватили старые чувства зависти и ненависти, воскресли худшие настроения и все клятвы и намерения оказались то ли забыты, то ли отброшены. Снова были собраны отборные воины и снова он помчался на юг, чтобы в этот раз уничтожить соперника. Он ведь сам назвал его следующим после него царём, и понимал, что именно так будет и должно быть, так что теперь это уже было не предположение, а абсолютно точное знание, и сейчас его это буквально бесило.

Осторожность Давида спасла его, расставленные дозоры заметили отряд, направляющийся в те места, где они обычно располагались. Но в этот день Давид был дальше в пустыне, так что они были предупреждены и могли выбирать, что предпринять. Сейчас Давид ни о чём не беспокоился, то ли опыт партизанской жизни, то ли голос Бога лично ему или одному из пророков в его отряде дали ему полное ощущение безопасности. Они знали, что их не обнаружили, и Давид сам запланировал посетить отряд Саула на ночлеге, место которого они тоже разведали.

Его отряд приблизился к месту ночлега Саула. Планов нападения не строили, хотя момент в других случаях был бы весьма удачный, но сейчас здесь был царь, на которого Давид клятвенно зарекался не поднимать руки, следуя повелениям Бога, точнее отсутствию повелений убрать Саула. Давид предложил кому-то из своих ближайших друзей сопровождать его в лагерь противника, вызвался Авесса. Вдвоём они прошли мимо спящих на земле людей, часовые если и были, то тоже спали, прошли по лагерю, ища Саула, и нашли его в центре лагеря в шатре. Рядом с ним было воткнуто в землю его копьё, рядом с шатром располагался Авенир, командующий армией. Все спали и никто не слышал и не ощущал, что между ними бродят двое чужих. Автор этой летописи отметил, что этот сон охватил всех из-за воздействия Бога, и это было известно Давиду, именно поэтому он вёл себя в этой истории без малейшего страха и сомнения. Его опасения о

Сауле и его преследованиях остались в прошлом, сейчас он чувствует себя в такой безопасности, будто бы у него уже не осталось врагов...

Авесса предложил покончить с Саулом, всего лишь один удар, и все остальные, возможно, даже бы не стали мстить за него, признав Давида новым царём, но в этот раз Давид ни на миг не соблазняется лёгким путём. Он снова повторяет выученное им давно – "Кто, подняв руку на помазанника Суцего, останется ненаказанным?" Он добавляет, раскрывая свои принципы, которые бы хорошо понять и освоить всем – "Пусть Суций поразит его Сам, или же придёт его день или он погибнет на войне, и не дай Бог мне поднять руку на того, кого наделил властью Бог". То, что Давид говорил сейчас, было выученным уроком из поступка Авраама, когда Сара посоветовала ему обрести сына от служанки, или Иакова, когда он послушался мать и пошёл к отцу вместо Исава. Однако устроить ещё один наглядный урок Саулу это не препятствовало, урок был необходим, в прошлый раз это сработало сильно, и не могло не произвести впечатление и в этот раз. Если уж Бог дал возможность ходить безопасно между спящими преследователями, то надо было сделать это явным, не преподать урока и не пользоваться моментом было бы расценено как неверность... Давид взял с собой копье и сосуд с водой Саула, дав ему ещё раз наглядные доказательства того, что он снова был в его руках и остался невредим, что его представления о Давиде как сопернике неверны.

Они вернулись к отряду и отошли на достаточное расстояние. С вершины холма Давид закричал, вызывая Авенира, и этим разбудил спящих. Когда проснулся Авенир и сориентировался в обстановке, что происходит и где он находится, он ответил – "Кто ты, что кричишь тут? Здесь царь", намекая на то, что он среди ночи беспокоит уважаемых людей. Но услышал в свою сторону выговор за беспечность, за плохую охрану – "пока вы там спите, кое-кто приходил с плохими замыслами и мог причинить вред царю". В его сторону прозвучало осуждение, весомое и актуальное – "вы достойны смерти за то, что плохо бережёте своего господина". Это ошеломило многих, все ощущали неловкость и стыд, их захватили в очень неприглядном состоянии, неготовыми, и будь тут серьёзный замысел у этого кричащего к ним, они могли бы и не проснуться вообще. Давид добил Авенира – "Где копье царя и его сосуд с водой?"

Поскольку их отряд охотился на Давида, всем было ясно, что это их добыча стала охотником, и в дело вступил сам Саул. Ему было ясно, что он опять в долгу, и это уже стало чуть ли не привычкой... Он испытал раскаяние и восхищение и Богом, устроившим ему очередной урок перед всеми, и Давидом. Он спросил – "Ты ли это, сын мой Давид?", но это было ясно и так, что это Давид, лишь он мог походить рядом с врагом и ничего не сделать плохого. Правда, это касалось только Саула, другим судьбу испытывать подобным образом не стоило. Саул снова назвал его сыном, это дорогого стоило, только он не был, к сожалению, последователен, слово и дело у него часто расходились.

Иной раз мне кажется, довольно сильно кажется, что здесь был большой урок не одному лишь Давиду, но всей эпохе, когда оружие и его употребление были законными, но из этого люди сделали лишние выводы – как будто бы в убийстве и применении оружия по любому поводу не было греха (то, что это было всё же злом, никто не сомневался). Когда сегодня у многих людей отняли оружие и самозащиту практикой закона и суда, это создало зла не меньше, чем было в прежние времена, так что ни то, ни другое не выглядит верным средством – нужен какой-то баланс. Давид, воинственный (хотя и не опасный для обычных людей, не гордый и не оскорбляющийся по малейшему поводу, не убивавший людей за неверное слово или жест, неверно истолкованный, как некоторые излишне щепетильные народы с жестокими нравами или заядлые дуэлянты) и успешный во всём, мог излишне увлечься простотой решения многих проблем с неприятелем, и в противовес этому Бог поставил его в условия, когда меч не мог решить проблему, и где его совесть также не видела решения. На самом

деле не один только Саул должен считаться неприкосновенным, и на этом опыте должны были бы быть сделаны важнейшие выводы, которые бы смягчили нравы на- много раньше, на века и тысячелетия, чем это случилось в нашей реальности.

Давид откликнулся – "это мой голос, мой господин царь". Он продолжил свою речь, выговаривая Саулу со всей искренностью, давая этому потерявшему человеку ещё один шанс на выздоровление и восстановление – Саул мог быть очень ценным человеком и мог очень много за- дать на века для Израиля, лучших традиций и обычаев, это был его последний шанс отойти от дел, передать всё легальным образом Давиду... Он бы стал учителем народа и мог бы сделать много того, что не смог сделать Самуил из-за того, что его, Саула, фигура, пусть невольно, без умысла с его стороны, но отвлекла многих от начатого возрождения нации. Вместе с Давидом они свернули бы горы на пути развития духовности этого специально задуманного народа... Речь Давида снова тронула Саула и он признал себя виноватым, много сделавшим зла, поступав- шим безумно.

Давид позвал кого-то от Саула придти за царскими копьем и сосудом и добавил заклятие – "Пусть Сущий воздаст каждому по его правде – Он отдавал тебя в мои руки, но я не захотел под- нять её на назначенного Богом. Пусть как была драгоценна твоя жизнь в моих глазах, так пусть моя жизнь ценится в глазах Сущего, и пусть Он избавит меня от всякой беды!" Саул, не обижа- ясь, ответил благословением – "Благословен ты, сын мой Давид – и дело сделаешь, и победить победишь..." На этом они разошлись и каждый пошёл своей дорогой.

Снова у филистимлян

Хотя Давид больше не ощущал какого-то страха перед Саулом, однако же самый простой расчёт показывал, что даже если Саул сам лично и будет держать слово, то нет гарантии, что кто- то наподобие некоторых жителей Зифа может захотеть то ли выслужиться, то ли из зависти к Да- виду снова разжечь в Сауле подозрения. Поэтому он подумал снова о своём первом замысле, ко- торый был у него в самом начале бегства от Саула – укрыться у филистимлян. Мне непонятна эта идея, всё же там жили те, кто к евреям относился не по доброму из-за войн и вообще долгого противостояния. Однако же он уже находился среди них тогда, и сейчас, вспоминая те ощущение, видел, что многое могло быть иначе. Тогда он просто испугался, но понимал, что дело мог- ло и тогда выйти совсем другое, поведи он себя иначе. Сейчас его действительно могли принять там, он имел сильный отряд, и если его гнали в своей стране, в чужой ему могли предоставить убежище даже из политических расчётов – идея не новая уже тогда и работавшая во все времена. Не говорится, что он советовался с Богом, и мне кажется, что это не было разумным или лучшим решением, но Он и не препятствовал ему в этом намерении.

Давида действительно очень неплохо приняли у Анхуса в Гефе. Наверное, некоторым было забавно вспоминать поведение Давида, когда он притворился ненормальным перед царём, но даже это не повредило имиджу Давида, он сумел объяснить свои тогдашние чувства и опасения. Им всем предоставили как минимум место для жительства, но Давиду не хотелось жить среди этого народа бок о бок с ними, и он упросил царя Анхуса, чтобы ему дали небольшое селение. Разный образ жизни и разница культур создавала или могли создать в будущем трения, также Давид не желал, чтобы в большом городе его люди подвергались влиянию язычества филистим- лян. Тот очень ценил Давида и пошёл ему навстречу и в этом, дал ему один маленький город в своих владениях, лежащий близко к границе с Израилем. Здесь, в Секелаге он и его люди устроились и жили около полутора лет, обретя дома и хозяйство после нескольких лет (может быть и недолгих, может быть от двух до пяти или семи, нет данных) кочевой жизни. Почти все обзавелись семьями или перевезли их сюда, кто имел их прежде. Этого город они обжили и обустроили так успешно, что Анхус оставил его Давиду даже после его возвращения к своему народу, и после Давида Секелаг остался его владением, и считался принадлежащим к Израилю.

Некогда Бог запретил трогать и выгонять народы, которые до этого должны были по Его суду оставить эти земли, остановил войну против них. Теперь же, то, что нельзя было делать войной, оказалось достигнуто через дружбу и уважение... Хотя сами филистимляне, конечно, не были этим довольны, этот случай лишь слегка раскрывает возможности добрых отношений, но всё же в этой истории не было никаких хитростей и коварства – Давид не планировал отторгнуть землю от Анхуса и это случилось лишь из-за их взаимного уважения.

Но всё же, хотя Давид и очень неплохо устроился в соседней стране, ему не было комфортно там из-за того, что он имел опасения и страхи перед филистимлянами, и ему приходилось кривить душой перед безмерно уважающим его Анхусом. Он не пытался ему рассказать обо всём, не раскрывал перед ним души, не пытался раскрыть ему живого Бога, и я считаю, что в этом он здесь упустил огромные возможности, открывшиеся ему. Бог открыл ему двери для влияния, но Давид не объяснившись с Анхусом, боялся открывать ему детали своей жизни и своих предприятий, поэтому говорил ему то, что не вызывало бы осуждений от филистимлян, но не было правдой. Давид выходил в походы против врагов Израиля, но Анхусу говорил, что воевал с теми или иными городами евреев. Чтобы до Анхуса не доходили известия о его реальных походах, он уничтожал всех, кто обитал в тех местах, против которых он выходил. Некоторые из этих народов могли быть союзниками филистимлян, поэтому он скрывал свои действия. Анхус же считал, что Давид теперь для евреев стал совсем чужим и строил на него свои планы. В принципе, если бы война была у филистимлян с любым другим народом, кроме евреев, то они могли рассчитывать на помощь Давида, и Давиду очень везло, что эти полтора года они не нападали на Израиль. Как он не подумал об этом, мне непонятно, первая же война с Израилем поставила бы Давида врагом филистимлян, и либо ему пришлось бы срочно уходить из Секелага, либо собрать против себя их всех... Эти войны и стычки были практически традицией, и рано или поздно это случилось бы опять, так что Давид оказался на грани.

Гибель Саула

Филистимляне видели, что в соседней стране произошёл определённый раскол на сторонников Давида и действующего царя, видели также, что Саул потерял хватку, слухи о его неадекватном поведении доходили до них. Они знали, что он тратил силы на воображаемого врага, забывая о реальных проблемах. То, что Давид находился среди них, также дало некоторым из них соображение, что Израиль сейчас ослаблен, так что среди них назрели намерения снова попробовать евреев на прочность. Они начали собирать войска для похода и Анхус, имея о Давиде то представление, что Давид сам дал ему, рассчитывал на него. Однако же Давид сам был не рад, что заготовил себе такую ловушку – он никак не думал, что его поставят против его народа. Он не находил возможности избежать этого призыва в войско филистимлян. Он не мог вообразить себя предателем своих соотечественников или поднявшим меч на Саула, которого он не мог тронуть даже рукой. Однако Анхус говорил ему, что ему доверено участие с ним в этой войне и что он поднимет его за это до личного телохранителя и начальника охраны. Давид, начавший обманывать Анхуса во всём, что касалось его народа, не мог сказать правды и сейчас, лишь туманно отвечал, что царь увидит, что сделает Давид... Анхус по доверчивости посчитал, что Давид готовит ему очередной сюрприз и лишний раз порадовался, но Давид про себя молил Бога вывести его из этой проблемы. Вариантов у него самого было немного, либо в самом деле воевать против своих, либо предать Анхуса, доверившегося ему полностью и повернуть оружие на поле боя против него и филистимлян. И то и другое было пожалуй одинаково неприемлемо. Даже если и не одинаково, всё равно было плохо. Давид понял, что пойдя к врагам своего народа, хотя они и приняли его, но он был сильно неправ. Он помнил, что не стал спрашивать совета у Бога, и ему оставалось надеяться, что Бог как-то выручит его и здесь.

Бог всё же не подвёл – если Анхус доверял Давиду безгранично, и в принципе Давид в самом деле был покорён его доверием и уважал его и не хотел причинять проблем, то другие

князя были более подозрительны по отношению к Давиду. Во время движения к месту сбора войск князя филистимлян заговорили с Анхусом о евреях в составе его ополчения, и тот представил им свои соображения, но те категорически потребовали от него, чтобы Давид не был с ними на поле боя, потому что чётко понимали, что для еврея, твёрдо держащегося своей веры и религии было бы невозможно быть на их стороне в этой войне. Искушение помочь своим будет слишком сильно, и в этом они были полностью правы – Давид в битве оказался бы не на их стороне. Анхус порядочно опечалился, но поскольку князя отказывались терпеть еврея в своих рядах, был вынужден отпустить Давида домой. Он передал это Давиду, и тот был несказанно рад, что Бог услышал его и в этой ситуации, однако же взятая перед Анхусом роль заставила его покривить душой ещё раз, он выразил возмущение этой отставкой, так что Анхус извинялся перед ним за такое неудобство – "в моих-то глазах ты хорош как ангел Божий, но князя требуют, чтобы ты не шёл с нами". Фразой об ангеле Суцего Анхус невольно уколол Давида ещё раз – он был склонен воспринимать живого Бога, Бога Давида, а Давид, хоть и вынужденно, но обманывает его... Даже такая кривизна лишней раз свидетельствовала Давиду, что царство Бога требует более высокой посвящённости, что даже малейшая неправда или кривизна дорого обходится. Если бы можно было переделать всё, перестроить на другие рельсы, чтобы между людьми не было преград, если бы этот Анхус родился не у филистимлян или хотя бы не эта война...

В это время Израиль также готовился к войне, видя приготовления у соседей. Лагерь Саула расположился неподалёку от филистимлян. В этот раз филистимляне собрали большее, чем прежде войско, и Саул, решив поглядеть на них лично, почему-то испытал очень неприятные ощущения, увидев их. Прежде с ним такого не случалось, но сейчас он ощутил, что та помощь со стороны Бога, что всегда была с ним (даже когда он уже был лишён Его присутствия лично, его народ не оставался без покрова), сейчас отсутствует, и он находится один на один с большой бедой. Прикоснувшийся некогда к высшим способностям, он знал, как неустойчивы удача или сила людей, даже и больших армий, насколько всё зависит от множества факторов. Сейчас против него и его народа было практически всё, и такого прежде с ним не бывало. Его сердце вздрогнуло и растаяло, в животе стало холодно, и шли минуты за минутой, а эта предательская слабость не проходила, его сила и уверенность не возвращались. Он, конечно же, прекрасно понимал, что это всё расплата за все его вольности, игру с Богом, или даже не игру, а явное сопротивление Ему, за все безумства и упрямство. Долгое время его ждали, но не дождались, и теперь он оставлен. Оказывается, когда началась его душевная болезнь, когда Дух оставил его, это были цветочки. Те его мучения были скорее зовом Бога к нему вернуться на Путь, как мать наказывает малыша за упрямство, уходя от него из зоны близости с ним, и он забывает свой каприз, начиная понимать, что мать даёт ему гораздо больше, чем он имеет от всего, что ему хочется. А сейчас его оставили по настоящему, и уже не только он, но и все его воины также обречены. Он как царь и воинский начальник сейчас не сможет дать ни капли воодушевления своей армии, скорее его вид смутит их и разбалансирует их волю и силы, так что они не смогут действовать согласованно и враг легко рассеет их. Готов ли он вернуться к Богу сейчас, чтобы вернуть успех и надежду своему народу? Если сейчас их победят, то это может обернуться худшим поражением, чем любое до сих пор, очередное порабощение отбросит их на века назад, в худшие времена, каких не было со времён Судей. Он попытался спрашивать Бога, но ответа никто не мог дать. Ефод первосвященника с пророческими камнями был у Давида после того, как он уничтожил семью священников, так что Урим и Туммим оповещали Давида, а не его. Были пророки, но к кому ни обращался Саул, те не получали ответа, Бог молчал. Был ещё один канал для связи, имеющийся абсолютно у всех людей – сны. Обычно они у нас довольно случайные, однако же потенциально эта способность мозга к бессознательному анализу и показу возможного имеет соприкосновение с высшим миром. У людей, подобно Саулу, прошедших инициацию духовной сферы, сны более упорядоченные, так что Саул пытался узнать, что ему делать или что хочет Бог, задав свои во-

просы, но и здесь он натолкнулся на полное отсутствие малейших сигналов. Однако Его молчание ещё не было приговором, чуть позже писавший эту историю пророк отметил, что Саул погиб не столько за прежнее своё зло, сколько за то, что "не взыскал Сущего", то есть упустил свой последний шанс в этой своей оставленности и молчании Бога отыскать Его.

У аэндорской ведьмы

Когда все возможности к получению информации были исчерпаны (по мнению Саула), Саул решился на запретное, спросить у мёртвых. Практически у всех окружающих языческих народов практиковались контакты спиритической природы с умершими, откуда и возникли представления о загробном мире, когда души умерших как будто могут отвечать потомкам. Но даже если бы души и вели независимую от тела жизнь где-то там (хотя Библия сообщает, что они уже не могут делать больше ничего и никак не могут влиять на мир живых, и все их способности потеряны¹⁵), то контакты их с нами невозможны, и если Бог запрещает пытаться вызывать их, то лишь потому, что на эти вызовы отвечает вовсе не та личность, которую вызывают, а те, кто составляют армию обманщика...

Оккультизм считается тёмным оттого, что все его варианты ведут к дьявольским силам (если бы помимо Сущего были ещё какие-то божества или сущности, то запрет на контакты помимо Него был бы просто войной конкурентов, только нет ведь никого в реальности, лишь Люцифер (с некоторыми помощниками) худо-бедно прикидывается богом (как и персонифицирует всех богов язычества, создавая для них небольшой эффект присутствия в особо ответственные моменты), поскольку все потребности человечества в сверхъестественном достаточно удовлетворены Создателем, и по мере развития личности Бог раскрывает нам всё больше возможностей. Христос, будучи на Земле, легко останавливал шторм, и буквально удивлялся, когда Его спрашивали об этом, как Он это делает – "Да что же вы так маловерны? – верьте, и не будет ничего невозможного..." Это звучит как "да это же элементарно, это же так просто", как если бы в человека изначально были заложены возможности контролировать силы природы (и это именно так и обстоит). Человеку и была поручена планета под его управление, поэтому некоторые особо чувствительные люди так или иначе раскрывают эти возможности. Я именно так и понимаю замысел Бога, что большинство из того, что относят к категории сверхвозможностей или магии, Бог уже давно дал человеку, это входило в Его замысел. Как и оружием, этими вещами можно злоупотреблять, делать ими зло, поэтому получается, что для человечества ослабление (практически потеря) этих способностей было больше благом, но всё же обидно. Нет, способность к воздействию на природу не делает нас богами, равными Сущему, это лишь отголосок или тень от Его возможностей и способностей, но мы не были созданы беззащитными перед стихиями. Но как и мышление или способность ловкости и совершенство движений, мастерство в технологиях и искусствах, это требует воспитания и обучения. Религия предлагает первую ступень этого обучения – постановка желаний под контроль правил и необходимости, обучение свободе и ограничению, самодисциплине, без которой характеры приобретают большую или меньшую степень опасности для окружающих и даже для самих себя. Без этой ступени рост и развитие личности ставится под большой вопрос, как минимум становится искажённым, негармоничным, поскольку слабоконтролируемые желания губят и человека и общество. Невладеющий собой человек как правило не любит мыслить и анализировать, также как и не любит работать, это практически всегда взаимосвязано.

15 Пс.145,4 – "В тот день исчезают все его мысли"; Екл.9,10 – "В могиле нет ни работы, ни знания, ни размышления, ни мудрости"

Саул издавал закон, изгоняющий из пределов Израиля всех оккультистов, то есть чародеев, вызывателей мёртвых и всяких прочих представителей силовой поддержки язычества. Но сейчас он стал искать, не остался ли кто из них, чтобы через них получить ответ, пусть даже не от Бога, а от враждебных сил. Кто-то знающий сообщил, что сравнительно недалеко в Аэндоре имеется волшебница, и он собрался идти к ней. Путь туда лежал мимо лагеря филистимлян, но ночью он с сопровождающими без проблем обошёл их расположение и прибыл к этой женщине. Он переоделся в одежды обычного человека, чтобы она не видела, что это царь. Она спросила, что привело их к ней, и Саул попросил её вывести ему одного человека, о котором скажет. Женщина сказала, что она не занимается сейчас этими вещами, потому что царь запретил эту деятельность, и если кто-то донесёт о том, что она будет делать по их просьбе, то она будет в опасности. Саул поклялся ей, что ей не будет за это сегодняшнее дело никаких бед, ставя себя за грань, беря на себя тяжелейшую ответственность – он клялся Суцим, Который не отвечал ему, чтобы обойти Его ограничение, обратившись к Его врагу, обещая ей безопасность за то, за что в другое время она была бы наказана. Обычно о таких делах в насмешку говорят "если нельзя, но очень хочется, то можно", правда, эта шутка неверно обрисовывает суть дела, тут на самом деле не "можно", а "я всё же сделаю". Никаких "можно", это просто сознательное нарушение правил.

Это два очень разных случая – "могу не" и "не могу". В первом случае речь идёт о выборе, а второй описывает неспособность или очень уж сильное нежелание, базирующееся на убеждениях. Есть вещи, которые "нельзя", и хотя я могу выбрать нарушить запрет, если я сознатель, то я отказываюсь это нарушать добровольно, из принципа. Те, кто шутят "как же это нельзя, когда можно", играют заменой "не могу" на "могу не". В английском пошутить так не получилось бы, всё слишком ясно и запутыванию не поддаётся – "I cannot" иная категория, чем "I may not". На самом деле шутка эта, если убрать искажение, должна бы звучать "как же нельзя, когда ВОЗможно"... Но тогда никого не смутишь и не запутаешь, самый слабый, соблюдающий правила, скажет – "я знаю, что это возможно, но я не хочу нарушать".

Колдунья начала своё действие, настроилась на привычное состояние, и спросила, кого же хочет услышать клиент. Саул ответил – "выведи мне Самуила". Женщина отправила свой запрос, и когда он начал выполняться, она из контакта с другой силой узнала, кем является сегодняшний посетитель. Испугавшись за свою жизнь, она закричала и спросила – "Зачем ты меня обманул, ты Саул!" Но он успокоил её, что ей действительно ничего за это не будет, что это не подстава. Колдунья описывала то, что происходило в её внутреннем зоре, Саул и его люди не видели ничего, но они видели, что с женщиной происходят изменения и она сейчас не является той, кого они видели до сих пор, так что никто не думал, что имеет место какой-то обман – присутствие иных сущностей накладывает сильный отпечаток на медиума. Саул спросил, что она видит, и колдунья описала личность очень внушительного вида, используя слово "бог", который выходит из земли (стоит обратить внимание на эту деталь тем, кто считает, что бессмертные души живут на небесах, да и представления древних о том, что бывает после смерти, не всегда соответствуют сегодняшним представлениям большинства), как бы поднимаясь из могилы. Саул спросил как он выглядит, и получил описание престарелого человека в длинной одежде. По вопросам и общему впечатлению присутствия постороннего характера между ними Саул понял, что это тот, кого он хотел встретить, он ощутил присутствие Самуила (хотя это не был Самуил). Саул поклонился, приветствуя невидимого гостя. От женщины, которая сейчас не принадлежала себе, послышался голос Самуила, знакомый Саулу – "зачем ты тревожишь меня, чтобы я вышел?" Саул начал описывать всё, приведшее его в этот дом, свою трагедию, когда Бог оставил его.

Дальше можно видеть, что с Саулом говорил не настоящий Самуил, который служил Суциму, который ищет, как бы не отвергнуть и отверженного. Если бы Саул сам разыскал Бога в своей покинутости, то нашёл бы Его, Он именно для этого и показал ему, что такое человек в одиноче-

стве. Но Саул пришёл в ловушку, надеясь неизвестно на что, может быть на то, что мёртвый Самуил в самом деле сможет чем-то помочь, поверив в языческие обычаи, и этим до конца отвергнув божественные порядки. Изображавший Самуила дух, получив мятежного царя в свою полную власть, которому Бог уже не мог помочь, не имел ни малейшего намерения помогать. Пока Саул не повернулся назад, он издевательски уверил его, что все ожидания беды и плохие ощущения Саула сбудутся и что он обречён. Саул спрашивал у мёртвого совета, что ему делать, и дьявол ничего не сказал об этом, то есть что бы он ни сделал, конец будет один. Он добивал его, упирая на все его нарушения и грехи и что царём станет Давид. Он рисовал ему полный крах, и завтра Саул с сыновьями окажется вместе с ним, якобы Самуилом. Также и его народ будет предан в руки врагов.

Эффект оказался довольно сильным – Саул, ожидавший, что хотя он и незаконно всё же пробился через запреты Бога, добился контакта с Самуилом, но тот передаст ему что-то утешительное от Бога, и получивший совсем не то, что надеялся получить, потерял все силы и упал на землю. Его парализовал сильный небывалый страх. То, как он вздрогнул всеми внутренностями при виде лагеря филистимлян, было лишь предвестником, сейчас он испугался ещё сильнее, он был совершенно потрясён. Он хотел снова услышать обнадеживающее слово, получить немного тепла, которое когда-то было с ним постоянно, и он привык к нему, мучаясь когда оно оставило его, но самым жестоким образом обманулся и понял, что помимо Бога нет ничего хорошего, "без Него мир отчаянно холоден"¹⁶. Хуже всего было то, что дороги обратно не было. Также Саул не ел около суток, и хотя это редко причиняет проблемы для здорового человека, но здесь сказались его страхи и ожидания беды. Его спутники тоже испугались уже за него, и колдунья, которая вернулась в своё нормальное состояние, также была испугана таким результатом. Ей не хотелось, чтобы на неё пало какое-либо обвинение из-за состояния здоровья царя, и она продолжила ему поест, затратив на него своё имущество. Впрочем, царь должен был достаточно заплатить ей за услуги, но всё же она пожертвовала на него своего телёнка, чтобы накормить его и вернуть ему силы. Для всех эта история вышла скверной. После еды Саул и его люди покинули этот дом.

Смерть Саула

Саул собрался с духом, хотя он предвидел теперь поражение в предстоящей битве, и сам не надеялся выжить в ней, однако он был воином, и не зря Давид вскоре восхвалил его мужество в плачевной песне. Те, кто видят смерть достаточно часто, особенно когда сами причиняют её, как правило перестают её воспринимать так, как это делают большинство обычных людей. Они готовы к ней, и если и переживают, то лишь чтобы она не была мучительной. Речь не идёт о тех, кто пытается или мучает человека, это совсем иная категория людей, те как правило никак не желают себе того, что делают другим, вообще категорически не приемлют, но лишь о воинах. Саул был по природе воином, поэтому, постепенно придя в себя, хотя и ощущал обречённость, готовился к сражению. Сразу ли в тот день или сколько-то дней спустя стороны двинулись друг на друга. Саул, хотя и смело шёл в бой, но от него не исходили, как прежде, волны уверенности в защите свыше, даже его смелость не вдохновляла остальных, поэтому взаимодействие его людей было нарушено, так что вскоре армия израильтян стала терпеть поражение. Люди побежали, а филистимляне стали охотиться на Саула. Были убиты его сыновья, в том числе Ионафан, в основном филистимляне избегали сходить с ними на мечи, но расстреливали на расстоянии из луков. Саул был изранен стрелами и понимал, что вскоре ослабеет из-за потери крови, он понял, что его хотят захватить живым, его раны не были смертельными, его не хотели убивать. Но это было худшее, что могло случиться с ним, и попадать к ним в руки ему не хотелось – без Бога и Его защиты дьявол выместит на нём всё, что только придёт ему в голову. Он попросил своего оруженосца убить его, однако тот был, наверное, слишком молод и неопытен, он был шокирован разгромом и опасался сделать это, тем более что смысл того, что требовал от него царь, противо-

16 Из христианской песни "Бог зовёт тебя голосом истины"

речил его убеждениям – он должен был защищать его, и, подобно Давиду, считал такое грехом. В том состоянии, в котором пребывал Саул, он уже не видел разницы для себя, одним грехом больше или меньше, поэтому приставил свой меч себе к груди и упал на него. Оруженосец сделал то же самое, и те, кто преследовали Саула, оставили его и погнались за остальными воинами. Их трупами филистимляне занялись только на следующий день.

Если о Самсоне я писал, что в его ситуации обрушение храма не было самоубийством, то здесь я вынужден отказаться писать что-либо определённое. Я знаю, что прерывать свою жизнь не есть дело правильное. По идее как будто в ситуации, подобной Саулу не стоило делать того, что сделал он, и попасть в руки врагов на издевательства и мучительную смерть, чего он боялся, всё же как будто было бы честнее. Многие прошли через это, кого взяли в разных не зависящих от них ситуациях. Может быть и это не самое страшное в жизни, хотя я может быть не имею права говорить за всех и за все случаи. Но только тем молодым, кому кажется, что они должны уйти из жизни, должен сказать, что это преступно, что именно им не след думать в эту сторону и что по любому это ошибка, если не нечто худшее. У них есть совсем иные выходы из их проблем, на них долг жить и выполнять своё предназначение, которое многим ещё надо определить.

На следующий день филистимляне пришли заниматься сбором трофеев, они заняли близлежащие города и селения, откуда убежали все местные жители вместе с армией, и теперь, отдохнувшие, наслаждались своей победой. Обнаружив Саула с сыновьями, они отрубили их головы и отправили в свои города возвестить о большой победе на Израилем. Они забрали богатое оружие царя и его сыновей, и также тело Саула вывесили на стене одного из городов.

Вскорости жители Иависа, которым вначале своего царствования Саул помог и избавил их от большой беды и позора, отправили своих посланников за телом Саула и его сыновей. Они взяли их тела и принесли на свою территорию, сожгли их, хотя о таком обычае в Израиле до сих пор не было упоминаемо и постились в их память семь дней. Давид вскоре выразил им большую благодарность за оказание этой чести первому царю Израиля. Однако, хотя Израиль был поражён в этой битве, порабощения всей страны или даже какой-то заметной части её не произошло. Филистимляне, скорее всего, помнили о Давиде, который неизбежно возьмёт теперь страну в свои руки, поэтому не стали усугублять конфликт. Добрые отношения его с Анхусом, одним из высших князей этого народа давал надежду на мирные отношения в будущем. Кажется, так оно и было некоторое время, по крайней мере сам Анхус и его область не имели причин жаловаться на агрессию Давида.

Нападение на Секелаг

С лёгкой душой, вырвавшись из тяжелейшей проблемы выбора стороны филистимлян или евреев, Давид и его отряд возвращались домой в Секелаг, однако их ожидало потрясение, когда придя туда, они обнаружили разрушенные стены и пожарище. На месте города не осталось ничего целого, и никого из их родных и семей. Кто-то сообщил им, что это приходили амаликитяне. Это нападение на его город было случайным, так как если бы амаликитяне мстили, то шли бы только сюда, но это было не так, этот отряд побывал в нескольких местах, это стало известным позже из рассказа египетского юноши, брошенного в пустыне больным. Давид и его люди понимали, что надо было оставить хотя бы какую-то охрану, хотя сотня или две людей вряд ли смогли бы защитить от превосходящих сил амаликитян. Горе всех было чрезвычайно велико, в один миг потерять всех дорогих им людей, детей, не говоря о домах и хозяйстве. Все подняли плач, а потом многие обвинили Давида, что это он виноват во всём. Многим не нравилось, что они едва было не приняли участие в войне на стороне врагов, другие обвиняли его в беспечности. Сам он давно уже понял, что не нужно было ему идти к Анхусу при всём его расположении

к нему. В такой ситуации он оказался впервые и был сбит с толку и сильно смущён, это стало ему большим уроком. Однако же, несмотря на то, что некоторые едва не начали побивать его камнями, он вспомнил о своём Боге, не оставлявшем его практически ни разу, хотя и позволявшем пройти через долгие неприятности. Он попытался ободрить людей и велел священнику принести ефод с камнями откровения. Это резко поменяло обстановку и настроение людей, все снова ободрились и поверили, что не всё потеряно. Они сообразили, что в развалинах практически нет мертвых и убитых, то есть напавшие на Секелаг увели их семьи в плен, и их можно и нужно выручить.

Давид спросил Бога, стоит ли ему гнаться за напавшими на его город, и ответ был утвердительный. Он спросил, догонит ли он их, и Бог ответил, что и догонит, и отнимет похищенное. Они были с дороги, усталые и собравшиеся отдохнуть дома, но пришлось ускоренным маршем преследовать врага, следы которого было нетрудно отслеживать. Они добрались до одной из южных рек и остановились тут на отдых. Не все из них были настоящими воинами, не хватало выносливости, хотя кочевая жизнь и заставляла их подтянуть это умение. Но треть отряда оказалась практически неспособной к погоне, и Давид оставил их отдыхать на границе Восора. Четыреста более крепких пошли дальше. В пустыне они вдруг нашли одного молодого человека египтянина, который медленно умирал. Сейчас он был голоден, но как он рассказал после того, как его напоили и накормили, хозяин амаликитянин бросил его, когда он заболел. Это было три дня назад, и хотя болезнь его уже прошла, видимо голодание и неожиданная свобода помогли ему выздороветь, только пустыня и отсутствие воды и пищи могли убить его. Он был очень слаб, и если бы не помощь Давида, вскоре мог умереть. Давид распросил его о отряде, в котором он был рабом, и тот потребовав, чтобы его не возвращали прежнему хозяину, рассказал много, и какие селения и края грабили, и где находится место расположения этого отряда разбойников пустыни. Давид обещал просимое и этот молодой человек повёл их. Видимо они располагались компактно в одном из оазисов, и Давид, расставив людей, напал на них под вечер. Амаликитяне праздновали большой успех похода, они взяли много добычи и не ждали проблем. Четырёхсот людей Давида было достаточно, чтобы рассеять и догоняя, истребить почти всю банду, лишь четыреста особо резвых молодых людей сумели убежать на верблюдах. Судя по описанию, эта погоня заняла целые сутки, до вечера следующего дня они гоняли уцелевших. К великой радости всех, все пленённые были живы и здоровы, амаликитяне их не тронули, пока шло празднование успешного похода. Даже всё их имущество и скот остались целыми, впрочем у амаликитян оказалось немало скота и другой добычи из разных краёв, так что из этого похода Давид вернулся ещё и с немалой добычей.

Когда они вернулись к реке, где оставили неспособных к продолжению пути, многие среди четырёхсот предложили вернуть им только их личное имущество и семьи, но никакой добычи не давать, они были несколько раздражены на них. Однако Давид ввёл правило, чтобы добыча делилась на весь отряд, поскольку охраняющие обоз и тылы также участвуют в жизни отряда. В принципе уже было правило из закона Моисея, там имелся момент, когда часть народа ходила в поход против мадианитян¹⁷, и принеся добычу, разделила её на всё общество, правда не равномерно, а пополам между участниками похода и всем остальным обществом. Сейчас Давид ввёл новый нюанс справедливости, и его подхватили все остальные. Никто не протестовал против этого правила, Давид был для них не просто авторитетом, но человеком Божьим. Он обратил их внимание на то, что их успех произошёл вовсе не от их рук, но целиком сам поход был предпринят под руководством и советом Бога, без Него они не смогли бы сделать многого. И эти четыреста не смогли ничего возразить, да уже и не хотели.

Из захваченных трофеев Давид поделился со многими старейшинами Иудеи, немало которых как раз и пострадало от последнего нападения амаликитян. Он отблагодарил их за поддерж-

ку, оказанную ему и его людям в трудные времена, когда Саул искал его и они вынуждены были прятаться в разных местах. Это способствовало тому, что все эти люди поддержали Давида как законного правителя и нового царя. Давид ещё не знал, что Саул погиб, как не знал и как шли дела в том сражении, куда его не взяли филистимляне.

Плач по Саулу

На третий день, как Давид вернулся из похода на амаликитян, разрушивших его город, когда они занимались восстановительными работами и заново обустроивались здесь, пришёл некий молодой человек в разодранных одеждах и с посыпанной землёй головой. Он принёс известия о поражении армии Израиля. Давид стал расспрашивать его обо всём, но тот мог рассказать лишь в общих чертах, так как не был участником всего сражения, но и этого было достаточно. Он сказал, что царь и Ионафан погибли. Давид спросил, как он знает, что погибли Саул и Ионафан. Про Ионафана этот юноша не добавил как будто ничего, но о Сауле рассказал подробно. Видимо он появился тогда, когда преследовавшие Саула оставили его после того, как он упал на свой меч (хотя здесь этот юноша говорит о копье), считая его умершим. Этот человек также заявил, что на гору Гелвуй он пришёл случайно, однако здесь есть повод сомневаться в правдивости его слов – зачем простой человек пойдёт на место сражения, когда там ещё идёт битва? Он не называет себя участником сражения, и судя по всему, действительно им не был, иначе бы он должен был убегать от преследующих вместе со всеми другими. Был ли он на стороне филистимлян, но знающим ситуацию в Израиле? – может быть, однако неизвестно. Скорее он пришёл пособираться ценности, когда сражение утихло и преследующие, погнавшись за убегающими, переместились подальше из этих мест. Однако один из кажущихся мёртвых оказался жив, это Саул пришёл в сознание. Насколько он был крепок, что раны от стрел и потеря крови, а также то, что он проткнут насквозь своим мечём или копьём, не убило его. Он ещё мог говорить, видимо его сердце оказалось не задето. Он подозревал оказавшегося здесь молодого человека и спросил его, кто он, и юноша ответил, что он амаликитянин, зная, что это уязвит страдающего и униженного обстоятельствами царя евреев. Этот юноша был сыном амаликитянина, и ему нравилось называть себя не евреем по матери и влиянию еврейского окружения, но он противопоставлял себя остальным. Не самая лучшая черта характера... Это всё складывалось у Давида в цельную картину, и его суд над этим парнем мне не кажется несправедливым. То, что перед Саулом стоит назвавший себя врагом Израиля, по своему облегчило решение Саула, он не чувствовал себя виноватым перед ним, прося добить его, для врага его просьба натуральна, будь перед ним свой, он бы ставил его своей просьбой виноватым перед народом и Богом.

Этот амаликитянин, однако, имел какие-то понятия о совести, он оправдывает свои действия тем, что "после падения царь уже не останется жив", хотя, если бы он оказал помощь Саулу, то был немалый шанс на сохранение его жизни, хотя и не очень большой. Он же мстит царю за войну против амаликитян, и при этом ещё хочет быть добрым вестником перед Давидом, следующим царём, которого Саул гнал и преследовал. Ему казалось, что Давид будет рад смерти своего врага и будет ему обязанным за такую помощь в устранении своего соперника. Он передал Давиду царские украшения, взятые с Саула, точнее сказал, что принёс их ему, и может быть, достал их, чтобы показать, однако реакция Давида и всего отряда, внимательно слушающих этот разговор, оказалась для него неожиданной. Давид вместо того, чтобы обрадоваться, разодрал свои одежды и стал оплакивать Саула с Ионафаном, также и его люди выразили ту же скорбь. Затем Давид спросил этого молодого человека о его происхождении, и тот ещё раз заявил, что он сын амаликитянина. После этого он услышал своё осуждение от Давида – "Как ты не побоялся поднять свою руку на помазанника Сущего?" Действия этого человека не были безукоризненны, на нём была кровь и недобрые соображения, из которых она была пролита, и он услышал приказ к одному из молодых людей отряда – "убей его". Последнее, что он слышал, были слова Давида

– "твоя кровь на твоей голове", то есть "ты сам виноват, ты это заслужил по праву", "потому что сам на себя сказал – я убил помазанника Сущего".

Давид объявил пост и траур по поводу поражения в войне Израиля и гибели царя и своего друга Ионафана. Он сложил плачевную песню по Ионафану, в которой наравне с ним оплакивал и Саула – "Краса твоя, Израиль, сражена на холмах твоих!" Он со всей искренностью оплакивал того, кто много раз старался убить его, как друга, не помня уже никакого зла с его стороны. Не всякий способен на такое. Многие прощают со временем, но Давид прощал всё едва проходила опасность, и услышав о гибели Саула, уже был свободен от груза недоброй памяти. Это называют великодушием и благородством. Ему стало легко и свободно оттого, что угроз с этой стороны больше не будет, но и без этого не испытывал к нему вражды.

Царствование Давида

После окончания траура по Саулу Давид решил сменить место жительства, находиться в пределах филистимлян после неловкости с Анхусом из-за участия в войне с Израилем, было не с руки. У него были полностью развязаны руки, больше никто не искал его жизни и не угрожал. Филистимляне не развивали свой военный успех, понимая, что с Давидом из-за хороших отношений его с Анхусом между ними может наступить мир. Люди знали, что Давид должен был бы стать следующим царём, хотя не все были готовы признать его среди тех, кто был при дворе Саула, многим казалось, что они не будут приглашены на посты в его команде, поскольку у него уже есть шестьсот человек, уже знакомых ему, первых в очереди на должности. Но идти наугад не стоило, Давид решил не повторять ошибок, когда пошёл к филистимлянам, и предпринял совет с Богом. Он спросил, идти ли ему в Иудею, и ответ был идти. Куда? – ответ был – в Хеврон. Это был город на востоке Иудеи, недалеко от Иевуса, будущего Иерусалима, город левитов. Там Бог определил лучшее и удобное место для его укоренения и обустройства. Теперь уже не шестьсот, но, наверное, втрое больше людей шло на новое место жительства, его люди имели семьи и имущество.

Царствование в Хевроне. Авенир собирает всех к Давиду

Когда они устроились в этом городе, к нему пришли старейшины племени Иуды, они не упускали своего шанса, чтобы царь был из их среды. Не знаю, советовались ли они с другими племенами, скорее всего и без всякого совещания им было ясно, что вениамитяне не будут единодушно признавать Давида, а без этого о царстве над всей страной говорить было преждевременно. Дело в том, что Авенир, второй после Саула человек по влиянию, не был настроен к Давиду дружелюбно, и к тому же инерция жизни и привычек навевала, чтобы продолжалась династия Саула, который был вениамитянином, что Авенир и сделал. Он провёл обряд над старшим сыном Саула, сделав его царём, и большинство племён приняло это как закономерный шаг. Авенир, авторитетный человек, ценил свой статус, и когда в последнем походе против Давида последний пошутил над тем, что царя плохо охраняли ночью, да ещё Давид прибавил, что за плохую охрану он, Авенир, достоин смерти, он принял это слишком близко к сердцу. К Авениру, хотя Давид тогда всего лишь пошутил, на самом деле могли быть серьёзные вопросы – в сражении, где погиб Саул и Ионафан с ещё одним сыном Саула, Авенир выжил, и почему-то он не охранял царя и его сыновей в бою. Хотя он не обязан, наверное, был быть рядом, всё руководство ходом битвы было на нём, но выделить царю лучшую охрану и позаботиться о нём, не теряя его из виду, он должен был не в меньшей степени. Однако он этого то ли не сделал, то ли охрана была целенаправленно выбита стрелками из лука, и они же поразили и Саула. Сейчас он затмевал всех, единолично назначая и распоряжаясь, он поставил Иевосфея своим решением в цари, хотя, решив он поддержать Давида, вряд ли бы кто вообще сказал ему хоть слово, многие вениамитяне вполне были на стороне Давида, и многие из них поддерживали Давида ещё когда

он был в бегах. Эти решения Авенира создали для страны проблемы и политическую напряжённость. Давид в Иудее был принят благосклонно, его любили многие люди, почти всем нравилось всё сделанное им, также и Бог благословил все его начинания в Иудее, так что этот край начал процветать под его разумным и талантливым управлением. У Иевосфея же дела шли очень слабо, он не был волевым человеком и вообще не приспособлен к высокому и ответственному посту, тем более и Бог не благословлял его правление и не способствовал никак его успеху. Между Иудеей и остальной страной не было явного противостояния, но люди отмечали все успехи Давида и провалы дома Саула. В конце концов Авениру и самому становилось видно, что он зря затеял всё это, и прошлая обида на Давида стала исчезать при виде унылой нерадующей действительности. В конце концов случилось то, что конфликт возник у самого Авенира с царём, которого он не мог уважать.

У Саула была наложница, которая влекла Авенира, и которая отвечала ему взаимностью, хотя даже ему она была не по статусу – к царицам, пусть и наложницам, доступ мог быть только у других царей, увы, этот мир жесток и его некоторые правила гордости и ложно поставленного достоинства ломают человеческие судьбы. Со временем Авенир отбросил эти правила, считая себя достаточно знатным и взял её себе, однако же Иевосфей вдруг осмелел и возник с возражениями, что ему не положено было приближаться к ней. Авенир, которому этот человек был обязан всем, впал в гнев и поставил этого никчемного царя на место в довольно резких выражениях – "Разве я собачья голова? Я тебя не отдал в руки Давида и сделал царём, а ты взыскиваешь с меня из-за женщины...!" Иевосфей испугался такой реакции, хотя должен был понимать, что она и должна была быть такой, таким людям, как Авенир, не стоит делать замечания по мало-значимым поводам, особенно таким тоном. Даже если бы Иевосфей в приватной беседе слегка невзначай задел бы эту тему как бы случайно, то и это было бы опасно, а уж так, как это он сделал, это был конец отношений, Авенир использовал это оскорбление в полной мере. Он теперь был готов иметь дело с Давидом, и обещал именно это и сделать. Похоже, что именно это и были те два года, что царствовал Иевосфей, с этого момента, когда Авенир перестал его поддерживать, за ним не стояло никакой силы. Он жил ещё какое-то время, но никто его не слушал и он не отдавал никому никаких приказов. Иевосфея даже не нужно свергать, всё обрушилось само по себе, возразить Авениру никто ничего не мог. Этот сильный человек всей душой ощущал, что может развернуться и взлететь лишь рядом с Давидом, только он мог оценить его способности по настоящему и поставить достойные задачи.

Правда, было одно серьёзное обстоятельство, препятствующее этому. Не так давно произошла стычка людей Давида и Авенира, и в результате Авениру было опасно показываться у Давида. В том сражении, где иудеи почему-то легко и непринуждённо разгромили отряд Авенира (люди Давида пользовались помощью высших сил, чего не было и не могло быть у Авенира и Иевосфея, так как они пытались взять власть на себя, в то время как хорошо знали, кому их Бог отдал власть и авторитет в стране), Авениру пришлось самому спасаться бегством, и его преследовал Асаил, брат Иоава и Авессы, вождей армии Давида. Авенир был как воин сильнее, но он не хотел убивать своего преследователя, хорошо зная, как к нему станет относиться Иоав, очень непростой человек, близкий родственник Давида. Однако Асаил увлёкся игрой в догонялки и не хотел отстать от Авенира, и чтобы не быть убитым самому, Авениру пришлось сделать это первым. Для этого не понадобилось много усилий, он всего лишь развернул копьё назад и затормозил, и Авесса получил смертельный удар в живот. Авенир перед этим немало уговаривал Авессу, чтобы он отстал от него, приводя даже доводы, что ему нужно будет в дальнейшем встречаться с его родственниками, но тот никак не хотел вникать в проблему, взять Авенира самому ему казалось большой честью, но оказалось, что он взялся за непосильное для себя дело. Авенир предупредил его, что остановить его для него не проблема, что он может сделать это в любой момент, но преследователь считал, что раз от него убегают, то всё в порядке...

Теперь, когда Авенир перестал поддерживать Иевосфея, он стал искать встречи с Давидом. Он послал к нему послов, предлагая заключить мир, и предложил свои услуги по примирению всей страны, объединяя все племена под началом Давида. Для Давида это предложение было сродни чуду, но он видел, что Авенир мыслит как государственный деятель, который в самом деле ищет мира своему народу и стране. Упадок всех племён, кроме иудеев, был очевиден всем, царствованием Иевосфея слишком многие были недовольны, одно даже сознание, что есть человек, Богом предназначенный быть их царём, вызывало брожения и ропот многих. Дальнейший упадок грозил поражениями и в войнах, так что это движение к объединению под здоровым началом было совершенно естественным. То, что Авенир начал работу объединения страны, означало также то, что Иевосфей уже не был царём. При этом он оставался жив и никто, в принципе, не собирался его уничтожить, как делали многие другие народы во избежании смуты.

Давид вполне согласился с предложениями Авенира, только поставил одно условие, которое не было его капризом – его первая жена должна быть возвращена ему, этого никто не поймёт среди людей, тем более Давид был жив и это была его законная жена. Авенир сразу выполнил это требование, причём поручил забрать Мелхолу из её нынешнего дома Иевосфею, как наследнику того человека, который совершил это преступление. Иевосфей сделал это, и Мелхола скоро была приведена к Давиду. О том, какая была встреча, и какими были чувства и ощущения от такой необычной истории, летописцы не рассказывают. По одному моменту, который имел место немного позже, можно заключить, что Мелхола не была счастлива после возвращения к первому мужу, что её характер несколько испортился, став завистливым и придиричивым. Может быть было бы лучше для Давида не оглядываться на мнения людей о достоинстве царей, и оставить её там, куда её забросила судьба. По крайней мере, ему бы стоило спросить об этом Бога, да и её саму тоже, но он опять не сделал этого...

Перед тем, как идти к Давиду с выполненным поручением о Мелхоло, Авенир имел разговор со старейшинами Израиля, которые до сих пор держались прежнего царского дома, предлагая им вернуться к тому, которого поддерживает Бог, к законному царю. Авенир сослался, что Давид хорошо известен им всем и что они все были не против него, хотя некоторое время назад сам же и помешал им в этом, поставив наследника Саула на царство. Теперь он исправлял свою ошибку и все главы племён поддержали его. Этим он сделал большую часть дела по объединению страны, так что даже когда его не стало, признание Давида всеми и переход под его руку состоялся практически сам собой. Отдельно Авенир провёл переговоры с главами вениамитян, и среди них было то же единство мнений, что именно Давиду должна принадлежать власть в стране, и никто не видел для себя ущерба в том, что дом Саула не будет царствовать больше. Чего было больше в этом – таланта Авенира как переговорщика или влияния Бога, заботящегося о Своём ставленнике Давиде, не знаю, всё работало вместе для одной цели.

С отчётом об успехах Авенир пришёл к Давиду, и он устроил пришедшей делегации праздничный приём. Оба они были рады видеть друг друга и наслаждались общением, предвкусывая будущие дела и проекты, открывающиеся возможности. После пира Авенир решил не медлить, но пойти и собрать представителей от народа со всей страны для заключения договора на царствование, после чего Давид стал бы царём всего Израиля, а не Иудеи, как сейчас. Давид отпустил его, и Авенир пошёл осуществлять задуманное.

Гибель Авенира

Но почему-то именно сейчас в Хеврон возвращался Иоав с войском. Иоаву рассказали о визите Авенира, и Иоав проявил не лучшие свои качества. Это был человек, хотя довольно одарённый и успешный, однако же уступал в чём-то Авениру. Иоав был двоюродным братом Давида, видимо старше его. Его мать Саруя была весьма влиятельным человеком, может быть и неплохим, но её сын Иоав взял от неё (или выработал сам и она не имеет отношения к его пробле-

мам характера) слишком много честолюбия, но великодушия у него не было, это был слишком мелочный человек. Даже если бы Авенир не поразил его брата Асаила, у Иоава были поводы завидовать Авениру и смотреть на него косо. Причастность Авенира к смерти брата давала Иоаву формальную причину для кровной мести, но именно здесь он был в корне неправ – кровная месть имеет право быть при бытовом убийстве или преступном, когда убитый невиновен, и тогда убивший может быть наказан ближайшим или любым родственником убитого. Здесь же это произошло на войне, где гибель людей ожидаема и не должна отмищаться. Но Иоав, когда ему хотелось чего-то, не задумывался долго, не заморачивался с моральностью и оправданностью действий. Он выглядит как будто верующим и заботящимся о чести Бога и страны, он патриот до мозга костей, однако же праведным его не назовёшь никак. Мне интересно, как он появился у Давида, в какое время? Пока Давид был беглецом, имя Иоава не упоминается нигде. Хотя говорится, что ещё в начале его скитаний его посетили братья и утешали его, и они явно разделили с ним его скитания, потому что дома им грозили опасности от сходящего с ума Саула, которому было достаточно своих подозрений, чтобы уничтожить человека. Видимо тогда и появился Иоав. Как воин он был одним из лучших, поэтому без особых возражений занял место рядом с Давидом, но был иногда не лучшей опорой для него. Едва Давид стал царём, как Иоав оказался рядом уже начальником войска. Книга Летописей рассказывает, как после того, как Давид стал царём над всей страной, он пошёл в Иерусалим, и его пришлось захватывать, так как жившие там иевусеи не пускали его туда. Там Иоав стал официально главой армии, выполнив условие Давида, первым взойти на стену города. Однако, думаю, что таким образом Давид хотел как раз сместить Иоава, которого с помощью влияния влиятельнейших родственников продвинули ему в "помощники", но не удалось, Иоав сумел подтвердить свои претензии быть первым в армии.

Иоав, услышав, кто приходил в его отсутствие, явился к Давиду с выговором за доверчивость к хитрому врагу, изображая дело, что Авенир приходил только с самыми плохими целями выведать слабые места у Давида. Давид не мог поверить таким явно ложным обвинениям, он знал от других людей, какую работу на самом деле проводит Авенир, но Иоаву не было нужно, чтобы ему верили, с помощью своих обвинений он строил свою платформу, придающую его последующим делам некоторый вид оправданности. Он послал за Авениром своих людей якобы для каких-то особо важных переговоров, и его люди успешно выполнили поручение, Авенир вернулся, видимо считая, что у Иоава могут быть свои соображения о будущем устройстве управления и свои претензии. Он, наверное, ощущал холодок, когда его приглашали к Иоаву (хотя посланные могли представить дело и не от имени Иоава, а от Давида), но всё же вернулся, зная, что когда-то эту проблему надо будет решать. Он надеялся, что его вовлечённость в общие дела с Давидом будет некой защитой от мести Иоава, и в принципе был прав, но увы, Иоав обошёл это препятствие... Иоав встретил Авенира у ворот Хеврона и пригласил его во внутреннюю комнату у ворот, отделяя его от его людей. Выглядело будто у него были важные темы, и Авенир пошёл с ним, и его люди оставили его одного – вокруг были люди, как будто не должно было быть опасно, хотя дело и выглядело подозрительным. Иоав шёл с Авениром, и не выглядело, что он зол или угрожает, но так Иоав усыпил его бдительность. Заведя его вглубь ворот Иоав успел нанести удар, и Авенир погиб. Иоав объявил, что он лишь отомстил за смерть брата, хотя за гибель в войнах не существовало кровной мести. Это было преступление, но Давид, когда узнал об этом, опустил руки. Воздействовать на клан Иоава он не мог, точнее, это обошлось бы ему слишком дорого. Родственники бы приняли сторону Иоава, и он знал это, эти разговоры, скорее всего уже велись заранее среди семьи Иоава. Здесь тоже для Давида был момент важного испытания, но он не смог найти для себя опоры, чтобы опять встать один против подавляющего большинства близкого окружения. Политика и соображения "свои против не своих"... Давид так и сказал тем, кто смотрел на это преступление, своим друзьям и советникам, что ему не с руки наказывать Иоава. Ясно, что он потерял из виду Бога, Который проверял его принципиальность

– как будто это не было вопросом Закона, прямого его нарушения, то есть защитники Иоава упирали бы именно на это и сдвинуть их с этой точки было бы трудно. Прояви Давид принципиальность, Бог бы поддержал его в трудные моменты, проявив Свою справедливость и эти родственники, кандалами сдерживающие Давида от построения царства, о котором он мечтал (важно было проявить принципиальность в самом деликатном месте, иначе получались двойные стандарты – всех держишь в порядке, а некоторым позволяет много лишнего), перестали бы быть сдерживающим фактором. Да и многие из них могли бы одуматься и избавиться от узости своих клановых взглядов, и это было бы настоящей победой. Давиду важно было проложить дорогу подвижника, не смотрящего на лица, он слишком рано захотел расслабиться после бурных приключений последних лет Саула. Но бури ожидали его, может быть эта и была бы последней, но он сдался заранее. Никакого разбирательства над Иоавом он не делал. Хотя как сказать – он перед народом выразил своё отношение к сделанному Иоавом более чем ясно и конкретно, похвалив Иоаву даже проклятие, довольно суровое и оскорбительное. Он устроил плач по Авениру, и оплакивая этого выдающегося человека, помянул его убийцу нелицеприятными словами, хотя этот убийца присутствовал здесь же в трауре. Это было правильно, но всё же недостаточно. В то же время то, что Давид довольствовался лишь устным осуждением, не было его грехом – хотя кровавая месть не применялась за совершённое в сражениях на войне, в то же время вряд ли существовали законы об этом, и это играло на руку Иоаву. Если бы Давид начал разбирательство или суд, у него это могло и не получиться, поэтому он ощущал бессилие что-либо сделать с этим. У него не хватило только веры, он упустил поговорить об этом с Богом, реальное упущение у него только здесь. Надо добавить, что Иоав сильно подвёл Давида. Даже с точки зрения клановых интересов – Давид должен был стать царём всего Израиля, а Иоав практически сорвал это, убив того, кто подносил царство Давиду в готовом виде на блюдечке. Но Давид по скромности не смог повернуть дело этой стороной, предпочёл капитулировать перед роднёй. Этот довод мог смести любых сколь угодно влиятельных родственников, но Давид не решился на действие.

Людям нравилось то, что делал и говорил Давид, их царь, они не осудили его за непоследовательность, но их умы всё же не получили чёткого наставления или сигнала, что так делать нельзя. Если ты осуждаешь преступника, то почему преступник остался ненаказанным, более того, он остался на своём месте и продолжил командовать армией. Здесь Давид упустил возможность стать сильнее, он называл себя слабым и неспособным справиться с роднёй Иоава, а мог бы и поставить их на место. Лишь недостаток веры оставил его на том месте, где он обнаружил себя слабым, и Бог не получил шанс возвысить Давида на подобающую ему высоту.

Воцарение над Израилем. Годы благополучия

Смерть Авенира смутила многих в стране, дело объединения страны заглохло. Без его напористой энергии дела, которые он вёл, остановились, связующее звено между множеством заинтересованных сторон исчезло. Иоав, который сорвал объединение и поставил под угрозу планы не только людей, но самого Бога, получал немало косых взглядов, а может быть и прямых выговоров от знакомых и родных. Ему могли бы сказать, что он мог подождать объединения страны, помочь Давиду подняться повыше, а так получалось, что он испортил Давиду будущее. Жалел ли Иоав о сделанном под таким молчаливым давлением очень многих? Не думаю. Если бы он допустил Авенира совершить его планы, то он бы оказался сдвинутым с занимаемого им положения (почему-то ему казалось, что Авенир не возьмёт его в новую команду), а жертвовать собой он как-то не проявлял желания, такие вещи были, похоже, не для него, Давид и Израиль подождут, и даже Бог успеет сделать Свои дела, сначала его личные. Отомстить после было невозможным – после определённого времени его месть уже перестала бы быть мстительной, общаясь и не предупреждая его о мести за брата он бы выглядел принявшим сложившееся положение вещей и примирившимся с убийцей брата. В законах Моисея были правила, где если человек не

озвучивал свои возражения сразу или не действовал как подразумевалось ему действовать, то после небольшого времени он уже не мог воспользоваться своим правом, оно исчезало. Правда, это правило касалось вроде как лишь обетов, и очень может быть, что сами евреи думали иначе, не связывая похожие случаи воедино, то есть судебная практика могла не дойти до такого, в таком случае мои рассуждения не применимы к этому случаю с Иоавом. Но тогда было бы вполне возможно для него и ждать сколь угодно долго...?

Убийство Иевосфея

Иевосфей, уже бывший царь, оставленный Авениром ввиду предстоящего объединения всех племён под руку Давида, тоже был в смущении. У него были гарантии, что его не тронут при этих переменах власти, но когда главной фигуры объединителя не стало, и его гарантии выживания оказались под вопросом, Авенир был вполне разумным человеком, но многие другие мыслили по старинке, по обычаям всех других народов. Объединение племён пошло дальше и без Авенира, потому что Давид был в глазах всех законным претендентом на власть, только намного медленнее.

Двое из тех, кто считал, что в стране может быть только один властитель, в смысле что даже претендентов на это не должно быть никаких после того, как царь определён и взял верх над другими, служили у Иевосфея командирами отрядов. После смерти Авенира они посчитали себя вправе действовать по своему разумению, хотя при нём они вряд ли занимали важные позиции в армии. Разыгралась грязная и глупая история – эти двое пришли к Иевосфею в дом, когда он в жаркое послеобеденное время спал, и отрубили ему голову. Они понесли её в Хеврон к Давиду, думая, что получают большую награду. Видимо, они думали опередить других, считая, что таких охотников за наградами, как они, может быть много, и спешили... Придя к Давиду, они поздравили его с победой над врагом, над сыном Саула, сказав, что их руками Сущий отомстил потомкам Саула за все оскорбления, нанесённые ему когда-то. Нетрудно вообразить эту сцену, как Давид пришёл в ярость от идиотизма этих недостойных людей, и высказав им всё, что он о них думает, что эти негодяи убили человека, невиновного ни перед ними, ни перед кем другим, в его собственной постели обманным образом, приказал казнить их. Они могли бы помнить историю, как был убит молодой амаликитянин, заявивший о том, что убил Саула, хотя и по его собственной просьбе – все истории, связанные с подвигами и вообще поступками Давида, легендами ходили по всему Израилю, и это всё как раз и создавало Давиду всенародную любовь и уважение. Но они не сделали выводов из этого, и закономерно получили нежеланную реакцию Давида. За такую кощунственную "услугу" им отрубили руки и ноги и повесили над прудом, такую необычную казнь надо было постараться заработать...

Царь Израиля

То, как Давид воздал соискателям наград, убийцам несостоявшегося царя, также разошлось по всему Израилю, и опять же способствовало всенародному одобрению и любви. Теперь дело объединения и признания его царём шло не так быстро, когда этим занимался Авенир, и на это ушли несколько лет, однако наконец все со всеми договорились. Церемония помазания на царство была весьма внушительной, собралось много людей со всех концов, множество старейшин и князей всех племён. Был заключён договор, запечатлённый в письменном виде, и на голову Давида возложили царский венец. Теперь он стал царём всей страны. Иевосфей, прежний правитель, царствовал всего два года, затем решением Авенира он был отстранён от дел и был запущен процесс передачи власти Давиду. Но смерть Авенира замедлила это дело, так что к моменту передачи власти Давиду над всеми племенами прошло семь лет со времени его воцарения над иудеями. Ему было тридцать лет, когда он начал царствовать, и в тридцать семь или тридцать восемь лет (над Иудеей он царствовал семь с половиной лет) он принял всю страну. К этому времени он обзавёлся жёнами и детьми, однако здоровье было вполне крепким. Он ощущал, что в

Хевроне ему несколько тесно, и обратил свой взор к Иевусу, который был известен раньше также под именем Салим – "мир" или "покой". Иевус находился на границе Иудеи и землёй вениамитян, рядом были ефремляне и это было стратегически выгодное место. В этом городе во времена Авраама жил Мелхиседек, легендарная личность. Эти факторы и, думаю, также совет со стороны Бога, предопределили выбор Давида для новой столицы.

Правда, была одна проблема – во время ханаанских войн этот городок был вроде как взят, но жители его остались на месте и никуда не ушли, а израильтяне не селились в нём в то время. По причине определённой лени и безразличия Иевусом никто не занимался, а затем от Бога поступил новый приказ – никого не изгонять, все оставленные по причине небрежности прежние жители Ханаана теперь становились законными жителями. Давид вряд ли думал изгонять иевусеев из их домов, но дело в том, что они не хотели его пускать к себе. Делать этого не стоило, то, что их оставили в живых и на прежних местах, означало, что они на равных, и со своей стороны тоже не могут препятствовать свободе перемещения и выбору места жительства. Иевус был небольшим селением, у Давида же были большие планы, так что старый город не был бы потревожен и места с расширением города хватало бы всем. Препятствовать же царю земли входить в Иевус было с их стороны большой ошибкой – они прекрасно знали, кому становятся поперёк дороги, однако осмелились бросить вызов. Они даже пренебрежительно отзывались о нём и его войске – "тебя даже слепые и хромые отбросят от стен". Действительно, хорошие воины, некоторые из них и с увечьями оставались в строю, так что Давид отдал приказ, если среди воинов противника будут люди с увечьями, обращаться с ними также, как со здоровыми людьми...

Крепость Сион была взята, и первым на стены взошёл Иоав, таким образом став начальником уже израильской армии, а не как до этого, только иудейского царства. Неизвестно, остались ли прежние жители Иевуса жить здесь после прихода Давида, однако Давид сильно расширил город, построив и новые крепостные стены. Прежний Иевус был очень небольшим – когда-то рядом с этим местом Авраам собирался принести в жертву сына, как ему было предписано, но скоро здесь появится храм, в который придёт Восстановитель человека и человечества. Давид сразу строил здесь столицу страны, из небольшого укрепления он делал центр. Некоторые места на Земле обладают особым характером, особо благоприятной атмосферой для жизни и процветания, здесь было одно из подобных мест, и сам ли Давид ощутил здесь особое благоприятствование для себя, либо подсказал кто из пророков, невозможно сказать, но выбор был очень хороший. Этот Иерусалим стал известен с того времени как "город Давида".

В тот момент на побережье Средиземного моря начал своё царствование Хирам (первый), который, видимо, был наслышан о делах соседней страны и симпатизировал Давиду. Узнав, что он теперь объединил всю страну и перебрался в новое место, послал к нему послов с поздравлениями и предложением снабжать стройку ценными породами деревьев, понимая, сколько работ предстоит на новом месте. Давид, видя благоприятствование обстоятельств со всех сторон, ощутил себя защищённым, находящимся как бы под покровом мощных крыльев – из детства он запомнил и эту картину птенцов, уютно располагающихся у матери под крыльями.

Что тот период был совершенно безмятежным, сказать нельзя, филистимляне снова пошли на его землю войной, однако же эти вторжения не нарушили его личного покоя. Пока Давид был в Иудее, а на севере властвовал Авенир и Иевосфей, они почему-то не нападали, хотя может быть и были какие-то местные стычки на границах. Но сейчас, когда Израиль получил сильного правителя, и соседний с ними (и конкурирующий) финикийский царь Хирам стал союзником Давида, эти соседи решились напасть, желая, видимо, не дать Давиду набрать силу и закрепить её. Прежде там было сильно влияние Анхуса, сдерживавшего остальных воинственных соплеменников, уговаривавшего их дружить с Давидом, но теперь то ли Анхуса не стало, то ли партия войны с Давидом победила. Так что их отряды пришли на территорию Иудеи и встали там лагерь. Давид вначале укрылся от них в своей новой крепости, но там стал советоваться со своим

Богом, идти ли ему против филистимлян, будет ли успех, и получил как обычно утвердительные ответы. С этими уверениями о успехе он, нимало не сомневаясь, с хода атаковал врагов и разгромил их, взяв в добычу принесённых с собой ими фигурки их богов. До этого филистимляне укрепились в вере в своих богов, когда победили Саула и его армию. Они посчитали, что их присутствие (вещь вроде как для них новая и необычная, прежде и после не упоминающаяся) на поле боя снова даст им уверенную победу, но жестоко разочаровались. В прошлый раз они победили Саула и его армию лишь потому, что Бог оставил Саула, а не потому, что их боги имели какие-то способности или силу. Сейчас они сами видели, насколько эти подобия богов беспомощны, что они сами попали в плен к врагам.

На этом филистимляне не успокоились, вскоре они собрали новое войско и пришли на то же самое место, в долину Гигантов. Давид снова спросил Бога, как ему вести дела в этот раз, и Бог сказал ему, что сейчас он не должен выходить прямо на строй филистимлян, но обойти их со стороны шелковичной рощи. В атаку он должен пойти тогда, когда услышит шум, похожий на звук шагов, как если бы кто-то шагал по вершинам деревьев, и это означало, что Бог двинулся впереди его отряда. Он не должен был идти впереди Бога, но в этот раз Он сам решил сопроводить Давида и его людей. Видимо, после первого поражения, филистимляне подготовились очень тщательно, так, что если бы Давид пошёл раньше времени или как в прошлый раз, ему грозила бы опасность. Возможно, что филистимляне привлекли мастеров оккультизма, и люди без особого сопровождения Бога потерпели бы сильное поражение. Других подобных случаев не описано во всей истории Израиля, так что это был единственный такой случай, что Бог лично, заметным образом проявил Своё присутствие и сопровождение. Этот случай отразился позже в песнях Давида, где он говорит "с Богом нашим мы будем сильны".

В этой битве филистимляне были наголову разгромлены, и после этого они не пытались больше посещать Израиль с оружием в руках, имя Давида стало страшным и для них и всех, слышавших об этой войне.

Перенос Ковчега в Иерусалим

После этих попыток вторжения филистимляне перестали выступать против Давида и наступило время мира, никто не тревожил израильтян, и люди могли посвятить время делам мирным. У Давида была мечта, чтобы святилище Сущего было рядом с ним, и теперь он решил осуществить её. Взаимоотношения Давида с Богом были похожи на таковые с человеком. Для нас, живущих вдали от времён, когда Бог и Его слуги ходили по земле и посещали людей в зримом и вещественном виде, близкие отношения с Ним кажутся невозможными просто в силу отдалённости и недостижимости Бога. Даже считающие себя серьёзно верующими зачастую представляют Бога далёким, и хотя могут даже слышать Его голос, всё же даже для них это подобно общению по переписке или максимум по телефону на далёком расстоянии. Многие завидуют тем, кто мог видеть или хотя бы ощущать Его близко, хотя и сегодня можно достичь до такого уровня взаимоотношений, что барьер невидимости не будет ощущаться непреодолимым, но даже невидимый Бог будет ощущаться на расстоянии вытянутой руки. Или как находящийся рядом за стеной. Давид описывает свой опыт этого выражением – "Сущий – твоя тень справа от тебя". Но ведь тень от человека неотделима, так что можно вполне представить себе, как Давид ощущал это. Если люди могут зависеть друг от друга, чувствовать себя не в своей тарелке в отсутствии значимого для себя человека, то примерно также ощущал Давид и Бога. Он буквально физически зависел от Него, и когда он ощущал Его близко, то это была радость как у ребёнка от присутствия матери или близких друзей, и даже можно сравнить с влюблёнными, тянущимися друг к другу. Ведь и Бог тоже чрезвычайно ценит созданных Им, не то, чтобы Он создал всех из одиночества, но вложив в них все Свои богатства мысли и умений, трудно не привязаться к ним... А как Ему наблюдать за процессом саморазрушения человека, когда сверхсложная система живого

тупо сводит на нет все Его изощрения? Если кто видел своих детей в суицидном настроении (не дай Бог, конечно), тот может легко понять чувства Бога.

После возвращения от филистимлян ковчег долгое время оставался у одного человека, Аминадава, он даже выделил одного из своих сыновей ухаживать за ним, но сейчас ковчег возвращался к народу. За время смуты, когда Саул преследовал законного претендента на престол, когда он уничтожил даже один род священников, народ оставался без наставления в законах и правилах. Это закономерно сказалось на качестве духовности и даже немалых потерях в знаниях народа о должном и своевременном. Давид собирался вернуть ковчег в активное употребление, чтобы он был ближе к службам в святилище. Во времена позднего правления Саула годовые праздники, скорее всего, не совершались, и думаю, что и после тоже они не стали регулярными. День Очищения перед праздником Кущей не мог совершаться без ковчега, а без него, похоже, и сам праздник Кущей оказался забыт.

Давид собрал десятки тысяч людей со всей страны и торжественно со всякими выражениями радости и ликования стал переносить ковчег Завета. Созванные на это торжество были если не поголовно, то очень многие из них музыканты, так что по ходу колесницы раздавались много музыки и пения с плясками. Однако же вся эта радость была омрачена. В одном месте повозка наклонилась и ковчег накренился, и сын Аминадава Оза, идущий рядом с ковчегом, коснулся его рукой, чтобы поддержать. Однако он упал мёртвым, и люди сильно смутились. Давид, видевший это, вдруг осознал, что в их поведении, похоже, что-то Богу не нравится. В этот момент он совершенно не понимал причины произошедшего, что их организация дела не была поставлена на правильном основании, и вместо того, чтобы подумать, что сделал не так он или Оза, он просто испугался Бога. В случае непонимания причин чьего-то жёсткого поступка или поведения мы склонны думать о его или её жестокости и несправедливости. Так что музыка и веселье смолкли и Давид направил ковчег к ближайшему дому, который находился здесь. Так на три месяца ковчег остановился в доме Аведдара Гефянина.

Некоторое время Давид оставался в недоумении о случившемся, и некоторый страх перед Богом оставался у него в душе, совсем не тот страх, который называют страхом Божьим. Однако спустя три месяца ему сообщили, что дом Аведдара Гефянина процветает, и это связано явно с присутствием ковчега Завета в его доме. Давид смутно мог догадываться, что проблема была именно с его стороны, и хотя он лично знал Бога довольно хорошо в силу дара Духа, но вот в законах и порядках Бога оказался довольно неграмотен. Некогда Моисей для царей дал специальное предписание, чтобы они с книги Закона делали себе личный список и хорошенько его изучали, но Давид сам это упустил и ему никто не сказал об этом. Дни Самуила, когда грамотность в этих вещах насаждалась активно, давно прошли и с ним многое потерялось. Останься Давид у Самуила, когда к ним пришёл Саул и начал пророчествовать, он бы успел подтянуть недостающие дисциплины, но он тогда испугался, в скитаниях же, похоже, ему было не до того. Но он сопоставлял события, что не так давно ковчег причинил немало опасностей филистимлянам за время плена, и что люди Вефсамиса за неправильное поведение также сильно пострадали, но других проблем больше не было ни у кого – ни у Аминадава, ни у Аведдара, кому выпало быть хранителями ковчега некоторое время. Тогда он стал расспрашивать и узнавать у тех, кому по должности было назначено быть хранителями уставов и порядков Закона, каковы правила обращения со священными предметами, и здесь он открыл для себя немало важных вещей. Ему стало понятно, что было не так три месяца назад, и что он организовал процесс перемещения ковчега в корне неверно. Его нельзя было возить на колёсах, такое Бог прощал только филистимлянам, не знавшим порядка, но не им, хранителям Его света. Его можно было только носить на плечах, и только левитам рода Каафа, никому другому. Так что Оза пострадал из-за незнания, отчасти и сам Давид был виноват в его смерти. Оза мог бы ухватиться и поддерживать саму повоз-

ку, и тогда бы не погиб, но, видимо, он хотел порисоваться перед кем-то, и показывая свою близость к ковчегу как его хранитель, протянул руку к нему.

В общем, Давид снова устроил перенос ковчега к себе в Иерусалим, и уже не опасался ничего, потому что в этот раз организация процесса была согласована со всеми протоколами Закона. Впрочем, он внёс и свои предложения в это, но они не нарушали никаких правил. Каждые шесть шагов были приносимы жертвы, причем до Иерусалима от дома Аведдара было близко и это не было долгим путешествием. Мяса мирных жертв хватило, чтобы раздать всему множеству людей, пришедших на это празднество. Та же музыка, те же пляски также сопровождали перенос ковчега, и в этот раз всеобщее веселье не было омрачено ничем. Давид же просто прыгал от охвативших его чувств, и народ только больше веселился с таким душевным и искренним весельем царя, заражаясь от него необычным ликованием перед лицом его друга и покровителя Сущего. Когда процессия донесла ковчег до места, приготовленного для него, его оставили там и люди разошлись по домам. Ковчег теперь стоял, по всей вероятности, в Святом-Святых, как и положено, в походном шатре, сделанном много лет назад в пустыне под руководством Моисея. Правда, этот храм не был полон, жертвенник, который должен был стоять во дворе храма, оставался в Гаваоне (последнее место, где храм был в полном комплекте, это Силом при Илии и Самуиле, перемещения храма не описаны, информация имеется лишь о ковчеге), храм уже долгое время был разделён.

Давид пришёл домой, счастливый и усталый, но его радость от сегодняшнего праздника была омрачена. Первая его жена, Мелхола, почему-то не радовалась вместе со всеми, не придавала ни малейшего значения тому, что их Бог будет жить рядом с ними. Она видела из окна мужа, прыгающего, танцующего и поющего с народом на улицах и площади, и почему-то придиралась к тому, как он себя ведёт – не как подобает царям, никакой важности и солидности с достоинством. Она была дочерью царя и считала, что знает, как они должны себя вести. Она встретила его едкими словами уничтожительного тона – "Как сегодня отличился царь Израиля, обнажившись перед глазами служанок своих слуг, как пустой человек!" Одежды тех краёв были не таковы, как у европейцев и иже с ними – никто не носил штанов, но это были подобия халатов, так что при некоторых условиях, например, в прыжках, был риск обнажиться, и именно это озвучила Мелхола. Такого не было, простые прыжки никак не достаточны для того, чтобы полы одежды задралась достаточно высоко, но Мелхолое это было неважно, ею владел зуд придраться, и этот яд ей не терпелось вылить на мужа, так что даже вышла навстречу ему, не дожидаясь когда он войдёт в комнаты.

Давид был слишком радостен, чтобы потерять всё испытанное за этот день, но всё же ему нужно было переключиться на Мелхолу, чтобы отреагировать достойным образом на её выпад. Он ответил ей без грубых слов, хотя его быстрый ум мгновенно подбросил тонкие намёки, достаточные для достойного ответа на недостойную придирку. Его ответ был по сути таков – он счастлив показать своему Богу свои радость и счастье от Его присутствия, и готов прыгать, плясать и играть на музыкальных инструментах сколько угодно. Сущий выбрал его, отодвинув в сторону её отца, подчеркнул он, и этого было достаточно, чтобы Мелхола потеряла свой ядовитый запал. Когда-то её и отец и муж были друзьями, не было вражды и горя, потом всё менялось – она помогла мужу, спасла его от безумия своего отца, потом отец разлучил её с мужем, отдав другому, и теперь она не могла вернуть отца, и теряла мужа. Может быть, она вспомнила, что был случай, когда её собственный отец вообще сбрасывал одежду и лежал целый день перед Самуилом, когда Дух охватывал его, и его никто не осуждал? Давид добавил, что его непосредственность в глазах народа лишь усиливает его авторитет, добавляет ему славы, давая понять, что её мерки ситуации неадекватны. Не знаю, что она ощущала после этого, образумилась ли или долго ещё хранила свой настрой против Давида, и хотя не говорится, что Давид лишил её своего внимания (но очень вероятно, что именно это и было), но детей у неё больше не было. У

неё было пятеро детей от второго мужа, но от Давида не было. Не только муж дал ей отповедь, но и Бог проявил Своё неодобрение сделанным ею. Видимо, её неприязнь к Давиду, веселящемуся о Боге, оказалась направлена и против Бога. Это очень недобрая черта характера, когда кому-то плохо из-за того, что кому-то другому хорошо...

Замысел о Храме

В стране установился порядок и процветание, и как-то раз у Давида появилось ощущение, что что-то не так, и в разговоре с Нафаном, его пророком и другом, он высказал эту мысль – "Вот я живу в доме из кедра, а ковчег Бога – в походном шатре". Его желание устроить и место божественного присутствия не хуже, чем имеет он сам, было понятно. По человечески рассуждая, а Нафан не имел в этот момент никаких видений, он посчитал, что поскольку Давид преуспевает во всём, что ни делает, благодаря полной поддержке Бога, то и здесь это желание у него появилось не зря. Оно разумное и понятное, и он так и сказал Давиду, что он может делать всё, что задумает, Бог его обязательно поддержит. Однако ночью Нафан получил сведения, что об этой идее думает Бог. Оказалось, что с желанием Давида не всё просто и имеются возражения. Суций задал вопрос, говорил ли Он сам хоть что-нибудь об этом? Желание Давида позаботиться о Нём было похвально, но всё же надо было посоветоваться и с Ним самим. В этом деле вдруг раскрылась одна подробность, важная для действительного понимания характера Бога, а не того, что о Нём частенько говорят считающие себя Его врагами. Хотя Давид был со всех сторон хорошим человеком, но в то же время даже не обладай он воинственным характером, оборачивающимся для его неприятелей самым неприятным образом, всё же он вёл немало войн, наказывал преступников, и Бог не хотел, чтобы слава Его храма была связана с именем Давида... Как бы звучало – "всё хорошо, Давид, но на тебе немало крови, и если её будут связывать со Мной, это будет в корне неправильно". Желающие думать о людях и о Боге плохое могут делать это, но сам Бог оказывается существенно иным, чем кровожадным и мстительным тираном, как некоторые особо усердные собирают из Библии определённые места и подают их под своей собственной приправой, не взвешенные вместе с другими, где раскрываются другие стороны. Даже самое худшее, что они могут найти в Библии, ничем не хуже того, что они делали бы сами на Его месте в тех же обстоятельствах, но то ведь совсем другое...

Бог воспользовался этим случаем, чтобы раскрыть Себя людям, а заодно и успокоить Давида, дав ему картину мирного будущего, особенно ближайшего о его потомстве. Давиду было ценно, что его сыновья не прекратятся, что от него будут цари, с ними не будет того, что случилось с Саулом, который был отвергнут. Давид не расстроился и несколько не обиделся, что его такое хорошее предложение не было принято, но расстрогался, увидев, что будущее его детей надёжно. С этими чувствами он пришёл в храм и высказал всё, что собралось на душе. Стоит добавить, что он не говорит по два раза "Господи" каждый раз, как это выглядит в синодальном переводе, но всё время "Господь Суций", это звучит существенно иначе.

Благополучные годы и успехи

После такого уверения со стороны Бога об отдалённом будущем, Давид видел, что и ближайшие его дела будут поддержаны и он занялся возвращением селений и земель, попавших в руки соседей. Сами соседи тоже не всегда были мирны и давали повод для конфликтов, так что некоторое время Израиль вёл успешные войны с ближними соседями. Первыми пострадали филистимляне, у них Давид не только вернул потерянные некогда города, но и покорил Геф. Анхуса, друга Давида, там уже не было, и гефяне уже напали на Израиль, едва Давид стал царём над объединённой страной, так что был повод. На некоторое время эта область филистимлян стала подвластна Давиду, но евреи не переселялись на эти земли и филистимлян не выгоняли. Затем возникли столкновения с моавитянами, и они были усмирены, снова надолго забыв о людских претензиях. Если кто думает о геноциде моавитян, то не стоит – двое из трёх убитых это не

о мирном населении, а о моавитской армии. Тоже жестоко, но поскольку с другими побеждёнными Давид так не поступал, то явно имелась причина.

После этих войн Давид оказался на севере – эти соседи ревниво смотрели на усиление Израиля, который прежде не был в числе влиятельных сил, и многие планировали поставить Давида на место. Этот поход по сирийским землям был весьма успешным, там он воевал с Адраазаром (Хададецер или Хададезер), которого успешно победил. Адраазар шёл восстановить свои владения у Ефрата, но пришлось иметь дело с Израилем. Похоже, что главным городом этого царя был Алеппо. Адраазару стали помогать сирийцы из Дамаска, но дело кончилось тем, что в Дамаске появился гарнизон израильских войск и им пришлось платить немалое время дань Давиду. Эти северные походы принесли Давиду очень много богатств, запасы для строительства храма были сделаны на основе добычи этого времени.

К Давиду обратился с благодарностью царь Емафа (Хамат, также Имаф), который был в войне с соседним Адраазаром. Сын Фоя (Тоя) принёс немалые дары Давиду. После северных походов, наверное в следующем году, Давид обратил внимание на юг, на Идумею. Практически все соседи не были мирными и их конфликтность привела к тому, что всем им пришлось испытать на себе силу Давида, так что в Идумее также были поставлены гарнизоны, заведовавшие сбором дани.

До сих пор не упоминались аммонитяне, но прежний царь аммонитян оказал Давиду помощь и его политика по отношению к Давиду была дружественной, так что у Давида не возникало даже мысли нанести им какой-либо ущерб. Давид помнил добро, хотя мог бы припомнить Наасу нападение на Израиль в ранние дни Саула. В то время Наас ненавидел Израиль и напал на Иавис в Галааде с целью опозорить имя евреев. Оказывая помощь Давиду, он вряд ли искал добра Израилю, но думал внести раздор в их среду. Как бы ни было, но Давид не собирался трогать аммонитян, помня добро. Но этот царь умер, его же сын не был столь благоразумным, как отец. Давид прислал послов выразить соболезнования о смерти Нааса, но вместо того, чтобы поблагодарить их, с ними поступили очень оскорбительно. Сам Аннон, сына Нааса, может быть и не додумался бы до такой провокации, однако кто-то из князей слишком болезненно относились к успехам Давида и были заражены подозрительностью. Эта партия войны была влиятельна, и они убедили молодого царя, что Давид прислал шпионов, а не послов. Дело разведки в те времена уже было по своему развито, и где-то могло оказаться важным фактором, однако многие войны велись достаточно успешно и без неё, выучка и количество войск большей частью определяла успех сражений (а также благоволение высших сил, если у кого имелся доступ к ним), и разведанные сведения мало могли помочь. Обычно разведка помогала оценить шансы на успех войны, хватит ли своих возможностей, не попросить ли мира, пока чужие войска не пришли и откупиться от них малой ценой, или же заключить с кем-то союз, выливающийся иной раз в такие же затраты денег и ресурсов.

Поначалу Аннон не выглядит тем, кто ищет ссоры и не собирался наносить оскорбление послам. Но князья обрисовали ему положение вещей, как они сами относятся к Израилю, и что Давид вряд ли будет сохранять добрые отношения с ними, и Аннон поменял своё отношение к ним до наоборот. Заряд, полученный от этих советников, настроил его довольно радикально, так что с послами он проявил фантазию – обрил половину бороды и одежды укоротил до половины, так что даже на мини-юбки они не тянули. В таком виде он отпустил их назад. Я только не могу вычислить – Аннон поверил тому, что ему сказали или же был настолько уязвим перед манипулированием? Князья ведь видели военные успехи Давида, и они бы должны были оценить перспективу помириться с ним и уже в этом оказаться в выигрышном положении перед соседями, платящими Давиду дань... Они решили рискнуть, рассчитывая на помощь других царей, и возможно, что они видели в смерти прежнего царя, Нааса, возможность для себя возвыситься, подставив молодого царя под удар соседа. Цели своей князья вряд ли добились, погиб не только

молодой царь, ставший игрушкой в их руках, но и из них самих вряд ли кто уцелел. Так что когда эта страна смогла оправиться, то, скорее всего, правили там другие люди.

Давид, когда ему донесли о степени опозоренности послов, оставил их восстанавливать бороды вдали от Иерусалима. Аммонитяне же стали готовиться к войне, они наняли и созвали на помощь от четырёх соседей и союзников немалую военную силу. Давид, несмотря на нанесённое оскорбление, не спешил нападать на соседей, но когда стало известно о собирании войск у аммонитян и прочих приготовлениях, пришлось реагировать, пока они не напали сами. Давид послал войска, но сам не пошёл в этот поход, оставаясь в Иерусалиме, война предстояла долгая, как оно и вышло на самом деле. Похоже, что где-то в это время случилась с ним то, из-за чего его соратники сказали ему решительное "нет" на участие в сражениях. Дело было так, что в одном из сражений Давид стал уставать, и он едва не погиб из-за этого, но верные друзья заметили, что он в опасности, что меч уже не так хорошо слушается его руки, как раньше, и пришли на помощь. Тогда ему и сказали, что если он погибнет, то это погасит светильник всего Израиля, он стоит дороже, чем многие из них вместе взятые. Им очень дорожили, и понятна их тревога за него, только решение их было чуть поспешным, как говорят, человеческим, разумея под "человеческим" именно уязвимости и несовершенство человека. Оказавшись не у дел, когда война была его стихией (это не было очень уж хорошо, но в самом деле это было одним из его совершенных умений), он оказался в худшей опасности.

На деле он стал терять здоровье, из-за этого он устал там, где раньше мог держаться. Он ещё не был стар, хотя ему было за сорок, может быть пятьдесят. В это время его предки считались молодыми, Халев в восемьдесят пять был способен сражаться и был более вынослив, чем Давид в пятьдесят или сколько ему было в тот момент. Причина достаточно простая и ясная – царский стол был причиной того, что среди израильских царей не было ни одного долгожителя. Вроде бы и простые люди и князья с царями использовали одни и те же продукты, но готовили их по разному. Царские повара стремились блеснуть искусством, в то время как их искусство смешивать вещи понемногу, но надёжно подрывало здоровье их клиентов. Простые блюда намного легче перевариваются и усваиваются, чем сложные (кроме редких случаев, но это исключения, а не правило, если продукты помогают усвоению друг друга, обычно же многочисленные компоненты мешают друг другу). Если же учитывать переедание, то эти два фактора способны за десять-двадцать лет подорвать любое здоровье.

При излишней загрузке желудка объём ферментов и пищеварительных соков ограничен и не может должным образом обработать съеденное, и вся эта масса из-за этого произведёт больше отравы, чем нужных веществ. Вместо правильной ферментации там скорее произойдёт брожение по типу гниения или ещё какого сценария, и человеку ещё повезёт, если эта масса ускоренно покинет пределы его организма, хотя и это тоже стресс. Просто, но достаточно для неизбежной деградации систем организма при злоупотреблении, и столь же надёжном сохранении здоровья и сил при следовании простейшим правилам умеренности.

Давиду и его друзьям было бы вернее искать причину ранней потери выносливости, а не отставлять его от дел. Поискав, они бы без труда нашли причину его ослабления, и ему самому было бы гораздо веселее и надёжнее ещё много лет сохранять бодрость, и страна бы дольше имела этого успешного правителя, и кто знает, может быть был бы установлен более прочный порядок, чем тот, который установил некогда Самуил. Но они все пошли простым путём, прописав Давиду покой, в котором он сейчас ещё вовсе не нуждался.

Армия Израиля пришла к стенам, по всей вероятности, столицы аммонитян, или же места, где собрались все войска аммонитян и их союзников. Аммонитяне остались у стен города, а союзники выстроились в поле, так что евреи увидели, что им предстоит воевать на два фронта.

Иоав был на своём месте, он не ведал страха, но спокойно принял обстоятельства. Он привык к постоянному покрову высших сил, однако же с его стороны не было никакого иждивенчества или паразитирования на Боге, как и у каждого из воинов, их кредо в этих условиях соответствовало поговорке "на Бога надейся и сам не плошай".

Многие эту поговорку поворачивают против религии, разумея в ней ту сторону, что несмотря на помощь Бога человек должен прикладывать немало сил, как бы этим уменьшая роль Бога, делая Его помощь вообще ненужной – так они видят ситуацию. Но это возникает из-за их неверного восприятия взаимодействия Бога и человека, они критикуют мифы некоторых массовых религий, в которых человек сильно принижен, но сам Бог показывает иной подход. Человек должен соответствовать Своему Создателю, быть под стать Ему, чтобы подчёркивать Его совершенство и прочие Его умения и свойства. Когда какие-то учителя и религии унижают человека, преуменьшая его и уча, что человек должен быть вечно унижен и как можно менее развит, чтобы этим возвеличивать Бога, то этим они принижают и Бога, Который в их представлении возвышает Себя за счёт унижения других, как бы люди могут составить Ему конкуренцию... Это извращение, это клевета на Бога. Он гораздо более рад видеть возле себя великих людей, а не пешек, тех, кто приближается к Нему постижением Его дел и раскрытием Его замыслов, раскрывая потенциал, заложенный Им в них именно для того, чтобы он был раскрыт, и в полной мере, а не закопан в землю. Именно когда представители Бога на себе показывают Его возможности, это лучшим образом раскрывает Его человечеству. Скромность украшает, но скромность – это то, что регулирует горизонтальные отношения, человека с человеком, когда один не подавляется другим – в этом смысл скромности. Скромность никак не предполагает униженности кого-либо, только равенство между равными. Господство и подавление одного человека другим проистекает из иного источника, чем Бог и Его Путь.

Иоав выглядит вполне верующим и надеющимся на Бога, когда говорит другим командирам и воинам призыв быть твёрдыми и что Бог будет с ними. Кому-то может показаться, что он изменился с тех времён, когда убил соперника нечестным образом, устраняя конкурента под видом мести. Но это вряд ли, он говорит о Боге то, что принято в его народе, он как все, если Бог и Его путь находятся в обороте в обществе, он будет пользоваться этим, но с тем же успехом он бы жил и в любом другом окружении. Сам он не искал бы Бога, если бы там, где он жил, о Нём бы не знали... Но может быть и другое – верностью во всём, чём угодно Иоав мог рассчитывать покрыть своё преступление, думая, что не может же Бог не заметить, как он старается для Него. Те, кто думают подобным образом, трагически заблуждаются, стараясь закопать пусть даже и один грех под кучей добрых дел.

Иоав разделил свои отряды, взяв с собой лучших против сирийских наёмников, а остальных поручил брату, который должен был иметь дело с аммонитянами. Они условились о помощи друг другу в случае трудностей и начали бой. Иоав первый пошёл против сирийцев, и имел успех, те побежали от него. Аммонитяне, когда увидели, что их помощники поражены, поскорее ушли в город под защиту стен. На этом этот бой был выигран и войска израильтян вернулись с победой домой. Однако же, хотя аммонитяне больше не пытались в этом году что-то предпринять, они скорее думали что делать дальше, но сирийцы не могли смириться с поражением. Им не нравились успехи Давида и что в прошлом году их столкновения с ним они все проиграли. Сейчас в них взыграло желание взять реванш, поэтому Адраазар собрал себе войск везде где мог призвать себе на помощь, и они собрались в Еламе (вряд ли имеется в виду эламское царство, это далековато на восток, за Вавилоном, скорее это где-то в сирийских землях). Давид, узнав о их сборах и приготовлениях, кто-то известил его, не стал ждать, когда они придут на их землю, но сам возглавил армию и отправился навстречу объединённым сирийцам. Армии выстроились

друг против друга и началась битва. Опять Давид имел успех, одной лишь конницы у врага было поражено сорок тысяч, также их колесницы были разрушены. После этого все помогавшие Адраазару (это были подвластные ему города и области) заключили мир с Давидом, и после этого аммонитяне уже не могли рассчитывать на помощь с севера, сирийцы отказались помогать им, опасаясь последствий.

Через год или больше была захвачена столица аммонитян Равва, Иоав после длительной осады взял этого город, пригласив Давида для финального штурма, так что он взял с царя аммонитян его корону, красивую и весьма ценную. Эта страна впала в упадок после того, как израильская армия прошла по стране и разорила землю. Те, кто читают эту историю в Синодальном переводе, смущаются или возмущаются тем, что Давид "положил пленников под пилы, топоры и молотилки", а особенно тем, что "бросил в обжигательные печи", это и меня смущало тоже, хоть и враги, но как-то уж слишком это... Однако оригинал внёс поправки, и дело оказалось несколько (точнее совсем) иным, так что никакого геноцида аммонитян не было. Все эти орудия труда оказались именно орудиями труда, а не уничтожения, не случайно они тут упомянуты, Давид приставил пленных ко всем этим работам, они так увеличивали богатство Израиля, отрабатывая нанесённый ему ущерб.

Падение Давида

На следующий год (войны по общему обычаю не велись в разгар сельскохозяйственных работ) Давид послал армию довести дело с аммонитянами до конца (мы возвращаемся немного назад от предыдущей главы). Они проявили враждебность к Израилю, и теперь ничто не мешало воздать им должное. Они не воспользовались благоприятным временем, когда можно было принести извинения и откупиться от Давида, как-то загладить свою глупость, видя превосходство и силу тех, кого они рискнули оскорбить, так что никто не мог упрекнуть Давида за возмездие неразумным соседям.

Давид снова остался в Иерусалиме. Похоже, что он начал привыкать к тому, что всерьёз участвовать в сражениях ему уже не дадут и смирился с этим. У аммонитян война не выглядела серьёзной, помощников у них уже не было, так что факт, что он отсутствовал среди воинов, уже не создавал ему мысли, что его друзья живут среди опасностей, а он отдыхает тут. То, что у Израиля уже почти не осталось серьёзных соперников, его расслабило, он излишне успокоился, и это было не то успокоение, о котором он пел в своих песнях – "только в Боге покоится душа моя", сейчас он положился на свои успехи. В норме он должен был бдительно осматриваться вокруг, нет ли на горизонте новых опасностей, трезво, не фанатично – дай он себе заботу хотя бы помыслить в этом направлении, Бог через данные ему способности подбросил бы ощущение перспектив... Он ощущал себя ушедшим на покой, хотя в делах, не требующих молниеносной реакции и выносливости, он был всё тем же успешным и удачным. Свободное время обязывает к свершению многих других дел и поисков, на которые не хватало возможностей в годы забот и трудов. Давид мог заняться многим, его сын Соломон в этом показал лучший пример, занявшись хотя бы строительством и обустройством своей земли. Один из последующих царей занялся механикой и укрепил башни города метательными орудиями, другой поставил солнечные часы на площади Иерусалима. Можно было найти десятки достойнейших занятий, и у Давида многое бы получилось, и может быть даже он и собирался заняться чем-то из того, что не успевал раньше, но позволил себе сбиться немного с пути. Сначала это казалось ему несерьёзным, небольшим делом, но это разрушило его жизнь, и если бы только его личную жизнь.

С крыши своего дома он увидел купающуюся женщину, совершенные формы которой приковали его взгляд, с этого расстояния он заметил особое соответствие этой женщины самым лучшим ожиданиям, которые могли только быть о женщине. Будь это незамужняя девица по соседству, в этом бы не было преступления, у него стало бы на одну жену больше. Но он настолько за-

интересовался ею, что когда ему сказали, что это жена его ближайшего соратника и друга Урии Хеттея, ему было трудно остановиться. Он позволил себе пообщаться с ней, как бы просто поглядеть на эту красоту, но когда она была приведена к нему, то этого оказалось мало.

Он уже не был так молод как прежде, и вдруг увидел перед собой не просто красивую женщину, но именно свой идеал. До этого он набрал себе несколько жён их тех, кто привлекал его внимание, или кого навязывали советники, но среди них не было ни одной, кто действительно бы был полностью совместим с ним, полностью по душе, после кого больше не был бы нужен уже никто. Найдись такая, он бы уже не искал больше никого, и даже если бы ему навязывали кого-то ещё по политическим соображениям, они бы не могли занять место рядом с ним. Даже Авигея при всей её мудрости и красоте не могла сравниться с этой женщиной. Давид пропустил тему о совместимости мужчин и женщин, хотя в древние времена люди знали об этом больше, чем сегодня и вчера (эти знания иногда встречаются, но далеко не повсеместно, так что их можно считать потерянными уже давно), или не стремясь специально к построению своего дома по всем правилам и порядкам, которые Всевышний имеет для счастья человека, из-за того, что не стремился к обладанию женщинами – как успешный и удачливый человек он женился на тех, кто оказывался в зоне его внимания без особых стараний к поиску лучшего. Но сейчас пропущенное знание устроило ему сюрприз, и дьявол, знающий человеческую природу и её слабые места, готовил западню.

Когда она оказалась перед ним, он успокаивал себя мыслью, что хочет лишь поговорить, и собственно, он некоторое время проводил с ней приятные беседы. Но время шло, и ему не хотелось отпускать её, с ней было настолько легко и хорошо, как ни с кем и никогда до этого, он понимал и чувствовал её с полуслова, и видел, что с ней происходит то же самое. Рассказы и песни о любви и счастье, что ходит между людьми, редко передают тот потенциал взаимодействия, что Создатель заложил в человека. Многие ощущают отголоски этих возможностей, но позже легко это теряют, когда позволяют себе огрубеть, потерять остроту мышления и чувства, когда позволяют себе снизить стандарты должного и недолжного. Развращаясь в удовольствиях, позволяя себе вещи запретные, связь с идеальной парой разрушается. Многие даже избегают идеальных встреч, они налагают повышенные требования, думают, что удовлетворить себя могут в более простых и нетребовательных связях. Многие даже и не предполагают, что реальность может превосходить ожидания и мечты, они соглашались на брак с кем поближе, с кем спокойнее или привычнее, и потом оказываются в большой проблеме, когда вдруг перед ними оказывается та или тот, от одного взгляда на которую/которого получают больше, чем от полного контакта, даже бы и с "усилителями вкуса"... С Давидом сейчас произошло как раз подобное – имея несколько жён, он вдруг увидел, что ни одна из них, ни даже все вместе взятые, не могли дать ему и десятой доли того, что он имел от простого созерцания и разговора с этой Вирсавией.

Дело испортило мелькнувшая вдруг идея, что во всех других царствах, на которые прежде Израиль так завистливо глядел, царям можно больше, чем их подчинённым, что вожди не обязаны так строго придерживаться правил, что те, кто устанавливают правила, могут сами их вроде как безнаказанно нарушать и это даже вроде и не нарушение. Главное, что множество людей были вполне согласны с этим, что среди соседей, что в самом Израиле. И вот сейчас такая идея соблазняла Давида, который прежде не сталкивался с таким искушением – он действительно в контакте с Богом не испытывал столь явных искушений, будучи привычно воздержанным и верным человеком. Его повело не примитивное желание, не само по себе удовольствие тела, как у обычного бабника, но именно полная гармония и возвышенный контакт. Будь у него простое желание женщины, для этого хватило бы тех жён, что он уже имел. Нет, в том комплексе ощущений, что он испытывал сейчас, присутствовало и это, Вирсавию он пригласил к себе именно оттого, что увидел её (тогда он ещё не знал, что она несвободна), но в её присутствии он обрёл прежде небывалое. В общем, он должен бы был отпустить её с миром и при этом сильно извиниться,

но не сделал этого – в его изначальным настрое привести её к себе всё же возникла и шальная нота, и вызвав её к себе, он встал на скользкую дорожку. Вирсавия не была соблазнительницей, но мирной по характеру и неконфликтной. На её месте подобная Авигее нашла бы нужные слова, чтобы поставить Давиду разум на место, вправить его немного, но Вирсавия была из другого теста. Полная совместимость подвела и её, она поддавалась влиянию обстановки, не воспротивилась с самого начала и поддалась искушению, как и Давид. Иногда бывает, что об очень уважаемом человеке думают, что он не может совершить ничего плохого и предосудительного, и до последнего его жертве кажется, что происходит что-то невинное, что это ещё не проблема, не грех. Поэтому строго судить Вирсавию я не могу, вина лежит на Давиде, заговорившем её и очаровавшем. Явно, что Урия женился совсем недавно, и Давид не успел познакомиться с его женой (или же знал о них, но не ожидал, что Вирсавия так расцвела). В то же время, очень вероятно, с самой Вирсавией он должен был быть знаком, она была внучкой его советника и близкого друга – Ахитофела. Она лишь недавно достигла возраста замужества и сразу была пристроена в очень близкий круг Давида, была выдана замуж за одного из тридцати близких соратников Давида, начинавших с ним ещё со времени его бегства от Саула, если не ещё раньше. Сын Ахитофела Елиам был также один из тридцати главных. Поэтому у них было немало предметов для разговора, поэтому она пришла без опаски и задней мысли. И, кажется, именно за неё, за её позор мстил Ахитофел, поддержав потом Авессалома, сына Давида, в его мятеже.

Через несколько дней Вирсавия вернулась к себе в дом, и ещё через небольшое время послала Давиду известие, что она беременна. Давид ощутил себя в ловушке, в такой, в какой не был ещё никогда. Когда он был на волосок от того, чтобы быть схваченным Саулом, его охранял Бог, но теперь Бог не мог ему помочь, Давид это ясно понимал, ни с какими просьбами о том, чтобы избежать проблем, он не мог обратиться к Нему, молитвы в этих случаях не могут возноситься к Тому, кто изрёк некогда седьмую заповедь.

Падение Давида для некоторых почему-то служит оправданием для их нарушений закона, но эти люди исповедуют бессмыслицу. Им почему-то кажется, что Давид вышел сухим из воды, что он легко отделался, но они ослеплены так же, как был ослеплён сам Давид в тот момент. Часто до нарушения заповеди человеку кажется, что тяжесть нарушения вовсе незначительна, что это такая мелочь, что не стоит и внимания. Но "после" эта мелочь вдруг оказывается горой, которую не преодолеть никак и ничем, за которой начинается деградация и упадок. Ни заповедь, ни её нарушение не являются мелкими и незначимыми, это всегда темы смерти и жизни. Есть только эмоции по этому поводу при отключённом разуме, когда это кажется мелким и не стоящим внимания. Они говорят, что Давид был "человеком по сердцу Бога", и он сотворил два серьёзнейших греха. Но это не совсем так – когда Давид был по сердцу Богу, то он и действовал в рамках справедливости и добра, поэтому и был Ему по нраву. Но сделал то, что Богу не могло нравиться, он выпал из обоймы, он попал под наказания, практически под репрессии, долгие и методичные... Если до этого Давид имел успех во всём, что делал, то после своего падения он потерял влияние на народ как Божий человек, влияние на сыновей также сильно уменьшилось, и трое из его старших сыновей создали ему очень много проблем, его благополучие прекратилось. Может быть эти люди слишком коротко смотрят – на первый год после этих двух преступлений? Тогда не было как будто никаких наказаний, но и этот год отражён в песнях Давида как год потери, он потерял всё, что имел в духовной сфере, всё чем жил в Боге, все те радости, что всю жизнь сопровождали его. А потом начались и более осязаемые беды. Мало кто хотел бы получить столько возмездия, сколько досталось Давиду.

Поначалу Давиду казалось, что из проблемы выйти несложно. Он послал к Иоаву, который с армией осаждал столицу Аммонитян, чтобы тот послал Урию в Иерусалим, что Иоав и выпол-

нил. Время от времени он посылал донесения царю, так что в этот раз это дело было поручено Урии. Давид принял его, распросил о всех обстоятельствах осады Раввы, также устроил небольшой пир, на котором было также немало вина. Затем он отпустил гостя домой, чтобы он отдохнул перед возвращением из этой командировки. За Урией следом слуги понесли блюда с едой к нему домой, однако здесь дела вдруг пошли не как ожидалось. Урия не пошёл домой, но в казармы при городских воротах, где несли службу воины охраны. Это было неожиданно, Урия был очень прямым человеком, как многие говорят человеком чести. Когда на следующий день Давид спросил его, почему он не был дома, тот ответил, что не может наслаждаться жизнью, когда его боевые товарищи находятся в полевых условиях, да ещё в опасности на войне. Это было не в принципах боевого братства, и Давида сильно укололо это, он-то почему-то забыл об этом, за спиной верного друга покусился на его драгоценность, в сохранности которой он даже не мог усомниться. Давид надеялся, что проведя ночь с женой Урия не будет иметь вопросов, чей ребёнок у него потом родится. Давид продолжил попытки прикрыть себя, устроив ещё один пир, но на этот раз попытался напоить Урию допьяна, лишь бы только он попал к себе в дом, и даже если не будет помнить ничего, уже не сможет сказать или подумать ничего ненужного. Но как ни был пьян Урия, его принципы оказались сильнее, и он снова не пошёл домой даже в почти бессознательном состоянии, снова он ночевал в казарме при воротах.

Давид был в панике, просить Бога о помощи он не мог, Урия своей верностью и принципиальностью поломал его план. Тогда пришлось со всем сожалением о верном друге пойти на плохое решение проблемы.

Давид пытался обезопасить себя. Другие в таких случаях жертвуют собой, не стесняются давать ответ за сделанное, пусть и приходится опускать голову и стыдиться глядеть людям в глаза. Но это честно, это исправление, хоть какое-то выправление, если не дела, то хотя бы себя, сохранение честного имени, что ты всё же имеешь принципы, хотя и сделал что-то плохое. Но поскольку это не типично для тебя, то ты идёшь на бесславие, пусть другие узнают, но зато ты честен и стоишь на дороге исправления. Ты ценишь свои принципы, и ошибка или нарушение выходят нетипичным для тебя делом, временным отклонением, как бы тяжким оно не было. Ты можешь потерпеть ущерб, даже большой, но сохраняешь характер, душу, сердце. Может быть тебя даже не простят, но есть те, кто делает то, что правильно, лишь потому, что это правильно. И они не проиграют, по любому не проиграют. Те же, кто выберут иное, теряют свой прежний путь и характер. Разве что кто-то может посчитать, что он лишь скроет один поступок от людей, но он будет продолжать делать то же, что и раньше. В каких-то случаях это работает, думаю, что работает. Человек отвечает перед собой честно и жёстко, говорит себе правду, лишь другим не раскрывает всего. Если не задеты другие люди, наверное, так даже нормально. Но в делах Давида были другие люди, слуги, знавшие многое или даже всё, пусть и не задающие вопросов и не собирающиеся распространять слухи. Есть дела, которые сами по себе обладают мощным влиянием, ведь характер состоит из всех наших выборов, сделанных и делаемых нами. Есть поступки, после которых не остаёшься таким, каким был до него. Это верно и в сторону добра, и в сторону зла. Сделанное Давидом было из таких, он решился убить друга, вместо того, чтобы понести ответ перед ним, признаться и подставить склонённую голову. Пусть дело и было скверным, но Урия скорее по своему благородству простил бы его, чем отомстил бы, убив (хотя трудно судить наверняка). Такой поступок уже был бы по характеру Урии и многих других сильных и верных его воинов, был бы понятен им, если не само преступление, то раскаяние и честность приветствовались бы. И Бог мог бы снова начать помогать в этой ситуации, но Давид, поначалу посчитавший, что дело не стоит щепетильности и принципиальности, после

того как переступил черту, попал в другую крайность, когда сделанное оказалось вдруг намного тяжелее, чем оно казалось вначале.

Наверное, он жалел друга, не хотел этого делать, однако за себя он переживал больше. Так что на следующий день Урия получил письмо, которое он должен был передать Иоаву. Как верный человек Урия и не думал заглядывать в него и принёс его кому оно было адресовано. Давид же писал, чтобы Урию поставили в опасном месте и в тяжёлый момент чтобы он был оставлен. Прежде Иоав имел некоторые проблемы, своего рода хвост из прошлого, за которые он не расплатился – убийство Авенира, он знал, что для Давида то было преступлением и что рано или поздно Давид спросит с него за это. Давид ясно дал понять в кругу друзей, что пока он не может наказать его, потому что ощущал себя слабым политически перед своими родственниками и князьями кланов. Как раз сейчас это укрепление Давида происходило, и Иоав иной раз ощущал холодок, предвидя трудный разговор, который окончится нехорошо для него. Но получив это письмо, он понял, что это его спасение, если это слово можно употреблять в этом случае. Он без малейших сомнений организовал нужных людей рядом с Урией, хотя это расширяло круг посвящённых. Хотя может быть, что специальные люди не понадобились, достаточно было поймать момент, когда Урия был завязан в схватке, и дать команду отойти, и остальные послушались приказа отступить от стен города, а Урия остался. Было легко сказать, что Иоав не видел, что Урия связан боем, и особо никто бы не сомневался, только вот потом, когда по городу поползли слухи, кто-то мог легко связать эти события. После этого Иоав с очередным отчётом послал царю известия, что в одной из атак погиб один из тридцатки сильных, и он почему-то так инструктирует посыльного, что в его словах звучит многозначительный намёк Давиду, что он теперь обязан ему, и к тому же его дела могут быть раскрыты другим. Посыльному совсем нетрудно догадаться, что дело нечисто – ему говорят, чтобы сначала он сказал о неудаче, когда у стен Раввы погибло несколько человек, а затем, когда Давид рассердится, добавить, что Урия тоже погиб среди них. Этот человек оказывался замешанным в тайну, и это также было намёком Давиду, что дело трудно хранить в секрете, и надо быть покладистым, чтобы и в самом деле не начались лишние разговоры, так Иоав пытался обеспечить себе будущее. Правда посыльный не построил свой отчёт Давиду по двухэтапному плану Иоава, а выдал всё сразу. Видимо ему не понравилось предупреждение Иоава, что царь может рассердиться из-за гибели нескольких воинов, и поэтому он сразу озвучил, что погиб и Урия Хеттей, явным образом подчеркнув это "и", так что Давид прекрасно понял, что Иоав теперь будет держать его в своих руках или шантажировать. Выглядит так, что Давид отнёсся к этому известию равнодушно (он боялся выдать себя, он делал такое в первый раз, при этом его сильно задел намёк вестового, что вместе с теми погиб ТАКЖЕ И Урия, он сейчас видел, что Иоава он уже не сможет наказать, видел его торжество), он передал Иоаву ободрение, равно как и вестовому, чтобы они не разочаровывались, ибо это война, где меч собирает свою жатву.

Почему Давид оказался вдруг ослабленным в духовности, куда делась его прежняя тяга к контакту с Живым Богом? Это вещи того же порядка, что и причина его оставки от воинских дел – в ослаблении общего здоровья и всего с ним связанного. Будь он в это время моложе, случись с ним это искушение в районе его тридцати, он бы просто не стал звать к себе Вирсавию, и все мысли после того, как он увидел бы её обнажённой, легко были бы, если не сразу, забыты, вскорости от них бы всё равно ничего не осталось. Когда слабеет здоровье, то и мозг работает не так эффективно как прежде, это простой закон нашего физического устройства. Хочу ли я тут сказать, что Давид не виноват? Нет, также как пьяный человек отягчает свой приговор тем, что был пьян, так и начинающий болеть, слабеет умом и терять чуткость и духовность должен вдвое строже следить за своим поведением, равно как и принять меры по поддержке физической формы. Один из моих знакомых некогда решил поэксперименти-

ровать с крепкими напитками, и уверял меня, что его разум столь же крепок, как и до экспериментов. Со стороны было хорошо видно, что это совершенно не так, но его самоощущения уверяли его, что он всё тот же. Но это тот же случай, что и приспособление зрения к темной комнате, когда субъективно воспринимается, что освещённость изменилась очень немного. Это нетрудно продемонстрировать человеку, если попросить его решить задачу привычной для него сложности. После интоксикации алкоголем её решение займёт существенно больше времени, но в то время я по излишней деликатности оставил его при своём мнении, что с моей стороны было большим упущением. Чувствительность к вещам высшего порядка требует соответствующей активности мозга, и если человек не бережёт своё здоровье, а Давид в те времена не то, чтобы был нерадивым, он скорее не знал законов здоровья, он будет терять то, что имеет. Он дорожил Богом и Его миром, и сохраняя он первоначальный настрой, сколько бы ещё открытий было совершено им и его окружением, в том числе в области здоровья и целительства. Но, к сожалению, неумеренность царского образа жизни, пусть и невеликая, не была ничем компенсирована и исправлена, и его как тела, так и мозга, активность и силы, были подорваны. Результат – потеря бдительности, чувствительности и, в большой степени из-за этого, самообладания. Дьявол знал, что питание и образ жизни есть слабое место человека, а Давид и остальные – нет. Могут ещё спросить, а что Бог – почему бы Ему было не сообщить столь важные вещи своему любимчику? Но эти принципы уже были даны в уроках закона Моисея и истории – уроки с мясом в пустыне, когда Бог его дал в первый раз, в другой раз устроил с его помощью наказание, для многих смертельное и почти для всех очень памятное, а в целом сорок лет он кормил евреев вегетарианской манной (это не значит, что мяса у них не было время от времени, практически у всех были стада), от которой они сохраняли крепкое здоровье все годы странствий. Сам факт, что собирали её мерой, а не в неограниченном количестве, уже был уроком. Если люди не хотели это замечать, это было ленью и глупостью и их проблемой. Имею некоторые основания считать, что и Самуил в его школе пророков держал учеников далеко не в роскоши, и преподавал это едва ли не в обязательном порядке, но Давид не был у него сколь-нибудь долгое время, и это было также его большой потерей, когда он раньше времени покинул школу Самуила, убегая от Саула. Так что для того, чтобы быть умеренным, особенно с мясом, у Давида уже были основания. Будь он послушным и внимательным с этим, то были бы даны следующие уроки, уже более подробные. Когда человеку даются правила, то сначала проверяется его принципиальность и, если хотите, послушание, ведь человек не живёт в вакууме сразу сознательный и способный сам справиться со всеми вызовами жизни – сначала его воспитывают родители и учителя. Тот, кто задаёт вопросы, тот и получает на них ответы, а то и сам отыскивает и раскрывает их, но тот, у кого вопросов нет, вряд ли будет что-то иметь. А непослушный может лишиться всего вообще. Родители должны по идее иметь цель, чтобы дети стали не просто большими, но чтобы они осуществили свой потенциал, раскрывали его, а он очень и очень обширный. Человек, выбирающий быть ограниченным сам или ограниченный кем-то извне в выборе, живущий примитивно, разрушает замыслы Творца, и будет отвечать он или повлиявший на него за это по самой высокой ставке.

Вирсавия, получив известие о смерти мужа, была в трауре. Её чистота и безмятежность прежней жизни были подорваны. Хотя Давид был ей дорог, случившееся было трагедией, Урию она глубоко уважала и никак не желала быть впутанной в игры крови и смерти. Но вернуть сделанное невозможно, и по прошествии времени Давид взял её в свой дом. О слухах и пересудах Библия не рассказывает, возможно, что в то время лишь очень узкий круг людей знал о преступ-

лении Давида, однако уже то, что они знали об этом, было для Давида невыносимым – он знал, что в их глазах он уже не был святым, и он уже не мог в их присутствии говорить о Боге, не мог петь своих песен, посвящённых Богу, зная, что кто-то слушает их и не видит у него единства слова и дела... Позже в одном из псалмов он описывает это время, которое прожил без Бога – "когда я молчал, мои кости износились и обветшали от повседневного стога; ... моя свежесть исчезла, как в летнюю засуху"¹⁸. Как и любой согрешивший, он боялся света, не желал поглядеть на себя, кем и чем он стал, играл роль прежнего Давида и упрямо пытался вообразить, что у него всё по-прежнему. Примерно год длилось это его состояние, точнее около девяти месяцев. К моменту рождения ребёнка от Вирсавии он всё же не выдержал мук совести, да и Бог немного помог ему, и он назвал вещи своими именами и признал себя виновным. В этом ему помог его друг, пророк Нафан. Возможно, что он не знал, что творится с царём, почему он избегает всех прежних друзей, почему меньше общается, прячется от компаний, реже бывает в храме, тогда как прежде весело пел – "Я обрадовался, когда мне сказали – пойдём в дом Сущего". Многим кажется, что описание сделанного Давидом остаётся просто описанием, они возмущаются этим, и высказывают претензии Богу Давида, не осуждающего Своего любимчика, как будто некоторым вполне можно всё и им за это ничего не будет. Однако же в конце одиннадцатой главы пророк, записавший те события, оставил короткое послесловие – "И было это дело, которое сделал Давид, злом в глазах Сущего". Даже бы если его не было, для оценки поступков людей уже существует Закон, и этого уже вполне достаточно, чтобы знать, как Бог оценивает дела людей, сколько бы заслуженными они не были. Это те статьи, по которым будет измеряться всё в жизни каждого, и нет ни одного, освобождённого от ответственности. И пример Давида показывает весьма ясно, что он никак не остался без внимания Всевышнего. Все последующие главы показывают, сколько Давиду досталось за Урию и Вирсавию, и почему критики Бога и Давида не связывают одиннадцатую и последующие главы, я просто не понимаю. Если они хотят оправдать какие-то свои дела падением Давида, то готовы ли они и платить также, как он? Очень бы не советовал этого делать.

Восстановление и последствия

Спустя время сын Давида и Вирсавии Соломон сказал весьма важную вещь о седьмой заповеди, когда она нарушается с замужней женщиной – "никто из вошедших к ней (к чужой жене) не возвращается и не вступает на Путь Жизни"¹⁹. Пожалуй, если бы Давид был склонен к этому и это было привычным его состоянием, если бы его падение с чужой женой было планируемым, то и с ним могло бы случиться то же. Не то, чтобы я оправдываю его случай, но всё же это было для него совсем нетипично и это искушение захватило его врасплох. Обычно он ценил Бога, Он для него был столь же реален, как и его друзья и родители, он знал Его личные особенности, для этого необязательно видеть Его лицо, без Него он ощущал себя лишённым чего-то, так что искал Его общения, его песни демонстрируют это многократно. В Его присутствии всякие отклонения просто не могут возникать, поэтому понадобилось немалое изменение в физическом состоянии Давида, когда он незаметно ослаб и не смог различить, что он удалился от Бога и не ощутил Его отсутствия рядом. Когда он остался один, то стали возможны искушения и соблазны. Подобное имело место и в его молодости, но он успевал замечать, что чего-то привычного не хватает, а сейчас притупил бдительность. Оказавшись потерянным, он на некоторое время в самом деле потерял всё достигнутое на Пути, но не знал, как это вернуть, слова Соломона это как раз и описывают. Сам по себе Давид не мог вернуться к Богу никак, я имею в виду что если бы он хотел вернуться, он не мог вернуть себе близость к Богу. Он мог и должен был искать Его, но сам создать себе покой или праведность не мог никак. Ищущий находит не потому, что такой удачливый, а потому, что Тот, кого ищут, Сам ожидает их и готов ответить на зов. Может

18 Пс.31

19 Пр.2,19

быть Давид и хотел вернуться к Богу, но для этого одно условие всё же существовало – он должен был отказаться от сделанного, в смысле признаться, что был неправ. Слишком часто сделавшие неправду хотят считать себя правыми, не хотят пройти через самоотречение. Это воспринимается ими чем-то подобным смерти, в чём есть большая доля истины. Это и держит согрешившего в плену его вины и нарушения.

Наступил момент, когда Бог сказал Нафану, чтобы он пошёл к Давиду и сказал ему нужные слова. Раньше они могли подействовать не так, как надо, Давид, не созрев, мог отнестись к обличителю совершенно по другому, так, как зло, захватившее человека, часто диктует ему поступать – уходить в несознанку, изображать оскорблённую невинность, или как бывает с высокопоставленными или просто сильными людьми, закрыть рот берущему на себя слишком много. В этот момент их сын с Вирсавией уже родился, и для Давида вопросы будущего становились более актуальны, чем до этого, присутствие ребёнка оживляло его душу и давало шанс на восстановление. Несмотря на то, что без Бога Давид ощущал себя некомфортно, но в то же время он не видел никакого выхода из этой потерянности, теперь же в нём зрело понимание, что без Бога, Который может отказаться с ним иметь дела, не только он сам и его дети, но и вся страна может разрушиться или подвергнуться наказаниям. Ему не хотелось примерять на себя шкуру Саула, это он временами ощущал очень явственно – сейчас он был ничем не лучше, чем он.

Итак, к Давиду пришёл Нафан, это был один из его близких друзей, и не говоря Давиду ничего о том, что его послал Бог, а как бы с обычным разговором, стал рассказывать ему как бы один из случаев из жизни, который недавно случился. В одном городе жил богатый человек, имевший много скота. Рядом там же жил бедный человек, у которого выросла в доме одна овца, бывшая скорее домашним любимцем, чем источником шерсти и молока. Она ела из его тарелки и пила из той же чаши, что и он, и была для него как дочь (те, кто ханжески запрещают детям водить близкую компанию с котами и собаками здесь получают жёсткое предупреждение не делать этого). К богатому человеку как-то пришёл гость, и вот этот богач вдруг пожалел делиться своим добром с гостем, но забрал у бедняка (явно своего должника) его овечку и приготовил её для гостя.

Давид, в котором вдруг включилась его обычная натура, был захвачен рассказом, и такая жестокая несправедливость возмутила его до глубины души. Он вынес своё определение по этому случаю, что тот богатый человек достоин смерти. Правда, всё же за овцу люди не несли смертельного наказания, не по закону это было, поэтому сентенция о смерти была лишь пожеланием, но не приговором, приговор он вынес в следующей фразе – за овцу он должен заплатить вчетверо. По закону штраф составлял "пятую часть" цены отнятого животного, то есть двадцать процентов (с возмещением цены за саму овцу, разумеется), но за отсутствие сочувствия, за жестокость поступка, обиду, оскорбление, унижение, за слёзы по дорогому существу Давид добавил гораздо больше. И в этот самый момент, едва Давид произнёс свой суд на такой возмутительный и бессердечный поступок, он услышал другой приговор, исходящий от друга – "это ты". В нём молнией сверкнули возможные реакции, но самой пронзительной была мысль, что это ведь полная правда – страдания бедняка, которым Урия вроде никак не был, но у него была лишь одна дорогая для него девушка мечты, с которой он был давно знаком и которую он долго ждал, пока она вырастет и её отдадут за него, затем он – богач, у которого было к его услугам до десятка жён. Глаза и лицо Вирсавии – кроткие, не смевшие противиться, но не бывшие полностью счастливыми из-за свершающихся, смеющихся делаться неправильных, недолжных вещей, оплакивание Урии и тем не менее с добром глядящие на него, убившего её мужа, сейчас терзали его, раньше же он не давал себе воли подумать об этом ни на секунду. То, что мешало ему осознать отвратительность и негодность сделанного им, куда-то делось, и он остался один со своим безумием, с несправедливостью, которую он не принимал в других, которой раньше не было места в нём, кем он и в кошмаре не мог себя представить. И это ты сам, Давид? Он осознавал, что мог поступить с

Нафаном как Саул, но он не хотел, хватило и того, во что уже попал. Умножать грехи ему не хотелось, поступать как с Урией с другими означало потерять всех – нет, ему нужны были друзья, как прежде, чтобы и Бог был с ним, без них, без добра между всеми, без весёлого общения он не мог. Пусть уж лучше он выпадет из жизни, но чтобы жизнь продолжалась. Он был готов взглянуть правде в глаза, и он сделал это – "Я виноват перед Суццим".

Когда Нафан сказал "ты тот человек", он продолжил уже как пророк, передавая от имени Бога Его претензии к Давиду. Это был первый случай за долгое время, когда Бог заговорил с ним снова. И это тоже обнадёживало, что он может быть восстановлен. Нафан передал отношение Бога к сделанному Давидом – Бог дал ему царство, Давид имел право забрать жён Саула (правда, этим он как будто не воспользовался), и мог дать намного больше, чем это, но Давид зачем-то сделал зло, забрав жену у своего друга и самого его убил мечём врагов. За такие поступки, передал Нафан, у Давида теперь будут войны, мир и спокойствие не будут у него постоянными. И не только у Давида, но и у его потомков будут проблемы с врагами. За жену друга и соратника Бог обещал, что его собственные жёны пройдут через позор, когда к ним войдёт чужой человек перед глазами всех израильтян... Давид вынес это всё, он понимал, что если бы он хотя бы раньше пришёл с раскаянием, то его наказание могло бы быть легче, с не столь тяжкими последствиями для потомков, своим промедлением и откладыванием он устроил проблемы на века вперёд... Для кого другого, но для него всё это было, по нашему говоря, непростительно. Можно понять одно падение, хоть и с большим трудом, но оставаться лежать в грязи после этого уж никак не то, чего от него ожидали.

После того, как Давид признал свою виноватость, Нафан сообщил вердикт по его делу – "ты не умрёшь". Фактически, всё это время Давид ходил на грани, он, возможно, и сам ощущал, что дела его плохи, хотя в то же время, похоже, и смирился с этим где-то в душе. Многим в самом деле легче долгое время тянуть с признанием, всё отрицать, и потом разом решить все проблемы, получив удар меча или иную казнь, зная, что когда-то всё раскроется и его призовут к ответу, только не проходить через стыд разоблачения. Бог видит эти игры человеческого хитроумия, как человек изобретает худшие схемы уклонения от Пути и от всего правильного и верного, и с Давидом не спешил выводить его на чистую воду, выдерживая его в его собственном соку, давая возможность насытиться до предела, чтобы ему стало тошно от себя самого, и это у Него вполне получилось. Но в последний момент, когда пришло открытое обличение, Давид выдержал решающее испытание, он не ожесточил себя, не отверг протянутой руки, требующей лишь признания вины. Он обнаружил, что это вполне возможно – признаться, и что он мог сделать это раньше, чего бы это не стоило. Сейчас, когда ему сказали, что он не умрёт, он понимал, что единственный момент истины в течении пары секунд определил его судьбу, и малейшая кривизна душой в испытующей момент стоила бы ему жизни. Как и судьба его потомков была бы потеряна – то, что Бог обещал верным его внукам и правнукам, было бы отнято назад, многие обещания Бога обусловлены именно верностью. За верность они даются, и верностью обеспечиваются. Измена Богу влечёт и отмену тех наград, чтобы были даны. Это в принципе то же самое, что и дар от России земель образуемым советским республикам на условиях, достаточно чётко выраженным – "в знак верной и нерушимой дружбы". Измена и отречение от союза с ней влечёт и потерю тех даров...

Нафан добавил, что поскольку Давид своими делами дал немало поводов врагам Бога злословить Его, то его сын, родившийся недавно, умрёт. Давиду было легче умереть самому, но не он определял участь живущих. Терять ребёнка ему было очень больно, намного легче, чем со стороны видеть болезнь и страдания сына. Часто наша собственная боль воспринимается достаточно обыденно, но боль близких влияет на нас намного хуже нашей собственной. Это лежит в основе самопожертвования многих людей, отдающих свои жизни за любимых и дорогих им людей, а в высших озарениях – и за незнакомых, за свой народ и страну. Это героизм – когда стра-

дания других ценятся выше своих собственных. Конечно, в отношении незнакомых людей часто это не работает, это описывается поговоркой о своей рубашке, что ближе к телу, но на то и сознательность, что поднимает человека, чтобы он посмотрел выше и шире, чтобы уравнил другого с собой. Те, кто всерьёз считают, что о чужих заботиться глупо, что только своё "я" обладает ценностью и переживать стоит только о себе, развиты недостаточно, объём мышления их просто физически более узкий. Воспитатели и родители здесь могли бы добиться намного больших успехов в преобразовании человечества...

Давид пытался спасти сына, и как мог, делал для этого всё. Он постился, точнее просто не мог есть, молил Бога днями и ночами, не ожидая результата, но только надеясь, что найдётся какой-то способ разрешить ситуацию иначе. Неделю длилась болезнь сына, и эту неделю Давид боролся с Богом. Со стороны это выглядело несколько пугающе, так что старейшины, пришедшие сказать Давиду, что его сын умер, боялись подойти к нему. Между собой они говорили – "если он так расстраивается из-за болезни ребёнка, то как он поведёт себя, узнав о его смерти?" Пример беснующегося Саула был многим известен, кто-то мог даже видеть это, и люди опасались попасть под горячую руку. Здесь не было принято диких обычаев наказывать вестника горя, но всё равно люди опасались, зло пускало корни везде...

Давид почувствовал, что люди опасаются его поведения, и понял, что у них есть новости, которые они не знают как сказать. Он со своего места, где лежал, спросил своих слуг – "ребёнок умер?" Те ответили, почувствовав, что с ним можно нормально говорить, его тон не был угрожающим или безумным, но спокойным и усталым. Получив ответ, Давид поднялся с земли, умылся, сменил одежду, привёл себя в порядок, и потребовал еды. У людей было несколько иное представление о нормальности, и Давид удивлял их, и некоторые не удержались от вопроса – "Что это значит, что когда ребёнок был жив, ты постился и переживал, а когда он умер, ты успокоился и ешь хлеб?" Ответ Давида поразил их, хотя для сегодняшнего времени это гораздо ближе духу и обычаям большинства, по крайней мере людей западной культуры. Он сказал, что пока ребёнок болел, он пытался вымолить его жизнь, поэтому и постился и плакал, а теперь его нет, и он не может вернуть сына, более того, он пойдёт туда, где сын, а не наоборот. Пока сын был жив, была надежда, а теперь, когда слёзы выплаканы, зачем их выжимать из-за обычая? Давид не боялся нарушить общепринятые вещи, которые не являлись правилами жизни, но скорее нормой привычного, и если обстоятельства выходят за пределы привычного, то нет особого смысла делать, как делает большинство. Иногда течение обстоятельств выходит за рамки опыта большинства, и важно следовать логике событий и обстоятельств, следование же обычаям, сложившимся в условиях привычных большинству, было бы как раз неадекватно конкретной ситуации отдельного человека. Даже в этом тяжёлом случае Давид служил примером здравого смысла для народа, учил Израиль жизненным истинам, преобладанию разума над инерцией привычки.

После всего этого, как ни печально было падение Давида, жизнь продолжала своё течение, и нужно было дальше продвигаться самому и вести порученный ему народ. Если уж выжил и поднялся, снова берись за дело и веди своих людей, куда тебе поручено. Вирсавия оставалась с Давидом, и он ценил её больше всех других своих жён. Он немало заплатил за падение, и впереди были ещё проблемы. Но сейчас у него родился ещё один сын, и уже ничто не мешало тому, что этому ребёнку, где сошлись в высшей гармонии родственные души, достались богатые дары. В Соломоне Бог хотел показать, что ожидает человечество, если бы оно во всём шло здоровыми дорогами. Люди должны были подходить друг другу, все остальные соображения имели вспомогательный, но не решающий характер. Одно это могло бы внести больше мира и устройства в жизнь семей и их совокупности, общества, вести к вершинам процветания, что материального, что духовного. Пишущий эту летопись пророк отметил, что этого мальчика особо полюбил Бог, наделивший его пронизательностью и особым складом ума, впоследствии раскрывшемуся в мудрости, которая опиралась на фундамент более основательный, чем человеческая природа

(хотя гармония родителей внесла тоже весьма существенный вклад в это). Давид поклялся Вирсавии, что её сын будет царём после него, хотя он был если не последний из сыновей, то один из младших.

Проблемы с сыновьями. Возмездие

Амнон

Давид был восстановлен, его контакт с Богом снова был рабочим, но только Давид уже не мог радоваться как прежде. Сейчас, после такого падения, он был неуверен в себе, вспоминая как легко он попал в совершенно иное состояние, в котором делал зло, ему было очень неудобно. Что может сохранить его от повторения того состояния? Раньше он не представлял себе, что такое возможно, он с лёгкостью говорил то, что многим не повторить – "Ты испытал меня ночью, и ничего не нашёл", или "дело недоброе не прилипнет ко мне". С такой неуверенностью он уже не мог учить других, не ощущал себя примером. Он стал удаляться от людей, но хуже всего то, что его дети оказались без отцовского глаза. Несколько самых старших из-за этого теряли ориентиры, и с ними возникли большие проблемы, вышедшие потом за пределы царского дома, возмущившие всю страну.

Самым старшим был Амнон. По всем правилам, если только не особая воля отца или какие-то серьёзные проступки, он бы должен был стать следующим царём. Отсутствие отца, ощущение Давидом своего недостойнства после падения, неуверенность, что он может давать теперь какой-то пример, парализовали его, так что Амнон вообразил себя первым после Давида. Хотя вначале, похоже, он ничего плохого не замышлял, ему всего лишь не хватало разумной подсказки, и могло вообще ничего не случиться. Но беда пришла издалека – он вдруг влюбился в свою сестру. Давным-давно было запрещены родственные браки специальным указанием свыше, но он позволил себе (может быть он и не мог избавиться от этого наваждения сам, но с помощью других это всё ушло бы, ведь оно и в самом деле позже ушло) иметь эту страсть. Его зацепило в самом деле сильно, он даже начал худеть из-за чувств к сестре Авессаломе, у него и у неё были разные матери. Зная о невозможности получить её себе в жёны он не знал, что делать, но ни к кому не обращался, а зря. В это время к его услугам могли быть призваны самые могущественные силы вселенной, но он то ли не догадался, то ли избегал говорить об этом, предпочитая страдать вдали от всех. Рядом с ним был один человек, родственник по имени Иоанадав, который был весьма умён, но очень себе на уме. Он не собирался применять свой талант для блага других, и из проблемы Амнона он пытался выгадать что-то себе, а то и просто хотел поставить эксперимент, насколько можно влиять на дом царя. Кажется, он даже разработал многоходовку с целью войти в круг первых лиц государства, и был не так уж далёк от успеха.

Он подкатил к Амнону с вопросом – "что-то ты это хуеешь с каждым днём, сын царя?" Амнон не видел подвоха, и поделился наконец с человеком, который хоть как-то посочувствовал ему. Иоанадав же, поступил буквально по сатанистским рецептам – вместо того, чтобы помочь с тем, чтобы уменьшить зло, дать здравый совет, он подтолкнул падающего. Сам он остался в тени, никто не знал, что это он дал убийственный совет двоюродному брату. Он посоветовал ему не как избавиться от ненужной и неразумной страсти, овладевшей им, а как её удовлетворить, уверив его, что ему ничего не будет... Что это внесёт в дом Давида беду, по крайней мере для Фамари, он ничего не сказал, и не навёл на размышления. Но ведь у Фамари очень сильный и влиятельный брат – как он воспримет бесчестье своей сестры? – нет, не слышали, не говорили, не подумали... Хотя может быть и подумали, особенно Иоанадав, но ему-то это могло быть выгодно, чтобы посеяв междуусобицу, расчистить место для себя при дворе, и может быть даже с дальним прицелом на царское положение в будущем. Амнон же как первенец мог считать, что вторые и третьи ему ничего уже не могут сделать, да и Иоанадав мог успокаивать его этим. Так что завтрашний день его не волновал.

Итак он притворился больным, и когда об этом узнал Давид, он пришёл посетить сына, тот и в самом деле выглядел похудевшим, много притворяться не было нужно. Почему-то Давид не посчитал странным лекарство, которого попросил "больной", чтобы его сестра пришла и сготовила ему и покормила со своих рук. Он не придавал этому значения, хотя должен бы был, хотя бы спросить нужно было и в ответе Амнона он бы мог заметить недобрые движения эмоций. Но упустил. Так что собственными руками отец отправил сестру Авессалома к нему, удовлетворяя его странную прихоть. Фамарь сделала то, о чём её просили отец и брат, но когда она подала еду Амнону, тот сначала удалил всех из своей комнаты, а затем потребовал, чтобы она легла с ним. Она, естественно, вообще не ожидала таких подходов, и не представляла, как можно подчиниться этому, но он схватил её и требовал покорности своим желаниям. Она пыталась образумить его, ссылаясь на обычаи и законы, уговаривала его хотя бы вести дело так, как положено – со сватовством и подарками, сговором и обручением (зная, что это будет отвергнуто на корню всеми), но он не слушал, лишь боролся с ней, и одолел, будучи просто сильнее физически. Он грубо нарушал всякие человеческие и божественные законы, не боясь как будто ничего, и что странно, в самом деле никто его не наказал. То есть не сразу, так что некоторое время Амнон набирался только гордости и уверенности, что он может делать всё. Правда, он не высказывал поползновенный к тому, чтобы сместить отца, но видимо был уверен, что после смерти отца мимо него трон не пройдёт, а если и что-то будет идти не так, он своё возмёт по любому, опыт уже был.

Изнасилованная им сестра смирилась со своей участью, думая, что придётся жить с этим нетерпеливым и грубым человеком. Она могла подумать, что даже отец был готов уступить требованиям Амнона, и такая уверенность насильника гипнотизирует жертв, так что неудивительно, что она была готова жить в неправильных, незаконных сложившихся условиях, когда близкие родственники создают семью. Вообще-то такая семья по законам Бога не должна была существовать, Амнон по этому закону должен был быть убит, да и Фамарь могла пострадать, если бы судьи нашли, что она добровольно пошла на этот шаг. Однако же с Амноном произошло то, что с такими людьми происходит – после удовлетворения своего каприза он его полностью потерял, интерес к сестре испарился как будто его никогда не было. Конечно, то, что Фамарь сопротивлялась, и это заметно било насильника по психике, и будь она сильнее физически, возможно, что он бы и не смог добиться ничего. Но неприязнь и страх к не просто близости без любви и без подготовки и ухаживаний, но запретной вдвойне из-за родства породил сильные эмоции в Фамари, и едва исчезла похоть, Амнон ощутил неприязнь к своей жертве. Он потребовал от неё уйти... Она, уже смирившись со своим злополучием, было пыталась остаться, сославшись на возникшие отношения, на его обязанности как мужчины заботиться теперь о ней, но он уже ненавидел её, и заставил слугу прогнать её от себя и запереть даже за ней дверь. О морали у Амнона говорить у меня не получается. Оскорблённая, униженная, растоптанная красавица, разорвала на себе одежду, посыпала голову пеплом, и пошла в свой дом, крича о своей участи. Вся её женская судьба была почти гарантированно разрушена.

Дома её встретил брат, который от неё узнал о произошедшем. Он понимал, что Амнон должен быть наказан, и ожидал, что отец это сделает. Он попытался утешить сестру, чтобы по возможности она не расстраивалась, но вряд ли это работало. Авессалом был в затруднении – просто обычными побоями отомстить брату было совершенно недостаточным, и он проявил мудрость, не стал действовать сам сгоряча, понимая, что здесь достойным возмездием должен быть суд и наказание смертью, как оно и должно бы быть по законам. Обычные эмоции легко толкали на убийство, но он понимал, что это может погубить его самого, и он оставил суд на царя, и это было разумно. Но отец его очень сильно разочаровал.

По идее, по правилам и законам Бога, Давид должен был лишить первенца его статуса первородного за такие вызывающие нарушения. Царство было уже обещано Соломону, царь был в своём праве, первый сын должен был по закону получить двойную долю наследства, но на трон

обычай не распротанялся, хотя как правило мнение всех склонялось к тому, что и здесь первенцы обычно выигрывали конкурс. Почему-то первому часто достаётся больше физической силы или других талантов, так что сама природа вещей обеспечивала первенцам некое преимущество. Но "как правило" ещё не совсем "правило", так что хватало и примеров иных решений. Так что царство Амнону не светило, хотя сам он мог думать и планировать иное, как получилось с двумя другими сыновьями Давида позже. Но наказание ему должно было быть очень суровым, и многих удивляло, что Давид не сделал вообще ничего. То есть он рассердился, и даже очень, был в гневе и, наверное, высказал ему немало слов, может быть даже ударил, но ничего больше не последовало. Какого-либо суда над Амномом не было.

Возможно, что Давид не находил в Амнине злодейских черт, и всё, что он сделал, было не от злого умысла или плохого характера, а скорее случайно, не специально и поэтому он пытался дать ему шанс. Самым сильным сдерживающим моментом для Давида было то, что он винил самого себя за недавнее падение и не мог смотреть многим в глаза и судить их так, как положено. Ему было стыдно, и это парализовывало слишком много добра, которое он мог бы сделать. Может быть в самом деле Аммон был бы неплохим в целом человеком, но это если бы он стал скромнее, подобно отцу – у обоих было что-то общее в их падении, но Аммон продолжал жить как ни в чём ни бывало, не просил прощения ни у Фамари, ни тем более у её брата. Ему бы постараться искупить вину, но он ни о чём таком не думал, а это тоже признак характера... Плохо, что Давид хотя бы внутри семьи никак не обозначил ничем наказание Аммона, так что всем казалось, что так тоже можно и ничего тебе за это не будет, если ты царский сын. В конце концов Авессалом, видя полное отсутствие последствий для Аммона, взял дело в свои руки. Он не разговаривал со старшим братом с момента его преступления, он ненавидел его, видя всё больше, что тот уже давно забыл о сделанном и ведёт себя как ни в чём ни бывало. Это вообще-то опасный признак, но легкомыслие Аммона было каким-то чрезмерным.

Спустя два года после этих событий Авессалом приглашал всех родственников на стрижку своих овец, он просил отца идти с ним и всей их семьёй, но Давид имел свои планы и отказался идти. Тогда Авессалом попросил, чтобы с ним пошли все его братья, помянув и Аммона. Давид не хотел отпускать и их, но Авессалом уговаривал его настойчиво, так что царь согласился с ним и отпустил всех детей к Авессалому на празднество. Почему он не подумал о угрозе? – видимо Авессалом не давал повода думать о себе плохо, хотя сигнал прозвучал, когда он просил отпустить с ним старшего его брата. Наверное, ему просто не думалось о плохом, не верилось, что может дойти до такого. У Авессалома же всё было задумано довольно давно, его десятеро слуг имели приказ убить Аммона, когда он даст им приказ. Почему Авессалом не мстил лично? – думаю, Аммон хорошо владел оружием, и мог бы забить тревогу, если бы к нему шёл сам Авессалом, и мщение могло быть затруднительным. Хотя по мне это менее всего вероятно, дело было совсем не в этом – Аммон использовал силу против его сестры, использовал своё преимущество, не делая снисхождения для более слабой сестры, поэтому Авессалом не считал его достойным битвы с равным, но послал против него десятерых, как и тот, использовав превосходство в силе. За праздничным столом у Авессалома все веселились и пировали, однако в разгаре пира Авессалом отдал это приказ, и Аммон был убит. Все остальные, шокированные увиденным, покинули дом Авессалома и со всей возможной скоростью поехали домой, Авессалом же, наверное, взяв с собой своих верных ребят, отправился на родину своей матери, он был наполовину гессурянин. Дети Давида, видимо, ехали не очень быстро на своих мулах, стараясь не разделяться, многие боялись, поэтому задержались в дороге из-за тех, кто ехал медленнее. Кто-то из их слуг обогнал их и привёз в Иерусалим печальные вести, однако каким-то образом новость искажилась, и когда она дошла до Давида, то говорили уже о гибели всех его детей, которых убил Авессалом.

В горе Давид разодрал одежды, он в смятении ожидал, что к нему привезут мёртвых сыновей. Однако же под руку подскочил Ионадав, который подначил Аммона на насилие над сестрой,

и начал говорить, утешая Давида, что убит только один человек, его первенец Амнон, но все остальные живы и в безопасности. Наверное, он ожидал этих известий и дежурил после отъезда молодёжи на праздник к Авессалому, поэтому слышал новости из первых рук, а не ту искажённую версию, что достигла царя. Что-то мне кажется, что именно он и приложил руку к искажению новости, встроившись в передачу вести. И теперь зарабатывало очки как добрый вестник... А что, он же нигде не при чём, что он такого сделал, кто будет разбираться, кто кому что передавал, при дворе Давида, после того как он замкнулся в себе после падения, было много пассивности. Даже если бы кто-то прошёл по всей цепочке, ему было легко сослаться на первоначальный шок от новости и что чуть перепутал от волнения, так что вряд ли ему кто-то бы что мог предьявить. Однако, мне кажется, что его шныряние вокруг двора осталось бесплодным, ему не дали высоких должностей, и может быть, даже не заметили. Давид, услышав, что первое известие неверно, успокоился, не обратив большого внимания на того, кто внёс поправки в донесение гонца. Вскоре появились и его сыновья, всё ещё не пришедшие в себя от жуткой картины гибели брата и торжества совершающего свой суд мести Авессалома. Поднялся большой плач, где плакал и сам Давид, и всем было не до Ионадава.

Когда все успокоились и всё улеглось, Давид понял, что не может судить убийцу брата – если у Амнона была реальная вина, которую он оставил почти без реакции, то Авессалом свершил суд, который не вынес он. Сам он был виноват не только с Вирсавией, но и перед Урией, и если он не наказал и не разжаловал сына, изнасиловавшего сестру, то сейчас не ощущал права наказывать и убийцу брата, тем более, что Авессалом сделал то, что должен был сделать он сам (я не о казни Амнона, но какое-то наказание у него должно было быть, и накажи насильника отец, скорее всего, Авессалом бы не поднял руки на брата или, по крайней мере, не ощущал бы права мстить). Опять Давид ощущал полное бессилие, и снова казнил себя, что своим примером повлиял на детей разрушительно. Что может случиться ещё, закончились ли проблемы? Он был готов понести любое наказание сам, но это не могло отменить разлагающего действия его примера на детей. Бог не заставлял его сыновей делать зло, не давал им на это никакого права, всё шло самым естественным образом. Разве что стоит отметить, что Авессалом в этой ситуации хотя и выглядит правее Давида, но и в его деле есть то, что делает его неправым и это очень существенно – если Амнон должен был быть наказан, это нужно было делать сразу, по горячим следам. Авессалом же тянул целых два года, этим самым практически оправдывая брата. По чести он должен был поговорить с Давидом, кто будет наказывать насильника – он как брат Фамари или же сам отец, и ему бы не пришлось убежать из родного дома. Но что-то не так было и в самом Авессаломе, и если Давид был скован своим позором и виной (никто его как будто не винил, ему скорее сочувствовали, особенно глядя как он страдает и сокрушается), то у Авессалома вроде не было никаких психологических проблем.

Авессалом

Он жил в доме своего деда, царя Гессура. И по отцу, и по матери, он был из царского рода. И люди могли нашёптывать, и сам он мог иногда думать, что царский трон ему должен принадлежать по праву. Он был красив и успешен, и всё то вместе взятое легко могло увлечь его идеей, что быть царём это его судьба. Царство его деда было маленьким, и по сути оно находилось внутри Израиля, и существовало лишь потому, что в давние времена израильтяне поленились освоить землю, которую им предназначал их Бог. Давид не завоёвывал Гессур, поскольку Сущий запретил выгонять тех, кого они долгое время ленились выгонять, напротив, взяв в жёны Мааху, мать Авессалома, укрепил дружеские связи с этим владением. Авессалом удовлетворялся сейчас тем, что имел, что может стать царём в этой маленькой области после деда, хотя его могли посещать мысли, что Израиль намного больше этого клочка земли, и при определённых обстоятельствах вполне бы мог рассчитывать стать правителем там. Возможно, что его тянуло туда, где он родился, на большую землю, но пока ему там ничего не светило.

Ход Иоава

Однако же нашлись люди, кто помнил о нём, и даже считали, что он бы был более чем достойной сменой Давиду, которому уже было за шестьдесят пять. Иоав стал замечать, что Давид переживает об Авессаломе, в проблемах которого он был немало виноват или считал так. Постепенно у него сложился неплохой план действий, и он его с успехом осуществил. Он нашёл не слишком известную, но мудрую женщину, которая бы смогла увлечь Давида своей историей, правда вымышленной, и которая бы смогла убедить его вернуть Авессалома. Игра была тонкой – с чего бы царь должен менять сложившееся положение вещей? – но он верно просчитал Давида. Только одно стоит заметить по поводу этой операции Иоава – в его планах и расчётах отсутствует Бог, хотя в целом вся история выглядит очень благопристойно, и воспринимается почти также, как когда Бог действует через пророков. Подобное делал Нафан, представив царю притчу, выглядевшую очень реально, разве что крайне преувеличенно, Иоав также делает вид, что случай совершенно реальный, используя правовой конфликт, решать который и должны судьи и цари под руководством Бога. Иоав не пророк, он действует не поручению свыше, но по собственному расчёту, скорее та умная женщина была его пророком, которой он поручил очень деликатную миссию.

К Давиду на суд пришла женщина со следами траура и плача, и объяснила суть проблемы – у неё два сына, и в ссоре один из них убил другого. Естественно, все вокруг, особенно родственники, особенно по мужу, потребовали от неё наказать убийцу, требуют у неё выдать оставшегося сына. Однако же если остальные ищут только правосудия, по крайней мере говорят об этом, для неё это гораздо трагичнее – она потеряла одного сына, и оставшийся, который вроде бы убийца, тоже ведь её сын... Будь он плохим человеком, она бы не раздумывала, жить с таким преступником просто опасно, но он не плохой человек, так сложились обстоятельства, горячность молодости и прочее, и как ей жить, теряя сразу всё? Остаться одной в старости плохо в обществе, где неразвиты социальные институты, впрочем даже и с развитой социальной помощью этого никто не желает. Но у родни свои соображения – это удобный момент со временем вернуть себе владения родственника, ведь наследников у него уже не останется, и после смерти вдовы всё отойдёт к ним. А говорят, что в некоторых случаях смерти вдовы даже и не ждут, хотя это не по закону, но на свете не все люди добрые, к сожалению. Перед царём предстала удручающая картина, и он спешил утешить её – я дам о тебе распоряжение, никто не тронет тебя и сына. Он объявляет помилование её сыну, снимает с него обвинение, если она сама защищает его и даёт ему хорошую характеристику своим ходатайством за него. Этого достаточно. Женщина, кажется, не сразу верит тому, что её несчастья закончились, она благодарит и благословляет царя, винит себя, вроде как сожалея, что пришлось отвлекать столь уважаемую фигуру ради не столь важных дел. Давид уверяет её, что если кто будет что-то говорить или делать против неё, то пусть она ссылается на него или даже ведёт к царю, и больше никто уже не будет пытаться ей вредить. Она, как бы понемногу поверив в положительное решение своего дела, ещё раз просит царя подтвердить своё слово упоминанием имени Бога, на что Давид откликается – "Жив Суций, и волос твоего сына не падёт на землю".

Сейчас наступил решающий момент – ей полагалось уйти. Здесь была трудность, но именно для того, чтобы преодолеть эти барьеры, Иоав и искал настоящую искусницу. Сценарий этого разрабатывал он сам, но осуществить его надо было безукоризненно, если бы на последней стадии что-то пошло не так, можно было только всё испортить. Конечно, Давид мог и сам дойти со временем до этой же мысли и решения, что был ему представлен в этой действе, но это могло занять куда больше времени, так что Иоав решил приблизить этот момент. Женщина начала говорить к царю – "позволь служанке твоей сказать тебе слово", на что он позволил ей говорить о чём-то ещё, помимо дела, с которым она появилась здесь. Теперь она обратилась к нему не как просительница (она с самого начала не выглядела униженно, напротив, вела себя как уважаемый

человек), но фактически стала наставлять его, конечно, не свысока, но почти на равных. Её совет светится сочувствием и состраданием, она обращает к нему свои слова как товариш по несчастью, у неё примерно то же горе, что и у царя, что и даёт ей некое право советовать. И звучит это всё довольно внушительно. Речь вышла примерно такая, что царь по одному делу даёт одно решение, а по своему иное, когда случай тот же самый, и этим он ставит себя в положение виноватого (или обвиняемого). Это бы можно было расценивать как вызов с её стороны, но она могла не бояться, Иоав обещал прикрыть её, если бы понадобилось. Она добавила к этому довольно ценную мысль о значимости каждой человеческой жизни, что "Бог ищет, как бы не отвергнуть даже отверженного". Это слово вроде как не несёт пророческого авторитета, но оно в русле Евангелия, и удивительно, что в те времена уже были люди и обстановка, способные оценить такое смягчение нравов. Мудрец достигает тех же высот, что и пророк, причём если пророку это знание достаётся от Бога, то мудрец доходит сам, по крайней мере без явного откровения (его Учитель невидим), и такое стоит гораздо дороже для самого Бога. Так что я считаю это высказывание истинным описанием характера Бога, эта женщина была, кажется, настоящим мудрецом.

После этого она возвращается к своему делу, пытаясь замаскировать речь к царю и свои советы ему как частное определение, возникшее у неё на почве её собственной проблемы с сыном. Здесь её мысль петляет как заяц туда и обратно, от своего якобы дела к такой же проблеме царя, и она заканчивает словами – "господин мой царь как Ангел Бога – может выслушать и доброе, и плохое".

Давид видел, что пусть у женщины даже и есть какая-то проблема, но дело здесь явно не совсем такое, как выглядит. Ему пришли дать именно этот совет, а раз так, то скорее всего у этой женщины нет никаких проблем с сыновьями – слишком редки такие совпадения, такие трагедии в семье, чтобы подгадывать к его случаю. Значит за ней стоит иная фигура, близкая к нему и влиятельная, и это явно Иоав, симпатизирующий Авессалому. Поэтому он заканчивает этот спектакль столь же вежливо и тонко, как он и начинался – "не скрой, пожалуйста, о чём я тебя спрошу – не рука ли Иоава во всём этом с тобой?" Женщина отвечала со всем этикетом и умом, красиво и учтиво – "да живёт душа твоя, господин мой царь – ни направо, ни налево нельзя уклониться от того, что господин мой царь сказал; точно – это твой слуга Иоав приказал мне и вложил в мой рот все эти слова... Но господин мой мудр, как Ангел, чтобы знать всё, что на земле". Женщина ушла, а Давид позвал Иоава, находящегося неподалёку и ожидающего с волнением, чем закончится его афера, и сказал ему долгожданное – "Ну вот (или "ладно"), я сделал (по твоему), иди верни Авессалома". Иоав был в напряжении – такая инициатива, особенно с привлечением посторонних к влиянию на царя, могла быть расценена негативно, но риск оправдался, и он сейчас оказывался человеком, связанным с Давидом не только общим преступлением, и тем более не только тем, кто сбил царю огромные планы с Авениром, но и как оказавшем ему и его сыну неплохую помощь в возвращении изгнанника и примирении. Он в восторге выразил Давиду свою признательность и радость, что его совет оказался полезен. В принципе дело было вроде как доброе со всех сторон, Давид сам был расположен к такому решению, однако же было здесь что-то, не дающее покоя в таком решении. Думал ли он, что нужно бы спросить об этом у Бога или же нет, не знаю. Времени было немало, но в этом направлении ничего так сделано и не было, и зря.

Этот случай мог стать причиной того, что Давид удалился от дел суда, поскольку его довольно чувствительно подставили с этой женщиной, суд, которому он отдал немало душевных сил и эмоций, оказался спектаклем, и при всей значимости дела, было в этом много неправильности. Авессалом, вползая в души людей, подлизываясь, обвинял отца, что он не судит людей, но он сам был в этом виновен, хотя и косвенно, но это его покровитель нечестным путём проманипулировал эмоциями Давида. Фарс, в который Иоав превратил царский суд, разрушил Давиду какую-то важную опору в душе (Он что, не мог прямо сказать мне то же самое? Нужно было

устраивать из меня посмешище?), и он больше не мог, как прежде, помогать людям восстанавливать справедливость. Хотя он должен был справиться с этим, но добавьте к этому и его возраст.

Хитрый план Авессалом

Иоав отправился в Гессур и принёс внушающую надежды весть Авессалому. Они вернулись в Иерусалим, однако же, когда Иоав появился перед Давидом, он получил приказ, чтобы Авессалом не появлялся при дворе, во встречах с отцом ему было отказано. Не думаю, что Давид предвидел от сына какие-то проблемы, скорее это было всего лишь наказание за своевольное поведение. Однако это полностью перекрыло планы Авессалом, он не за тем возвращался домой, чтобы прозябать в неизвестности. Хотя ему были открыты все дороги, что и для всех остальных, но у него были некоторые замыслы, и роль простого человека его никак не устраивала. Ему нужно было звание, которое можно было использовать в глазах других людей, простой обыватель Авессалом не может привлечь влиятельных людей, с ним не станут разговаривать и поддерживать. Поэтому он пытался пробиться во дворец, и кроме как через Иоава, хоть как-то помнившего о нём, сделать это было невозможно.

Однако же Иоав не знал, что делать дальше с сыном царя, которому он как будто очень сильно помог, но только его помощь вдруг оказалась не такой значимой. Сейчас Авессалом просится к нему поговорить, и он знает, о чём будет просить Авессалом, но он потратил на него немало своего влияния и сил, и для того только, чтобы всё обратилось в ничто? Он видел, что Давид понимает, зачем ему был нужен Авессалом, хотя то, что устроил Авессалом, вроде бы для Иоава было совсем не тем, что он хотел – он думал обезопасить себя в будущем, но не убирать Давида с трона. Ему не хотелось ещё раз получать такие удары судьбы, до сих пор он был весьма успешным, ему сходило с рук почти всё, но на Авессаломе его комбинация вдруг закончилась ничем. Зачем он помогал – чтобы видеть, как на него смотрят все придворные, кто с сочувствием, а кто и с усмешкой, как бы говоря – "это провал, хитрый лис..."? Думаю, что Иоав позже клял себя за помощь Авессалому, когда тот причинил стране огромные проблемы. Его подопечный сейчас в опале, а вместе с ним и его репутация, как поручителя, резко просела. Для многих придворных такие неудачи бывали началом падения. У него, конечно, армия, и он не из тех, кто создаёт себе значимость из ничего, не только из появления рядом с царём, но всё же, испытывать такое неприятно.

Однако Авессалом чувствовал, что сдаваться он не может, он мог надеяться, что его опала не навсегда, нужно было хотя бы прощупать пределы возможного. Я думаю, что Давид выдерживал его, изучал его характер, желая знать, сделал ли он какие-то выводы, и со временем он мог смягчить ограничения Авессалом и вернуть его права, но Авессалом уже не был честным человеком, и мог не пройти проверки. Поэтому он добился встречи с Иоавом по плохому. Видя, что тот игнорирует его просьбы, он приказал своим слугам поджечь поле Иоава, и это сработало. Наказывать Авессалом, хоть и опального, но сына Давида, даже Иоав не смел, и он понял, что придётся с этим упрямым молодым человеком всё же встречаться, он своего добился.

Когда Авессалом высказал Иоаву свои слова, то это выглядело сильно, и Иоав почувствовал, что с этим можно идти к Давиду и что это работает. Авессалом говорил – "Зачем я сюда пришёл? Так же точно я мог бы оставаться в Гессуре. Если я виноват, так убей меня. Зачем мне сидеть и не иметь возможности никуда выйти?" – примерно так звучали его слова. И это подействовало, когда Давид услышал всё это, он пожалел сына, и разрешил ему появляться во дворце. Он пожалел его, быть в полной силе и красоте, и быть лишённым всей прежней жизни и возможностей, только не к добру это помилование оказалось. Снова совет с Богом был пропущен...

Взлёт Авессалома

Последние годы Давида сильно отличались от его начала, его падение с Вирсавией и Урией разделило его жизнь на до и после. И чем дальше, тем больше апатии добавлялось к его стиль ведения дел, в том числе государственных. Он может быть и не терзал себя напоминаниями о недостойном поведении и плохом примере людям, но и бодрости ему это никак не добавляло. Он не смел быть активным и ярким, как прежде, и в какой-то мере это с его стороны было тоже грехом, поскольку это было уже чрезмерным, и из покаяния превращалось в недоверие Богу, простившему ему его вину. Ему было сложно глядеть людям в глаза, казалось, что на него осуждающе показывают пальцем, и надо бы было ему сбросить эти нащёптывания врага и развернуть плечи, ведь просил же в своей покаянной песне "Возврати мне радость спасения Твоего и Духом властным укрепил меня, и буду учить беззаконных путям Твоим"²⁰, однако получив желаемое, не воспользовался подарком... Запущенные дела, в том числе и в разборе судебных дел, длинная очередь, растянувшаяся на годы, злоупотребления, рождающиеся из этого, а также расхолаживание и всех подчинённых, не стремившихся добросовестно выполнять свои обязанности – следствие излишнего самобичевания после того, как Бог снова доверил ему Свой народ и Свою землю в управление. Судить, конечно, легко, но стоит учесть и возраст и перемены в здоровье, внёсшим немалое влияние в самоощущения его последних лет, впрочем вина его в этом была всё же немалой. Опять же и спектакль, устроенный Иоавом для возвращения Авессалома, ударил по самочувствию. На этом фоне Авессалом смотрелся очень выигрышно, и воспользовался он сложившейся ситуацией в полной мере.

Получив желаемое, Авессалом развернулся, он завёл себе коней, выезд, немало слуг для поручений и связи с людьми, перед его колесницей бежали пешие гонцы, и люди замечали взлёт этого молодого человека безукоризненной внешности, яркой красоты, который напоминал лучшие годы Давида. Это и был сын Давида, но если тот не искал популярности, но жил как должен был жить, и всё равно всё сделаемое им людям нравилось, то Авессалом сам вкрадывался в сердца народа и искал именно популярности, лезя из кожи вон. Ему удавалось, особенно там, где люди приходили на суд, а их вместо чиновников, не спешивших даже записать их и распросить о деле, приведшем их к царю, встречал красавец Авессалом, который с сочувствием и участием спрашивал всех о их проблемах, жалел их, что их некому принять у царя, и высказывал со вздохом, что будь он судьёй, то всякий получил бы у него защиту и помощь. Его популярность росла не по дням, а по часам. Многие уже были готовы выйти с лозунгом "Авессалома в цари!"

Параллельно с работой с простыми людьми он также устанавливал контакты со многими влиятельными людьми, и здесь его тоже ждал быстрый и большой успех. На его сторону перешёл Ахитофел, друг и советник Давида, человек необычно сильной харизмы, который, можно сказать, заменял пророков. Видимо, не раз случалось так, что его советы совпадали с тем, что отвечал Бог через пророков, это сравнивали и сопоставляли, и в конце концов он занял очень влиятельное положение в обществе и при Давиде. Думаю, что все проблемы в управлении и параллель власти последних лет Давида были в немалой степени и его рук делом. Дело в том, что его сын Елиам был одним из "сильных" воинов при Давиде, один из тридцати, а жена Урии Вирсавия была ему внучкой, дочерью Елиама. И вот за Вирсавию Ахитофел мстил, почему-то расценив случившееся слишком жёстко. Скорее всего Ахитофел привык быть влиятельным, купаться в почёте и восхищении окружающих, и даже малейшее прикосновение к своему кругу считал величайшим преступлением. Другой бы на его месте, даже чувствительный к вопросам чести мог бы оценить, что Вирсавия стала старшей царицей, матерью следующего царя, его правнук Соломон готовился стать царём, а он пылал злобой за то, что Давид убил его зятя и бросил тень на репутацию внучки, а значит его собственную. Правда, судя по качествам этого человека, его беспринципности, он мстил именно за свою репутацию и авторитет, а не судьбы внучки и зятя. В

принципе, это было тем, что должен думать всякий на месте Давида, когда перед ним был выбор, стоит ли касаться дорогой ему женщины или вспомнить о том, что перед ним чужая жена, жена уважаемого человека, его друга, преданного ему больше жизни, что ничто не проходит бесследно, но теперь Давид казнил себя без перерыва, а Ахитофел ничего не хотел прощать... Могло быть и другое обстоятельство, что он был зол на Давида, что он опустил руки, таким Давид ему не нравился, но это скорее лишь добавляло ненависти Ахитофелу, но вряд ли было главной причиной заговора.

Мятеж. Давид оставляет Иерусалим

Заговор был готов, множество людей были всей душой за Авессалома, такого красивого (ещё со времён Саула внешность играла в этом плане практически главнейшую роль) и удалого и любезного с простыми людьми. Что бы он ни сделал с отцом, для многих не играло роли, главное, что он сам был сыном Давида, а личные счёты сына с отцом мало кого касались, а многие могли бы и совсем ничего не узнать. Судьбы братьев Авессалома, случись им умереть во имя стабильности царства, тоже, как показал опыт Авимелеха, сына Гедеона, тоже не волновали бы народ, так что у заговорщиков единственной заботой было, чтобы это не вышло за пределы своего круга, не дошло до Давида.

Иоав, если бы ему предложили участи в заговоре, оказался бы в сложном положении, хотя, с его беспринципностью, он вряд ли бы раздумывал, но в этот раз Бог судил ему остаться с Давидом. Иоав знал, что виноват перед Давидом с Авениром, а с новым царём могло получиться подкорректировать послужной список. Авессалом, скорее всего, был не против того, чтобы привлечь его к делу, и в этом случае Давида спасти могло бы лишь чудо, поскольку армия оказалась бы на стороне заговорщиков. Однако Ахитофел был категорически против Иоава по "идейным", в данном случае, личным соображениям, поскольку Иоав был тем орудием, кто погубил Урию по приказу Давида. Так что командующим войсками у Авессалома и Ахитофела был предусмотрен другой человек, у которого к моменту восстания под началом было немало воинов. Армия оказалась разделённой, более молодые, как водится, были как правило за нового молодого царя. Шансы на успех были огромны, но в кризисный момент Давид встрепенулся и показал, что не потерял ещё хватки.

То ли в сорокалетие царствования Давида, то ли когда ему исполнилось семьдесят, к нему подошёл Авессалом (которому как раз исполнилось или скоро исполнялось сорок лет) и попросился отлучиться на праздничное жертвоприношение в Хеврон, связанное с его обетом, который он дал живя в Гессуре. Дело выглядело весьма благовидно, отец мог быть этим весьма доволен, надеясь, что Авессалом проявляет склонность к Пути. Однако если бы Давид больше обращал внимания на дела сына, то мог было заподозрить неладное в его активности. Давид отпустил его с миром. С Авессаломом пошли многие, приглашённые им, но там не было никого из верных Давиду людей. Многие пошли, не зная, что там будет, считая это просто приглашением на пир к уважаемому человеку, не все знали о заговоре. В назначенном месте оказалось, что там собирается немало народа, и со временем всё больше и больше людей собиралось к Авессалому. Всё же нашёлся кто-то, кто то ли послал своего человека на это мероприятие, то ли сам пошёл на подозрительную встречу. И этот человек спас Давида, успев вовремя предупредить, что собравшиеся вокруг Авессалома открыто говорят о нём как о царе, и что большинство народа поддерживают перемены, по крайней мере таких людей достаточно много. В общем, можно подумать, что какая-то разведка существовала, этот вестник оказался очень кстати.

В кризисные времена важно не сколько вообще сторонников у той или иной идеи, а сколько из них активно, и активное меньшинство без особого труда может навязать пассивному большинству свою повестку и свою волю. Давид, услышав донесение безымянного разведчика, мгновенно сориентировался и отдал приказ на эвакуацию всех, кто был тесно связан с ним и с

управлением страной, эти люди были в опасности. Он помнил предупреждение Нафана о проблемах от собственных детей, и сейчас был готов действовать. Он не надеялся на гуманность сына, все были наслышаны о порядках во дворцах и системах власти, поэтому исходил их худших предположений. Он предусмотрительно просчитывал худшее, что с Авессаломом будет большинство народа, так что за стенами Иерусалима им отсидеться не удастся. Эвакуация была срочной, времени на сборы он дал немного, буквально у них оставались часы, потому что Авессалом с толпами восторженных сторонников уже выдвигался к столице. Может быть собираться можно было и дольше, но тогда беглецы не успевали бы уйти далеко и легко могли быть настигнуты погоней.

Можно было, конечно, понадеяться на лояльность столичного населения, проверить, насколько люди ценят и уважают его, но один Иерусалим вряд ли бы выстоял против объединённой армии со всей страны, наличие Ахитофела в заговорщиках и известия о широте и размахе заговора не оставляло надежд. Однако власть в этой стране была поручена ему, и за неё он должен был давать отчёт, он отвечал за всех, даже когда многие вдруг разлюбили его – правда, здесь была его вина, что он пустил многое на самотёк. Тем не менее ответственность с него ещё не была снята, и он должен был найти лучший вариант развития событий. Давид понимал, что столкновение произойдёт, но лучше это было сделать в другом месте. Хеврон, откуда выдвигались заговорщики, находился недалеко, километров в тридцати отсюда, и времени на подготовку было немного, так что было лучше отойти и собрать верные силы в кулак. Здесь и сейчас условия были неблагоприятны, также в самом Иерусалиме могло оказаться много сторонников Авессалома, ведь именно здесь он вёл свою подрывную работу и население Иерусалима могло быть разделившимся, что означало бы кровавую междуусобицу и отсутствие надёжности. Город, названный "его городом", любимый им, где всё недавно построенное по его планам тешило взгляд и грело душу, не должен был пострадать от волнений. Давид планировал уйти за Иордан, там меньше была активность Авессалома, и вряд ли туда дотягивались его козни, люди там жили более простые и верные.

С ним уходили его личная гвардия, наверное также все те воины, что размещались в Иерусалиме, но с Авессаломом была также немалая часть армии. Хотя казарм в те времена не было, армия в основном строилась по принципу ополчения, почему войны в основном происходили в перерывах сельскохозяйственных сезонов, регулярная армия было очень небольшой, и вся она сейчас уходила с Давидом. Среди особо доверенных воинов были филистимляне, пошедшие за ним из Гефа, также из ещё одного селения была группа его личных воинов. Давид пытался отговорить Еффея, главу филистимлян, от похода с ним, они могли остаться и перейти к Авессалому или пойти в родные края, но Еффей и все эти люди через Давида близко познакомились с его Богом и серьёзно выбрали Его своим Богом, через Него они и с Давидом были связаны крепкими узами дружбы и идейности. Предложив им оставить его, так как он уходил в скитания и даже, вполне возможно, изгнание и безвестность, к тому же на старости лет (ему было уже семьдесят, хотя его силы были достаточны для путешествий), он услышал ответ Еффея, который отверг это предложение, поклявшись Сущим оставаться с Давидом и в жизни и в смерти. Давиду было интересно знать, будет ли его кто-то поддерживать, что среди близкого круга, что в народе в целом, сколько же в народе на его стороне, много ли в Израиле принципиальных людей. Он не собирался сдаваться, он был готов защищать себя, но в то же время и был готов уйти, если бы народ и Бог высказали ему, что его время вышло. Правда, из пророчества Нафана он знал, что происходящее не ведёт к его концу, что у него есть ещё будущее и незавершённые дела, но сколько людей пойдут за ним, не оставила ли его прежняя удача, было интересно знать.

На выходе из города Давид увидел процессию с ковчегом Завета, возглавляемый первосвященником Садоком, также Авиафар был рядом, наблюдая за ходом эвакуации сторонников Давида из города. Однако Давид решил не брать с собой ковчег – если Бог был с ним, то ковчег ниче-

го не добавлял к этому, а если бы Сущий решил оставить его, то ковчег принёс бы скорее гибель, чем благо. Люди обычно считали присутствие с ними Бога через священный предмет гарантией успеха, однако Давид, более других просвещённый в этом, знал, что это ложные идеи, и Бог верному человеку издали может помочь больше, чем неверному вблизи. Для того, на кого Бог гневается, Его близость скорее гарантия разрушения, так что сейчас, когда над его головой сгустились обещанные последствия его падения, лучше было оставить ковчег там, где Бог пожелал оставаться навсегда²¹. Авессалом, хотя и действовал нечестиво, но ему было далеко до Саула, напавшего на священнический род, за храм и его служителей Давид мог не беспокоиться. Поэтому Садок получил команду вернуться назад и оставаться в Иерусалиме, тем более они могли помочь Давиду, передавая ему известия о состоянии дел в стане противника. Сыновья первосвященников Садока и Авиафара были связными, и вскоре они сослужили важную службу законному царю.

Кое-кто решил, что суете и суматохе этих перемен и переездов можно неплохо пожить. Сива, слуга Мемфивосфея, сына погибшего друга Давида Ионафана, работал на Мемфивосфея. В это время он вдруг чётко осознал, что имеет весьма удобный случай быстро и очень неплохо разбогатеть – сейчас менялся царь, и если у него в руках будет слово Давида о передаче полей Мемфивосфея в его руки, то Авессалом вряд ли будет оспаривать это, для него Мемфивосфей не значил ничего, это была память о друге для Давида, но мало кто из его детей дорожил тем, что было дорого их отцу. По распоряжению Давида Мемфивосфей должен был тоже уходить с ним, но Сива ни о чём не сказал Мемфивосфею, а вместо этого собрал побольше припасов в дорогу для Давида и направился к выходу из города, где все собирались для похода. Давид спросил его, где же Мемфивосфей, он должен был быть с ними, и Сива не краснея ответил, что Мемфивосфей ожидает нового царя и надеется, что Авессалом восстановит ему полные владения Саула и Ионафана. Видимо Давид слишком доверился Сиве, посчитав его за верного человека, но тогда надо было думать о Мемфивосфее довольно неприятные вещи, что он совсем уж неразумен и неадекватен. Дело в том, что новым царём становился снова иудей, который не расположен делать для вениамитянина лишнюю работу – Мемфивосфею уже давно Давид восстановил ответственность его отца, и больше он получить не мог. Это если бы новый царь был из рода Саула, то лишь в этом случае можно было бы ожидать расширения владений. Со слов Сивы Мемфивосфей выглядел глупо. Возможно, Давид поверил этому потому, что сын его друга в самом деле имел некоторые проблемы с чёткостью и ясностью мышления, но ему было некогда проверять, и Давид с горечью сказал, что Сива может забирать себе то, что принадлежало сейчас Мемфивосфею, чего этот хитрый пройдоха и добивался. Правда, Сива не рассчитывал, что Давид скоро вернётся, так что впереди ожидало разбирательство по этому поводу, когда Давид снова придёт в свой город.

Был ещё один человек, которого Давид отослал назад и не взял с собой. Во время выхода из Иерусалима Давиду донесли, что Авессалома поддерживает Ахитофел, до этого в кругу Давида просто не были в курсе всех деталей заговора. Это повергло Давида в отчаяние, он знал силу и талант этого сановника. Он взмолился к Богу, чтобы тот помог ему, с коварством Ахитофела было трудно состязаться. Дойдя до Елеонской горы, Давид стал молиться здесь, у него это место было одним из любимых для общения с Богом природы. И в самом деле в ответ на его просьбы появился его друг, Хусий, в разодранной одежде и с пеплом на голове из-за всех этих бед, свалившихся на Давида и его окружение. Хусий Архитянин был одним из ближайших друзей Давида и одним из умнейших людей своего времени. У него не было того влияния, что у Ахитофела, не было амбиций, это был просто один из хороших людей, правда, между ним и Ахитофелом заметно соперничество. В преданиях Ахитофел описывается как резкий и эксцентричный человек, и тогда нетрудно предположить, что Хусий часто мог оказывать сдерживающее влияние на

21 Пс.131,13-14 "Избрал Сущий Сион... Это покой Мой навеки, здесь поселюсь..."

предлагаемое Ахитофелом. Ему бы полагалось тоже держаться подальше от Авессалома из-за принадлежности к ближайшему кругу царя, но Давид отвёл ему ключевую роль в противостоянии Авессалома и Ахитофелу. Если кто и мог разрушить предлагаемое Ахитофелом, то только Хусий. Но для этого ему нужно было рискнуть и остаться в среде врагов. Ахитофел настороженно отнесётся к нему, но Давид поставил Хусию задачу внедриться в круг заговорщиков, сделав для этого всё что нужно. Впрочем, требовалось немного, всего лишь заявление о том, что Хусий переходит на сторону победителя. Ранг этого человека как высшего советника царя позволит ему принимать участие в советах Авессалома, так что замысел Давида был стратегически верен. Хусий и первосвященники Садок и Авиафар были опорой Давида в стане врагов, хотя они призваны были решать информационную часть противостояния, военное и силовое решение проблемы было на самом Давиде.

По дороге в намеченное место беглецы проходили мимо Бахурима, городка вениамитян, и один из его жителей, узнав от проходящих, кто идёт, не мог пропустить момента повыдывать-ся. Увидев Давида, он стал бросать в его сторону с холма, мимо которого проходила их дорога, пыль и камни, и, конечно же, его слова тоже выражали отношение к сверженному царю, уже вроде как бывшему. Он клеймил его ото всей души, когда ещё предоставиться такая возможность безнаказанно поглумиться над когда-то всеми любимым народным героем! Он обзывал Давида убийцей и кровопийцей, почему-то виня его в смерти Саула. Странно, никого другого он не видел жертвой "тирана", только дом Саула, хотя Давид вёл много войн и везде был успешен. Но он поминал ему только одну эту семью, хотя сын Саула был вернейшим и преданнейшим другом этого же Давида, и сын Иоанафана Мемфивосфей всегда сидел за столом у царя. Впрочем, было кое-что, за что он мог придирается к Давиду, это момент, за который Давида можно бы было обвинить при большом на то желании. Какое-то время назад случился голод и неурожай был несколько лет подряд, и когда Давид спросил Бога о причинах этой беды, Бог ответил, что это проклятие за то, что Саул напал и истребил какую-то часть гаваонитян, неевреев, вступивших в союз с Израилем, хотя и обманным путём. Именно Саул неоправданно нарушил союз, заключённый с клятвой перед Суцим, ведомый своей болезненной подозрительностью. Об этом не рассказывалось прямо, но в записях о неурожае это было пересказано, так что история эта дошла до потомков. Давид, узнав о причине, пошёл к оставшимся гаваонитянам и просил их решить проблему, эти люди теперь практически давно стали частью Израиля, их историей, служили снабженцами дров и воды при Святилище, и пренебрегать ими было невозможно, тем более Бог был на их стороне. И они поставили условие, обычное в кровной мести, чтобы семеро потомков Саула было выдано в их руки. Это было закланием, и Бог был на их стороне. Давиду пришлось решать тяжелую задачу, но если не удовлетворить их просьбу, то весь Израиль может оказаться стёртым с лица земли, если будет упорствовать. Так что отдать семерых из виноватого рода так или иначе пришлось, для некоторых это была трагедия (для Мелхолы, жены Давида и одной из жён Саула), и видимо эту историю Семей припомнил Давиду. Это было нечестно, то было заклание на страну, и будь даже род Саула у власти, всё равно им пришлось бы выполнять это условие, из своей собственной родни отдавать людей в руки тех, кто был несправедливо обижен. Семей злословил Давида не ради справедливости, а лишь желая ощутить себя выше за счёт великого, который теперь повержен. Правда, Семей сильно рисковал – шедший рядом с Давидом Авесса, один из начальников армии и брат Иоава мог бы и не спрашивать у Давида разрешения, а просто пойти и навести порядок. Но зачем-то Авесса спросил у Давида разрешения пойти и снять голову с насмешника на горе – может быть то, что слишком много народа выбрало иного царя, слишком сильно гипнотизировало всех, даже ближайших и верных людей? Действие Авесса показывало тому же Семейю, что Давид пока ещё царь и под его началом сильные воины, и не знаю, что ощутил Семей в этот момент. Но когда Давид не разрешил Авессе навести порядок, то Семей снова осмелел и провожал Давида до тех пор, пока дорога не отошла от холма, откуда он

кидался камнями. То, что Авессам спрашивает его разрешения выполнить то, что он и так должен был делать, напомнило Давиду лишний раз о бренности земного и ненадёжности любой крепости, о чём позже Соломон выразился – "Если Сущий не устроит дом, напрасно трудятся строящие его, если Сущий не сохранит города, напрасно бодрствует сторож". Давид не был настроен сейчас защищать свою честь, поскольку он сейчас бежит от собственного сына, это не лучший момент для таких незначительных дел – впереди война, которая решит судьбы его и Авессалома. И он ответил Авессе, что если уж родной сын ищет его жизни, то уж вениамитяину сам Бог велел оскорблять его. Он не наслаждался унижением, но в самом деле видел во всех этих событиях возмездие за убийство друга из-за женщины, и вина себя, не мог заставлять других заступаться за себя. Авессу тоже стоит понять – кто они сейчас? Каково настроение Давида, станет ли он разбираться с этим хулителем? И ведь совершенно верно спросил, Давид в самом деле отказал, а если бы без спросу пошёл разбираться, то мог бы расстроиться – он такой, может. Хотя пока взбежишь на холм, Семей мог сбежать и гоняйся на нем по округе, неловко выйдет...

Но в конце концов этот отряд отступающих достиг намеченной цели и там они остановились на отдых. Может быть на следующий день они пошли дальше, где было условленное место встречи, куда будут приходить вестники от первосвященников, поскольку за один день вряд ли они могли уйти достаточно далеко от Иерусалима. Последующие события разворачивались уже на востоке от Иордана, где-то на территории Гада, Рувима и Манассии.

В это время Авессалом пришёл в столицу и расположился уже как хозяин. К нему с визитом неожиданно пришёл Хусий и лично засвидетельствовал ему своё почтение и признал его царём, сказав привычную формулу "Да живёт царь!" Авессалом в этом увидел знак успеха, поскольку такой влиятельный человек ему был очень кстати. Полагаться на одного лишь Ахитофела ему было не совсем с руки, он видел, что тот хитрец может играть им в своих собственных целях, и его интересует больше всего месть и личная неприязнь к Давиду. Кто знает, куда повернёт его после того, как Давида не станет? Авессалом не был глупым, и ему было выгоднее иметь двух советников, чтобы иметь некоторую свободу манёвра, если же Ахитофел будет единственным центром влияния, то он превратится в кукловода, и Авессалома такие перспективы никак не прельщали. Поэтому он не отогнал от себя столь важную фигуру, не стал ему пенять за то, что тот не поддерживал его с самого начала. Он лишь для порядка усомнился в его верности, сказав: "Это ты так верен своему другу? Почему ты не ушёл с Давидом?" Но Хусий имел для него очень убедительную лесть, которую Авессалом охотно принял – "Ты избранник Бога и Израиля, поэтому кого они выбрали, с тем буду и я". И ещё добавил – "Я служил Давиду, твоему отцу, так кому же мне ещё служить после него, как не его сыну?" – подчёркивая, что он как бы особо не меняется, продолжает быть верным роду Давида. Этого было достаточно, чтобы Авессалом ввёл Хусия в свои расчёты, поставив его противовесом Ахитофелу, набиравшему слишком сильное влияние.

Ахитофел дал Авессалому один совет, довольно вредный, но эта дьявольская хитрость делала невозможным примирение отца и сына, Ахитофел желал сделать невозможным для Авессалома вернуться к сыновним чувствам, к жалости к старому отцу, может быть он замечал в новом царе склонность к человечности, поскольку Бог пытался смягчить его, склонял к миру. По его совету Авессалом должен взять жён прежнего царя в свою собственность. Было такое поверие в мире, некая философия, что жена царя если и может принадлежать кому-то ещё, то только другому царю, поскольку в ней содержится нечто от царской власти, как бы атрибут царствования. То, что это жёны его отца, по законам Израиля и Бога, исключало такой вариант, Авессалом не имел права на них, но Ахитофел в ненависти к Давиду легко переступает через предписания Бога. Не знаю, с каким настроением Авессалом слушал это предложение, но он выполнил его. Может быть он так и не мог коснуться их, однако дело обставили достаточно наглядно – на крыше дворца поставили палатку, куда завели наложниц Давида, и Авессалом перед глазами всего наро-

да, присутствовавшего на площади, зашёл туда. Этого было достаточно, чтобы показать, что Авессалом осквернил принадлежащее Давиду, забрав себе его женщин и теперь примирения между ними уже не может быть. Не думаю, что Авессалом дотронулся до кого-либо из них, но он выполнил то, что требовал Авессалом "ради его же будущего". Добрый и заботливый дядюшка... Теперь действительно, уже никто не поймёт, если попытаться сохранить отцу жизнь – он-то меня простил когда-то, а я его, получается, должен убить. Но дороги обратно уже нет. Хотя Давид был готов на всё, и мог простить и это, но до этого просто не дошло.

Решающий момент

Вскоре у Авессалома состоялось совещание, где присутствовали как обычно старейшины племён. Ахитофел не желал долго разводить разговоры и он озвучил давно заготовленный план, чтобы собрать двенадцать тысяч отборных людей и напасть на Давида, пока он не успел уйти куда-то далеко или закрепиться в местности, где у них нет своих людей, пока он в шоке от перемены и не собрался с духом. В самом деле, положение примерно таким и было, и если бы Ахитофел смог осуществить этот замысел, Давиду пришлось бы очень трудно, по идее это был бы окончательный удар. Я лично склонен считать, что даже Богу не то, что было бы трудно в такой обстановке спасти Давида, но Ему тогда точно пришлось бы прибегать к сверхъестественным силам, чтобы выручить Своего избранника. Это вряд ли было в Его планах, Ему было важнее, чтобы Давид прочувствовал, а также все, подобные ему после него, ответственность за свои дела, что спрос с них повышенный, и чтобы через напряжение своих сил людям лучше доходило значение исходящих от них дел и их последствия.

Замысел Ахитофела было сложно реализовать в том смысле, что отборные воины, отряды и командиры были большей частью с Давидом, поэтому он рассчитывал, что численный перевес и внезапность нападения дадут ему возможность отомстить за давнюю обиду. Шансов на победу у него было немного, но это был единственный реальный шанс что-то сделать, при удаче, при усталости и изнурённости отступающих было возможно поймать удачный момент для атаки. Однако проблема была в том, что Авессалом, новый царь, не хотел усиления Ахитофела, и ощущая, что сейчас очень удачный момент, велел призвать Хусия Архитянина, которого на этот совет не звали. Сейчас был момент, когда царь решил устроить диспут на лучшее решение, что делать сегодня, и когда пришёл Хусий, Авессалом представил ему предложение Ахитофела и спросил, каково будет его мнение о следующем шаге. Хусий, услышав, что было предложено от главного советника царя, ощутил вдохновение – Бог явно был с ним и с его другом Давидом, и их главная битва сейчас будет выиграна. Дело в том, что Ахитофел предложил весьма дельный совет, он был реальный, но как часто бывает с реальными делами, оно не выглядело пышно и весомо. Для людей, любящих показную пышность и помпу, нужно бы было что-то поцветистее, и Хусий имел что им предложить. Он резко и уничижительно отозвался о предложении Ахитофела, которого стало коробить от происходящего дальше, правда, он держал лицо и не показывал оскорбления, как некий выскочка, всегда пытавшийся догнать его, Ахитофела, вечно второй, если не третий, рушит его лучшие планы. "Нехорош на этот раз план Ахитофела", сказал Хусий. "Всем известно, как храбр Давид и те, кто с ним". Даже если малейшее поражение случится с людьми Авессалома, а они в основе своей как воины сильно уступают профессионалам Давида и Иоава, то люди СКАЖУТ, что сторонники Авессалома БЫЛИ ПОРАЖЕНЫ. В обществе, где все старались показать себя, где показное ценилось много выше реального, где было чрезвычайно важно кто что скажет, всякое слово могло решать судьбы. Давид не был из таких людей, вот только на стороне Авессалома как раз именно такие и собрались... Поэтому Хусий знал, куда бить, и он указывал людям на ничтожность реального предложения Ахитофела и рисовал им пышную картину некой прямо-таки церемонии низвержения Давида, когда вся страна, как один человек, собравшаяся от одного края их земли до другого, соберутся в одно место и единым фронтом пойдут туда, где будет скрываться низложенный царь. И как бы ни были сильны воины

Давида, но против всего народа ни один из них не устоит... Да они их шапками закидают, и их сметёт как ураганом! А если они уйдут в какой-то укреплённый город, то народ в едином порыве соберёт верёвки, и они просто стянут ту крепость в реку! Люди как зачарованные слушали сказку, что им сочинил сейчас Хусий, и хором сказали – "совет Хусия лучше совета Ахитофела!"

Ахитофел мрачно выслушал критику в свой адрес, он видел, как Хусий сыграл на толпу, на низменные чувства этих ничтожеств, которые и все вместе не стоили его одного. Лишь один раз он предложил дельное, что не льстило самолюбию этих больших детей, и проиграл. Он видел, что Хусий в этот раз выиграл у него спор (не думаю, что сам Хусий вообще когда-либо соперничал с Ахитофелом, особенно прежде, когда между ними не было обид и зависти, но Ахитофел с некоторых пор стал воспринимать вещи в этом духе). Он подождал некоторое время, но Авессалом уже не вспоминал его предложение и не давал ему заняться набором войска, чтобы осуществить его план. Видя, что он проигнорирован, он уехал в своё имение, и отдав распоряжения и сделав завещание детям, повесился. И ведь, казалось бы, что было такого, что его один раз не послушали? Впрочем, он знал, что Авессалом теперь проиграет, а ему придётся отвечать за кровь всех убитых в этом конфликте, который он спровоцировал, и не видел никакого выхода – он знал, что будет наказан, даже если сдаст всё и всех. Давид, когда согрешил, жил в подобном мраке, в той же бездне отчуждённости от Бога и правды, что и Ахитофел, но для него это состояние не было привычным, он стремился хоть как-то вернуть прежнюю невинность и безмятежность души, но Ахитофел, оказавшись в ловушке страсти отомстить и своих несправедливых действий, всячески оправдывал себя, и всё больше оказывался в ловушке зла, всё больше проявлял коварства, извращая всякое своё начало, пропитываясь дьявольскими свойствами. Может быть он и думал о том, что слишком высока цена мести, но не соглашался на прощение или хотя бы требование от Давида какой-то сатисфакции. Желание сделать по своему, максимально жёстко, оказалось ловушкой, откуда он не выбрался, да и не желал. Судя о Боге вполне верно, он оказался далёким от Него, и не пожелал остановиться, и не мог вернуться.

Хусий не знал, куда ушёл Ахитофел после совета у царя, и он опасался, что тот не откажется от своего замысла, для него это оставалось единственной возможностью спасти себя, поэтому Хусий срочно передал первосвященникам о разговоре и ситуации на совещании, чтобы они передали Давиду о случившемся и планирующемся. От себя он добавил, что не стоит оставаться на равнине, но надо срочно уходить за Иордан. Служанка из дома первосвященника была послана пересказать всё это их сыновьям, Иоанафану и Ахимаасу, те ждали вестей где-то за городом. Правда, им не удалось остаться совсем незамеченными, люди Авессалома, явно по совету того же Ахитофела были расставлены, чтобы перехватывать любое сообщение между Иерусалимом и Давидом. Так что кто-то из этих шпионов заметили этих вестников, когда они покинули своё убежище и направились к Давиду. За ними были посланы преследователи, но к счастью, им было известно лишь общее направление. Ахимаас с Иоанафаном пришли в Бахурим, уже зная, что за ними есть погоня. Похоже, что кто-то проработал план действий и у них имелись адреса верных людей, сторонников Давида. В Бахуриме жил и Семей, издевавшийся над Давидом, но к счастью, он не был в курсе происходившего сейчас. Молодые люди зашли в дом нужного человека, и хозяйка дома спустила их в колодезь, на его устье растянула покрывало и насыпала на него зерно. Когда преследователи проверяли дома там, где могли пройти те, кого они искали, они не были местными и не знали, чего в этом дворе не хватает. Они видели провеянное зерно и ушли оттуда. Женщина, как бы видевшая пробежавших мимо молодых людей, сообщила погоне, что те, кого они ищут или похожие на них ушли через речку. Их искали, однако не обнаружив нигде, прекратили поиски и вернулись в Иерусалим. После того, как гнавшиеся вернулись ни с чем, женщина выпустила их и они, наверное уже под покровом темноты, пошли в свой путь дальше. Вскоре они добрались до места расположения лагеря беженцев и передали Давиду обо всём, что случилось в Иерусалиме и какие планы о них делались у Авессалома.

Давид распорядился срочно уходить отсюда – даже если бы Ахитофел не смог осуществить свой план (а ещё не было известно, что Ахитофел покинул Иерусалим), то Авессалом мог передумать, поняв что план Авессалома несмотря на внешнюю неказистость вполне рабочий, либо сам Ахитофел мог тайно уговорить его и объяснить, что именно это будет работать (он ведь мог поступить и так, вместо того, чтобы обижаться на весь свет за игнорирование его советов). Им пришлось идти всю ночь, но к утру они уже были за Иорданом и теперь достать их было намного сложнее. Они двигались дальше и пришли в Маханаим, стоявший в гористой местности, где удобно обороняться, если знаешь местность. Местные жители приняли их со всем радушием и были рады послужить своему законному царю. Богатые люди из местных, и даже один из аммонитян, имевший какие-то дела здесь, щедро снабдили беженцев всем необходимым и предоставили им отдых. Утомлённым переходами и напряжённым ожиданием в неизвестности это было бальзамом на душу, и здесь Давид и другие военачальники стали готовиться к предстоящей битве.

Сражение. Конец Авессалома

После отдыха Давид с ближайшими помощниками провели смотр имеющихся сил, сформировали отряды и назначили командиров. Людей было не менее двух с половиной тысяч, а скорее существенно больше, также к ним могли подтянуться многие, не пожелавшие оставаться в стороне от огромной несправедливости, учинённой Авессаломом. Они не стали заявлять протест, а просто с оружием пошли туда, где уже знали, находится их законный царь. В начальной группе были лишь люди из Иерусалима, теперь же к ним спешили из других мест все, кто считал себя обязанным поддержать избранника Бога, а не самозванца, пусть даже из царского рода. Было сформировано три отряда, над которыми были поставлены Иоав, Авесса и Иеффай, испытанные и умелые командиры, прошедшие все войны с тех пор, как Давид стал царём или даже раньше.

Авессалом, собравший свою армию, наконец переправился через реку и подошёл к Маханаиму. Давид собрал своих людей и напутствовал их в битву, однако же и сам собирался выйти с ними. Однако все хором воспротивились этому его намерению, уговаривая не делать этого – как минимум, он мог, и скорее всего, пошёл бы к Авессалому, и мог бы начать умолять его одуматься, и не смог бы защититься должны образом, расслабившись перед тем, перед кем считал себя виноватым. Но Авессалом уже давно нёс личную ответственность за свои дела, давно уже перекрыв то влияние, за которое всё раскаивался отец. Правда, и Авессалом мог не искать его смерти, а лишь вытребовать отречение в его пользу, но Давид давно обещал сделать царём Соломона, и рисковать Давидом ради пустых разговоров люди Давида не могли себе позволить. Они сказали ему, что если он погибнет, то это будет потерей для всех, если же погибнет даже половина из них, то это не будет чем-то значимым. Это был их выбор, и Давид и сам понимал, что будет больше помехой, чем помощником в делах военных. Уже давно он был отлучён от участия в битвах из-за ослабевшего здоровья, и в семьдесят лет возвращаться в бой было неразумным. У него было достаточно помощников для этого, готовых отдать за него свои жизни.

Однако Давид потребовал от всех, чтобы Авессалом непременно остался жив, чем сильно озадачил всех, это выглядело не очень разумным, но возражать ему никто не стал. Это могло стоить жизни многим его людям, однако Давид всё же очень настаивал и просил. Даже если им удастся пленить и успешно забрать Авессалома из гущи боя, потом это создаст множество новых проблем, потому что бунты тогда будут продолжаться. Даже если бы Авессалом отказался от претензий на царство, те, кто его поддерживали, не успокоятся и будет проливаться новая кровь. У него уже новый двор, новые назначенцы, уже имеющие гарантии дохода, и всем им теперь уйти откуда пришли? Давид первый должен бы был понимать всё это, но как с ним сейчас

спорить, если он уже не хочет понимать? В общем все промолчали и задумались, что же им делать в сложившихся условиях.

Но вот армии вышли друг против друга, и успех был решительно на стороне людей Давида, на правой стороне – Бог всё также был с Давидом, и, допуская наказание, выводил из беды. Двадцать тысяч сторонников Авессалома погибли в этот день, и это большие потери. Возможно, он привёл с собой много людей, но небольшая армия Давида произвела разгром новой армии, скорее просто ополчения, не имевшего большого опыта. Сражение рассыпалось по обширной местности, летописец отмечает, что большая часть людей погибла в лесу, в гористой местности были нужны особые умения, многие гибли на склонах, срываясь во время бега или боя.

Авессалом встретился с людьми Давида. Был ли кто с ним из сопровождения и свиты, неясно, может быть он уже отделился от большинства, либо они разбежались уже при встрече, но никто ему не помог из его сторонников. Авессалома не атаковали, его нужно было брать живым, да и не было нужды, он не представлял опасности – он каким-то образом повис на своей пышной гриве волос, зацепившись за ветви дуба. Мул выскочил из-под него, и он остался висеть на ветвях, и освободиться ему не позволили. Один из тех, кто видел это, донёс Иоаву о произошедшем с главным мятежником, и Иоав недолго думая, отправился решать проблему, которую, кроме него, пожалуй, никто и не мог решить. Хотя это был человек не самых праведных устоев, но сейчас он действовал так, что это решало все проблемы Давида, и что очень важно, Давид не держал на Иоава зла за этот поступок с его сыном. Когда Давид умирал, а это было спустя всего полгода от этих событий, он завещал Соломону наказать Иоава, но обосновывая свою просьбу, он говорит о других делах Иоава, то есть с Авессаломом Иоав невиновен, потому что сделал то, что должен был сделать сам Давид.

Иоав взял лук и поразил висящего Авессалома стрелами, а его слуги довершили начатое им. После смерти зачинщика смуты Иоав затрубил трубой, сигналивая окончание сражения, про него говорится, что он жалел людей, и это не в первый раз говорится о нём, весьма позитивное качество. Преследование отступающего противника прекратилось, и воины Давида стали возвращаться. Среди сражающихся был сын первосвященника Садока, доставлявший Давиду известия из Иерусалима, может быть не принимавший участия в войне, но находившийся при командирах, чтобы держать связь между отрядами и Давидом. Ему хотелось поскорее бежать известить Давида о победе, но Иоав удерживал его, зная, что Давид не будет рад известию о гибели сына. Ахимаас настаивал, и Иоав согласился с ним, что он может идти, если так уж хочет. Но Иоав отправил вестником Хусия, который за время, пока Авессалом собирал свою армию, успел добраться в Маханаим и теперь также находился среди командования сражением. Здесь нужен был очень деликатный человек, чтобы не нанести Давиду излишнюю травму, суметь подать дело так, чтобы помочь царю справиться с горем о сыне, которого невозможно было сохранить, как он требовал. Ахимаас как более молодой успел раньше, и с радостью оповестил царя, что победа на их стороне. Давид, стоявший на городской стене, ждал известий, и когда оказалось, что гонцов двое, был озадачен. Он понимал, что сохранить жизнь Авессалому сложно, но всё же не мог с этим смириться и старался избежать всех подобных мыслей, что не придавало ему сил и приводило в противоречие с действительностью. Ахимаас, оказавшийся перед ним, немного обрадовал его, он требовал от него известий о сыне, однако же Ахимаас ощущал, что ему лучше не касаться этой очень трудной темы, и он отговорился, что не знает этого, что на тот момент, когда его посылали, он только видел какое-то волнение в толпе, но не знает ничего. Тогда Давид стал ждать следующего, и вот до него добрался Хусий Архитянин. Он торжественно, как и Ахимаас, поздравил Давида с победой, что их Бог был с ними и избавил царя от его врагов. Давид задал мучающий его вопрос о сыне, и Хусий решительно, как бы ныряя в холодную воду, воскликнул – "пусть со всеми твоими врагами, царь, будет то же, что стало с ним!" Это был очень взвешенный ответ, переводящий личную трагедию отца в иное пространство, где есть последствия для мно-

жества других людей, которых Давид должен оберегать от бед, ради чего он и поставлен. Давид не обиделся на сообщившего ему об этом друга, однако же поддался настроению. Он с потерянным видом направился внутрь надвратных помещений, желая скрыться от людей и оплакать своё горе о сыне, но его голос был слишком хорошо слышен всем тем, кто проходил в город, всем воинам, спасшим сегодня жизнь его и его многих сторонников. Получилось очень неудобно – возвращающимся воинам вместо ликования приходилось удерживать себя от восклицаний и криков победы. Люди смущённо пробирались через ворота, как будто стыдясь победы, они выглядели не как победители, а как убежавшие с поля боя. Иоав, наблюдавший за этим, ощущал гнев, и он, дав небольшое время Давиду выплакать горе, отправился к нему и призвал его к ответственности, чтобы он вёл себя как ответственный человек. Делать ему скидку на возраст и болезни ещё было рано, Давид и в семьдесят был ещё достаточно силён и крепок. Правда, спустя короткое время Давид резко сдал, буквально превратился в развалину, эти события сильно подкосили его, однако в этом виноваты были не только события этого дня, но и его собственная реакция на них, нельзя слишком сильно предаваться чувствам. Выбрав личное горе вместо ответственности за всех, подчинённых ему, забыв о том, что сегодня жизни всех его близких были спасены его людьми, он был виноват не только перед ними, но и перед Богом, не ценя победу, спасшую их всех, повёл себя как простой обычный человек, далёкий от ответственных постов. Обычно такие люди ощущают смешанные чувства, не теряя из виду расстановку обстоятельств, но Давид позволил себе сосредоточиться только на своей личной проблеме, и Иоав шёл поправлять это дело.

Может быть люди и снисходили к царю, не считали его плачь по сыну упрёком себе, однако же осторожность терять не следовало ни в коем случае, враг не дремал и вполне мог найти себе тех, кто раскрутил бы новую проблему, едва закончилась предыдущая. Иоав вполне верно обрисовал царю обстановку, сказав, что если Давид не уважит тех, кто ради него рисковал своей жизнью, то люди могут разойтись, покинуть его и это станет для них всех такой проблемой, какой ещё не бывало. Не стоит забывать о тех, чьей работой и службой обеспечивается успех высших лиц, никогда не следует, это действительно чревато, и Иоав помог осознать это Давиду. Грубовато, но достаточно уважительно он описал Давиду – "Ты сегодня привёл в стыд тех, кто спас жизнь тебе и твоим сыновьям и дочерям. Ты показал, что любишь ненавидящих тебя (в чём Давид в самом деле опережал своё время) и ненавидишь любящих тебя (пусть не буквально ненавидит, но выразить им признательность нельзя упускать, они тоже люди и могут иметь своё настроение, видя, что их старания не ценятся). Ты показал, что если бы мы все умерли, а Авессалом остался жив, тебе это было бы приятнее..." Это было жёстко, но Давид в самом деле пришёл в себя. "Клянись Сушим", добавил Иоав, "что если ты не выйдешь к людям, то у тебя не останется никого..." Давид неохотно, с трудом выходил из сильной депрессии, однако он признал правоту Иоава, что в самом деле не поблагодарил людей, не поздравил их с победой, что не должен был настолько терять управление собой. Он давно замечал за собой излишнюю пассивность, и думаю, что даже был благодарен Иоаву, что тот вывел его из неправильного состояния, помог избежать больших ошибок, пусть и довольно нелицеприятно. Он, Давид, опять заслуживал этого, но это было правильно. Он должен забыть о себе, он должен служить своему народу, он поставлен как раз для этого, а не для того, чтобы другие тащили за него груз ответственности.

Давид вышел к воротам, и народ собрался туда на смотр. Царь произнёс всё то, что нужно было в этих случаях, и на время и сам забыл о своём несчастье, дав людям отпраздновать победу и порадоваться успеху, данному свыше и произведённому их ратным трудом в защиту закона и справедливости.

Возвращение на царствование

Те, кто воевали за Авессалома и уцелели в столкновении со сторонниками Давида, разбежались по домам и теперь во всех селениях Израиля люди спорили и думали, что теперь делать. Аргументом против Давида в их глазах было то, что он вроде как без боя оставил столицу и трон и ушёл за Иордан. Правда, бой был, и ещё какой, но поскольку спорящие были далеко не эксперты, а самые обычные люди с небольшим (как мне сильно кажется) образованием, то они считали, что этой уступкой Давид потерял право на царство. Впрочем, тут же они сами, да и собеседники не упускали заметить, что Авессалома, который вроде как был законным царём после Давида, уже нет. Многие считали сразу, что надо звать Давида назад на царство, и в принципе сторонники Авессалома были согласны с ними, самым главным пунктом, на который их сознание опиралось, был факт его помазания на царство ещё с ранней молодости, да и после Саула все считали его законным и просто-таки природным, прирождённым царём. Может быть ему осталось немного из-за преклонного возраста, но он давно вёл все дела и назначение преемника – его прерогатива. Без Давида спор о новом царе привёл бы к огромным проблемам и гражданским войнам. Также все видели руку Бога в разгроме численно превосходящих войск Авессалома, также уход от дел и печальный конец его главного советника Ахитофела производил неслабое впечатление. В общем, даже сторонники Авессалома большей частью сами себя убеждали, что надо возвращать Давида.

Впрочем споры, идущие в стране, могли продолжаться очень долго, и без всеобщего согласия Давид не решался возвращаться. Однако можно было немного ускорить дело, и Давид обратился к своим родственникам и соплеменникам. Племя Иуды было более других склонно действовать, и к ним были посланы первосвященники, имеющие большой вес в столице, передать, чтобы иудейские старейшины не оказались последними в приглашении царя вернуться. Это помогло, иудеи собрали представительную группу людей, которые пошли к Давиду и призвали его вернуться в Иерусалим. Среди того, что передавали посланные в Иудею, было послание Давида и к Амессаю, близкому родственнику, который недавно возглавлял армию Авессалома. Он не преуспел в военных делах, однако Давид явным образом предложил ему занять место Иоава, которого он давно хотел сместить ещё со времени убийства Авенира, но теперь, после гибели сына он решил не стесняться и отстранить его от дел. Вряд ли он вынашивал обиду за обличение после битвы при Маханаиме, но видимо немалую роль сыграло его самоуправство с Авессаломом. Идея быть первыми в возвращении законного царя нашла немалую поддержку у глав племени и всех иудеев, и теперь Давид возвращался домой. Делегация по возвращению Давида пришла к нему, потом к месту переправы через Иордан встречать Давида пришло много людей. Они перевезли Давида на большую землю, переправили также всех тех, кто уходил с ним в изгнание, это была торжественная встреча.

Среди встречавших Давида на правом берегу Иордана оказался Семей, человек, который думал, что можно безнаказанно поиздеваться над низложенным царём. Когда Авессалом погиб и все вокруг заговорили о возвращении Давида, он очень сильно задумался. Попасть в такое положение надо было умудриться, и он ощутил себя в дураках, ведь никто не додумался делать то же, что и он, даже из вениамитян никто не злословил попавшего в проблемы Давида, а он захотел покуражиться и вдруг, словно наперекор ему, всё пошло не так. Теперь же надо было исправляться, и как ни глупо он выглядел, но жить хотелось сильнее. Едва нога царя ступила на иудейскую сторону, Семей упал ему в ноги и молил о прощении. Авесса, бывший рядом, спросил Давида, неужели этот человек не умрёт за злословие помазанника Бога. Но Давид простил этого человека ещё когда он поносил его, и было не очень логично сейчас вспоминать ему то зло. Конечно, в этом деле было то, что этот человек преступил закон, злословие царя или судьям, священника или родителей наказывалось жёстко, и то, что Давид его простил как человек, было очень большим снисхождением. Этот человек по своему характеру не то, что не заслуживал снисхо-

ждения, скорее наоборот, здесь были отягчающие вину моменты. Но Давид уже сказал своё слово и этим затруднил дело правосудия. В последующее время Давид помнил об этом человеке и просил Соломона не оставить этого человека без возмездия, и тот выполнил просьбу отца, создав условия, которых Семей не выдержал.

Здесь присутствовал также и другой человек, который в мутной воде перемен ограбил памятного для Давида человека – Сива, обманувший и Мемфивосфея, сына Иоанафана и самого Давида. Тут же на берегу Иордана, он встретился и с Мемфивосфеем. Сива тоже был здесь со всем своим домом и слугами, участвуя в перевозке людей Давида, он ощущал, что гром может грянуть и над ним, и очень старался быть всем полезным. Позже Соломон в притчах говорил о слугах, становящихся господами, и что земля от этих перемен страдает, и имел ввиду как раз подобных Сиве людей. Давиду почему-то было тяжело считать, что Мемфивосфеем неблагодарен, и когда небритый и неухоженный сын его лучшего друга оказался перед ним, он с обидой спросил его, почему он не поехал с ним. Думаю, ему хотелось спросить, дал ли ему что-нибудь Авессалом, но, кажется, по виду Мемфивосфея он уже видел, что дело обстоит совсем не так, как он поначалу подумал. Он видел, что этот человек искренне переживал о нём, да и ответ Мемфивосфея раскрыл реальность, и Давид огорчился, что поверил лжи, причём повёлся на явную ложь, для Мемфивосфея, как он был охарактеризован слугой, оно было нехарактерно. Он в расстройстве воскликнул, что из-за той лжи, в которую он поверил, он отдал его владения Сиве. Что интересно, когда при бегстве Давид говорил с Сивой, то он сказал ему забрать всё от Мемфивосфея, а сейчас ему было настолько неудобно, что он смягчил свои слова, что только разделил его имение между ним и Сивой. Он понимал, что своим недоверием оскорбил Мемфивосфея, и не желая обижать его, смягчил слова. Был ли Сива сейчас рядом с ними? Ему бы полагалось слушать внимательно, потому что Семей Давид вроде сейчас простил, но зато под горячую руку мог подвернуться он. Почему-то в Библии не описана эта история полностью, обрываясь на этом эпизоде, однако же понятно, что такое вопиющее зло Давид не мог спустить, тем более обижен был не только сын Иоанафана, но сам царь оказался нагло обманут. Было ясно, что Сива надеялся, что Давид не вернётся, и радовать такая расчётливость ни Давида, ни его соратников никак не могла. Думаю, что у Сивы было забрано всё, что он прихватил себе в тот момент, да и прошло очень немного времени, вряд ли больше месяца с момента как обманом ему были пожалованы земли. И это ему ещё крупно повезло, если отняты были только обманом захваченные владения Мемфивосфея.

Один из тех, кто оказал большую помощь беглецам, Верзилий, пошёл проводить Давида. Он был стар, но считал большой удачей в своей жизни, что мог оказаться полезным человеку, близкому с Богом, праведнику, к тому же и царю. Он был старше Давида, и они за время нахождения царя в Маханаиме, сдружились. Дружба с хорошим человеком, возникающее расположение согревало Давида, возвращало во времена молодости, это вообще уникально достояние человека, поднимающее и облагораживающее нашу природу, могущее много сделать для любого. Сейчас у Иордана Давид предложил этому новому другу пойти с ним в Иерусалим, но тот отказался, ему уже немного оставалось жить, и в отрыве от родных мест, где похоронены все предки и много родных, ему было бы некомфортно, так что он попросил о своём сыне, чтобы тот мог попробовать устроиться в столице, и Давид обещал позаботиться о нём.

Конфликт

Давид уже вернулся к делам государства, но почти из ничего возникла новая проблема. Дело в том, что возвращали Давида практически одни лишь иудеи, разве что из вениамитян были некоторые представители. Остальные племена ощутили себя обойдёнными, они были тоже не против поучаствовать в торжествах по поводу возвращения царя, хотя это сейчас они были такие разумные и согласные. Пока Давид был вне игры, сидя за Иорданом и не зная, что делать, они палец о палец не ударили, чтобы хотя бы ради сохранения государства и общественного бла-

га избежать безвластия и потери координации, которая выработалась и установилась за время Саула и Давида. Хотя в одном моменте они и правда имели право быть недовольными – иудейские старейшины никого не предупредили о том, что собираются делать, когда собирали делегацию к Давиду. Сначала они позвали Давида, придя к нему в Маханаим, затем уже направились к Иордану встречать и перевозить его, но никому не рассказывали об этом, хотя секрета из этого тоже не делали. Ближайшие соседи могли знать о действиях иудеев, но спохватились лишь когда Давид уже вернулся. И здесь ошибки Давида не было, трудно приписать ему, что он должен был сам заниматься переговорами со всеми, это иудейские князья должны были бы позаботиться о том, чтобы Давид вернулся на всеизраильский престол, а не выглядел снова лишь царём одних иудеев. Посланники разных племён пришли в Иерусалим, уж в этом они действовали согласованно, собравшись вместе. Они обратили своё недовольство не к Давиду, хотя пришли к нему во дворец, но выразили претензии к иудеям – "почему наши братья иудеи похитили тебя и переправили через Иордан без нас?"

Давид несколько затруднился с ответом, он ощущал правоту этих людей, и был готов, думаю, принести им извинения, однако стоящие рядом иудейские князья перехватили инициативу и, ощущая себя на коне, ведь они вернули царя домой (не понимая, что этим делали его лишь своим, иудейским царём, но не всей страны), невежливо возразили – "потому, что царь нам ближний, из наших..." Они добавили себе в оправдание, что не получили от этого никаких привилегий и подарков, но этим не успокоили представительное большинство. Те выразили своё возмущение – "нас больше, мы десять частей у царя", тогда как иудеев с симеонитянами лишь две части. Однако иудеи не думали, что в этом может быть какая-то проблема, разумных людей среди них было немного, к сожалению, а те, кто были помудрее, не успевали вставить своё слово, так как запальчивые спорщики с их стороны уже выкрикивали невзвешенные слова.

В этой обстановке не требовалось изобретать что-то особое, достаточно было неосторожного слова, и нашёлся один то ли безрассудный, то ли хитрый человек, увидевший для себя отличный шанс поймать свой миг выделиться, что бы он ни нёс. Савей вениамитянин затрубил в трубу, что было сигналом чрезвычайных событий и возгласил среди недовольных переговорами о претензиях представителей племён – "Нет нам доли у Давида, все по домам!" Это означало, что Давид остаётся царём опять только над Иудеей, остальные же не признают его царём.

Те, кто пришли сюда, были старейшинами племён, их решение могло быть судьбоносным, их отказ от Давида мог разрушить управление и единство страны. Однако же случившееся сейчас не было обдуманым. Люди пришли лишь чтобы решить проблему и договориться о будущем, чтобы получить какую-то компенсацию, то, что они не пришли звать Давида на царство не было их отказом от Давида. А тут их вдруг толкнули на отделение – это не было тем, что они хотели получить. Поэтому сегодняшнее событие не раскололо страну, да и общество не было готово к такому повороту, люди посылали своих представителей не для того, чтобы лишиться царя и начинать всё сначала, тем более что Бог давно назначил им Своего представителя, и быть бунтовщиками против своего Бога хотелось не многим. Достаточно было того разочарования, что они сильно ошиблись с Авессаломом, который совершенно не оправдал их надежд, кроме разве что яркой внешности, от которой, на самом-то деле никому не было особой пользы.

Давид понимал это, поэтому всё, что сейчас нужно бы было сделать, это остановить тех, кто непосредственно пошёл с Савеем, сыном Бихри. Если дать им время, он в самом деле может обратить на себя внимание людей, и если к нему начнут присоединяться другие, если люди выскнут к нему, то он может стать новым кандидатом в цари – лучше не доводить дело до новой войны между старым и новым царями, это может разрушить слишком много. Давид приказал новому командующему армией, Амессаю, которого он в самом деле поставил над армией вместо Иоава, собрать войско из иудеев, дал ему три дня на это, чтобы потом преследовать Савея. Но Амессай, то ли не имевший достаточно опыта, то ли столкнувшийся с тем, что многие не хо-

тели признавать нового начальника и повиновались неохотно, не успел выполнить распоряжение к назначенному сроку. Это грозило тем, что Савей может успеть начать собирать себе людей и из лёгкого дела могло выйти уже трудное. Тогда Давид вызвал Авессу, брата Иоава (с самим Иоавом он категорически не хотел иметь дела), признанного в армии начальника, хорошо знакомого, и лишённого недостатков брата, и поручил ему ту же задачу. У Авессы с Иоавом были свои люди и с ними они вышли и отправились по следам Савея, чтобы не дать ему нигде закрепиться и собрать войско.

В этом походе Иоав снова стал начальником, брат понимал, что ему нет равных в военных умениях, сам Авесса не мог командовать так, как брат, поэтому лидерство естественным образом перешло к старому командующему. И всё бы ничего, но к несчастью им на пути встретился Амессай с новой командой. Они были довольно близкими родственниками с Иоавом и Авессой, но Иоав не терпел возле себя других соперников, и он решился на новое преступление. Почему он сделал это, я не понимаю – разве не мог он дать место и ещё одному родственнику, договориться с ним по братски о разделении полномочий? Может быть он считал, что служивший изменнику не должен был быть при делах? Но в любом случае он сам пошёл против воли царя, чем пренебрегать никак не стоило, и этим Иоав предопределил себе проблему на будущее. Подойдя к Амессаю, Иоав поздоровался с ним и вроде как собрался поцеловать его, и Амессай не ожидал, что сейчас его так легко убьют. Беря брата за бороду, Иоав в то же время взялся за меч, и Амессай, тоже не последний в военном деле, не обратил на это внимания, не веря в то, что Иоав настолько щепетилен в вопросах гордости и первенства. Иоав ударил его в живот, так что выпали внутренности, и Амессай остался на дороге. Шедшие за ним остановились, не зная что делать. Они были все в одной команде, делали общее дело, и вдруг их командир убит... Один из людей Иоава оттащил Амессая в сторону с дороги и прикрыл его плащом. Другой же стоял на дороге и говорил людям, оторопевшим от произошедшего, чтобы все, верные Давиду, шли за Иоавом. Вроде как только те, кто идёт за Иоавом, будут таким образом помогать Давиду, и другого пути нет. Бывает, конечно, что в самом деле образуются узкие места в каких-то движениях или организациях, что два потока мешают один другому, и лучше объединить все силы под одним командованием, и Давид, поставив над армией человека с запятнанной репутацией, особенно в данный критический момент, создал рискованную ситуацию, которая могла ввергнуть его и страну в немалые проблемы. Позже Давид назвал Амессая лучшим, чем Иоав, но если бы он сделал это не сейчас, а попозже, когда события пошли бы более спокойно, то всё могло бы обойтись без конфликта. Люди Амессая и Иоава должны были соединиться в один отряд, и подразумевалось, что командовать будет Амессай, как распорядился Давид, однако с Иоавом, похоже, каких-то убеждений, объяснений, переговоров или даже торгов не было произведено, и он считал для себя унижением подчиняться тому, с кем воевал совсем недавно, месяца не прошло, скорее всего. Главная разница между Давидом и Иоавом была, наверное, в том, что если Давид стремился делать дела так, чтобы был доволен Бог, то Иоав об этом заботился в последнюю очередь, хотя и не забывал. Интересы страны у него была на первом месте, правда, если не затрагивались его собственные.

Когда тело Амессая убрали с дороги, то бывшие с Амессаем также пошли за Иоавом и его людьми, принимая сложившееся положение вещей. Преследуя Савея, отряды Иоава добрались до северных окраин, где решил остановиться Савей. В других местах, видимо, он не мог закрепиться, поскольку население городов встречало его не самым лучшим образом, не одобряя его эмоционального поступка. Люди не отошли от одной войны, и тут им предлагают следующую. Многие не одобряли гордости князей, оскорблённых тем, что иудеи первыми пригласили Давида, надо было не сидеть сиднем, а спешить решать такие дела поскорее, тогда бы не было проблем. Так что восстание Савея пока что не поддерживалось большими массами людей, и многие начальники в народе отвергали его предложения бунта. Но в одном из крайних селений,

за границу ему было, похоже, некуда бежать, он остановился. Сюда стягивались те, кто всё же думал как он и вскоре он мог бы набрать хоть какую-то группу, которую могли начать принимать всерьёз, если бы он удачно показал себя. Когда войско Давида пришло к городку Авель-Беф-Мааха, они начали обустроить осаду вокруг него. Жители города видели, что им закрывают возможность сообщения, и начали беспокоиться. Одна из очень разумных жительниц города обратилась к Иоаву и описала ему дело, как оно виделось живущими здесь. В самом деле, этот городок имел славу мудреца и советника, похоже, что некогда здесь сложилась культура воспитания высокоразвитых умов, так что с давних времён сюда обращались за советом в самых запутанных делах и не уходили разочарованными. Эта женщина также была из тех, кто составлял славу этого города, и она объявила, что они являются верными людьми, не замышляющими смут и расколов. Так что Иоаву осталось только пояснить, что он не будет ничего плохого делать никому, но у них нашёл прибежище человек, восставший против царя, и с этим надо что-то решать. Если его выдадут ему, то он уйдёт назад со всем войском. Женщина эта пообещала Иоаву, что он получит голову Савея, её сбросят ему со стены, и он стал ждать. В городе же произошло совещание, и вряд ли было много споров у его элиты. Решив, как женщина и обещала, отдать чужака, принёсшего им неприятности, преследователям, они взяли Семея и выполнили обещанное. Иоав, получив его голову и убедившись, что это нужный ему человек, не стал заботиться о тех, кто был с ним, без него они все уже не представляли угрозы. В наши времена обычно дело заводят на всех причастных, и трудно сказать, где лучше и надёжнее решают проблемы... На этом проблемы для Давида закончились, и народ также вернулся к своим делам.

Окружение Давида, подвиги и герои

История Давида рассказана не очень линейно, после глав о его последних годах повествование возвращается к отдельным событиям в прошлом. Впрочем это нетрудно понять, прежде рассказывалось почти только о Давиде, в этих же главах описываются ещё и его соратники и события, связанные с ними. Ещё в самом начале своих скитаний, когда Давид скрывался от Саула в пустынных местах и пещерах, к нему пришли некоторые люди, связавшие свою жизнь с ним, принесшие к нему свои умения и служившие ему как избраннику Суцего, как царю, хотя Саул ещё занимал трон. Но они служили Давиду потому, что выбрали служить Богу, свою верность Ему они показали, поддерживая Его избранника, который должен был заботиться о стране и народе. Давид был сам из удачных ребят, но некоторые из первых тридцати силачей и мастеров боя далеко превосходили его. Среди тридцати первых воинов выделялись трое, и летопись уделяет внимание им и их подвигам.

Я как, наверное, все в России, рос под влиянием сказок, так было заведено. От многих из них осталось лишь впечатление (сильное и правильное, тем не менее), многое выветрилось. Сейчас думаю, что не все из них были одинаково полезны для воспитания характера, хотя бы это – "не выдержало сердце молодецкое..." – совсем не лучший ориентир для подрастающего поколения, явно они имели обращение среди взрослых, а потом кто-то повернул их против новых поколений... Лучше бы рассказывали реальные истории о подвигах и свершениях, о возможностях человека, о лучших людях, хотя сказки вроде к тому же самому вели, но ведь даже маленьким нам было понятно, что это не реальная история, а потому эффект не совсем тот, что от реальности. У Израиля была хорошая возможность из их же истории, которая сейчас называется "священной историей", учить молодые поколения. Однако почему-то мне кажется, что историю каждого народа священна, когда в пример ставят лучших людей народа и страны, влияние этих фигур на новое поколение трудно переоценить.

Первый из сильнейших Исбосеф (по другим чтениям Адино) в одном из боёв один не просто противостоял восьмистам человекам, но поразил столько за время схватки. Явно были те,

кто выжили, и тогда число тех, против кого он вышел, было значительно больше. На память приходят подвиги Самсона, и можно видеть, что в его (и других подобных) случае имело место вдохновение извне. Бог Давида сопровождал его самым тесным образом, раздавая дары и всем тем, кто поддерживал его и его призвание, делил с ним тяготы изгнания, а потом и служение народу и делу, ради которого этот народ был создан. Тот, кто шёл вторым в рейтинге сильнейших и лучших воинов – Елеазар, отличился в другом бою, когда за ним шли только для того, чтобы собирать добычу, и число поражённых им даже неизвестно. Количество врагов было немалым, потому что победа того дня названа "великой", то есть столкновение было не с десятком неприятелей, и даже не с сотней. Последний из первой тройки лучших Шамма из Гарара – в одном из боёв израильтяне побежали, и он, не желая, чтобы чечевичное поле, оказавшееся по соседству, было затоптано, заступил дорогу преследователям и не дал им топтать его... Он один остановил филистимлян и снова тот день стал известен большой победой.

Был ещё один случай, ставший легендой, случившийся ещё во времена, когда Давид прятался от Саула, что филистимляне стояли в его родном Вифлееме, а он со своим отрядом в крепости рядом. Когда ему захотелось пить, он высказал вслух мысль, что было бы здорово напиться из колодца, находившегося в этом селении. Наверное, вода была там особо вкусная или просто память о детстве, которое сейчас была занята вражескими воинами. Между отрядами было затишье, никто не спешил выходить и начинать бой, но трое этих удалых услышали Давида, и переглянувшись, они зажглись идеей отлично пошалить. Они вышли к Вифлеему, подошли к нему и вошли в селение. При этом к ним навстречу выдвинулись филистимляне, удивившиеся визиту не отряда, а всего лишь троих человек – что они хотят? Не знаю, говорили ли эти трое, что пришли за водой или сразу перешли к делу, но поначалу на них не нападали все сразу, а реагировали по мере развития событий. В общем, они пробились через всех, кто преграждал им путь, а после начала боя счёт пошёл на десятки тех, кто начал атаковать их. Они дошли до колодца, он явно был с краю городка, и пока двое удерживали нападающих, третий зачерпнул воды и они пошли обратно, отбиваясь от ошеслённых такой наглостью филистимлян. Они благополучно отбились и ушли, принеся Давиду воды. Наверное не сразу у Давида поняли, что происходит, за этими тремя не было погони, скорее всего оказывали помощь пострадавшим, которых было слишком много, чтобы думать об ответном нападении, в общем наблюдали, что из их авантюры выйдет. Когда Давиду принесли воду, он никак не ожидал, что его пожелание вдруг кто-то станет осуществлять, и хотя он был восхищён результатом, он, как и многие другие на его месте, не стал поощрять их ненужный риск. Давид вылил на землю принесённую ему воду, но не думаю, что обидел этим этих героев, он сказал, что сохрани его Суций, он не может пить кровь тех, кто так сильно рисковал. Вроде выразил неодобрение, но при этом и высоко оценил...

Были и другие, мало уступавшие этим троим – Авесса, брат Иоава имел на своём счету триста человек, поражённых его копьём, и заслуженно пользовался уважением у самых знаменитых, хотя он не пытался равняться с ними в славе. В окружении Давида если кто и пытался добиться признания, то делал это делом, а не хитростью. Из других военачальников был известен подвигами ещё Ваня, сын Иодая, занимавший положение рядом с военными, но его делом было что-то вроде особых поручений, явно это разведка и прочее, связанное с особыми делами и отделами. Он был явно на своём месте, занимая свой пост всё время правления Давида и не имея никаких нареканий.

Ненужная перепись

Уже отмечалось о Давиде, что постепенно, с утратой здоровья неизбежно теряется и ясность мышления, чёткость работы мозга, и когда он был отстранён своими соратниками от личного участия в войнах, тогда же ослабело и качество управления страной, хотя, казалось бы, у него стало больше времени. Не всегда ослабление интеллектуальной силы заметно, далеко не все обнаруживают это, обычные люди сталкиваются с этим в быту, не находя куда положили то,

что держали в руках или путая имена детей. Но на самом деле обнаружить такие потери совсем не трудно, индикатором могла бы служить решение каких-то задач повышенной сложности, которые на пике здоровья тела и ума решались легко. Если решение задачи занимает больше времени, чем обычно, если появились области, в которых даже осознание условий занимает много времени, когда сознание зависает, то это явный признак, что вам нужно плотно заняться доверенным вам под ваше управление и вашу ответственность телом со всеми его возможностями и настройками. Люди обычно также не видят и не замечают, что поведение и моральность поступков, сама праведность зависит от качества работы ума, то есть мозга, высшей нервной системы. Хотя со стороны это более заметно, особенно как с возрастом, когда человек "выживает из ума", портится характер, появляется несправедливость из-за того, что кто-то считает, что живёт так же как прежде, когда был молодым, однако это не соответствует реальности. Он полагает, что его чувство правильного всё то же, как и он сам, но это не всегда так, если только привычки поступать по правде не были крепко закорены.

С Давидом тоже происходило подобное, и вот однажды, уже ближе к концу его правления, ему очень сильно захотелось узнать, насколько усилился Израиль, как выросла численность племён, потому что он видел разницу между состояниями когда он принимал страну и какой она стала сейчас. По идее желание нормальное, подвести итоги своих усилий всегда неплохо, но в его случае был один подвох, делающий его желание неприятным для Бога и его самого делающего противником Богу. Состояние дел в стране он видел и сам, он мог об очень многом судить по отзывам людей. Если бы он хотел подвести итоги, то первым делом и должен был сесть и задуматься поглубже, собрать уже известное, из чего можно было очень много узнать нужного и полезного. Но он захотел вместо внутренней работы получить готовый ответ, который давал всем немного информации. И это было неприятным для Бога, который хотел бы от Давида гораздо больших успехов в развитии доверенной ему страны, он мог сделать куда больше, продолжив дело Самуила в общественном образовании. Первые годы Давид делал то, что нужно, ограждая страну от врагов, занимался мирным строительством, строя фундамент для рывка в развитии духовности и науки, но когда фундамент был благополучно построен, как раз переиздание и нездоровое питание царской изощрённой кухни подточили его силы, особенно тонкие высшие способности. Он не осознал необходимости движения дальше, потерял перспективу, хотя может быть и не имел её вообще, как и все вокруг него. Один лишь Самуил прорвался сквозь обыденность и упрощённость бытия, но Давид вряд ли понял его замыслы, слишком мало проведя времени с ним.

Такое вот состояние, в котором постепенно оказался Давид, при всём его общем настрое на служение Богу и хранение Пути, привело его в состояние некоторого разрыва с Богом (почему многие авторы Библии призывают к бдительности, к постоянной проверке себя), он оказался не под Его влиянием, а продолжал по инерции делать привычное. Это то состояние, которое называют фарисейством или самоправедностью, когда человек не делает ничего особо плохого, но и добро, которое он делает, не полноценно, содержит семена зла, которые потом из его дел вырастают. Влияние полудобра не несёт освящающего влияния, которое развивает и продвигает в развитии праведного, правильного, святого и доброго. В тени, в неосознаваемом человеком при этом развиваются склонности к эгоизму. В религиозном мире таких людей, увы, подавляющее большинство, в результате чего религия отвратительна для многих как по характеру, так и по результатам. Неудивительно, что летописцы отмечают этот момент в жизни Давида как попавший под гнев Бога и одновременно когда дьявол сумел осуществить свои козни, сделав Давида своим орудием.

Давид продавил сопротивление Иоава, который, как ни странно, не разделял самоуверенности царя, внезапно захваченного этим желанием. Иоав выступил буквально в духе пророка, сказав ему – "Сущий да умножит народ, сколько есть и ещё в сто раз больше, и пусть ты уви-

дишь это, но зачем тебе перепись?" Как правило переписи проводились редко, по особым случаям, и всегда Бог лично отдавал на это распоряжения, так что желания Давида для такого мероприятия было недостаточно, чтобы обосновать её в глазах соратников. При переписи к тому же должен был взиматься налог как своего рода жертва, то есть в ней присутствовало что-то сакральное, но в этой переписи налог не был собираем. Читая отчёт о походе Иоава, обошедшим не только Израиль в границах, бывших при Сауле и до него, видно, что он ходил и в окрестности Тира и Сидона, завоёванных Давидом или имевшим близкие отношения. То есть эти политические союзы также волновали Давида, и его интересовала численность не только его страны, но и сколько людей оказалось на присоединённых территориях. Эти люди не были израильтянами, они не стали последователями Суцего, и включать их в перепись вместе с Израилем было как-то неправильно. И последний фактор, навлекший неудовольствие Бога, это то, что прежние переписи совершались через собиранье народа вместе, хотя бы на ежегодных праздниках, но Давид почему-то не уделял большого внимания этой стороне религиозной и национальной жизни, довольствуясь тем, что уже было. Перепись была проведена военными начальниками, которые ходили из города в город, в то время как в этом должны главенствовать священники. Священники же, со своей стороны, либо сразу отказались принимать участие в этом деле по причине несоблюдения порядка, либо Давид даже не стал их звать, зная, что они не могут и не станут в этом участвовать. В общем, практически по всем параметрам Давид действовал неверно.

Когда примерно через десять месяцев Иоав с другими высшими сановниками вернулись, то Давиду были предоставлены результаты – миллион триста тысяч мужчин, готовых к войне, то есть возраста от двадцати до пятидесяти лет, по всей стране. Здесь отсутствовали данные по левитам и священникам, Иоав, хотя и был принуждён выполнить приказ, всё же саботировал его хотя бы в этой части, не смея исчислять тех, кто служил в святилище. По сравнению с предыдущей переписью численность населения была заметно выше, вот только почему-то Давид не радовался результатам. Видимо за время прошедшее с момента, когда им овладела неудержимая страсть немедленно потрогать результаты личных успехов, многое в нём изменилось. Пока экспедиция Иоава обходила его земли, ему поневоле пришлось отвлечься на другие дела – как бы нетерпелив он был, ускорить перепись было невозможно. И теперь, когда он получил желаемое, утекло много воды, прежние желания просто потерялись, и сейчас он совсем иными глазами оценивал сделанное им. Он буквально вздрогнул, увидев вдруг масштаб нарушений, проделанных им из-за капризного желания. Перепись как будто не была преступлением, сравнимым с явным грехом с Вирсавией и её мужем, однако его положение налагало гораздо большую ответственность, и это нарушение порядков и уставов Суцего оказывалось значимым не менее, чем то явное преступление. Самое неприятное было для него в том, что если уж ему так захотелось знать насколько было успешно его правление, то он мог довольствоваться оценочными расчётами, достаточно было задать вопросы князьям племён, среди них издавна были люди, ведущие родословные записи, которые без всякой переписи владели достаточно точными числами своих подопечных. Сейчас сделанное им предстало ему в другом свете, и он содрогнулся в ожидании того, чем ответит его Бог, насколько Он оценит его проступок.

На следующий день к нему с утра пришёл пророк Гад, принесший известия от Суцего. Это был вопрос, какое наказание из трёх выберет Давид. Давид уже повинился перед Богом, попросил прощения, но дело было сделано явно, страна была обойдена его посланниками, ему были принесены конкретные числа и теперь Бог должен был показать Давиду, как легко эти числа могут меняться... Предложения были следующими – или семь лет голода, или три месяца войны, когда поражения будут касаться ближайших к нему людей, или три дня мора, когда людей будет косить болезнь. Это выглядело как бы изощрённой насмешкой, когда жертве некуда деться от неприятеля, но Давид и все вокруг него, как и последующие поколения должны были получить урок о важности следования правилам. Давид не был рядовым случайным человеком, на нём

было высшее посвящение, он высоко ценил Бога в начале своего пути, но не всегда оказывался последовательным в этом. Мне лично кажется, что он излишне положился на самого себя, что его отношение к Богу сохранит его от падения, что для него, столь сильно полюбившем Бога и всё Его совершенство уже невозможно сделать что-то такое, что Ему не нравится. Однако же здесь крылся немалый просчёт – защита от зла находится не в человеке, как бы он ни отзывался на дело и работу Бога в нём, а лишь в самом Боге. Сближаются с Ним не оттого, что любят Его больше жизни (любовь, конечно же, притягивает к Нему и двигает на дальнейшее развитие отношений, но если она не приводит к высшему развитию, к познанию Его и всего Его дела, то это уже не любовь, а эмоции о ней), а когда изучают и исследуют Его и Его дела. Мозг человека способен на очень многое, это высшее, что Бог поместил в нас, и именно это вместилище всего должно заполняться изученными материалами о Боге и Его мироздании. Давид держался на своего рода романтике, но в ней немного сдерживающих и направляющих начал, гораздо больше их раскрывает тот, кто познаёт всё, с чем сталкивается. В своём сыне Соломоне Давид увидел, что тот может его намного превзойти в религиозном опыте именно в силу лучшего использования ума. Мудрость Соломона открывала ему самые безопасные пути, и Давид мог лишь сожалеть, что сам некогда упустил возможности учиться у Самуила, сколько бед и проблем он мог бы избежать. Недостаточно обострённый и изощённый ум не дал ему увидеть множество опасностей, подстерегавших его сыновей и дочерей, он просто не замечал, чем чревато каждое мгновение жизни, и высшие его достижения лежали в сфере военной, от которой он раньше времени оказался отлучён из-за упадка в здоровье, и он так и не заполнил достойным занятием образовавшийся досуг.

Его ответственность как близкого к Богу человека была высочайшей, его ошибки были непростительны (я вовсе не имею ввиду, что они не могли быть прощены или не были прощены, я говорю лишь о том, что у него были большие возможности не совершать их), поэтому и взыскания Бога с него столь изощённы. Он мог без всякого труда избежать всех своих ошибок, для него это не было бы трудно, пожелай он этого и займись анализом себя и обстоятельств, поэтому Бог спрашивал с него по высшей мерке. Будь у Давида серьёзные основания для ошибок, спрос с него был бы гораздо меньший, Бог умеет делать скидки, Он более чем щедр, но здесь и сейчас Давид должен был получить жёсткие уроки. В этом случае он видел, что его пренебрежение правилами выходит боком далеко не только ему, но народу. Те, кто стоят наверху, отвечают за своих подопечных. Гад сообщил Давиду, что он должен сделать выбор, и что он должен передать его ответ Тому, Кто послал его. Мысль, что за его ошибку будут расплачиваться другие, была для него непереносима, Давид готов был лично платить по счетам, но в этот раз его ошибка касалась численности народа, и этим он сам подставил всех под удар. Давид некоторое время взвешивал предложенное, но одно было хуже другого. Правда, как и многие на его месте, он выбрал то, что проходит быстрее, и также ему не хотелось попадать в зависимость от человеческого фактора. Поэтому он попросил, чтобы Бог лично занялся исполнением наказания, чтобы не были задействованы стихии природы или враги его страны, то есть он выбрал болезнь. Из общего количества населения по меньшей мере примерно в 7-8 миллионов пострадало семьдесят тысяч, что кажется немного, хотя потерять один процент населения за три дня это очень большие потери. Однако Давид понимал, что в случае войны потери могли быть больше.

Наказание, скорее всего, производил некий ангел, специализирующийся на наказаниях этого рода. На тему ангелов-губителей, можно упомянуть ещё имя, по гречески (на котором написан Новый Завет) звучащее Авадонна, упоминаемого в Откровении, но не чувствую, что это было бы правильно. Для этого нет никакой информации, от которой можно было бы как-то отталкиваться. Лучше не касаться этой темы, лучше позаботиться, чтобы не оказаться у него на пути, поскольку работы у него будет ещё немало, к сожалению, но такова жизнь. Если нам не нравятся её правила, это наша проблема, но изменять реальность под свои желания не в наших

возможностях. Бог таков каков есть, и Он для любого человека обозначил путь и возможности выиграть и добиться всего, имеющегося в Его империи (если можно так говорить), без всякого ущерба для наших чести и достоинства.

Этот ангел обошёл разные местности, и на третий день стоял перед Иерусалимом, готовясь произвести своё действие и здесь, однако Бог остановил его, посчитав достаточным уже сделанное в других местах. Думаю, что Давид не просто сожалел о сделанном, но расследовал, что в нём было не так, из-за чего и что сделало его слепым и нерассуждающим с этой переписью, он копал глубоко и делал выводы. Это было то, что нужно, хотя совсем отменить Бог наказание не мог, этого требовало состояние дел на Земле и в Израиле, слишком много было задач и целей, очень большая ответственность лежала на Его представителях.

Давид смог увидеть, что происходило в это время, как ангел опустил руку с мечём. Всё это было реальным, и ангел находился рядом с хозяйственными постройками одного из жителей Иерусалима или окрестностей, его звали Орна (по другим чтениям Арауна). Поэтому Давида называют пророком, что иногда он мог видеть то, что от глаз большинства людей скрыто, хотя обычно другие передавали ему вести от Бога – у каждого своё дело и способности. Вскоре к Давиду пришёл Гад и передал распоряжение Сущего, что на месте, где стоял ангел с мечём, он должен построить жертвенник, а также принести на нём жертву, чтобы поражение народа остановилось. Давид пришёл к Орне, с ним находились также и другие его люди, и для Орны этот визит был неожиданным. Он глубоко уважал царя, хотя и не был евреем, и поклонившись, спросил по какой причине он видит перед собой столь уважаемых людей. Давид ответил ему, что ему нужно купить место, где стоит его гумно, что это нужно сделать, чтобы люди в стране перестали болеть и умирать. Орна был состоятельным человеком и был готов предоставить для такого дела свою землю в дар, показывая также и свой щедрый характер, но Давид, будучи царём, не считал возможным получать такие вещи даром, имея достаточно возможностей оплатить нужное. Винават в проблеме был он, и хотя бы здесь он должен был компенсировать своим имуществом насколько возможно свою вину, он не мог бы быть довольным собой, перекладывая на кого-то тяжесть затрат. Так что от отказался от предложений хозяина о месте и волах для жертвы и дровах для жертвенника, и заплатил за всё упомянутое. Теперь, когда место стало принадлежать ему, он устроил жертвенник и принёс жертву посвящения и мирную жертву. После этого эпидемия прекратилась.

Последние дни Давида

Для поверхностных читателей Библии старость Давида наступает вроде как также, как и для всех остальных людей, однако сопоставление времён заставляет задуматься. Ещё при бегстве от Авессалома Давид выглядит достаточно крепким человеком – пусть его не берут в сражение (это начали делать когда он был ещё намного моложе), но он спокойно выдерживал длительные переходы. И Авессалом восстал на него когда ему исполнилось уже семьдесят лет (сорок лет царствования, начавшиеся в его тридцать). Но после восстания этого сына прошло всего полгода, в которые Давид резко стареет и теряет силы. Несомненно, именно события с Авессаломом подорвали его здоровье, и он за считанные недели превратился в очень ослабленного человека. Его уже не согревало внутреннее тепло, он всё время ощущал зябкость, так что многие старейшины, желая ему как-то помочь, посоветовали найти ему молодую жену, которая согревала бы его. Не знаю, какие это были мудрецы, но среди жён Давида были некоторые достаточно молодые, могущие помочь хотя бы с этим, хотя можно их понять – для царя не жалко самого ценного, а новая женщина всё же в силу уже новизны будет влиять сильнее уже знакомых. Это говорила не небесная мудрость, но Давид, видимо, не желал спорить, многое ему уже не было интересно. Он не прельстился новой женщиной, как ни прекрасна она была, она осталась девицей, ухаживая за ним днём и ночью. Давид вовсе не превратился в растение, он видел и ощущал жизнь до сих пор, но интерес многие вещи уже не вызывали. К Ависаге, девушке, выбранной по

конкурсу из всего Израиля, он испытывал чисто отцовские чувства (может быть братские), и не желал касаться её как мужчина, понимая, что ему осталось совсем немного. Так что ему было достаточно, что она рядом. С какой-то стороны это состояние, необычное для него раньше, было своего рода откровением, что если бы людей с детства хорошо учили владеть и управлять своими желаниями, то в области отношений мужчин и женщин всё было бы намного здоровее и чище, люди бы не спешили выхватывать удовольствия, дожидаясь действительно самого лучшего для себя человека, и счастливых людей было бы намного больше, чем оно обычно бывает.

Заговор Адонии и его провал

Ещё давно Давид постановил, что царём после него будет Соломон. Этот его сын обладал сильным умом, к тому же и другие черты характера у него были вполне подходящими для того, чтобы стать в будущем украшением страны. О нём были и пророчества, и сам Давид имел откровения о нём, так что он думал, что в плане смены царя всё будет идти спокойно и по задуманному.

Однако нашлись люди, считающие совсем по другому. У Давида были старшие сыновья, двое из которых уже были потеряны – Амнон погиб из-за беспринципности, а Авессалом уже попытался стать царём, захватив трон и силой отстранив отца, и даже побыл царём какие-то пару недель, но тоже погиб. Амнон не пытался стать царём, хотя был первенцем, дорогу к трону он сам себе перекрыл своим преступлением, но даже если бы и не делал этого, он знал, что на трон назначен другой. Был ещё один сын, третий по счёту, сын Авигеи, но Авигея была очень мудрой, и её сын, похоже, унаследовал её разум и даже не пытался противопоставить себя отцовскому назначению. Однако вот четвёртый по счёту, Адония, не смирился. Само его имя (Адония – "господин") толкало его к власти. Он был достаточно разумен, чтобы не пытаться сместить отца, но он строил планы перехватить власть у Соломона.

Каким-то образом он сумел найти себе влиятельных и сильных сторонников, которые в самом деле могли, и даже едва не преуспели, посадить его на царство в обход воли Давида. Видимо эти люди считали, что власть в этом мире имеет свои законы, и по этим соображениям, законам мира сего, Адония был гораздо выгоднее и внушительнее. Они воспользовались тем, что Давид тихо угасал, теряя интерес к жизни, и надеялись, что когда объявится новый царь, то Давида даже не понадобится убирать, он уже и сам скоро уйдёт. Если же ему ничего не сообщать, например изолировать его, ограничив допускаемых к нему лиц, то он даже может ничего и не узнать. На таких условиях согласились участвовать первосвященник Авиафар и Иоав. У Иоава был очень серьёзный интерес, чтобы был другой царь, да ещё обязанный ему, из-за нескольких серьёзных провинностей перед Давидом, не простившем ему преступно (и особенно важно – коварно) пролитую кровь Авенира и Амессая. Думаю, что и Адония мог первым выйти на Иоава с предложением избавить его от наказания, если он поддержит его, но могло быть и так, что Иоав сам подстроил влияния вокруг Адонии, намекая ему на возможность возвыситься в обмен на сущий пустяк, о котором может быть он даже и не говорил, но многие знали о слабом месте Иоава.

Авиафар же тоже оказался не совсем чист, хотя Давид на него не имел совершенно ничего, но здесь как-то возникли интересы межклановой борьбы в роду первосвященника. Я не знаю, как потомки Финееса оказались отстранёнными от должности первосвященника в дни Илия, но сейчас Авиафар был вполне не против закрепить снова за собой и своими потомками этот пост. По правилам и законам (точнее это была награда и привилегия от Бога) высшее священство должно было принадлежать Садоку, и Авиафару было бы лучше покориться божественной воле, но не все на такое благородство способны. Так что Авиафар поддерживал претендента, который не был склонен держаться Пути и божественной воли принципиально, как Давид или Соломон, но собирался править путём лавирования между интересами тех фигур, что продвигали его на трон. Цель существования Израиля у него была бы на последнем месте, если даже вообще была

бы учтена среди остальных интересов. У многих людей на его месте один вопрос – "Какие такие высшие интересы, пусть даже и Бога или целой страны? У меня есть свои собственные, и я готов добиваться их любой ценой, и если уж чего-то там хотите от меня, то предложите мне это так, чтобы я заинтересовался вашим проектом"... Это бывает всегда, когда в дело приходят так называемые "случайные люди".

С помощью этих влиятельных людей, у Адонии и тех, кто был не против его возвышения и ближайших друзей, возникло впечатление, что дело может вполне выгореть, казалось бы все факторы были в их пользу, было только важно сделать своё дело не слишком рано и не слишком поздно. То есть чтобы Давид погрузился поглубже в свою летаргию, и при этом Соломон не был официально провозглашён царём вместо Давида. И даже с этим, собственно, вполне получилось. Адония созвал на некий личный праздник друзей и многих людей, и они собрались в окрестностях Иерусалима. В целом всё бы удалось, мало кто знал, что на этом мероприятии собирались провозгласить – снова повторилась история Авессалома, когда его провозгласили царём в отдельно собравшейся компании. Правда, у Авессалома была огромная поддержка и высокий рейтинг у населения, у Адонии же подготовительная работа в обществе не была проводима. Правда, в данном случае она им особо и не требовалась, так как войны никакой не ожидалось, Давид уходил естественным образом по старости и немощи, так что никто не стал бы поднимать тревоги. Также Авессалом собирался силой свергнуть отца, давно бывшего царём, а здесь всего лишь чуть подвинуть очередь, не трогая Давида. А что Соломон бы перестал упоминаться, то мало кто хватился бы его, да и сделанное трудно вернуть назад. Иоав всё рассчитал верно, только у этой стране всё же был Хозяин, Который имел совсем иные планы на неё и на того, кто будет управлять ею.

Уход многих знатных людей на пир к Адонии не был незамечен. Все сыновья Давида поддерживали старшего из оставшихся братьев, почему-то всем им Соломон был не по нраву. Однако всё же какие-то предварительные переговоры не остались незамеченными, кого-то приглашал Иоав, но никто, пожалуй, из верных Давиду "сильных", то ли не получал, то ли не принял такого приглашения. То есть были следы заговора, и пророк Нафан сделал нужные выводы. Поскольку заговор не угрожал Давиду, то многие не выразили тревоги, но всё же это было изменой тем планам, что постановил Давид и Бог, и лишь Нафан оказался нужным человеком, остановившим неправильный ход вещей. Может быть ещё Ваня мог быть активной фигурой в этот решительный момент, которому по службе было положено замечать такие процессы, но тревогу начал бить именно Нафан. Как пророку ему было больше доверия в ближнем кругу Давида, и может быть Ваня и сам его послал с этим поручением, но это я уже лишь предполагаю.

Итак, Нафан пришёл к Вирсавии, матери Соломона. И Соломону и его матери могла грозить смерть (Соломону совершенно точно) от заговорщиков, и надо было предупредить её в первую очередь, затем вместе уже идти к Давиду, будить засыпающего уже властелина. Нафан описал происходящее в эти часы за городом, что Адонию уже поздравляют со вступлением на царство, крича здравицы "Да живёт царь!" Вирсавия должна была потревожить Давида, напомнив обещание о Соломоне, что править после него должен он. Нафан вкладывает ей вопрос, не поменял ли Давид свою волю, поскольку Адонию уже поздравляют, может быть это делается с его ведома?

Вопросы Нафана, хорошо поставленные, сработали как и было задумано. Вирсавия пришла к Давиду, который, скорее всего, лежал или полусидел в постели. Он, как говорится, был "очень стар", то есть многого уже не мог делать и силы покидали его. Рядом с ним была сиделкой новая жена Давида Ависага, так и не ставшая женой. Вирсавии она не нравилась, ощущалось какое-то соперничество или нечестность житейских обстоятельств, регулируемых не ею и не ближайшими людьми, а посторонними старейшинами, имевшими свои понятия о том, как должны проходить последние дни царя. Вирсавия подошла к Давиду и поклонилась ему. Давид понял, что что-то важное привело её вне обычного распорядка его дня, он спросил, какова при-

чина или нужда её визита. Она описала, что некогда он клялся ей, что царём будет Соломон, но вот прямо сейчас его четвёртый сын празднует восшествие на престол, проигнорировав и не пригласив на свой праздник некоторых очень уважаемых людей, в том числе держа в неведении и самого Давида. Она напомнила, что "глаза всех израильтян – на тебя, царь", что ты должен назначить следующего царя, и если он это не сделает, то перед Адонией и Соломон, и сама Вирсавия, жена Давида, окажутся врагами новой власти...

В это время пришёл и Нафан, Давиду доложили о его приходе, и Нафан повторил те же слова. Он ещё добавил вопрос, не сам ли Давид изменил свою волю, может быть всё делается с его разрешения? Давид, получив такие известия, собрался с духом, эти новости его мобилизовали и пробудили какие-то резервы силы. Сначала он позвал Вирсавию снова к себе и он снова повторил ей давнюю клятву о их сыне. Его немало возмутило самоуправство Адонии и сговор за его спиной некоторых ответственных людей. Ему было ясно, почему Иоав и Авиафар затеяли всё это, мы уже говорили об этом. Он отдал нужные распоряжения и закутился механизм дворца и в городе Иерусалиме состоялся неожиданный праздник. Люди мгновенно узнали об этом и толпы собрались, чтобы быть свидетелями восхождения на царство нового царя, которого венчает его отец, уходящий и освобождающий место сыну. И никакой вражды и никакого конфликта при этом не происходит. Соломон на муле, принадлежащем Давиду, в сопровождении первосвященника и высших сановников царя, спустились к источнику Гион, где был совершён обряд воцарения. Потом затрубила труба, провозглашая нового царя в стране. Народ приветствовал перемены с огромным энтузиазмом, на молодого Соломона они возлагали надежды на лучшее правление. Давида по прежнему уважали и многие любили, но его пассивность из-за особенностей его характера создавала некоторые проблемы, но сейчас управление могло ожить и жизнь в стране обещала расцвести. Народ праздновал это событие столь активно, с музыкой и криками и танцами, что шум этот стал доноситься до места, где Амнон с компанией тоже праздновал своё воцарение. Иоав, услышав долетающие сюда возгласы, а перед этим звук трубы, встревожился, правда, догадок на этот счёт то ли не имел, то ли не высказал. Если бы он озвучил то, что стало складываться в уме, то сегодня это звучало бы как "нам конец", но он лишь спросил, что за шум волнения в городе. Если бы Давид неожиданно умер, то сигнал трубы был бы другой, это было непонятно. Они не допускали мысли, что кто-то может их обойти и сработать на упреждение.

Однако долго гадать им не пришлось, к ним пришёл вестник, сын Авиафара. Первосвященник участвовал в заговоре, однако же его сын, похоже, не поддерживал отца. Отец вроде как желал как раз чтобы его сын имел надёжный кусок хлеба и большой авторитет, сравнимый с властью, ради этого пошёл на преступление, но сын его мог вполне проявить бескорыстие. Впрочем даже если он поддерживал отца в его деле и оставался для связи в городе, сейчас он выступил против них. Другие люди вряд ли бы пришли сюда предупредить собравшихся, что их планы сорваны, лишь Ионафан, зная о месте сбора сделал это, но он делает это как сторонник действующей власти и законопослушный гражданин. Адония, привыкающий к роли главного в стране, приветствовал его – "подходи, ты честный человек и несёшь добрую весть". Странны его слова, он кажется тоже сжимается от страха, ощущая в шуме Иерусалима, что дела пошли совсем не так, как им хотелось. Ионафан отвечает "нет" или что-то типа "скорее нет" на то, что он принёс хорошие новости (правда в синодальном переводе написано "да", но слово "абал" означает в другом своём значении "верно", "точно"). "Нет", говорит он, "я не очень хороший вестник для вас, но новость всё равно хорошая". И известил их о том, что Соломон уже помазан в цари по всем полагающимся обрядам и обычаям, чего никто не сделал пока Адонии. Правда, с ними был Авиафар и он мог бы провести какой-то обряд, но никого из пророков не было бы с ним, тогда как с Садоком действовал Нафан пророк, участвуя в церемонии, делающей Соломона царём. Он также сообщил, что процессия уже вернулась с ручья Гиона и Соломон уже сидит на троне отца,

и все слуги во дворце уже поздравили нового царя, и сам Давид тоже благословил сына на своём троне.

От таких новостей все резко потеряли настроение, и каждый отдельно от другого стали пробираться в город, чтобы никто не связал их с участием в заговоре, большая часть из них спешили поздравить Соломона, пока не окончился приём, очередь там должна быть большая... То, что к ним пришёл именно Ионафан, сын Авиафара заговорщика, могло дать надежду, что о них не знают. Однако на смену этой мысли появилась другая – а как тогда случилось, что Соломона вдруг произвели в цари именно сейчас, тогда как ещё вчера никто об этом не говорил и никаких движений не делал в эту сторону? Получалось, что о них всё же знали, такие вещи сложно утаить полностью, а то и кто-то из них же специально пойдёт сдавать остальных, чтобы выгородить себя...

Время царей. Разделённая страна

Соломон

Соломон стал царём, хотя Давид ещё немного предпринял некоторые действия после этого, как ещё не ушедший на покой главный начальник. Давид устроил совещание с главами племён и начальниками его двора, но это было связано с будущим храмом, о котором Давид не переставал мечтать с тех времён, когда впервые эта идея у него появилась. Строить должен был его сын, но на деле Давид участвовал в нём тоже весьма значительно. Планировка здания была передана им Соломону, впрочем и сам он не разрабатывал этот план, все детали и устройство будущего храма он получил от Бога. Сам ли Давид получал видения об этом или кто-то из его ближайших друзей пророков был посредником, не знаю, хотя склонен думать, что именно он сам был тем, кто видел и записывал и зарисовывал линии и очертания здания и других построек и всех деталей убранства. В походах и войнах Давид получил множество добычи, и стройка уже давно была почти полностью обеспечена материалами. Не хватало только дерева, но этим занялся уже сам Соломон, но и на это Давидом были собраны запасы золота.

Когда был сорван заговор Адонии, то тот понял, что если остальных могут пощадить, то ему грозит беда. Он был намерен уничтожить соперника, пока казалось, что его планы обречены на успех, но сейчас, едва удача отвернулась от него, ему стало страшно. Он прибежал к святилищу, пока его никто не остановил, и ухватился за рога жертвенника. Это был обычай держаться за священный предмет, была некоторая гарантия, что человека не тронут в священном месте. Но только некоторая, в законах Моисея был пункт, разрешающий некоторых преступников забирать даже от жертвенника, впрочем это касалось лишь убийц, убивших при отягчающих обстоятельствах, кто обманом пытался скрыть свою вину, подставляя других вместо себя. Соломону донесли о том, что Адония держится за жертвенник и требует, чтобы Соломон поклялся, что не будет его преследовать. Правда, было что-то странное – в его положении требовать было излишне самонадеянно, тут стоило просить, а то и умолять о снисхождении, самому клясться, что он больше не будет ни на что претендовать. Однако Соломон оправдывает своё имя, означающее мир, он позволил брату идти домой и не беспокоиться ни о чём, только пусть ведёт себя честно. Но добавил, что если он будет лукавить, то умрёт. Видимо Соломон хорошо знал брата, и понимал, что тот не сможет выдержать этого невыносимого для того условия...

Прошло ещё сколько-то времени и Давид, взбодрившийся на некоторое время с событиями заговора против Соломона, когда дела пошли благополучно и стабильно, ощутил, что его жизнь близка к завершению. До сих пор он носил в себе некоторую тяжесть, которую при жизни не смог разрешить, что-то всегда сильно мешало, обычно извне, но может быть были и внутренние, требующие дать шанс тому же Иоаву на исправление, но теперь он решил, что его сын сможет справиться с его проблемами лучше, чем он сам. Также он видел, что Иоав не изменился, но ско-

рее усугубил своё положение. Он давно видел, что Соломон имеет что-то особенное, наполнен мудростью и немало удивлялся этому. Это был дополнительный знак, что именно Соломону надо быть следующим за ним царём, а не кому-то из других его сыновей, которых он немало упустил и не смог воспитать подобными себе. Он позвал к себе сына и дал ему свои отцовские последние наказы. Начал он с главного – чтобы Соломон не потерял из виду Бога и Его путь. Он сам оказывался не раз не на том пути, пусть лишь одна из его ошибок была тяжёлым преступлением, и это было его заботой, чтобы другие не повторяли его ошибок.

Иногда мы со смехом повторяем о чужих ошибках, что каждый желает сделать свои, только в пространстве юмора нет пути для решения этой проблемы. Тезис о смехе, помогающем человечеству избавляться от своих ошибок, был ложен изначально. Смех ещё мог бы быть знаком того, что недостаток уже изжит или побеждён, не больше, но над вещами, производящими смерть и разрушение, никак не стоит смеяться, это настраивает на неверный лад, программирует на повторение, на допущение новых промахов. В реальности ничего, кроме раскаяния в сделанном не так, не может помочь избавиться от дефекта характера. Исправить ошибку дело правильное, если не повторять нарушений правил, но важно ещё очистить совесть, которая даже после исправления (которое не всегда возможно или не всегда принимается), не может расслабиться, пока существует слабость характера, ведущая к повторению неверных дел. Без раскаяния этого не достигнуть, поскольку раскаяние в сделанном означает признание ошибки.

Проблема в том, что человек это самообучающаяся система, информационная система, набирающаяся опыта и развивающаяся, такова наша природа. Если не оценивать всё, что нами делается, то наша внутренняя система на сделанное неверно будет получать сигнал одобрения, и таким образом будут накапливаться ошибки в то, что потом станет программой управления. Весь наш опыт через некоторое время становится основой для системы принятия решений, подсказывает, что можно делать, и проблема здесь в том, что если всё сделанное прежде было успешным, то центр принятия решений будет его рекомендовать к внедрению. Но если человек осознаёт, что какое-то дело сделано неверно, то он испытывает по этому поводу негативные эмоции, сожаление. Пусть это болезненно, но зато эта порция опыта помечена для фильтров подсознания как негодная для внедрения, она предназначена для анализа и переработки, "для удаления". Желание комфорта заставляет информационную систему избегать разрушительных программ, и ценой небольших страданий избегать будущих куда больших проблем. Если человек отказывается из гордости или ещё каких-то соображений оценивать свои ошибки, не признавать их, то эти ошибки остаются не помеченными как ошибки и будут внедрены в жизнь... Чем кончаются неотработанные управленческие программы, думаю, объяснять не надо. Именно признание себя неправым, даже если это и неприятно, исключает неверный опыт от накопления, и можно представить себе, какой мусор накопится у того, кто оберегает себя от негативных эмоций путём отказа от самооценки и самоанализа...

Давид попросил сына найти способ наказать Иоава и Семея, которые заслужили смерть, но по разным причинам Давид не был способен сделать это. Иоаву он пытался дать шанс, видя определённую сложность этой натуры, в которой злого было вроде совсем немного, однако же если он делал зло, то делал его спокойно и не раскаиваясь ни в чём, и этого Давид не понимал и не мог простить. Приняв участие в заговоре против Соломона, пытаясь через Адонию обезопасить себя, Иоав перешёл черту долготерпения Давида. С Семеем же Давид не мог нарушить клятву, которую тот очень удачно подгадал, упав к ногам Давида при его возвращении, рассчитывая на мягкость Давида (ведь хотя и обзывал его всячески, на самом деле знал, что Давид со-

вершенно иной человек, и удачно сыграл на этом). Вырванную из него клятву Давид нарушить не мог, но если бы этот человек воспользовался своим шансом на изменение своей жизни – однако он оставался грубым и бесчестным, поэтому Давид не желал оставлять его без заслуженного им. Соломон вроде как ничего не ответил отцу на эти просьбы, но Давид видел, что он услышан.

Происки и конец Адонии

Прошло довольно немного времени, как Соломон начал царствовать, и Адония успокоился после некоторого шока от неудачи с захватом трона. Ему было очень страшно, когда он в храме (это ещё не храм, построенный Соломоном позже, а то помещение, где был устроен ковчег Завета) держался за рога жертвенника, но почему-то после помилования от брата начал опять искать себе приключений. Кажется, что первосвященник Авиафар и Иоав, ожидающие некоего возмездия со стороны Соломона, пытались избежать будущих, и возможно, скорых проблем, и пытались воодушевить очень недалёкого Адонию возможностью реванша. Они могли думать, что пока Соломон входит в силу, разбирается с государственным механизмом, у них есть небольшое время для новой попытки. Разумеется, теперь нужно было действовать наверняка, убирать Соломона было возможно, хотя и куда рискованней, и особенно важно было сохранять легитимность, хотя бы какой-то её вид, чтобы народ, возмущившись покушением на законного царя, не уничтожил их. Поэтому Адония, явно не без совета старших товарищей, лично явился к матери Соломона Вирсавии. Заговорщики знали, что Вирсавия не лучшим образом относится к Ависаге из Шунама, несостоявшейся жене Давида. Эта пришедшая в царский дом красавица ещё и очень нравилась её Соломону, но она уже побывала замужем за его отцом, и ей никак не хотелось, чтобы Соломон имел к ней какое-то отношение. Это знали многие и на это сделали упор заговорщики. Адония предложил ей вариант, который как будто решал её проблему – он высказал ей просьбу посодействовать в обретении этой девушки себе в жёны. Я читаю слова Адонии, и удивляюсь его наглости – он прямо-таки наезжает на Вирсавию, давит её психологически, напоминая ей недавние страхи за свою и сына жизни. Он говорит примерно так – "ты знаешь, что царство уже принадлежало мне, оно шло мне в руки, вся страна уже видела во мне царя", – такое сложно выслушивать и не проникнуться теми или иными эмоциями. Но он признаёт, что Сам Бог вмешался и остановил это дело (и если бы не Бог, то вы у меня уже были бы мертвы), и теперь уже он, могущественный человек, не потерявший сил и влияния, просит у неё маленькой услуги, которая выгодна ей самой, походатайствовать перед сыном о этой девушке, чья судьба так трагично выглядит, поскольку самой Вирсавии она не по душе и обстоятельства, связанные с её статусом, несколько запутанны. И Вирсавия, несколько подавленная и запутавшаяся в этих интригах, согласилась поговорить с Соломоном об этом варианте разрешения её проблемы.

Если бы Адония получил Ависагу, то в глазах народа, как унаследовавший от отца его жену, он бы имел некоторое, а может быть даже решающее, признание как законный претендент на престол. Только не он один был такой умный. В этой ситуации разобраться было легко любому, хоть немного знающему жизнь, это лишь одна Вирсавия, мучимая своими узкими соображениями, не смогла увидеть опасности такого развития событий. Она пришла к Соломону, который, увидев её, встал со своего трона, приветствуя её, и распорядился, чтобы поставили для неё ещё одно подобное сиденье рядом с ним. Он оказал ей царственный почёт, однако она его немного разочаровала. Сначала она попросила его заранее обещать, что он выполнит её небольшую просьбу, однако мало кто найдётся на Земле, кто услышав такие заявки, станет обещать или обрадуется такому наезду. Соломон мог насторожиться, если знал, кто приходил к его матери с разговорами, и тогда он не ждал хорошего от такого начала. Но он сказал, что она может просить, только высказался довольно тонко, избегая её ловушки, точнее той каверзы, что устраивали Адония с компанией – "Я не откажу ТЕБЕ". То есть если что-то нужно лично ей, то это будет сделано, но если её просьба не её, то гарантии он не даёт. И она прямо, по простому, сказала, что хочет, чтобы Ависага была отдана Адонии в жёны.

Если для Соломона это было неожиданным, то слова матери привели к некоторой задержке ответа, хотя думаю, что Соломону всё же было известно, что Адония говорил с ней и уже ожидал, что она будет об этом говорить. И он ответил то, чего она никак не ожидала, но в этот момент решились судьбы нескольких человек, их дела и сплетаемые ими дела привели их к закономерному концу.

"А что ты просишь для него только Ависагу? Он же мой старший брат, у него в друзьях Иоав, величайший полководец, и первосвященник Авиафар! Проси ему также и царства," ему так мало того, что он имеет, он так несчастен без этого, бедняга... Не знаю, что испытала Вирсавия, услышав такую отповедь, но если не сразу, то очень скоро она ощутила, что вызвала своими наивными словами огромные сдвиги. Конечно, гнев сына не был направлен против неё, но свою долю выговора она тоже обрела, она поняла, что через неё разыгрывали безжалостную комбинацию, которая могла смести потом и её саму. Некоторое время назад она спасала свою жизнь, придя к Давиду и прося, чтобы он вмешался в захват Адонией трона страны, а теперь своими собственными руками снова давала Адонии практически те же возможности. Вряд ли она обиделась на жёсткие слова сына, который теперь был обязан мыслить не только о личном, но и о множестве других вещей. Соломон поклялся Суцим, что эти слова Адонии сказаны им против него самого, этим он подставился под меч. Думаю, что и Иоав понимал, что эти их происки, если сорвутся, приведут их всех к беде, но это был их единственный шанс что-то сделать, и всё же слишком уж он был призрачный. Даже Иоав мог прожить дольше, но вот Адония точно мог спокойно прожить все отведённые ему годы без малейших проблем. Видимо в Иоаве скрывался мощнейший интриган, раз он настолько сумел усыпить чувство опасности у Адонии и заставил его действовать. Или это Адония был настолько ограничен, что он позволил себе быть вовлечённым в новый, последний виток заговора?

Соломон отдал приказ Ванее, который пошёл к Адонии и убил его. С первосвященником Авиафаром у Соломона состоялся тяжёлый разговор, где он был лишён служения и отправлен в отставку. Соломон сказал ему, что он достоин смерти за участие в заговоре против воли Бога и Давида, но у него есть заслуги перед Давидом, он принимал теснейшее участие в его всех бедах молодости и лишь поэтому остаётся жить. Прежде чем Ваня, посланный Соломоном, добрался до Иоава, тот уже знал о провале и ответных действиях царя, и нашёл самым лучшим прибежать в храм и там, подобно Адонии, ухватиться за жертвенник. Это отсрочило его приговор. Соломону сказали, что сделал Иоав, и он послал против него всё того же Ванею, который также, как и сам Иоав, прошёл все с Давидом все его хорошие и плохие времена и обстоятельства, уважаемого всеми, в том числе и Иоавом. Ваня пришёл к храму и сказал Иоаву, чтобы тот выходил, но тот ответил, что хочет умереть здесь, в святом месте. Сам Ваня не решался нарушить священность храма, и совещался с царём, что делать. Соломон ответил, чтобы было сделано как сам Иоав просит, и добавил, что это снимет невинную кровь, пролитую Иоавом, с дома Давида, которая до сих пор висела и отравляла не только дом Давида, но и всего его рода. Так что Ваня вошёл в храм и поразил Иоава, и не уверен я, что Иоав ощутил пользу от места, где была оставлена его жизнь. Кровь, пролитая во время мира (если бы это было сделано в сражении, Иоав мог бы быть ещё и награждён), людей, которые были лучше и достойнее Иоава (по крайней мере за что-то Давид их ценил высоко) требовала отмщения. Сделал ли выводы Иоав для себя о том, что сделал то, чего не должен был сделать? Казалось ли это стоящим, что он таким образом остался главным военным начальником? Стоило ли оно того, не мог ли он провести некоторое время в подчинённом положении – много ли бы потерял он сам, его народ и страна? Если он был в самом деле так хорош и незаменим в своём деле, то обязательно вернулся бы на прежнюю высоту, Давид не мог пройти мимо должных вещей и не оставил бы его не на своём месте. А теперь его седина была опозорена, его преступление привело его на положение гонимого, и люди смотрели на него теперь как на опустившегося человека, который должен скрываться или убе-

гать. Когда-то он не хотел думать об этом, так что много лет спустя легко и смело повторил то же зло второй раз (с Амессаем), и теперь мог вполне подумать, что в жизни нет "вчера" и "завтра", но всегда "сегодня"... Как бы далеко не отстояло будущее, оно всё же обязательно придёт, и с тем, что ты откладывал, рано или поздно всё равно придётся иметь дело. Ладно если это не слишком важная вещь, но если это касается самой жизни, а также её качества и твоего состояния? Об Иоаве можно надеяться только о том, что в этом месте он всё же осознал тщетность своих планов и надежд избежать заслуженного наказания, и, прибегнув не к защите, но хотя бы к духовной помощи священного места, он надеялся этим очистить свою душу. Он сказал, что хочет умереть именно здесь, в этом вроде есть какой-то просвет, но неизвестно, что он вкладывал в это слово – если это было действительное, пусть и запоздалое раскаяние, то для него была надежда, но если же он думал, что священность храма чем-то поможет ему, уменьшит его вину, то это было бы суеверием. Без раскаяния не может быть прощено ничего, и все жертвы и молитвы, сколько бы их не было, бессмысленны – отрицание сделанного, признание его неверным, лишь этот шаг придаёт смысл и жертвам и просьбам о прощении.

Раскаяние, которое откладывается на потом, исправление, которое кто-то не хочет делать сейчас – весьма плохие вещи. Тем, кто думает плохо о христианстве, приходит в голову, что христианство содержит лазейку, что человек вроде как может пожить в своё удовольствие всю жизнь, "снять сливки" молодости и лучших лет жизни, а когда-то потом вернуться к Богу и успеть попасть в Жизнь и всю вечность наслаждаться ещё и там. Да ладно посторонние для христианства, в самом деле из-за недостатка знаний и в христианстве есть большая доля мыслящих так. Что есть, то есть, это сама наша природа в её текущем состоянии (то есть в условиях искажающих отклонений сознания и преимущественно искажённого воспитания, когда новым поколениям передаются подпорченные истины), для неё это естественно – искать подешевле и пытаться сторговаться, обмануть продавца. Кто-то может считать, что христианство неспособно на большее, но это неправда. А пока поговорим о нежизнеспособности такого подхода.

Те, кто надеются исправиться и измениться потом, а сначала пожить жизнью "широкого пути", гарантированно вносят в свою и других, то есть общества, жизнь всё зло, что произведут сами и другие под их влиянием и примером. То есть зло в жизни, в их стране, в их среде будет гарантированно усиливаться и развиваться. Но ведь это означает, что жизнь будет становиться всё хуже и хуже... Чтобы она улучшалась, надо исключать из неё все разрушительные влияния, но кто будет это делать? Кто будет рывать цепочки злых влияний? – когда-то кто-то мне сделал зло, и если я буду срыгивать свою злость на другом, то и этот следующий тоже будет склонен делать это. Чтобы прервать передачу и умножение зла, это должен сделать я сам – прервать, остановить, простить. Если не сделаю я, то не будет примера к добру и тогда нет гарантии, что кто-то другой это сделает...

Мужчины могут считать, что иметь много женщин для мужчин позволительно, но если он будет иметь связь с многими, то несколько других мужчин будут иметь с ним конфликт и претензии. Если берёшь ты у другого, ты считаешь, что это хорошо (если совесть молчит), но когда другой вторгается в твоё, то ты никак не назовёшь это добром, это уже точно нехорошо... Выходом было бы (если отрешиться от природы человека, которая спроектирована совсем не по капризам и хотелкам отдельных личностей), если бы женщины не принадлежали никому и всем сразу, но только это вряд ли кто-то всерьёз рассматривает – общества, допускаявшие такое устройство, под распущенный каприз одной стороны нашей природы, деградировали. Женщины должны растить детей, и рядом с детьми и матерью должен быть отец, чтобы дети росли здо-

ровыми и здоровыми умом и душами. Ну не бывает и не может быть по другому, что бы при этом было хорошо всем.

Наверное, многим известно гуляющее по сети выражение – "люди, не делайте зла, ад ведь не резиновый"... Если бы только в одном аде было дело, но ведь наши все грешки и грехи, зло и нарушения всякого рода, в том числе несправедливые законы и правила, искажающие справедливость судебные решения, принятые опять же из-за пренебрежения правилами и законами Бога, превращают нашу сегодняшнюю жизнь в ад для кого-то, и часто и даже самым удачливым в этом мире прилетает возмездие, от которого они, казалось бы, надёжно укрылись за стенами крепостей из денег и оружия, сговоров и союзов, предназначенных перевести зло, производимое ими, на кого-то менее устроенного в этой жизни. Чем больше каждый из нас позволяет себе нарушить заповеди, охраняющие жизнь, тем тяжелее становится жить, так или иначе.

За этими событиями пришла очередь и Семея, оскорблявшего Давида во время бегства от Авессалома. Соломон вызвал его к себе и поставил перед фактом – он должен был поселиться в Иерусалиме и никуда из него не выходить. Ему была тогда обещана жизнь, но тяжкое оскорбление и злобность характера требовали возмездия, тем более что он не показывал никаких признаков перемен к лучшему. Прежний царь пощадил его, но его сын не желал спускать оскорбления, нанесённого отцу. Жизнь Семея менялась, хотя жить в столице многим казалось выгодным, и кто-то мог посчитать, что его даже наградили за оскорбление царя. Это было почётной ссылкой или домашним арестом, хотя в пределах города его передвижения были не ограничены. Выход же за пределы города был запрещён под страхом смерти, и этому человеку пришлось согласиться с таким поворотом судьбы. Так бы Семей и прожил до конца своих лет, но случилось то, что на что Соломон, кажется, и рассчитывал. У Семея двое слуг убежали от него, это явно было следствием его характера, недоброго и придиричливого, не мог он жить мирно ни с кем. Оставаться без слуг для Семея было как-то неприемлемо, других он нанять не мог, никто не шёл по доброй воле, и поскольку обеспечивать и обслуживать самого себя ему было не по статусу, он отправился за слугами и найдя их, сумел каким-то образом то ли уговорить вернуться, то ли заставить. Однако когда он вернулся, кто-то, кому положено было приглядывать за Семеем, доложил о случившемся, и Семея вызвали во дворец, где Соломон объявил ему, что он нарушил заветное, и Семей уже не вернулся в свой дом.

Встреча и разговор с Богом

Начальный период царствования Соломона можно рассматривать как идеальный настолько, насколько возможно говорить об этом, впрочем это касается самого Соломона. Насколько эффективно люди следовали его примеру, насколько подражали ему в области нравственной, трудно оценить, об этом и не говориться нигде. Вряд ли сразу, при всех его способностях во многих сферах, он сразу же изменил и подстроил механизмы управления под нужды духовного развития общества и отдельного человека, я полагаю, что он эту задачу не рассматривал (если вообще добрался до неё в череде многих других больших, а то и даже великих дел и замыслов) кардинально, продвигаясь в рамках уже имеющегося, сделанного до него. Но лично сам он находился очень хорошей духовной форме. Он уже с детства если и не проник в суть многих вещей, то приближался к тому, и со временем лишь усиливался в этом. Поэтому он тянулся к Богу подобно своему отцу, понимая Его масштабы и возможности. Великая работа Самуила продолжала приносить плоды, и хотя бы в одном человеке она развернулась в полной мере, показывая, каких возможностей должен бы достигать человек, сохраняя он интерес к высоким предметам и выстраивая жизнь по ориентирам, поставленным Создателем. В молодости чувства обычно весьма остры, наши сенсоры ещё не засорены из-за общей засоренности организма, и при здоровой организации жизни они могли бы также чётко работать очень долго. Сейчас в свете прожитого и

пройденного я склонен сказать, что в период молодости и расцвета человек близок по возможностям к богам (как их понимают люди, я не о существовании языческих богов) и ангелам, но мало кто это осознаёт и ещё меньше ценит. В Боге Соломон видел нечто гораздо более ценное и важное для себя (да для всех остальных тоже), чем люди обычно допускают, понимая зависимость полноценного бытия, существования и даже жизнедеятельности организма от Того, Кто однажды запустил механизмы тела и сознания человека. С Богом ему было просто-напросто интересно, потому что у Него Соломон мог найти ответы на почти любые свои вопросы и насыщение желаний и всего, о чём мечталось. Он не был пророком, чтобы по желанию говорить с Ним как с человеком, но тем не менее в силу связи с Ним мог ощущать Его присутствие и ощущать взаимный интерес с Его стороны, и мог взаимодействовать с невидимым миром, подобно тому, как слепые люди или даже те, у кого перекрыты почти все каналы связи с внешним миром, тем не менее могут проникнуть сквозь все преграды.

В Гаваоне находился переносной храм, построенный у Синая, правда ковчег Завета с тех пор, как был взят филистимлянами в плен, путешествовал отдельно от него, и сейчас находился в Иерусалиме. Однако жертвенник, где нужно было приносить жертвы, был здесь, и Соломон со всем своим двором, а также старейшинами и князьями всех племён пришёл сюда, чтобы получить благословение на своё царствование. Возможно, это было время одного из праздников, и он хотел выразить Богу своё отношение к Нему также и жертвами, положенными в таких случаях. Каждый приносил жертвы от себя, поэтому общее число жертв оказалось довольно большим, и Соломон также принёс максимальное число жертв. Изложение событий в книге Царств опускает детали этого, поэтому выглядит, что тысячу жертв Соломон принёс один, но если посмотреть отчёт о том же событии из летописей²², то видно, что он был не один, кто приносил жертвы, хотя и больше других. Впрочем, это могли быть только его приношения, жертвы других людей могли быть отдельными от его. Это стремление сблизиться с Богом и посвящённость Соломона не остались незамеченными, и после этих посвящений во сне Соломон встретился со своим Богом.

Он занимал важное, ключевое положение в Израиле, от него зависело очень много, как пойдёт история этого народа, на который Бог возлагал очень большие планы. Минул долгий период обустройства, становления избранного народа, шедший с большими проблемами, но последний рывок, осуществлённый Самуилом, принёс хорошие плоды и давал надежды. То, что Соломон ценил Бога и искал возможностей большего контакта, очень нравилось Богу, это были шаги в правильном направлении, и со Своей стороны Бог должен был поддержать настрой нового царя. В этом сне Он задал вопрос, который не против бы услышать, наверное, любой человек на Земле – "Проси, что Мне дать тебе". Правда, слышать его удаётся очень немногим, хотя иногда его задаёт не Бог, а люди, достигшие многого в этой жизни, но они могут дать существенно меньше. Соломон был готов к этому вопросу, по крайней мере его цели в этой жизни были хорошо продуманы. Он начал отвечать, высказав признательность за всё, что привело его сегодня к этой встрече – за отца, которого Бог сделал тем, кем он был, за верное направление жизни, которое он получил от отца, за возможность быть в этом народе ведущей личностью, но он, хотя Давид высоко ценил его способности, сам не считал себя готовым на роль царя и вождя. Ему было где-то от пятнадцати до двадцати пяти, и даже если ему было и двадцать пять, именно из-за продвинутого ума и чуткости он понимал, что всего, что он имеет, совершенно недостаточно для того, чтобы осуществлять ожидания Бога и Его планы о Своем народе. Чем больше знаешь, тем больше понимаешь ограниченность имеющегося... В общем, Соломон попросил разум и мудрость и этим привёл Суцего буквально в восторг, что Он не преминул выразить тут же. Может быть кто-то скажет, что я здесь преувеличиваю что-то или влезаю в темы, в принципе мне недоступные, но когда в подобных ситуациях я слышал подобную реакцию от людей, то это исходило из как раз таких состояний, поэтому не думаю, что заметно ошибся, говоря о эмоциях Бога – мы

же созданы по Его подобию? – и это работает в обе стороны. Суций ответил Соломону, что "за то, что ты не просил себе ни долгой жизни, ни побед над врагами и военной или физической силы, ни богатства", но именно разума, как главного и ключевого фактора человеческого бытия, то он получит всё – и то, чего попросил, и чего не просил. Он обещал, что наделит его разумом в большей степени, чем кто-либо из людей имел прежде него и после него таких уже не будет (хотя здесь я немного огорчён, мне бы тоже хотелось...). В остальном он также будет значительно превосходить других царей до и после него в богатстве и успехе, в громкой славе. При этом Он подчеркнул, что у всех этих даров есть условие – праведность и чистота, незапятнанность характера. Снова здесь встречается этот момент, что Бог возвышал Израиль или отдельных людей вовсе не для того, чтобы они подминали под себя кого-либо и занимались угнетением других людей или народов. Они могли и должны были осуществлять суд над преступлениями, выправлять искажённое, убирать зло из круговорота жизни, однако надо признать, что всё же "это другое", совсем другое дело, чем многие понимают под преобладанием какого-либо народа над другими.

Обычно страна, получившая преимущество над другими, начинает сдерживать другие страны, чтобы они не превзошли её, не вырвались из-под её опеки, и здесь начинает твориться много зла и несправедливости, но джентльмены оправдывают себя, что если они не будут делать то, что делают, то начнут угнетать уже их. Увы, каждый судит по себе, такие проблемы хотя и имеют место, но всё же мыслить так есть ограниченное, узкое воззрение. Это проявление той "земной мудрости века сего", которую критикует Иаков в своём послании, которая решает лишь узкий круг вопросов, подобно чёрной магии, когда чего-то делать нельзя, но если считаешь, что последующее наказание для тебя приемлемо, то делай так и так... В более широком подходе настоящей мудрости получившие больше возможностей должны бы были смотреть на перспективу, не подавлять развитие стран и людей, а напротив заниматься просвещением и несением блага, чтобы те, кто сегодня отстали от лидера, когда наверстают упущенное, не считали его врагом. Если же джентльмены опасались, что в угнетаемых ими странах много нехороших людей, и они, вырвавшись из под их опеки обязательно начнут подавлять уже их, то это как-то больше говорит об ограниченности самих угнетателей, что не смогли дать хода лучшим людям, не нашли как справиться с этим. О характере и ограниченных воззрениях временно вознесённых над другими этот подход говорит красноречиво.

Соломон получил желаемое. Я не думаю, что его разум неожиданно обрёл широкие познания, однако усилилась способность замечать, задаваться вопросом, а также проникать в суть вещей или ставить нужные вопросы для анализа явлений и процессов. В принципе, как мне очень сильно кажется, существуют механизмы обретения познаний без обучения (хотя бы взять случаи, когда кто-то внезапно начинал говорить на другом языке, или даже нередкие случаи среди "продвинутых" пятидесятников, овладевших весьма разборчивой и связной речью опять же на ином языке, даже не слышанном прежде, чему я свидетель, и если поискать, многие встречали подобное). С недавних пор некоторые фантасты стали описывать миры продвинутых технологий, очень похожих на то, о чём я сейчас говорю – нейросети и базы данных, "закачиваемые" в мозг, также "гипномодули", после которых человек начинал владеть предметом в пределах закачанных объёмов данных. Однако эти фантастические технологии не совсем фантастика, а лишь приближение к тому, что хотел бы давно уже дать людям Создатель, это то, что люди потеряли в процессе всё большего вовлечения в развлечения вместо обучения, что в религии называется падением (одна из проблем "падения"), когда испорченная природа человека склонила его на путь постоянной и неизбежной деградации.

Обретённая Соломоном мощь разума скоро проявила себя. В очередном публичном заседании суда, где царь должен был разбирать тяжбы людей, пришли двое женщин со спором за ребёнка. В городских условиях патриархальный быт быстро терялся, часто, как и в наше время, молодое поколение оставалось без присмотра, особенно если старшее поколение было слишком занято или даже просто беспечно считало, что молодёжь достаточно разумна (разумна-та она разумна, но далеко не всегда этого разума оказывается достаточно, когда своего опыта новых вещей ещё нет). Двое беспечных девиц жили вместе, вместе же завели детей, но одна из них была совсем плоха как мать (да и как личность тоже), она не заметила, как ночью придавила своего сына насмерть. Проснувшись утром, она ничего лучшего не сообразила, как забрать от соседки её ребёнка, а ей подложить своего. Явно она жила чересчур легко, и не сподобилась знать, что сигналов мы получаем множество и нормальная мать легко различит по множеству признаков своего ребёнка, она посчитала, что подмену не распознают. И ведь там, где нормальная женщина проливалa бы слёзы о смерти сына, эта даже не расстроилась. Или расстроилась, но по совсем другому поводу – что её соседка будет с ребёнком, а она будет выглядеть неудачницей, и нашла из проблемы лёгкий выход. Когда соседка утром обнаружила подмену и пыталась вернуть своего сына, та стала спорить и обвинять в том, в чём была виновата сама, скандалы для таких людей обычно необходимы, и если нормальные люди идут на них по необходимости, для другой категории людей это как приправа, без которой в жизни чего-то не хватает. Нехватка высших начал в душе подсознательно компенсируется жадной остротой ощущений... Соломон видел, что в споре обе стороны выглядят одинаково, в такой ситуации обычный суд сталкивается с недостаточностью фактов и откладывает дело, отправляя его на исследование. Соломон тоже мог потребовать свидетелей, можно бы было либо составить психологический портрет обоих, либо просто кто-то знающий их мог помочь установить реальную мать, но это было бы долгим делом и не очень продуктивным. Вместо этого Соломон нашёл ход, показавший всем присутствующим очевидность. Правда, будь это в наши дни в странах постправды, Соломон бы скорее проиграл дело. Впрочем, сегодня он бы не стал идти тем путём, что работал в то время. Правда, сегодняшний день не то что склоняет, а даже гарантирует, что правота обязательно будет подавлена, поскольку либеральные судьи руководствуются "революционной целесообразностью", а не правотой.

Соломон велел принести меч, предлагая мировую между сторонами, как будто делили вещь. До этого момента спор не мог остановиться, настоящая мать не могла помыслить, что её ребёнка отдадут бездушной женщине, которая и её сына также вскоре придушит одной из ночей, не замечая происходящего, и не могла смириться с этим, понимая, с кем имеет дело. Вторая же не могла смириться с потерей лица и в своей лжи шла до конца также, так что когда все притихли, услышав решение царя, Соломон наблюдал за реакцией женщин. Нужен был момент истины, когда человек своей реакцией проявит истинное положение вещей, и это произошло. Та, которая была настоящей матерью, не допускала уничтожения сына прямо сейчас, у неё на глазах. Если уж её ребёнок погибнет у её бывшей подруги, то хотя бы проживёт ещё сколько-то, а может быть и повезёт, что теперь она не будет ложить его слишком близко к себе и он выживет в этих грубых руках. Она смирилась с этой участью ради его жизни, согласившись потерять его, но та, которая хотела присвоить чужое, в первый момент не осознала ловушки (возможно и потом тоже, пока ей совсем уж подробно не объяснили, где она промахнулась) и в горячке спора согласилась – "рубите, пусть не будет ни ей, ни мне"... Все присутствующие облегчённо выдохнули, когда Соломон объявил, кто из женщин является настоящей матерью. Этот случай, когда впервые мудрость нового царя столь эффектно явила себя, что-то изменил в настрое страны, люди стали богоуважать его. Библия употребляет выражение, что Соломона стали бояться, однако же понятно, что никто из тех, кого на Руси называют "добрые люди", не испытывали по отношению к нему никакого реального страха, это именно уважение. О страхе можно говорить только тех, кто имел за душой какие-то тёмные дела, чья совесть была нечиста, те действительно увидели, что с

таким судьёй их ухищрениям может придти конец, что скрыть от правосудия уже будет что-то невозможно. Вообще-то такое положение вещей было бы идеальным для благополучия и расцвета общества (ещё лучше, конечно, если бы плохих людей вообще не стало, если бы все ушли с кривых дорожек), но всё это завязывается на фигуру человека, способного на такой изощрённый суд и следствие. Бог бы мог обеспечить это всякой стране во всей истории человечества, дело лишь за людьми, особенно тех, кто стоит у власти. Надеюсь, читающим очевидно, что этот "страх" у общества перед Соломоном, является полным соответствием того, что называется "страхом Божьим"... У них одни и те же основы и проявления – и речь не о страхе, но глубоком уважении к царю и закону. Толика страха, наверное, есть, однако сравнивать животный унижительный страх с таким комплексным чувством вряд ли кто-то станет.

С этого времени слава Соломона стала всё увеличиваться. Не только простой народ уважал его, но и непростые люди стремились увидеть нового царя Израиля и послушать его, поговорить, спросить о чём-либо, а то и проверить, насколько он мудр, верны ли те восторженные слухи о нём. В результате таких встреч многие известные мудрецы обнаружили, что он превосходит их, и это было признано всеми ими.

Храм

Поздравить Соломона посылал своих слуг также и Хирам, царь Тира, торгового города-государства. С какого-то времени он подружился с Давидом, и с тех пор они с ним были довольно близкими друзьями, так что Хирам желал продолжить дружбу и с его сыном. Посланники были встречены должным образом, и через них же Соломон обратился к Хираму с просьбой о материалах, необходимых для строительства храма и других своих проектов, в том числе дворца для себя. Он заказал у Тира кедрового дерева, предложил за все услуги рубки и доставки подходящую плату. Хирам, услышав о интересе сына Давида и его проектах, обрадовался, ценя стратегического союзника, которым продолжил быть Соломон. Однако же интересен его отзыв²³ о Сущем, Боге Израиля и Давида, которого он помянул, радуясь продолжению дружеских отношений. Он явно из дружбы с Давидом вынес много полезного, увидя на практике Его силу, сопровождающую Давида на каждом шагу, этим он был сильно впечатлён – именно этого Бог хотел добиться от каждого в Израиле, чтобы эти люди правильно представили Его этому миру, чтобы заинтересовать человечество перспективами восстановления. Можно представить себе Его разочарование, когда те, кто должны были быть Его представителями в этом мире, всячески уклонялись от этой задачи. И ведь как будто требовалось совсем немного...

Они договорились об оплате и способе доставке всего, и подготовка к строительству началась. Хотя Давид заготовил много для храма, но нужны были ещё камни для стен и дерево для покрытия камня, полов и перекрытий. Соломон также попросил Хирана прислать ему хорошего художника, и насколько я понимаю, сделал серьёзную ошибку в этом моменте. Сам он позже писал, что "нет на Земле человека, который делает только одно добро и при этом никогда не грешит"²⁴. Это не попытка оправдаться, это просто описание фактического положения вещей, констатация реальности. При этом нельзя считать, что это что-то вроде статистической погрешности, чем можно пренебрегать и не анализировать причин случившегося. Напротив, каждый случай должен быть тщательно изучен – чем менее осязаемой иногда кажется оплошность и погрешность, тем более тщательно надо взвешивать каждый нюанс, потому что именно здесь, в малозаметных вещах и складывается высшее совершенство (я не хочу сказать, что ответственность за малый промах также велика, как и за тяжкие преступления, ни в коем случае, но всё же и малые дела часто оказываются довольно сильнодействующими...). Когда человек сможет легко ориентироваться в себе, в вещах, которые были когда-то неприметными и неосознаваемыми,

23 3 Цар.5,7 "Благословен Сущий, Который дал Давиду сына мудрого..."

24 Екл.7,20

он достигает высших ступеней развития. Это как поле с камнями, на котором нетрудно за сравнительно короткий срок убрать самые крупные, бросающиеся в глаза. Но едва ты уберёшь заметные, обнаружатся помельче, которых оказывается больше, чем было крупных, а после них наступает очередь ещё более мелких, которые тоже нужно все выбрать, если хочешь, чтобы лезвие плуга шло легко. Мелочи устранять всегда труднее, и хотя это труднее и занимает намного больше времени, зато на этом и поднимается настоящее мастерство высоких уровней.

Когда-то заметил, что первые ступени в развитии обычно довольно легки (особенно когда смотришь на уже достигнутое). После некоторых усилий по достижению цели вдруг оказывается, что дело получается легче, чем в начале, что оно получается легко и непринуждённо, и это радует. Но потом оказывается, что это было только началом, и впереди ожидает новая гора. На уже отработанных площадках становится скучновато и душа зовёт немного повыше, новая вершина уже не кажется неприступной, и после подготовки и определённых (может быть тяжёлых) усилий снова можешь найти себя взлетевшим на новую ступень. Это окрыляет, возможность нарабатывать уровни умений стоят любых затрат, повышать степени совершенства – достаточный стимул для любого человека. Правда, не все направления оказываются стоящими усилий, потому что какие-то из них содержат разрушительные вещи.

В чём ошибка Соломона? Когда строился первый мобильный храм у Синая, то мастера, двое ведущих художников-универсалов и множество работающих под их началом нашлись среди своих. Не требовалось ходить из страны в страну, чтобы найти искусного человека, хотя эти люди едва вышли из рабства. Их униженное и угнетённое положение не мешало проявиться в их среде самым мощным талантам, а здесь Соломон вдруг проявил неверие в свой народ, а фактически в своего Бога, в руках Которого были любые возможности, Кто наделял способностями. Бог отчасти спас положение, а заодно укорил Соломона, когда Хирам в самом деле предоставил ему искуснейшего из своих мастеров, мать которого оказалась еврейкой, потомком одного из мастеров, строящих храм Моисея в пустыне... Это ещё не был вроде грех, но легкомысленное отношение к грандиозной и ответственной задаче строительства храма должно бы было настораживать.

Для добычи камня и работ по доставке Соломон мобилизовал множество людей. По десять тысяч евреев посменно работали в горах, три смены по месяцу, два месяца они были дома. Также Соломон мобилизовал тех, кто не были евреями, остатки хананеев, и этих людей было сто пятьдесят тысяч, они занимались добычей камня и перевозками грузов. Другие люди обрабатывали их в obtёсанные плиты, из которых складывали стены храма. Камни были obtёсаны по размеру и в строительстве уже не употреблялись никакие инструменты для подгонки камней, они уже готовыми укладывались в стены.

Само строительство началось четыре года спустя с воцарения Соломона, когда был создан запас материалов. Те, кто писали хроники Соломона, подсчитали, что оно началось спустя четыреста восемьдесят лет от выхода Израиля из Египта. Те, кто пытаются по летописям судей и других периодов сосчитать время до Давида и Соломона, не могут этого сделать, поскольку в дошедших до нас описаниях не указано, какие судьи правили одновременно в разных частях страны. Из-за этого они складывают времена всех подряд и время Судей получается существенно большим, чем эти четыреста восемьдесят лет.

Храм был закончен за семь лет. Его посвящение Соломон обустроил торжественно и грандиозно, собралась практически вся страна, его открытие было устроено в дни осеннего праздника Кущей, перед которыми был Новый год и судные дни перед Днём Очищения²⁵. Когда левиты

25 Седьмой месяц раньше был первым, но со времени Исхода первым стал месяц выхода из Египта, так что счёт месяцев изменился. Седьмой месяц содержал большее количество праздничных дней, чем любой другой –

внесли и расставили светильники и прочие вещи по местам, и когда последним поставили Ковчег Завета в Святое Святых, Бог ответил со Своей стороны, наполнив здание Своим присутствием, туман как облако наполнил всё, вынудив священников прекратить службу. Соломон и люди со стороны двора наблюдали всё это, и видя, как Бог снова, как когда-то в легендарной древности, показывает им Своё присутствие, радовались. Соломон не преминул отреагировать репликой, что Сущий любит скрывать Свой облик и силу – "Сущий говорил, что Он благоволит находиться во мгле..." Это отмечали и другие, Павел позже писал о Боге, "обитающем в неприступном свете, которого никто из людей не видел и видеть не может"²⁶. Ему приходится скрывать Своё присутствие, ограничивать, чтобы не нанести повреждения созданию, особенно на Земле, где природа человека за долгие времена упадка стала ещё более уязвимой для высоких энергий.

Потом Соломон произнёс свою речь к Богу, молитву посвящения, где он выразил свои желания и цели о храме. Когда был построен первый храм Моисея, Моисей не говорил речей, не посвящал храм каким-то особым целям, они уже были выражены Богом, что Он хочет жить среди людей, "ходить среди них", обитать с ними. Но Соломон осознал значимость места символического присутствия Бога среди людей, и то, о чём он просил Бога о храме, вполне отвечало Его целям, так всё и было задумано. Разве что новым выглядит момент, чтобы обращение в сторону храма стало жестом обращения к Богу. До этого не требовалось обращаться в сторону жертвенника или Ковчега каким-то специальным правилом, это происходило естественно, если они были в поле зрения человека, однако если еврей находился далеко от храма, то мог молиться, не заботясь о направлении. Впрочем, и теперь тоже Соломон не накладывал обязанности всегда молиться в сторону храма, но для тех, кто в час большой нужды делал это, как бы давалась некая гарантия, что они будут обязательно услышаны.

Просьбы Соломона были услышаны, и после окончания посвящения снова ночью Бог пришёл к Соломону во сне и говорил с ним. Однако вторая встреча не давала повода для довольства, её тон можно назвать довольно напряжённым, точнее Бог много внимания уделяет предупреждениям. Он предостерегает Соломона от отступления, потому что его пример окажется ключевым для всех последующих поколений и царей и народа, и прямо говорит, что последствия неверности будут совершенно трагичными. Предупреждения эти были весьма к месту, потому что Соломон уже начинал где-то незаметно для себя уклоняться со здорового пути. Он был достаточно мудр, чтобы понимать, но не спешил провидеть последствия своих настроений, не желал поглядеть, куда его приведут его решения и выбор. Позже об этом периоде своей жизни Соломон будет писать, что ему вдруг захотелось, вот очень захотелось испытать путь глупости. Или даже скорее так – Путь Глупости. Вот сам-то он умён и очень мудр, а ведь другие люди живут не имея глаз в голове, не могут просчитать будущего, и он посчитал зачем-то нужным попробовать их жизнь, чем живут простые люди. Вместо того, чтобы их подтянуть повыше, научить их прозорливости, чтобы они тоже могли видеть последствия своих дел и мыслей. Нет, отчасти идея была неплохой – если бы только прочувствовать жизнь других, то это очень даже похвально для царя, но ведь он застрял на этом, и сознательно продлевал это добровольное забытьё, пока не очнулся потерявшим чрезвычайно много.

Чем меньше развит самоконтроль у человека, тем чаще случаются провалы внимания, когда человек отвлекается от того, за чем наблюдает. Иногда это другая мысль, ответвляющаяся от той, что была перед этим, иногда же это просто ничто, затем человек возвращается к первоначальному предмету, за которым следит, и может даже не замечать, что он некоторое время был где-то в другом месте. По мере ослабления здоровья происходит также ослабление концентрации внимания, а у тех, у кого поражён мозг склерозом или Альцгеймером, эти паузы занимают

первый день – новый год и новомесячье, десятый день – Йом Киппур, день очищения Святыни, и с 15 дня неделя праздника Кушпей.

основное время, превращая когда-то активного человека в "растение". У Соломона с этим не было как будто таких проблем, но почему-то он допустил сам нечто подобное, пропустив то, что разрушило его мудрость и праведность. Будучи мудрецом, он мог вполне предвидеть слабое место у себя, но когда искушение пришло, он его пропустил – он понадеялся на свою мудрость, что она его никогда не оставит, что его всегда будет сопровождать успех. Но тут была ошибка – надеяться нужно не на способности, не на ум или мудрость, которые хороши, конечно, но настоящей гарантией был Тот, кто наделяет человека этими дарами. При всей силе таланта Соломон, имея волю, обладая возможностями выбора, мог вполне поступить не так, как мудрость советует... И именно это произошло с ним. Мудрость мудростью, но в какой-то момент он потерял контакт с Истоком, и понадеялся, что что бы он ни делал, мудрость автоматически выправит это или не допустит его свалиться в пропасть. В его пути он на мгновение допустил разрыв контакта, а потом, когда должен был оценить произошедшую перемену, не сделал этого, и продолжил жить с изменёнными настройками в душе. Теперь не Бог вёл его, а лишь разум, который при всей величине, конечен и ограничен. Он писал, что мудрость оставалась при нём во всех его экспериментах с глупостью, однако же почему-то не исправлял делаемого неверно, а лишь констатировал отклонение.

Ему было обещано, что ради Давида, его отца, он не будет подвержен никаким санкциям свыше, хотя Бог подразумевал под этим, что Соломон всё же не будет пускаться во все тяжкие, ну так он и не пускался, всё почти у него было в умеренных дозах. Разве что в отношении женщин – он завёл их слишком много, так ведь многожёнство не считалось грехом. Он поставил в этом деле, наверное, мировой рекорд, но формально в рамках законов ничего как будто не нарушил. Но самым этим хождением по грани он уже испытывал терпение Бога – здоровые люди не должны приближаться к границам запретного, потому что уже самим фактом приближения к ним они показывают свою предрасположенность к нарушению правил, что они не видят зла в зле... Он не мог не знать, что Богу не нравится удаление от прямого пути, но оправдывал себя тем, что исследует, насколько глупа глупость и насколько преступно преступление. Он был неправ в этом именно моменте – любое нарушение смертельно в его последствиях, и их изучать можно только на примерах тех, кто делает зло, но сам изучающий не имеет права делать зло ради изучения последствий на своей шкуре (на чужой тем более). Более чем достаточно того, что мы видим или имеем от других, когда нам делают зло – этого уже достаточно, чтобы знать его вкус и запах и цену. Когда бьют тебя, ты лучше понимаешь разрушительность преступления, чем когда бьёшь ты... Совершающий грех обычно слепнет и глохнет, и даже наказание не всегда достаточно просвещает его о последствиях.

Он всё же понял, что был неправ, но запоздалое раскаяние в конце жизни не спасло его народ, его пример оказался очень силён, и то, что делал, оказалось намного сильнее по влиянию, чем все его выводы и раскаяние. Он дошёл до того, что для своих жён устроил привычные для них уголки отдыха, типа парковых пейзажей с языческими украшениями и статуями с жертвенниками, чтобы они могли чувствовать себя как дома. Однако если бы он сделал это только для них в недоступных для других местах, даже это было бы злом, потому что земля, доверенная ему в управление и заботу, была не его, но принадлежала его Богу, и он не имел никакого права осквернять её. За язычество были изгнаны прежние хозяева этой земли, и ту же участь Соломон обеспечил уже самим евреям... Он стал участвовать с ними в их богослужениях, чем создал прецедент для многих поколений, что привело наконец к потере государственности. Но это было позже, а пока он не собирался удаляться от Бога, и его слава среди окружающих стран росла.

За время строительства храма Соломон увлёкся строительством, его захватило это дело, когда города преображались благодаря появлению новых красивых зданий. Однако следом за преобразившимися городами в стране появилась инфляция, явление, скорее всего мало знакомое в те времена. Дело было в том, что художники и мастера, пришедшие с главным мастером из

Ти́ра, требова́ли за свою́ рабо́ту суще́ственно бо́лее вы́сокую о́плату, в то вре́мя как сво́им ма́стерам, да́же не ме́ньшего у́ровня, че́м Хи́рам-А́вий, пла́тили ме́ньше, как бы́ло при́нято. Э́то не́равенство прои́зводило за́висть и прете́нзии, та́к что Со́ломо́ну при́ходило́сь по́вышать о́плату и о́стальным. В ре́зультате за о́дну и ту же рабо́ту мно́гие ста́ли по́лучать бо́льше дру́гих, но не до́ всех до́брались по́вышенны́е за́рплаты. В ре́зультате це́ны вы́росли, и те, кто по́лучал ра́ньше до́статочную пла́ту, о́казались в́друп бе́днее. В Би́блии э́то опи́сывается ка́к "сере́бро в дни Со́ломо́на счита́лось ни за что́", то е́сть мно́гие пла́тили зо́лотом, и те, у ко́го бы́ли ли́шь сере́бряны́е де́ньги, не го́воря уже о ме́дных, не бы́ли до́вольны жи́знью. Че́м бо́льше лю́дей по́лучало по́вышенную за́рплату, те́м бо́льше вы́раста́ли це́ны, та́к что у мно́гих сни́зился у́ровень жи́зни. К то́му же по́д но́вый у́ровень до́ходов и це́н по́вышали́сь и на́логи... Со вре́менем, ка́жется, о́собенно по́сле о́кончания стро́ительного бу́ма, э́та пробле́ма по́немно́гу у́шла и ве́рнулись ста́рые це́ны, но в пра́вление Со́ломо́на та́кая пробле́ма бы́ла. Та́м, где на́логи по́вышены́, для ко́го-то э́то бу́дет пробле́мой, е́сли не ката́строфо́й. И мно́гие лю́ди побе́днее о́щуща́ли да́леко не са́мые лу́чшие чу́вства к ро́скоши и бле́ску дво́ра. Пробле́ма с на́логами сде́лала Со́ломо́на из лю́бимого и ува́жаемого му́дрейшего ти́рана, та́к на не́го ста́ли сме́таться мно́гие. По́сле сме́рти Со́ломо́на и́менно из-за пробле́мы на́логов прои́зошёл ра́скол И́зраи́ля на две стра́ны...

Му́дрость Со́ломо́на наби́рала и́звестность, и всё, де́лаемое им, спо́собствовало э́тому. Но́вые зда́ния и дво́рцы, да́же по́рядки во дво́рце, ри́туалы и це́ремонии, про́думаннные и отре́гулированные соо́бразно ра́зным си́туация́м, ста́новились пре́дметом о́бсужде́ния сре́ди дру́гих ца́рей, Со́ломо́ну за́видова́ли и по́дража́ли. О́дна из пра́вительниц о́дной из о́бластей А́равии, и́звестная ка́к ца́рица Са́вская, ли́чно при́ехала к Со́ломо́ну, что́бы уве́даться в пра́вильности до́ходящих до не́ё слухо́в и впе́чатле́ний, в́проче́м, она бы́ла не о́дино́ка с та́ким ви́зитом в И́зраи́ль. Она са́ма бы́ла до́статочно про́свеще́нным и ра́звита́ым че́лове́ком, це́нящим зна́ния и у́мения, та́к что ра́згово́ры о пре́восхо́дном че́лове́ке на троне́ Ие́русали́ма за́кономе́рно при́влекли е́ё вни́мания. По́сле встре́ч и бе́сед с Со́ломо́ном она уди́вилась, что́ слухи о́казались не ка́к обы́чно пре́увели́чены, но нао́оборот, пре́уменьше́ны. По́добны́е впе́чатле́ния за́кономе́рно при́носи́ли сла́ву То́му, Кто на́делил Со́ломо́на бо́гаты́ми да́рами, по́ край́ней ме́ре у э́той ца́рицы бы́ло та́к, она бла́гослови́ла Су́щего, по́ставивше́го его́ в ца́ри И́зраи́ля для то́го, что́бы прои́зводить пра́вильный и пра́ведный су́д. Они о́бменя́лись по́дарка́ми, до́вольно бо́гаты́ми и впе́чатляю́щими. Мно́гие до́мыслива́ют их о́тноше́ния, что́ она и́мела сы́на от Со́ломо́на, о́дна́ко е́сли Би́блия не го́ворит о че́м-то́, то до́мыслива́ть что́-то по́сле не́ё не сто́ит. Бо́г со́вершенно не скрыва́л грехо́в тех, ко́го Он вы́брал для Сво́их пла́нов, и е́сли бы э́та ца́рица ста́ла е́щё о́дной на́ложнице́й Со́ломо́на, то не бы́ло бы ни́какого смы́сла ута́ивать э́то. Все грехи́ и оши́бки Со́ломо́на пере́числены́, и за́чем бы́ло бы скрывать е́щё о́дну из них, не са́мую зна́чимую? Ца́ри в их ли́чных взаи́моо́тноше́ниях обы́чно не спра́шивают у ни́жестоя́щих по́зволений, и е́сли бы они ре́шили за́ключи́ть та́кой сою́з, э́то бы́ло бы за́конным их пра́вом, то е́сть ни́чего бы́ не на́руша́ло. То е́сть для ме́ня не́т о́снований счита́ть, что́ Би́блия что́-то умо́лчала о ца́рице Са́вской и Со́ломо́не. Ско́рее зде́сь пробле́ма в лю́дях, ко́торые не жа́елают ви́деть уже́ име́ющегося, и вме́сто э́того да́ют во́лю фа́н-та́зии, ко́мпенси́руя упущенное́ в ре́альности. Кро́ме то́го, кто сказа́л, что́ ца́рица Са́вская бы́ла мо́лода́?

При́ всех оши́бках и о́тступле́ниях Со́ломо́на всё́ же ну́жно о́тда́ть до́лжное́ его́ спо́собно́стям. Ко́гда он де́ржался Пу́ти (в то́м числе́ и ко́гда сно́ва ве́рнулся, пре́крати́в эксспе́рименти́ровать с глупо́стью), то он сде́лал не́мало́ для о́бога́щения ду́ховности че́ловече́ства. Хо́тя я го́ворил, что́ он не сде́лал мно́гого́ для о́бразова́ния и уста́новки вы́сших ста́ндартов жи́зни, но всё́ же он сде́лал не́мало́, то́лько в ча́стном по́рядке, а не ка́к го́сударстве́нный де́ятель. Он мо́г бы́ сде́лать мно́го бо́льше, но мно́жество притче́й и фи́лософская́ кни́га, вме́сте с по́эзией, где́ сфе́ра взаи́моо́тноше́ний по́лов ра́скрыва́ла бо́лее глубо́кое пре́дзна́чение че́лове́ка – э́то всё́ же бо́льшой в́клад. В кни́ге Притче́й е́сть о́дна гла́ва, где́ он ра́скрыва́ет Пре́мудро́сть ка́к не́кую

личность, приближённую к Богу, к тому же эта Премудрость оказывается и сама причастной к созданию нашего мира, проявляя божественность, свойства Творца. В принципе, это место Библии оценено по достоинству немногими, нам неожиданно легко и просто предлагается приобщиться к тайнам Божества, тут стало можно понять, почему это в в Бытии у Моисея Бог обращается к Кому-то равному Себе – "сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему"... До этого три тысячи лет не было никакой информации, разве что в книге Иова прозвучал вопрос "Какое имя Сыну Его?", только там ещё не было никакого ответа, по крайней мере записанного в Библии. Бог давно ожидал, как я думаю, если я понимаю Его верно, чтобы можно было дать такую о Себе информацию, но не было подходящего случая и подходящих компаний, сообществ, заинтересованных в раскрытии тайн мира. И в сыне Давида Он всё же дождался желаемого, труды Самуила дали долгожданный эффект. Соломон не один был мудр и любознателен, но даже его слуги, как отметила царица Савская, часто слышали его речи и беседы, и это создавало повышенный интеллектуальный фон, где каждый, попадавший в эту атмосферу, включался и становился более интересным и интересующимся, живым, с обострённой способностью замечать и вникать в суть вещей, различать категории и анализировать. Всё вокруг Соломона становилось ярче и живее, как будто он был ангелом или посланцем небес. Если бы не его склонность немного потупить... Это было трагедией, но почему-то он на это пошёл.

Я, конечно же, опять, как и всегда, виню в этом питание, неосторожное обращение с продуктами, каждый из которых был высшего качества, однако же часто их смеси оказываются нейтрализующими достоинства друг друга – это снизило физические и духовные силы Давида, оно же подвело и Соломона. Мозг, хотя и в немалой степени изолирован от многих систем организма, всё же зависит от состояния тела, так что для чуткого человека с изощённо развитой системой восприятия, могущего заметить микросигналы, малейшее притупление тончайших датчиков нервной системы означает потерю многих сигналов, которые не дойдут до осознания. Цари подвержены этому искушению больше других, и в дни Соломона эта наука ещё не появилась, хотя именно он мог бы задать верное направление в изучении влияний, в которых живут наши тела и души. У него, впрочем, есть заметка об этом, но это лишь очень небольшое начало, и это далеко не новое учение о умеренности в питании. Может быть он и сам был умерен, но лишь в количественном отношении, изощённые же блюда его кухни сослужили ему недобрую службу. Хотя, конечно же, ещё и его женщины были причиной упадка, злоупотребление этой стороной нашей природы никак не обогащает человека. Нужно дополнить, что я не свожу падение Соломона и других к питанию или здоровью, но это влиятельный фактор, подведший его к неверному выбору. Он вполне мог не сбиваться с пути, однако это требовало дополнительных усилий и осторожности. Но именно в этом ослабленном состоянии люди забывают об осторожности... Это то же, как потребление алкоголя – обычно его влияние многими не прослеживается на поведение, характер и поступки, но при более глубоком анализе всё это отчётливо видно.

Можно говорить, что было два Соломона, первый процветал на Пути, обогащал его и украшал, а второй, однажды появившись, начал разрушать сделанное первым. Попробовав глупость, Соломон не мог долгое время остановиться, определить, когда надо возвращаться. Пробуя неразумные вещи, он потом решился на безумие, а позже докатился и до открытого греха. Построив своим языческим жёнам капища, он вместе с ними принимал участие в их богослужениях. Зачем? Может быть просто хотел угодить молодым и красивым женщинам, попав под их обаяние и искусство, а может быть кто-то из них были посвящёнными своим богам и могли поспорить с Соломоном пусть не в мудрости, но в обещаниях необычных опытов, могущих приоткрыть что-то до сих пор неизведанное. Соломон, конечно, не принимал всерьёз языческие религии, он прекрасно знал, кто из богов является настоящим, а кто тенью или отражением Сущего. Он о тех временах, когда позволил себе свернуть на кривые дорожки, говорит, что его мудрость не оставляла его. Это не значит, что он хорошо понимал что делает, но по крайней мере ему так казалось.

Он понимал, что языческие боги не существуют, и может быть поэтому и позволял себе участие в ритуалах своих жён, считая, что раз их нет, то и никому он не поклоняется. О подобной тонкости писал и апостол Павел спустя тысячу лет, что он мог без проблем поест в языческом капище, зная, что посвящённое лжебогам не несёт само в себе ничего, чтобы нанести понимающему человеку какой-либо вред или осквернение. Часто разумные люди действительно намного шире смотрят на вещи и чувствуют себя свободнее, чем незнающий человек, однако есть грани, которые и сколь угодно знающий не должен переходить. Соломон задал с этих пор направление, которого стали держаться евреи, и тенденцию эту смогло прервать только разрушение Израиля как государства. Для него участие в поклонении чужим богам было лишь развлечением, но никак не реальными почестями им, зато для последующих поколений, не имеющих его понимания, его пример был мощным соблазном, что "так тоже можно", что можно служить одновременно разным Богам и что это вроде как вовсе не зло. Соломон должен был понимать, что если он даёт пример непослушания закону, то его подданные тоже не станут выполнять его требования. В лучшем случае они сочтут, что "так тоже можно", и что при этом можно считать себя верным Сущему... Ко времени потери государственности это было давней и укоренённой традицией – цари, князья и даже священники Храма именно так и делали, а за ними и народ.

Обещаний наказаний за преступления

Рано или поздно это должно было как-то кончиться, но если бы Бог не остановил Соломона, то он мог бы зайти намного дальше, свои тормоза у него, кажется, уже не срабатывали, и тогда Богу пришлось бы прекращать благоденствие Соломона. Этому человеку Он являлся два раза, дав более чем достаточно стимулов для того, чтобы не уклоняться с пути, но он понадеялся на обещания, что в его дни будет мир, и повёл себя, по нашим меркам, просто нагло, и если выразиться мягче, излишне самонадеянно. Однако же обещания мира и благополучия базировались на верности, и Соломон, испытывая путь глупости, в какой-то мере изучал, насколько далеко можно отойти от Бога, чтобы Его гнев всё ещё не обрушился на него... И если Бог его так ни разу не наказал, то с другой стороны, сами эти эксперименты с границей Его недовольства были просто профанацией всей прежней жизни Соломона, деградацией всего достигнутого.

В этот раз Бог не являлся лично, но передал через пророка, насколько всё плохо. "Раз у тебя делаются такие дела, и ты не хранишь завета и уставов, то царство от тебя будет отобрано и отдано твоему слуге" – прозвучал приговор. Соломон оказался захваченным врасплох, он не ожидал такого, он рассчитывал, что Бог будет предупреждать, давать какие-то сигналы, он ведь не просто так занимался своими изысканиями в области нечестия. Если бы Соломон был обычным человеком, то может быть именно так бы и было. Обычный человек, настроенный на Бога, обычно просит совета и руководства, и ожидает поправок на случай если его ума не хватит на просчёт всяких ситуаций, но Соломон стоял намного выше, он имел дары и способности, с которыми рассчитывать на снисхождение не стоило. Он и сам прекрасно должен был понимать последствия, это было вполне доступно ему, но он преступно прощупывал грань допустимого и предельного. Поэтому Бог не хотел и не собирался помогать ему в уклонении от Пути, да и не мог, не то дело, где нужна помощь светлых сил.

Пророк немного утешил Соломона, что ради клятвы его отцу, Соломону всё же не увидит этого, всё свершится после него, это его сын потеряет большую часть страны. Было ли это утешением? Для кого-то может быть, не зря у некоторых есть поговорка "после нас хоть трава не расти" или "после меня хоть потоп". Подобный дух продемонстрировал Езекия, отдалённый потомок Соломона, о нём будет отдельный разговор, но для Соломона вряд ли это было утешительно. Как-то он в своей книге выразился о наследниках своих великих дел – "будет ли мой наследник мудр или глуп? – а ведь он будет распоряжаться всеми моими делами после меня". Похоже, что сейчас он особенно горевал, что за проведением своего времени в своё удовольствие, не меньше Давида, а то и хуже, чем он, запустил своих детей. У Давида хотя бы один нашёлся, кому

он мог без опасений передать страну, а Соломон из всех своих детей не имел никого подобного себе. Царство наследовал его старший сын, показавший себя совсем не мудрым, из-за обидной ошибки гордости вмиг потерявшим большую часть созданного своими славными предками. Это было очень горько, и ему осталось лишь собрать ценности своего духовного опыта, чтобы хотя бы не через детей, умело и хорошо воспитанных, но через то, что он действительно сумел достигнуть и построить хорошего и правильного, засеять общество лучшим и вечным, в надежде, что у царей после него будут разумные советники и наставники. Понятно, что хотя он сам не много занимался детьми, но это не было совсем забыто, были специальные воспитатели его детей, но как оказалось, группа воспитателей не смогла перебить влияние большой группы дворцовой молодёжи, жившей своей жизнью, и они смогли проигнорировать влияние воспитателей и выросли по своим собственным представлениям.

Хотя бед для Соломона и его царствования не случилось, однако того, что Бог предпринял для наказания слишком безопасно почувствовавшего себя царя, было достаточно, чтобы настроение любого царя и политика несколько упало. У Соломона возникло несколько противников, могущих либо составить ему конкуренцию, либо являвшихся сильными противниками его страны. Первым в списке показан Адер Идумей, выживший потомок правителей Идумеи, его смогли спасти от карательной операции, проведённой Иоавом ещё при жизни Давида. Он вырос в Египте, получил много даров от фараона, который дал ему в жёны даже родную сестру своей жены, то есть он оказался в родстве с фараоном, его сын воспитывался наравне с сыном фараона. Он мог встроиться в высшую знать Египта, однако же, узнав, что Давид и Иоав ушли из жизни, собрался и ушёл в Идумею. Он в принципе не мог быть серьёзным противником Соломону, поскольку его народ был слаб после пережитого возмездия от Израиля, но он взялся за восстановление Идумеи, и со временем сумел это сделать, и снова этот народ был противником и ненавистником Израиля, как обычно. Ко времени, когда Бог высказал Соломону о Своём негодовании и планах по разделению его царства, Адер и Идумея уже были некоторыми раздражителями для него.

С севера у Соломона возник другой раздражитель. Когда Давидом был разгромлен Адраазар, некоторые из его слуг или князей ушли в Дамаск и обосновались там. Со временем глава этих людей Разон стал царём или главным в Дамаске, дань Израилю от Дамаска прекратилась, а эти люди стали противниками Соломона. Они не нападали, но и спокойствия с той стороны Соломон уже не имел, как во время молодости и в первой половине своего царствования.

Третий, о котором летописец говорит, что он "поднял руку на царя" (хотя никаких действий он не принимал, а лишь говорится о том, что он стал противником царя), был один из слуг Соломона, человек, поставленный им на высокий пост, Иеровоам. Он бы никогда не встал Соломону поперёк дороги по своей воле, однако пришлось... В своё время Соломон обратил внимание при модернизации стен Иерусалима на одного молодого человека, в руках которого спорилась всякая работа, который умел хорошо делать дела. Он поставил Иероворама смотрителем над работниками от ефремлян, и так бы всё шло, однако однажды, после того как Соломону было объявлено о наказании за неверность, к Иеровоаму подошёл один из пророков, посланный Богом именно к нему. Ахия из Силома велел ему остановиться и послушать, что для него приготовил Сущий – он снял с себя новую накидку и разорвал её на двенадцать частей, и велел Иеровоаму взять себе десять из них. Он пояснил, что одна часть Израиля останется потомкам Давида, а все остальные племена отойдут ему и он должен быть их новым царём. Новость была, конечно, небывалой, вряд ли Иеровоам даже мечтал о таком, но пришлось привыкать. О том, что Бог выбрал его для царства, со временем стало известно Соломону, и Иеровоаму пришлось срочно бежать из страны, потому что Соломону терпеть соперника почему-то не хотелось. Было бы намного лучше, если бы Соломон смирился с приговором, это помогло бы ему в его личном совер-

шенствовании, но Соломон вместо этого искал смерти того, кто не был соперником ему лично, но его наследнику. Так что Иеровоам тоже скрылся в Египте.

Соломон царствовал сорок лет, как и Давид, однако летопись почему-то не оставила нам ничего о возрасте его в начале царствования, так что неизвестно, сколько в целом лет прожил Соломон. Мне кажется, это шестьдесят лет с точностью до пяти лет.

История разделённых Израиля и Иудеи

Ровоам

Он был первенцем Соломона и по всем правилам наследовал после отца трон. Немногие его слова, дошедшие до нас в истории его воцарения, говорят о том, что мудрецом он не был. После бурного начала царствования, когда он лишился большей части территории страны, и некоторых позднейших печальных столкновений с реальностью, я думаю, он мог значительно пересмотреть свои принципы и оценить разум отца, который, если бы ценил раньше, помог бы избежать множества проблем. Но тот круг молодёжи, в котором он постоянно вращался, рос в довольно тепличных условиях, и наверное им казалось, что никакие беды не могут их никогда посетить, в эти времена Израиль не просто процветал, но, похоже, даже совсем не имел войн, и лишь старые солдаты могли рассказать о плохих временах, только их рассказы из их далека воспринимались легендами и не способствовали молодым к пониманию реальности.

Обряд помазания на царство был назначен в Сихеме, и весь народ, как и все влиятельные лица направились туда. Была проблема, с которой прежние цари не сталкивались, кроме в какой-то мере Саула – народ мог выбирать, кого взять в цари и то, что Ровоам был первенцем Соломона, ещё не гарантировало, что его непременно согласятся видеть на троне. В Библии не говорится о состоянии дел в это время, в конце жизни Соломона и сразу после его смерти, но народ стоял перед выбором. Правда, Ровоам считал дело совершенно предопределённым и подтверждение на царство считал обеспеченным, простой формальностью. Возможно, ему не рассказывали об этом, советники и помощники Соломона не спешили помогать наследнику, видя его непробиваемую самоуверенность, к тому же он и сам не спешил заручиться их советом и поддержкой. Ему было целых сорок лет, однако же он как будто живёт в какой-то игрушечной стране, где всё обеспечено как в детстве. Один момент мне кажется вполне ясным – отец не объявлял его наследником, подобно как Давид назначил Соломона своей сменой, и в этом была большая разница. Народ мог предложить другого из сыновей Соломона, также народ весь был наслышан о Иеровоаме, как Бог предназначил ему быть царём над десятью племенами... Этого прямого конкурента Ровоаму вызвали из Египта после смерти Соломона и он также пришёл в Сихем.

Процесс общения с народом показывает, что народ всё же прежде всего смотрят именно на Ровоама как правильного кандидата на престол и никого другого пока не рассматривают, остальные являются запасными игроками. Народ не против Ровоама, но они озвучили очень серьёзный момент, они торгуются с кандидатом на царство, они дают наказ избирателя – "Твой отец наложил на нас тяжкое иго, и ты облегчи нам его", обещая, что в этом случае они согласны поставить его себе царём.

При Соломоне страна цвела, однако жизнь стала дороговатой для многих, и хотя многое им нравилось, но всё же личные условия жизни важнее многих других факторов. Им не было обещано коммунизма или рая на Земле, так что у них не было цели, ради которой надо бы было терпеть годы и десятилетия напряжённой работы, поэтому вполне понятно их желание, чтобы налоги и трудовые повинности были снижены. И здесь видно, что Ровоам совсем не мудрец, он проявляет совсем обратные этому качества души и ума. Правда, первый его шаг предпринят очень верный, как полагается, как его учили – он идёт советоваться. Только советников у него два лагеря, и его неразумие заставляет его выбрать худший из советов... И что толку от мудрости тех,

кто учился и работал с Соломоном? Их совет привёл бы Ровоама к успеху, он бы был принят народом и получил бы лицензию на царство, но увы, совет другой стороны, от тех, кто рос вместе с ним и опыт имел соответствующий, был ему гораздо больше по душе. Мудрецы старшего поколения сказали Ровоаму, что если он хотя бы пообещает людям уступки, то они его согласятся заключить с ним договор. Но Ровоам не мог вместить себе в голову, что он ещё не царь – он вырос во дворце, он всю жизнь пользовался привилегиями, и это положение никак не могло измениться... Придворные повесы, выросшие вместе с ним, посоветовали ему довольно грубый ответ, даже неприличный, что отец намного слабее физически Ровоама, и мол он, Ровоам, будет очень ярким и жёстким, все будут его помнить – "Если Соломон наказывал плетью, то я буду наказывать скорпионами, если отец наложил на вас тяжёлое иго, я его ещё увеличу..." Ладно бы Ровоам имел грандиозные замыслы, которые имели бы шанс увлечь общество, по строительству, по увеличению военной мощи или ещё какие-то, чтобы люди согласились потерпеть, так ведь нет, ничего у него такого за душой не было, и отвечал он столь грубо лишь из-за гордости, пугливости и никчемности. На эти совещания Ровоам попросил три дня, и когда народ, и с ними также Иеровоам, пришли к нему в назначенное время, он выдал им то, что было у него на душе.

Иеровоам был среди делегатов от народа, я думаю, что ему слабо верилось в то, что он станет царём и что единый Израиль вдруг разделится на части, что после блестящих правлений Давида и Соломона кому-то захочется разойтись по отдельным квартирам. Правда, было после восстания Авессалома, что один буйный человек возмутил часть народа отделиться от Давида после того, как иудейские князья не слишком вежливо отвечали остальным о том, что они одни возвратили Давида из изгнания и не позвали остальных. Но следа от тех событий не осталось, войны тогда не случилось, кроме гибели самого бунтовщика. Но сейчас, слушая, как Ровоам отвечает самым грубым образом людям, поймавшим удачный момент для облегчения своего положения, он ощутил, что пророчество Ахии из Силома всё же исполняется. Немало лет он провёл в изгнании в чужой стране, но о нём помнили и имели ввиду, и его время вот прямо сейчас наступило. Народ, выслушав самонадеянное заявление первого кандидата в правители, немного оторопел. Они бы ещё могли понять, если бы Ровоам хоть немного постеснялся, если бы сказал что-то типа такого – "знаете, мы тут подумали, что ввиду разных угроз с той или другой стороны нам нужно ещё немного поднажать и форсировать такие-то проекты по строительству укреплений, вывести наше сельское хозяйство на новый уровень, поэтому дорогие сограждане, потерпите и мы постараемся обустроить вашу жизнь как можно лучше. Мы понимаем ваше положение и сочувствуем..." Но нет, он в наглую, в глаза, без малейшего уважения и сострадания собирается ухудшить их положение, при этом не собираясь даже оправдать это какими-то объективными нуждами. Им говорят, что они дойные коровы и их будут выдаивать беспощадно, будут стричь ещё чаще... В общем, Бог обещал, и Бог выполнил.

Народ отреагировал так, как обычно и делают, и все вели себя одинаково, что князья, что простые люди, расслоение в те времена, кажется, ещё не было достаточно глубоким, да и у многих князей не было ресурсов обогащения, чтобы сильно выделиться из массы обычного населения.

Может быть не всем известно, что всякий первенец во всякой семье обладал старшинством перед остальными братьями, и именно они назывались князьями (в английском *princes*, хотя сегодня принцами называют детей царя), и это было свойственно, наверное, всем древним народам. Одни князья были выше других, в силу происхождения, ведь первенцы были и в семьях тех, кто сами первыми не были, но подчинялись (слово "подчинение" здесь вообще-то не к месту, но в принципе и такое случилось в трудных ситуациях, первые должны были заботиться о всех остальных) тем, кто в прежних поколениях был первым. Чем больше было племя, тем выше оказывались первенцы, родившиеся в первом поколении. Они не всегда становились царями,

и тогда между царями и князьями могли возникать трения. Такие проблемы сильно омрачали жизнь и работу Моисея, однако ко времени появления царей в Израиле князья уже были готовы сотрудничать с фигурой царя, смирившись с новой формой власти как с необходимостью.

Некоторое время людям понадобилось, чтобы осознать, что сейчас произошло, что настал редкий момент исторических перемен, и когда народ заговорил, суть его ответа выражалась в таких словах, как "Нет нам доли в Давиде... Теперь знай свой дом, Давид! По домам, Израиль!" И люди стали просто расходиться, потеряв интерес к Ровоаму, он для них был уже никто. Рядом с ним остались только старейшины иудеев и вениамитян. Им было некуда идти, об ужесточении политики им можно было не беспокоиться, с уменьшившимися в десять (может быть в пять) раз ресурсами Ровоаму вряд ли бы удалось что-то строить. Они знали, что род Давида остаётся с ними согласно всё тому же пророчеству Ахии, да и самим не хотелось ничего менять. Но как Ровоам всё всем, и им тоже испортил... Вениамитяне с некоторых пор стали союзниками иудеев, может быть ещё и потому, что по стечению обстоятельств Иерусалим стоял на их земле, в то же время являясь главным городом для Иудеи.

Ровоам до сих пор не понимал, как он вдруг не станет царём, но сейчас увидел, что царём может быть он и остаётся, но вот царство у него резко сокращается, и осознал, что можно было сделать и лучше, только изменять прозвучавшие слова уже не мог. То ли гордость не позволяла, то ли понимал, что никто уже не поверит, что он вдруг передумал. Несolidно всё же корректировать поведение по результату сделанного, все думают, что то, что ты говоришь, у тебя взвешенно и продуманно, а ты тут вдруг резко разворачиваешься и просишь всё вернуть назад, я, мол, передумал... Смеяться же будут, уважать перестанут.

Ровоам попытался всё же вернуть людей, не для того, что изменить свои слова, а просто подчинить. Но сгоряча не подумал, и послал за уходящими того, кто заведовал налогами. Это как раз того, кем он и угрожал им, ведь люди просили смягчить налоги, а он главного мытаря посылает за ними, чтобы они платили как прежде. Это было расценено людьми как кощунство, так что они мигом схватились за камни, и через пару минут Адонирама, начальника налогов и сборов страны, не стало. Покончив с Адонирамом, многие посмотрели на Ровоама, который послал его за ними, и Ровоаму стало страшно, ему пришлось срочно прыгать на колесницу и убежать от толпы. Так бесславно закончилась история единой страны. Не знаю, проводили ли иудеи обряд для нового царя, наверное они свершили свою церемонию, и Ровоам стал законным царём над Иудеей. В его владениях остались лишь два племени, но многие уже давно считали сimeo-нитян за один народ с иудеями, с ними остались вениамитяне, в северном же царстве собрались остальные десять, считая левитов.

Когда Ровоам вернулся из Сихема, сгоряча он, всё ещё считая, что имеет право на всю страну, решил обращаться с отколовшимися племенами как с мятежниками и объявил сбор военной силы. Набралось очень немало, сто восемьдесят тысяч отборных воинов, хотя остальные племена могли собрать намного больше, так что шансов на успех у него было немного. Но тут пришла команда сверху – Бог вмешался в эти приготовления и послал пророка сказать, чтобы поход отменили, чтобы не воевали со своими братьями, потому что случившееся было от Него. Да и права на власть над теми, кто не признавал его царём, он уже не имел. Царь заключает с народом договор и действует в пределах этого договора – таковы были основы государственного устройства в те времена, хотя реальная картина была несколько сложнее, не только желания и предпочтения людей имели значение, но и Бог определял, кто будет править. Люди услышали и отказались от похода.

Поскольку наличие одного центра власти не гарантировало отступления, Бог решил попытать вариант разделения власти на две ветви. Нельзя сказать, что Он экспериментировал, потому

что с Его всезнанием или даже умением просчитать всё наперёд во всех деталях Он знал, как всё обернётся, однако же люди должны были иметь наглядные уроки, чтобы пытливые умы хотя бы в последующие времена имели больше фактов для анализа.

И для науки, и для того, чтобы перекрыть возражения Люцифера и его сторонников, что они вполне могли сделать что-то работо- и жизнеспособное на своих кривых и скользких путях, нужно было пройти все эти разные варианты развития событий и вариантов постройки общества на разных принципах. Если не дать дьяволу реализовать все его эксперименты (которые далеко не всегда прямо призваны разрушать, но на деле всегда к этому вырождаются), то на Суде он будет сильно выигрывать в глазах всех зрителей, имеющих конечный разум. Он сошлётся на неизведанность путей, которым шёл, на желание построить альтернативное счастье, что ему нужно ещё время и возможности, и если ему дать время, он обязательно посрамит Бога и выстроит такую жизнь, что все пойдут за ним. Поэтому чем больше он перепробует путей, тем меньше ему останется возможностей лгать и прикрывать свою неспособность быть богом и благодетелем.

Два государства одного народа могли создать конкуренцию, она была практически неизбежной. И на этом пути могли осуществиться любопытные вещи – любые попытки жить без Бога приводили к упадку, но так же и любые старания позвать Его на помощь существенно вознаграждались, и в этой ситуации могло возникнуть соревнование, кто ближе окажется к Нему... Обычно близкие народы в самом деле много меряют по успеху и качеству жизни себя и соседей, и желание превзойти соседей в богатстве и благах могло бы заинтересовать их в приближении к их Богу, могущему в этом помочь.

Северное царство. Иеровоам

Это в самом деле могло получиться, но тут вдруг дело резко и значимо, на века испортил Иеровоам. В религиозный вопрос вмешалась политика. Думаю, что выбирая Иеровоама, Бог брал человека, способного на многое, талантливого управленца и организатора. Насколько он был хорош как последователь Сущего, как-то совершенно не просматривается, я не нашёл ничего существенного о его характере как человека. Однако наверняка он не был плохим человеком, иначе не оказался бы Его избранныком в столь критический момент в жизни страны.

Поначалу Иеровоам вёл дела вполне достойно, устроил себе столицу в Сихеме, который построил или значительно обустроил под свой вкус, занялся также обустройством северо-восточной границы царства. Жизнь людей в целом не менялась, и обычаи оставались теми же, и среди них были священные праздники, на которые по законам Моисея нужно было ходить в Иерусалим в храм три раза в году. Было важно, чтобы общность духовных начал оставалась единой, чтобы Бог был скрепляющим элементом их бытия, чтобы положить даже в существующей разнице крепкое единство, объединяющее сообщества людей по разные стороны границ. И вдруг Иеровоам испугался этого единства, он оценил его с другой стороны, всего лишь возможность плохого сценария, причём не для страны или Бога, а всего лишь для себя, именно для себя лично. Он стал думать, что встречаясь с единоверцами в Иерусалиме, его подданные охладят к нему. Здесь он имел причины так думать, так как знал характер своего народа, у них была привычка к переменам, старое им могло наскучить, правда это касалось именно их религии – истинная, требующая высокой ответственности вера и религия, их Бог, наложивший на них большие требования по совершенству, для обычных людей они всё же не свойственны, люди склонны расслабляться, высокие напряжения утомляют многих нетерпеливых и непостоянных. То же самое почти гарантированно случалось бы с любыми другими народами, мало кто способен передать потомкам желание всегда соответствовать высшим ожиданиям... В общем, Иеровоам стал опасаться общего поклонения в храме Сущего его народа с иудеями, что евреи вдруг про-

никнуться симпатией к Ровоаму, простят ему высокие налоги и грубое обращение. Пусть это было совершенно беспочвенное подозрение (хотя кто знает, это умные люди могут помнить, но ведь у него не все были такими...), но Иеровоам стал бояться, что израильтяне захотят вернуться в подданство Иерусалима – там и город уже с историей, и храм один на две страны, а его столица, как ни строй, всё равно ещё недалеко ушла от провинциального городка. Начнут тянуться к более пышному и обустроенному, и забудут все его попытки дать им лучшую жизнь, а потом возьмут и сговорятся с Ровоамом... А там, где такая измена, там и устранение его, Иеровоама, который во многом превосходит этого глупого Ровоама, позорящего своего славного отца.

С такими болезненными подозрениями о своём собственном народе Иеровоаму пришла, явно не без помощи с тёмной стороны, идея, как разрешить эту проблему. Здесь ему помогли очень давние случаи, некоторые из которых даже стали традицией, и на что он сейчас опирался. Некогда ещё в пустыне Аарон отливал золотого тельца для требующей замены Моисею толпы, и тот телец для них был олицетворением именно Сущего, вовсе не каких-то языческих богов. Он решил обратиться к этой слабой, но имеющей корни традиции, и это получилось. В Данае на западе у них уже было давно действующее святилище Сущего, самодельное и запретное, но имевшее своих постоянных посетителей. В дополнение к нему Иеровоам поставил золотых тельцов (оба носили имена Яхве, а не языческих богов) там и в Вефиле. Вефиль был местом, которое Иаков некогда собирался сделать "домом Бога", но как-то это осталось невыполненным, и теперь Иеровоам наделил это место священным статусом, и всё это вроде бы было невинным делом, всё это было посвящено их же Сущему, кроме одного только момента, что Иеровоам отсекал всех от Иерусалимского храма, который Сущий объявил местом своего официального пребывания, только туда надо было приходить в праздники и там приносить жертвы. Всякое иное место было запрещено, однако Иеровоам, преследуя политически выгодное для себя, игнорировал закон. Он, как и многие до и после него, не считали частичное нарушение грехом и частичное послушание нарушением – мы же продолжаем служить Сущему, а где и как – такая ли уж большая разница...

Многие согласились с нововведениями, но часть населения была более просвещённой и понимала разницу, продолжая ходить в Иерусалим. Иеровоам в свою очередь пытался как можно больше отвлечь людей от Храма и даже пошёл на легализацию древнего патриархального служения, когда на вершинах холмов каждый мог приносить свои жертвы. Он стал ставить священниками этих высот любого желающего заниматься этим, и в какой-то мере его порядки выглядели выгоднее, чем строгое ограничение на занятие богослужением только тем, кто происходил из левитов. В либеральном дискурсе сегодня это бы выглядело как "отмена необоснованных ограничений" на священство и "снятие запретов" заниматься служением Богу только для левитов, "каждый должен иметь право приближаться к Богу". Если бы такая практика привела к повышению просвещённости общества, ещё можно бы было рассматривать такие доводы, но Бог, поставивший на данный период времени свой порядок, не мог сопровождать такое самовольное служение Своим влиянием, так что поклонения и жертвы на холмах привели к обратному эффекту, когда каждый стал смешивать поклонение Сущему с местными культурами, в каждой местности своими. Отсюда язычество начало набирать обороты, и новая система вещей этому только способствовала.

Иеровоам не трогал Пасху, один из главных праздников, но попытался заменить последний из праздников, может быть важнейший, символизирующий конец человеческой истории. Он установил подобный праздник на месяц позже праздника Шалашей, тоже в пятнадцатый день месяца. Но в этой версии праздника не было праздника Труб, то есть Нового года, и не было Судного дня, или Дня Очищения Святилища. Неудивительно, потому что и очищать было нечего, у него не было Ковчега Завета во внутреннем помещении. Богослужение, устроенное Иеровоамом, было жалким подражанием, с полностью урезанным функционалом, не отражавшем ни

пророчеств о будущем, ни смыслов спасения, содержащихся в Святилище и его символах, только самое простое, что было уже невозможно повредить – искупительную Жертву.

В этот праздник, который он собрался провести сам, давая начальный образец, ощущая себя реформатором, он хотел принести жертву. Он подошёл к жертвеннику, чтобы возложить на него благовоние, видимо, завершая обряд, но его неожиданно прервали. Может быть он и ожидал, что Бог, поставивший его на столь значимый пост, как-то выразит ему Своё неодобрение, он же хорошо понимал, что искажает Его порядки, но до сих пор его никто не беспокоил от имени Сущего. Но сейчас в круг зрителей прошёл некий человек, пророк, пришедший из ставшей ему ненавистной и подозрительной Иудеи (даже если он был вполне здоровым человеком с устойчивой психикой, но столько деятельности по разрыву отношений и действий против Бога, пусть даже в "мелочах", пытаясь избежать вероятной гибели, если его подданные вдруг когда-то захотят вернуться к Иерусалиму, трудно сохранить здоровье ума), и заговорил, обращаясь к жертвеннику, на котором Иеровоам хотел совершить священнодействие. Жертвенник, как и присутствующие рядом, услышал слова: "Так говорит Сущий. Вот в доме Давида родиться сын, по имени Иосия, и он принесёт на тебе в жертву кости священников, совершающих на тебе курение, человеческие кости сожжёт на тебе²⁷".

Иосия действительно исполнил это предсказание, только не сжигал живых людей на нём, он разорил могилы прежних священников вокруг этого сакрального места и сжигал их кости, с целью осквернить его, чтобы прекратить запрещённое законом служение. На территории северного царства к тому времени уже не оставалось жителей и царей, именно в силу того, что это самовольное богослужение разрушило планы Бога, за что и была разорена земля.

Иеровоаму эта речь показалась очень несоответствующей торжественности момента, когда он разрушал гегемонию левитов, в его интерпретации узурпировавших богослужение, в момент высшей точки обряда. Разгневанный, он повернулся к осмелившемуся прервать его действия и, указывая на него рукой, велел арестовать его. То, что это пророк, говорящий именем Сущего, ведь и его Бога тоже, он не хотел задумываться. Я уже говорил, что пророки по своему статусу были особой группой в Израиле. Они имели куда больший доступ к Богу, чем даже первосвященник, у них было право говорить к царям почти на равных, потому что цари были ставленниками от Него, правили Его авторитетом, и пришедший от имени Верховного был не ниже царей. Правда, не все цари относились к пророкам с подобающим уважением, и этот случай тоже был как раз из таких. И зачастую кончались эти случаи плохо для тех, кто не выказывал пророкам положенной чести. Конечно, когда пророк не имел что сказать, то его статус мало отличался от обычного человека, лишь когда он нёс весть, он был вестником Всевышнего.

Иеровоам в гневе отдал приказ, и кто-то уже двинулся схватить пришельца, однако сцена очень быстро изменилась и пророка уже не пытались взять, хотя он никуда и не спешил. После своего приказа Иеровоам вдруг обнаружил, и всем это было видно, что его рука не слушается его больше, она остаётся вытянутой, и выглядело это необычно. Когда рука царя одеревенела, жертвенник тоже развалился, символизируя крах всего, что делается против воли Сущего, у Которого одного лишь безопасный путь (в технике безопасности не бывает двух правил на один и тот же пункт, и было бы удивительно иное). Царь испугался, его совесть вовсе не была спокойной, и сейчас он понимал, что для него всё может кончиться. Он боялся, что верные Богу люди могут возмутиться против него, но забыл о гневе Бога, которого он оскорблял в лицо. И теперь Бог стал его противником, и если беда от людей была лишь вероятная, да к тому же не просто вероятная, а очень маловероятная, то Бог точно недоволен им, и пришло время расчёта. Его царство было обещано ему лишь на основе верности Тому, кто поставил его в цари, что оно будет

долгим и его дети будут наследовать ему, но если он неверен, то желающих на его место, и, наверное, более достойных, найдётся немало. Надо было срочно что-то делать, но даже в этой ситуации он не допускал мысли, чтобы отменить свои нововведения. Понимал ли он, что на этом его время может и закончиться? И всё равно, даже на грани гибели он больше боялся, что над ним станут смеяться, что он то вводит новые правила, то отменяет их и возвращает старые.

Он не обратился к Богу, но стал угодничать перед Его посланником. А что ещё оставалось делать, если никак не хочется подчиняться правилам? Почему-то некоторые согласны на "пусть мало, зато здесь и сейчас" вместо "и сейчас и потом" (кстати, многие думают, что это звучит только как "больше, но потом", но если насчёт "больше" верно, то "потом" далеко не всегда далёкое, выигрыш в глубинных вещах наступает сразу, пусть и не очень ощутимо, а "больше" получается всегда, да и "потом" рано или поздно всегда превращается в "сегодня"), выигрывая весьма сомнительные вещи. В который раз я склонен думать, что всё это исключительно потому, что мозг человека не работает в полную силу, из-за чего он не имеет полной картины для принятия верного решения. Но для здорового функционирования мыслительного аппарата необходимо не только хорошее здоровье, но и занятия для ума, чтобы он научился использовать свои огромные мощности. Но жизнь погони за удовольствиями, стремление иметь как можно больше с меньшими усилиями весьма сильно подводит всех нас и сокращает потенциал разума уже из-за одного только неумения пользоваться им. Или, например, остроумие – оно даёт иллюзию хорошо работающего ума, но попробуйте решить серьёзную задачу, и вы обнаружите, что у вас нет желания ею заниматься, вас отворачивает от неё невозможность на таком уровне что-либо сделать. Если человек не стремится развить разум, со временем от него мало что останется, когда ослабеет общее здоровье, а оно уменьшится почти гарантированно, если цели сохранять его не ставится.

Иеровоам, не обращая внимания на многочисленных свидетелей его позора и наказания, упрашивал пророка вернуть ему руку в нормальное состояние – "упроси Сущего, Бога твоего, чтобы рука моя могла повернуться ко мне". Пророк был очень мягким человеком, в самом деле, очень и очень мягким, иначе бы он не погиб здесь из-за своей уступчивости, и он продемонстрировал всем, что его Бог не любит наказывать. Тоже как будто правильно, хотя кто другой на его месте бы оставил царя с проблемой на какой-то срок до исправления всего, что он наделал против воли Бога, но этот человек слишком поспешно стал вступаться за того, кто нуждался в уроках. Вреда Иеровоам бы не имел никакого от этого наказания, даже падения рейтинга в глазах людей вряд ли бы случилось, всё-таки пусть даже так, но Бог проявил Свою силу среди них, а это всё же Событие. Пророк помолился о перепуганном царе, и его рука снова стала подчиняться ему.

Довольно интересно, что посланные Богом, оказывается, наделяются правом на принятие решений каких-то вопросов по своему усмотрению. Несмотря на то, что Иеровоам неуважительно (это очень мягко говоря) отнёсся к полномочному представителю Всевышнего, пророк, едва его попросили смилостивиться, легко отменяет наказание, постигшее дерзкого царя. Он имеет на это право, хотя кто-то на его месте (из других времён или культур) мог бы даже посчитать, что он не вправе отменять божественные наказания и вмешиваться в Его дела. Он мог бы сказать царю, что это его дело – раскаяться и измениться, и Бог тогда посмотрит, что с ним делать. Однако же у пророка имеется прямая линия связи, по которой он как правило, особенно находясь при исполнении поручения, моментально может связаться с Верховным Главкомандующим, поэтому Иеровоам и стал умолять его о помиловании, и чтобы пророк сам же и выступил ходатаем за него. Полномочия пророка иногда удивительны, хотя можно подумать, что это зависит ещё и от личности пророка – кто-то разворачивается по полной, сворачивая горы, а кто-то едва ли не стесняется передавать другим пору-

ченное ему. Степень сил, явленных через одного и другого, разумеется, будет очень разная. Апостол Павел по этому поводу высказал – "И духи пророческие послушны пророкам". Пророки не являются придатком сил или Бога, но им может принадлежать заметная и значимая роль в процессе, хотя какие-то поручения могут быть довольно скромными.

Иероваам мигом успокоился и постарался снова изобразить из себя хозяина положения, навёрстывая падение лицом в грязь в глазах многих знатных людей. Он просил пророка погостить у него, обещал ему подарки – этим он ставил себя хозяином положения, от подарков он не обеднеет, однако пророк, если бы и был склонен по избыточной простоте души (в пророки попадают тоже не всегда самые выдающиеся люди, это редко бывает так, скорее наоборот, контакт с высшим Существом продвигает его и развивает) согласиться, но у него были уже на этот счёт недвусмысленные инструкции от пославшего. Ему было запрещено в этом месте и пить и есть, а также пользоваться чьим-либо гостеприимством, даже возвращаться он должен был другой дорогой, чем пришёл сюда. В этом месте, где люди нарушали пусть не самые важные законы и правила Бога, было что-то нарушено, отчего оно не было местом покоя и мира для Бога и Его слуг.

Пророк отправился обратно согласно имеющейся у него инструкции не задерживаться здесь, но он всколыхнул местное общество, и одна из отражённых волн вернулась к нему с неожиданным соблазном. В этом селении жил старый пророк, и его сыновья, придя домой, рассказали ему о произошедшем в святилище Иероваама. Тот очень заинтересовался всем этим и ему очень захотелось увидеться с подобным себе, поговорить о вещах, которые мало кого интересовали среди простых людей. Само по себе желание правильное, и он не послал сыновей за пророком, понимая, что тот не придёт, имея запрет оставаться и задерживаться в этом месте. Он сам отправился за ним на осле и нашёл его отдыхающим под деревом. Но то, что произошло дальше, с трудом уместается у меня в голове, зачем этот старый пророк пошёл на обман. Остальное всё понятно, но как этот человек решился говорить от имени Сущего то, что Бог не говорил – это как-то ненормально. Понятно, что ему хотелось подольше побыть с коллегой, и, скорее всего, он считал, что выйдя за пределы города, пророк из Иудеи уже выполнил условия, и теперь мог уже без проблем вернуться. Это единственное, что приходит в голову... Местный пророк предложил ему свой дом для отдыха и подкрепления сил, но пришелец отказался, снова сославшись на запрет. И вместо того, чтобы если уж так хотелось пообщаться, то посидеть вместе с ним и поговорить, а потом и проводить его сколько возможно – выходило бы вполне достаточно, чтобы утолить любопытство и вдоволь пообщаться, он солгал ему, что Бог сказал ему, чтобы он пригласил его в свой дом. Он представился пророком, но из всего сказанного им только это и было правдой.

Пришелец почему-то поверил ему, он был воистину слишком уж мягкий человек, у которого собственного упорства очень не хватало. Если уж он был столь поддающимся чужим влияниям, то хотя бы полученные от Бога команды должны были сдерживать его, обычно этого достаточно, чтобы даже уступчивый человек стоял до смерти твёрдо, но этот человек, получивший ясные команды голосом Бога, решил нарушить их всего лишь по слову другого человека. Если бы Бог вдруг решил изменить Своё повеление, то должен был подтвердить и перемену в инструкциях (если в обстоятельствах появлялись новые повороты, то пророки получали новые команды, такое было в случае с законами Моисея в тонкостях наследования дочерьми, хотя обычно пророки заранее знали все повороты и в нужное время раскрывали свои знания), а он подверг сомнению Бога, приняв просто слова другого человека за истину. Результат был печален. Когда гость сидел с хозяином за столом, Бог послал откровение старому пророку, завлечьшего простодушного иудея в ловушку, и тот высказал переданное ему – "за то, что ты не послушался сказанного Сущим... но ел хлеб и пил воду там, где было тебе сказано не есть и не пить, твоё тело не войдёт в гробницу отцов твоих".

Ситуация отчаянная, приговор отмене не подлежал. Хотя вроде прямой угрозы высказано не было, формально лишь было сказано, что похоронен непослушный пророк будет где-то не дома, может быть это и усыпляло бдительность обоих. На душе у обоих должно было быть скверно, но можно ли было что-либо исправить? В христианские времена кто-то уже бы лёжа в прахе просил бы прощения (хотя Давид давал такой пример, но пока его было мало, слишком уж много людей жили вдали от Бога), а здесь люди были настроены, кажется, довольно фаталистично... Гость отправился снова в свой путь из запрещённого для него места, и в пути его встретил лев, напавший на него. Его тело было изломано развлекающимся львом, но осла он не тронул, также никто больше на этой дороге не пострадал.

Прохожие быстро донесли о случившемся в город, и старый пророк услышал об этом. Он тут же собрался в путь, чтобы достойно похоронить вестника Сущего и отдать ему последнюю честь – хотя он и провинился перед Богом, но он был как раз тем, кто приложил к этому руку, и хотел как мог загладить свою вину. Он нашёл тело, и лев всё ещё стоял около него, как бы охраняя, но не мешал старому человеку забрать его. Пророк похоронил его в своей гробнице и оплакал его по обычаю и со всем усердием. Он был виноват в смерти собрата по великому делу, желая всего лишь насладиться общением с ним. Надо бы быть многим поосторожнее в развлечениях, иногда это может плохо кончиться для вашего друга, важно всё же проверять обстановку и поступать соответственно. Часто посиделки весёлой компании тратят время не лучшим образом, не развивая и не усиливая друг друга, но прожигая время, и такая трата времени тоже тяготеет к подобным результатам, пусть не в силу проклятия, как здесь, но в силу самого характера её.

Иероваам, испугался паралича руки, но когда она снова заработала (пожалуй, пророк очень уж поспешил помогать ему), снова стал беспечным и уже не видел для своего царства никаких угроз. Он продолжал свою политику отчуждения своей части страны от Храма, но это было отчуждением от законов Моисея, то есть от порядков и уставов Сущего. А если он и предполагал какие-то последствия, то не при своей жизни, а о временах после него он ни в малейшей степени не беспокоился – "после меня хоть потоп" это девиз очень уж многих людей во все времена. Те, кто живут в последствиях таких разрушительных шагов, винят обычно не того, кто это навёл на них, а лишь того, кто правит в его время. Это непонимание вещей, но непонимающих это не волнуется, увь. Те же, кто думает о последующих поколениях, не склонны тешить себя руганью и обвинениями, они просто как могут, пытаются облегчить положение вещей и исправить последствия, и на них и держится этот мир.

Надо сказать очень важную вещь, что всякое действие человека является или разрушительным или созидательным. В какую сторону оно действует, зависит от того, следует оно Закону или нарушает его, и связь всегда однозначная – то, что согласно с Законом, укрепляет жизнь и благо, то же, что нарушает Закон, всегда разрушительно, что для отдельного человека, что для общества. От последствий этих дел и поступков в последующие времена тянутся волны влияний, соответственно разрушительных или созидательных. Некоторые люди сомневаются, запутавшись или не разобравшись, считая, что многие наивные люди пытались делать добро, но впоследствии из этого получилось много зла, и вроде бы из некоторого зла происходили потом неплохие последствия. Но такие вещи надо анализировать, видеть их составные части, потому что это уже вещи комплексные, состоящие из многих влияний, каждое из которых порождает что-то своё. Вы увидите, что всё равно из зла не росло добро само по себе, это в противовес разрушению кто-то вставал и начинал устранять зло и последствия зла. В других случаях получив обустроенную жизнь кто-то начинал разлагаться от безделья и изнеженности, но это происходило не из блага, а из недосмотра, от потери ориентиров, и как правило зло появлялось не сразу, а немало времени спустя. И не надо забывать о том, что построенное надо охранять и обслуживать, иначе оно на-

чнёт разрушаться... Нельзя винить добро за появившиеся поросли зла, оно растёт не из добра, не из праведности, не из любви, а от семян зла, не замеченных и не вычищенных...

Объявление наказания

Иеровоам старался не думать о последствиях своей политики, однако Бог не оставил его в неведении. Сам бы он не позволил никаким мыслям нарушить свой тщательно охраняемый покой, но Бог не хочет, чтобы люди сами шли и вели других в разрушение совсем уж безнаказанно и бездумно. Дом царя посетила беда, но коснулась напрямую она лишь его сына, причём это был единственный человек в его семье, кто был чуток к вопросам духовности, был лучшим у него. Его сын серьёзно заболел, и Иеровоам ощущал, что это рука Бога, и что отмахнуться от этого, как от своих собственных мыслей, он не может, и придётся идти к тому человеку, кто некогда предсказал ему его судьбу. Самому идти было очень не с руки, но он послал жену, которая переодетая в простую женщину и неузнаваемая согражданами, отправилась к пророку Ахии. Ахия был уже очень стар, его глаза уже практически потеряли способность видеть, но Бог предупредил его о визите и всём с ним связанном, так что он был готов и знал, что нужно сказать ей и передать Иеровоаму.

Вести были грозные – Бог начинает с упрёка, что возвысил Иеровоама из простых людей в вожди избранного народа. Таланты Иеровоама могли послужить целям Бога никак не в меньшей мере, чем способности Соломона, и в какой-то мере именно он был, точнее, должен был стать достойным продолжателем дела Соломона, был по духу гораздо ближе к нему, чем все дети Соломона вместе взятые. Но увы, Иеровоам почти полностью провалил возложенные на него надежды, по крайней мере в области религиозной и воспитательной, внеся в религиозную сферу разрушительные начала, извратив богослужение на своей территории, более того – священники и левиты стали покидать Израиль и свои данные им при разделе земли города, уходя в Иудею оттого, что их везде вытесняли новые священники высот и холмов, никакого отношения не имеющие к законам Моисея. За разрушение религиозной жизни народа Бог провозгласил на его дом многие беды, так что его потомков не останется на земле. Иеровоам тщательно гнал мысли о возможных последствиях своих дел из своей головы, но теперь он слышал голос, от которого отделаться было сложнее. Он испугался народного бунта, который был просто не мог в реальности случиться, зато теперь имел обещания от Бога о вещах гораздо худших, чем его выдуманные опасения.

Иеровоам услышал предсказания не только о своих потомках, но и то, что доверенная ему часть Израиля тоже потеряет государственность и независимость, и это будет результатом именно его выбора и влияния. Он, талантливый управленец, сейчас видел, насколько ошибся, доверившись своим болезненным подозрениям вместо того, чтобы положиться на обещания Того, кто вывел его наверх. Он знал, что Его слова сбудутся точно и надёжно, и не знаю, что он испытывал, мог ли после этого глушить свою совесть и не нравящиеся ему мысли. Похоже, что эта встряска чем-то помогла, в чём-то Иеровоам пытался исправиться, потому что он умер своей смертью и на его место на троне сел его сын. Но те огромные перемены в религиозных порядках, что разрушали слишком много в планах Сущего и которые вызывали Его гнев, он даже не пытался исправить. Может быть не успел, если весть неодобрения и наказания пришла к нему под конец его царствования. Скорее всего так и было, тогда он умер от потрясения от услышанного от Бога, и сколько он переосмыслил и пытался ли что-то изменить, хотя бы в себе, нам неизвестно.

В это время в Иудее. Ровоам

Первое время (может быть даже можно сказать, что по инерции) Ровоам держался Пути. Став царём, он обнаружил, что интересы дела мобилизуют в нём новые качества, делая его

несколько другим человеком, чем он был до этого. Его сверстники, похоже, тоже увлеклись государственными делами, так что дела Иудеи пошли в гору. Немалую помощь Иудея получила от переселенцев из Израиля, северного государства, где новшества Иеровоама были не по душе всем тем, кто был верен своему Богу. Левиты и священники массово уходили с территории Иеровоама, и это укрепляло мощь Иудеи. Некоторое время, года три или четыре длился период перестройки управления и это принесло успех. Ровоам оказался на деле далеко не тем изнеженным молодым человеком, не смыслящим ничего в обустройстве государства, если и было время, когда он был беспечен и бездумен, это время прошло. Но не совсем...

Когда он ощутил, что их труды по укреплению страны завершились, что Иудея теперь надёжно укреплена, ему, как и многим в подобном положении, показалось, что теперь ему и стране уже ничего не грозит, и начал расслабляться. Многие люди достаточно умны в краткосрочной и среднесрочной перспективе, но недостаточно мудры, чтобы взглянуть дальше. Зависимость от Бога, если она не оценена в здравом свете, может показаться чем-то надоедливым, а то и унижительным. Может быть, Ровоам ревниво следил за успехами северного соперника, а между ними шло в самом деле ожесточённое соперничество, и во многих вещах завидовал свободе израильтян, больше не привязанных к храму и Иерусалиму. То, что это было неверностью, под влиянием их хвастовства вдруг потеряло значение, многим показалось, что "там лучше". Ровоам оставил закон и Путь Бога, а за ним и очень многие в стране. Израильтяне, видя отступление Ровоама от правил, уже ранее отступившие от многого, тем более уверились в своей правоте, и вместе они начали уверенно оставлять пункт за пунктом Уставов и порядков Всевышнего. Увы, вместо того, чтобы соревноваться кто более верен и успешен с Богом, они дружно оставили Его. Бог, разумеется, как и прежде, не собирался позволять им этого делать, и принял меры со Своей стороны.

Проблема была ещё в том, что уже немалое время страна крепко держалась верного пути, начиная с Самуила и до Соломона. Это были как минимум три поколения (только царей, по времени же это примерно сто двадцать лет, за это время родилось до пяти поколений населения), прожившие в атмосфере, когда явный отход от принципов считался большинством народа недопустимым, с некоторыми, правда, отклонениями при Соломоне и Сауле. Сейчас же Ровоам стал задавать тон даже Северному царству Иеровоама, устраивая языческие капища, тогда как на севере переходить в язычество не торопились. Пока это не зашло слишком далеко, Бог начал действовать. После пяти лет царствования Ровоама на Иудею вдруг явились египтяне в сопровождении соседей, ливийцев и эфиоплян. Всем этим народам вдруг стало очевидно, что можно неплохо разжиться чужим добром, которое в данный момент времени очень плохо лежало, и с ним обращались довольно-таки неразумно. Все народы вокруг Израиля хорошо помнили времена Давида и Соломона, их несметные богатства, которые они собрали с помощью своего Суцего, а теперь на место Соломона встал весьма недалёкий его сын, оставивший своего Бога. Прежде у этой страны была мощная охрана, особенно при Соломоне, который практически не вёл войн, не зря его имя означало "мир", ему, кажется, даже не нужна была армия для защиты своих богатств, соседние цари сами везли ему подарки, причём не из страха, а желая познакомиться с его мудростью. Но сейчас атмосфера совершенно изменилась, Иудею больше не охраняла сила Суцего, и эту перемену сразу ощутили все любители прибрать к рукам чужое. Сусахим, фараон Египта, прошёл по городам и селениям Иудеи и добрался до столицы. Многие князья и старейшины собрались туда, думая отсидеться там от нашествия с юго-запада, и к ним был послан один из пророков с недвусмысленным посланием свыше. Самей пришёл к царю, где были собраны князья и все сановники и объявил им, что раз все они сознательно оставили Бога, то и Он оставил их и отдал в руки язычников.

После долгого периода верности своему Богу было не так просто забыть этот настрой, и многие люди с большой оглядкой окунались в язычество и нелевитские формы служения Суце-

му. Можно сказать, что в обществе ещё сохранялась инерция правильного направления, так что их сознательность сама говорила им о тех же вещах, Богу пока ещё было нетрудно пробудить в них здравый смысл. Поэтому, когда слова от Сущего прозвучали во дворце, собравшиеся были готовы к этому, хорошо всё поняли и прочувствовали, и не могли противиться здравому смыслу. Они сказали – "праведен Суций", этим не только возвеличивая своего Бога, но и признавая себя виноватыми в том, что им выпало на долю. После этого Самей услышал, как Бог говорит ему – "они смирились, поэтому не уничтожу их", однако же Он не прогнал врага, пришедшего на их землю. Положение вещей требовало, чтобы наказание состоялось, и Сусаким вошёл в Иерусалим. Он забрал очень много, он был первым, кто пришёл пограбить ослабшего соседа, однако то, что он вынес золото из сокровищниц царя, храма и князей, не нанесло большого вреда. Чьи-то амбиции очень сильно пострадали, но более серьёзных жертв как будто не было. На место золотых щитов Соломона Ровоам сделал медные, так что даже внешняя пышность его выходов в храм как будто не пострадала. После этого опыта отхода от Бога Ровоам не пытался играть с принципами, которых его страна должна была держаться. В его ушах не умолкал голос пророка, передавшего эти слова Сущего – "Они будут слугами Сусакима, чтобы знали, каково служить Мне и каков служить другим странам"...

Когда Бог отдавал Свой неверный народ в порабощение разным врагам во времена судей, то там организация общества была довольно рыхлой и требовать сознательности от людей было трудно, вожди общества не выделялись из него, ощущая себя его такой же частью, как все остальные. Сейчас же правили цари, и для них служить кому-то иному, не будучи полноправным главой страны было более чем унижительно. В случае бесспорно сильных противников, собиравших империи, быть её частью было хотя бы как-то оправдано, но уступать право главенства простым соседям было слишком унижительно. Этот момент, когда хотя бы гордость и честь, если уж не высшие соображения правды, должен был поддерживать общее направление верности заветам, ради которых эта нация вообще стала существовать. На Ровоаме это работало, однако же люди изобретательны, и со временем слабело даже это средство сдерживания зла.

Иудея. Авия

После Ровоама, ушедшего в пятьдесят семь лет, на его место встал его сын Авия. Книга Царств уделяет ему немного слов, характеризуя его как неверного человека, такого же, каким был его отец. Однако же в летописях упомянуты успехи Авии, связанные как раз с тем, что он в бою призвал на помощь Сущего, к которому израильтяне, вроде бы служившие тоже Сущему, не спешили апеллировать. Ровоама трудно назвать неверным Богу, его отступление закончилось очень быстро по меркам истории, однако то, что он не был предан Богу и не искал, как бы можно было ближе с Ним познакомиться, было большой проблемой его и всех подобных ему. Когда человек не испытывает энтузиазма от своего дела, это плохая жизнь, когда кто-то верен (в смысле пытается не делать слишком плохого) "за страх, а не за совесть", это не есть верность, и в терминах христианства, такие усилия и такой настрой спасения не обеспечивают. Авия, несмотря на его успешное сотрудничество со своим Богом, в целом не был целеустремлённым, как Давид. Но та победа над объективно более сильным Израилем стоит быть рассмотренной.

Видимо это произошло в самом начале царствования Авии. Между этими царствами с их первых дней до сих пор не успокаивалось соперничество и война в буквальном смысле этого слова. Иеровоам, так и не избавившийся от своей паранойи, что его народ может предать его, не искал возможностей примириться, война, как ни странно, успокаивала его – обиды народов друг на друга как нельзя лучше способствовали его планам держать общество как можно дальше от влияния иудеев. Правда, война эта была вялотекущей, она не приводила к истощению ресурсов и массовой гибели населения. Однако в это сражение стороны вывели силы, которые редко достигали таких чисел, со стороны иудеев было четыреста тысяч воинов, у более многочисленного Израиля было собрано целых восемьсот тысяч. Такое сражение могло обессилить обе стороны,

но в этот раз сражения на равных не было, Авия обратился за помощью к своему Богу, и Он вмешался на его стороне. Когда стороны выстроились для сражения, Авия с вершины горы обратился к израильскому войску, описывая им историю их взаимоотношений и текущее положение дел.

Он попросил внимания, и хотя израильтяне могли оценить это как вражескую пропаганду, но они выслушали всё, что он сказал. Авия указал сильную сторону Иудеи, что они поддерживают древний порядок, установленный навечно, что царями в их стране являются потомки Давида, и это установление Бога такое же, как храм и их законы, общие для обоих народов (Иеровоам именно в этом вопросе старался подорвать их единство, и это была измена Богу). Правда, в своей речи он не отдаёт должного Иеровоаму, который тоже был поставлен Богом, и будь он верен, то его царство было бы закреплено за ним подобно как закреплено было за Давидом. В будущем, если бы они все следовали планам Бога, их страны могли снова объединиться, но пока говорить об этом было рано. Авия охарактеризовал потерю царства своим отцом как результат его молодости и слабости, признавая немалые упущения и провалы в его характере и воспитании. Но дальше он перешёл к вещам действительно важным.

– Вы думаете устоять против царства Суцего в руке сынов Давида, поскольку вас много и потому, что у вас золотые тельцы, сделанные для вас Иеровоамом (это он тонко высмеивает их, все израильтяне, даже если и гордились ими, понимали, что настоящее присутствие Суцего находится в Иерусалиме, городе Давида). Но вы изгнали священников Суцего, потомков Аарона и левитов, вы поставили себе священников, как у других народов. У вас всякий, кто приходит с телёнком и семью баранами, делается священником ложных богов. А у нас Суций есть наш Бог, мы не оставляли Его, и Ему служат священники – сыны Аарона, и левиты при них. У нас сжигают всесожжения каждые утро и вечер, ложат рядами хлебы на чистом столе, у нас золотой светильник и лампы, горящие каждый вечер, потому что мы сохраняем уставы Суцего. А вы оставили Его.

– У нас во главе Бог, у нас священники Его и громкие трубы (доставшиеся им с древних времён, которые участвовали в осаде Иерихона, эти трубы во время войны призывали своим звуком Бога на помощь), чтобы греметь против вас. Сыны Израиля, не воюйте с Суцим, Богом отцов ваших, вам не будет успеха!

Такую прочувствованную речь Авия обратил к противнику. Слова Авии описывающие детали службы в храме далёким от этого могут показаться наводящими тоску, однако если бы это было так, то он бы не стал распространяться на эту тему. Но для его современников в северном царстве это описание наводило как раз обратное чувство, ностальгию по старым добрым временам, когда ещё был Соломон и какова была слава их великой тогда страны... Они помнили, как ходили на праздники в столицу и видели пышную торжественность жертвоприношений, вместо которых теперь имели нечто не удовлетворяющее их. Эта ностальгия была как раз тем, что когда-то напугало Иеровоама и заставило его отвращать своих подданных от храма и Иерусалима. Надежды Авии могли быть спорны, его неприятели могли думать, что их Богом также точно является Суций, хотя не могли похвастаться исполнением Его уставов, здесь они точно сильно проигрывали. Но в те древние времена Бог, защищая Своё имя, вынужден был действовать довольно прямолинейно, поддерживая того, кто было *более* прав, в этом особенность ветхозаветных времён, впрочем в последние века до Христа положение изменилось. Авия, несмотря на неточности в своей речи и своих надеждах, вполне рассчитывал на помощь Суцего. Он не был верным человеком всё время, но в этих обстоятельствах войны искренне рассчитывал на Него, и Бог не собирался упускать возможности ещё раз привязать к Себе людей Своей надёжностью и помощью, раскрыться им как Живая Помощь в нужный момент.

Пока Авия выступал перед Израильтянами, засадный полк успел зайти в обход расположения Иудеев, и когда сражение уже начиналось, иудеи увидели, что их атакуют и сзади тоже. Надежды надеждами, но в этот миг многие испугались. Однако этот страх не парализовал их,

напротив, мобилизовал, и все вместе издали воинский крик, призывая Сущего на помощь, а священники затрубили в трубы. И этого было достаточно, чтобы Бог проявил Своё присутствие и превосходящее войско израильтян было поражено. Их ещё не коснулось оружие, но многие уже побежали, и иудеи наголову разгромили противника. Израильтян пало пятьсот тысяч, это серьёзно подорвало мощь северного царства. Иудеи смогли забрать себе немало городов от соседей, а Иеровоам уже больше не смог восстановиться. Он так и не увидел, что его народ изменяет ему, склонившись на сторону Иерусалима и его царей, но зато увидел разруху, упадок и уменьшение размеров и населения своей страны. Такой ли результат он ожидал, действуя из своего страха? Он не доверился Богу, давшего ему большую часть страны в управление, и сейчас видел, как доверился его соперник, и какой успех из этого имели иудеи. Если бы Авия пожелал забрать себе всю его страну, он технически имел бы возможность это сделать, и помешать ему Иеровоам не смог бы. Сделал ли он выводы из этого горького урока? Не желая рисковать своей жизнью – он же боялся что сограждане, пожелав вернуться к потомкам Давида, убьют его – он погубил большую часть войска, тогда как если бы доверился и со всеми своими страхами всё же пошёл на риск, то между странами Израиля не было бы вражды и войны, а всё соперничество бы сводилось к тому, кто лучше или больше принесёт блага...

Иудея. Аса

Авия стал царём уже в зрелом возрасте, и может быть поэтому очень недолго пробыл на троне, всего лишь три года, и следующим царём стал его сын Аса, правивший сорок один год. Хотя об Авии сказано, что он не от всей души держался правильного пути, однако всё же держался, и та война, в которой Бог дал ему огромный успех, произвела впечатление на многих, так что многие люди оценили Бога должным образом. Аса, став царём, навёл некоторый порядок в части законов Моисея, которым многие стали пренебрегать, устраивая домашние или местные святилища по типу тех, что пышно расцвели у Иеровоама, а среди них местами появлялись и откровенно языческие со статуэтками разных богов. Аса издал указ, предписывающий снос всех таких незаконных священных мест, и это было правильным решением. Бог поддерживал и вознаграждал все такие усилия по наведению порядка, в результате период правления этого царя был спокойным и их землю никто не тревожил. Он и его люди сознавали, что причиной их успеха и благополучия было их следование порядкам и планам их Бога. Аса весьма дальновидно воспользовался имеющимся благоприятным временем для укрепления своей земли. В принципе, постройка крепостей и изготовление оружия и оснастки для армии мало помогли бы им, если бы они решили жить отвергнув своего Бога и пойти своим путём, но в то же время и не мешала ничему. Соломон писал – "человек мудрый силён, и разумный укрепляет силу свою", и это закон жизни, никакая святость или вера не предписывают поступать наоборот. Если где-то Бог хочет кого-то наказать, то Ему не помешает его сила и мудрость, Он сделает нужное ему, зато в благоприятных условиях всё это нужно – и запасы, и знания, и здоровье, и красота, и прогресс. Там, где кто-то станет утверждать, что для угождения Богу нужны деградация и упадок, это всегда извращения здравого смысла, ничего подобного в Библии нет. Единственное, что есть там, как временная мера для приведения человека к разуму, бывают нужны посты, и когда человек раскаивается в сделанном, ему обычно не до обычных дел, но когда всё возвращается в норму, в силу снова вступают обычные здравые начала.

Если Авия на войну с Иеровоамом вывел четыреста тысяч воинов, то Аса через десять лет своего правления имел войско уже в пятьсот восемьдесят тысяч. Где-то в эти времена был некоторый бум в делах армейских, государственное управление всё совершенствовалось и армия была одной из первейших забот практически у всех сложившихся государств. Ещё лет сто назад, во времена Давида, страны оперировали войсками десятикратно меньшими, теперь же времена в этом отношении изменились. Конечно, и во времена Давида само население было достаточным, чтобы собрать ополчение подобных размеров, но сейчас речь шла уже о более обученных, воз-

можно даже почти профессиональных военных, только в силу аграрного устройства человечества в те времена эти воины были всё же сильно привязаны к земле и зависимы от неё. Хотя более успешные накладывали на побеждённых значимые контрибуции, обеспечивая себя запасами и этим же обескровливая противников. В мире назревали некоторые перемены, и хотя войны велись как будто по-прежнему, но вскоре должны были появиться империи – объединения многих земель под единым управлением, где вместо прежних царей сидели уже назначенные верховным людьми, подотчётные и подвластные ему. Они как будто бы имели меньше власти, однако же кооперация в гораздо большем масштабе без затрат на таможи и границы давала даже большие возможности богатеть и влиять. Для населения империй открывались тоже возможности беспрепятственно пройти огромные пространства, кто был свободен, конечно, также больше возможностей было для купцов с меньшим риском перевозить товары – всё это способствовало расцвету общества.

Со стороны Египта, с запада, на Иудею вдруг надвинулась огромная военная сила одного ефиопа, сумевшего объединить под своим началом войско в миллион человек. Пожалуй, это был максимальный всплеск в военном деле, когда вожди и военачальники испытывали новые возможности, которые время предоставило им. Это была, конечно, очень мощная сила, и выглядело такое войско, наверное, чрезвычайно впечатляюще на современников, но после такие армии нечасто снаряжались в походы. Такие толпы народа нуждаются в хорошем снабжении, да и управление и координация тоже требуют гораздо больших забот, и лишь отменно организованные сообщества могли в те времена управляться более-менее успешно со столь большими армиями.

Аса, когда узнал о таком нашествии, вряд ли испугался, его армия была меньше, но они уступали не так уж и много пришельцам – шестьсот тысяч против вражеского миллиона. Хотя если бы северное царство хотело бы ему помочь, то по силам они могли быть наравне с вражеской армией, но на израильтян рассчитывать не приходилось, они всё ещё были во вражде. До сих пор Аса занимался укреплением страны и наведением порядка, в этих правильных делах он привык взаимодействовать с Богом, так что перед битвой ему ничто не мешало обратиться к Нему. Повод же был очень серьёзный – столь огромное войско даже при успешном отражении натиска очень сильно уменьшит его армию, если сражение будет происходить по обычным законам военной статистики. Поэтому нужна была помощь свыше, не меньшая, чем в прошлый раз в войне с израильтянами, иначе в самом деле последствия будут очень печальными. Он обратился к Сущему вслух перед всеми – "Не в Твоей ли силе помочь сильному или слабому? Помогите нам, Сущий, Бог наш, потому что во имя Твое мы вышли против этого множества". Он не слышал ответа, но когда началось сражение, ефиопляне дрогнули и побежали от иудеев. Их преследовали всем народом, и разгром был такой, что преследующие дошли даже до филистимского Герара, и заодно с ефиоплянами разрушили филистимские селения. Добыча была тоже богатой, так что в какой-то степени Иудея реабилитировалась после того поражения, что египетский фараон Сусаким нанёс Ровоаму. Эти ефиопляне либо уже подмяли под себя Египет, так как их дорога в эти места не могла миновать Египта, либо были в союзе с ним и в этом войске присутствовали тогда и египтяне. Сейчас досталось всем врагам Иудеи, и из того миллионного нашествия, летопись говорит, что не осталось практически никого... Рука Бога проявила себя ещё раз. Люди возвращались домой с огромным подъёмом, радостные и весёлые, гоня скот и везя добычу из земли своих врагов.

Если в бой они вступали, не зная как Бог воспринял просьбу о помощи, то сейчас к ним был послан пророк, чтобы укрепить их после того, как они доверились Ему на поле брани. Азария пророк передал им похвалу, однако же в Его словах был и урок, что такое настроение им бы неплохо проявлять всегда. Оно им очень пригодится в будущем, потому что впереди будут происходить немалые перемены в политическом обустройстве, появлении и исчезновении стран

и народов, и им самим придётся пройти тяжёлые времена, когда среди них не будет даже учителя и священника. Если бы они всегда проявляли подобный настрой, как эти последние годы, то их не касались бы те беды, а то даже стали бы и одними из задающих тон на Земле, однако они не менялись существенным образом, оставались всё теми же беззаботными обывателями, ищущими удобств и простых радостей, за которыми часто приходила деградация и потери. С таким несерьёзным подходом они не могли всегда быть верными, даже бы если у них были самые лучшие цари и князья. Но цари и князья тоже были часто такими же по характеру, и никто не мог помочь им избежать наказания, закономерного и неотвратимого, так как их неудержимо тянуло куда-то в сторону от Пути и от своего Бога.

Когда Аса услышал этот урок с похвалой и предупреждением, то он ещё решительнее взялся за чистку своей земли от всего языческого. В это время он старательно насаждал верность заветам Бога и верные порядки. Под руку ему попала даже его мать, которая, пользуясь своим положением, сделала статую для священной роцци. Узнав об этом, Аса лишил её царских привилегий, сравнив с простыми людьми, и разрушил сделанное ею. После этих событий прошло ещё двадцать лет, которые были мирными.

Упадок последних лет Асы

Я склонен винить большей частью всё же ослабление здоровья людей, из-за чего теряется ясность мышления, при которой люди не замечают явных проблем. Хотя они при это говорят, что "время нас меняет", так что они считают себя теми же, что и в молодости, однако же у них уже не та чёткость в понимании вещей, в оценке самих себя, накапливаются раздражение и нетерпение. Часто же личность меняется при этом заметно для всех, кроме разве что самого человека. Такое происходило с Давидом и Соломоном, и Давид ближе других подошёл к осознанию этой проблемы – "не оставь меня в старости, когда будет уменьшаться сила моя", и это далеко не только о силе рук. Но с другой стороны не все становятся беспечны и неверны, если привычка к правде сильна и хорошо отработана в молодости. Таких людей, уже ничем этого не лишить, они не забывают следить за собой, за тем, что они делают и как. Но с Асой произошло то же, что и с большинством его предков – к концу своего царствования он стал слишком самонадеян, и в то же время он как бы устал поступать всё время правильно (звучит вроде как глупо, но это для тех, кто замечает это, а если не замечать, а просто позволить накапливаться какой-то горечи, то это закономерное явление)...

Между севером и югом продолжались конфликты и война не всё ещё длилась. В тридцать шестой год царствования Асы в Израиле правил Вааса, который решил предпринять строительство укреплений, чтобы перекрыть сообщение между Иудеей и своим царством, чтобы люди меньше ходили друг ко другу – явно его одолевали те же опасения, что сбили с пути Иеровоама, которого всех потомков он уничтожил, но дело его продолжал. Вааса стал строить Раму, и Асе не понравилось это строительство. Может быть он видел в этом что-то худшее, чем только перекрытие сообщения между людьми, до этого границы никогда не перекрывались. Если поблизости твоих владений возникает новая крепость, то она может использоваться для многих дел, как база, откуда могут происходить постоянные нападения. Здесь он был прав, только средства для противодействия соседям он выбрал не самые надёжные. Он вполне добился своего, конечно, когда купил за немалые деньги, ради чего опустошил свои сокровищницы, услуги сирийского царя Венадада. Он попросил Венадада устроить набеги на Израиль, чтобы Вааса прекратил свои вредительские замыслы. Всё как будто получилось, Аса почивал на лаврах после успешной интриги, однако же Бог послал к нему пророка с неприятными обличениями. В прежних опасностях Аса действовал с Богом, и те успехи сильно повысили авторитет Иудеи между соседями, а также усилили и укрепили страну и людей. Теперь же Аса вместо того, чтобы собирать дань с того же Венадада, сам отнёс ему очень немалые средства. Венадад выполнил его просьбы, но дело в том, что Аса и сам мог с куда большим успехом разобраться с Ваасой, а потом с Дамас-

ком. Пророк сказал ему, что заплатив деньги сирийцам, Аса спас их от разорения, которое он бы мог им устроить... Будь Аса в здравом состоянии, он бы огорчился такому значительному проигрышу, но нынешний Аса обиделся. Он не хотел уже слышать критики, и посадил пророка в тюрьму за оскорбление. Такие притеснения Аса производил уже не в первый раз, что-то в нём значительно изменилось, и он не воспринимал никакого несогласия с ним, за противоречие ему он низлагал чиновников и подавлял всех, возражавших ему.

На тридцать девятом году царствования (нам неизвестен его возраст к этому моменту, но вряд ли меньше шестидесяти на момент смерти через пару лет, и это очень немало для царей Израиля и Иудеи тех времён) у него появилась проблема с ногами. О характере болезни деталей не рассказывается, однако и так очевидна связь перемен в личности и характере с дальнейшим переходом проблем уже на уровень тела. Сказалось его восстание против Бога, если бы он следил за собой и сдерживал свой ухудшившийся характер, имел бы все шансы последние годы жить гораздо комфортнее.

Часто болезнь, которая есть накопление тех или иных вредных веществ, сказывается на какой-то одной сфере, даже на одном органе, в то время как большинство остальных частей системы продолжают как будто функционировать вполне надёжно. Нервная система и мозг (обычно не сама по себе нервная ткань, а те системы, что поддерживают её правильное функционирование) могут страдать также, как и любые другие органы, и при этом проявляются те или иные неадекватности поведения и восприятия, досаждающие человечеству в немалой степени. Немало войн и разрушений причинено оттого, что человек не воспринимал вещи здраво, но был движим чем-то иным, чем понимание и разум. При ослаблении здоровья сфера ума страдает пусть не так часто, как сердце или суставы, но не столь уж и редко, тогда и происходят те перемены в характере людей, что проявляются в зрелом и престарелом возрасте. Но если условия неблагоприятны, то болезнь может расширяться и на другие органы и системы. С возрастом это обычно происходит закономерно, так как редко кто перекрывает болезням дорогу, но большая часть жизни такого человека проходит с одной болезнью, и лишь под конец жизни она расширяет свою базу (что и сводит человека со слабым здоровьем к семидесяти в могилу). Сегодня, когда люди стали слабее в силу ряда условий, расширение болезни происходит уже к сорока годам, хотя поддержка лекарствами позволяет протянуть (хотя здоровье уже не возвращается) до тех же семидесяти в лучшем случае.

Болезнь, начавшаяся на физическом уровне в ногах, постепенно поднималась выше, и дошла до верхней половины тела. Он мог бы через пророка услышать о том, что могло бы ему помочь, но он стал чрезвычайно упрям, и воспоминания о праведной молодости почему-то давали ему абсолютную уверенность, что он по прежнему праведен и Бог доволен им, и он делает всё по привычке также правильно. Возражений он не принимал, да и опасно это было, так что он в своей болезни всё противился Богу, взывавшему к нему таким бесспорным образом, пытаясь спасти его от самого себя. Но Аса менял врачей одного за другим, и избегал спрашивать Бога. Помочь ему таким образом никто так и не смог, и он так и ушёл из жизни, упрямо цепляясь за свою прошлую праведность.

Израиль. Смена династии. Вааса

После смерти Иеровоама царём стал его сын Нават. Он не имел каких-то планов менять что-либо в устройстве страны, продолжая линию отца. На троне он пробыл лишь два года, и на него обрушились те проклятия Всевышнего, что были обещаны его отцу. Почему они не исполнились на самом Иеровоаме? – думаю, что его последние годы не были для него радостными, и он выпил свою долю страданий даже без того, чтобы обещанное ему Богом сбылось до конца.

Смерть сына, который назван лучшим из его детей, которому не было места в той жизни, что он устроил своими руками, потому поражение от Авии, когда большая часть его сильной армии была уничтожена, подорвали его очень сильно, так что Бог не счёл нужным добивать его, напротив, дал ему время на осмысление своего пути, надеясь, что хотя бы для себя лично он сделает нужные выводы. Не знаю, сделал ли их Иеровоам, но его сын точно ничему не научился из опыта отца, и наверное как раз в силу того, что Бог придержал свой гнев, готовый обрушиться на отца, что он принял как знак, что угрозы Бога немного стоят. Предсказанное возмездие лишь было отсрочено, и долго ждать не пришлось. Это случилось при осаде одного филистимского города – Вааса, один из командиров войска, убил Навата и занял его место на троне. Люди признали его и пошли за ним, и думаю, что он заранее совещался с некоторыми о том, что хотел сделать. Не очень, наверное, сложно было поднять руку на царя, когда службы безопасности ещё не были развиты до сегодняшних масштабов, но если бы он не позаботился заранее о поддержке, до трона он вряд ли мог прийти, это очень непросто, фигура царя не существует сама по себе, напротив, сильно зависит от поддержки остальных, особенно когда круг двора уже сложился. На руку ему играло то, что люди знали о проклятии на этом доме, и только думали, кто же возьмётся за исполнение предсказанного. Вааса был призван свыше на это дело, только детали не остались в истории, это видно из сказанного ему пророком Иуем, и это призвание было причиной, почему он был признан и поддержан народом и князьями. Позже, когда Вааса показал себя продолжателем дела Иеровоама, то есть он даже не пытался восстановить принципы закона Моисея, вернуть народ в храм Соломона и отменить самодельные установления и тельцов в Дане и Вефиле, Бог послал ему предупреждение через этого пророка, столь же грозное, как и Иеровоаму, что он также будет истреблён, как и тот.

Вааса правил двадцать четыре года, и всё же наказание не было выполнено на нём, видимо были с его стороны какие-то действия или как минимум намерения и колебания, чтобы всё же сделать то, ради чего Бог доверил ему этот ответственный пост. Это был мужественный человек, очень успешный командир и военачальник, и видимо, его влияние не было разрушительным для страны и общества, и жаль, что он не решился на возвращение к изначальным порядкам. После смерти Ваасы снова, как и у Иеровоама, его сын царствовал два года, и опять пришло время для наказания, которое Бог, терпеливо ожидая каких-то результатов, откладывал. Сыновья редко проникаются значимостью призвания отцов, и если отцы не оправдывают надежд и не стремятся оправдать, то детям трудно понять их сложности, они живут гораздо проще, если, конечно, отцы специально не озадачатся передать им то, чем они жили. Ила, сын Ваасы, имел время на то, чтобы оценить уже имеющуюся историю страны и ответственность стоящих у руля, но никаких стремлений следовать возложенной на его род задаче не проявлял. Два года Бог ожидал, но не дождавшись нужных сигналов, дал команду на смену правящего рода.

Израиль. Смена династии Ваасы. Замврий и Амврий

Бог ещё пытался найти человека, ещё были надежды, что направление, выбранное Его народом, может быть скорректировано. В северном царстве Бог не был ограничен обещанием держать у власти потомков одного рода, как в Иудее, поэтому подбирал разных людей, кто решился бы навести порядок. Иеровоам задал тенденцию к религиозной изоляции от Иерусалима, и почему-то никто из последующих правителей даже не пытался ничего изменить. Это надо было сделать по возможности естественным образом, через людей, а не явным насилием сверху, тем же образом, каким было внесено искажение. Самые жёсткие меры были оставлены на потом, гораздо важнее было, чтобы свободная воля людей сама была склонна сохранять порядок, слишком жёсткое руководство, железная рука, не совместимы со здоровой жизнью общества и с характером Бога. Поэтому Бог ставил на царство то одного, то другого, вдруг кто-то всё же возьмётся сделать как надо. С другой стороны в этой чехарде переворотов люди могли научиться, что сама по себе власть мало что может сделать. И также что добраться до власти вовсе не озна-

чает, что получишь желаемое, с ней приходит совершенно другая ответственность. Этот груз можно игнорировать, жить как будто никому ничего не должен, только ведь изнутри будет что-то точить, не давая наслаждаться текущим моментом. Выбирал ли Бог наилучшего человека на трон, или же достаточно правильных людей, подобных Давиду или Самуилу, просто не было? Мне кажется, что не было, но даже из тех, кому Он поручал страну, могло получиться то, что надо, только они все почему-то рассчитывали исключительно на себя, видя вокруг себя только то, что могли видеть глаза обычного человека, упуская возможности, открытые для них сверхъестественной силой. Те, кому было поручено устранить неугодного Ему царя, сами становились призванными занять этот пост, в какой-то мере они были теми же судьями и почти пророками, но даже не пытались пользоваться этими возможностями. Наверное, поэтому они боялись отменить установления Иеровоама об отделении от Храма, думая, что народ не поймёт их, что это уже стало традицией, что посещая Иерусалим, народ захочет вернуться под правление царей Иудеи и они станут лишними... Они послушно зачищали проштрафившийся род, проявляя большое усердие в этом, но едва занимали освобождённый ими же трон, начинали думать так же, как устранённые ими. Думали ли они, что за это и их самих точно также устранят другие, когда их время ожидания закончится?

В других странах тоже бывали перевороты, где-то даже чаще, чем в Израиле, но вряд ли ещё где этим руководил живой Бог (хотя в принципе, Его вмешательство как раз нормально и не раз такое имело место и до сих пор имеет – Он не отказывался от остальных народов, ибо все мы Его дети, только там, где Его явным образом не зовут, Он не делает это так же открыто, как в те времена в Израиле). Люди часто мечтают о справедливости, чтобы зло было наказано, и здесь было как раз это, но мало кто ценил это. Если хочешь справедливости, надо как-то и самому быть на этой стороне, потому что когда справедливости требуют лишь к себе, но равнодушны к проблемам других, то и Богу некого найти, чтобы осуществлять её в достаточно больших пределах.

В этот раз, когда был убит Ила, сын Ваасы, мне неясно, нет указаний, что Бог дал явное поручение Замврию. Замврий был одним из придворных, заведовавший половиной царского транспорта. Но всё же уверен, что это был не случайный акт недовольства, иначе бы Замврий не шёл далеко, не стал бы уничтожать весь род Ваасы. В тот день Ила был пьян, и Замврию было трудно исполнить задуманное. Он слышал, как пророк объявлял наказание (а это было широко известно, слова пророков, если не были направлены исключительно кому-то одному, то не скрывались, наоборот, широко распространялись), и хотя он не имел личного поручения на это, но сделал это, когда такой случай предоставился. Такое вполне может быть, если он был недоволен слабохарактерным царём. В это время шла война за всё тот же филистимский Гавафон, с ним воевали уже не одно поколение, там погиб предыдущий царь Нават, сын Иеровоама, а Ила пьянствовал вдали от сражений, показывая свою никчемность, вызывая негодование у многих. Похоже, что Замврий решил воспользоваться случаем не просто угодить Богу устранением того, кто уже был объявлен низверженным, но и попробовать поцарствовать самому.

Замврий был объявлен царём, сел на троне, однако у него не получилось долго пробыть на нём. О его характере невозможно что-либо сказать, но у народа не было единого мнения, что он будет хорошим царём. Он, кажется, сильно поспешил и с воцарением, и, наверное, с устранением Илы. Был другой человек, которому суждено было царствовать, и, скорее всего, он же и должен был устранять царский дом. Едва вести о переменах в Фирце, столице Израиля на то время, достигли войска у Гавафона, они прекратили осаду и отошли к себе, чтобы разобраться с этим вопросом. У армии было своё мнение о том, кто достоин занимать царский трон, и воины дружно провозгласили Амврию, своего командира, следующим царём Израиля. С этим армия пришла к столице и быстро захватила её. Замврий всего неделю побыл царём, и сейчас он видел, что армия не даст ему оставаться им дальше. Он явно знал о настроениях в народе, и попытался опере-

дить всех, сам устранив царя, думая, что этим он закрепит за собой трон, но не вышло, его не приняли. Он видел, что дело кончится плохо, если Амврий пришёл сюда, то воины просто убьют его, потому что он пытался перехитрить всех и добиться своего без их одобрения. В бессильной злобе он зажёл царский дворец, чтобы никому не достался, и погиб в огне. Летописец отмечает, что как царь он не имел никакой программы по исполнению воли Бога, не собирался возвращать людей на Его Путь, и это было решающим в его судьбе. Если бы он имел хоть какие-то реформаторские наклонности, то Бог мог бы поддержать его даже против армии и всего придворного люда, Ему были остро необходимы именно те, кто хотел бы выполнить Его волю, однако многие делали это лишь частично – людей они устранили охотно, даже слишком, но вот вторую часть порученного просто игнорировали, обычно даже не пытаясь идти против течения, этим делая себя следующими на уничтожение, вместе со своим родством, не думая о судьбе близких. Неужели возможное недовольство народа было им страшнее, чем гарантированное исчезновение своего рода?

Амврий уже был провозглашён царём, но это было в поле, и не весь народ дружно был готов его принять. Сейчас, когда все сошлись в столице, оказалось, что у определённой части людей есть другой кандидат в цари, но думаю, что это был человек не из военных кругов. Обряд воцарения ещё не проводили и многие оспаривали воцарение Амврия, и требовали заново провести избрание царя. Фамний был другим кандидатом, и у него тоже оказалось много сторонников, так что летописец говорит о том, что мнения разделились пополам. История не говорит, что люди воевали между собой, однако борьба была острой, и победили сторонники Амврия военачальника. Правда, один человек всё же погиб в результате – проигравший Фамний был убит. Но, кажется, обе стороны понимали правила игры, и были согласны на риск, это было подобие поединка, только сражались не кулаками и не оружием, а количеством голосов... Для нашего времени их логика необычна – за погибшего Фамния никто не мстил и все его бывшие сторонники успокоились; напротив, война была почти гарантирована, если бы он остался в живых...

В те времена ещё не были как-то отработаны механизмы выборов, и люди таким образом предохраняли общество от раскола – претендент на трон был опасен тем, что могли найтись люди, пытающиеся его продвинуть в цари, даже если бы он был склонен не делать этого, и это бы вызывало гражданскую войну, из-за которой гибли бы многие люди. Это было действительной опасностью, хотя некоторые властолюбивые люди просто нетерпимы к конкурентам и устраниют соперников только за то, что кто-то осмелился встать на их пути. Причём делают так в местах, где могли бы сосуществовать хоть два, хоть десять конкурентов, но они предпочитают не иметь их вообще, и терпят их только если не имеют достаточно сил. Демократия в этом отношении всё же намного безопаснее, хотя трудно назвать её всегда эффективной. Впрочем, уже давно в опасные времена демократические принципы отодвигали и призывали тех, кто мог помочь независимо от того, нравились они большинству или нет. Сегодня о таком, кажется, подзабыли.

Северное царство. Амврий, Ахав и Илия

Он стал царём ближе к концу царствования Асы, на тридцать первом году его правления. Сначала он жил в Фирце, но позже купил у хананея, владевшего горой Семерон, эту землю и здесь построил новый город, который назвал Самарией. Так звали и гору и её прежнего владельца, Семира, почему-то Амврий сохраняет это имя, видимо оно было чем-то славно в те дни. Это выглядит и примирением с хананеями, хотя никакой вражды с ними давно уже не было, а сейчас Амврий совершил символический шаг, беря себе во владение территорию хананеев, но легально, за деньги. Летопись отмечает, что Амврий, как и все предыдущие основатели династий, был мужественный человек, сильный и успешный как полководец или организатор. Но он уже был не-

молод, когда взошёл на трон, так что пробыл на этом посту лишь двенадцать лет. Только как последователь Бога он был никакой, в смысле он не пытался следовать завету слишком буквально и точно. Похоже, что он не считал себя обязанным чем-либо Сущему, о нём нигде не говорится, что Бог призывал его стать царём, он оказался на троне лишь благодаря своей популярности в армии. Он оказался хуже всех предыдущих правителей страны, потому что начал допускать уже открытое язычество. В стране и так было какое-то язычество, но снизу, а теперь оно пошло сверху. Неясно, сам ли он начал вводить Ваала в Израиле или это сделали другие, однако это он открыл дверь этому делу. Своему сыну Ахаву он взял в жёны дочь царя Сидона Этбаала (прошу прощения у лингвистов, не могу пройти мимо – "это Ваал" (?)) Иезавель. Ахав стал служить Ваалу и устроил святилище для него, явно под влиянием своей жены. Ей была неприятна религия этого края, где она оказалась, здесь было всё слишком просто, и она заразила мужа красотой своей религии, как она ей представлялась. Эти люди, Ахав и Иезавель, и их противник Илия с его преемником Елисеем, стоят в ряду наиболее известных библейских личностей, и с ними связаны и известнейшие библейские сюжеты.

Иезавель

Иезавель стоит особо высветить, она очень яркая талантливая личность, оказавшая сильное влияние на Израиль в худшую сторону, введшую язычество и вытеснявшую природную религию Израиля, пытавшуюся стереть из страны Сущего и всё, с Ним связанное, причём использовала методы самые жёсткие, физически уничтожая учеников пророческих школ. Принцесса Сидона, она кроме того, очевидно, была и посвящённой Ваалу, в смысле была высокого ранга служительницей этого бога. Когда она оказалась в Израиле, она пыталась сравнить свою религию с той, которую исповедовала страна её мужа, и не была впечатлена тем, что увидела. Надо сказать, что она и не могла быть впечатлена ничем увиденным. Языческие святилища евреев были подражанием другим народам, и их никакие их старания не превосходили оригиналы. Святилища же, которые были посвящены природному Богу этой земли, Сущему, также не могли произвести нужного впечатления. И в Вефиле, и в Дане стояли тельцы, пытающиеся что-то передать о живом Боге, но они были ложными образами, запрещёнными, искажающими Его. Более того, эти жалкие святилища не несли в себе никакого Его влияния, не были благодатны от Него, поэтому они скорее оттолкнули её. Та изоляция от Храма, которую ввёл Иеровоам и поддерживали все остальные цари до сих пор, не дала ей посетить Иерусалим... Если бы не было этой преграды, то первоначальное любопытство Иезавели непременно привело бы её в Иерусалим, а там её чувствительная и сильная натура обязательно бы познакомилась и столкнулась с реальностью живого Бога. И история всех евреев, обоих царств Иудеи и Израиля, могла бы пойти по совсем другому пути. И даже всего мира. Я сильно убеждён, что здесь даже не надо писать о вероятности, это просто стало бы так, не сделай когда-то Иеровоам ложного политического шага, из-за которого погибли столько царей северного царства. Иезавель вполне могла очень серьёзно заинтересоваться настоящими вещами и стать выдающейся служительницей Сущего, в этом случае она бы не упустила шанса присоединиться к этому могуществу и источнику знаний и силы. Конечно, вероятно и то, что борьба в ней могла закончиться бы и другим выбором, но и тогда столкновение язычества с живым Богом было бы яркой иллюстрацией силы Бога евреев, что послужило бы дополнительной рекламой Израилю. Хотя столкновения с Богом Израиля имели место, но это происходило на территории Иезавели, где она была хозяйкой положения, и вмешательства Сущего и Его слуг имели для неё вид вторжения посторонних. Познакомься она с Богом в Иерусалиме, Его законном представительстве, дело имело бы совсем другие обороты.

Протест Илии и Реформация

Илия был выходцем с восточного берега Иордана, из Галаада. Он прошёл школу пророков и там приобрёл нужные знания о истинных началах жизни и мира. В этом свете история его

страны, отделившейся не только от Иудеи, но и от Храма, от единства веры, сильно удручала. Он не видел никаких признаков улучшения, цари менялись один за другим, на протяжении одного поколения сменились уже две династии, но положение лишь ухудшалось. Нынешний царь, являющийся подкаблучником у своей жены, пошёл дальше других и в стране уже законно стали появляться святилища и места поклонения Ваалу. Этот бог был не просто одним из множества других богов, но само его название "господин" или "хозяин" указывали на то, что это авторитарная религия, не дающая большого выбора, в большой степени контролирующая жизнь своих последователей. Некоторые, занимающиеся этим вопросом, говорят, что имя Сущего во многих переводах (до недавнего времени так было во всех переводах) было заменено на "Господь" именно последователями Ваала. В христианстве они для себя нашли свою нишу и немало повлияли на его становление в первые века после того, как оно утратило свою первоначальную чистоту и иммунитет. Тотальный контроль за умами, инквизиция и прочие требования подчиняться только разъяснениям от центральных инстанций церкви – это как раз стиль и признак последователей Ваала. Вполне может быть, не уверен, но похоже на то. Вряд ли напрямую последователи Ваала вкрались в христианство для диверсий, но какой-то генетический код, породивший эту религию, оставался и в своё время оказался кому-то полезен. Ваал подобно библейскому Сущему тоже единственный создатель мира, в этом между ними было сходство, и Иезавель видела возможность захватить весь Израиль на этой основе и перевести его на другую "платформу"...

Илия, будучи пророком, зная больше других, видел особую опасность в политике Иезавели. Она, преданный адепт своей религии, могла вытеснить вообще все другие религии, в том числе языческие, со своей территории, так что еврейский народ, созданный Сущим для Своих целей, мог на какое-то время оказаться в позорном плену у противоположной силы. Ему было не по себе от перспектив, ожидающих его страну, и он искал, чем бы или как изменить положение вещей. Может ли рядовой человек сдвинуть с места страну и поменять её направление движения? Обычно нет, для обычного человека это невероятно. Илия был вроде как обычным человеком, не будучи даже одним из князей. Но с другой стороны пророки не совсем обычные люди, они имеют доступ к Богу, и в этом кроются такие возможности, которые никто не исследовал. Моисей был очень сильным пророком, но он был вождём народа и ему было легче задавать нужный порядок, но сколько может простой человек, имеющий контакт со Сверхсилой? Илия был как раз одним из таких, кто попытался раздвинуть границы возможного или хотя бы нащупать пределы возможного. И как выразился один из персонажей "Бесов" Достоевского – возможности оказались почти безграничны... Хотя на это потребовалось немало времени.

Если собрать воедино то, что об Илии говорят в Библии в разных книгах разные авторы, то складывается следующая картина. Во первых, пророки бывают разные, как и сами люди бывают очень разные по силам и способностям. Илия был сильным пророком, то есть он не только слышал голос Бога, когда Он обращался к нему (это минимальные требования, и многие пророки не продвигались выше этого предела, они лишь передавали то, что им было сказано передать тому или иному лицу или группе людей), но и мог сам говорить с Ним и слышать ответы, то есть общаться с Ним. И когда у тебя есть такая возможность, то у тебя замечательная судьба. По примеру Моисея уже можно было видеть, что задать какой-то вопрос Богу означало привести в жизнь, сделать реальным нечто, что могло бы и не случиться, если бы не догадаться задать тот вопрос или постесняться задать его.

Я не хочу сказать, что люди, не могущие говорить к Богу напрямую (в молитве любой говорит к Нему, это могут все и должны делать все, но ответ люди получают не вслух, а на деле, или не получают, в зависимости от ситуации), чего-то лишены, я понимаю, что это можно и нужно развивать или достигать. Все люди созданы с этими возможностями, и лишь наша развитость и направленность определяют наши пределы, но если Бог по каким-то причинам не хочет идти на контакт (этому могут быть

очень уважительные причины), то человек не вынудит Его отвечать. Но раскрыть свои уши и глаза больше и шире возможно, повысить чувствительность наших природных и духовных сенсоров необходимо, и это стратегический путь человека. Пророк есть высшее достижение или состояние человека, но мудреца я считаю ещё более высоким достижением на этом пути, потому что ему по многим вопросам нет нужды спрашивать Бога, он уже имеет ответы изнутри себя, из тех глубин, которые как раз и раскрывают Бога больше всего и лучше всего.

Илия совещался с Богом, спрашивал, можно ли ему что-то сделать, у него были проекты, как явным образом дать людям понять превосходство Сущего над любыми богами и силами. Если люди увидят, что Ваал ничто, не может сделать ничего из того, что может Суший, то не вернуться ли они от него? Не поможет ли демонстрация превосходства раскрыть глаза даже Иезавели, главной заводиле всех перемен в Израиле? И Бог ответил, что если Илия хочет, то он может попробовать сделать всё, что считает нужным. Все силы, необходимые для таких планов, доступны для человека, и Илия будет иметь Его поддержку. Ваал был богом в том числе плодородия, и обряды, совершаемые для этого, были сексуального характера. Кстати, заговоры, которые до сих пор употребляются многими людьми, происходят ещё из тех времён. Если кто сейчас недоумевает, то вспомните, наверное когда-нибудь да слышали "баба сеяла горох"... Он же заведовал и водой и дождями, и Илия решил устроить вызов Ваалу и новой религии, насаждаемой царским домом – закрыть небо для туч и дождей. Когда Илия ещё только замышлял свой план, он молился, обращаясь к Богу со своим поиском выхода для страны, и Бог ответил ему, поддержав его во всём, и наделив нужными полномочиями, в том числе, что дождь в Израиле пойдёт лишь тогда, когда Илия скажет дождю быть. Без этой договорённости, думаю, Илия вряд ли бы мог управлять дождём в такой степени. Правда, Илия простой человек, и когда надо будет давать дождь, он сам не мог знать, потому что всё это время ему придётся скрываться от разгневанных людей, которые считали оскорблением для Ваала этот вызов. Он может не знать происходящее в обществе, его настроения, когда люди убедятся, что Ваал бессилен против Сущего. Поэтому эту сторону дела Илия оставил Сущему, договариваясь с Ним или просто прося Его дать ему знать, когда можно будет возвращаться, ведь делать дело вовремя или невовремя очень значимо, в этом серьёзные факторы его успеха или неудачи.

Итак, в один, наверное, прекрасный день во дворец к Ахаву и Иезавели пришёл человек, одетый в простую одежду и бросил вызов царю и царице. Говорил ли он больше того, что описано в Библии, не знаю, того, что он сказал, уже было достаточно, чтобы понимать, что он протестует против их политики насаждения в стране культа Ваала, тогда как эта земля священна и принадлежит Сущему. Он не для этого привёл сюда их предков, чтобы сейчас они приносили жертвы и поклонялись кому-то ещё. Это был не просто протест на словах, Илия бросил вызов силе Ваала, сказав, что запрещает дожди там, где поклоняются Ваалу, и пусть кто-то попробует изменить это. В эти годы, сказал Илия, в Израиле не будет ни росы, ни дождя, кроме как только по его личному распоряжению или разрешению. Это было заявлено от имени Сущего, волю Которого сейчас объявлял. Он был уполномоченным в этой операции, и он бросил вызов служителям Ваала.

Дерзкого вестника беды не тронули в этот момент, но после того, как Илия вышел из дворца, Бог сказал ему, чтобы он пошёл на восток и скрылся у одного из ручьёв в удалённой от людей местности. Когда царь и его жена пришли в себя и осознали, что это было, и каков масштаб проблемы, возникшей для их проекта насаждения культа Ваала, то дали приказ арестовать Илию, и конец его был бы очень неприятным, не успеет ли он удалиться из столицы.

У этого ручья он прожил какое-то время, не зная проблем, только видел, что погода установилась засушливая. Постепенно ручей стал мельчать, а потом и вовсе пересох. Наверное, он мог найти себе пищу вокруг себя, природа часто даёт немало для тех, кому приходится жить не в до-

мах и селениях, где у людей уже отлажены процессы возделывания земли и добычи всякого пропитания, однако ему не было нужды заботиться о хлебе насущном. Бог устроил ему некоторый сюрприз, устроив ему ежедневную доставку достаточного количества хлеба и даже мяса. Вокруг у людей назревал голод, а у него была в достатке еда, хотя может быть это и не были деликатесы, но для здорового человека достаточно немного для полноценной жизни. Сделано это было очень необычно – утром он, раздумывая, где искать нужное для пропитания, увидел летящих воронов, несущих в клюве нечто. Когда они подлетели поближе, это оказались хлеб и мясо. Вечером это повторилось, птицы регулярно приносили ему их... Было приятно видеть этих умных и сообразительных птиц, которые каждый раз смотрели на него, явно понимая, что помогают этому отшельнику, проявляя к нему интерес. Где-то неподалёку, видимо, жил кто-то зажиточный, у которого регулярно птицы забирали дань, хотя налог был совсем невелик... А может быть они брали добычу у разных людей, не налегая на кого-то одного.

Но пришло время, когда этот ручей пересох, и хотя в Иордане вода не исчезала, но там его могли легко обнаружить те, кто искали его. Бог сказал ему, чтобы он шёл теперь на другой край страны, к морю, в сторону Сидона. Ему было сказано, куда именно идти, там была бедная вдова, где он мог расположиться на время. Когда он пришёл в это селение, он нашёл хозяйку того дома, где ему предстояло жить пару лет, собирающей дрова за входными воротами. Похоже, что она жила не внутри ограды, а снаружи, что говорило о её невысоком статусе. Он попросил воды, и ей для этого нужно было сходить в дом, и она, проявляя настоящее гостеприимство, пошла за кружкой и водой. Он ещё не просился на постой, это был всего лишь прохожий, но он попросил воды и она не могла ему отказать, хотя уже настроилась, что жить ей осталось совсем немного – голод вокруг был сильный. Когда женщина двинулась в дом, то Илия вслед крикнул, чтобы она взяла и немного еды для него, но она с печалью ответила, что в доме осталась последняя порция муки, из которой она сегодня изготовит немного хлеба себе и сыну, и после этого они умрут от голода. Как раз для этого она вышла собрать несколько веток, чтобы развести очаг и приготовить последний обед или ужин. Золотое сердце было у этой женщины. Может быть так повлияли обстоятельства, но как его народ реагирует на засуху и голод? Хотя у многих ещё были запасы, и только самые бедные столкнулись с угрозой голодной смерти. Илия видел сейчас последствия своего выбора и понимал, что немало людей в подобных обстоятельствах также пострадают. Однако были ли у него мысли вернуть всё назад? Отступить, дать людям делать то, что они хотят? Если бы это решало проблемы, он бы мог задуматься об этом, но только если бы он не начал свои санкции против Ваала, то немного позже Бог уже от Себя навёл бы на страну что-то подобное, если не хуже, как не раз бывало. Когда умножается неправда, бедные страдают от того же голода даже без засухи, им часто достаётся больше других. Так или иначе, но наведение порядка хотя и вызывает чьи-то проблемы косвенным образом, в целом оно служит устранению причин, по которым слабые и бедные имеют проблемы. Поэтому Илия не страдал от вида разорения, что он видел по дороге, он знал зачем и что он делает.

Эта женщина, отвечая ему о последней муке в доме, помянула имя Сущего, его Бога, она знала, что перед ней еврей и по его виду и облику распознала, что это не обычный израильтянин, а из тех, кто поклоняется своему Богу и не признаёт никаких новомодных или насаждаемых царём чужих религий. Однако эти же слова говорят не только о том, что эта вдова разбиралась в людях и обычаях народов, но и о том, что она и сама симпатизировала этому Богу. Она слышала достаточно о Нём, чтобы её душа тянулась к Нему – всё, что она о Нём знала, ей нравилось. Для Илии её слова прозвучали неким правильным паролем, он убедился лишним раз, что Бог привёл его в очень правильное место. И в ответ на прозвучавшее имя Сущего, он ободрил её – "не беспокойся, сделай то, что собиралась делать, только прежде чем есть самим, сделай порцию для меня, а своему сыну и себе сделаешь после..." В этом было некоторое испытание её тяготения к Богу Израиля – сможет ли она довериться Его посланнику? Отдать почти последнее ему, а для

них с сыном останется уже гораздо меньше, чем она планировала. Но она поверила словам пришельца, что "мука в кадке не уменьшится и масло в кувшине не будет убывать, пока снова не пойдут дожди". Она выполнила его условие, и когда стала набирать муку для себя и сына, она видела, как количество муки в кадке не уменьшается... Так день за днём, без излишеств, у неё в доме всегда была пища, в её доме поселился праздник.

Воскрешение сына вдовы

Однако не обошлось без стресса. Эти люди были избавлены от гибели с помощью Илии, которому дали кров и убежище. Тот характер, который имела хозяйка дома, открыл для неё эту возможность быть полезной и Богу и Его человеку, и для неё самой шанс на лучшее настоящее и будущее. То ли происки врага, желающего разрушить мир человека, особенно тех, кто не из его царства, то ли желание Бога расширить её опыт и усилить её как личность, а может и всё вместе, послужили к возникновению тяжёлой проблемы в её доме. Её сын однажды заболел, и болезнь оказался вдруг очень сильна, её течение было чем-то осложнено, обычно такая болезнь не должна была привести к гибели человека. Но это был подросток, если не мальчик, к тому же из бедных, подвергшихся голоду, который может повредить организм, подорвать его силы. Видимо из-за этого мальчик не справился с болезнью и тихо угас, и когда мать в очередной раз подошла к нему, то обнаружила, что он не дышит. Удивительно, что она не стала кричать и плакать, не стала рыдать и рвать на себе волосы или одежду, вместо этого она, зная, что рядом с ними живёт очень непростой человек, имеющий прямой контакт с Повелителем всего живого и неживого, пошла к нему с вопросом. Она была всё же подавлена случившимся, она не просит его помочь, и говорит слова как будто отчаяния – "Что ж такое, человек Божий? Ты пришёл напомнить мне грехи мои и убить сына моего?" Она не знает что делать, однако же пришла в правильное место, и говорит лишь чтобы привлечь внимание к её беде. Она поминает свои уже далёкие грехи прошлого, которые, по мнению обычных людей, могли быть причиной последующих наказаний, но имеет надежду, что даже эти слова её будут оценены как раскаяние в том, что уже давно оставлено, осознано и прощено.

Илия забрал у неё ребёнка и занёс в свою верхнюю комнату, где жил, имеющую отдельный вход. Здесь он, оставшись один, собрался с духом – нужно было как-то действовать. От него ожидали помощи, и он взялся помочь, сделать то, чего до сих пор никто из людей не делал. Он мог знать о воскресении Моисея, но то сделал Бог, он же был человеком. Впрочем, оживлять людей ни в какой пророческой школе не учили, да он и не собирался прозводить какие-то процедуры, кроме одной – обратиться к Тому, кто создавал живое и Кто до сих пор поддерживает жизнь в живом. Он задал вопрос Богу – "неужели ты и вдове, у которой я живу, допустишь зло?" Хотя одно дело он всё же сделал от себя, и это важно, что он явно понимал, что делает, только он не рассчитывал, что это само по себе поможет или что-то изменит (повторял ли он уроки других или догадался сам только сейчас, что нужно делать, не известно). Он прижался к лежащему телу, согревая его своим теплом. Нагрев его немного, он поднялся, чтобы его собственное тело согрелось до нормы, потому повторил эту операцию ещё два раза, таким образом согрев тело мальчика до более высокой температуры. После этого он позвал на помощь Бога – "Сущий, да вернётся душа его в него!"

Написано, что Бог услышал голос Илии, то есть снизошёл к его просьбе. Смерть мальчика была совсем недавно, и если само по себе количество сил в организме было достаточным, то современные процедуры типа искусственного дыхания и стимуляции сердца могли дать такой же эффект. Согревание тела, в принципе, может быть частью реанимационных мероприятий, в остывшем теле процессы обмена намного затруднены, но это лишь подготовка, повышение шансов на восстановление жизненных процессов, но одна только эта мера не вернёт жизни в тело. Бог был рад подкрепить Своих последователей и вернул сына вдовы к жизни. Когда подросток поднялся, Илия помог ему спуститься вниз и вернул его матери живым. Представляю эмоции и

состояние участников этой сцены... Примечательна реакция женщины – "Вот теперь я узнала, что ты человек Бога, и что слова Сущего у тебя настоящие..." Она не говорит, что лишь теперь поверила в Бога, она и до этого была на Его стороне. У неё в доме было живое доказательство истинности Илии как пророка Сущего – неиссякающая кадка с мукой и кувшин с маслом, однако эти вещи уже стали привычны, не так заметны и ярки. К её чести, она не забыла ничего, и пошла с бедой как раз по адресу, к этому человеку, не как к человеку, могущему что-то, а как представителю Бога. И её вера была вознаграждена, она прошла своё испытание.

Поражение Ваала

Прошло три года, и однажды Бог заговорил к Илие, что пора переходить к заключающей фазе операции. Илия не знал обстоятельств, поскольку не мог нигде появляться – если бы его узнали, то немедленно он бы был схвачен и отправлен к Ахаву и Иезавели. Поэтому он нигде не показывался, к тому же он мог не лучшим образом оценить обстановку в обществе, насколько оно готово к возвращению на Путь. Все эти годы голода люди звали Ваала, чтобы он дал дожди или хотя бы росу на землю, но этот бог не мог преодолеть запрет Илии и Сущего, их слово наложило непреодолимое заклятие на облака и тучи. Все моления, жертвы и обряды магических ритуалов были бессильны распечатать закрытое небо. Народ, наверное, был готов уже вернуться, однако же оставалась большая проблема в виде царя и его жены, задающей тон в ваализации всей страны. Иезавель не желала признавать, что её познания тайн её бога и её способности в чём-то уступают этим варварам, не имеющим чувства прекрасного. Она сделала свой ход в этой борьбе начал и объявила, что Ваал оскорблён Илиёй и именно поэтому, пока есть Илия и подобные ему, Ваал удерживает воду.

Её борьба с Сущим стала принимать самые жестокие формы. Она знала, что Илия вышел из школы пророков и решила физически уничтожить этот рассадник чуждого ей влияния. Со времён Самуила школы пророков продолжали работать, их община, обеспечивающая сама себя необходимым минимумом, насчитывала не менее ста пятидесяти человек. Иезавели удалось уничтожить какую-то часть воспитанников, но один из придворных сумел предупредить многих из них и скрыл их в надёжных убежищах. Он также организовал их какое-то снабжение питанием и водой, поскольку с водой были проблемы. Возможно, только Иордан ещё продолжал течь, но и он со временем мог пересохнуть.

На фоне всех проблем в стране царю приходилось лично заниматься вопросами выживания, и он с Авдием, одним из придворных, искал места, где ещё продолжала оставаться хоть какая-то влага, где ещё продолжала расти трава, чтобы туда перевести оставшихся лошадей. Они путешествовали по стране, и в одном месте решили разделить, чтобы осмотреть больше места. И вот навстречу Авдию вдруг попадает Илия, и Авдий склонился перед ним в поклоне, выражая ему большее почтение, чем даже к царю в торжественной обстановке. Илия сказал ему, чтобы тот сообщил царю, что он явился. Авдий же, пережив многие проблемы (это как раз он спас сотню пророков в пещерах), боялся оставить Илию, которого ждали не меньше, чем долгожданных дождей. Он боялся, и заявил об этом пророку, что боится, что Илию может унести куда-нибудь Бог или сила, а ему потом не сносить головы за обманутые ожидания. Оказывается, за эти годы Ахав искал его самым тщательным образом, буквально требуя клятвы с окрестных царей, что они не скрывают у себя Илию. Но Илия успокоил Авдия, что никуда он не денется, раз уже появился.

Когда Ахав увидел Илию, он с ходу объявил его смутьяном, который разрушает общественный порядок и устои страны. Он был правителем, он имел право насаждать порядок, и раз ему сопротивляются, если его влияние оспаривают, он считал себя вправе объявлять такого человека преступником. То, что он сам уводит всё общество от силы, хранящей эту страну, что он противится Тому, кто дал ему возможность быть царём здесь, Кому он обязан всем, дыханием и

зрением и всем остальным, он почему-то не хотел думать. Снова на ум приходит мысль о свободе – нарушающий закон делает это, желая личной свободы, вот только почему-то он считает своих подчинённых, а то и вообще не связанных с ним людей, обязанными подчиняться ему, не даёт им права на выбор, заставляет, даже угрожая смертью, идти тем же путём, что выбрал себе. Он один остаётся свободным, и при этом отнимает её у многих. В этом дьявол и его соратники не похожи на Бога, Который дал свободу ему и его слугам возможность осуществить и показать свои принципы на практике. Всякое государство, осуществляя свою идеологию, если она есть, должно бы сохранять подобную свободу для своих граждан, таковы условия существования любой страны. Бог мог спросить с него куда строже, чем он с Илии, но в отличии от Ахава, Суций давал царю время и возможности одуматься. Ахав заставлял людей не слушаться Хозяина этой земли, таким он образом противопоставлял себя Ему и ставил себя выше Него. И кто же был тут смутьян и бунтовщик?

Советская система по идее должна была сохранять свободу совести, но на практике, хотя нужные законы были на высоте, исполнители на местах мыслили совсем иными категориями, и реальной свободы для многих не оказалось. Потенциал советской системы просто огромен, но реализация этих возможностей оставляла желать лучшего. Идейно религия не содержала в себе ничего разрушительного для социалистической и даже коммунистической идеи, однако же чисто волюнтаристически религия была объявлена враждебной коммунизму, и этим воспитание в СССР было подсечено на корню – противоречие с религией было понято массами как необязательность морали. Отговорка о "социалистической морали" существовала лишь в теории, но никак не в практике жизни, люди мыслили гораздо проще.

Илия ответил ему тем же, объявив его тем же, кем он объявил Илию. Но препираться долго не стали, Ахав понимал, что он сказал это лишь поддерживая свой имидж, но перед ним был посланник действительно превосходящих сил, и следовало соблюдать осторожность. К тому же сам по себе, без Иезавели, он бы в жизнь не додумался насаждать какой-то единственный культ, это не было в обычае Израиля, поэтому не стал спорить, понимая правоту Илии. Илия же объявил общий сбор, указывая царю, что сделать, и тот не мог противиться. Должны были собраться все служители Ваала и пророки священных мест, а также побольше народа, Илия устраивал публичное соревнование систем – он один от Суцего и восемьсот пятьдесят человек от Ваала. Там должен был решиться спор о том, кто из этих богов настоящий. Также, раз уж Иезавель выставила контраргумент, что не Суций, а именно Ваал отменил дожди, нужно было показать ложность этого аргумента в поединке самих этих богов, проявить силу того, кто из них настоящий. И Ахав выполнил требуемое, послал гонцов по стране и отовсюду собрались люди на небывалое в истории зрелище.

Когда-то их Бог являл Себя им, они помнили это, но почему-то время от времени выбирали себе других богов для поклонения. Сейчас многим не нравилось то, что им силой навязывают Ваала, кому-то может быть хотелось поклоняться другим богам, и это было совсем не по душе. Ваал по своему был более жестокий, чем Суций, у него, как описывают, приходилось ходить чуть ли не строем, хотя это не был бог армии. Он был просто жёсткий рациональный хозяин. Иезавель как патриот Ваала видела в нём гораздо больше, но для народа это было неинтересным, они всегда искали чего-то удобного и приятного. Хотя нашлись и немало таких, кто с новым богом находили себе удобные случаи подняться или дать выход своим недобрым наклонностям под благовидным предлогом. Не считите за вульгарность, но ситуация описывается в этих терминах намного проще – прежние, привычные для Израиля культы были по душе "приколистам", а культ Ваала – "обломистам"... Думаю, этим всё сказано.

Сейчас на этом поединке сторон должно было всё решиться. Настоящий Бог должен был очевидным образом победить, в прежние времена подобного не случалось, такое было впервые,

и на зрелище явилось немало народу. Иезавель по каким-то причинам не пришла, видимо ощущала себя неуютно, а может быть женщинам было здесь не место, хотя прежде в Израиле подобные собрания никогда не исключали женщин, они всегда присутствуют во всех общественных встречах.

Илия вышел к собравшимся и бросил вызов, обличая двойные стандарты, когда они в течении всей своей истории постоянно сбивались с пути – "Долго ли вы будете хромать на оба колена? Если Сущий есть Бог, то следуйте за Ним, а если Ваал, то следуйте за Ваалом". Народ, считавший, что в этот раз им чужого бога насаждали сверху, видимо не хотел считать себя виноватым, всё же не спорил. Если бы они твёрдо держались заветов Сущего, то сегодняшней ситуации не возникло бы, так что отвечать им на упрёк Илии было нечем. Впрочем, вызов, брошенный Илией, был девизом этого дня, и сначала Илие ещё нужно было показать, кто выйдет победителем. Илия не сомневался в исходе, но для народа это было не столь очевидно. Сказанное им сейчас было якорем, который к концу дня станет крюком, с которого им будет не сорваться. Даже если они ничего не обещали в ответ на призыв Илии, всё же их молчание было определённым согласием на его условия.

Илия предложил условия соревнования, хотя скорее поединка, потому что по его итогам проигравшая "неправильная" сторона попадала в руки победителя и зависела от его милости. В этом голоде, который навёл Илия, пострадало много людей, и их жизни требовали отпущения. Здесь и сейчас происходило кроме поединка ещё и своеобразное судебное разбирательство, и по древним законам проигравший являлся виноватой стороной... То, что сейчас происходило, было изначальным замыслом Илии, и он был почти на вершине своего успеха, хотя этот день ещё только начинался. Но он не боялся сказать "гоп", выходя к народу – с такой поддержкой, как у него, от Всевышнего, проиграть было трудно. По условиям, принятыми всеми без возражений, обоим командам давался телёнок и дрова, но никакого огня. Огонь должен был дать тот из богов, который настоящий. Жрецы Ваала приняли вызов, они, скорее всего, практиковали некоторые вещи, позволявшие им надеяться, что они смогут добыть огонь от тех сил, с которыми сотрудничали. Многие жрецы высших посвящений могли делать подобное, в те времена бывали люди, которые не нуждались в трюках и фокусах, почвы для современного скептицизма и атеизма практически не было, и если кто-то не верил в чудеса, то лишь потому, что ему было лень напрягаться для развития способностей. Если кто-то и пытался достигнуть уважаемого положения путём обмана, то его быстро разоблачали более продвинутые собратья. Впрочем, вырождение надвигалось и на религии, но ещё не сегодня. Правда, если здесь среди почти тысячи жрецов Ваала и Астарты и были сильные колдуны, то в этот день, поскольку тут присутствовал настоящий Бог, всякая возможность для них была закрыта, их духовные способности были заблокированы. Ведь по условию соревнования только настоящий Бог мог явить Свои способности, а не его слуги. Ваала как такового не существовало, среди нечеловеческого населения планеты персон, которых можно было бы связать с богами, не было и нет. Языческие боги были порождены человеческой философией поначалу, и фантазией в последующие времена, но не было таких, кто явился бы людям и назвал бы своё имя, начав сотрудничать с людьми и создал сам себе ту или иную религию. Все они появлялись как персонификации качеств Единого, плюс обожествление предков также внесло свою струю в этот процесс. С другой стороны многие явления сил и чудес в языческих религиях связаны с действиями тёмных сил, с их стороны всегда существовала системная поддержка ложных религий, одни лишь жрецы вряд ли могли бы удерживать массы людей вокруг надуманных и искусственных правил и фигур.

Чуда Ваал сегодня явить никак не смог бы, при всём желании Люцифера, ложным богам в присутствии Сущего не полагалось проявляться – не в том ли и суть, кто сильнее? Поэтому Илия понимал, что жрецы, ощутив силовой вакуум, неспособность в этот день и в этом месте вызвать силы, могли решиться на обман – у них практиковались пляски и много движения, и в толпе они

могли попытаться пронести огонь теми или иными способами. Но если знать, на что смотреть, то можно было пресечь попытки пронести угли к жертвеннику. Илия предложил стороне защитников Ваала начинать первыми.

Жрецы разложили дрова, положили приготовленную жертву на них и начали взывать к своему богу, чтобы он проявил свою силу. Было много стараний, плясок и движений. Входя в экстаз, они кололи себя ножами и копьями, как это они часто делали. Они кричали к Ваалу "услышь нас!", но если бы в иной обстановке дьявол бы и дал какой-то знак или послал огонь (а такое вполне возможно), то сейчас он был ограничен и никак не мог обойти запрет. Только реальные фигуры, а не куклы, могли соревноваться. Когда наступил полдень, Илия начал насмехаться над стараниями усталых жрецов – "Кричите громче, это же бог, может быть он задумался или чем-то занят или в дороге. А может быть он спит, то проснётся..." От этого жрецы взбодрились и усилили свои крики и прыжки, кровь струйками стекала по ним от чрезмерных стараний, но толку от этого никакого не получилось. Так прошло ещё несколько часов, подходило время для уже вечерней жертвы. Утренней у сторонников Ваала не получилось.

Наконец Илия остановил жрецов, они все выдохлись, и все понимали, что уже ничего не получится. Теперь была его очередь принести свою жертву Сущему. Он подозвал народ подойти поближе, чтобы все видели, что он делает и что ничего не подкладывает, что делает всё честно. Он взял двенадцать камней и их них сложил жертвенник на месте разрушенного старого. Он также сделал канаву вокруг жертвенника. На жертвенник положили жертву и всё это облили водой три раза, пока вода не наполнила ров. Если бы кто потом сомневался, что Илия не подложил чего-то горючего к жертве, вода и мокрые дрова свидетельствовали бы в его пользу. После этих приготовлений он в глазах всех обратился к Сущему – "Да узнают сегодня, что ты один Бог в Израиле, и что я всё сделал по сказанному Тобой. Услышь меня, Сущий! Пусть узнает народ, что ты Бог!"

После этих слов с неба сошёл огонь, жертва на жертвеннике и дрова, а также вода в канаве были почти мгновенно сожжены. Люди, наблюдавшие за таким бесспорным проявлением силы их Бога, упали на землю и сказали – "Сущий есть Бог, Сущий есть Бог!"

Илия выиграл этот поединок, Сущий был провозглашён победителем. Но рядом была проигравшая команда, оспаривавшая главенство Сущего, сейчас деморализованная, однако никто из них не склонился перед Сущим, не признал Его власть и авторитет, поэтому их судьба была предрешена. Пока они не разбежались, Илия приказал схватить их всех, и это было тут же выполнено. Жёсткость Ваала и тех, кто насаждал его в стране, многим не нравились, и даже если не все с восторгом признали авторитет Сущего, то отплатить активистам Ваала желание у них имелось. Авторитет Илии с начала голода был велик, а теперь он мог бы при желании и сместить царя. Но такой цели он себе не ставил. Он понимал положение Ахава, что он был бессилён противоречить своей яркой и сильной жене. Бог Израиля не был до этого представлен достаточно значимо половинчатой религией Иеровоама, и Илия сегодня ему дал такую опору, явив Сущего победителем над государственной религией.

Захваченных пророков и жрецов Ваала Илия уничтожил, сделав с ними то же, что они делали с верными Сущему людьми по распоряжению Иезавели. Это не было несправедливо, это была священная земля, и даже воля царей не могла изменить этого положения, царей иной раз нетрудно сменить, а Бог останется навсегда. Когда с этим было покончено, Илия сказал Ахаву, видевшему всё своими глазами, что он может есть и пить, в общем расслабиться после чрезвычайно напряжённого дня. Сам же он не мог себе этого пока позволить, его дело ещё не было окончено – он сказал, что уже слышен шум дождя. Всё началось с его слова, что дождя в стране больше не будет, пока он не скажет обратного, и теперь он говорит слова о дожде. Люди успокоились, и ждали, что слова Илии сбудутся, как сбывались до сих пор.

Правда, сам Илия ведёт себя необычно – он уходит на гору и садится, спрятав лицо в колени и ни на что не отвлекаясь и не глядя. Вместо того, чтобы смотреть на небо, как там будут появляться облака, он сосредотачивается внутри себя, и посылает своего слугу смотреть на запад, в сторону моря. Нам вряд ли понятны его ощущения и мысли, могу лишь предположить, что он не сомневается в Боге и скором дожде, но эта революция, успешно как будто закончившаяся тем, что люди и царь признали Сущего и отказались от Ваала, была для ещё молодого человека испытанием его сил. Этот день ещё не измотал его, но он не имеет опыта таких переворотов, когда вершится судьба страны и хочет найти правильный мотив для заключительного штриха своего главного дела жизни. Люди ждут от него дождя, и он должен соответствовать моменту. Если он будет сам высматривать облака с моря, это было бы не совсем правильно для него, возможно, что он опасается, что сдержится, проявит торопливость или беспокойство – "где же там признаки дождя?" Поэтому он устраняется из круговорота активности, и лишь его слуга доставляет ему информацию о состоянии дел. В первый раз его слуга сообщил, что на небе нет ничего, никаких облаков. Илия сказал ему, чтобы он ходил снова и снова, до семи раз. Думаю, что промежутки выходов слуги на открытое место были невелики, примерно каждые пять минут он ходил и приносил ответ, что на небе по прежнему нет никаких облаков. Но в седьмой раз он сказал, что маленькое облако, размером в половину ладони поднимается от моря. Если бы Илия сам ходил смотреть это, он мог бы поддаться эмоциям, но в этой самоизоляции он хранил сосредоточение, оберегая себя от сомнений. Теперь, после появления маленького облака, он поднялся и послал сказать к Ахаву, чтобы он запрягал и уезжал, чтобы не попасть под большой дождь. В самом деле, вокруг темнело от облаков и начался ветер, а потом и дождь, долгожданный дождь обрушился на иссохшую почву. Когда царь сел в колесницу, впереди него появился Илия и он бежал перед ним всю дорогу, то ли указывая путь в надвигающейся мгле от туч и также надвигающейся ночи, то ли выступая вестником триумфа. Он добился всего, чего хотел, и не мог сдержать своей радости, сверхъестественное вдохновение охватило его и ему требовалось выплеснуть свой восторг в действии. Вряд ли кто из обычных людей добивался большего, чем он – не просто переворот в целой стране, но перед этим он с помощью божественной силы показал всем возможности пророка, продвинув род пророков на новый уровень (хотя очень мало кто воспользовался его достижениями). И на сегодняшний день его и Бога триумф был грандиозным. Правда, лишь этот день...

Бегство

Я оцениваю возраст Илии в тридцать плюс-минус пять лет, достаточно широкой разброс, и он выглядит неискушённым в сложностях человеческой природы, он выглядит неготовым к тому, что случилось после, когда он оказался чрезвычайно разочарован в результатах. Будь у него больше мудрости, он бы мог видеть слабые места в своём плане, но Бог не препятствовал ему ни в чём, и всё, что случилось, пусть не принесло полного успеха его замыслу, но дало возможность ему и его последователям в будущем планоировать и действовать шире.

Скорее всего, сам Ахав был вполне убеждён всем, что сделал Илия сегодня и до этого. И как раз на царя его план сработал на все сто процентов. Вот только не Ахав насаждает культ Ваала, а его жена, и сейчас, когда Ахав пересказал ей события прошедшего дня, её реакция оказалась не совсем той, что Илия ожидал. Почему-то Иезавель не хотела смотреть зрелище, и не думаю, что она не была при Кармиле из-за того, что туда пускали только мужчин. Даже если бы было так, а так в те времена и долгое время после не было – женщины вместе с мужчинами участвовали во многих общественных событиях с древности, Иезавель была главной жрицей Ваала в стране и мало какие значимые события проходили мимо неё. Поэтому она сознательно не пошла глядеть на то, как Илия будет проявлять силу своих слов, она понимала, что если несмотря на все её усилия и чары в эти годы не упало ни капли дождя, значит Сущий сильнее. Но она заранее готови-

лась к реваншу, и её планы оказались настолько неожиданны и хитры, что остаётся лишь удивляться.

Главное было в том, что она сдала Ваала, отказалась от него и прекратила насаждать то, чему была обучена и к чему готовилась с детства. Она согласилась с тем, что бог этой страны, где она царствует, Сущий. Но ещё она как умная и одарённая женщина понимала, что люди видят прежде всего посредников между людьми и богами – жрецов и священников. И этот зазор позволяет соблюсти свои личные интересы при практически любой "власти". То есть она оказалась готова с смене верховного бога, только главное было самой остаться при делах. И Илия при таком повороте политики оказывался лишним...

Она, выслушав восторженный, скорее всего, рассказ мужа о чудесах прошедшего дня, когда он дошёл до убийства всех её жрецов и священников, расчётливо взъерилась. Она в самом деле была очень недовольна потерей тех, кто служили и были преданы ей лично. Она могла "переквалифицировать" их в последователей Сущего, раз уж Он так Себя проявил и доказал Своё право, и эти её помощники были бы столь же преданы ей и в работе на нового Бога, только вот Сущему от них было бы совсем никакой пользы, лишь сплошной убыток. Она обвинила Илию в ненужном убийстве и пригрозила ему гибелью. Эту весть она послала передать кого-то из слуг лично Илие, который, видимо, прибежав с царём в город, остановился где-то в его дворце или рядом с дворцом как почётный гость.

Илия был очень уставшим, его вдохновение после дня победы начало спадать или уже спало. И когда к нему пришёл слуга и вместо того, чтобы выразить уважение тому, кто перевернул местный мир с ног на голову, кто преодолел сильных мира сего, выразил ему неприязнь (Иезавель знала кого послать для психической атаки) и приговор от царицы, поклявшейся именем Ваала и Астарты уничтожить его. Что интересно, его не пришли арестовывать, а лишь предупредили, что завтра утром он будет казнён или убит, подобно тому, как он поступил со жрецами Ваала. У него ещё было время на то, чтобы позаботиться о себе. Илия потерял опору – он взаимодействовал с царём, и с ним у него было взаимопонимание, однако сейчас к царю его могли не пустить, и к тому же была угроза, что он и не дойдёт до него, если бы захотел разобраться и обратиться за защитой. Хуже того, Ахав был слабее Иезавели, и она крутила им как хотела, он почти всегда следовал её воле. Если Иезавель восстала против Сущего (Илия не был в курсе её планов, и ему сообщили лишь об угрозе от неё), то дело было плохо, Илия рассчитывал, что все признают победу его Бога и этого будет достаточно. Он в самом деле рассчитывал на сознательность людей, однако сейчас он видел, что, оказывается, можно действовать и вопреки очевидному. И здесь он пусть не запаниковал, но посчитал всё сделанное им напрасным... Это был некоторый надлом – весь его прежний план, вроде как удавшийся, показался ему сейчас напрасным и глупым. Это не было так, но сейчас он смотрел на своё дело именно так, им овладело самое пессимистическое настроение.

Теоретически, он мог поломать планы Иезавели, если бы решил предпринять второй раунд борьбы. Он мог посоветоваться с Богом, и остаться, чтобы посмотреть, как Иезавель попытается выполнить свою угрозу. Надо сказать, что десятка два лет спустя он как раз и осуществил то, что могло бы случиться уже сейчас, и при этом он бы выиграл ещё одну, даже более грандиозную битву, чем предыдущую. Стоило взвесить, почему Иезавель не прислала людей осуществить свою угрозу сразу, а лишь предупредила, ведь это было психической атакой, ей было выгоднее его отсутствие, потому что если бы она в самом деле попыталась убить его, то народ, и даже муж, только что повернувшиеся к Сущему и оставившие Ваала, не простили бы ей этого. Она вряд ли стала бы брать на себя такой большой риск, к тому же последующие события открыли, что она оставила свои попытки насаждать язычество и перешла, как ни вынужденно, но всё же на сторону Сущего. Она объявила о коренной перестройке прежней политики в отношении религии, объявила себя последовательницей Сущего, Который так явно показал, что лишь Он есть

настоящий и живой Бог. Люди, конечно, ликовали, но кто-то мог удивляться, где же Илия, который бы теперь мог быть довольным. Мало кто понимал сейчас, что Иезавель перехватила таким образом управление всеми религиозными делами, и даже уцелевшие пророки Сущего оказались под её опекой.

Илия мог бы подумать, что Ахав также должен быть на его стороне и не позволить Иезавели выполнить свою угрозу, да и с помощью Бога к нему бы не смогли приблизиться никакая стража. Но истощённый предыдущим днём, поражённый тем, что очевидное превосходство Сущего кто-то может оспаривать, он не мог думать об этом спокойно, в нём взяла верх тревога погибнуть напрасно. С такими мыслями он убежал из дворца и из города, и чем дальше он убегал от угрозы Иезавели, тем хуже себя чувствовал. Но и вернуться уже не чувствовал в себе сил. Неверное решение сильнее других ощущений разрушало его, но Бог был снисходителен. Было бы лучше, если бы Илия остался, тогда переворот был бы доведён до конца, вплоть до отмены политики Иеровоама, отвратившего людей от храма в Иерусалиме. Но теперь он убежал, а религия Израиля осталась в руках Иезавели, нашедшей себе новое применение в изменившихся условиях. Илия мешал бы ей в перестройке политики, теперь же её руки были развязаны.

Илия ушёл далеко на юг в Иудею, местность была пустынная, и здесь он смог, наконец, отдохнуть. Вчерашний день был напряжённым сверх всяких человеческих сил, ночью же не успел отдохнуть, вынужденный убегать, и лишь теперь (похоже, на следующий вечер, почти сутки спустя) он ощутил себя в безопасности. Он сел под кустом и излил своё горе и расстройство Богу, прося себе буквально смерти – "хватит, Сущий, возьми мою жизнь, я не лучше моих отцов". Усталый организм взял своё и Илия крепко заснул под кустом можжевельника. Истощение было довольно сильным, без особой помощи Илия мог потерять здоровье, и его сон был прерван для приёма пищи. Ангел разбудил Илию и сказал, чтобы он поел – рядом с ним стоял кувшин с водой и хлебная лепёшка. Наверное, он был слишком сонным, и едва понимал, что происходит. Он подкрепился этим хлебом и водой и снова улёгся на прежнее место досыпать. С этой пищей его силы восстанавливались полнее и надёжнее. Думаю, что спал он очень долго, и когда проснулся, опять от того, что его будили, его опять ждали хлеб и вода. На этот раз ангел сказал, что его ждёт дальняя дорога, правда, не сказал куда. У Илии был свой план куда идти, и поев и хорошо подкрепившись, в этот раз он уже выспался и силы его вполне восстановились, он отправился на юг.

Его желанием сейчас было пойти на гору Синай, где когда-то начинался Израиль как нация-служитель, где они вступили в обязательство жить по порядкам и законам Всевышнего. Он пришёл туда, затратив на дорогу сорок дней. Похоже, что он не спешил, видимо сомневался в том, что хотел сказать Богу. Он ночевал в пещере, где, как кажется, когда-то Моисея ожидал Иисус Навин. Было ли это во сне или уже наутро, к нему был голос, задавший ему такой вопрос: "Что ты здесь, Илия?" Как я понимаю, да и трудно понять иначе, он не должен был находиться здесь, Бог не посылал его сюда. Зачем он сюда пришёл, какую цель имел? Илия ответил в таком духе, что в Израиле всё плохо, что не осталось верных людей, пророков, через кого можно было влиять на общество, убили (хотя как минимум сто, которых спас Авдий, придворный Ахава, были живы), и договор о завете разрушен. Он остался один, и теперь ищут убить и его. Эти слова могли свидетельствовать, мне так кажется, что он задумал обсудить с Богом новый план, более радикальный, чем прежний. Тогда эти три с половиной года голода и засухи и разгром Ваала в поединке богов, на его взгляд, не дал результата? Только ведь следующий шаг получается очень уж радикальным – не думает ли он осуществить давнее предложение Бога Моисею – уничтожить всех и создать новый народ от него? Возможно, что и не было у него таких мыслей, но он в самом деле был растерян и сбит с толку. Бывает, что кажется, что небо падает на землю, наше незнание жизни и неопытность могут иногда завести в большие проблемы, когда что-то идёт не так, как ожидалось. То, что его поддержал Бог и вдруг их совместные усилия как будто

пропали даром... Нет, они вовсе не пропали даром, и если бы Илия выдержал напор Иезавели, получилось бы близко к тому, что он хотел.

Что Бог мог ответить Илие? Раскрыть замысли Иезавели? Теперь уже было поздно исправлять упущенные возможности, свои ошибки Илия скоро поймёт и сам, если уже не понял, а сейчас Он решил преподать Илие некоторый урок, раскрывающий ему глаза в том числе и на закончившуюся довольно успешно операцию. Он сказал Илие выйти наружу, чтобы продемонстрировать ему те принципы, что хотел воплотить Илия, и тем настоящим, которым большей частью работает Он Сам.

Илия вышел ко входу в пещеру. В долине развернулись потрясающие воображение сцены очень сильного ветра, за которым долину и горы потрясло землетрясение. Бог предупредил его, что Он пройдёт перед ним и покажет Свои возможности. Однако ни в ветре, ни в землетрясении Бог не присутствовал. Также за этими проявлениями стихий последовал и огонь, но и в огне также не было присутствия Бога. Он сказал, что пройдёт по долине, но и ветер, и сотрясение земли и огонь были следствиями Его присутствия, но не Им самим. Однако после этих всех бурь повяло лёгким освежающим ветерком. Илия понял урок, и закутал лицо в плащ. Он слишком сосредоточился на силовых методах, на том, чтобы впечатлить людей и разом измениться под мощным влиянием, однако же, хотя такие вещи на своём месте действительно могут быть необходимы, но без освежающего, животворящего впечатления, исходящего из той же силы, из того же Источника, всё бессмысленно. Илия понял, что он должен был после того дня потрясений и ниспровержения Ваала оставаться, чтобы быть проводником этого лёгкого веяния, несущего жизнь, укрепляющего и укореняющего всё достигнутое. Но из-за того, что то ли упустил, то ли не знал этого, он не готовился к следующей фазе работы. Испугавшись угрозы Иезавели, он потерял влияние на последующую ситуацию... Это привело его в сильнейший стыд – ведь он был готов на многое, чтобы дело его жизни осуществилось, и вдруг сам же предал его всего лишь из-за страха смерти. Сейчас ему было очень нехорошо. И вот в этот момент снова прозвучал всё тот же вопрос – "что ты здесь, Илия?"

Илия в этот момент, кажется, ещё осмысливал открывшееся ему положение вещей, но сейчас видел, что раз Суций всё же допустил его сюда, помог добраться и благосклонно говорил с ним, и дал понять его ошибки, то всё было не совсем уж зря. И уже более уверенным тоном он рапортует о всё тех же проблемах, однако видит теперь свою задачу, что ему делать дальше. Он повторил как будто те же слова, что Израиль в упорном отступничестве, пророки уничтожены (теперь они в руках Иезавели, она хотя не уничтожит их, но пожалуй, было бы лучше, если бы даже и уничтожила, поскольку они под её чутким контролем превратились в лжепророков), и ищут убить и самого Илию. Бог доволен ответом, Илия понял и осознал нечто важное, чего ему не хватало прежде, теперь он будет набирать силу и сумеет оказать нужное влияние на страну, пусть и не в той мере, как если бы не упустил открывшиеся возможности. И Суций даёт ему новые поручения относительно Дамаска и Сирии, относительно судьбы династии Ахава – она должна смениться, а также взять себе новым помощником Елисея, который заменит его в нужное время. Впереди Илию ожидали большие и славные дела... К этому Бог добавил, что в Израиле осталось семь тысяч человек, которые не поклонялись и не собирались служить Ваалу, чего бы им это не стоило. Это чтобы Илия не думал, что он в самом деле остался один верный завету.

У Илии снова был смысл и новые задачи, его поражение не разрушило его, но после встречи с Богом он стал даже сильнее, чем был – теперь он глубже проник в суть вещей, оценил силу и ценность малых влияний. Это не значит, что он стал считать свою прежнюю операцию с засухой неправильной или был склонен, будь такая возможность, сделать её по другому. В этом отношении до Израиля по другому бы в самом деле не дошло, поскольку ни Иезавель с Ахавом, ни большинство народа, ведомые законной властью, не были склонны отступить от задуманного, и на этом этапе такое силовое воздействие было соответствовало ситуации. Но там, где он испу-

гался Иезавели, где оказался слишком усталым и не готов к коварству и наглости, сейчас он бы смог справиться. Только жаль, переиграть проигранное не получалось. Сейчас первым делом он шёл позвать себе на помощь Елисея, помощником и слугой, который должен был учиться у него и впоследствии продолжить его дело. Забегая вперёд, хочется сказать, что эти двое, если выразиться по современному, отжигали такое, что их подвиги остались практически непревзойдёнными до сих пор; пророческие возможности, возможности человека с Богом были проявлены в высочайшей степени, они продолжили дело Самуила на том же высоком уровне, хотя, к сожалению, не в масштабе всего общества, а лишь небольшой его части.

Елисей работал в поле, вспахивая его на волах, с ним были помощники или нанятые слуги. Илия, проходя мимо, бросил на него свой плащ, как бы это был слуга, который должен был подхватить его и нести за ним. Илия был известен всем, и Елисей также видел, что перед ним непростой человек, даже если бы не знал, кто это. Но героя Кармила, который свёл с неба огонь, уничтожил Ваала и подтвердил господство Сущего, вряд ли кто-то не знал хотя бы по описаниям. Илия носил не самую обычную одежду, и даже по ней одной его узнавали, так что хотя Елисей был явно из богатой семьи, призыв следовать за знаменитым пророком он считал для себя честью. Он был молод, поэтому ухаживать за старшими не было унижительным, а тем более ученику за учителем. Елисей не был в школе пророков, но видимо имел тяготение к этой среде, раз Бог велел Илие выбрать именно его. Елисей был только рад этому невероятному призыву на большие дела, но на данный момент у него имелись "гражданские" привычки, которые чуть было не привели его на грань потери высокого призвания. Он с плащом на руках догнал Илию и попросился лишь пойти попрощаться с матерью и отцом, всего лишь поцеловать их на прощание, но услышал хотя и деликатный, но недвусмысленный ответ – "иди назад, что такого я тебе сделал?" Даже такое, казалось бы, простое дело могло его увести очень далеко от предлагаемого пути. Пойди он домой, он бы получил другие настроения и мысли, в то время как зов на службу к Всевышнему в роли пророка потерялся бы, не будучи оценён адекватно. Он не был новичком в религии, знал много, поэтому спрос с него был полный, он не мог отвлекаться и отходить от призыва. Поэтому Елисей, оценив момент, сделал лишь то, что было возможно в этой ситуации – он не пошёл домой, только задержался на поле, отдав нужные распоряжения своим слугам и приготовив им прощальный обед из своей пары волов и их упряжки. Согласился ли Илия подождать его или условился, где он его догонит, но вскоре Елисей догнал Илию и после этого уже всегда был вместе с ним, помогая в любой мелочи и выпитывая всё, исходящее от этого великого человека, которого (не его, конечно, одного), как писал позже Павел, "весь мир не был достоин".

Кроме того, чтобы взять себе Елисея в сменщики, Илия получил поручение помазать в цари одного из военных начальников, Ииуя, который в очередной раз должен был сменить династию в Израиле. А также ему надо было сделать то же самое и в Дамаске, хотя, казалось бы, Сирия не входила в круг интересов Сущего. Но это только на первый взгляд – хотя дамасские сирійцы не были обязаны Ему, не будучи ни в каком договоре, как и все другие народы и страны, однако все они являлись Его детьми и если не были первоочередными целями Его дела на Земле, то сам Израиль был создан для того, чтобы быть каналом добра и света для всех остальных. Они тесно соприкасались с Израилем и Бог имел для них некоторые поручения, так что ставя в Дамаск Своего назначенца, Он давал понять, что Он не замыкается только на одном Израиле. Не будь евреи столь непослушными и несознательными, Бог гораздо шире проявлял бы Своё участие в жизни других народов. Однако же эти две задачи, как я понимаю, не были срочными – для Венадада, текущего правителя Дамаска и для Ахава Бог ещё давал некоторое время подумать. В Израиле только что случился большой религиозный переворот, Ахав выглядел вообще обращённым, даже Иезавель сменила свой пантеон. Этим тенденциям нужно было дать время реализоваться. Но Сущий наперёд сообщил Илие о его задачах далеко наперёд, давая понять, что дело, совершённое им в его стране, не преуспееет. Причина неуспеха Илии была не в нём одном, а в об-

щем состоянии евреев, они проваливали практически все добрые начинания, от кого бы они не исходили. Кстати, смену царя в Дамаске производил не Илия, а Елисей, то есть конкретное повеление сделать это пришло далеко не сразу после того, как Сущий просветил Илию о перспективах работы.

После этого о Илие и Елисее некоторое время не слышно, зато упоминаются "сыны пророков" и пророки часто вмешиваются в дела военные, помогая Израилю побеждать. Илия взялся за укрепление пророческих школ, защищая их от совсем иного подхода Иезавели, которая тоже нацелилась на пророческие школы, мечтая сделать из них свою армию, подобную она имела прежде из пророков и служителей Ваала и Астарты, конечно же, уже на другой платформе. Впрочем, для неё разница эта была несущественной. После перехода в лагерь сторонников Сущего она немного переосмыслила свои задачи и увидела даже определённые преимущества новой идейной платформы – у неё появилась перспектива распространить своё влияние на Иерусалим, и может быть даже на Храм. Законы и порядки Сущего её не очень заботили – у всякого народа есть подобные же правила и вообще суть человека универсальна в любых культурах, но кем она была для Сущего? Может быть мне не хватает знаний о замыслах Иезавели, но очевидно (Библия рисует её характер как враждебный замыслам Бога), что она заботилась прежде всего о власти, и, возможно, о том, чтобы реформировать религию Сущего изнутри, чтобы даже сверхъестественные силы служили если не каким-то возвышенным идеям о мироустройстве, то хотя бы ей лично. Она как будто вовсе не старуха из сказки Пушкина, она уже на верхней ступени власти, однако же иметь на посылках саму Золотую Рыбку – это как раз характер Иезавели. Она и Ваалу служила (точнее бы было сказать "использовала" Ваала) с этой же установкой, видя в религии средство организации общества определённым образом. Независимо от её идейности она собиралась готовить из молодых выпускников пророческих школ верных слуг престола, и позже это чётко проявится в истории гибели Ахава.

"Лёгкий ветерок" Ахава

Ахав, будучи в некоторой степени податливым, был сильно впечатлён демонстрацией силы живого Бога. Он принял Сущего и не жалел о Ваале, он был рад, что и его жена не стала противиться в конце концов этому Богу. Как человек он был прост и прям – если Сущий есть действительный Бог, настоящий, значит переходим на Его сторону. Противиться Ему – себе дороже, да и вообще хорошо, что древние легенды оказались совершенно правдивы, он своими глазами видел ту же силу, что была с Моисеем. Он видел, что у жены есть какие-то планы, но его это мало интересовало, интриги были не его стихией. Для Сущего Ахав был ценен, как и вообще любой человек, но если бы он поддался Его влиянию и достиг в этом направлении каких-то высот, то было бы просто здорово. Проблема была в том, что Ахав не стремился развиваться, как и многих других его влекли пиры, сражения, подвиги. Но поскольку он на какое-то время перешёл на Его сторону, надо было попытаться вытащить его повыше. В притче о посеянном зерне у Христа изображены четыре характера на примере разных почв – сильно утоптанная при дороге, с сорняками, неглубокая с нижележащими камнями, и правильная. Характер Ахава был где-то то ли с сорняками, глушащими здоровые семена, то ли мелкой с камнями, на которых не могло расти ничего серьёзного, только проросло и затем глохло. Разница между этими типами почвы лишь в том, что на одной растение сразу было подавляемо, а на другой хорошо проросло поначалу, даже раньше чем на хорошем месте, но потом без видимых причин засыхало. Наверное, всё же последний тип характеризует этого царя. Но всё же человек не является однозначно определённым к тому или другому типу, он способен меняться, так что надежда была, что так или иначе его интерес к предназначению Израиля останется устойчивым. И всякие обычные дела и обстоятельства, через которые проходил Ахав, как царь или как человек, могли способствовать этому, во всяком случае Бог пытался.

Неиспользованный шанс

Поначалу ему выпала война с сирийцами. В это время в Дамаске правил Венадад второй, сын, родственник или просто преемник предыдущего Венадада. Он был явно сильнее Ахава, он осадил Самарию, позволяя себе при этом пьянствовать и не заботиться о манерах, действуя нагло и высокомерно. К Ахаву пришли послы, чтобы выразить волю Венадада, и они передали ему следующее послание в духе "всё твоё – моё". Ахав в сложившейся обстановке не мог сильно возражать, и он выразил покорность – "всё так – я и всё моё – твоё". Отношения между сирийцами и израильтянами были не то, чтобы сложными, у них были периоды и дружбы, и союзов, и стычек, и вражды. То, что было сейчас, непонятно. Если бы Ахаву удалось предвидеть неожиданный визит Венадада, то может быть этого безобразия и не случилось бы, их армии были довольно на равных, разве что случившийся голод мог сильно ослабить израильское войско. Но сейчас у Ахава было мало возможностей спорить – здесь и сейчас у него было лишь семь тысяч человек, и он надеялся склонить к миру сирийского царя. Своим ответом, выражающим покорность, он признавал вассалитет у Венадада, и на этом всё должно бы было закончиться, Венадад вроде бы добился своей цели. Дальше можно было обсуждать размеры дани и помощь в войнах Дамаска. Те тридцать два царя, участвовавшие с Венададом в этом походе, были как раз подобные Ахаву правители небольших областей и народов, не сумевших остаться независимыми. Однако то ли Венадад был слишком долго нетрезв, то ли настроение его было плохое, но вместо переговоров о подчинённости он прислал послов с наглым и необычным требованием отдать своих детей в заложники, отдать самых лучших жён и часть своих богатств, опираясь на это самое – "всё моё – твоё". Вроде как раз уж согласился на это, то давай теперь делись. Однако так всё же никто не делал, признание проигрыша и согласие подчиниться победителю не означало буквальной сдачи всего и вся, люди воевали по некоторым давно уже принятым правилам. Венадад сейчас беспредельничал и нарушал правила. Ахав, когда ему озвучили, что завтра придут от него люди, чтобы осмотреть его дом и хозяйство, чтобы выбрать, что именно забрать, ответил отказом, чем бы это ему не грозило. Это была чрезмерная наглость, и соглашаться с таким было немислимым унижением. Ахав созвал совещание, прежде чем дать послам ответ, и объяснил своё решение – "в прошлый раз, когда он потребовал от меня подчинения, я согласился, но теперь он на самом деле собирается забирать сыновей и жён и ценности..." Старейшины и князья единодушно согласились и добавили от себя, чтобы царь не соглашался на такое унижение. Выйдя с совещания, Ахав ответил послам отказом, и выглядело это, если читать буквально, чуть странно – "Всё, что ты требовал в первый раз, я готов сделать, а того, что ты требуешь сейчас – не могу". Парадокс в том, что и первое и второе звучат совершенно одинаково, если коротко, то "всё твоё – моё" – золото, серебро, дети и жёны. Оба раза речь идёт о них, только в первый раз это ритуальная формула, и со стороны проигравшего это признание проигрыша, но не бумальный грабёж, а вот второй раз Венадад теряет берега, требуя на самом деле всего этого. Если бы Венадад в самом деле пришёл за жёнами Ахава, то ему нужно бы было брать их с боем, а не требовать так нагло, ещё до битвы, даже если противник был склонен сдаться на милость победителя.

В общем, когда послы пересказали насмешливый ответ израильского царя, Венадад возмутился и поклялся своими богами, что его войску не достанется даже по горсти пепла от Самарии, поскольку у него было много людей. Когда Ахаву озвучили эту угрозу, то он ответил "пусть не хвалится подпоясывающийся как распоясывающийся", аналог "не говори "гоп" пока не перепрыгнул". Венадад, услышав такой ответ, дал команду начинать осаду Самарии.

Трудно сказать, каково было состояние Ахава в это время, на что он надеялся. Были ли у него резервы войска в стране? – думаю да, только оно было где-то, но не здесь, когда оно было нужно. Как я уже говорил, тут было всего лишь семь тысяч, а против них было гораздо большая армия, хотя держать осаду небольшому войску легче даже против превосходящих сил, чем действовать в открытом поле. Однако сейчас на его стороне был Суций, которого он недавно при-

знал и кому служил как мог (возврата в Храм в Иерусалиме не делал и он, хотя есть зацепка, что он всё же, возможно даже с Иезавелью, посещал Иерусалим²⁸, и в этом была немалая возможность перемен). Незаметно, чтобы Ахав надеялся на помощь недавно обретённого Бога, он не спрашивал пророков о том, что ему делать, он просто готов воевать, он любит это дело, как многие цари до него и после. Он надеялся решить дело плохим миром, но пьяный Венадад вёл дела не как полагается. Однако же Бог сам обращается к Ахаву, Ему неприятно, что люди лишь поклоняются Ему и выполняют обряды, Он рассчитывает иметь более тесные связи. Так что к Ахаву неожиданно подошёл один из пророков, посланный Суццим, и сообщил обнадеживающие новости – "Так говорит Суцций – видишь всё это большое войско? Я сегодня предаю их в твои руки, чтобы ты знал, что я Суцций".

Думаю, Ахаву стало значительно легче на душе, после такого начинают по другому относиться к Богу, из неприятных обязанностей Он переходит в категорию жизненно важных вещей... Он знает историю и как Бог вмешивался в жизнь людей, как Он работает, поэтому без долгих разговоров переходит сразу к делу – "через кого" Бог проявит Свою силу? Пророк отвечает – слуги начальников областей. Этим людей насчиталось за две сотни, достаточно, чтобы возглавить отряды и также составить авангард, идущий в атаку первым. Ахав также спросил, кому начинать сражение, и пророк сообщил, что он сам должен быть во главе этого авангарда.

В полдень сборы и подготовка были проведены, и Ахав выступил из города. Сирийцы увидели небольшой отряд, вышедший из ворот Самарии, и донесли Венададу об этом. Тот, не протрезвляющийся ни на час, снова сильно под градусом, скомандовал – "Если вышли за миром, схватите живыми... А если вышли на войну... всё равно возьмите живыми".

То ли сирийцы были деморализованы пьянками царя, то ли заразились нетрезвостью от него и командиров, то ли Бог направлял руки атакующих, но сирийцы падали и падали, ни один не мог отразить наносимого ему удара. Через несколько минут сирийское войско в панике побежало, и Венададу пришлось мгновенно трезветь, насколько это возможно, и спастись бегством. Снова был полный разгром противника, к тому же небольшими силами. Израильтяне немало обогатились добычей, оставшейся от противника, даже колесницами и конями. Ахав был счастлив, ему посчастливилось видеть успех, когда великие силы мироздания на его стороне, его успех был не меньшим, чем у царей легендарной старины. Как воин и командир он ценил высоко эту победу. Сейчас он воочию видел, что Илия не зря старался вернуть их к их изначальному Богу.

После победы к Ахаву подошёл тот же пророк и поведал ему, что через год сирийцы снова придут сюда, и ему стоит подготовиться к их визиту. Он рассказал также о планах и замыслах сирийцев, как в своих языческих и магических предрассудках они пытаются обойти Бога евреев – мол Суцций это Бог гор, поэтому они нас там одолели, а теперь мы пойдём на равнину, и там уже мы будем иметь успех. К тому же они советовали Венададу набрать то же количество войска, коней и колесниц, чтобы условия были те же самые, лишь место будет другим, и всё будет иначе. Сирийцы видели, что в случившемся поражении виноваты божественные силы, если бы силой мерялись только люди, то Самария была бы уничтожена. Кстати, получается этот пророк выполнял функции разведки, доставляя Израилю самые точные сведения о планах противника...

Действительно, через год сирийцы снова пришли в Израиль, и армия евреев, по словам летописца, смотрелась "как два небольших стада коз" на фоне заполнивших землю войск сирийцев, то есть перевес сил был не менее чем десятикратный (похоже, три года засухи очень сильно убавили население страны, так что даже со всей подготовкой Ахав мог собрать вряд ли больше двадцати тысяч человек, тогда как до засухи их армия могла насчитывать раз в двадцать больше). Но израильтяне не спешили унывать, глядя на огромные силы врагов, они помнили как

28 С царями Иудеи они сумели заключить брачные союзы своих детей, и за один визит вряд ли такое делается.

год назад их Бог помогал им, и предвкушали испытать это сладостное чувство победы снова, зная, что пророк Суцего с ними и помощь свыше обещана ещё с прошлого раза.

К царю снова подошёл пророк и передал ему новости из небесной канцелярии – "за то, что сирийцы говорят, что Суций есть Бог гор, а не долин, Я всё это полчище отдаю в твои руки". Неделю войска стояли друг против друга, и наконец битва началась. Было убито сто тысяч пехотинцев Сирии, и ещё двадцать семь тысяч погибли под обвалившейся стеной города, где они пытались укрыться – всё было против этих недобрых пришельцев, и природа, и всякая удача отвернулись от них. Венадад в этот раз, наверное, не пьянствовал, слишком памятным было прошлое поражение, хотя если по совету своих жрецов он должен был сделать всё как в прошлый раз, то должен был по прежнему пировать. Правда, ещё одна перемена была произведена в Дамасской Сирии – видя несогласованность подчинённых Дамаску царей, кто-то всё в том же совещании дал совет сместить царей и поставить вместо них областных начальников, то есть перестроить управление, чтобы было больше единоначалия, так что в этот раз Венадада окружали не тридцать два подвластных ему царя, а простые подчинённые, и пировать с ними могло быть не так интересно. Однако и единоначалие не помогло Сирии. На всём этом они познакомились с возможностями Бога этой земли, и благодаря перевороту, устроенному Илиёй, Суций теперь имел возможность знакомить соседей Израиля с Собой. Пусть через неприятности, но люди делали выводы, что этот Бог чем-то отличается, и очень серьёзно отличается от всех других богов народов. Сами евреи давали мало хорошего примера, но хотя бы минимальное представление о Себе Суций мог дать этому миру. В перспективе, другие народы могли воспринять Его даже лучше, чем сам Израиль, что тоже было в Его планах. И хотя бы отчасти они иногда сбывались.

В Афеке, где погибли остатки сирийского войска, Венадад в беспокойстве метался по дому, видя себе плохой конец, его царствование явно могло очень скоро закончиться. Он пытался придумать что-нибудь, как без армии суметь остаться царём, потому что не имея за собой вооружённых людей трудно отстоять своё право на трон, и видимо он знал многих, кто захотел бы сместить его. Потеря армии, пусть даже не всей, но очень существенной части может привести к большим переменам в стране, а иногда даже и к порабощению страны соседями, из которых редко кто станет помогать в беде, а не воспользуется тут же возникшим преимуществом в живой силе. Впрочем, для того, чтобы переживать о судьбе трона и страны, надо было ещё не быть убитым израильтянами или не попасть к ним в плен, а преследующие были недалеко, правда, не спешили входить в город, где прятались остатки сирийской армии. И тут кто-то из помощников и советников Венадада подал блестящую идею – "Мы слышали, что израильские цари обычно снисходительные и благородные – давай мы пойдём на переговоры, оденемся в оборванцев и с верёвками на шеях попробуем попросить о милости". Венадад ухватился за эту единственную надежду и отправил послов к Ахаву с просьбой о пощаде, хотя сам не пощадил бы поверженного противника. В смысле может быть и оставил бы его в живых, но превратил бы в раба или унизил тяжёлыми условиями. Но сам он о таком не думал, благородство для него было лишь в высказывании фраз, от которых веселились его лизоблюды, в унижении противника. Зато Ахав действительно проявил слишком уж много благородства – когда эти послы униженно передали просьбу Венадада о пощаде, он назвал его своим братом и принял его как дорогого гостя, буквально забыв всё зло и унижения, которые пришлось перенести от этого северного соседа. Венадад, конечно, постарался возместить немалый ущерб, нанесённый сирийцами в прежние годы, вернуть взятые у Израиля города и дать представительство в Дамаске для Израиля, как прежде имели своё в Самарии. Сейчас он создавал союз с Израилем, и этим он укреплял своё положение в Дамаске, теперь его не могли обвинить его противники в потере армии и престижа Сирии у соседей – пусть он потерял армию, но обрёл союзника, который поможет против соседей и те не смогут воспользоваться бессилием Дамаска... Очень хитрый ход, Венадад действительно сумел

прикрыть себя и вывернул своё поражение в победу, и Ахав, кажется, даже не понял, насколько помог своему врагу.

Сущий дал Ахаву некоторый урок, довольно суровый, насчёт заключения таких поспешных договоров, когда стоило сначала посоветоваться с Ним, ведь Его пророки были рядом. Произошло следующее – один из пророков подошёл к другому, и сказал, что нужно, таково распоряжение Бога, чтобы его побили, он потребовал – "бей меня". Тот, кого просили сделать это, отказался. Не все может быть поймут такое поведение, большинство сегодняшних парней, как мне кажется, не отказались бы, хотя без повода в самом деле как-то неловко даже им. Мне точно было бы очень трудно, как и некоторым из моих друзей в нашем детстве и молодости. Но если Бог говорит, то ловко неловко, а надо. Но тот, кто просил ударить, был пророком, и он передал распоряжение Бога сделать это, человек должен был понимать, что это не игра и зачем-то это нужно сделать, Бог зря не просит, и всё же ослушался и отказался. Тогда первый сказал ему, что за отказ выполнить приказ Сущего его убьёт лев, и это случилось практически тут же, едва отказавшийся человек пошёл своей дорогой. Пророк нашёл другого, кто не стал отказываться и нанёс пророку несколько ударов, доведя его лицо до нужного состояния. Больно, но не смертельно для молодого и крепкого организма. Теперь пророк отправился выполнять задание – он стал ждать царя у дороги, зная, что скоро он там проедет.

Когда царь проезжал мимо, пророк, закрывший лицо, закричал к нему о помощи и царь остановился, чтобы выслушать дело. Проситель стал жаловаться на судьбу, что ему в сражении поручили пленника, за которого он отвечал своей головой, правда, мог заплатить и деньгами, но большими. Жалобщик сообщил, что он забыл за делами о пленнике, а когда вспомнил о нём, то того уже не оказалось. Любящий войну Ахав не мог пожалеть такого недотёпу, и он не стал дальше слушать его, лишь подтвердил приговор, сказав, что он сам виноват в случившемся. Он в душе презирал такого солдата, вот только вдруг тот, кто отвлёк его от царских дум своим ничтожным делом, сорвал покрывало с лица, и царь увидел одного из пророков, лицо которого было разбито в кровь и искажено отёками. Дело оказалось не таким пустяковым, как он думал – здесь явно иносказание, ему обрисовали именно его самого... Пророк же, глядя в упор, выдал ему то, что царь только что сам же говорил – ты упустил человека, который был Мною заклят, и теперь твоя жизнь будет вместо его жизни, и твой народ вместо его народа! Ахав, подобно Давиду резко сбитый в своём полёте праведного негодования на картину расхлябанности и беспечности, оценил ситуацию – это он сам тот растяпа... Неужели теперь придётся платить столь тяжко? Он переоценивал свой поступок, что и в самом деле повёл себя как глупец, которым всякий негодяй легко манипулирует, стоит лишь прикинуться бедным родственником. Он, возможно, даже оценил, что своими руками помог серьёзному врагу своего народа, да и его Бог тоже имел серьёзные претензии к Венададу. Что на него нашло, что он стал играть в благородство? Ахав не был безнадежен, он оценил и притчу и положение, как сильно промахнулся после такой большой помощи со стороны Бога. Ему выделили в Дамаске площади, тогда как он, подобно Давиду, мог владеть всем Дамаском и Сирией... Он ругал сам себя, в который раз переоценивая сделанное. Однако же эти черты были очень ценны для Бога, эта работа, которая происходила в Ахаве, была тем, что Он и хотел. Этот человек подавал иногда большие надежды. Поэтому согласно условию притчи, платить жизнью за эту ошибку Ахаву и стране не пришлось, Бог доволествовался "деньгами", в смысле Израилю пришлось терпеть врага в лице Сирии ещё долгое время, и это и было его наказанием.

Виноградник Навуфея

У Ахава в Изрееле был дом на краю городка, и вид из окон очаровывал царя, и ему казалось, что этот вид можно бы было улучшить, сделать ещё красивее, только проблема была в том, что земля за пределами города была с давних пор распределена по жребию, и сделать что-либо с этим участком не представлялось возможным. Можно было попытаться договориться обменять-

ся землёй с хозяином, и Ахав попытался поговорить с тем, кому принадлежала эта земля. В принципе, на некоторое время можно было взять землю в аренду на срок до пятидесяти лет (хотя не уверен, что закон о юбилейных временах хоть как-то соблюдался, тем более в Израиле, отколовшемся от духовного центра и руководства в Иерусалиме, и возможно, что именно отсутствие гарантий возврата земли после юбилейного года беспокоило хозяина земли и привело к отказу), но хозяин и слышать не хотел о деньгах или обмене участками – это была земля его отцов, и этим всё сказано. В самом деле это священное право владеть своей землёй (точнее это не было не владением в полном смысле этого слова, лишь пожизненной арендой, собственником земли Бог называл себя), и с возрастом притяжение к месту только усиливается. В общем, хозяин отказал Ахаву довольно категорично, и благодушно настроенный царь был поражён волной возмущения или негодования от этого человека. Он бы должен был хорошо знать законы, прежде чем начинать этот разговор, но теперь Ахав потерял настроение и аппетит. В этом состоянии он пришёл домой и лёг лицом к стене и в апатии приходил в себя. Об этом доложили его жене, и Иезавель пришла и спросила его о причине такого состояния.

Будь здесь какой-нибудь пророк или духовное лицо, он бы поставил царю на место мозги и выправил бы его настроение, но Иезавель мыслила совершенно иными категориями. Она возмутилась – "что же это за царство такое, что всякий может такое себе позволять с царём?" Она сказала мужу, чтобы он расслабился и отдыхал и пообещала, что этот виноградник скоро будет его. Её гнев и злоба были несоразмерны с произошедшим, гордость часто руководит людьми, которые хоть чуть-чуть приподнялись в своих (или даже чужих) глазах над "другими". Эта гордыня порождает несоразмерные угнетения и разрушения жизней многих и многих, она порождает ненависть ко всем, кто ниже, кто не "заслуживает" отношения как к равному. Последовательнице, хотя вроде и бывшей, Ваала, ничего иного в голову и не могло придти.

Гордость есть та база, что создаёт эксплуатацию человека человеком, она же движет хулиганом и порождает этот характер. Из-за ложно понимаемого достоинства убиты множество молодых людей в расцвете сил, неважно, на сравнительно "честной" дуэли это произошло, или забили толпой за "недовольный" взгляд. Когда кто-то нарушает границы, поставленные из ложной гордости, возникает неприязнь, а часто и ненависть, и это ведёт в пределе к уничтожению кого-то. Множество конфликтов не могли бы зародиться, не культивируй кто-то желание превосходства. Ладно бы было реальное превосходство в способностях и силе, но многие лишь воображают себе, что хоть в чём-то лучше других. Вся гордость, о которой я сейчас говорю, это ложная гордость, не то достоинство, что должно быть у каждого человека, слабого или сильного, красивого и здорового или не очень, и что тоже можно назвать гордостью, но эта здоровая гордость не может унижать гордость и достоинство другого, тогда как ложная гордость отрицает другого, ищет как бы лишит другого достоинства, и лишь когда видит подобную себе гордость и не может напрямую унизить её, соглашается терпеть "равного" себе. В этой области воспитание в русском мире заметно хромает, одних призывов к уважению человека человеком слишком мало для тех, кто привык свысока смотреть на других.

Взявшись за дело, Иезавель решает его способом, практикуемым везде и во все времена – она послала письма к старейшинам Изрееля, чтобы они устроили торжественные мероприятия, причём Навуфей должен был занять одно из первых мест, затем чтобы нашлись нужные люди, которые бы обвинили Навуфея, владельца приглянувшегося Ахаву виноградника, в оскорблении царя и Сущего. Она недвусмысленно просто приказала организовать суд над Навуфеем, и это было исполнено беспрекословно.

Кто-то наивно считает, что лишь в СССР было "телефонное право", но увы, это право сильных возникло давным-давно и распространено на Западе также, как было и в Со-

ветском Союзе. Никакие законы и правовые процедуры сами по себе не могут защитить никого, все они без особого труда обходятся, если есть на то желание и административный ресурс. Гарантией прав человека и справедливости является лишь верность самих людей принципам справедливости. Если человек не осуществляет справедливости, её не будет – законы лишь требуют её осуществления, но если воля человека направлена в другую сторону, то как она будет осуществлена? Со временем, если в обществе нет императива на справедливость, если её высмеивают или пренебрегают ею, если считают её важной лишь для себя самих и своего круга, то обязательно складывается порочный круг взаимоподдержки, когда в этом кругу целенаправленно поддерживаются усилия по разрушению справедливости, при этом множество процедур формально соблюдаются (хотя при проверке решений возникло бы немало вопросов о толковании определений – в узком кругу легко белое назвать чёрным и наоборот), и тогда становится сложно жить и дышать многим. И система власти здесь не при чём, ни политическая система, все они состоят из людей. Как испорченные люди могут извратить любую политическую систему, также точно верные люди могли бы без труда осуществлять справедливость в рамках большинства существующих политических формаций, максимум немного исправляя отдельные процедуры и правила в сторону гуманизации.

Формально говоря, Навуфей был в самом деле неосторожен в своей категоричности, будь он поделкатнее, он бы не расстроил царя настолько сильно, что тот оказался разбит не только морально, но и физически, так что лёг и лежал, переживая такой резкий отказ. Это дало Иезавели повод возмутиться, хотя она также точно возмутилась бы и просто отказом, сколь вежливым бы он ни был, но в таком случае она бы не заметила, что Ахав заметно расстроен. Но в том, как всё получилось, Навуфей мог быть обвинён в нанесении его величеству определённого ущерба, и это было использовано против него по полной. Ложным свидетелям, обвинившим его в оскорблении Ахава, нужно было совсем немного – придать делу вид намеренного оскорбления короны. К нанесению царю оскорбления также приплели и хулу на Бога, потому что он отвечал царю "Сохрани меня Суций от того, чтобы я отдал тебе наследие моих предков". Раз он оскорбил царя, то употребление в тот же момент имени Бога было квалифицировано тоже как преступление. С такими статьями его мигом приговорили к смерти и тут же привели приговор в исполнение. Но кроме самого Навуфея были убиты и его сыновья, чтобы исключить переход имущества к ним, чтобы ничто не мешало передать оставшееся безсхозным имение постороннему лицу. По законам Моисея участок Навуфея должен был отойти ближайшим родственникам, и за отсутствием близких брались всё более отдалённые родственники, так что в конечном итоге его земля просто должна была отойти старейшине этого племени, ведь племя как раз и есть расширенная семья. Но Иезавель конфисковала эту землю в пользу царя и никто не стал возражать, урок с Навуфеем привёл в страх многих, знавших в чём дело, и прежде всего самих исполнителей, старейшин и князей города.

Иезавели сообщили о выполнении распоряжения, и она сообщила Ахаву, что он может идти брать свой виноградник, прежнего хозяина больше нет. Наверное, он догадывался, что дело здесь непростое, зная о способностях супруги плести интриги, но решил не задумываться над этим сильно, чтобы после легче спалось. Он вышел на участок, который так хотел изменить под свой вкус, однако наслаждаться новым приобретением не получилось. Вряд ли дело в одной лишь совести, здесь его ждали. Навстречу ему вдруг вышел Илия с новыми неприятностями – "Ты убил, и ещё вступаешь в наследство? Так говорит Суций – на том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь". Мда, Ахав подумал, что лучше бы было ему окликнуть жену в тот момент, когда она пообещала ему доставить этот виноградник... Ахав с досады скрипнул зубами, ведь чувствовал, что добром это не кончится, и сказал Илие с той же

досадой, не со злобой, но расстроено – "Нашёл ты меня, мой враг", в смысле поймал прямо на месте преступления. Илия ответил тем же – "Нашёл". И продолжил – "Ты предался тому, чтобы делать неверное в глазах Сущего", говоря это тоном учителя, ругающего ученика, который подаёт отличные надежды, но своим поведением портит многое.

Ахав был на грани отвержения, его время испытания было на грани закрытия, и хотя многое могло измениться (и к счастью, изменилось), но в целом судьба его династии была определена, и Илия тут же сообщил ему о намерениях Сущего – "Наведу на тебя беды и вымету за тобой, уничтожу мужское потомство..., как было сделано с домом Иеровоама и Ваасы за оскорбления Меня и толкания страны в грех". Также было уделено особое внимание его жене, что её съедят собаки за стеной города.

Ахав после этого много думал, как так получается, что вроде бы он старался быть честным и открытым, но постоянно получается что-то не так, хотя понятно, что здесь огромную роль играла его жена, без которой он мог бы быть нормальным царём, не хуже всех остальных, не делающего, может быть, всего нужного Богу, но и не делающего ничего плохого людям и стране. Может быть именно потому, что он был склонен выполнять волю своего Бога, рядом с Ним заметны все ошибки и мелочи, которые все остальные израильские цари и не собирались замечать? Иногда и в самом деле это как проклятие – пока человек живёт себе не задумываясь ни о чём, как живётся, то у него всё как у людей, но стоит только серьёзно чем-то заинтересоваться и заняться, как оказывается всё не так. Жил человек и был здоров, а стоило заняться здоровым образом жизни, и вдруг откуда ни возьмись начались болезни – к счастью такие случаи редки, но бывают, на самом деле. Или подобный случай – начал человек "чистить себе ауру", научили добрые люди, как поводов для чистки стало вдруг всё больше становиться, и чем дальше, тем чаще, так что ни на что уже и времени не хватает, и иной раз до психического расстройства доходит. И причины бывают разные – от собственной мнительности до того, что в самом деле есть силы, усиленно начинающие вредить человеку, увлечшимся чем-то важным и полезным. Все, начинающие освобождать свою жизнь от несовершенств, пытающиеся изменить характер и освободиться от чего-то сковывающего их, часто, перед тем, как действительно освободятся, сталкиваются с разочаровывающим переживанием как бы неспособности справиться с собой, когда вдруг начинают замечать множество несоответствий идеалу. Здесь стоит утешить таковых, привести наблюдение из жизни настройщиков музыкальных инструментов – если не собираешься настраивать пианино, и просто играешь на нём, то если инструмент не сильно расстроен, заметны лишь две-три выбивающихся из общего ряда ноты. Однако если начать подстраивать их, дело практически никогда не обходится этими двумя-тремя. Почти на каждой ноте обнаруживаются отклонения от строя (небольшие, но времени занимают куда больше, чем казалось поначалу), так что они удивляются (хотя по опыту уже прекрасно знают всё заранее), почему вначале казалось иначе. Разве только для мастера с музыкальным слухом высшего уровня сразу заметны малейшие отклонения, независимо от его настроения.

В общем Ахав расстроился очень сильно, и всё на себя, не на Бога, не на Илию, и даже не на жену, без которой вообще-то этой истории бы и не случилось. Сам бы он пережил отказ Навуфея и убивать его не додумался бы при всей своей впечатлительности. Он был снова поражён в сердце и впал в ту же апатию, что и в начале этой истории, только теперь Иезавель ему помочь уже не могла, да он и не искал её помощи, только сообщил ей её часть приговора свыше. Не знаю как она восприняла это, однако же вредной быть в дальнейшем не перестала, разве что стала осторожнее. Но то, что происходило с Ахавом, было чрезвычайно ценно Сущему, так что Он особо отметил Илие, которому этот урок тоже был важен, без него он мог бы слишком разочароваться в человечестве и в проекте Бога под названием Израиль – "Видишь, как изменился Ахав? За это Я не наведу бед на него, они произойдут на его сыне".

Союз с Иудеей

Внутренние перемены в Ахаве были серьёзными, я склонен думать, что этот человек вполне может оказаться среди тех, кто в конце времён будут по правую руку Христа, хотя не могу настаивать, в нём всё же не хватало постоянства и серьёзности. Но перемены в Ахаве были очень значительными, и он был единственный царь за всю историю северного царства, кто попытался изменить проклятие Иеровоама, лежащее на его стране с давних пор – он открыл всем дорогу в Иерусалим и перестал бояться влияния Храма. Это можно бы засчитать ему духовным подвигом, едва ли меньшим, чем переходом реки по сухому дну. И к тому же я склонен считать, что Иезавель тоже была за то, чтобы иметь с Иерусалимом прямую связь. Правда, вряд ли для того, чтобы поближе познакомиться с Сущим и Его служением там, а скорее с политическими целями. Она не была человеком Бога и продолжала преследовать только свои собственные цели, которые может быть она не считала враждебными Ему, но Ему они были никак не по сердцу, поэтому в Откровении звучит тема Иезавели как ложной пророчицы²⁹, вводящей в религию инструментарий политики и обмана, когда религия служит целям властей. Это как раз то, за что католицизм и православие были ненавидимы и породили мощнейшие восстания против религии, когда они служили не Богу, а властям, предавая для этого собственные основы.

И католицизм и православие при тех или иных искажениях изначальных порядков всё же содержат в себе достаточные основы, чтобы нести людям то, что они должны нести в мир по планам Бога, но на практике вместо них реализовывался иной порядок вещей, так что вместо здоровья и возрождения человека получалось совсем иное, и в итоге они породили атеизм, это была реакция на их практику. Их фенотип не соответствовал генотипу, управление было всегда перехватываемо другими силами, к Истокам мало кто обращался из них, и корректирующего влияния всегда не хватало. Вавилон назван "матерью блудниц и мерзостей земных, в котором найдена кровь всех святых и пророков". О Вавилоне тоже гадать долго не приходится, Откровение даёт картину двух женщин – одна праведная, гонимая драконом в пустыню, другая же сидящая на звере, который явно указывает на Рим. Реформаторы указывали на Рим с папой во главе как на Вавилон, Лютер же говорил, что "если ад существует, то Рим построен как раз на нём". Русское православие не удостоилось, к счастью, подобных характеристик, однако же разложение общества ко времени революций 1917 года произведено именно потерей церковью её силы, тем что, как указывали многие, она променяла духовное первородство на служение царям и политике, не исправляя язвы общества. Можно сколько угодно читать проповеди простому народу и требовать от него всего того, чего не могли требовать от верхов, но жизнь от этого не может стать лучше, да и всякая проповедь теряет силу, если обязанность праведности не одна и та же у всех. Когда этой церкви, рулившей века и не вырлившей, и бессильной из-за неверности Богу, снова думают доверить руководство обществом, становится жутковато. Сила церкви лишь в её Источнике, но никак не в близости с властью, не в возможностях управлять. Впрочем общество вполне может доверить ей управление, но оно должно быть заслуженным правдой, правдой и ещё раз правдой и божественной поддержкой и авторитетом. Без этого будет новая лазейка для карьеристов, новый негативный отбор, и история бед повторится снова и снова.

То, что сегодняшний мир решил, что можно всего добиться постправдой, то есть созданной и внушённой, поддержанной всеми медиа, картинкой, является злом. Сатанисты решили, видимо, что это их последний и решительный бой, последняя возможность выступить против Бога и всего Его порядка вещей, против правды и добра, возможность установить иное, альтернативное добро, которое как-то сможет работать.

Но если кто-то из них думает, что в самом деле существует другое добро и другое счастье, то они будут сильно разочарованы, поскольку их вождь совсем не пытается построить иное счастье и правду, ему просто нужно разрушить как можно больше имеющегося, и рядовые сатанисты лишь пушечное мясо, массовка для этого. Пока что в отгороженных информационно загонах им удаётся удерживать созданную ими картину мира, но всё же это не прочно, и рано или поздно это рухнет. Пусть голословно, но всё же стоит сказать, что Бог вмешается, и правление сатанистов рухнет, хотя у Люцифера давно уже намечены совсем другие планы, и разрушение прежних даже поможет новым его козням.

В Иудее в это время правил Иосафат, сын Асы, пятое поколение от Давида, весьма разумный и верный человек. Он в чём-то превзошёл даже Давида, он вернулся к практике Самуила, изменившего Израиль, вернувшего народ к Богу, послав по стране учителей закона, которые преподавали законы и правила, объясняя всем желающим то, от чего зависит их благополучие на этой земле. Бог покровительствовал Иосафату во всём, и даже религиозная революция у соседей в Израиле, наверное, как-то связаны с тем, что делал Иосафат. Переход Ахава на сторону Сущего настроил Иосафата на самый восторженный лад и он горячо приветствовал эти перемены. В самом деле вырисовывались довольно радужные перспективы, и в конце концов между ними был заключён союз. Библия не рассказывает деталей переговоров и встреч, только отмечает сам факт заключения альянса между Ахавом и Иосафатом, и такое невнимание к союзу происходило, думаю, прежде всего оттого, что со стороны Иосафата он был поспешен и заключался без Бога, без советов пророков, лишь потому, что Ахав объявил себя, что он тоже служит теперь Сущему. Вряд ли пророки запрещали бы переговоры или союз, но Бог подсказал бы разные тонкости, потому что в Израиле, из-за того, что всё духовное правление было в руках Иезавели, дела шли совсем не так, как надо. То, что там сменили вывеску, ещё вовсе не гарантировало, что Израиль будет выполнять волю Сущего, поэтому Иосафату очень не помешало бы иметь больше информации. Во многом Иосафат был подобен Ахаву, такой же прямой и непосредственный, за исключением, что вся его жизнь была наполнена лучшим содержанием. Они легко нашли общий язык и понимали друг друга с полуслова, они ощущали друг друга братьями и так же и вели себя. Одно было плохо – союз они закрепили междинастическим браком – Иорам, сын Иосафата, взял в жёны дочь Ахава Гофолию. Будь рядом пророк, этого брака бы не случилось, союзы редко бывают крепки этим видом связи, зато Иудее была обеспечена огромная проблема, и все достижения Иосафата, обеспеченные годами обучения народа Пути, были подорваны шестью или семью годами правления дочери Иезавели. Но это было дело будущего, а в данный момент два народа снова действовали вместе, впервые за несколько десятилетий³⁰.

Гибель Ахава

Ахав совещался со своими людьми, здесь находился также и Иосафат, разговор зашёл о заиорданской земле, о Рамофе, который был особым городом, городом убежища, где должны были жить левиты. Когда Ахав заключал союз с Венададом, он почему-то упустил этот момент, хотя Венада обещал ему вернуть все прежде захваченные им города, но на деле до этого не дошло, на слово Венададу, оказывается, не стоило верить. Венадад обманул легковёрного Ахава, сыграв на его излишне бездумном благородстве. И сейчас Ахав обсуждал, что пора бы и самим вернуть этот город. Он спросил Иосафата, пойдёт ли он и его войско с ним в этот поход, цель которого выглядела весьма благородно, и Иосафат без сомнений ответил – "Как ты, так и я, как твой народ, так и мой народ, как твои кони, так и мои кони". Правда, он хоть и запоздало, но всё же вспомнил, что всегда, даже в самых несомненных случаях, надо бы иметь и совет от своего Бога, Который может иметь особое мнение или сообщит что-то важное, что решит судьбу всего за-

³⁰ Из-за неизвестности, произошло ли это в конце или середине царствования Иосафата можно говорить о примерно 70 годах разрыва отношений Израиля и Иудеи к этому моменту. Позже вражда возобновилась.

мысла. То, что он хотел спросить Сущего, не означало, что он хочет сдать назад, уже дав согласие, им обоим нужно было Его присутствие и помощь, и если бы Бог запретил этот поход, они вместе должны были бы отступить от своего замысла. Ахав не имел ни малейших возражений, у него была практически целая армия пророков, и они быстро явились по вызову. Четыреста человек, у которых были какие-то способности, стояли на площади, готовые задать вопрос своему Богу и услышать ответ. Их ответ на вопрос Ахава – "идти ли им войной на Рамоф, был единогласен – "иди, Бог предаст его в твою руку". Иосафат, наблюдающий эту картину, ощущал себя не в своей тарелке, его сильно смущало многое, прежде всего потому, что он, как верный Богу человек, был неплохо знаком с действием Сущего, с Его присутствием, и именно здесь он ощущал немалые различия. Он видел, что эти четыреста человек отвечают едва ли не хором, в то время как всякий пророк имеет свой собственный канал связи с Богом. Конечно, со времён Самуила люди наблюдали совместный экстаз у пророков, но там действие Бога было несомненным, здесь же видна была чужая рука, чуждый дух. Это была рука Иезавели, взявшей шефство над пророками.

Разные народы по разному решали вопрос распределения влияния и власти между духовными и светскими лицами. У каждой стороны были свои соображения, и максимальная власть духовных лиц была реализована римской церковью в Средние века, также в древнем Египте жрецы занимали высокие места в системе управления, во время Нового царства их положение было очень высоким. В Израиле священники не обладали властными полномочиями практически никакими, хотя в судебной сфере считались экспертами, занимая место юридических консультантов. Но были ещё пророки, передающие Его волю, и по положению в обществе могли считаться одними из высших, если судить по тому, что они могли говорить к царям напрямую. Они были посланниками Всевышнего, и могли бы претендовать на какое-то влияние, только Бог им не позволял даже подумать о таком, да и сами они не думали в эту сторону, хотя некоторые из них иногда занимали высшие посты. В поздние времена, ближе к плену, появилось много ложных пророков, тех, кто угождал власти, подстраиваясь под их интересы, но ни один из них не претендовал на какую-то роль в системе управления, они получали свою плату от заинтересованных лиц и знали своё место, будучи далеки от Того, от имени кого пытались выступать. Иезавель в какой-то мере можно назвать государственным, правда, довольно беспринципным и безответственным, у которой государство было ею самой. Талантливая, она не позволяла кому-то превосходить её, поэтому, имея немалые понятия в религиозной сфере, и себя тоже провозгласила пророчицей. Занимая высший пост в стране (она легко добивалась своего, будучи женой царя, хотя главой считался он, но она могла почти всегда управлять им, и на формальности обращала внимания немного), она забрала себе пророческие школы (по крайней мере одну из них) и внесла некоторые поправки в программу обучения. Может быть меняла она совсем немного, но она была одним из учителей, и набрав дополнительных желающих в студенты, со ста человек школа расширилась до четырёхсот учеников, обрела там решающее влияние.

Суть её подхода в том, что раз пророки представляют собой определённую силу в стране и обществе, то они *ответственны* за применение своих способностей на благо страны (читай царя и князей). Будучи язычницей по происхождению, она внесла кое-что из оккультных практик в израильский вариант религии Сущего, в которой реформировано было немного, возврата к законам Моисея, пожалуй, и не было, прогрессом было уже то, что людям разрешили ходить в Иерусалим, но для тех, кто этого не делал, а посещал альтернативные святилища Иеровоама, ничего не менялось. В оккультизме, который пробрался и в израильский вариант религии Сущего, была идея, что Бога можно упротить, уломать, повлиять, если очень-очень хочется. И здесь трудно даже возразить, что-то такое есть и в самой Библии, собственно в истории взаимоотношений Бога с людьми таких случаев немало. Однако всё же пророки большей частью должны были передавать полученное свыше и ни в коем случае не вносить ничего от себя, лишь в ред-

ких случаях, в решительные моменты те пророки, что получали тревожные вести, могли просить о смягчении наказания, и также иногда Бог советовался с человеком. Но Иезавель поставила это дело на поток – она попыталась развернуть пророков в обратную сторону, чтобы они торговались с Сущим, пытаясь всегда добиться более выгодных для страны (или царя) условий. Дело, в принципе, не новое – раз вы там с Ним общаетесь, то послужите стране, которая призвала вас и дала вам образование и положение... Хотя это Он призывал пророков, не по их желанию или требованию, и Он возвращал людей, давая им плоды земли и вскармливая всех их – это страна и народ обязаны своим бытием Ему и служат Ему и отвечают за это. Но эти пророки, хотя их нельзя назвать ложными, потому что они в самом деле могли что-то видеть и слышать, в них было пробуждено или инициировано духовное начало, чего не было в обычных людях, и обращались они к Сущему, не признавая никаких иных богов, но всё же их позиция была такой, что они фактически были чужды Ему. Проблема была в том, что они стали пытаться использовать Бога в своих интересах, извращая суть взаимоотношений Бога и человека.

В общем, Иосафат, глядя на воодушевленную толпу, хором возвещающую успех, сомневался. Он замечал определённую неискренность в этом отряде и готовность угождать даже капризам высокопоставленных заказчиков. Если бы он был знаком со сказкой о золотой рыбке, то наблюдаемое им действие навело бы мысль о сбывшейся мечте старухи. Один из заводил среди пророков одел себе железные рога и уверял Ахава, что "ими он перебодает всех сирийцев" до полного их истребления. Иосафат спросил Ахава, нет ли у них здесь ещё кого-то из пророков, не из этой команды, не воспитанников из школы Иезавели? Ахав тоже имел некоторые сомнения, ощущая, что Иезавель несколько перебарщивает с энтузиазмом её воспитанников, поэтому с пониманием отнёсся к просьбе царственного собрата, и велел позвать Михея, только предупредил Иосафата, что это неудобный человек, которые лично ему всегда говорит неприятные вещи. Понятное дело, Ахав был на грани – имея очень немалые шансы быть на праведной стороне, он был под большим влиянием жены, да и сам был слишком беспечен, легко смотря на жизнь и забывая многие важные уроки. Поэтому Михей всегда описывал ему его опасности, над чем надо работать, и ему это воспринималось как неприятности. Однако Иосафат посоветовал другу расценивать нелюбимые вещи от пророков более серьёзно, но не стал углубляться в эту тему и, пожалуй, зря. Вскоре пришёл Михей, и когда Ахав его спросил, идти ли им на войну за Рамоф, тот ответил теми же словами, что и предыдущие пророки – "иди, будет успех, Сущий отдаёт его царю".

По дороге царский слуга не преминул намекнуть ему, чтобы его слово было в согласии с пророками Иезавели. Наверное, это было это давлением, хотя явно царь не давал полномочий на это посланнику. Михей отреагировал как положено – "Что скажет Сущий, то и отвечу", но всё же сам факт пожелания, что хочет услышать человек от Бога, довольно странен. Это говорит о немалом падении нравов, о деградации высших понятий, о низведении Бога на уровень слуги, обязанного выполнять волю царей. Бог в самом деле служит всему Своему созданию, и куда больше, чем люди ожидают от Него, только всё же быть автоматом желаний Он не мог, Он предлагает симбиоз, а не паразитизм...

Сейчас, стоя перед царями, он выдал им то, что Бог ему не говорил, но в самом деле вроде как последовал совету подавляющего большинства, однако сделал он это настолько вызывающе, пародируя пророков Иезавели, что Ахав, зная его, увидел в этом явную насмешку. Он не то, чтобы взорвался, но потребовал от него быть собой, настоящим, и сказать именно то, что услышал от Сущего, а не повторять заказные вещи. И Михей выдал. То, что в этот день произошло на площади Самарии, я считаю вершиной, пусть не единственной, но одним из самых замечательнейших событий в Библии, и значимейших откровений Бога людям. Человеку было дано заглянуть в реальность жизни небес, в то, что происходит не просто на совещаниях у Бога, а как там решаются запутанные дела Земли, а именно судьба самого Ахава.

Сначала Михей сказал то, что от него привыкли ожидать, "плохое" пророчество о смерти Ахава – "все рассеяны по горам, как овцы без пастуха, и Суций сказал по их поводу, чтобы они шли по домам, у них нет начальника". Ахав повернулся к Иосафату и показывая на Михея, сказал – "Что я говорил? Видишь, он никогда не говорит обо мне ничего хорошего, а только всё плохое"... И в этот момент что-то изменилось, Бог переменял Свои планы и раскрыл Себя с другой стороны, Михей получил распоряжение раскрыть то, что ему было показано, но что он должен был держать в секрете от людей. Бог не хотел, чтобы о Нём и Его людях, самых верных и честных, говорили так, как Ахав, что от Бога и Его людей никогда ничего интересного и хорошего не приходится ожидать! Ради этого Он позволил людям заглянуть буквально к Себе на кухню... Ведь прежде, когда Михей говорил "плохое", то это не были пророчества о бедах, будь это так, Ахава уже бы не было в живых, нет, Михей произносил обличения и советы, как надо было делать. Царям такие вещи не нравятся, как и обличения в грехах и ошибках. Он ставил виноватым пророка, хотя всего лишь перекладывал проблемы с больной головы на здоровую. И сейчас, когда Ахав вроде как подтверждал свои обвинения на настоящего, в отличии от всех остальных послушных прислужников Иезавели, разменявших свои дары и способности к общению с Богом на ничтожные награды и службу второстепенным интересам ошибающихся людей, пророка, Бог вступился за Свою честь и избавил честного Иосафата от лишних сомнений о Себе. Суций не тот, кто несёт плохое человеку и обществу! Ради этого Он позволил Михею рассказать остальное.

Все, находящиеся там, внимательно слушали, и пророки Иезавели особенно, хотя бы потому, что говорил Михей чрезвычайно интересные и необычные вещи. Он описал Бога, сидящего на троне, и рядом с Ним было большое собрание небесных жителей. Суций задал всем присутствующим вопрос, вряд ли потому, что Ему самому было трудно его решить, сколько давая участвовать всем другим. Задача была следующей – Ахаву пришло время оставить наш мир, он был, может быть, в самой своей лучшей духовной форме, у него был шанс попасть в это высокое собрание равноправным участником. Если он будет жить дальше, то его состояние наверняка изменится, и его шансы на спасение резко снижаются, с Иезавелью и её влиянием на религию Израиля он не справится. Но при этом с такой армией пророков, не только тех, что под влиянием Иезавели, но и Илий и тем же Михеем, они будут знать, что в Рамофе его ждёт смерть, и не пойдёт туда. Ведь пророк получает ответ на свой вопрос, и это сразу бы стало известно, так что надо было как-то дать ответ и при этом чтобы люди не поняли его смысла. Проблема в том, что если Ахав будет оставаться в живых, то Иосафат и храм могут попасть под влияние Иезавели, она бы всё больше набирала силу, и уже только для того, чтобы изолировать эту женщину с огромными амбициями, стоило лишить её опоры в виде мужа. Без него, став вдовой, она не сможет управлять другими. Увы, из-за слишком тесных связей через брак царских детей, она получила слишком большие возможности, и Ахав был обречён. Так что Суций искал решение этой деликатной проблемы, и совещание у Него проходило примерно также, как это бы шло у многих царей, президентов и парламентов. То один, то другой, выходили и предлагали варианты и способы, но везде находились слабые места. Но один из жителей неба сумел просчитать лучше других, его предложение звучит немного странно для небес, но лишь потому, что изложено слишком коротко. Вкратце он предложил стать ложным духом среди пророков Иезавели, и это решение Суций признал как рабочее. Он уполномочил этого ангела осуществить его, и в данный момент Михей выдал Ахаву и всем прочим слушателям тайны небесного двора.

Использовал ли Бог ложь? Чем было предложение этого ангела? Был ли это дьявол, снова оказавшийся среди небожителей? Некоторые как раз так и думают, но это ошибка, это не был Люцифер, но этот ангел просто хорошо разобрался в существующем вокруг Ахава положении вещей и сделал ставку именно на влияние Иезавели. Каким оно было? Она, как и Самуил и Илия, учила молодых людей раскрывать духовный потенциал, происходило то, что в христи-

анские времена называли "крещением Духом". В таком пробуждённом состоянии почти всякий становился пророком, и учила в дальнейшем пользоваться этим каналом, но не для выполнения воли Бога, а, как уже говорил, для использования Бога в корыстных целях, хотя и прикрываясь государственными интересами. Да, эти люди имели способность слышать голос Бога и какие-то ответы получали от Него, но вот ложная ориентация, преследование не Его интересов, было отступлением от Него и делало их отчуждёнными от настоящего света. В таком состоянии они теряли нечто, что Христос называл "быть от истины", когда сказал "всякий, кто от Истины, слушает голос Мой". Много ли можно узнать, если задаёшь кривой вопрос? Именно на эту кривизну душ и рассчитывал тот ангел, чей совет Сущий принял к исполнению. Так вот, эти пророки спрашивали, идти ли на Рамоф, и ничего больше. И положительный ответ толковали как то, что поход будет безопасным для царя, а также и успешным. Странно, но никто из этих четырѐхсот человек не подумал уточнить запрос, у всех мозг был как бы отключен, все они горели желанием дать царю положительный, благоприятный ответ, и никто не хотел углубляться, хотя простейшие правила исследования просто-таки требовали, чтобы запрос уточнялся. Нет, их собственная установка делала их слепыми и глухими, они не хотели ничего больше знать – так проще. То, что их много, делало их только ещё более уверенными в себе и в том, что они говорят. Если бы хоть один из них уточнил – "хорошо, идти можно, а будет ли там безопасно?", и весь план небес рассыпался бы. Так что этот ангел не лгал, лживость была не в ответе небес этим пророкам, а в их собственном вопросе. Ответ формально был тот, который они хотели услышать, абсолютно адекватный вопросу – они спросили только о том, можно ли идти, и кто виноват после этого?

И вот Михей всё это раскрывает, а что же Ахав? Помогла ли ему эта дополнительная информация? Ведь ответ Михея объяснял и дополнял то, что говорили остальные, он не противоречил уже сказанному – да, идти на Рамоф можно, никто особо не пострадает, только лишь один царь погибнет, и всё. То, что Бог вдруг раскрыл карты, было удивительно, однако же никто почему-то не оценил этого, и Ахав, вокруг которого разыгрались эти страсти, не поверил. Ему только что предложили жизнь, Бог буквально на ходу переиграл Свой план и, раскрыв Свой замысел против Ахава (эта смерть не была бы его окончательной гибелью, Бог пытался сохранить ему будущее, но люди воспринимают часто это по своему...), дал ему возможность продолжать жить. После этого откровения Ахав больше уже не мог говорить, что человек Божий говорит о нём только плохое... Именно ему, Ахаву, были раскрыты тайны божественного двора, то, что прежде никогда не раскрывалось, подробности, обычно остающиеся за завесой, но кто это оценил, эту торжественность момента? Такого не было ни с Давидом, ни с мудрецом Соломоном, но царь проявил тупое безразличие. За такое пренебрежение Ахав получил своё, ничего не изменилось – он упрямо пошёл напролом и получил именно то, что Бог и хотел, но теперь уже как отступник, глупый и самонадеянный до безумия. Такая первая в истории перемена намерений Бога и раскрытие Себя людям не была оценена, а ведь это могло стать правилом, в Израиль Бог мог вернуться с огромным обозом многих и многих чудес и прочих привилегий, в сегодняшней литературе выразились бы о замечательных "ништяхах", однако Ахав и прочие с ним бездарно потеряли свой шанс. Время чудес во время Илии и Елисея, конечно, на этом не закончилось, но последующие проявления сил и чудес уже ничего не решали и не смогли перемагнитить настрой общества на деградацию духовности.

Ахав, в первые моменты видимо сильно впечатлѐнный откровенностью Бога, какое-то время колебался. Он должен бы был принять во внимание очевидную опасность для жизни, и то, что ему, раскрыв и этим аннулировав прежний замысел, предложили начать всё заново и уже серьёзно заняться преобразованиями в себе и обществе. Но уже накатанная колея жизни, ведь вроде бы он уже и так служит Богу, пусть и не в полную силу, подтолкнула его не отказываться от похода, уже подготовленного, да и не скажут ли люди, что он испугался? Пророки Иезавели, наблюдавшие за ним, видели, что он не принял предлагаемое ему через Михея, и дух, который

ими двигал, начал действовать, поворачивая Ахава и других в противоположную от Бога сторону, чтобы скрыть, убрать ту славу, что приоткрылась им сейчас с небес. Седекия, один из главных пророков Иезавели, подошёл к Михею и ударил его по щеке, ревниво оскорбившись тем, что такое удивительно откровение достались не ему. Ударив, он спросил – "Это как, неужели от меня отошёл Дух Суцего, чтобы говорить в тебе?" Это была зависть и злоба откровенно низкого человека, и это действие, насыщенное влиянием дьявола, изменило ситуацию – очарование неба исчезало, и иное настроение овладевало всеми, кто не открылся всей душой влиянию картины, нарисованной Михеем. Удар не был на поражение, только оскорбительным, Михей не стал никак отвечать на пощёчину, ответил только словами, зато более опасными. Опасность была не от него, он не мстил, Седекия навлек на себя гнев Суцего своей низкой завистью – "Ты увидишь это, когда будешь бегать из комнаты в комнату, чтобы спрятаться". Ахав может быть не делал выбор в сторону тьмы, но он не выбрал и свет, и этого было достаточно, чтобы упустить свой шанс, и общее настроение, распространяемое Седекией и остальными его коллегами, овладело им. Он выставил Михея оскорбителем царской персоны и велел арестовать его до своего победного возвращения из Рамофа, надеясь, что это как заклятие, "до возвращения", позволит ему в самом деле вернуться. Но это было простым суеверием, которое противостояло божественному откровению... Михей на этот приказ об аресте заявил во всеуслышание, что если царь вернётся живым и здоровым, то значит его слова были не от Бога.

Так цари Ахав и Иосафат со своими отрядами пришли на место. Ахав любил сражения, и он решил замаскировать себя, одевшись простым воином, чтобы поучаствовать наравне с остальными, ощутить себя в привычной стихии. Иосафата же он попросил остаться в царских одеждах, но он не знал, что этим подвергнет собрата большой опасности. Оказалось, что сирийский царь дал приказ уничтожить именно его, Ахава, направив силы многих на него, Ахав не знал об этом. Когда началось сражение, многие колесницы направились против Иосафата, посчитав его царём Израиля, он один привлекал внимание царскими одеждами и доспехами. Оказавшись в большой опасности, Иосафат закричал, прося Бога помочь, и те, кто хотели поразить его, вдруг увидели, что это совсем не Ахав, так что потеряли к нему интерес. Они имели конкретное задание и отправились на поиски настоящего царя Израиля. Между тем беда пришла откуда не ждали, кто-то случайно выстрелил из лука, причём выстрел был ненамеренный, с руки сорвалась тетива и стрела ударила Ахава между сочленениями доспеха. И кто выстрелил, непонятно, свои или сирийцы, Библия опускает эти сведения. Рана сама по себе не была опасной, если бы ему могли оказать помощь сразу, не было бы никаких проблем, но в разгаре сражения колесница не могла покинуть поле боя и Ахаву пришлось до вечера стоять на колеснице. Он умер из-за потери крови, а не от раны. Будь рана серьезнее, он бы не смог стоять в колеснице и пытаться как-то отмахиваться от врага, тогда его хотя бы как-то могли попытаться эвакуировать, но рана не сильно ограничивала его, так что он, обнаружив, что может двигаться, думал, что обойдётся. Вечером, когда бой утих, по лагерю было объявлено предсказанное Михеем – войска распускаются и война отменяется, все по домам. Рамоф Галаадский остался во владении Сирии. Священные цели защищаются в соответствующем духе святости, в контакте с Небом, а не с гордостью и самонадеянностью, что Бог обязан помогать только потому, что делается вроде как для Его славы. Лозунг "для вящей славы Божьей" не может достигаться негодными средствами, что бы по этому поводу ни говорил Игнатий Лойола и его последователи...

Тело Ахава привезли в Самарию и похоронили его там. Колесницу, в которой скопилась его кровь, отмывали в пруду, и собаки лизали эту кровь, как Илия предсказывал ему, что как псы лизали кровь Навуфея и его сыновей, так они будут лизать и его кровь. Увы, Ахав, на долю которого выпали, пожалуй, самые сильные и яркие чудеса, величайшие откровения всех времён, не оценил этого, и оставил своё имя для обозначения отступников и неверных, ненадёжных людей,

хотя иногда был очень близок к тому, чтобы встать в один ряд с Давидом и другими лучшими людьми своего народа.

Израиль. После Ахава – Охозия и Иорам

Охозия, сын Ахава, правил лишь два года, став царём после отца. Он не продолжил дело, которым занялся Ахав после переворота, устроенного Илиёй, при нём начало возвращаться язычество, впрочем он не занимался насаждением и язычества, просто плыл по течению. Идти открыто против Сущего и Илии с Елисеем он не смел, однако сам склонялся к служению Ваалу, и глядя на него, многие возвращались к язычеству. Люди рассуждали просто, также точно, как делают до сих пор множество так называемых "простых людей", то есть тех, кто не собирает знания и не стремиться лично разобраться в том, что его волнует, а полагается на остальных – раз при том, что Сущий является настоящим Богом, наш царь придерживается другого бога, то, наверное, так тоже можно... В таких случаях можно перефразировать поговорку – "люди ни на что более уверенно не полагаются, как на "наверное"". Охозия рос как раз в те времена, когда произошли большие перемены, но видимо его интересы были слишком далеки от вопросов истины и правды, так что даже свежесть восприятия не помогла оценить по достоинству эти вещи. Он продолжал сохранять союз с Иосафатом, но тот, наученный опытом, уже старался держаться от него подальше. С Охозией произошла неприятность, он упал с крыши и слёг из-за серьёзной травмы. Часто такие ситуации пробуждают серьёзность в человеке, и Охозия не был исключением, он задумался о своём будущем, и понимал, что может не выжить. Однако же узнать, выживет он или нет, он почему-то решил спросить у филистимского Веельзевула из Аккарона. Может быть он считал невежливым обращаться к Сущему, гораздо более сильному даже на его взгляд, божеству, потому что знал свою вину перед Ним, что не является Его верным последователем, поэтому не считал возможным после того, как отвергал Его всю жизнь, при угрозе жизни идти к Нему – это выглядело вроде как бесчестным. Такое настроение делало бы ему честь, однако с другой стороны это означало, что он не собирался вообще иметь с Ним дел, он хорошо знал, что Сущий принимает кого угодно, если человек понял свою неправоту и раскаивается, сожалея о сделанном неправильно. То есть Охозия, зная силу Сущего и что это на самом деле реальный создатель всего, и ладно бы сильный, но ведь ещё и Бог праведности и добра, но и это не привлекало Охозию, он находил остальных богов более приемлемыми для себя, с которыми можно делать дела, не одобряемыми Сущим, и быть довольным собой. Наверное, всё же именно здесь была грань, отделяющая его от Бога. А предсказать будущее могут даже ненастоящие боги, это знали все вокруг, языческие жрецы имели широкую практику оккультизма (хотя пророки Сущего им не уступали по эффективности), поэтому Охозия так легко, через голову обратился к нижестоящему богу, пренебрегая более сильным и лучшим...

Сущий, глядя на такое вызывающее поведение, причём перед лицом серьёзной опасности для жизни, не остался в стороне. Илия пошёл навстречу посланникам Охозии и развернул их обратно к царю. Они должны были передать ему ответ, ради которого он послал их к филистимлянам – "Разве нет Бога в Израиле, что ты посылаешь спрашивать Веельзевула аккаронского? За это ты не встанешь с постели, на которую лёг". Ответ сам нашёл их, и гораздо ближе и быстрее, чем они ожидали, и при этом сказанное подразумевает, что обратись Охозия к Сущему с тем же вопросом, он бы мог жить. Как ни старался Охозия держаться подальше от строгого и запрещающего некоторые удовольствия Бога своей земли, этот Бог не стремился оставить этого неразумного человека без хотя бы последнего шанса. Не доходило через голову, пришлось помочь понять через другие части тела. Конечно, и это не всегда срабатывает, но всё же, вдруг получится, и ведь сам будет себя винить потом, когда разберётся, что бегал от Него по глупости. Раз родился в Израиле, значит не судьба жить полностью без царя в голове, даже если этого очень хочется, придётся так или иначе задуматься. И если так уж хочешь вопроки разуму сделать по своему, что ж, тебе пытались объяснить, и не жалуйся потом, не скрипи зубами, сам выбирал.

Христос выражался о времени Суда, что "там будет плач и скрежет зубов". В детстве, читая эти слова, я думал, не зная жизни, что это от боли, и по инерции так продолжал считать некоторое время. Но потом понял, что когда скрипят зубами, то это происходит от осознания промаха. И чем сильнее лоханулся, тем сильнее скрежет зубовой. Речь, конечно, не о промахе в выстреле по цели, хотя и здесь тоже такое бывает, а когда расчёт оказался неправильным, когда надеялся обогнать, обмануть, перехитрить других, и особенно, когда надеялся, что чьи-то предупреждения ты сумеешь обойти, что именно с тобой этого не случится, потому что ты сумеешь, ты сможешь. Думал, что твои соперники простофили, ограничивая себя в чём-то, а ты обгонишь их, успеешь погулять в своё удовольствие, и обогнать в знаниях или умениях, или в устройстве на хорошее тёплое место.

Гонцы вернулись неожиданно быстро, и Охозия удивился их возвращению, однако же они уже имели ответ на его вопрос. Они рассказали ему, что их встретил некий человек (видимо к этому времени Илия уже нечасто появлялся в свете и среди обычных людей), и что он им велел передать пославшему их. Охозия не проявил какой-либо реакции, видимо уже был готов к уходу, однако же хотел знать, кто был тот пророк. По описанию он узнал Илию, и если к Сущему он не стремился приближаться, то эта личность его всё же интересовала, это была живая легенда его страны, и ему захотелось немного пообщаться, и может быть из этого получится что-то интересное. Однако же он сделал ошибку, может быть даже и небольшую в своих глазах. Он привык, что царь распоряжается иной раз даже жизнью своих подданных, и несколько забылся на счёт пророков Всевышнего, поэтому просто велел разыскать и привести к нему Илию. Однако здесь возникли трудности, даже трагические для исполнителей.

Место, где проводил время Илия, найти сумели, люди знали много, только нужно спросить нужных людей. Но когда полусотня военных пришли к холму, где сидел Илия, занимаясь созерцанием и, видимо, медитацией³¹, то дела пошли плохо. Они потребовали от него – "Человек Божий, тебя царь требует, пошли!" Они передали ему именно приказ царя, не просьбу, и это было невежливо по отношению к тому, кто сводил с неба огонь, кто заставил царя развернуть религию страны, кто объявлял приговоры, хотя и не от своего имени, но всё же... Илия повернул разговор в другую сторону – "Если я человек Божий" – имея ввиду, что если я пророк, которого вы хорошо знаете и слышаны о его силе и вообще его полномочиях, то не надо так с ним разговаривать – "то пусть сойдёт огонь с неба и сожжёт тебя с твоим отрядом". Поскольку он был в самом деле пророком, то в дело вступила и вторая часть его высказывания – с неба сверкнула молния или же что-то того же рода, только не так быстро, и от этих людей остался лишь пепел.

Охозия, не получив никакого ответа и не дождавшись посланных, которые просто исчезли, не надумал ничего лучшего, как повторить попытку. Следующий отряд проявил то же неуважение к пророку, в нём не нашлось разумных людей, и с ним случилось всё то же самое, в тех же словах и их последствиях. Если бы Илия пошёл с ними так, как они его позвали, по требованию царя, то он бы отдал себя в их руки, и это могло быть опасно, кроме того, что неразумно. Кто знает, что могло придти в голову отчаявшегося царя, который мог решить, что ему обидно страдать одному, и мог бы изобрести какие-то поводы считать себе приговор, переданный Илиёй, оскорблением царствующей особы. Сильные мира сего обычно стараются поставить все возможные силы себе на службу, и если этого не получается, то опасаясь всего, что сильнее их, могут попытаться уничтожить это, чтобы избежать возможных проблем в будущем – по крайней

31 Для довольно многих христиан фундаменталистского направления это слово является очень нехорошим (отвращаясь всякой тени оккультизма, не все разбираются в значении слов), однако же их англоязычные братья их не поймут – там, где в русских переводах Псалмов Давид глубоко размышляет, в английских переводах Библии он медитирует...

мере о таком подходе пишут многие, и я не вижу причин полностью отвергать такое видение дела.

Когда бесследно исчез и второй отряд, многие задумались. Охозия же не хотел ничего слышать и всё требовал привести к себе Илию, и, не имея возможности отказать царю, военные люди обратились к Илие с должным уважением – когда третий отряд пришёл к холму, где находился Илия, командир упал на колени и просил его пойти с ним к царю.

Может ли одиночка, сколь угодно сильный, сопротивляться системе? Обычно знающие люди отвечают на этот вопрос "нет". В самом деле, если за дело возьмутся специалисты, то даже чтобы выжить, пошедшему против воли верхов придётся прятаться очень далеко, и вряд ли это даже получится. Однако же при этом упускается фактор Бога, у которого под рукой Его сила и сверхспособности. Даже все ресурсы объединённой Земли не смогут нанести ущерб тому, кого Он захотел бы защитить. То, что Илия сделал с двумя отрядами вооружённых людей, могло произойти и с целой страной, да и уже происходило, так было с Содомом.

Наверное, всё же были свидетели переговоров солдат с Илиёй и чем они закончились, но даже если и не было прямых очевидцев, в последующие дни кто-то приходил на это место и видел пепел и обожжённые пятна на земле, и делали правильные выводы. Неудивительно, что третий командир разговаривал с Илиёй со всем уважением, удивительно только, что ещё второй не догадался сменить тон и погубил своих людей. Теперь, когда люди осознали расстановку сил, Илия мог пойти к царю и удовлетворить его любопытство, впрочем, при отсутствии здравых начал и нежелании смиряться перед здравым смыслом, Охозия скорее получил дополнительные проблемы. Ангел, бывший с Илиёй, сказал ему, что теперь он может идти с этими людьми, и он пошёл. Придя к постели царя, он повторил те же слова, что за попытку спрашивать Веельзевула и пренебрежение к Пути живого Бога и к Нему самому он умрёт и не встанет больше с этой постели. Не знаю, после этого были ли или остались ли какие-то вопросы у Охозии, ради которых он посылал к нему солдат, и снизошёл ли Илия, чтобы удовлетворить его праздное любопытство. Я говорю о праздном интересе, теоретических вопросах, которые могут быть вполне важны сами по себе, но они не отвечают как правило никаким практическим нуждам человека, его первоочередным, жизненно важным вещам, от которых зависит, есть ли у него завтрашний день. Это не о учёном, работающем до последнего дня над важными для него вопросами, которые тоже могут не иметь прикладной ценности в его время, но о тех, кто ищет что-то развлекательное, "красивое" где-то вне, вдаль, не зная и не замечая ценностей рядом с собой и даже внутри себя, к кому относился и Охозия, проведший жизнь в чём-то пустом и разлагающем. Будь его вопрос или вопросы действительно важны и содержательны, он бы получил на это ответ. Есть какое-то соответствие и перекликание между тем, что зажигает интерес в науках и искусстве на всю жизнь и вещами, которыми занимается религия, но те, кто избегает вопросов морали и правды, обычно далеки и от науки и знаний. Как правило. Это всё к тому, что человек не может жить в полсилы, от него ожидается стремление к максимуму, к богатству наполненности души и разума, и отсутствие интереса к высшему развитию ведёт к обеднению и одновременно к сниженной нравственности.

У Охозии не было сына, поэтому после него на трон взошёл его брат Иорам. В это время в Иудее царствовал тоже Иорам, сын Иосафата. Видимо так дружили Ахав и Иосафат, что и сыновей назвали одинаково.

Уход Илии с Земли

Илия достиг многого, может быть можно сравнивать его с Моисеем, и неизвестно, кто оказался бы сильнее или заслуженнее. Он также показал, каких результатов могла достигнуть работа Самуила, на Илие это было ярко видно, и он был достоин своего предшественника, именно

ради таких целей Самуил жил и работал. Илия добился того, чего даже не всякий царь мог добиться со всеми его возможностями и ресурсами, а здесь был человек из глубинки. Его могущество было очевидно, никто на Земле уже не представлял, как бы ему можно было повредить, кроме как помешать ему в его деле. Даже современные средства поражения были бы бессильны, если и огонь терял силу из-за охраняющих его сил. Об этом не говорится в Библии прямо, но можно подумать, что он перерос реальность, существующую на Земле. Такие достижения, особенно проявленные в больших и значимых переменах в обществе, приложенные в правильном направлении, Бог не мог оставить без награды, чтобы и последующие поколения имели хороший пример. В небе уже жили два человека, и Бог собирался добавить к ним ещё одного, сделавшего много и добившегося многого.

Уход этого пророка в небеса заставляет задуматься о грани, после которой человеку открывается свободный доступ куда-то выше. Готовность характера, зрелость нужных черт, выкристаллизованность и доведение до полной готовности праведности, полная победа над тем, что называют искушениями? Как далеко можно продвинуться в совершенствовании и сколько нужно для того, чтобы тебя забрали на небо (фактически это те самые иные миры, только не из фантастики)? Это только вопросы, готовых и полных ответов, пожалуй, не знаю, хотя как будто и не сложно.

Кстати, о свободном доступе, не просто к Богу – к Нему все люди имели и имеют доступ всегда, даже грешные и сколь угодно грешные, ведь всех нас там слышат, видят, знают и помнят, и даже любят, хотя вознаграждают в конечном итоге всё же по делам, также стараются просветить по мере нашей открытости и готовности учиться, и помогают, хотя не всегда так, как кому-то бы хотелось. Но я говорю о возможности соответствовать Его требованиям, так чтобы когда та дверь открылась, ты не был там чужим, о таком доступе для всякого человека Пётр выразился однажды, что всякому, идущему описанным им путём, гарантирован "свободный вход в царство Бога". Он говорил о широко известном пути совершенствования и развития характера, называемом "лестницей Петра"³². Когда человек начинает этот путь, ему трудно, но затем, даже если испытания ужесточаются, становится легче, лишь бы не прекращать продвижение. В древние времена люди были поустойчивее, то есть таких метаний и раздвоенности было намного меньше, в те времена были неизвестны слова "это сильнее меня". Первоначальное здоровье не позволяло настолько терять самообладание и контроль за мыслями и поведением, хотя развивающий себя в направлении разболтанности мог и преуспеть, искусственно выработав нужные для такого дела привычки и навыки. Постепенная деградация природы человека, деградация самой природы и прочие последствия зла довели человечество до умножения болезней, и в Средние века появились массовые проявления ограниченной способности человека управлять собой. Разумеется, не только физическое нездоровье было причиной такого прискорбного положения вещей, но и испорченное христианство, искажённые программы функционирования общества. Но это в какой-то мере можно исправлять, хотя бы отчасти вернув человеку возможность идти к цели более твёрдо и устойчиво. У многих людей способность к самоконтролю похожа на ситуацию с шариком, который пытаются удержать на вершине шара или выпуклой поверхности – малейшее движение, и шарик скатывается с вершины... Однако же даже для начинающих на Пути на помощь приходят те влияния, о которых говорит Пётр – божественные силы, превращают выпуклую поверхность под шариком нашей воли в её противоположность – вогнутую поверхность, где шарик находится в покое в самом выгодном для себя поло-

32 2Пет.1,3-11 "Поскольку божественной силой нам дано всё необходимое для ... благочестия, ... великие и ценные обещания ... чтобы через них вы стали участниками божественной природы..."

жении, и вывести его из этого устойчивого состояния сложно, он всегда будет склонен возвращаться, тогда как с выпуклой поверхности он самым естественным образом скатывался вниз. "Идущие этим путём, даже и неопытные, не заблудятся"³³.

Возможно, что сам Илия ещё не был в курсе своего переселения в иной мир, однако Елисей и другие ученики пророков были извещены о том, что его скоро не станет. Не исключено, что они узнали об этом раньше самого Илии, по крайней мере параллельно с ним. Наступил момент, когда в дороге он сказал Елисею необычное для себя – чтобы Елисей, который всегда был при нём, зачем-то остался на месте. Когда-то он призвал Елисея, и с тех пор вряд ли было время, когда он не брал его с собой, и вдруг теперь Елисей вроде как становится не нужен. Лично у меня этот момент пробуждает воспоминания детства, когда самый младший член компании не был интересен старшим и они, особенно когда хотели заняться чем-то интересным для себя, но не тем, что полезно детям (большой частью им было просто неинтересно со слишком маленькими), старались избавиться от меня. Это было так разочаровывающе, и так приходилось упрашивать и пытаться пролезть, куда меня не хотели брать... Если это удавалось, я был счастлив. На месте Елисея, после стольких лет службы и верности, я бы, пожалуй, сильно огорчился и в самом деле мог оставить его в сердцах, мне бы это показалось пренебрежением, тем, что меня посчитали недостойным каких-то секретов. Но Елисей был покрепче, и прежние уроки от Сущего не позволили ему унывать, напротив, он стал только настойчивее в том, чтобы быть готовым к чему-то, с чем они ещё не сталкивались. К счастью, Илия со своей стороны не был жёсток в своих предложениях оставить его, не демонстрировал пренебрежения, не та школа... Но он повторял своё предложение в каждом месте, куда они приходили после очередного путешествия. На дороге из Галгала в Вефиль, в Вефиле, потом в Иерихоне – везде Илия предлагал Елисею остаться, как будто ему он больше не нужен. И правда, он уже знал, что он уходит с этой земли, и что Елисей продолжит его дело, и что работа Елисея будет уже другой, не такой, как у него. От того, будет ли Елисей рядом с ним, будет ли свидетелем его переселения, в какой-то мере зависело то, насколько успешным будет он в дальнейшем. Но Елисей был настойчивым, и на предложения отделиться отвечал клятвенными словами – "жив Сущий, не оставлю тебя". Таким образом они добрались до Иордана, где Илия проявил, насколько для него стала обычной реальностью действительность иных сил, обычным людям недоступных. Во всех школах, которые они посетили в рамках последнего путешествия Илии, молодёжь подходила и Елисею, и тихонько сообщали ему, что сегодня Илия будет взят от него и взлетит над его головой. Елисей также тихо отвечал, что ему это известно, и пусть они молчат. Теперь, когда они вышли из Иерихона к Иордану, их незаметно сопровождали полсотни любопытных учеников, желающих увидеть редчайшее из событий на Земле, как Бог забирает к Себе героев, выполнивших своё предназначение. Переселение Еноха и Моисея произошли без свидетелей, и теперь Бог хотел раскрыть людям некоторые Свои тайны. И посмотреть было на что. Двое подошли к реке, и в их поле зрения явно не было видно никаких средств переправы. Им зачем-то было нужно на восточный берег, и они не собирались останавливаться. Река, не самая большая и широкая не была серьёзной преградой, её можно было преодолеть и вплавь, если, конечно, это не было время половодья. Но для Илии уже не было преград, он достиг такого уровня, что мог повелевать стихиями – некогда он начинал с запрета на дождь, и вот теперь и другие элементы природы слушались его.

Даже для традиционных христиан это звучит слишком хорошо, чтобы этому верить, к тому же груз традиций массовых религий (в которых человек очень уж сильно принижался, не по уставам Сущего, но по рецептам Ваала) не позволяет, однако же факты таковы, что человеку в принципе подвластны силы, которые обычно верящие в Бога приписывают исключительно божеству. Те, кто не согласны со мной, скажут, что Илия и Елисей были наделены этими способностями как исключение, за заслуги, за

святость и тому подобное. Достижения этих людей, конечно же, нетипичны, но знает ли это, что другие не могут достигнуть тех же высот, что это несвойственно человеческой природе? Даже если согласиться, что самой человеческой природе это несвойственно, то ведь человек и не создан для прозябания в своей только природе, отдельно от Создателя... Вместе с Ним, именно эта соединённость с небесами и есть норма, мы можем намного больше, чем кажется обычному взгляду. Если бы эти идеи более были распространены, мы бы видели и результаты, напоминающие успехи всех выдающихся героев священной истории. Но надо упомянуть и то, что сам Христос говорил на эту тему, а говорил Он буквально следующее – что с определённым настроем в голове (Он назвал это состояние "верой с горчичное зерно") для человека не будет невозможного³⁴. Ещё раз – для человека не будет ничего невозможного, а говорил Он и о смещении гор с их мест, и о хождении по воде, и об исцелении больных и многом другом. Более того, многие вещи такого рода подвластны людям, которые не являются христианами, которые просто изучают возможности человека или научены каким-то практикам. Способность делать чудеса не даст бессмертия, не позволит избежать наказания за зло, и никак не приближает человека к Богу, не улучшает его нравственность, это всего лишь способности, заложенные Богом в природу человека. И ещё более того – сам дьявол, если и способен к каким-то чудесам, то делает их не потому, что он бог или достиг чего-то вопреки Богу на своём извращённом пути, а пользуется теми возможностями и способностями, что Бог заложил в созданных им существ. Так что какой-то "нечистой силы" нет как таковой, дьявол не создавал ничего нового, а пользуется уже готовым. Как наши мускулы могут использоваться на добро и на зло, так же и с этими способностями – некогда за всё сделанное руками ли, языком, умом или надъестественными силами все будут давать отчёт. Нечистая сила нечиста не физической природой, а характером того, кто проявляет сверхъестественное, какими эмоциями или состоянием души она промодулирована.

Он снял свой плащ, свернул его и ударил этим свёртком по воде. От удара вода, как и во всех подобных случаях, разошлась, но дальше пошло не по обычному сценарию, она стала расходиться и не возвращалась назад волной, и через короткое время перед путниками обнажилось дно Иордана. О подобных вещах не упоминается в истории Илии, похоже, что Елисей впервые увидел такое (у них было много чудес, но сегодня был день особо ярких и впечатляющих) от своего учителя, и в очередной раз изумился, сколько возможно всё-таки достигнуть на путях Бога, которым он посвятил себя когда-то и сделал правильный выбор, когда ему предложили службу... Они шли и разговаривали, Елисей пользовался возможностью напоследок узнать что-то, о чём ещё до сих пор не спрашивал или не получал ответа, Илия выкладывал ему всё, что знал, хотя может быть где-то и отвечал что-то типа попробуешь и узнаешь. Потом перед ними появилась колесница с конями, которые явно происходили не с Земли, описывающий их говорит, что они выглядели как огонь. Может быть из-за свечения от них, и возможно также ещё и от движения вокруг них, подобного вихрю. Илию забрали в колесницу, он забрался туда и это транспортное средство стремительно поднялось в небо, оставляя за собой вихрь, и вскоре они стали неразличимы. Елисей, потрясённый и ошеломлённый исходящими от неземной техники и животных токами и вообще необычными картинками, некоторое время приходил в себя. Но сейчас вокруг стояла тишина, ветер утих и Илии, с которым они пришли сюда, не было. Правда, на земле лежал его плащ, который он, кажется, специально сбросил перед тем, как войти в колесницу, оставляя его по наследству. Эта одежда много видела, она всегда была с Илиёй, могущественным человеком, она хранила его отпечатки, и Елисей почувствовал, что хотя он и остался один, но его учитель всё же не оставил его. В их разговоре был важный момент, Илия спросил его, чем

его наградить за службу и помощь, нет ли у него особых желаний, и Елисей озвучил довольно дерзкое желание, чтобы иметь силы вдвое больше, чем у его учителя. Когда Илия спросил о желаниях Елисея, то его слова выглядели как слова человека, способного дать всё, что у него сейчас попросят. Христа характеризовали, что Он говорил как власть имеющий, и то же сейчас было с Илиёй, хотя дело было не в том, что Илия сам по себе был неограничен в возможностях, нет, дело было в Боге, Который давал лучшему из Своих учеников нужные возможности. Елисей попросил вроде как довольно-таки невозможного, однако Илию он не разочаровал – терпение Елисея и скромность были почти безграничными, но учитель видел, что и потенциал его примерно такой же, и он сможет обуздать и владеть всем, что попадёт в его руки. Но просьбы о невозможном не должны выполняться легко, иначе какое же это невозможное... Поэтому Елисей услышал условие – если он увидит момент расставания, то получит желаемое.

Сам Илия обретал то, что имел на сегодняшний день, многими упражнениями веры, работой внутри себя, самообладанием и саморазвитием. Ещё больше он осмыслил и обдумывал, недаром он проводил время на горе днями и неделями, встраиваясь в природу и постигая замыслы Создателя. Объяснял ли он раньше своему ученику всё постигнутое им, и задавал ли Елисей вопросы, что ощущает его учитель? Наверное да, но я не знаю наверняка, могло быть и как-то иначе. Но сейчас у Илии не было мысли о том, что ученик хочет лёгким способом захватить себе незаработанное, незаслуженное, невыстраданное, он отдавал должное его упорству и стремлению. Он не просто был Мастером, добившимся очень много, может быть больше других подобных ему, но и ученик у него был под стать ему самому, что тоже было наградой. Уходя в вечность живым, не проходя, как почти все живущие, через смерть, он понимал, что оставляет дело в надёжных руках, и то, что Елисей просил очень много, только ободряло его.

Его дело, которым он жил, было остановить превращение Израиля в чуждый Богу и Его делу народ, который совершенно покинет завет с Богом. Дела в Израиле редко обстояли благополучно в духовном плане, с появлением же на сцене ещё и Иезавели могла произойти катастрофа, у этой женщины хватало способностей и возможностей добиться этого. Илия, пожелавший остановить этот процесс, смог добиться желаемого, Бог во всём поддержал его и теперь он уходил с Земли победителем. И, думаю, именно поэтому он и удостоился этой чести, как герой, наметивший себе чрезвычайно важное дело и осуществивший его. Если кто-то станет утверждать, что в Илие не было ничего особенного, что он не отличался ничем от других людей, кроме моральных качеств, и что это всё Бог делал через него, а в нём не было ничего от божественных сил, то я бы указал на этих других людей, почему бы Богу не проявлять себя также точно и в них. Конечно, были и есть и будут подобные Илие и Елисею, пусть и в меньшей степени, но все эти люди не только давали место Богу в себе, как мы и должны делать, но под Его влиянием они расширялись и развивались, так что их природа как бы намагничивалась от Всесильного сильнее, чем обычные люди делают это, и их души больше хранили эту намагниченность. Я вижу отличие в этом этих, подобных Илие от других, "обычных", в ком Бог не имел достаточно места. Но я знаю, что всякий из нас мог бы быть таким же, если бы так же стремиться к большему, чем только прожить жизнь как-нибудь. Никто нас не ограничивал, только мы сами можем открыться на встречу силам и полноте Сущего, и никто не сможет остановить нас или изолировать от Его внимания и влияния. Чтобы добиваться таких же результатов, нужно стремиться столь же сильно и направленно. Зов с Его стороны существует, только люди как-то научились гасить его в себе и даже в других...

Когда-то Илия просил себе смерти, когда впервые столкнулся с сильным разочарованием и кажущейся неэффективностью сделанного им, когда огромные усилия по демонстрации силы Бога показались ему пропавшими без всякого следа, когда Иезавель оказалась способной отрицать сведённый им огонь с неба. Но теперь он вместо того, чтобы получить себе долю всякого обычного рождённого на Земле, вместо этого уходил в бессмертие, самое буквальное, не то

бессмертие, доступное героям в памяти людей, а настоящее. Важно и ещё одно – если бы Моисей не сорвался один лишь раз у скалы, раздражённый короткой памятью толпы, то он бы тоже был взят живым в небо, после того, как привёл бы свой народ в Ханаан и помог им там обустроиться, он и так, даже умерев, был взят в иную жизнь, Илия же, если и сделал ошибку в начале своего пути, то не только исправился, но и понял, разобрался и в себе, и в людях, что позволило ему произвести большие перемены.

Кроме прочего он продолжил дело Самуила со школами пророков, постаравшись заложить дело так, чтобы Иезавель не добралась до этих учреждений. Она сумела подчинить себе столичных пророков, однако дальше её руки дотянуться не сумели, все её политические методы не работали в глуши, не дотягивались до школ Галгала, Вефиля и Иерихона – все они обеспечивали сами себя и не зависели ни от кого. Эти школы снова становились школой надёжных кадров учителей, авторитетных и сильных людей, распространяющих доброе влияние среди всеобщего упадка нравов. Без этих школ северное царство прекратило бы своё существование намного раньше. Будь их влияние более сильным, они могли бы удержать скатывание в пропасть совершенно, так что плена и потери государственности не случилось бы. Но, к сожалению, эти школы больше не дали действительно сильных пророков, подобных Илие и Елисею. Это было их призвание, но они смогли лишь на время замедлить процесс распада.

Елисей

Елисей не пропустил момент, когда Илия переходил в другой мир, поэтому он обрёл то, что чрезвычайно хотел получить. Он очень желал иметь возможность свершать чудеса, однако кроме этого, наверное потому, что хотел иметь гораздо больше, чем имел учитель, ему действительно было дано больше. Правда, чудес Елисей сделал за свою жизнь порядочно меньше, чем Илия. И не потому, что не мог, а потому, что стал видеть, где они нужны и был мудр, чтобы не форсировать события или общество. Он не жаждал славы, не желал убедиться, что в его руках в самом деле находится власть над стихиями, не собирался самоутверждаться за счёт Бога, как вполне могло бы случиться с обычным человеком, получившим в руки подобные силы. В этом отношении Елисей превзошёл Валаама, их силы были примерно одинаковы, но зато его гордыни в Елисею не оказалось. Он увидел нужды своего времени, которое требовало закрепления результатов перемен Илии, сейчас было время не громов, а ласкового воспитания. Нет, Илия тоже не всё время наказывал, как и Елисей мог наказать низость и пренебрежение Путём, но в целом Елисей вёл себя по отцовски, словом и примером насаждая правильный пример и возвращая семена, посеянные предшественником.

Так что сейчас Елисей остался один, и он в самом деле ощутил, что сейчас занял место, которое раньше занимал его спутник, пришло его время. Он ощущал свои способности, как их ощущал раньше его учитель, и был не против хоть немного попробовать их в деле, испытать себя, а через это и Бога, стоявшего за этими способностями. Он вернулся к Иордану, и сейчас его видели те пятьдесят учеников, что вышли посмотреть за последним путешествием Илии. Они видели теперь одного человека, одетого как Илия, но понимали, что это не он. Елисей снял плащ, свернул его также, как некоторое время назад делал учитель, и ударил им по воде, сказав при этом – "Где Суций, Бог Илии, Тот Самый?" Он призвал своего Бога проявить Себя, и не сомневался в Нём. Он был далёк от сегодняшних представлений о чудотворцах, не был склонен к сомнениям и колебаниям, видя ежедневный пример успеха и силы у того, кому служил. И Бог не подвёл, и вода разошлась так же, как делала час или два назад. Елисей перешёл Иордан по дну, не замочив одежды, а молодые пророки сделали правильный вывод – "дух Илии теперь на Елисею". Это значило, что Бог по прежнему с ними и им есть у кого учиться и с кого брать пример. Они подошли к Елисею и поклонились ему до земли, признавая его преемником Илии и главой школы.

Однако же они проявили тут же немало нездорового любопытства, им непременно хотелось проверить, не оказался ли Илия перенесённым куда-то. Это было нелогично – если он остался на Земле, то тогда Елисей не стал бы его преемником, он бы по-прежнему оставался главным над школами пророков, а со временем вернулся бы. Видимо, такое не раз бывало с кем-то из них, и их болезненное нетерпение заставляло их упрашивать Елисея пойти поискать Илию. Но даже если бы они были правы, то где его нужно было искать? – он мог оказаться на другом континенте или хотя бы другом конце страны, куда они долго ещё не могли бы дойти... Но Елисею надоели их уговоры и он позволил им утолить их нетерпение, которого им хватило на три дня. За это время их головы поостыли и они пришли в себя, поняв свои ошибки. Елисей указал им на их промах, это было нужно для их воспитания, чтобы на их поступки разум имел большее влияние, чем в данном случае.

Если о Илии сохранилось немного рассказов, то дела Елисея описаны гораздо подробнее, что подчёркивает его участие в повседневной жизни людей, когда один из мощнейших и величайших пророков занимался самыми мелкими делами простых людей.

Оздоровление воды Иерихона

Последние события с уходом Илии происходили в Иерихоне, и жители этого места, узнав, что вместо Илии теперь поставлен его прежний помощник, видимо неплохо знали его, и они решились придти к нему с давно мучавшей их проблемой. Строго говоря, Иерихона не должно было быть, в этом месте не должно было быть жителей и селений. Это был первый город, встреченный израильтянами в этой земле, и его разрушение сопровождало заклятие, чтобы никто не восстанавливал его. Это место было удобным для добывавших соль в Мёртвом море, и последующие поколения люди определённых занятий постоянно испытывали желание снова поселиться здесь. Не думаю, что у них не было никаких других возможностей обустроить базу для своего дела где-то ещё, но место всё же было удобным, и один человек пренебрёг проклятием, наложенным на это памятное место, и это с его стороны было неуважением к Сущему. Совсем недавно, может быть двадцать или тридцать лет назад, при Ахаве и Иезавели, он решил восстановить этот город. Он знал проклятие, озвучившее, что у делающего это погибнут старший и младший сыновья, и всё же это не остановило его. Конечно, у людей, живущих в атмосфере язычества, было несколько иное мироощущение, и жертвоприношения детей многим искажали восприятие, так что потеря одного или даже двоих кому-то уже не казалась большой трагедией. Нездоровая философия и идеология делали души людей другими, ненормально чёрствыми к жизни и смерти, даже если речь шла о своей семье. Возможно, что он сознательно уже заранее списал их, но если у него их было много, то не столь уж это большая плата за возможность стать главным в этом месте... В общем, при закладке фундамента погиб старший сын Ахиила Авирам, а когда устанавливали ворота, погиб и его младший Сегуб.

Казалось бы, на этом заклятие исчерпало себя, и дальше люди могли жить на этом месте, однако в этом был вызов Богу, что не способствовало здоровой обстановке в этом месте. Вода источника, откуда все брали воду, была нездоровой, она причиняла болезни и бесплодие. Природа выталкивала человека из этого места, однако же со временем те, кто так или иначе поселились здесь, пустили корни и оживили его. Виноватый потерпел своё наказание, но большинство живших здесь были непричастны к его делам. Есть, конечно, люди, что сурово относятся к человеку, и они бы нашли в чём обвинить любого живущего здесь, но Елисей, вооружённый большими способностями, был снисходительнее таких судей. Когда к нему пришли жители и поделились своими печальями о качестве воды, Елисей не отогнал их прочь, но взялся за дело. Бог, сопровождая его, дав одобрение на то, что он сделал для Иерихона, показал, что люди для Него значат больше, чем только объекты, которым Он предписывает покорность. Елисей попросил у людей новую чашу и соли, и высыпал эту соль в источник их воды, сопроводив своё действие

словами – "так говорит Сущий – Я сделал эту воду здоровой, и от неё больше не будет бесплодия и смерти", и с этого момента вода стала здоровой.

Проклятие молодёжи

После пребывания в Иерихоне Елисей отправился в путь по стране, у него было много дел везде. Проходя Вефиль, где он собирался посетить другую школу пророков, он вдруг столкнулся с неприятностью. Возможно, что какие-то жители города видели в деятельности Илии ущерб для себя, потому что он побуждал людей к соблюдению закона, в частности, чтобы люди посещали в праздники Иерусалим, в то время как Иеровоам сделал их Вефиль одним из новых центров богослужения. Пусть не по уставам Суцего, но ведь это так выгодно для них. Наличие в их районе школы пророков их никак не волновало и ничего им как будто осязаемого не давало, и многие давали в себе место неприязни к Илие и его помощнику. Сейчас, когда не стало Илии, они видели одного лишь Елисея, и его статус в их глазах был всё ещё низок, он для них оставался слугой, пусть и могущественного пророка. И слухи о вознесении Илии на небо в умах многих несколько вывернулись, и кое-кто сказал вслух, что неплохо бы, чтобы и Елисей исчез вслед за своим господином. Для некоторой части молодёжи³⁵ этого места это стало мемом, и когда Елисей проходил мимо них, эти пустоголовые юноши двинулись за ним, выкрикивая "возносись³⁶, плешивый, возносись, плешивый!", насмехаясь этим не только над ним лично, но и над его учителем, над тем способом, которым Илия покинул наш мир. В те времена слуги и дети Всевышнего ещё не были оставлены³⁷ на милость невежественного мира, и Бог заботился о Своей чести, в том числе Своих представителей. Если бы Елисей или Бог здесь смирились с оскорблением, то зараза насмешки и пренебрежения могла бы распространиться широко и очень сильно подорвать авторитет пророков, так что даже чудеса потом мало что могли бы сделать для его восстановления. Могла повториться та же история с Моисеем, когда упорное отвержение его авторитета в огромной степени парализовывало воспитательную работу Святого Духа в их среде. Поэтому то, что произошло дальше, не было лишь произволом Елисея. Он обернулся к ним, но вместо угроз в их адрес или каких-либо физических действий, просто проклял их именем Суцего. Буквально через минуту или даже раньше из леса вышли две медведицы и напали на толпу насмешников. Многим удалось убежать, но сорок два молодых человека не успели это сделать, медведи очень быстры и ловки, если настроены агрессивно. Больше Елисея никто не пытался высмеивать, его слова теперь выслушивались с достаточным вниманием. И наказывать больше никого не пришлось, время Елисея было очень мирным.

Совместный поход Иорама и Иосафата

После смерти Охозии в Израиле был новый царь – Иорам, брат Охозии и сын Ахава, так как Охозия не имел наследников. Иорам не имел большого страха перед Богом, однако же уроки, виденные и слышанные с детства заставляли хотя бы немного уважать Его и Его порядки. Как обычно для евреев того времени (хотя теперь это философия чрезвычайно многих) это выражалось в частичном послушании, в остальном же люди позволяли себе те или иные отступления на свой вкус. Вроде как это бесполезно, всё равно в глазах Бога это преступно, но возникла уже давно некая традиция, отражающая карточные игры, что как одна карта бьёт другую, так добрым делом возможно нейтрализовать злое. В какой-то сфере это может быть и работало – по крайней мере, если хоть в чём-то соблюдать правила, то Сущий наказывал не так сильно, как за большие нарушения. Но для вечной участи или спасения это совершенно не работает, наоборот,

35 Это не были маленькие дети, как почему-то описано в Синодальном переводе, использованное в оригинале слово обозначает молодых людей, слуг, незначительных людей, а не только детей.

36 В Синодальном переводе написано "иди", однако же слово "ала" больше значит "подниматься вверх", "карабкаться".

37 С 608 года до н.э. Иудея потеряла государственность и начался период плена, и с этого времени Бог перестал оказывать силовую поддержку Своим сторонникам и последователям, для них наступили тяжёлые времена.

там другая логика, повышенная ответственность – если ты делаешь доброе дело, а потом после этого делаешь злое, то ты этим не нейтрализуешь доброе, а вообще отменяешь его. И если грешник делает зло, то это хотя бы для него логично, это продолжает ту линию, которую он выбрал, но если праведник делает зло, то за это он несёт бóльшую ответственность, чем тот, кто уже живёт в зле. Праведность логична, когда она полная, то есть когда ты всё делаешь правильно (как минимум ты понимаешь, что надо только так и никак иначе) – и это и есть требование Бога к праведности (другое дело, что достигнуть этого невозможно просто так, самому по себе, но это уже другой разговор). В общем, Иорам старался грешить умеренно, и выглядел в глазах людей совсем неплохим человеком. Однако же поскольку для Бога этого было слишком мало, а при Иораме, как и Охозии, продолжалось возрождение язычества и даже Ваал понемногу возвращался в общественную жизнь Израиля, то неудивительно, что Суций показывал Своё неодобрение. Ещё сразу после смерти Ахава моавитяне перестали платить дань, которую давали с некоторых пор. Но вместо того, чтобы вникнуть в причины такого упадка, Иорам решил попытаться вернуть моавитян к покорности военной силой. Осмотрев свои возможности, он решил пригласить также и иудеев для более надёжного результата, и Иосафат, хранящий верность союзу с Ахавом, а также имея родственные связи через детей, всё также бодро ответил, как и некогда Ахаву – "как ты, так и я". К ним присоединился также и царь едомлян, увидевший в этом походе и свой интерес, видимо и у него были претензии к Моаву.

Маршрут соединённые силы союзников выбрали южный, думая зайти к моавитянам откуда они бы не ждали, и им пришлось идти в сторону Мёртвого моря, где были пески и не было воды. Если я верно оцениваю обстановку, то шли они в поход зимой или поздней осенью (в перерывах между сельскохозяйственными работами, когда в армию можно было собрать максимальное количество свободных рук), когда могли бы быть уже дожди, но оказалось, что дождей здесь ещё не было и воды они не находили. Это расстроило Иорама и будучи в плохом настроении он высказал вслух упадочнические мысли, что Суций собрался наказать их всех и отдать моавитянам. Иосафат предложил поискать пророка, чтобы спросить о том, что им делать. Мысль эта была запоздалой, с этого им было нужно начинать, но видимо Иосафат к концу царствования немного расслабился. Однако же к их счастью в этих местах видели Елисея, и кто-то сказал об этом. Странно, что Елисея многие до сих пор помнили как слугу Илии, "поливавшего воду ему на руки". Это могло быть признаком неуважения, правда это было самое большое, что кто-то мог себе позволить после происшествия с невежливой молодёжью Вефиля, но не думаю, что кто-то таким образом выражал пренебрежение, скорее таково было мышление невежественных в религии людей.

Иосафат, узнав, что рядом Елисей, отозвался, что у этого человека обязательно будет что-нибудь от Бога, и трое царей направились к Елисею. Однако когда они пришли к нему, Елисей было принял их не самым приветливым образом, высказав Иораму неодобрение, едва было не послал его к пророкам Иезавели за помощью. Однако он сказал, что ради Иосафата, которого он уважал за верность Суцему, он ответит на их вопросы и поможет в проблеме с водой. Однако весьма интересно, что он не ответил им сразу, а сказал, чтобы позвали музыканта с гуслиями, и этот человек должен был играть на них. Гуслист играл, думаю его музыка была создающей настроение, возможно Елисей заказал ему, что играть, и во время его игры Елисей получил ответ, состоялся сеанс связи с верхними сферами. Теперь Елисей сказал им рыть каналы, сделать их как можно больше, чтобы в них можно было создать запас воды. Кроме того, он предсказал им полный успех в их войне против Моава. Наутро с юга потекла вода и долина со рвами наполнилась водой, так что было достаточно всем, в том числе и животным, которых гнали с собой как провиант. Проблема с водой была решена с избытком.

С моавитянами же проблема решилась буквально не сходя с места. Моавитяне узнали, что против них идут соединённые отряды евреев и едомлян, поэтому они собрали всех, кого только

смогли, в ополчение, и вышли к ним навстречу на свою границу. Утром восходящее солнце дало отсвет красного цвета со стороны, где должны были находиться израильтяне, и моавитяне решили, что это кровь, что между их врагами произошла междоусобица и они истребили друг друга. Воодушевившись, что их ожидает лёгкая победа добить оставшихся и большая добыча, моавитяне бросились на неприятелей, однако из-за ложной надежды они слишком расслабились, поэтому, наткнувшись на многочисленное войско, побежали и были разбиты. После этого объединённые отряды прошли по земле моавитян без малейшего сопротивления и разорили её. Лишь столица встретила их сопротивлением, и они осадили город. Моавитяне сражались мужественно, пытались пробиться к царю едомлян – похоже, что это был их прежний союзник, теперь принявший сторону евреев, и они хотели отомстить ему, но не имели в этом успеха. Стены города были близки к разрушению, и царь моавитян решился на небывалый поступок, он взял своего старшего сына, наследника, и на глазах у всех принёс его в жертву. Не знаю, был ли это совет жрецов или какая-то особая магия, но в некоторой степени он своими руками сделал дело, которое преследовали и неприятели – сам же прервал свою династию. Это тоже могло охладить пыл осаждавших, а может быть и чёрное колдовство сделало своё дело, и между осаждающими, людей с несколькими разными культурами, возник раскол, что делать дальше. Но из-за потери единства все решили лучше оставить остаток моавитян в покое, да и проблем им доставили более чем достаточно, цель похода была вполне достигнута. На этом евреи и едомляне разошлись по домам.

Чудеса Елисея

Обедневшая вдова

В школах пророков ученики жили не сказать чтобы строго и полностью отрешившись от мира, поэтому многие заводили семьи или даже могли пойти туда уже имея семью. Они обеспечивали себя сами, работа и обучение профессии были частью образования там, только при этом сама специфика учёбы не давала им размахнуться широко, поэтому больших богатств школы не имели, лишь пропитание и одежду. При этом многие часто жертвовали им средства, чтобы они могли больше сосредоточиться на том, ради чего вообще пришли сюда, им верили, потому что эти школы и их выпускники не были замечены в бесчестных поступках. Однако с одной семьёй произошла беда, один молодой человек умер от болезни, и его жена с детьми остались без помощи. У них не было много богатства к тому времени, учёба отнимала время, поэтому вскоре вдова оказалась на грани, когда она оказалась должна значительные суммы и её детей собирались от неё забрать в рабы. Эта женщина обратилась к Елисею с плачем, и ему пришлось решать эту проблему. У Сущего в распоряжении много средств для всех, но не все люди участвуют в обмене благами честно, поэтому при таком порядке вещей неизбежно возникает дисбаланс. Устранить его или смягчить возможно или всеобщим согласием на взаимопомощь, где каждый заботится о каждом и все обо всех (но до царства Божьего пока далеко, характеры и состояние умов не готовы к этому пути), либо государственным регулированием, где идеи социализма или социального государства тоже соответствуют этой цели. Но на то время люди были далеки от обоих вариантов общего блага (если бы Израиль развивался по предначертанным для него планам, то проблема бедности уже была бы давно решена), личных же запасов у Елисея не имелось, как и у школ, поэтому пришлось обращаться к тем возможностям, что были под рукой. Как он этот способ нашёл, не сообщается, говорил ли он с Богом, или же уже владел нужной "технологией" вроде копирования и размножения материи в отдельно взятой точке пространства, не знаю. Однако же он дал ей такой рецепт выхода из её беды, после того как спросил, что вообще есть ценного в её доме, и оказалось, что это лишь один кувшин оливкового масла – набрать у всех соседей как можно больше сосудов, запереться в доме, ни на что никому не отвечая, пока не закончит своё дело, и затем разливать своё масло по всем одолженным сосудам.

Она сделала так, как он сказал, и разливала масло по сосудам, пока сын, подававший пустые сосуды, не сказал, что больше пустых нет, в этот момент масло, словно услышав кодовое слово, остановилось и перестало течь. Женщина, до этого момента слабо верившая в рецепт Елисея, но выполнившая его совет безпрекословно, снова пошла к пророку, чтобы узнать, что теперь делать с этим богатством. Ответ был простой – продать масло, отдать долги, и на оставшиеся деньги устроить своё хозяйство, чтобы больше не попадать в проблемы.

Обезвреженный яд

В другой школе, в Галгале, был одно время голод. Елисей, пришедший туда и нашедший студентов постоянно недоедающими, из своих средств организовал обед для всех. Кто-то из учеников, похоже из городских, не знающий этой местности, вышел в поле поискать чего-нибудь съедобного и нашёл какое-то вьющееся растение с аппетитно выглядящими плодами. Придя в школу, он никого не спросив, покрошил в общий котёл свои находки. Когда еда была готова и первые люди начали есть, знающие ученики подняли тревогу, распознав то ли по виду плодов, то ли по изменившемуся вкусу похлёбки. Никто не мог больше есть, это было что-то наверное горькое и в самом деле опасное. Немалое количество продуктов оказывалось было потраченным зря, да и уже настроившиеся на трапезу голодные парни очень огорчились. Но Елисей, вникнув в дело, велел дать муки, которую всыпал в котёл, перемешал и велел снова наливать, и когда попробовали, оказалось, что вкус похлёбки совершенно нормальный и никаких ядов в ней уже незаметно. Думаю понятно, что таким способом нейтрализовывать яды у остальных вряд ли получится...

Друзья и их проблемы

Елисей обходил страну раз за разом, идя то привычным маршрутом, то в ответ на зов направляясь туда, где было нужно его присутствие. В одном месте, где в силу узлового положения он проходил достаточно часто, жила одна женщина, известная в том месте. То ли она сама была из значимого рода, то ли её муж занимал важный пост, но дело было совсем не в этом. Эта женщина была очень общительным человеком, и ей ощущалось неправильным, что такой важный и редкий человек просто проходит мимо. Может быть она умела хорошо готовить и ей непременно хотелось угостить человека Божьего, и мне кажется, именно так и было. В общем, она была чрезвычайно усердна в том, чтобы так или иначе завать его в гости, и когда это удалось, с тех пор Елисей всегда заходил к ним на огонёк. Это были добрые люди и Елисей находил здесь что-то, что давало ему дополнительное ощущение покоя, хотя сам он был вполне самодостаточно и счастлив во всём, что делал и что выпало ему в его жизни. Позже хозяйка дома, посоветовавшись с мужем, даже пристроила к дому верхнюю комнату с отдельным входом, и отдала его в собственность их постоянному гостю, так что он мог отдыхать там, даже не ставя в известность хозяев. Там не было какой-то роскоши, только лежанка, стол и стул, качественно сделанные, да светильник. Для того, кто был большую часть своей жизни в дорогах, это место стало значимым.

В одно из посещений Сонама, где всё это происходило, Елисей вдруг задумался, не мог ли бы он что-то сделать для этой семьи, кто сделал его жизнь более приятной и уютной. Он попытался спросить у хозяйки, может ли он что-то сделать для неё, может быть у неё есть какие-то замыслы, для которых нужно поговорить даже и с царём, так он может это устроить, или любые иные планы. Но она ответила, что она и так счастлива тем, что живёт среди своего народа (отменное качество и золотые слова, которых некоторые иногда не понимают, и считают жить среди своего народа обязательно несчастьем, хотя Израиль тех времён не был лучшим местом на Земле, и с её возможностями она могла бы перебраться в лучшие места, если бы была подобна тем, кто всегда недоволен тем, что есть). Елисей ощущал, что у неё есть некая печаль на сердце, но при всей его редкой проницательности не всё было ему открыто, и сам он так и не мог найти причину её скрытой боли. Но его помощник-слуга подсказал ему одну вещь, что эта женщина не

имеет детей. Елисей понял, что это в самом деле корень проблемы, и, зная свои возможности, происходящие не из него самого по себе, но из близости с Сущим, знал теперь, чем ей помочь. Он позвал её, и с порога (она в самом деле стояла в дверях, не переступая в комнату, видимо ощущая, что её гость сейчас скажет ей нечто особое. И она услышала это, что через год у неё будет сын. Её мечта как будто исполнялась, но она немало времени уже переживала об этом, и сейчас ей уже не верилось в то, что она сможет иметь это счастье. Она от неожиданности даже возразила, чтобы он не обманывал её надежд, не дразнил напрасно ложными надеждами. Елисей не стал ей что-то объяснять, на этом разговор был окончен, но его обещание сбылось.

Ребёнок рос, однако его здоровье не было достаточно крепким, отец был немолод, и мать его также была близка к окончанию детородного возраста, поэтому однажды с ним случилась беда. Во время жатвы, когда отец с работниками были в поле, он пришёл к нему на поле, но жара расслабила его, с ним случился тепловой или солнечный удар. Его отнесли домой, мать взяла его на колени, но ему не становилось лучше, и в полдень он умер. В доме не было никого, все были заняты в поле, но эта женщина не отчаивалась. Однажды она не поверила пророку, но сейчас она напротив, поверила, что он в силах помочь даже в этом, да и случай его учителя, поднявшего умершего юношу, не выходил у неё из памяти. И без всяких обещаний она сама решила не расстраиваться раньше времени, а срочно обратиться за помощью. К счастью, дом Елисея, где он жил, был относительно недалёк от их селения, несколько часов пути. Она положила своего умершего сына на постель Елисея в его комнате, это для неё гарантировало его сохранность, пока она будет в дороге, и взяв слугу с ослом у мужа, собралась к Елисею. Муж не понял, зачем она туда пойдёт, но она не стала ему ничего объяснять, потому что события из-за его неверия могли пойти бы по обычному для людей сценарию, и отправилась.

Когда она подходила к дому Елисея, тот увидел её издали и послал слугу, чтобы тот узнал у неё, с чем она пришла. Явно было что-то не так, раньше она никогда не навещала его. И очень примечательно то, что в этой ситуации он не имел никаких знаний о случившемся у неё. Но дело в том, что для него это было как раз-то ненормально... Это для обычных людей такое состояние является нормой, однако из этого можно заключить, что у Елисея нормой было как раз знать едва ли не обо всём, на что он обращал внимание. О сюрпризах, для него ли или для страны, ему сообщалось практически всегда всё важное. Фактически он жил в дополненной реальности, как она рисуется фантастам и отчасти некоторые шаги намечаются в компьютерных технологиях. Одно это могло бы многих побудить достигать таких уровней развития, связи с высшими сферами, и это было бы правильно, именно с такими возможностями и для такой расширенной функциональности Бог нас и создавал. Падение и греховность снижают возможности человека, но в принципе это норма для нашей природы.

Гиезий, слуга Елисея, не принёс ответа от неё, она ответила ему, что всё хорошо. Фактически, для её веры всё это так и было, была лишь временная беда, которую Елисей мог исправить, и за этим она к нему и пришла. Бог молчал о том, что у неё на душе, здесь был важный урок для Елисея и тех, кто будет идти тем же путём, потому что ситуация была уникальная – женщина была расстроена, и очень сильно, но тем не менее не отчаивалась, и это не всякий даже самый изощрённый психолог мог бы прочитать.

Когда женщина подошла к Елисею, она ухватилась за его ноги, и Гиезий попытался вернуть ситуацию в более, как ему казалось, подобающее состояние, хотел поднять женщину и отцепить её от ног учителя, но Елисей сказал ему, чтобы он ничего не делал, что она сильно расстроена, но от его пронизывающего взгляда это зачем-то было скрыто самим Богом. Женщина же начала говорить, и высказала некоторую претензию – "Разве я просила у тебя сына? Не сказала ли я тогда – "не обманывай меня"?" Она этим говорила, что если бы она сама что-то выпросила у него, то смирилась бы с потерей, но поскольку он был инициатором её блага, то он должен был теперь и помогать.

Елисей был сильным человеком и пророком, его силы было достаточно, чтобы сделать и это, но он попробовал расширить немного свой опыт, поставил некоторый эксперимент – он дал свой посох Гиезию, чтобы тот положил его на ребёнка. Этого должно было быть достаточно для его оживления, и может быть это даже и сработало бы как надо, но сонамитянка не могла смириться с таким положением вещей, для неё было важно, чтобы Елисей сам пришёл и помог ей. Может быть это, то есть её вера в Елисея как человека Сущего, помешала осуществиться первоначальному плану Елисея, а может быть Гиезий не совсем был строг в выполнении инструкций Елисея – он не должен был отвлекаться по дороге, не должен был ни с кем разговаривать и даже здороваться. В общем, он вернулся с известием, что ребёнок не очнулся. Елисей, не смог отказать своей подопечной и пошёл с ней, так что он сам пришёл к ним в дом, в свою комнату, где всё так же лежал умерший мальчик.

В его поведении мы видим поиск решения, эксперименты, отсутствие каких-то готовых рецептов. И, кстати, здесь мы не видим никаких ритуалов и обрядов, это к тому, что у тех, кто был близок с Богом по настоящему, в те давние времена не стоял вопрос о влиянии ритуала. Всё, что делает Елисей, это похоже на физическое воздействие, легко объяснимое с позиций лекаря и знахаря. Разве что перед тем, как действовать, он помолился, но явно, что он не ожидал результата от самой по себе молитвы, наоборот, он знает, что должен найти решение проблемы сам, опираясь на опыт других и имеющиеся знания, и молитва лишь даёт хороший, правильный настрой к этому поиску, он просит Бога подсказать правильный путь, а также дать ему силы и поддержать его усилия. Он действовал подобно своему учителю, который также ложился и согревал тело умершего сына вдовы, то же сделал и он, но два раза, тогда как Илия делал это три раза. Тело ребёнка согрелось, но, наверное, дело было не только в поднятии температуры, но и в жизненных силах лечащего, впрочем и их тоже обычно очень недостаточно, но с ними был Бог жизни, желавший помогать Своим верным адептам. Они много хотели, поэтому многого и достигли, и на этом не успокаивались. Бог же особо подчёркивает, словами Христа – "кто имеет, тому ещё прибавится", поощряя к развитию, а не к собирательству денег и влияния ради невысоких целей. И вот тело ожило, появилось дыхание, потом мальчик довольно много раз чихнул, и после этого открыл глаза, не сразу понимая, почему он находится здесь и что было после того, как он заболел. Елисей был счастлив, всё сработало, можно звать Гиезия, чтобы он позвал мать ребёнка. Женщина же не только снова видела сына живым, но её надежда на этого человека Сущего оказалась не обманчивой, да она особо и не сомневалась...

Избыток с недостаточного

Во время того же голода, когда были обезврежены ядовитые плоды в еде, случилась также другая история. Один человек принёс начатки (или первинки) с жатвы ячменя. Пусть школа пророков и не состояла из левитов, которым полагалась десятина, но начатки и не были десятиной, по крайней мере не первой, шедшей только на содержание левитов и священников. Дар был велик для ста человек, лишь двадцать хлебов и сырые зёрна, но Елисей направил его сразу ученикам. Гиезий возразил – что тут давать на такую компанию, но Елисей ответил, что ему сказали, что ещё и останется после того, как все наедятся. Разумеется, сказал это не тот, кто принёс хлеб и зерно, а голос, который разговаривал с Елисеем, пророческий дух³⁸. После этого Гиезий больше не спрашивал, а стал выдавать то, что у него было, молодым людям. Когда он раздал первые двадцать хлебов, у него в корзине всё ещё оставалось не меньше хлебов, чем было. Если не больше. На его месте я бы, пожалуй, попробовал бы проследить момент, когда на месте

38 В Библии встречаются выражения "дух" или "духи пророческие", и "дух пророчества", означающие, что с пророками работают неземные силы, жители небес и других миров, помогающие Богу в деле возрождения человечества. Впрочем "дух пророчества" означает скорее пророчествование как явление, связь и сотрудничество с небом, в результате которых люди получают информацию и указания свыше. Сама Библия является результатом "духа пророчества", именно он соединяет её воедино и пропитывает все её части.

отданных появляются новые – ну интересно же. Не думаю, что если бы чей-то глаз сумел отследить эти моменты, то проявление силы Сущего остановилось бы из-за этого. Наоборот, тот, кто сумел бы это заметить, подобно Елисею, обрёл бы какой-то бонус к своим уже имеющимся способностям... То, что Илия сказал ему перед расставанием, имело значение большее, чем кажется на первый взгляд – "если сумеешь увидеть, то будет тебе желаемое". И действительно, все наелись и ещё осталось.

Сириец Нееман

В Сирии был один сильный воин, высоко ценимый за свои подвиги, когда он один обеспечивал не раз победу им всем. Пророк, писавший эту историю, отмечает, что Бог Израиля сопровождал этого человека и само сирийское царство, давая им успех именно от Себя. Такой вроде бы незначительный штрих вдруг резко меняет картину избранности евреев, к которой многие привыкли; оказывается Бог Израиля не является исключительно Богом Израиля, но Он занимается и другими народами, даже если они поклоняются и служат совсем не Ему. Причём Он даже не требует от них, что они что-то Ему должны, Его спрос с других народов не такой, как с Израиля, они не заключали с Ним никаких договоров, поэтому как бы и не обязаны. Но тем не менее Он не оставляет никого, чтобы совершенно не было какой-то Его заботы и опеки. Обычно люди об этом не знают, но главное, что Сам Бог это отмечает, чтобы о Нём не думали только как о еврейском Боге. Судьбы каждого человека на Земле занесены в записи где-то в центральных хранилищах, и о каждом ведётся отчёт, о каждом сделанном выборе и борьбе человека в пользу той или иной стороны.

В этой истории есть только имена Неемана и Елисея, и ещё Гиезия, помощника Елисея, но неизвестны действующие в тот момент цари, были ли это Охозия и Венадад или Иорам и Азаил. Был один из походов Сирии против Израиля, и среди пленных оказалась маленькая девочка. Погибли ли её родители или она оказалась не в том месте в ненужное время и попала в руки вражеских солдат, неизвестно. Но она оказалась в Дамаске и попала в служанки к жене Неемана. Она быстро привыкла к дому, как бывает обычно с детьми, у неё не было трудностей с сирийским языком хозяев в силу близости языков. Обращались с новой служанкой вполне нормально, так что она стала считать своё новое место пребывания уже домом. Но в её жизни проявилась одна важная черта, явно воспринятая от родителей, откуда же ещё, которые были искренними почитателями своего Бога. Вся страна и всё население находилось под большим впечатлением подвигов и свершений своих пророков, Илии, и за ним Елисея. Слухи о них и их незаменимой помощи расходились также из дворцов царей и знати, и естественно, что многие желали им подражать или, по крайней мере, просто гордились ими как своим национальным достоянием.

У Неемана была серьёзная проблема, у него была проказа, белые пятна на коже. Возможно, дальше болезнь не заходила, он был вполне ещё крепок, но первые внешние проявления были видны всем. Будь он евреем, ему пришлось бы жить отдельно от людей и люди бы избегали контактировать с ним, хотя такая беда случилась однажды и с иудейским царём, где были самые строгие законы в отношении проказы. Ему пришлось часть дел передать сыну, хотя управления он не потерял полностью, но определённые неудобства были. Но в Сирии не было столь строгих правил, хотя какие-то ограничения Нееману приходилось терпеть даже в своём доме. Девочка-служанка некоторое время смотрела на испытываемые им неудобства, или неудобства для его близких людей, и ей было жалко этих хороших людей. Однажды она сказала своей хозяйке, что если бы господин сходил к пророку, который живёт в Самарии (она даже не назвала имя Елисея, что потом привело к некоторому замешательству), то тот бы снял с него его проказу и всем им стало бы веселее жить. Случаев исцеления проказы Елисеем или Илиёй до сих пор не было, но народная молва склонна наделять своих героев преувеличенным могуществом, это обычное дело, и девочка, зная много рассказов о подвигах пророков, рассудила, что если уж умершие

дети у них воскресали, то что такое какая-то болезнь? Собственно, всё было правильно в её детских рассуждениях и, к счастью, рядом никого не было из взрослых евреев, кто оборвал бы её речь, чтобы не навлечь на Израиль ненужных претензий, поскольку если пророк сам что-то делает нового, это одно, а если к нему придут с претензией на что-то, а он вдруг не сможет или это не будет в числе его умений, то выйдет очень нехорошая история.

Жена передала мужу, что есть такая возможность, мол в этом Израиле, оказывается, на каждом шагу делается что-то из ряда вон выходящее, и хорошо бы попробовать, тем более войны между ними сейчас не было. Нееман проникся, наверное, какие-то слухи в народе ходили, и даже царь имел проблемы, когда военные сведения утекали в Израиль без всяких шпионов и перемётчиков. Так что Нееман пошёл к царю и в меру своих сил рассказал, что есть какая-то возможность обрести полное здоровье, кто-то в Израиле умеет лечить его проблему. Царь тоже, видя серьёзный настрой одного из лучших своих воинов, поддержал и чтобы придать делу должный вид, выписал ему грамоту и поручение к израильскому царю. Но в силу испорченного контекста в бумагах получилось, что о пророке уже забыли, и снять проказу с Неемана должен был сам израильский царь. Бюрократия на марше... Царь явно не сам писал письмо, а поручил кому-то из чернильных душ, а тот уже, слегка потеряв нить сюжета, прописал дело как приказ исцелить подателя сей бумаги. Проверять написанное не царское дело, да и многие излишне доверяют профессионалам, умеющим грамотно и красиво писать слова.

Нееман прибыл в Самарию и направился к дворцу царя, ведь там должны знать, где находится такой знаменитый лекарь, о котором столько говорят во всех окрестных странах. Но в его сопроводительном письме не было ничего сказано о Елисее или даже просто пророке. Так что когда Нееман передал своё письмо царю, вряд ли он сразу встречался с ним, он остался ожидать ответа. Царь же, которому передали бумагу от важного гостя из Сирии, с которой отношения оставляли желать лучшего, прочитав письмо, просто-таки впал в отчаяние и с горя разодрал на себе одежды. От Сирии он не ожидал ничего хорошего, и тут вдруг к нему приезжает один из сильнейших воинов Дамаска и царь в письме требует от него вылечить его, и не просто от болезни, а от целой проказы! Он увидел в этом придирки и желание сделать Израиль крайним, чтобы снова напасть. Он сказал своим людям – "разве я Бог, чтобы убивать и оживлять?" Удивительна всё же инерция человеческих установок, когда они ограничиваются узкими рамками. Ведь он мог подумать о том, что в его стране живут удивительные люди, общающиеся с Богом, он не мог не слышать легендарные вещи, происходящие и в ближних и дальних краях Израиля, но вот не сопоставил одно и другое рядом. Ну хотя бы в лучших бюрократических традициях отфутболивания проблемы мог бы поискать, на кого бы скинуть новую проблему – глядишь, и про Елисея бы быстро вспомнили. Но он мыслит лишь в тех категориях, с которыми привык иметь дело, и это показывает, что Бог его народа и страны был для него чем-то неблизким, при всех удивительных чудесах, свершающихся вокруг него всю его жизнь до сих пор. Пусть не каждый день или месяц, но случаев было достаточно, чтобы гордиться причастностью хотя бы по причине проживания рядом с этими людьми.

Среди приближённых к царю людей были вполне разумные люди, и Елисею очень скоро стало известно о проблеме царя, который был в ужасе, не зная что ответить пришельцу из Сирии, который всё ждёт ответа. Хорошо, что хоть немного может подождать, вдруг процедуры требуют подготовки и времени. Елисей послал сказать царю, чтобы он посылал этого гостя прямо к нему, и узнает, что есть пророк в Израиле. Он укорил царя, зачем он раздирал одежды, почему не вспомнил о грандиозных возможностях, которые имеются в его распоряжении?

Нееман, получив ответ, что ему надо посетить одного важного и знаменитого человека, без вопросов направился к нему, он ведь изначально знал, что ему нужен пророк, который живёт в Самарии, а не царь, но он не ожидал, что писцы так всё запутают. Сам он хорошо подготовился к поездке, приготовив достойные дары за своё исцеление. Наконец он прибыл к дому Елисея, слу-

га Елисея пошёл передать о том, что к нему прибыл важный посетитель с сопровождающими его слугами. Нееман настроился, что пророк будет совершать какие-то обряды, по крайней мере положит на него свои руки и будет призывать имя своего Сущего. Однако же его самолюбие было немного уязвлено – пророк не вышел к нему, а только через того же слугу передал, что ему надо семь раз окунуться в воды Иордана. Нееман ощутил пренебрежение к себе со стороны Елисея, и разгневался, он не привык к такому отношению к себе. Он ощущал себя сильным и крепким, и особо не замечал никаких проявлений болезни, кроме изменения цвета кожи. Он мог бы прожить ещё немало лет и погибнуть в битве подобно многим героям, на которых когда-то равнялся, и он мог прожить и без того, чтобы унижаться перед евреем, пусть даже и могущественным. Да и Иордан, к которому его посылали, он видел, наверное, не раз. И не был особо впечатлён, вода в нём была глинистой, не прозрачной, как реки в Сирии, куда он бы нырнул с большим удовольствием. В общем, Нееман с гневом развернулся и ушёл оттуда. Однако же что-то было в этой ситуации, чего-то в этих гневных мыслях не хватало – хотя он не ощущал себя больным, но ведь он видел, как работает эта жуткая болезнь, и если он выживет в своих битвах и сражениях, то вряд ли он избежит судьбы других, кто был поражён ею. Кто-то из слуг, видя что он призадумался после того, как его гнев поутих, стал взывать к его разуму. Ему сказали – если бы пророк от тебя потребовал чего-то трудного, то разве ты не выполнил бы, да ещё с избытком? А тут всего-то нырнуть несколько раз – что тут сложного? Подумав больше, Нееман ощутил, что со стороны Елисея это было не издевательство, вовсе не пренебрежение к иноверцу или язычнику, а простое испытание, ведь эти духовные люди любят всякое такое устраивать на ровном месте, почему-то считают это важным... Так он перестал дуться и решил выполнить всё сказанное ему, работы-то на одну минуту, если поставить задачу сделать это быстро.

Он направился к Иордану и скоро был в воде, погрузившись в неё с головой семь раз. Когда он вынырнул в седьмой раз, то даже сам заметил по рукам и телу, что его кожа вдруг стала не прежней задубевшей, а нежной и бархатной, как будто он вернулся в детство. Но не только кожа, весь организм тоже сигнализировал об улучшении самочувствия. Он был удивлён, что при всём своём здоровье оказывается было можно ощутить себя ещё лучше, хотя куда уж больше... Смущённый своим прежним подозрением и гневом, он направился снова к Елисею, чтобы отблагодарить его от всей души. Теперь Елисей не скрывался от него, вышел и радовался успеху ещё одного своего подопечного. Нееман пытался вручить ему серебро и золото, которых захватил с собой изрядное количество, но Елисей ничего не взял и решительно отказался от всех подарков. Ему эта помощь не стоила ничего, да и принцип, который позже озвучил Христос "даром получили, даром давайте", существовал всегда. Нееман, видя, что отблагодарить материально не удастся, сделал это на словах, но это и было лучшей наградой Елисею. Нееман заявил, что для него теперь существует только Сущий, неважно, что это Бог евреев, однако заранее извинился, что когда царь Сирии ходит на поклонение Риммону, то он, Нееман, находится рядом с ним и опирается на его руку при совершении ритуалов, так что ему поневоле придётся всё же участвовать в служении другому богу. Но Елисей успокоил его, чтобы он не переживал об этом, для него сейчас была важна найденная правда, ему было пока не до богословских тонкостей.

Нееман отправился обратно, однако один из присутствующих тут попал в ловушку. Гиезий, слуга Елисея, никак не мог понять, зачем Елисей отказывается от таких ценных даров, которые могут быть его, стоит лишь протянуть руку – двести килограммов (а то и больше) серебра, килограммов 60 золота. Если старому Елисею оно не надо, то уж он-то бы нашёл ему применение... Да те же самые школы пророков как могли бы расцвести на небольшую долю этого богатства.

Я не Елисей, но думаю, могу со своей стороны попробовать взвесить те причины, по которым Елисей не хотел принимать материальные ценности в этой ситуации. И правда, школы пророков могли бы обрести богатые помещения и стать особо привлекательными местами, но вместе с популярностью туда бы пришла и суета со своими

искушениями. Ученики должны были учиться и раскрывать тайны души и тела, тайны Бога и природы в натуральных условиях, как можно ближе к природе. Избыточные средства там только повредили бы. Ещё одна сторона этого дела – за помощь пациенту он не мог брать плату, потому что никого не исцелял за деньги, и не только он. За целительные силы и способности он не платил, не покупал их, поэтому не мог и продавать. Правда, люди с талантами лекаря или даже способностями к подобным исцелениям могут брать деньги, если это их главное занятие, если это единственная возможность заработать, но и то скорее как благодарность пациента. Вообще-то Нееман здесь сам хотел отблагодарить, так что теоретически можно было бы принимать в подобных случаях такие дары, это не было бы нарушением принципов и правил, но у Елисея был постоянный доступ к Богу со многими подсказками по ситуации, и если бы не собственные соображения, что не надо сейчас от сирийца принимать благодарность, то значит были какие-то откровения с неба, что не надо этого делать только в данном конкретном случае или в данный отрезок времени. Могло быть даже то причиной, что Нееман хотел подарить чересчур много, совершенно неадекватно оказанной ему помощи, и Елисею было совершенно неудобно пользоваться избыточной простотой человека, чьи умения лежали совсем не в области торговли и расчётов.

Но Гиезий не проникся смыслами жизни достаточно сильно, или даже только в этот раз потерял нить, блеск ценного металла слишком запал в душу, и он решился на дело, в каких люди редко признаются добровольно и в дневниках стараются не писать, если только это не исповедь в конце жизни. Для себя ли он собрался брать или "для дела, для помощи кому-то", неизвестно, он видел действия учителя, но пошёл своим путём.

Обычно ограничения и запреты разумны, и те, кто их нарушают, обосновывают это не тем, что "закон неправильный", а только лишь личной выгодой или неприязнью к кому-то или чему-то. Однако иногда приходится доверять Богу или наставнику, который достаточно показал себя надёжным и верным человеком, и выполнять команду, смысл которой непонятен. Со временем, как правило, смысл запрета должен стать ясен, так что доверие к учителю лишь укрепится. Если же окажется, что какой-то авторитетный человек злоупотребил своим положением и вы по его указанию сделали неправильное дело, то такой человек лишается доверия. Однако момент испытания ученика и ребёнка в этом очень значим, проверяется степень доверия. Та же проблема есть и в армии, солдат обязан выполнить приказ, независимо от того, как он выглядит, разве что явным образом попадает в категорию преступных, обозначенных преступными ранее. Сейчас Гиезий мог не понимать почему пророк не принимает вознаграждения, но в этой ситуации это не служит ему оправданием.

Он погнался за колесницами Неемана и, поскольку те не торопились уезжать домой, догнал их. Нееман вышел навстречу Гиезию и ему было что-то непонятно с этим слугой пророка. Что-то изменилось там, что этот слуга погнался за ними? Ему ещё хотелось что-то сделать для этого чудесного старца, и может быть там передумали отказываться от его даров? Он ведь от всей души, а тут так отказывались. Гиезий поведал ему историю, придуманную на ходу, что к ним пришли пару человек из учеников пророка, и было бы неплохо поддержать их материально. Он даже не стал лгать на Елисея, что это тот передумал и просит теперь помощи, хотя и не для себя, хотя Нееман не стал бы осуждать Елисея, даже если бы он в самом деле передумал. Но будь на месте Неемана кто-то более изощрённый в политике и отношениях между людьми, то мог бы и подумать, и даже обязательно бы подумал, и это бы повредило его репутации. Вполне могло быть, и уверен, что именно так и было, что Нееман рассказывал о своей поездке царю, и то, что произошло сейчас, также было рассказано. В общем, Нееман с радостью нагрузил Гиезия

двумя слитками серебра в талант весом (три пуда в двух слитках) и двумя комплектами одежды. Неудобство было в том, что Нееман послал слуг помочь всё это донести, но Гиезий смог отвертеться (с уроном для своей чести, неубедительно и пряча глаза прося их дальше не идти), убедив их не нести всё это прямо домой. Потом он перенёс это в подходящее для него место и вернулся к Елисею. Здесь его ожидали. Когда он вошёл, старательно изображая обыденное выражение лица, Елисей спросил его, откуда он пришёл. Гиезий с простецким видом ответил, что никуда не ходил, губя себе душу, считая, что уж по таким пустякам пророк не будет тратить свои способности. Но даже если бы пророк в самом деле ничего не заметил во взглядах, бросаемых на серебро и золото, приготовленное благодарным и счастливым сирийским воином, то Бог и сам мог бы приоткрыть ему и мысли и маршрут следования Гиезия, и что там и как было. И получил неожиданное – Елисей не только видел общение Гиезия с Нееманом и его ложь, но он говорил и о своём сердце, которое болело, когда Нееман обернулся и увидел догоняющего их своего слугу. Выглядит так, будто Елисей получал видеоотчёт о происходящем там в реальном времени от дрона с видеокамерой. То, что человечество только недавно освоило, давно уже существует, и явно на более высоком технологическом уровне, в том мире Бога, от которого Земля пока отрезана, или лучше сказать, изолирована. Елисей с сожалением о падении вроде бы неплохого слуги сказал – "Разве время сейчас брать серебро и одежды, или скот или земли? Пусть же проказа Неемана перейдёт на тебя и твоё потомство навсегда. И кожа Гиезия на глазах стала белеть..."

Плавающий (недолго) топор

В одной из школ стало тесно, и ученики решили сменить место жительства, и решили перебраться ближе к Иордану, где было достаточно леса для строительства. Елисей одобрил их планы, и согласился пойти с ними, так они звали его с собой, без него было не так интересно. И его присутствие там оказалось очень кстати. Когда рубили деревья на берегу реки, у одного из студентов из руки выпал топор, видимо он не рассчитал своих сил, а если нет навыка, руки очень устают. Он очень огорчился, поскольку инструмент был одолжен, и пришлось бы возмещать ущерб, что было для многих из них недёшево, к тому же и работа шла бы медленнее. Он закричал Елисею о своей проблеме, и тот, недолго думая, спросил куда упал топор. Тот указал место, и Елисей, отрубив кусок от ветки, бросил его на указанное место. Обрубок ветки каким-то образом притянул упавший топор, и тот всплыл. К счастью, это было рядом с берегом, так что оставалось только протянуть руку. Елисей снова подтвердил свою репутацию помощника в любой, даже самой небольшой проблеме, везде делая "хорошо"... Казалось, что у него нет пределов возможного, и он сознательно пользуется силами и возможностями Бога по любому поводу, причём считает это совершенно естественным.

Эфирная разведка

Наверное, это было во времена Иорама, сирийцы не всегда шли войной на Израиль, но устраивали провокации и засады, без крупных военных действий, похожее на состояние "ни войны, ни мира". Такая тактика причиняет иной раз очень много проблем, действия скрытные обычно успешны, хотя и выглядят нечестно. Но в эти времена у Израиля имелось очень хорошее противоядие против таких диверсий – Елисей посылал к царю словом или на бумаге предупреждения с информацией, где засели группы сирийских военных, и в лучшем случае у них ничего не получалось, в их засады никакая добыча не попадалась, но скорее им приходилось поскорее покидать свои засады, чтобы не попасться преследователям – каким-то образом их постоянно обнаруживали. После нескольких таких неудач царь Сирии встревожился, он посчитал, что среди его слуг и военачальников есть кто-то, сдающий их планы противнику. По этому делу он устроил совещание в узком кругу доверенных лиц и поставил перед ними вопрос ребром – "кто из наших работает на израильского царя?" Один из присутствующих дал исчерпывающий ответ – "Никто, ваше величество, но там есть пророк Елисей, так он пересказывает израильскому

царю даже то, что ты у себя в спальне говоришь". Это было сродни стихийному бедствию, против них ополчился Суций, Которого в тот момент многие стали уважать и опасаться. Однако царь всё же нашёл, как он посчитал, слабое звено в этой проблеме, и решил заняться Елисеем. Несмотря на вред, который многие могли приписать ему для Сирии, он даже не думал о его смерти, потому что такой человек был чрезвычайно ценен – его даже советы могли помочь Сирии стать могучим государством, и даже редкие ответы на правильно поставленные вопросы могли открыть огромные перспективы. Царь Дамаска оценил Елисея, пожалуй, намного выше, чем царь Израиля...

"Нет пророка в своём отечестве" как раз и складывалась с древних времён до дней Илии и Елисея и далее, хотя именно в их времена положение было чуть лучшим, чем в какое-либо другое. Но даже при всей популярности Елисея никто в Израиле и Иудее не догадывались о намного более масштабной пользе, что он мог принести обществу. Никому не пришло в голову, что всякая просьба, обращённая к нему, не оставалась без решения, именно что всякая и любая, но к сожалению, все те, кто обращались к нему, шли только с бедами и проблемами. Хотя надо сказать, что одна женщина всё же бескорыстно, из одной лишь дружбы свела с ним знакомство, но этот один случай лишь подчёркивает недостаток внимания к редчайшей возможности, обитавшей среди них. В немалой степени его время можно сравнивать с пребыванием Христа семью веками позже, разве что к нему не шли за исцелением. Впрочем эта разница была не в том, что больные были равнодушны к своему здоровью, а в том, что в то время здоровье человека было на более высоком уровне. Заинтересуйся простые и непростые люди общением с Елисеем не из-за проблем, пойдя они к нему с вопросами любопытства или в поисках знаний, сколько бы добра расцвело вокруг них... Можно было бы сказать, что Бог был разочарован тем, как люди упускают благоприятные возможности. И это при том, что многие не упускали ни малейшей возможности к обогащению, но только в рамках того, что находится под носом, к далёким же перспективам никто не тянулся.

Царь приказал отрядить поход за Елисеем. Разведав, установили его местонахождение в данный момент времени, и туда отправились довольно много отрядов с конями и колесницами, на всякий случай, если Елисея будут охранять и защищать. На деле же личной охраны у Елисея не было, скорее он защищал свою землю своим существованием на этой земле. Если бы Венадад рассудил получше или распросил самого Елисея на предмет сотрудничества, то он мог бы свободно посылать своих людей к нему и задавать любые вопросы, и обязательно получил бы на них ответы. Но ему захотелось монопольно иметь доступ к возможностям этого сильного пророка, его можно в какой-то мере понять, таковы тенденции этого эгоистичного мира.

Рано утром слуга Елисея вышел по делам, и обнаружил, что Дофаим окружён со всех сторон сирийцами. Его это испугало, и он спросил у Елисея, что теперь им делать. Тот спокойно ответил, что бояться вовсе не нужно, как он сказал, "тех, кто с нами, больше чем тех, кто с ними". Обычно последователи Бога в определённые моменты говорят такое друг другу, однако же Елисей не только точно знал, что говорил, он ещё и видел это. Вот уж где была даже не дополненная, а в самом деле расширенная реальность... И это было не потому, что как сказали бы посвятившие себя скептицизму, что он страдал шизофренией с галлюцинациями, и не потому, что в его мозг были интегрированы чипы или нейросети с доступом к глобальным информационным системам (хотя насчёт нейросетей не уверен, очень уж органичная сама по себе идея, а уж доступ к глобальной информации у него вроде в самом деле был...), а потому, что Бог на нём показывал возможности, доступные в принципе если не любому, то человеку в целом, но лишь на условии принадлежности к Его царству.

Наверное, можно без вреда для библейских тем коснуться возможностей человека и технологий, существующих "там", как говорят, в "небесах". Сегодня появилась идея, описанная только в фантастике, нейросети, не которая используется в компьютерных вычислительных технологиях, а новой организации мозга разумных существ. В принципе мозг человека по мере развития и образования усложняется, обрастает новыми структурами, и вот фантасты добавили к этому новое измерение – когда мозг усложняют дополнительно, и в том дополнительном устройстве имеются технические узлы, дающие возможность работать с компьютерными сетями. Идея обсуждалась со времени появления персональных компьютеров, сопрячь компьютер и мозг, технику и человека желали давно, и сказать, что это уж совсем невозможно, как-то не получается. Теперь вот хотя бы в фантастике эта идея развилась достаточно, чтобы обыгрывать огромнейшие возможности, открывающиеся перед человеком с такими помощниками как нейросети.

И представьте себе, что эти сюжеты мне довольно сильно напомнили уже давно знакомое из Библии – крещение Духом и дары, вытекающие из этого события в жизни отдельных людей, кто достиг этого. Если рассматривать необычное расширение возможностей человека технически, то происходят некоторые характерные изменения в деятельности мозга. Один знакомый, работающий в медицине (медбрат высшей категории в операционной), любитель всяких вкусностей из мира науки и не только, как-то поведал, что у обычного человека скорость пропускания информации в мозге (или может быть скорость работы логики) всего где-то 140 байт (не ручаюсь за точность числа, но довольно близко) в секунду. Это можно считать нормой, и на этом фоне скорость того же канала у продвинутых игроков в компьютерные игры в сотни раз выше.

Собственно, можно бы предположить (что я и делаю), что между шириной канала обычного человека и того, кто пережил либо крещение Духом, либо подобное этому переживание в иной среде (имеется и в язычестве и в каких-то культах), где канал расширяется до порядков в мегабайты в секунду, есть промежуточная ступень, где находятся продвинутые игроки в компьютерные игры с их десятками или сотнями килобайт в секунду. Примерно то же происходит и с теми, кто прошёл высшие уровни образования, когда сам объём информации и знаний требует значительно более высокой скорости оперирования информацией, иначе обучение становится просто невозможным.

Однажды довелось познакомиться с этим поближе, к счастью, без вреда для себя, хотя было опасно. Думаю, многие помнят расцвет экстрасенсорики в девяностые, удачно наложившийся на интерес ко всяким нетрадиционным методам медицины и близких к тому вещей, развивающийся ещё с восьмидесятых и даже раньше. На шарлатанов списать ту волну не удастся, слишком уж много имеет место в жизни многое из этой области. Я сам очень интересовался этими темами после того, как заметил, что легко ощущаю электрическое поле рядом с проводами электроустройств, а также что положение руки влияет на состояние контакта двух проводков, торчащих из разъёма магнитофона – случайно я слишком сблизил их, почти замкнув, но не замкнув до конца. И сначала испугался, когда проведя рукой над магнитофоном, остановил воспроизведение... Проводки были выведены мной зачем-то от "дистанционного" управления – кнопка паузы на длинном проводе³⁹, и воздействие моего поля почему-то замыкало эти проводки. Поэкспериментировал и однозначно установил, что поднесённая на полметра рука создавала контакт между полумиллиметровым (может чуть

меньше) расстоянием между проводками, стоило отвести руку дальше, и контакт исчезал, магнитофон продолжал работать, пауза снималась. Зависимость была однозначная, контакт на таком расстоянии зависел только от близости моих рук. Так я познакомился с биополем. Наверное в тогдашней экстрасенсорике было много мути, много лишнего и нездорового, но основа была реальной. До этого я был готов считать всякое упоминание о биополях и возможностях человека чем-то антихристианским, "от лукавого", но на этом случае понял, что Бог создал человека с большим потенциалом, чем обычное христианство считает.

В те же времена познакомился и подружился с одним человеком, пришедшим в экстрасенсорике примерно таким же, как и я, путём, через практику и своё собственное открытие некоторых слабо документированных возможностей человеческой природы. Его сын однажды повредил немного голень, и это довольно-таки больно. Желая оказать помощь, думая, что это не повредит, хотя бы психологически это может помочь, он стал водить руками вверх и вниз вдоль голени, и неожиданно оказалось, что когда он вёл руку вверх, боль усиливалась, а когда вниз – утихала. Это было открытие, и очень неожиданное, просто невероятное. Но увидев, что это помогает, целенаправленно стал делать уже нужные движения, и им удалось справиться с травмой намного быстрее обычного хода вещей. Он стал неплохим экстрасенсом, и он считал, что деньги, которые он в те времена затратил на курсы одного преподавателя, не были выброшены впустую. Наверное, он был сильным экстрасенсом, не знаю, сложно измерять эти вещи. Однажды он решил повоздействовать на мою голову, и я, вместо того, чтобы просто остановить это и отказаться, из-за какого-то лишнего интереса всё же не возразил как надо, и подвергся этому воздействию, которое не было рассчитано и взвешено. На следующее утро у меня начались галлюцинации и довольно нехорошие вещи могли случиться, если бы я не забил тревогу и срочно не обратился за помощью наверх, куда надо. Обошлось, другу я рассказал о случившемся, он извинился, поскольку не имел плохих намерений и не знал, к чему это приведёт.

Для человека в его текущем состоянии видеть столько, как видел Елисей (и может быть кто-то ещё, как Валаам и Илия), не является нормой, однако же наша природа содержит принципиальную возможность этого, заложенную Создателем изначально. Возможно, что будет время (и этому ничего не мешает), когда многие будут обладать подобными возможностями, сказанное Иоилем потом повторяется Петром и то же ожидается в наши времена, что "юноши будут видеть видения"⁴⁰. Елисей успокоил своего слугу словами, что помощи на их стороне куда больше, чем у войск, пришедших за ними, однако же он явно посчитал, что лучше один раз увидеть, и попросил Бога "открыть глаза" его слуге, чтобы и тот мог лично удостовериться в правоте слов пророка. Там, где сверхспособности имеются у одного, уже легче приоткрыть их и у другого, и слуга вдруг на самом деле увидел всю ту же местность, только окружённую не только сирийскими войсками, но рядом всё было заполнено светящимися конями и колесницами, также как и светящимися вооружёнными фигурами то ли людей, то ли похожими на них существами. И они сопровождали Елисея, его передвижения определяли перемещения тех, кто его охранял.

После этого Елисей попросил Сущего, чтобы все эти люди, пришедшие по его душу, потеряли зрение, хотя точнее его просьба была не о зрении как таковом, а о том, чтобы пришельцы не могли различать то, что видят, о таком говорят "отвести глаза". Тут руководил не Бог, Он отдал инициативу человеку, чтобы тот распорядился ситуацией и выстраивал линию действия так, как он считал нужным, и если бы Елисей сказал уничтожить их или прогнать, то, наверное, так бы и было, но он не действовал примитивно, а всегда искал лучший путь, пытаюсь рассчи-

40 Иоиль 2,28; Деян.2,17

тать, чтобы результат его действий был благоприятен и на будущее. Простейшие действия могли бы вызвать страх, и хотя для многих это желанный результат, но не для человека Божьего. Для Елисея важнее было, чтобы в Сирии не только имели страх, но и уважение, а ещё лучше понимание доброты и благосклонности Сущего ко всему человечеству. Поэтому он, не отказываясь от некоторой встряски вражеских воинов, очень по хорошему обошёлся с ними. Подойдя к командиру сирийцев, Елисей сказал ему, что они очень сильно ошиблись и пришли совсем не туда, куда им было нужно – и дорога, и город не те. Сирийцы, находившиеся в подобии гипноза, удивлялись, когда это они так ошиблись, и слушали пожилого человека, который собрался повести их куда им надо, и даже были благодарны ему за помощь. Со стороны всё это, думаю, выглядело довольно комично, хотя евреям Дофана вряд ли было смешно до тех пор, пока все отряды не ушли вслед за Елисеем, в самом деле повёдшим врагов в сторону столицы. У нас здесь многие вспомнят Сусанина, только эти сирийцы не искали проводника, им самим предложили, и они не стали отказываться. Но их тоже завели...

В Самарии появление сирийских отрядов вызвало тревогу, но скоро люди успокоились, увидев того, кто возглавлял процессию. Да и вражеские воины выглядели совсем не воинственно, они шли по чужой территории, приближались к городу, как будто туристы, не поднимая оружия, не готовясь к бою. Всё это было слишком необычно, никто из встречавших сирийцев в Самарии никогда не видел ничего подобного. Но изумление изумлением, а когда сирийцы, доверчиво и слепо строем следовавших за проводником, вошли в город, их окружили готовые ко всему солдаты, сопровождая по улицам. Наконец, когда процессия вышла на центральную площадь города, Елисей позволил сирийцам очнуться – "Сущий, открой им глаза"... Нетрудно представить себе состояние этих людей, когда они вдруг обнаружили себя совсем не там, куда шли, окружённые готовыми к атаке воинами израильской армии и толпами жителей города, разглядывающих их и смеющимися над ними. Из своего дворца вышел и царь, и спросил у Елисея, приведшего к нему такую нежданную добычу – "перебить их, отец мой?" Но этим незадачливым захватчикам не для того была продемонстрирована божественная сила, чтобы на этом их жизнь прервалась, Елисей ответил царю, что эти люди оказались здесь не его силой и воинскими умениями, чтобы он решал их судьбу. Он распорядился, чтобы этих сирийцев накормили и отпустили с миром домой.

Для незваных гостей приготовили большой обед (выглядит так, будто именно Елисей оплатил их угощение) и после этого позволили им уйти. Царь Дамаска и вместе с ним множество людей получили урок и некоторый ответ на свои вопросы, пусть и не заданные. После этого сирийцы на какое-то время прекратили свои набеги и даже оставили мысли об агрессии против израильского царства. Такой ход был намного эффективнее для прекращения войн, чем если бы царь уничтожил этих людей.

Осада и голод в Самарии

Людям часто бывает недостаточно одного урока, и несмотря на даже самые эффектные из них, даже последователи Бога теряют прежние впечатления и возвращаются к обыденному уровню и представлениям о жизни, происходящим из привычного им состояния. Сирийцы, понявшие, что у Израиля есть сильный Защитник, тоже постепенно возвратились к мысли, что к югу от них имеются значительные ресурсы, которые никак нельзя упускать. Венадад явно имел короткую память, но нельзя винить его одного – на деле Сущий не мог всё время защищать тех, кто не собирался следовать Его указаниям и хранить порученное этому народу. Израиль при всех стараниях Елисея и его учеников вернуть общество на здоровые начала чрезвычайно слабо отзывался на их усилия и медленно, но верно катился к своему концу (привычка, однако). Поэтому как Бог через Елисея предупреждал царя о готовящихся кознях против его страны, также время от времени убирал Свою защиту от беспечной нации, отдавая их на волю врагов. Думаю, что сирийцы, зная, как силён защищающий евреев Бог, иной раз удивлялись своим успехам, почему

эта защита не всегда работает. Разумеется, такое положение вещей не способствовало славе Сущего, многие не вникали в суть этих проблем и судили о происходящем поверхностно и невежественно. Кто-то терял надежду разобраться, но если бы он хотел понять что происходит, то мог скоро преуспеть в этом, это было время, когда было у кого спросить и получить исчерпывающий ответ. Да и подготовиться к возможным трудностям или даже повлиять на то, чтобы они не появлялись.

В этот раз сирийцы осадили Самарию. Город был окружён и лишён всяческого снабжения, так что через некоторое время в городе начался голод, а цены взлетели до небес. Даже нечистые и скверные вещи, прежде не рассматриваемые как еда, стали продаваться и покупаться. Стало доходить и до людоедства, царю пришлось столкнуться с жалобой одной, видимо, уже теряющей рассудок, женщины, которая жаловалась царю, что её подруга спрятала своего ребёнка и не отдаёт его в общий котёл, хотя они договорились съесть своих детей, и её сына они уже съели. Царь, услышав такие запредельные вещи, разорвал на себе одежду, оставив женщину в недоумении, почему судья народа отказывается рассудить в таком, казалось бы, бесспорном деле. Народ видел, как царь идёт в разорванных до тела одеждах по городской стене. Царь помнил о Боге, когда женщина обратилась к нему за помощью, он сослался на Сущего, который один лишь мог помочь в таких тяжёлых проблемах, в отличии от него. Помнить он помнил, но с жизнью по предначертанным правилам были большие проблемы, а без этого память о Боге лишь увеличивала ответственность. Время же уходило, Израиль уже давно должен был превратиться во что-то большее, но их желание "жить как все" на корню губило все планы Бога. Мир вскоре переходил на новые ступени развития, и Израиль также должен был иметь что противопоставить новым структурам, также развиваться не меньше. Однако же они делали в лучшем случае шаг вперёд и затем шаг назад. Если ученик или солдат, связанные обещанием и клятвой, не спешат достигать нужных степеней овладения нужными для дела умениями и способностями, то воспитателю приходится принимать более суровые методы принуждения. Так и здесь, после того, как Елисей демонстрировал величайшие возможности Бога по защите Его земли, эти люди не сделали никаких ответных шагов, напротив, расслабились ещё больше, и теперь Богу приходилось думать, а нужен ли им Елисей...

Иорам был в сильном раздражении или даже ярости на Елисея. С его силой и возможностями доводить город до столь жалкого состояния – он отказывался понимать это. Он сгоряча даже было поклялся снять с Елисея голову, да ещё помянув Бога, хотя вряд ли собирался это сделать на самом деле. Но он решил послать к нему одного из придворных, чтобы узнать, что с ними будет дальше. Почему бы ему было не задать этот вопрос с самого начала этой войны? Не сам ли он довёл своим упорством дело до текущего положения?

Елисей сидел с уважаемыми в городе людьми, ведя какие-то свои разговоры, когда к ним пришёл посланник царя. Он уже знал, что сказал царь и что он сам идёт вслед за посланником, о чём поделился со старейшинами. Когда посланник зашёл в комнату, он передал вопрос царя, и Елисей ответил, что на следующий день в это же время цены на муку и зерно будут такие же, как до осады, если не ниже. Сановник же, оглянувшись на вошедшего за ним следом царя, выразил недоверие – "Даже если Сущий открыл бы окна на небе, и тогда может ли такое быть?" Звучит может быть и безобидно, всего лишь сомнение, однако же стоило ли это высказывать вслух, зная всё прежде свершённое Елисеём? А тем более поминать всуе Сущего, который в самом деле мог бы и с неба спустить всё нужное, подвергая сомнению и Его? В присутствии царя этот чиновник видимо чувствовал себя увереннее, но царь не мог защитить его, в каком бы фаворе у него он не был. Он услышал от Елисея буквально приговор – "Ты увидишь это своими глазами, но есть этого не будешь"... Понял ли он, что нужно всерьёз пересмотреть всё сделанное им в жизни или в очередной раз отмахнулся? Может быть ещё возможно было отделаться мягким вариантом исполнения пророчества, когда он получил бы травмы, но остался бы жив. Вполне ве-

роятно, что этот человек, на чью руку царь опирался, был один из довереннейших придворных у царя, сильно влиял на него и на многих других своим скептицизмом в отношении Сущего и его Пути, и сейчас пришло его время, когда он должен ответить за произведённое на других недоброе влияние.

На следующий день всё так и случилось. У ворот Самарии ночевала компания прокажённых. Из-за войны никто не мог заботиться о них, и они были очень голодные и истощённые. Под утро они уже не спали, голод заставлял их искать какой-то выход. Один из них рассуждал, что если им попробовать зайти в город, то там они точно ничего не смогут найти, так люди сами сильно голодают и ни у кого нет никаких запасов. В этом направлении их не ждёт ничего хорошего. И он попробовал вслух продумать вариант пойти во вражеский лагерь, и хотя есть риск, что их там убьют, но есть также и вероятность, что всё же накормят. Если у своих их ждала смерть от голода, то у врагов был небольшой шанс на выживание. Они согласились с его предложением и отправились в сторону расположения сирийской армии.

Велико же было их удивление, когда они обнаружили пустые палатки, наполненные всяким походным добром, и даже оружием. Получилось так, что многим почудилось ржание коней в отдалении, а также другие звуки, сопровождающие военных людей, и они подумали, что это пришла нанятая у хеттеев и египтян военная помощь. Никакой разведки никто не стал проводить, да и как и кому этим заниматься, когда самые быстрые кинулись спасаться, а остальные тоже заразились этим настроением? Никто не подбирал даже оружия, как кто был, так и побежали, и даже если кто что-то и схватил в панике, то по дороге избавлялись от груза, что мешал им бежать. В лагере осталось немало имущества, в том числе и всё продовольствие. Эти прокажённые, обнаружив, что в их руках просто огромные богатства, сначала поели в одном из шатров, потом собрали ценности и припрятали их, затем собрали то же в соседних, но вдруг один из них ощутил укор совести – он подумал о тех, кто сидит в осаде и умирает от голода. Среди уставов, переданных Моисеем, был пункт, что за смерть вора, погибшего при свете дня, хозяин дома несёт ответственность, как если бы он убил невиновного. Ночью хозяин мог защищаться как ему угодно, но днём вора можно было опознать, и он должен был быть судим, поэтому убивать его было нельзя, разве что если бы он покушался на жизнь хозяина дома. Этот закон не говорил напрямую об ответственности за жизнь самарийцев, но этот прокажённый хорошо понимал законы и не был буквоедом, совершенно верно поняв ответственность, которая сейчас была на них. Он сказал друзьям по несчастью – "Мы не правильно делаем. Это день избавления и радостной вести. Надо уведомить царя, если мы будем дожидаться утра, то будем виноваты", на них тогда была бы вина за жизнь умерших от голода людей.

Они отправились к воротам города и стали вызывать стражей. Они пересказали об обнаруженном пустом лагере врагов, полном всякого добра и при этом никого из сирийцев там нет. Царя мигом известили об этом, но поначалу Иорам не верил в хорошее, хотя накануне Елисей уже сказал ему, что вражеской осады сегодня уже не будет. Он посчитал, что сирийцы таким образом выманивают их из города, чтобы схватить их, когда они выйдут за добычей. Однако один из придворных дал здравый совет, что это нетрудно проверить, и была послана команда, чтобы удостовериться, что сирийцев вокруг в самом деле не наблюдается. Посланные проследовали на конях до самой переправы через Иордан, и вся дорога оказалась устлана одеждой и разными вещами, которые люди бросали в бегстве.

Таким образом голод сразу закончился, и люди бросились на добычу. Кто успел первыми, продавали у ворот еду другим, но поскольку многие могли найти себе то же самое, лагерь был большой и богатый, то не задирали цены, а вновь пришедшие ещё сбивали цены. Царь поставил у ворот чиновника смотреть за порядком, и это был как раз тот самый человек, который высказал Елисею сомнение в правильности его предсказания. В какой-то момент толпа людей увеличилась многократно, когда основные массы из города рванули за своей долей добычи, и его за-

топтали. Он действительно видел своими глазами всё то, что предсказал Бог через Елисея, но дожить до того, чтобы попользоваться плодами избавления, не успел.

Елисей в Дамаске

Венадад, царь Дамаска, одно время желал заполучить себе в советники Елисея, но в то время его план был слишком эгоистичным и успеха не имел. Прошло немало времени и Венадад заболел, и вдруг Елисей сам направился в Дамаск. Что-то менялось в мире и время царствования Венадада приходило к концу, хотя не от этой его болезни. Ещё давно, когда Илия сбежал от угроз Иезавели, Бог дал ему задачу поставить на царство Азаила, но на тот момент это были лишь отдалённые планы. И вот теперь это время пришло. Венадад вёл войны по своему, не слишком усердствуя в поражении соседней страны, Азаил же станет намного более жестоким в войнах. Близилось время, когда уйдёт Иорам, царь Израиля, и также сам Елисей уйдёт из жизни, и тогда придёт время больших проблем для северного еврейского царства, время наказаний за упущенные небывало благоприятные возможности.

Венадада известили, что к ним пришёл пророк Елисей, и это было для него огромным сюрпризом, ему как раз хотелось узнать, сможет ли он продолжать жить и царствовать. Он послал к Елисею человека с поручением спросить его об этом, и это был как раз Азаил, который должен был стать следующим царём дамасской Сирии. Азаил собрал целый обоз подарков, достойных такого ценного гостя, пришёл к нему и спросил со всей почтительностью – "Сын твой Венадад, царь Сирии, послал меня к тебе спросить, "выздоровлю ли я от этой болезни?""

В этом месте Елисей мог бы испытать затруднение, но это если бы я или кто другой были на его месте. Он видел многое и проник разумом во многое, его не смущала двойственность того, что надо было сказать. И он ответил – "Скажи ему "выздоровеешь". Однако Суций открыл мне, что он умрёт"... И Елисей многозначительно посмотрел на Азаила, и смотрел так долго, что Азаил смутился. Елисей же, словно увидев в нём что-то, стал плакать.

Почему ответ Бога был надвое – и "выздоровеет", и "умрёт"? Здесь нет большого противоречия, потому что умер Венадад совсем не от болезни. О его болезни ответ был точный, и если бы не смерть от удушения, то болезнь бы благополучно прошла. Но всё же любопытен сам случай, когда Богу пришлось отвечать и "да" и "нет" в одно и то же время. Этот ответ можно попробовать чуть развернуть, и он выглядит тогда уже иначе – "болезнь неопасна, о ней можно не беспокоиться". А что его ожидает гибель в результате заговора, так об этом вопроса не было. И слова Елисея "однако же Бог мне открыл, что он умрёт", не были предназначены для Венадада. То есть царю Азаил сообщил только, что он выздоровеет от своей болезни.

Азаил, смущённый непонятными намёками, спросил Елисея, отчего он плачет, и тот раскрыл ему, что видит, как он уничтожает города и селения, убивая старых и малых, женщин и детей. Азаил ужаснулся, не знаю, искренне или притворно – "что я такое, чтобы свершать такие злодеяния?" На это Елисей ответил, что он будет следующим царём Сирии. Ещё когда Илия был на Хориве, сбежав туда от Иезавели, Бог сообщил ему о Своих дальних планах по наказанию Северного царства – "Кто убежит от меча Азаила, того умертвит Ииуй (основатель следующей династии после Ахава и Иорама, его также надо было сделать царём и поручить ему уничтожить род Ахава), а кто избежит меча Ииуя, того умертвит Елисей". Можно подумать, что Елисей, прежде чем открывать большую охоту, попытался дать ещё один шанс Израилю, тем более Ахав проявил немалую склонность к сотрудничеству с Богом. И пока в обществе сохранялся импульс движения в нужную сторону, Бог не давал команды начинать наказание этой части Своего народа. Теперь же, судя по всему, время пришло – Елисей сделал очень много для страны, для их возрождения, но ни цари, ни население, смотрящее не на то, как надо жить и пример от Елисея и его воспитанников, а на царя и прочих ведущих фигур общества, как можно обходить правила,

преследуя свои цели, и благоприятное время для них закончилось. Как бы ни казалось, что терпение Бога бесконечно, но это не так. Оно в самом деле велико, но и оно имеет конец.

Относительно сегодняшнего времени я рискну утверждать, что эпидемия коронавируса, что бы за этим явлением не стояло, была первым звонком к тому, что принято понимать под "концом времени" или "последними временами", а военные действия по принуждению к миру в Донбассе и остальным событиям, связанными с Украиной, фактически являющимися столкновением западного мира с незападным, вторым, более громким звонком о том же. Пока что действуют человеческие силы, но после того, как на сцену выйдет религиозный фактор, в дело начнёт вмешиваться уже и Бог. Впрочем, эти вещи являются темой пророческих книг, о которых речь пойдёт в будущем.

Для Азаила, если даже он сразу не сообразил, что к чему (но думаю, что он моментально понял, какие ему даются возможности), скоро вырисовалось, что если нынешний царь скоро уйдёт, и совсем не от болезни, то явно Елисей именно ему намекнул, что он может, и даже, наверное, должен взять дело в свои руки. Похоже, что Азаил не был первым в очереди на трон, и если бы Венадад умер по естественным причинам, то наследник уже мог быть определён, и это был точно не он. Если бы он был законным наследником царя, то не нужно было бы предпринимать никаких дополнительных действий, он бы и так оказался на троне, но Сущему почему-то нужен был именно он в качестве правителя Сирии. Оттого, что он обязан своим возвышением именно Ему, он будет выполнять Его волю, причём никаких требований по праведности Елисей ему не предъявлял. То есть он может делать всё, что захочет, только чтобы в нужное время он вёл войны с Израилем – это был его единственный долг перед Властелином миров. Думаю, что он и сам неплохо понимал, что быть плохим для него невыгодно, ибо наслышан о воздаянии в конце концов, о чём учили разные религии, не только еврейская. Если он, имея поддержку Сущего, будет слишком наглеть, то хотя в этой жизни ему мало что грозит, то всё же встречаться с Ним после этого ему не хотелось бы.

Так что сейчас ему нужно было обойти всех претендентов на престол, и он считал, что ему нужно устранить Венадада. Явно у него был к нему какой-то счёт, так что с его стороны он имел какие-то оправдания своим действиям. Раньше он не смел сделать это и изображал полную лояльность Венададу, зная, что будет наказан, предпринимая свою месть. Теперь же он точно знал, что никто не сможет его остановить, раз уж сам Елисей предсказал ему, что он будет новым царём здесь. В его способе устранения царя лежит коварство, неприемлемое для многих, хотя для суда над ним надо знать конкретную обстановку во дворце и историю многих дел. Кроме устранения Венадада ему нужно было ещё как-то обойти предполагаемых претендентов на трон. Но Азаил сделал по своему, то ли был беспринципным человеком, то ли царь был перед ним где-то сильно виноват.

Он пришёл к царю, и передал ему ответ на его вопрос, что он выздоровеет, болезнь не опасна. Но на следующий день, видимо, подготовившись, то есть сговорившись с некоторыми важными людьми, которые поддержат его в случае успеха, он пришёл к царю, когда тот спал, и положил ему на лицо намоченное водой одеяло. Нужные люди поддержали его, и он оказался на троне Дамаска.

Иудея. Иосафат

Иосафат вступил на трон в 911⁴¹ году до н.э. и царствовал двадцать пять лет. При нём в Израиле на севере сменилось три царя. О нём мы уже говорили в истории об Ахаве, с которым он

41 Не думаю, что расхожусь с большинством исследователей больше чем на 2-3 года. К хорошо выверенной дате смерти последнего независимого царя Иудеи Иосии в 608 (или 609) году эта хронология приводит, что и требуется.

сблизился после того, как тот сменил курс после мощного потрясения основ Илиёй. Правда, за это сближение он подвергся критике, один из пророков передал ему, что Бог недоволен этим сближением. Причина этого недовольства была в том, что хотя сам Ахав ещё как-то был искренен в своих переменах, но не очень последователен, однако же особенно было опасно иметь дело с его женой, Иезавелью. Это сближение обошлось чрезвычайно дорого его потомкам, хотя Иосафат поначалу мог недоумевать, что он делает неправильно, поскольку внешне всё казалось великолепным – Израиль вернулся к Богу от язычества в результате действий Илии пророка, сам царь признал это официально, так что же тогда не так? Возможно, что он судил их по себе, не понимая слабости положения дел духовных у соседей, не слишком глубоко разбираясь в человеческой природе. Дела в самой Иудее при Иосафате шли весьма успешно. Сам Иосафат преуспевал во всём, он и сам был верным человеком, и хорошо направлял и общество. Это был один из лучших царей, его характеризуют, что он был очень похож на Давида в его ранние дни – лучшей характеристики трудно желать. То есть он был на деле близко знаком со своим Богом, и это было источником процветания и его страны. Едва начав царствовать, он начал посылать по Иудее учителей закона (то, с чего начинал Самуил), которых сопровождали первые князья страны, поддерживая своим авторитетом духовное образование народа. Такие вещи всегда приносят перемены к лучшему, смягчая нравы общества и этим облегчая все взаимодействия. У него были построены склады со стратегическими запасами. Армия насчитывала более миллиона человек, и похоже, что превосходила даже израильскую, так как в те времена Израиль терпел ряд бедствий, в то время как Иудея собирала дань с соседей. Страна вместе с царём за время его царствования значительно возвысилась и укрепилась, набрала очень весомый авторитет между соседями.

Война с восточными соседями

Однако некоторые не могли успокоиться, пока не попробуют сами и не удостоверятся. В Моаве и Аммене, как и у едомлян, завистливым глазом смотрели на продолжающийся расцвет в Иудее, им казалось, что её усиление в будущем грозит им ещё большими потерями. Они уже платили дань Иосафату, и думали, что если он станет ещё сильнее, то им от этого станет ещё хуже. Они судили, конечно, по себе. В самом деле есть бывают такие люди разбойного склада характера, что всяческое ослабление соседа воспринимают как руководство к действию, чтобы подчинить его или совсем захватить, чтобы усилить себя. Но даже если бы цари у евреев были тоже такого склада ума, то уже Бог, заведовавший ими, не позволял бы им делать это, такие захваты ради захвата были совершенно не в курсе Его политики. Всё, что могло случиться плохого для моавитян и прочих соседей Израиля, уже случилось, и худшего, чем дань иудеям, их не ожидало. Но кто и как мог объяснить это этим недалёким людям, жившими большей частью лишь эмоциями? Они видели немалую военную силу Иудеи, но посчитали, что на всякую силу может найтись другая сила, и сумели сколотить коалицию, превосходящую армию и ополчение соседей. Участие в этом походе приняли часть едомлян, и как не раз бывало, сирийцы (не из Дамаска, было немало других). Эта громада двинулась на запад, приведя в ужас население и власти Иудеи. Вторжение было внезапным, так что можно понять эмоции Иосафата, когда он оказался перед угрозой скорого прихода большой войны на его землю. По идее у него было достаточно войск, чтобы отразить или остановить вторгшихся врагов, но они не были собраны вместе, и это требовало времени, которого сильно не хватало. Поэтому он обратился к своему Богу. У него было немало причин надеяться на Него, его совесть не была отягощена неверностью Ему, вся его жизнь была общением с Ним и служением Ему, поэтому он не ощущал помех или преград от уязвлённой совести.

В общественном фольклоре под влиянием практики христианского большинства сформировалось мнение, что хотя грехи Бога гневят, но вроде как всегда можно покаяться, и снова станет всё хорошо (и даже вроде можно снова грешить). В истории Израиля таким примеров как раз подавляющее большинство – когда евреев постигали

наказания за грехи, они каялись, переставали делать то, за что были наказаны, и тогда Бог снова выручал их из бед, которые наводил на них. Правда, есть нюанс – евреи даже не думали жить по этой формуле "грешить и каяться", они просто забывали Бога, уходили от Него и о покаянии вспоминали только когда становилось плохо, сегодня же "грешить и каяться" означает не забывать о Боге и Его порядках, но сознательное нарушение, рассчитывая избежать наказания, когда оно появится на горизонте, принеся извинения... Не знаю, что хуже. Но тем, кто думает подражать тем или другим, со стороны не заметно, что в то время, когда понадобится защита от врага, помощь придёт не сразу, а только по прошествии некоторого времени, за которое немало людей пострадает и даже погибнет. Время, затраченное на возвращение к Богу, не нулевое, это не происходило в один момент. Отдельный человек, конечно же, особенно религиозный (их тех, что живут циклами от покаяния до покаяния), резко меняет свои мысли и настрой, едва ощутит наказание, но в больших масштабах всегда происходит некоторое время, пока большинство людей придут в какое-то единство по этому вопросу. Так что с помощью покаяния таким людям беды не избежать.

Иосафат объявил общий сбор, всех кто мог услышать, и объявил пост, чтобы все прониклись важностью момента. Он обратился к Богу за помощью, как будто все его войска ничего не значат, в его глазах как будто нет миллионного войска. Наверное, за эти пару дней общего сбора подтянулись и командиры со своими отрядами, но всё же он совершенно правильно рассматривает текущий момент времени. Если бы Бог захотел, то и куда меньшее вражеское войско могло бы разгромить их. В этот раз Иудея была на высоте, и Бог не собирался возвышать их врагов, не за что было наказывать, но именно потому, что Иосафат находится в верном состоянии духа, он ясно видит, Кому они обязаны всем и отдаёт должное Тому, Кто всегда хранит и защищает их. Иосафат особенно остро в этот момент проникся пониманием зависимости жизни и всех её проявлений от Источника жизни, и Бог ответил на это, не мог не отметить и не наградить правильное положение вещей в этой стране. Один из левитов услышал голос и повеление передать царю и всем то, что ему было сказано, и он объявил царю, что на этот раз им даже не придётся пускать в ход оружие, Суций решил лично выступить против их врага. Им остаётся стоять и смотреть, что Он будет делать. Эта война была названа войной не их, но Бога.

Люди и царь были в восторге, сомнений не могло даже возникнуть. Все поклонились Богу, проявившему Себя сегодня, и стали готовиться к следующему дню. Кому-то пришла мысль, скорее всего самому Иосафату, что раз завтрашняя победа гарантирована, то стоит выйти против врага с песней победы. Идею поддержали и сделали это – на следующий день они вышли на то место, которое Бог указал им, где будут враги, и впереди армии поставили певцов и музыкантов. Перед лицом неприятеля они начали петь один из псалмов, и в это время среди врагов возникли какие-то несогласия, быстро приведшие к междуусобице. Вначале ссора была с едомлянами, и моавитяне с аммонитянами как братья, дружно накинулись на них, но когда покончили с идумеями, дух ссоры не исчез, но только разгорелся, и они накинулись друг на друга. Иудеям осталось только собрать добычу, и её оказалось столько, что делать это пришлось целых три дня. Это эпическое поражение врагов Иудеи навело на её соседей немало страха, и после этого мало кто мыслил злое против этой благополучной в то время страны.

Некоторое время спустя после этого похода уже израильский Иорам устроил поход на моавитян, и позвал с собой Иосафата, об этой истории мы уже говорили несколькими главами раньше. И идумеи присоединились к их походу из-за ссоры с моавитянами и аммонитянами. Записи о Иосафате идут в книге Царств после повествований о династии Амврия-Ахава, поэтому и здесь я рассматриваю их не в строго хронологическом порядке.

Неудачный поход за золотом

Преуспевание страны могло быть ещё большим, если бы было больше золота, так думают многие. Иосафат знал, где его взять, со времён Соломона оставались знания об этом, по крайней мере хотя бы некоторая информация была. Правда, в те времена Соломону помогал царь Тира, самим заниматься поисками и снаряжением было сложно. Но в этом деле предложил свою помощь Охозия, с которым они были в союзе, продолжая отношения, заключённые с его отцом, у которого было больше знаний о кораблях, Африке и тамошнем золоте. Корабли были построены, однако же Сущий крайне неодобрительно относился к сотрудничеству Иосафата с этим отступником, для которого не были дороги уроки, пройденные его отцом Ахавом. Построенные корабли были разрушены штормом, и Иосафат не стал продолжать это предприятие. От пророков он услышал осуждение и хотя не расторг военный союз о взаимопомощи с Израилем, новые предложения от Охозии не стал поддерживать. Если бы он проявил больше личного поиска, то думаю нашёл бы способы, где и как добыть золота для чеканки монет, это всё было вполне законной деятельностью перед Богом, проблема была лишь в том, кого он взял в помощники. Его поиск решения мог бы привести (и определённо привёл бы) к развитию технологий и наук, однако небольшая неудача разочаровала его и он отступился. Собственно, даже здесь для последующих исследователей жизни был урок, что в любом деле нужно собирать правильную команду, и то, что Иудея потеряла темп развития, был в немалой степени связан с плохим выбором союзника. Иосафат потратил слишком много эмоций на Охозию, и у него не осталось сил на продолжение. Конечно, к тому времени он уже был совсем не молод, ему было 54-55 в тот момент, а прожил он всего шестьдесят лет, то есть был уже в преклонном лично для него возрасте. Тем более нужно было беречь душевные силы и сразу планировать с учётом уже известного ему о Боге и о том, как Он относится к тем или иным вещам. Он уже имел опыт с Ахавом, который был в самом деле обращён некоторое время, и то Сущий ограничивал его сотрудничество с этой семьёй, Охозия же был если и похож на отца, то был худшей его версией.

Иудея. Иорам, сын Иосафата

Иосафат, несмотря на то, что сам по себе был очень надёжным и верным человеком, праведным перед людьми и Богом, сделал некоторые ошибки, которые разрушили практически полностью всё, что он сделал для страны и Бога. При его жизни признаков проблем не было заметно, а углублённым анализом он так и не занялся. Он может быть мог просчитать последствия, выбрав из сыновей понадёжнее характером, но он этого не сделал. На царство он поставил старшего Иорама, у которого жена была дочерью Иезавели и Ахава. Это была роковая ошибка, пророки не раз его предупреждали и отчитывали, что общение с израильскими царями неприемлемо, но он доверил страну в руки сына, находящегося под влиянием не только язычества, но и политики того рода, что свойственна изощёренным в политических играх детям этого мира. Разумный человек должен понимать, что движет людьми и что движет политиками, однако же Иосафат не развивался так, как было нужно, удовлетворившись своими успехами в том, в чём он был успешен. Однако же если бы он хотел больше прославить своего Бога, то он бы сделал очень хорошо, стремясь к мудрости Соломона. Соломон скомпроментировал высший дар Сущего, и после него он был в немалом пренебрежении, и это положение нужно было выправить, оправдать высшие возможности человека и Того, Кто сам подаёт пример высших возможностей. Иосафат пренебрёг этой задачей, и в результате всё, что он строил, вскоре рухнуло.

Иорам через некоторое время после своего воцарения уничтожил своих братьев. Возможно, с их стороны не было никаких опасностей для него, но дочь Ахава на всякий случай просчитала варианты, что другие сыновья Иосафата, также как и многие старейшины страны, не будут довольны тем, что они собирались делать. А перемены были значительные, и со стороны Гофоллии и Иорама это был вызов всем традициям, заложенным последними праведными царями после Ровоама. Это можно назвать и переворотом, преувеличить вред, нанесённый Иорамом и его

женой, трудно. Они стали вводить язычество, наверное, ссылаясь на то, что не все люди довольны служением одному только Сущему, на то, что в древние дни евреи служили разным богам. И вводили они эти перемены силой, подавляя сопротивление отдельных людей, не желавших допускать отступления от божественных порядков, которые плохо кончатся. Если бы были живы братья Иорама, народ и князья могли сместить Иорама и поставит другого царя, либо сам Бог вмешался бы и устранил отступников, поэтому Гофолия предупредила этот шаг, потребовав от Иорама физически устранить будущих соперников. При этом также были убиты некоторые из князей, которые были настроены против перемен. Таким образом сопротивление в стране было подавлено, и перемены пошли более-менее беспрепятственно. В какой-то мере это был реванш язычества за поражение, нанесённое ему Илиёй в северном царстве... Не думаю, что ошибусь, если скажу, что это был давний план Иезавели.

В результате таких перемен многие в народе постепенно начали втягиваться... В Иудее немалое время правили цари, которые активно сдерживали язычество, так что большинство народа стали в какой-то мере просто забывать его, хотя кто-то мог втайне придерживаться чужих богов. Теперь они вышли из подполья, и многие простые люди, плывущие по течению, пошли за ними. И последствия отступления не замедлили сказаться – две области, подконтрольные Иудее во времена Иосафата, вышли из-под опеки и вернули себе независимость, Идумея и Ливна. Никакими усилиями их не удалось вернуть, и слава Иудеи как сильной страны резко померкла. Для любителей язычества это был предупреждающий сигнал, и патриоты могли бы задуматься, что путь отступления от Сущего приведёт к разрушениям. Однако для царя и его жены эти доводы не работали, дочь Ахава вообще, кажется, имела цель нанести этой стране как можно больше ущерба, возвысив этим Израиль, а возможно, имела план присоединить Иудею к Израилю. Весьма вероятно, что так и было в планах Иезавели, этот мотив позже в самом деле звучит у пророков⁴².

Видимо, в самом начале царствования, к Иораму пришло письмо от Илии, который ещё жил на Земле (в отчётах тех времён не указано время его ухода, впрочем он не ограничен в своих посещениях Земли, даже живя вне её). Там говорилось, что за смену курса предыдущих царей, а также уничтожение родных братьев, все эти его дела навлекают на него тяжёлое возмездие. Кроме войн и потерь для страны, будут потеряны и его дети, а также он сам получит сильную болезнь. В самом деле трудно понять его упорство, зачем надо было настолько сбиваться с пути – убивать братьев, которые вряд ли делали ему что-либо за всю жизнь, ведь нужно было пересиливать себя, как-то объяснять себе самому необходимость перешагивать через себя, зачем всё это? Только чтобы угодить жене? Хотя и такое могло быть, но больше мне кажется здесь было что-то вроде тщательной обработки с её стороны, вплоть до гипноза, хотя он не был бессознательной (то есть невинной) жертвой, на нём есть своя часть вины. За столь вопиющее и беспричинное отступление инициатору полагалось гораздо большее наказание, чем на тех, кто привычно следовал по накатанной колее, проложенной другими.

Сказанное Илиёй полностью сбылось. На страну нападали разные враги, филистимляне и арабы с юга. Однажды, ближе к концу его царствования, они прорвались и дошли до Иерусалима. Они много пограбили, забрали его детей и жён, впрочем не всех. Страна резко обеднела и потеряла свою военную силу. После этого поражения от врагов Иорам был поражён болезнью, подробности которой не описываются, известно лишь, что к концу жизни у него стали выпадать внутренности. Вид царя не вдохновлял никого, все ясно видели руку Сущего и Его справедливость. Когда Иорам умер, его похоронили без каких-либо почестей и даже не оплакали, что показывает немалую степень неприятия народом его политики и его самого. Даже те, кто выступали проводниками его с женой политики, были уstraшены возмездием, обрушившимся на его дом, и не спешили добиваться, чтобы царю были возданы последние почести.

Однако же главная фигура и инициатор всех перемен к худшему оставалась на своём месте. На царство был поставлен сын Иорама Охозия. Он был молод, но помнил ещё праведного деда и рос в атмосфере изменившихся порядков, и мог бы сделать выводы о "тогда и сейчас", но его мать не позволила ему никакого выбора, если он вообще был намерен что-либо менять. У Гофолии было своё задание и она не отступалась ни перед чем, ненавидя Суцего и всё, связанное с Ним. Впрочем, не одна дочь Ахава оказывала влияние на царский дом Иудеи, после гибели Иорама Иезавель лично была консультаном у Охозии и делилась с ним своими премудростями.

Но Охозия не долго был царём, он подвернулся под руку Ииую, которому Елисей поручил снести династию Амврия-Ахава. Как прямой потомок Иезавели Охозия подпадал под это заклание, и получилось так, что он пошёл в Израиль навестить своего царственного дядю, Иорама Израильского, который лечился от ран, полученных на войне с Азаилом. С Охозией шли другие его братья и сопровождающие, которые все были убиты Ииуем. По идее, он бы мог (и даже должен был) добраться и до Гофолии, но у него не было полномочий вторгаться в Иудею, поэтому иудеям пришлось самим справляться с их стихийным бедствием в лице Гофолии.

В Иерусалиме же весть о гибели Охозии вызвала очередные потрясения. Гофолия не оставилась ни перед чем, чтобы остаться при власти. Она уничтожила всех детей Охозии, хотя это были её собственные внуки, но если бы они оставались, то на трон взойшёл бы законный наследник, а её отстранили бы от власти. К счастью, Бог не позволил её планам сбыться полностью, один ребёнок, младший грудной сын Охозии был каким-то образом унесён дочерью Охозии с места убийства, на дочерей царя экзекуция не распространялась, к счастью, и маленький Иоас остался жить.

Иудея. Иоас

Время Гофолии

Иосавеф, сестра маленького Иоаса, была в то же время женой первосвященника Иодая. Каким-то чудом ей удалось выхватить одного из тех, кого должны были убить по приказу царицы, и пронести мимо людей, быстро и безжалостно выполнивших безумный приказ. Это были её братья, но больше она не могла ничего сделать, и как ни жалко было остальных, надо было спасти хотя бы одного. Она неплохо разбиралась в текущем моменте и в политике того времени, кто есть кто в Израиле и Иудее, и использовала свой шанс защитить дело Суцего. Без неё престолонаследие в Иерусалиме оказалось бы в запутанном состоянии, поскольку основная линия наследников трона была уничтожена дочерью Иезавели. Но как бы то ни было, она вынесла ребёнка из комнат, где вершилась расправа над династией Давида, и некоторое время скрывала его во дворце, а затем перевела его и его кормилицу на территорию храма. Там имелось достаточно комнат, чтобы ребёнок мог расти долгое время и его никто посторонний не видел.

Гофолия шесть лет правила Иудеей, хотя и вопреки всем уставам и порядкам, будучи не из рода Давида, а священник Иодай воспитывал маленького мальчика, готовя его к ответственным делам. Когда прошло шесть лет, про Иодая летописец написал, что он "ободрился", думаю это означает не то, что до этого он унывал, но что в тот момент он предпринял активные действия, которые в случае неудачи стоили бы ему жизни, как и всем участникам его предприятия. Он раскрыл секрет нескольким начальникам отрядов левитов, которые охраняли храм, и те не предали его. В те времена, когда власть была у проязыческих сил, храм мог испытывать тяжёлые времена, хотя бы уже лишь потому, что многие могли отдавать свои дары не левитам и Храму, а языческим капищам и их служителям. Но видимо те, кто остались и держали службу, дорожили ею и были людьми верными, довольствуясь крохами для себя и своих семей. Теперь же приближались времена очищения страны от чужеземной скверны, насаждаемой сверху и поддерживаемой многими, привыкшими к новым порядкам. Иодай показал левитам Иосию, который уже достаточно подрос, чтобы с помощью опекунов уже занимать трон и издавать указы, и те оживились, пред-

чувствуя перемены к привычным порядкам. Очень похоже, что Гофолия не была популярна у большинства, слишком чужой она была для народа. Здесь сыграла свою роль взаимная неприязнь между Севером и Югом, Иерусалим был некогда столицей большого Израиля, и присоединяться на правах окраины к отколовшимся из-за зависти остальным племенам иудеям было унижительно. Люди помнили оскорбительные для них реплики израильтян в их сторону, когда северные племена пошли за Иеровоамом – "знай теперь свой дом, Давид". Они были бы согласны на то, чтобы Израиль присоединился к ним, но никак не наоборот, поэтому сама природа политического момента вела к отторжению Гофолии иудеями.

Иодай расставил охрану из вооружённых левитов вокруг царя, и начал церемонию посвящения его на царство. Вряд ли для этого приглашали людей с улицы, однако же все, кто так или иначе оказались около храма в это утро, увидели редкие события и мгновенно стали созывать всех посмотреть на нового царя из рода Давида. Крики и восклицания наполняли улицы и площадь вокруг храма, люди бегом бежали оповещать весь город и также сбегались все услышавшие радостные для всех известия. К концу церемонии народа было уже, наверное, с полгорода, и это было, как обычно в таких случаях, очень шумное собрание. Внимание царского дворца также было привлечено активностью народа, и Гофолия также пошла посмотреть, что такое происходит. Приблизившись к храму, она увидела, что на площади перед храмом на возвышении стоит мальчик в царских одеждах, с венцом на голове. Он был центром ликования, вокруг все прыгали, трубили трубы и играли музыкальные инструменты. Она была, пожалуй, одна, кто не испытал радости от увиденного. Она поняла, что все её усилия по уничтожению Иудеи оказались напрасными, и теперь осталось только дожидаться, когда эти неблагодарные иудеи оплатят ей за сделанное им. Она разорвала на себе одежды и закричала – "Это заговор, это заговор!" На неё обратили внимание, и первосвященник Иодай отдал о ней распоряжение, чтобы её не убили рядом с храмом, но вывели её за пределы храмовой территории. Она не стала ждать, пока её поведут силой, пошла к выходу, и несколько воинов сопровождали её, и когда она дошла до царского дворца, поразили её там.

Иоаса же провели в царский дворец, его настоящий дом, и посадили на царское седалище, по праву принадлежащее его роду. В городе же толпы людей направились в языческие капища и разгромили их, то, что было сделано руками Гофолии, мало кто был рад её новшествам. Если бы они сами склонялись к чужим богам, то не считали бы неприемлемыми эти храмы, но из-за того, что это всё вводилось и строилось насильно, что их и их веру приспешники чуждой власти считали второсортными, люди со своей стороны не принимали. Оттого сейчас с радостью избавлялись от знаков своего поражения и унижения.

Иоас и Иодай

Иодай первосвященник жил долго, до ста тридцати лет. Большая часть царствования Иоаса пришлась на его дни, и это было правильное и хорошее время. Иоас делал здравые вещи, даже ему случилось поправить дела, которые почему-то не получались у первосвященника. Дело в том, что после правления Гофолии храм стал нуждаться в ремонте. Вообще-то со времени его строительства прошло сто тридцать семь лет, и нужда в каких-то профилактических работах уже возникла, но после именно Гофолии это стало насущной необходимостью. На совещании у царя, которому со стороны это оказалось заметнее, чем работающим там священникам, было решено, чтобы священники, получающие немало средств от народа по разным поводам, тратили часть из них на ремонт стен и обшивки храма. Однако же прошли годы, и никаких работ так и не было произведено, и наконец Иоас потребовал, чтобы священники перестали собирать деньги на ремонт храма, потому что никто из них на ремонт ничего не выделял. Нельзя сказать, чтобы священники были совсем уж нечестными людьми, здесь был нюанс – по законам святилища все средства, попадающие в руки священников, как раз им и были предназначены, проблема была лишь в том, чтобы они выделили из этих своих средств для ремонта храма. Они согласились с

постановкой вопроса, и царь предложил лучший выход из положения, чтобы на ремонт деньги собирались отдельно. Сделали ящик-копилку, и теперь все желающие помочь с ремонтом могли опускать деньги туда. Это сразу изменило положение, и вскоре немалые средства начали работать, были наняты ремесленники и закуплены материалы для всех работ по храму.

После Иодая

После смерти первосвященника вдруг оказалось некому направлять страну. Вскоре к царю явились князья и написано, поклонились ему. Для обычного человека это звучит вроде как выражением покорности, но на деле почему-то всё было как раз наоборот. Хотя они и на самом деле выразили верховному правителю своё почтение, однако же с собой они принесли и некоторую программу, или лучше сказать, очень желаемый курс, по которому лично они собирались идти и на котором желали видеть общество. Они выразили надежду, что царь поддержит их, и не подддержать было довольно трудно. Их курс был в том, чтобы было поменьше строгостей, которыми прежний первосвященник обставил своё правление, они постарались представить дело так, будто бы в обществе не хватало свободы. Мне кажется, что Иодай мог в самом деле быть несколько строг и местами формален, так что его курс на праведность не всех вдохновлял. Для многих, проживших при неверных правителях от Иорама до Гофолии, многое после двадцати или больше лет правления Иоаса под влиянием Иодая, стало казаться романтическим. Не думаю, что Иодай навязывал свою волю Иоасу, но пока он был молод, а поначалу вообще мал, в самом деле он оказывал большое влияние как советник. В общем, сейчас князья призвали царя ослабить вожжи, и царь не смог противостоять им.

Думаю, что когда Иодай воцарил Иоаса, ему уже было за сотню лет, и в силу возраста он не был эмоциональным человеком, более сухим, и в силу печального опыта последних неприятных лет, в самом деле склонным к строгости. Само по себе это ещё не было злом, в подобных же условиях был когда-то и Самуил, но из того вышла совершенно другая личность по масштабу и направлению. Но всё же этим можно в некоторой степени объяснить (вот только никак не оправдать) и неустойчивость Иоаса как личности. Он не смог понять или познать Бога, и это было большой его проблемой. Теперь же, когда собрание сильных и влиятельных людей оказало на него давление, он не нашёл в себе сил, а скорее всего и желания, стоять за здоровые начала, и согласился с картиной общего согласия, предложенного князьями. Сейчас был случай, когда свита в самом деле делала короля, как хотела. Явно эти пришедшие заявить царю своё почтение прощупывали его, впрочем они сразу поняли, что из этого человека можно вить верёвки, и за внешним почтением проступало давление с угрозами, если царь вдруг не захочет пойти им навстречу, ведь они так стараются для общего блага, и как было бы здорово, если бы он вместе с ними строил общество равных возможностей для всех, где каждый бы мог выбирать свой путь. Слабому царю было легче сделать вид, будто бы и он сам желает того же, рядом с ним не было сейчас никого из сильных личностей, кто стоял бы на пути верности тем условиям, на которых их нации было обещано покровительство и процветание. В истории этого народа был ещё один подобный момент, когда царь пошёл на поводу у князей, то был последний царь Седекия.

Язычество в этих условиях начало процветать, потому что люди ощутили полную свободу выбирать себе богов, и никто их уже не заставлял. Последователей Сущего, а также Его служителей никто не гнал и не лишал поддержки, но по примеру князей народ легко отклонялся с Пути. Хотя неверно было сказать, что верных Сущему людей не гнали. Их бы никто и не тронул, будь они такими же как все, не мешали остальным определять свой путь самостоятельно.

В других условиях свобода выбора является безусловным благом, однако здесь и сейчас, в теократической Иудее, где Бог явно управлял и никаких сомнений в Его существовании и тесном участии в делах людей не могло и возникнуть, свобода выбирать себе богов и религию была несколько иным делом. Свобода совести означает равные

права людям в условиях, когда массы людей не имеют и в принципе не могут иметь однозначных возможностей определить истину в том или ином вопросе.

Злонамеренный человек, причиняющий зло обществу или отдельным его членам, не терпим всеми религиями, в этом они едины – их свобода религии и убеждений есть свобода выбирать путь добра, как они понимают это. Есть ещё свобода делать зло, которую предоставляет Бог, и это другой пласт жизни, однако в этой области воздаяние за зло совершенно иное, чем за ошибку в выборе религии. В свободе совести человек, даже делая объективную ошибку, направлен к добру, и его награда та же, что и у того, кто шёл по самому верному и правильному пути, разобравшись во всех хитросплетениях религиозных вопросов.

И ещё очень важный нюанс – христианские церкви определяют свои обязанности из одного источника, поэтому при всём разнообразии мнений по ряду вопросов они весьма схожи во многих базовых областях. Впрочем тот же принцип распространяется и на другие религии, если человек верит в других богов и источником своих верований имеет другие источники, его принимают в тот же круг благонамеренных людей, поскольку подразумевается, что он будет делать лучшее, а не худшее, исходя из правил и законов своей религии. Пока выполняются эти условия, в обществе будет достаточное согласие для решения самых разных проблем и сглаживания любых противоречий. Но для Израиля, где живой Бог открыто проявлял Себя, где были все возможности выяснить верный путь, выбор религии не был вопросом свободы совести, это был чистый уклонизм, что было ясно всем, по крайней мере в то конкретное время.

Вот только при наличии живого Бога, который лично создавал этот народ для Своих грандиозных целей, такое безответственное решение подрывало все основы. Из этой мутной вольницы очень скоро развилась бы нехорошая среда, как уже бывало, для тёмных сил Израиль всегда был приоритетной целью, и для дьявола существование этого народа было источником недовольства и раздражения. И если среди простых людей, держащихся их призвания, мало кто возражал против нововведений, то для людей с пророческим даром невозможно было промолчать. Сын первосвященника Иодая получил слова, которые он должен был сказать царю и всему народу. Они должны были услышать, что Сущий думает о новом политическо-религиозном курсе царя и князей. Промолчать для пророка почти невозможно, и если он молчит, то будет иметь большие проблемы, в том числе внутри себя. Противиться зову очень трудно, вот и Захария не стал этого делать и думать о последствиях. Однажды он поднялся на возвышение, чтобы его было видно большому числу людей и передал им от имени Сущего – "Зачем вы преступаете повеления Сущего? Вы не будете иметь успеха, поскольку вы оставили Его, то и Он оставит вас". Народная память хранила много случаев, когда Бог оставлял их, и никогда, ни разу это не заканчивалось добром. Они теряли защиту и приходили враги. В силу своего рождения они не могли жить вдали от Него, как все остальные, на них лежало призвание, и нейтрального положения у них не было – или-или. Весть было вполне определённая, и народ мог впечатлиться и как-то помешать соглашению верхушки общества, поэтому то ли царь, то ли кто-то из князей тут же организовал убийство посмевшегося возразить. По опыту многих отступлений (на этом тоже кто-то учился и извлекал тёмную мудрость) те, кто решился противостоять Богу, знали, что у них будет немало времени на осуществление своих целей, что Сущий очень редко сразу пресекает подобные нарушения, поэтому действовали смело. Они организовали толпу, где задавали тон их слуги, и те за сопротивление царю и за кощунство побили его камнями. Это был наглый вызов Сущему, это они были кощунниками, но здесь успех был пока на их стороне. Захария, умирая, предупредил их – "Сущий видит и взывает".

В течении года случилась война, приходили сирийцы Азаила. До этого, может быть ещё до предупреждения Захарии, они же воевали с филистимским Гефом, и заодно подошли к Иерусалиму, наверное, на обратном пути. У Иоаса уже не было Помощника в небе, поэтому ему пришлось напрячься и опустошить свои очень немалые богатства, накопленные его отцами, со времени Ровоама богатства Иудеи были восстановлены если и не до уровня Соломона, то всё же это были огромные суммы и ценности. Сейчас Азаил забрал очень много, и он ушёл вполне довольный добычей, оставив Иоаса в задумчивости о цене соглашения с князьями. Теперь же сирийцы пришли во второй раз, и летопись говорит, что войско было совсем небольшое, но они разбили немалые силы Иудеи, потому что Сущий помогал Азаилу, и та рука, которая раньше сопровождала иудейскую армию, сейчас помогала Сирии. Сирийцы убили всех князей, которых только обнаружили в Иерусалиме, досталось и самому Иоасу, его хотя и оставили в живых, но он был сильно изранен. Летопись утверждает, что пришедшие сирийцы судили Иоаса и всё, что они сделали в Иерусалиме, было приведением их приговора в исполнение. Как-то не верится, что Азаил стал верным последователем Сущего, однако же он был обязан своим положением Елисею, который фактически поставил его над Сирией волей Сущего. Вряд ли он отказался от традиционных богов своей земли, но что он признавал Бога евреев, довольно-таки определённно. И сейчас его посланники наказали Иудею за скатывание в язычество, я даже думаю, что именно это Иоасу вменили в вину вторгшиеся пришельцы.

Однако кроме сирийцев нашлись ещё люди, имевшие претензии к царю Иудеи. Они не удовлетворились его ранами и побоями от сирийцев, и пока он лежал больным, двое мстителей пришли к нему и убили его, мстя за кровь Захарии, сына Иодая первосвященника. Сделанное ими выглядит для ревнителей нормальным делом, однако же при всей кажущейся правомерности их деяния оно не выглядит законным. Сирийцы уже судили царя и князей-отступников, а эти люди наказывают уже прошедшего суд ещё раз. В своё время меня поразил принцип советского правосудия "за одно преступление два раза не наказывают" и его продолжение "два раза не расстреливают", то есть если человек выжил, когда его хотели казнить, то он должен оставаться в живых, никто не должен пытаться довести приговор до конца. Но в обычаях США почему-то иное, там, где советские судьи останавливаются, уважая внешний фактор, американские ставят себя выше Бога, ставящего препятствие вынесенному приговору.

Во время Великой Отечественной так выжил мой дядя, брат моей матери, Ефременко Пётр Яковлевич. Нарушение было, не сказать, что настоящее. Он и несколько баптистов были призваны на войну, и все считали правильным быть в армии, но многие отказывались брать в руки оружие, стараясь служить во вспомогательных подразделениях. Не брать в руки оружие, насколько я теперь понимаю (не уверен, что знаю историю вопроса, но всё же разобрался в сути проблемы), заложил в России Л.Н. Толстой своей идеей непротивления злу насилием. Впрочем, не он один исповедовал это, на западе квакеры также жили с этим убеждением, эта идея повлияла на ряд протестантских церквей, хотя и там были люди, знавшие, что бывают времена, когда нужно защищать свою землю, родных и близких, в том числе оружием. Но как-то, видимо, в силу чрезмерного отторжения религии советской властью у многих верующих возникло взаимное отторжение и сложилось стойкое убеждение, что воевать в защиту страны грех (сравните с тезисом коммунистов, что защищать капиталистическую родину не нужно, нужно желать ей поражения, чтобы скорее свергнуть власть капиталистов... – не являются ли эти взгляды сектантством одного толка, пусть и на разной почве?). Были люди, старающиеся объяснить остальным, что это не верно, но у них это не получалось – людей с образованием, интеллигентных и могущих объяснить многое выбивали в первую очередь (тут трудно винить коммунистов, это скорее троцкистское, сатанистское движение в коммунистической среде), несмотря на то, что

репрессии тридцатых годов оказались не столь масштабны, как это описывали в пост-перестроечное время, всё же статистика всех церквей Советского Союза очень печальна – кадры служителей, лучших из них, были выбиты, мало кто вернулся из арестованных и репрессированных⁴³. В общем, Пётр поначалу взял оружие, однако некоторые из его братьев закричали на него, что он делает грех, что это нельзя, и он ради них, чтобы не соблазнять их, слабых в вере, отложил оружие. Именно за это его приговорили к расстрелу, причём тех, кто сразу не брал оружие, не тронули. Не знаю, служили ли они где-то в нестроевых частях или были отданы под суд, но Петра вывели в лес и выстрелили в голову. Пуля вошла в глаз и вышла через висок, то так как голова была вся в крови и он без сознания, то его просто прикопали неглубоко и ушли. Через некоторое время он очнулся, и когда понял, что произошло, стал выбираться из под земли. Это было, оказывается, трудным делом, но рыхлая земля, подсыпаящаяся под приподнятые части тела, позволила по сантиметру выбраться на поверхность. Он сумел дойти до какого-то жилья и там потерял сознание. Но молодой организм быстро справился с последствиями ранения и вскоре он догнал свою часть и служил в ней до конца войны без каких-либо взысканий. В документах⁴⁴ в архивах МО о нём имеется запись о расстреле командиром, но эта запись затем зачёркнута (!), что является весьма необычным явлением... Думаю, что такое зачёркивание является единственным за всю историю Советской Армии. Позже, к сорокалетию Победы он был награждён орденом Отечественной войны I степени. Думаю, это хорошая реабилитация. Он много лет был пресвитером баптисткой церкви в Клинцах, его очень любили и уважали многие, знавшие его.

Удивительно было то, что эти двое, вынесшие свой приговор царю, были не совсем иудеями, их матери были одна аммонитянка, а другая моавитянка. Мне было удивительно, что сами иудеи никто не взялся за месть, и лишь эти люди решились на это. Но позже подумал, что если среди иудеев и были недовольные царём, то они удовлетворились тем наказанием, что Бог обрушил на него, и то, что сделали эти двое, было несправедным действием, на которое Бог не давал им полномочий. Они воспользовались лишь удобным случаем, в других обстоятельствах они бы побоялись или не смогли ничего сделать. Наказывать уже наказанного – оно как-то неправильно, поэтому возмездие Амазии, сына Иоаса, вполне справедливо. Когда тот стал царём, он казнил этих людей, поднявших руку на лишённого сил и здоровья уже поражённого человека.

Израиль. Смена династии. Ииуй

Иорам царствовал двенадцать лет, и почти одновременно со своим зятем Иорамом в Иудее они закончили свои жизни. Иорам, сын Ахава пережил иудейского тезку на год, он умер одновременно со своим племянником Охозией, сыном Иорама иудейского. В чём-то он был лучше своего брата Охозии (предыдущего царя Израиля), не пренебрегал Богом своей страны, однако же не следовал Его порядкам от всей души, а скорее вынужденно, под давлением внешних обстоятельств. В силу этого он не удостоился никакой похвалы в летописях. Немало чудес Елисея происходили в его время, скучать ни ему, ни стране не приходилось, но отсутствие в душах отклика на всё, чем Бог старался их заинтересовать и увлечь, разрушало все Его самые лучшие усилия. Они бездарно прожили это чудеснейшее время всей истории Израиля, и когда пришло время и Елисею уйти на покой (не скоро, он жил ещё при последующих трёх царях), от него не осталось никакого следа, кроме как в летописях. Иорам пользовался помощью Елисея, скорее всего был благодарен за все эти успехи и удачу, но его безразличие к духовным предметам свело

43 Много описано в книге Юрия Грачёва "В Иродовой Бездне", это едва ли не энциклопедия репрессий против христианства тридцатых и позже годов. Однако именно факты из неё заставили меня серьёзно пересмотреть некоторые взгляды, я перестал быть антисталинистом.

44 Уроженец Орловской области

на нет всю немалую работу последних лет. Поэтому Бог обозначил этого царя как нечестивого, и дальше терпеть этого безразличного человека на троне Он не желал, его время вышло.

В Иудее уже правил Охозия, сын Иорама и Гофолии, внук Иезавели, когда Елисей получил весть, что настало время династии Ахава (точнее Амврия) уйти. Елисей поручил одному из учеников школы пророков задание – пойти к Рамофу, где до сих пор военные Израиля пытались отвоевать этот город у сирийцев. Со времени Ахава все усилия военных были безуспешны. Здесь был смертельно ранен Ахав, также на днях был ранен и Иорам, его сын. Молодой пророк должен был произвести помазание елеем главного командира, Ииуя. Этот сильный человек теперь был предназначен в цари, предыдущая же династия, по правилам тех времён, была обречена.

Молодой человек пришёл в войска около Рамофа, когда командиры сидели на улице, проводя совещание. Он уже знал, кто из присутствующих Ииуй, тот был здесь главным. Пророк сказал – "у меня есть слово к тебе, командир". "К кому из нас?" – спросил Ииуй, и пророк ответил – "К тебе, командир". Было очевидно, что у пророка какое-то личное сообщение, не предназначенное для остальных, поэтому Ииуй вошёл в дом и молодой посланник вошёл за ним. В доме он, не предупреждая, вытащил сосуд с оливковым маслом и вылил его на голову Ииуя. Тот уже понял, что это значит, и пророк подтвердил – "Так говорит Суций, Бог Израиля – помазываю тебя в цари на Израилем, и ты истребишь дом Ахава, чтобы Мне отомстить за кровь Моих слуг пророков и всех павших от руки Изавели", добавив к этому немало указаний. Этой династии было много дано – и возможностей делать многое по своему, и возможность исправить сделанное, но с последним возникли проблемы. Ахав воспользовался предоставленной возможностью, но его жена и дети нет. Если бы они были одни на свете, то Бог мог бы подождать ещё, но люди, ведомые неверным курсом, были в опасности из-за них, и дело ждать больше не могло. То есть людям было большей частью вообще всё равно, но их Бог, желавший, чтобы эти люди были примером и образцом правды и добра, не мог больше давать время дому Ахава на игнорирование Своего голоса. Теперь страну должен был возглавить другой царь, пока Елисей ещё присутствует на этой земле.

Будет ли он лучше? Он как будто не был лучше Ахава, однако же этот Ииуй был довольно знающим человеком, просвещённым о требованиях Бога, видевшим дела Илии и Елисея, сам по себе он был храбрым и ответственным, и он вполне мог изменить направление развития общества в правильном направлении. Ахав в своё время открыл людям дорогу в Иерусалим, и Ииюю уже не было необходимости делать революционные преобразования, возвращая народ в Храм и увводя от тельцов, поставленных Иеровоамом, эти перемены не требовали бы от него большого риска или напряжения всех сил. Но он почему-то всё же не сделал этого. Но это было в будущем, а начало у него было очень многообещающим.

Когда Ииуй вышел из дома, из которого уже убежал пророк, все командиры с сильным интересом ожидали новостей, многие ощущали, что грядут немалые перемены. К Ииюю полетели вопросы – "Зачем к тебе приходил этот неистовый?"

Такое представление о пророках и их учениках нехарактерно для Библии, для тех, кто близок к Богу и Его делам, но зато у простого народа впечатление о них было примерно таким вот. Ученики пророческих школ в самом деле чем-то отличались от обычных людей (что могло дополнительно привлекать туда молодёжь), многие там соприкасались с вечностью и бесконечностью, с Богом и Его силами, и это значительно расширяло сознание и возможности человека, он уже не был человеком обычным. В целом пророки не отличались от обычных людей, но всё же, когда они были при исполнении своих обязанностей, многое выделяло их из общего ряда.

Ииуй решил немного пошутить со своими друзьями и соратниками, ответив им, что они всё и так уже знают. К тому же капли масла на одежде и волосах могли выдавать произошедшее

в доме, но люди не приняли игры, им хотелось поскорее узнать, что произошло. Ииуй не стал играть дальше и раскрыл им всё. Реакция командиров показала, как они ценят и уважают его, и что с назначением Всевышнего они совершенно согласны. Они спешно, срывая с себя верхние одежды, постелили их ему на крыльце дома, оказывая ему честь первыми, и затрубили трубой сигнал чрезвычайных перемен, приветствуя и поздравляя нового царя. Их его кандидатура более чем устраивала.

Ииуй оставил сирийцев в в покое, изменившиеся обстоятельства поменяли расклады, и отправился с армией к царскому дому в Изрееле. Он предложил ничего не сообщать пока о его воцарении, не передавать вести об этом в города, потому что это вызвало бы у кого-то излишнюю панику, впрочем страна очень скоро узнает, что власть немного изменилась.

В Изрееле на стене сторож издали увидел приближающуюся армию, и это было несколько необычно, царь не призывал никого к себе и никаких сборов не ожидалось. Иорам, которому быстро сообщили новость, отправил одного всадника навстречу приближающимся военным. Тот должен был спросить у них, мирно ли их появление здесь, однако ответа царь не получил. Посланник доехал до отряда, однако же не вернулся, а поехал вместе с ними. Это Ииуй, услышав его вопрос, ответил уклончиво, выигрывая время – "Что тебе до мира, поезжай за мной". То есть сам сейчас увидишь. Царь потребовал послать ещё одного человека с тем же вопросом, но и тот остался с Ииуем. Однако отряды нового царя приблизились уже достаточно, чтобы сторож опознал главную фигуру в рядах военных, он сообщил царю, что судя по стремительности движений, это именно командир военной группы у Рамофа Ииуй.

Иорам, услышав это имя, велел запрягать свою колесницу и выехал навстречу отрядам. Явно он хорошо знал этого человека и не сомневался в его верности, и видимо он посчитал, что что-то случилось у Рамофа, может быть они победили и взяли этот город и возвращаются теперь с победой? Но тогда почему они не сообщили ничего его посланнику, не отпустили его назад? Однако Иорам не стал ни о чём таком думать. Он позвал с собой и иудейского царя Охозию, находившегося у него в гостях, и тот поехал с ним вместе. Получилось так, что они встретились с Ииуем у поля Навуфея, которого некогда погубила Иезавель ради прихоти мужа. Об этом поле было пророчество Илии, что на нём состоится возмездие Ахаву, хотя сам Ахав за счёт больших внутренних изменений избежал большей частью объявленной участи, но зато его сын и внук выполнили её в полной мере. Они не пошли по следам отца, но матери, которая до сих пор влияла на очень многое не только в Израиле, но даже и в Иудее, до сих пор плела интриги и козни.

Иорам задал свой вопрос – "с миром ли ты, Ииуй?" Думается, то этот сильный воин немного был смущён своей задачей устранить своего сюзерена, он видел, как тот доверял ему. Но как разумному человеку ему многое не нравилось в противостоянии Илие и Елисею со стороны Иезавели, главного зачинщика всяких тёмных дел во всей округе, не только в Израиле. И он нашёл, чем ответить, что сказать в лицо этому в общем-то неплохому по обычным меркам человеку, бывшему уже царю – "Какой может быть мир при блуде твоей матери Иезавели и множестве её колдовства?" Другие на месте Иорама ограничивали своих матерей, что сделал не так давно Аса, лишив царственных полномочий свою мать за один лишь истукан Астарты, но Иорам даже не помышлял о подобном, между тем как это был его единственный шанс оставаться при власти и продолжить свои дни.

После того, как Ииуй нашёл нужные слова, дальше ему стало легко, груз сомнений и неловкости исчез, и он натянул свой лук, поражая Иорама в сердце. После этого он выполнил пророчество, которое лично слышал лет пятнадцать или больше назад, присутствуя при том памятном разговоре Ахава с Илиёй. Илия тогда высказал Ахаву слова Сущего – "Не кровь ли Навуфея и его сыновей видел Я вчера? И отомщу тебе на этом поле". Ииуй сказал своему помощнику бросить тело Иорама здесь, на этом поле Навуфея, чтобы его кровь смыла гнев за пролитую кровь хозяина участка.

Охозия, видя случившееся, понял, что следующим должен быть он. Он понимал, что происходит, что пришло время расплаты всего их племени, и он тоже принимал немалое участие в планах Иезавели, как резидент этой заговорщицы в столице Иудеи. Он постарался спасти свою жизнь бегством, и сначала ему удалось достаточно удалиться от дороги, где были люди Ииуя. Он выбежал на дорогу, ведущую в соседний Мегиддон, но его настигли и убили. Его тело отвезли его слуги в Иерусалим и похоронили там. Он был царём Иудеи лишь один год. О том, что сделала его мать, уже было недавно описано.

Следующим этапом действий Ииуя была Иезавель, обезвредить её было необходимо в первую очередь после Иорама. Ииуй со своими людьми вошёл в город и проехал к царскому дворцу. Здесь его встречала сама хозяйка, она нарумянилась и собралась с силами, и что-то у неё было в запасе такое, хотя скорее всего она понимала, что у неё нет достаточно сил противостоять сильному отряду, но не оказать психологическое и гипнотическое воздействие не могла не попытаться. В этот момент она мобилизовалась и её красота на некоторое время вернулась к ней, да и не так уж она была и стара⁴⁵. Пока на поле Навуфея был брошен Иорам и ловили Охозию, ей донесли о открывшейся охоте на её династию и о том, что Ииуй берёт власть в свои руки. Она поняла, что должно случиться, но не показывает вида, что ей страшно, пока ещё она способна побороться. Ииуй мог погибнуть от меча в переходах дворца или стрелы из окна, а она это вполне может организовать, и что-то уже заготовила прямо сейчас... Она выглянула из окна, и стала прощупывать этого сильного человека, начав свою борьбу за жизнь и власть – ей просто не могло не повезти. Она встретила его словами – "Мир ли Замврию, убийце своего царя?" Знающие историю легко видели намёк, что взять власть можно, но не всегда удаётся её сохранить, как было с Замврием (который пробыл на троне лишь неделю, его "сменил" Амврий). Она пыталась смутить Ииуя, помня его верность до сих пор. Но Замврий действовал от себя, без божественного поручения и авторитета, он был человеком, которому подвернулся некий шанс, и он посчитал, что другого такого случая не будет, при этом он не имел ни поддержки в армии, ни авторитета у народа. Ииуй же никак не был подобен Замврию, и Иезавель просчиталась с этим своим посылом. Услышав такой привет, Ииуй ощутил, что его пытаются охмурить и тянут время, сбивая с толку. Если продолжать такой разговор, то он может упустить что-то важное. Как военный, он хорошо понимал, что эта женщина опасна и её опыт интриг колоссален, а количество пролитой ею крови может не уступать его. Поэтому он начал действовать на опережение. Вместо того, чтобы вбегать во дворец, где его могла ждать засада, вместо того, чтобы посылать туда своих людей, он крикнул в окна дворца – "Кто со мной? Кто?" Выглянуло пару человек, потом добавились ещё пару. По определению это были люди, которые были готовы выполнить его приказ (именно потому, что откликнулись), и он приказал им выбросить Иезавель из окна. Рядом с Иезавелью не было никого, верных ей людей она отправила навстречу Ииую на лестницы и переходы, в ключевые места, поэтому некому было её защитить от нестандартного хода Ииуя. И через полминуты или даже меньше Иезавель вылетела из окна... Высота была немалая, и приземлившись головой на камни двора, она погибла сразу. Её кровь забрызгала коней и людей, а Ииуй направил на неё коня и другие сделали то же.

Самый главный и опасный враг был повержен, и Ииуй мог расслабиться. Он отправился отдохнуть и поесть, и через несколько часов отдал приказ, чтобы Иезавель похоронили, потому что она царская дочь и при жизни была весьма неординарным, и даже великим по своему человеком. Теперь можно было воздать ей и последние почести, однако Ииуй не зря тянул эти несколько часов – ему было интересно, как сбудутся остальные пророчества Илии, человека, ко-

45 Вряд ли больше 65, а скорее 60 лет. В зависимости от умения ухаживать за собой и хороших условий жизни она могла быть довольно ещё в форме. Сорок семь лет назад Амврий стал царём, и лишь после этого, как царь, он смог взять своему сыну дочь царя Ефваала (Этбаала). Вряд ли это было в первый же год его правления, и возраст Иезавели на тот момент можно взять от 16 до 20.

торым он был глубоко впечатлён. Всё вышло именно так, как он и ожидал, как было предсказано, что Иезавель будет съедена собаками. Те, кто пошли за телом Иезавели, обнаружили лишь объединённый череп, остатки ног и кисти рук...

Оставались ещё сыновья Ахава, не только от Иезавели, их у него было семьдесят, а также его близкие родственники, также люди, которые входили в его команду. Большинство из них находились в столице, в Самарии. Была некая деликатная ситуация для Ииуя, ему не нравилось сплеча уничтожать людей, которых можно бы было спасти без вреда для себя в свете поручения свыше – среди князей и знати Самарии было немало людей, соприкасавшихся с Ахавом, но которые не заслуживали гибели. Им Ииуй попытался дать шанс и для этого он сделал весьма нестандартный для переворотов и революций ход. Он написал письма в Самарию тем, кто воспитывал детей Ахава, а по идее они бы как раз должны были разделить судьбу своих подопечных. Но он дал им шанс отделиться от них и перейти на его сторону, приняв участие в этой небольшой по меркам других подобных случаев зачистке. В письме он потребовал от этих придворных vybrать из сыновей Ахава кого-то достойного, объявить его царём (этим даже рискуя своим положением и уже обрётённым царским званием) и воевать против него, Ииуя. Те были людьми разумными, и получив письмо, говорили между собой, что им не устоять против умелого военного, на стороне которого вся армия, и в ответ послали письмо со словами покорности, что они уже имеют царя и будут слушать только его, Ииуя. Этим они обезопасили себя, да и страну от междоусобицы, от напрасных волнений. Теперь Ииуй потребовал от них дел, чтобы они прислали ему головы детей Ахава, что и было выполнено. За это время Ииуй тоже не терял времени даром, расправившись со всеми, кто участвовал в делах Ахава и Иезавели, религиозных и государственных, кто проводил её политику сопротивления Богу Израиля.

Оставалось ещё одно дело в столице, где был храм Ваала, служение которому было восстановлено после смерти Ахава (а может быть и не прекращалось вообще). Но по дороге в Самарию им встретилась одна группа людей, которые были детьми Гофолии, братья убитого Охозии, царя Иудеи. В летописи почему-то говорится о сорока двух человеках, однако, как в некоторых подобных случаях, это скорее всего число обобщённое, не думаю, что за сравнительно небольшое время брака Гофолия могла породить столько двойняшек-тройняшек. Сорок два человека – либо общее число родственников Ахава, либо дети Гофолии вместе с сопровождавшим их отрядом и службой. Поскольку это были потомки Ахава, то неумолимые законы тех времён не оставили им шанса, они были также убиты людьми Ииуя.

Прибыв в Самарию с другом, которого встретил по дороге, Ионадавом, сыном Рихава (замечательная личность, потомки которого появляются в книге Иеремии, и, если не ошибаюсь, то его особенности начались, возможно, как раз с этой его встречи с Ииуем, и его жизнь серьёзно изменилась, хотя уже и до этого он сильно задумывался о смысле жизни и состоянии общества, не зря Ииуй дружил с этим человеком), Ииуй показал другу, как он собирается уничтожить культ Ваала, поднявший голову при Охозии и Иораме. После того, как некоторые близкие сотрудники Ахава и Иезавели также были уничтожены, Ииуй пришёл в храм Ваала с претензией, что Ахав, мол, мало служил этому богу, и он, Ииуй, будет служить ему куда больше. Это была его хитрость, без которой он мог не менее успешно снести этот храм и запретить культ, но ему хотелось быстрее покончить с ними. Он потребовал, чтобы устроили праздник и чтобы на него явились все поклонники Ваала и все служители, и что он сам будет проводить это время с ними. Дело поставили широко, людей созывали по всей стране, и когда пришло назначенное время, храм оказался заполненным до отказа. Кроме того, Ииуй потребовал, чтобы все присутствующие священники и жрецы были одеты в одежды, хранящиеся в храме для праздников. Также, как бы сохраняя чистоту рядов, он потребовал проверить находящихся здесь, чтобы никого из служителей Сущего здесь не было. И началось служение, а в это время по плану Ииуя вокруг храма были расставлены восемьдесят человек, которые не должны были выпускать за пределы этого

места никого. Сам Ииуй покинул храм, и когда начали приносить жертву, он дал команду военным уничтожить всех в этом месте. Закончив здесь, все направились ещё в одно место в городе, где было место служения этому богу, и также разорили его. Поклонники Ваала долгое время могли думать, что хотя Илия и что-то доказал, но вроде как того было мало. Да, Сущий оказался сильнее Ваала, но поскольку многие на самом вершине не оставляли поклонения Ваалу, то можно выбирать. Странное дело, ведь все эти люди сами понимали, что Сущий сильнее, и что Он терпит до поры до времени, но это время когда-то кончится. Вот оно и кончилось, и те, кто шли за Ваалом лишь потому, что его правила были как бы выгоднее, чем у Сущего, сильно просчитались. Люди могут понимать гораздо больше, чем они это делают, и лишь потому, что не хотят думать от некоторых вещей, остаются в неведении о надвигающихся проблемах. При том, что имеют достаточно признаков нарастания этих проблем, прямо-таки по современной поговорке о незаметно надвинувшемся конце, который был виден вообще-то издалека.

Всё это, до сих пор сделанное Ииуем в выполнение приказа Верховного, было сделано правильно, за что Бог выразил ему благодарность, и даже выдал некоторые гарантии на четыре поколения вперёд, что его род будет царствовать. По крайней мере, цель была достигнута, как она была ему поставлена. Но это была лишь ближайшая цель, и дальнейшее время почему-то показало этого человека с совсем другой стороны. Наверное, он посчитал, что сделал достаточно, и теперь может успокоиться. В смысле, что он уже выполнил волю Бога и дальше ему ничего делать нет нужды. Я уже говорил, наверное, о традиции начального периода Израиля, в которой люди мыслили категориями совершённого (законченного) действия, и это была их серьёзнейшая ошибка. Закон не может быть выполнен один раз и на этом оставлен и забыт, нельзя быть некоторое время его исполнителем, а потом считаться всю жизнь праведным, уже не храня его. Прошлые правильные дела имеют значение только если они продолжают делаться, но если закон нарушен, то прошлое скорее осуждает человека дополнительно (он же делал добро, почему вдруг стал делать зло?), они не могут служить оправданием случившемуся нарушению. Однако же они почему-то упорно делали вид, что могут, что заслуги перед Богом это нечто вроде карточной игры, где старшие карты нейтрализуют младших. В их представлениях праведность вообразается как баланс между плохим и хорошим, и если хорошего больше, то человек праведен, угоден Богу, и заслуживает всего, что Бог обещает праведникам. Я думаю, картина знакомая, и понятие "грешить и каяться" легко вписывается в эту систему, давая ложные надежды, но уводя в сторону от того, чего от людей хотел бы Бог.

Ему нужны те, кто больше не свернёт с Пути, а люди торгуются, чтобы по минимальной цене попасть в жизнь, чтобы прожить подаренное время так, как хочется и притом за это ничего не было. Однако сей последний вариант просто гарантирует, что если таких взять в вечность, они эту вечность заполнят тем же, чем жили всё время, компромиссом между добром и злом, желаниями и необходимостью. Чем это кончится, вряд ли нужно объяснять. То прощение, которое Бог дарит сегодня, оно на время, его не было раньше, оно появилось для того, чтобы помочь обманутым людям вернуться, но это ограниченная и вынужденная мера, и придёт время, когда эта благодать закончится. Поэтому "грешить и каяться", если кто-то в самом деле надеется, что так можно жить в своё удовольствие, идёт по ошибочному пути. Такая жизнь ведёт к развитию как раз тех склонностей, которые несут в мир мощные потоки преступлений, и со временем это развитие делает невозможным очищение от неверных черт характера. Об этом направлении определённо дано предупреждение, что таких людей спасти уже невозможно⁴⁶. Прощение дано для того, чтобы люди имели время изба-

46 Евр.6,4-6 "Потому что **невозможно** однажды просвещённых, вкусивших небесный дар, сделавшихся причастниками Духа Святого ... и отпадших снова обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божьего и ругаются над Ним"

виться от вредных привычек, и кто занимается противоположным, то есть злоупотребляет прощением как позволением продолжать нарушать, потерянный человек.

Хорошо начав, Ииуй не продолжил в том же духе. Возможно, он в самом деле понадеялся, что его ревность в лёгком для него деле послужит ему противовесом в его остальных делах, где он, похоже, даже не собирался следовать указаниям и планам Всевышнего. Где-то в глубине он должен бы был держать в уме, что его награда будет длиться лишь четыре поколения, и конец его династии, его правнуков, будет точно таким же, какой он устроил тем, кто был до него. Но его это не волновало, слишком многие люди на самом деле живут по принципу "после меня хоть потоп". Может быть он надеялся, что его правнуки имеют все шансы избежать плохого конца, взявшись за ум и начав исполнять то, что Сущий хочет от них. Это в самом деле вполне могло иметь место. Правда, почему-то никто этим шансом не воспользовался, никто не хотел жертвовать даже плохими чертами характера, прямо массовый героизм в том, чтобы часть дел обязательно была назло Богу, чем бы это для них не кончилось. Однако не спешите судить их, проверьте себя, чтобы не оказаться в том же положении.

Мне удивительно, что для Ииуя было уже нетрудно прекратить порочную практику изоляции от Храма, установленную Иеровоамом, замкнувшую религиозную жизнь на чуждые символы тельцов в Дане и Вефиле, и он всё же не довёл дело до конца. При Ахаве и Илие дорога в Иудею и Иерусалим была открыта, и ему оставалось совсем немного, чтобы выполнить сказанное одним из пророков, когда сторожа на башнях Самарии и в других городах Израиля звали бы на праздники в Иерусалим. Сделай это Ииуй, и его род мог бы остаться на троне очень надолго, но ведь не сделал. Какие соображения удержали его от этого, не знаю, наверное снова политика, чтобы израильтяне не пожелали быть под правлением иудейских царей. Просто-таки неизбывная проблема...

Ещё Ахав и последующие за ним пытались вернуть себе священный город Рамоф на восточном берегу, но Бог не позволил им этого сделать, поскольку их цель была основана на национальной гордости, в то время как они не следовали воле Основателя, что было единственным требованием Бога к ним. Теперь же, когда правил Ииуй, и когда он не показал ни малейшего настроя на верность заветам, имитируя некоторое послушание, или лучше сказать обходясь выборочным послушанием, Бог начал отрезать от северного царства территории. Речь уже шла не о завоёванных у соседей землях, но о своих родных, и началось это с восточных земель. Сначала был потерян Рамоф, а затем за ним Азаилом были захвачены и другие части на востоке. Казало бы, Ииую, как толковому и грамотному воину, полководцу, эти потери должны были быть ударом по его хотя бы воинской чести, но если он и страдал от этих потерь, но всё же ничего, совершенно ничего не сделал, чтобы остановиться на своём пути и подумать. Он прекрасно понимал, из-за чего это происходит, но решил оставить всё как есть, но не открыть народу путь в Храм, не просвещать народ о законах, которые они в немалой степени забыли и оставили. Когда человек позволяет себе делать грехи и нарушения, хотя бы в одном, но если он делает это сознательно, даёт слабину, извиняя себя что это всего лишь одно маленькое, не самое важное дело, то практически всегда будет иметь место моральная деградация. Эта вещь как зараза начнёт захватывать другие отделы души, нарушение перестанет восприниматься нарушением... Обычно это кончается плохо, граница преступления стирается и человеку почти нет разницы, сделать зло или добро. Важно отметить, что всё это время среди них жил Елисей, рядом с которым могло произойти и происходило много чудесного, но незаметно, что это принесло хоть какую-то пользу Ииую или стране. Ииуй с Иоахазом, его сыном, правили вместе сорок пять лет, и это время не оставило в истории его заметных дел, большая их часть произошла при Иораме, сыне Ахава.

Израиль. Иоахаз и Иоас

Ииуй правил двадцать восемь лет, но вряд ли был счастлив, видя уменьшение славы Израиля. Его сын Иоахаз столкнулся с отчаянным положением из-за угроз со стороны Сирии, и ему пришлось обратиться за помощью к Суцему, другого пути он не видел, и Бог помог. Ему удалось отбиться от сирийцев Азаила, однако эта победа была пирровой. От войска оставалось (может быть не от всего потенциала народного ополчения, а от регулярной армии) десять тысяч пехотинцев, десяток колесниц и полсотни всадников. Азаил не стал добивать евреев, он помнил о предназначенной ему Суцим и Елисеем роли и не старался превысить свои полномочия, ограничиваясь наказаниями израильтян, болезненными укусами, разоряя их земли. Со временем армия была восстановлена, и Иоас, сын Иоахаза, следующий царь, в некоторой степени восстановил армию и уже мог воевать и представлять угрозу для Иудеи. В его время Елисей был уже стар, и Иоас стал ценить его, вдруг осознав, что этот человек чрезвычайно ценен для страны. Он привязался к пророку, хотя главную свою задачу направить жителей страны на посещение Иудеи по праздникам, не собиравшись выполнять. Не думаю, что он забыл об этом. Дружба с Елисеем так и не подвигла его отказаться от ядовитой практики религиозного разделения.

Под конец своей жизни Елисей заболел, и было видно, что его силы на исходе. Как всякий человек он приближался к смерти, хотя во многом он, пожалуй, превзошёл своего учителя в каких-то делах. Многие любители религии толкуют отдельные детали в жизни тех или иных её персонажей или находят некий причудливый смысл в каких-то событиях. Я бы тоже в этом месте не против выдвинуть одну идею, за которую прошу не судить меня строго. Мне повезло немного соприкоснуться с возможностями помогать больным людям, пока имелось здоровье, и я испытал, какое сильное разочарование случается, когда твоя помощь не принимается по каким-то соображениям. От неистраченной способности начинаешь страдать сам – нет, это не боль, а досада. То же было у Христа, когда в Его родных местах больные люди не шли к Нему за исцелением, как во всех остальных местах, и Он не смог почти никому из них помочь, и это было довольно неприятно. Вот и у Елисея, я думаю, что он заболел оттого, что слишком многие в Израиле не взяли у него те блага и ценности, долго ждавшие своего часа. Лишь один Нееман из Сирии выздоровел от проказы, когда вокруг было так много тех, кому его способности могли послужить ко благу. Случалось, что он сам шёл и искал, что бы кому сделать хорошего, и когда пропадают от неиспользования огромные силы, это тоже очень плохо. Как мне кажется, Елисей болел от не востребованности. В нём остался такой огромный запас сил, для него лично бесполезный, но могущий изменить многое вокруг, что когда однажды к нему в его погребальную пещеру закатился мертвец, которого уронила погребальная процессия, разбежавшаяся когда появились враги, то тот мертвый человек воскрес.

Иоас, ощущая, что с уходом Елисея для Израиля будет потеряно чрезвычайно много, посетил его перед смертью, и плакал над ним, видя его бледность и истощённость. Его слова "Отец мой, отец мой! Колесница Израиля и конница его!" показывают, насколько он осознавал сейчас ценность того, что они практически теряли. И хотя царь не просил помощи (а зря), Елисей не мог оставить страну без своего прощального дара. Он сказал Иоасу взять в руки лук и стрелы. Царь выполнил команду. Елисей положил свои руки поверх рук Иоаса, а затем велел ему выстрелить на восток, где за Иорданом уже, наверное, всё было захвачено сирийцами. Иоас выстрелил, и Елисей сказал, что это стрела будет стрелой помощи и избавления от Суцего, и что он поразит сирийцев полностью. Потом Елисей велел ему взять стрелы и бить ими по земле. Здесь царь сплеховал, он ударил три раза и остановился. Ему как бы не было ясно, зачем это нужно делать, но Елисей рассердился на это. Любопытно, что в происходящем есть скрытый смысл, что это символическое действие обязательно будет иметь последствия. Предыдущее с выстрелом из лука Елисей уже объяснил, и делаемое сейчас вовсе не трудно было понять, что это тоже связано с поражением врагов. Его действия сейчас были знаменем, но Иоас, благодаря непоследова-

тельному и расслабленному характеру, ограничился небольшим. Елисей тут же прокомментировал, что из-за этой незаинтересованности Иоас победит лишь в трёх битвах, а мог бы выиграть гораздо больше сражений. Ударь он пять или шесть раз, войска Сирии были бы разбиты совершенно.

Примерно в одинаковое время умер Елисей и Азаил, царь Сирии. Вместо Азаила встал его сын Венадад, и воюя с ним, Иоас выиграл у него три сражения, и уже этого было достаточно, чтобы вернуть все израильские города, захваченные ранее Азаилом.

Иудея. Амасия

Когда сын Иоаса почувствовал, что он крепко стоит на земле, что все в стране послушны ему, он наказал тех, кто убил его отца. При этом он ограничился лишь самими теми, кто сделал это, но не простёр руки на их детей. Похоже, что кое-кто ожидал от него этого или даже подталкивал или говорил об этом вслух, настраивая общество или определённые круги с целью влиять на молодого царя. Но тот сослался на закон, что "каждый должен быть наказываем за своё преступление, ни дети за отцов, ни отцы за детей". Те, кто хотели от царя жестокости, рассматривали покушение на его отца как попытку свержения династии Давида, как попытку захватить власть, а наличие претендентов на престол было всё же делом серьёзным, и навлекало на них тяжелейшие последствия. Видимо что-то такое носилось в воздухе в те дни, что и сам Амасия некоторое время после воцарения не ощущал себя уверенно, почему и упоминается в Библии, что он "утвердился на троне" не сразу, это заняло некоторое время. Это было со стороны Амасии благородным шагом, что он не стал раздувать огонь вокруг покушавшихся на его отца. Он видел, что это было по вине самого отца, что из-за его отступления от Пути и его преступления против сына Иодая, спасшего его жизнь и страну, Бог убрал от него всю защиту. В этих условиях нагнетать страсти против семей оступившихся людей он считал, что будет преступлением перед Богом правосудия. И он остудил некоторые горячие головы среди придворных.

Он правил достойно, хотя пророк, пишущий отчёт о его днях, отмечает, что он не был как Давид, но лишь как его отец Иоас, правда, в его лучшие дни, до того, как он сбился пути. Это означало примерно то же положение вещей, что и у северных соседей – многие не ходили в Иерусалим и храм для принесения жертв, они совершали их у себя на старых жертвенниках Авраама и остальных патриархов, а то и устроенных самими. Это было разрушительным фактором, что вне храма люди не получали нужных впечатлений, не встречались со своим Богом, не получали Его благословений. Это было немалой причиной того, что в их среду вкрадывалось язычество, ослабленная духовность без контакта с Сущим в предназначенном для этого месте, не могла сохранять людей на верном пути.

Вторжения сирийцев при Иоасе немало ослабили Иудею, как и их северных соседей. Но за почти три десятилетия царствования Амасия смог восстановить немало. Армия уже к середине царствования насчитывала триста тысяч воинов, хотя ещё не столь давно у страны было более чем в три раза больше. Амасии удалось, не без помощи свыше, противостоять идумеям, и он нанёс им существенное поражение, захватив даже один город, который он присоединил к своим владениям. Когда он планировал поход на Идумею, он пригласил с собой также сто тысяч военных из соседнего Израиля, и уже выплатил им немалую сумму серебром. Однако после этого к нему пришёл пророк и сказал, что северные соседи не должны идти с ним, с ними нет благословения Сущего и их присутствие разрушит его замысел. Отданных денег было жалко, но лучше всё же было победить тремястами тысячами, чем проиграть с четырьмя сотнями тысяч, в совете от своего Бога у него сомнений не было. Поход был успешным, однако ефремляне, которых не взяли на войну, оказались хуже врагов. Когда им сказали вернуться к себе домой, эта сотня тысяч обиделась и рассердилась, и перед тем, как уйти, пользуясь тем, что армия Иудеи ушла в поход, рассыпались по северным окрестностям Иудеи и разграбили мирных жителей, и даже убили

до трёх тысяч человек. Впрочем, судя по описанию, они в пылу гнева нападали даже на свои собственные города, грабя и их. Ефремляне опять проявили себя очень гордыми и злобными, прежние уроки не пошли им впрок. Правда, в этот раз прямо никто не завёл против них дела, преступления ефремлян как будто остались без возмездия. Впрочем, это было трудно сделать, это означало бы вторжение к соседям, отношения с которыми были далеки от братских – время, когда Иосафат и Ахав дружили после возвращения израильтян к Сущему, прошло.

Эта победа дала ему повод загордиться успехами, и это привело его к проблемам. Амасия захватил идумейских богов и вдруг стал совершать служение перед этими статуэтками. Сущий был этим сильно разгневан, это было со стороны Амасии каким-то безумием, и пророк, пришедший к нему высказать послание от Бога, спросил, зачем он обращается к богам, которые не могли защитить от него свой народ? Если они не могли защитить своих, то как станут помогать чужим? Однако Амасия, видимо уже ожидавший подобный вопрос, не стал разговаривать с пророком, он стал дерзить, ставя пророка на место, унижая этим и самого посланного – "Тебя разве поставили моим советником? Прекрати, пока жив"... Пророк, видя, что царь переходит всякие границы, понимал, что спорить бесполезно, а полномочий наказывать Бог пока не давал, поэтому ограничился угрозой, что Бог уже решил устранить его – "Я знаю, что Бог решил уничтожить тебя, поскольку ты делаешь то, что делаешь и не слушаешь меня (затыкать рот пророку, который при исполнении, довольно опасно, тут в самом деле было сильное затмение сознания). Иногда мне кажется, что Амасия не всерьёз совершал служение перед этими божками, он мог понимать всё это, почему и не хотел слушать то же самое со стороны, но хотел вроде как попробовать, что это такое – чужие боги, какие ощущения у людей, которые поклоняются им. Если бы было известно (а об этом ничего не говорится), что было после, продолжал ли обращаться к ним или дальше снова как ни в чём ни бывало ходил в Храм с обычными жертвами, то можно было более точно знать это. По косвенным данным можно предположить, что Амасия продолжал идолопоклонничество⁴⁷, однако же обычно когда царь поклоняется иным богам, то это начинают делать все, а об этом не сообщается. То есть большого отступления не было, в целом царствование Амасии считается благополучным, из этого можно считать, что в целом Амасия служил Сущему со всеми атрибутами этого, оставив идумейских богов в какой-то тайной комнате, изредка и для души... Это более вероятная картина, однако же в глазах Сущего это никуда не годилось. Поэтому покровительство Бога от царя было отнято, что привело его к проблемам с соседями.

Амасия посчитал нужным свести какие-то счёты с Израилем, и в принципе было за что, хотя бы наказать бывших наёмников из племени Ефрема. Он знал, что соседи тоже имели немалые проблемы от сирийцев, но к этому времени Иоас тоже сумел восстановить военную силу Израиля. При прочих равных условиях Иудея всегда была меньше по населению и территории, однако же часто многие здесь пытались сравняться с севером, испытывая обычную человеческую зависть. Бог не приветствовал такое "соревнование систем" и редко помогал в таких случаях, оставляя потерявшихся в бездуховности людей побарахтаться в созданных ими же проблемах, хотя более правая сторона при этом всегда могла рассчитывать на Его помощь. В этот раз был неправ Амасия. На пятнадцатом году царствования, вскоре после победы на едомлянами-идумеями он послал вызов Иоасу – "Выходи, увидимся лично". Иоас, у которого в активах хотя уже и не было Елисея, зато оставался его последний подарок – военная сила, достаточная для поражения Сирии, очень скептически оценил потуги Амасии на величие. Он послал ему в ответ едкую притчу, которую Амасии следовало принять во внимание со всей серьёзностью.

Тёрн послал к кедру сказать: "Отдай свою дочь моему сыну в жёны". Но прошли дикие звери и затоптали этот тёрн...

47 2 Пар.25,27 – говорится об отступлении его от Бога.

Ты порази идумеев и возгордился. Величайся и сиди дома, зачем тебе затевать ссору себе на беду? Ты упадёшь и Иудея с тобой.

К сожалению, Амасия, заряженный успехом в Идумее, не оценил доброго совета и вывел войска в поле. Иоас, видя, что его совет не принят, привёл свою армию к Иудее, и они увиделись лично, как Амасия и хотел. Иудеи, ведомые ложной целью, были разбиты, а Амасия был взят Иоасом в плен. Правда, Иоас не увёл его к себе, а наоборот, в сопровождении Амасии вошёл в Иерусалим и немного разрушил там городскую стену. Никого из князей и придворных он не убивал, но забрал ценности из Храма и царских кладовых, сколько там нашлось (наверное, это было немного, после разорения от сирийцев пришлось собирать всё заново), и взял заложников от иудейской знати.

После этих событий Иоас вскоре умер, а Амасия прожил ещё пятнадцать лет, и его отступление только усиливалось. Приверженность идумейским богам вела его куда-то в ещё худшие дали и в конце концов кто-то, в этот раз не описывается кто именно, составил заговор против него, подобный тому, что погубил его отца. Он кончил подобным же образом, потеряв реального Бога ради воображаемых чужих. Он пытался убежать от заговорщиков, и это бегство от своих князей и слуг не было славным приключением, опасения и гнев, а может и страх поселились в нём, а в конце концов его настигли и убили. И он в этих бедах, похожих на таковые у Давида, не имел возможности обращаться к Тому, кто один мог спасти его. Но сначала нужно было примириться с Ним, а этого Амасия почему-то уже не мог сделать...

Это огромная проблема – со стороны многим кажется, что можно погрешить и потом вернуться, и всё будет нормально. Погрешить в своё удовольствие, а потом попросить прощения – ну Он же простит, Он же милостивый – так думают обычные люди, не зная некоторых обстоятельств. Он и в самом деле очень хотел бы давать человеку всяческие блага и чтобы человек летал высоко, но сначала нужно вытащить их из больших проблем, иначе всё данное людям пропадёт без пользы. Люди не принимают во внимание, не зная сказанного Им и Его людьми, что всякое добро и благо с правильностью и праведностью происходит лишь от Него Самого, в человеке, взятом отдельно от Бога, найдётся немного. Покаяние не есть простое "попросить прощения". На внешние формы Бог не ведётся, читая человека лучше, чем он сам себя знает. Покаяние действительно лишь тогда, когда человек в самом деле отвергается от сделанного им, когда понимает, что зло разрушительно, что грех оскверняет жизнь. Пока нет этого сознания, то просьбы о прощении не являются раскаянием и могут обмануть только людей, да и то не всех. И оказывается, что человек думает, что когда-то он остановится, перестанет грешить (когда в старости уже прекратятся какие-то функции организма или начнутся болезни, из-за которых почти все удовольствия станут недоступны), а когда это время приходит, то обнаруживает, что никакой искренности из себя он извлечь не может, не идут ни слёзы, ни раскаяния никакого не возникает. Оказывается, что по заказу и по желанию такие вещи не делаются. Никакой артист здесь не войдёт в образ, всё будет сплошная фальш, даже сам человек не сможет в это поверить. Поэтому стоит принять во внимание эти слова – "Ищите Сущего, когда можно найти Его, зовите Его, когда Он близко". Именно когда человек понимает, что делаемое им неприемлемо, когда сам ощущает зло делаемого им, тогда только покаяние и возможно. Один лишь страх наказания или возмездия слишком ненадёжен, он не производит перемен к лучшему, почему-то так бывает. Позже вдохновение свыше может не придти, по заказу оно точно не приходит. Правда, пока человек жив, всегда есть шанс, даже для тех, кто долго прятался от голоса совести. Только нужно снова осознавать разрушительность зла, пройти дорогой, которой долго не ходил, и хотя душа может омертветь, но хотя бы разумом можно звать Его, извиняясь за

откладывая в долгий ящик. Придётся осознать больше, но Он будет рад всем, кто захочет вернуться, это не Он мстительный, это сама сущность человека слишком закоснела в уворачивании от Него, и эту инерцию теперь надо будет преодолеть. Это трудно, но возможно.

Израиль. Иеровоам

После Иоаса царём Израиля стал Иеровоам, его называют сегодня Иеровоамом вторым. Видимо он вёл себя осторожно в отношении всего, что касалось религии, потому что Бог помогал ему. Его отец, увидевший силу даров Елисея уже после его смерти, впечатлённый его помощью, сумел пояснить сыну о важности если не следовать всем путям Сущего, то хотя бы не раздражать Его. Это всё звучит для многих довольно привлекательно, они даже стараются так жить, не понимая, сколько теряют из-за незначительных капризов, без которых прожить можно было бы намного лучше, чем с ними. Но это, увы, не избавляет от расплаты за неделанное добро, за пропущенные возможности обрести больше, сделать больше и достигнуть больше – за эти вещи также будет спрос. Те, кто считают, что злое дело можно уравновесить добрым (причём речь даже не о исправлении сделанного, а просто сделать что-то другое), ошибаются очень сильно. То, что Бог не станет наказывать (в этой жизни, только в этой) человека, делающего плохое умеренно, как делающего зло часто и много, оно верно, только именно эти люди и будут больше всех скрипеть зубами, когда увидят тех, кто отказался от злого пути совершенно, и когда поймут, что их участь всё равно на одной стороне с теми, кто делал зло, неважно, много или мало.

С другой стороны, процветание Израиля при нём обеспечено также и снисходительностью Бога, который понимал, что если всё время наказывать, то в этом есть огромная проблема – люди могут привыкнуть к плохому, так что эффективность такого воздействия сильно снижается... Так что осторожность и взвешенность правления Иеровоама удачно наложилась на предоставленную Сущим передышку для израильтян, чтобы они восстановились. Он использовал это время, чтобы дать людям понять, что всякое воздержание от недобрых вещей приносит свои плоды. Впереди у Израиля была потеря государственности, и Он хотел, чтобы у людей было что вспомнить, когда придут худшие времена. В целом время Иеровоама было очень успешным даже в военном отношении, Израиль снова покорил Дамаск и некоторые другие области, значительно расширив свои владения, а не только восстановив свою начальную территорию.

На примере этого времени, где люди были верны Богу лишь частично, можно видеть, что Бог вовсе не стремится подловить человека на малейшей вине, на каждом шагу, чтобы тут же наказать, как пытаются представить некоторые чрезмерно старающиеся воспитатели. Или некоторые критики религии, изображающие Бога в таком же свете. Другое дело, что ведётся учёт, в котором не пропускается ничего, но расчёт по всем неверным делам ожидается не в этой жизни. Для кого-то это воспринимается как благо, кому-то это беда, но уж как есть. Вмешательство наказанием случается, но не часто, и больше по просьбам тех, чьи права нарушены, когда они взывают к высшей справедливости. Это касается мира, живущего без знания Сущего, по своим правилам и обычаям, но с теми, кто связаны с Ним союзом, Он обращается так, как требует ситуация, хотя когда люди к Нему равнодушны, Он тоже часто держится в стороне, давая им попробовать то, что они приготовили по своим рецептам.

Иудея. Озия

То, что уже второй подряд царь умер не своей смертью, всколыхнуло народ. То, что Амасия стал под конец своей жизни какой-то ненормально упрямый, так что было видно, что он буквально сам притягивал к себе проблемы, не меняло дела. Впрочем что можно было сделать с этим? Помочь беде люди не могли – как беречь царя от потери ориентиров, от порчи характера? Но накал эмоций в тот момент был высоким, и с этим настроением народ дружно поставил на

царство сына Амасии Озию (или по другому чтению Азарию, написание имени в разных летописях различается). Этот царь прожил сравнительно долгую жизнь, шестьдесят восемь лет, и процарствовал больше всех других – пятьдесят два года. Кто знает, обратил ли он внимание на проблему срока жизни царей и попробовал изменить блюда на своём столе, подражая тем, кто жил дольше? Может быть, хотя вероятнее что досталось очень крепкое здоровье от родителей.

Может быть я здесь ошибаюсь, но рано или поздно кто-то должен был задуматься об этом, и я не думаю, что я первый за всё время ставлю этот вопрос. Ещё Соломон писал, что князья и цари должны питаться умеренно⁴⁸, не увлекаясь и не злоупотребляя возможностями, которые открывает богатство и положение. Как чревоугодие влияет на характер и состояние ума, Библия тоже уделяет внимание⁴⁹.

Стандартно для истории царей Иудеи, что пока они были молоды, то проводили как правило взвешенную политику во всех отношениях, и это как правило лучшие годы и для страны и народа. Лет же через пятнадцать-двадцать могли начаться отклонения, и Озия тоже не был исключением. Долгое время он делал всё как надо, то есть продолжал линию своих отцов. Однако линия эта не была полностью радующей Бога, мало кто брался решить проблему самостоятельных жертвоприношений, делаемых на местах, не в Храме. Наверное, они считали это дело почти невозможным, и поэтому даже не пытались ничего сделать. Это отражает проблему субъективного подхода – люди считали добрым человеком или царём того, что не делал хуже прежних, тогда как Бог каждый раз отмечал недостаточность такого подхода "добрых людей". Беда в том, что всякое упущение как правило тоже развивается в ткани бытия, и приносит свои плоды и последствия. С развитием общества, с развитием ситуаций растут и прорехи наших упущений и слабостей... С каждым поколением царей пророки отмечали в летописях упущения прежнего царя, а последующие старались всего лишь не снижать планку. Однако упущения последующих расцениваются тяжелее, чем первых уже хотя бы потому, что на это было указано, так что ответственность повышалась. Бог имел на этих людей большие планы, и выполнить их можно было лишь в комплексе, любая уязвимость и неверность является слабым местом, через которое всё построенное может быть разрушено. Мировое общество развивалось, изменялись или скоро могли измениться облик городов и народов, уровни технологии и механизмы управления, Израиль должен был соответствовать времени и его вызовам, но он стоял на месте, то делая какие-то шаги вперёд, то отходя назад из-за огромного к планам своего Бога. В конце концов этот застой в развитии привёл этот народ к потере государственности.

Однако сейчас Озия подавал надежды. Ему сопутствовали успех и удача, пожалуй, во всём что он делал. Судя по отчётам о его времени, нашлись изобретатели, разработавшие и воплотившие камне- и стрелометательные машины. Судя по всему, это была своя местная разработка, разве что они могли слышать о подобных устройствах из Ассирии (там они появились как будто раньше), и заметив у них новинку, смогли повторить устройство. В принципе, хотя о катапультах после этого забыли на четыре века, сами по себе они очень просты, и являются простым луком, давно знакомым оружием, положенным на подставку. Но почему-то долгое время никто не делал их, причём даже после того, как Озия использовал их для защиты столицы, о них надолго забыли.

Озия занялся хозяйством и обустройством на системном уровне, обеспечивая животноводство и земледелие водой, для чего устраивал водоёмы для запасов воды с зимних дождей. Он подобно Соломону немало строил, но не дворцы, а то, что нужно именно для поддержки и обеспечения ресурсной базы. Армия также была приоритетным направлением, и за своё правление он её значительно укрепил, хотя она не достигала прежних значений – воинов при нём насчитыв-

48 Екл.10,16-17 "Благо тебе земля, когда ... князья твои едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения".

49 Пс.72,6-9 "Выкатились от жира глаза их, бродят помыслы в сердце; над всем издеваются, злобно разглашают клевету, говорят свысока..."

валось лишь триста тысяч. Возможно, что резервом было ещё ополчение, а эти триста тысяч относятся к постоянной армии, какой она была в те времена. Такая работа привела и к военным успехам – он потеснил филистимлян на западе, даже разрушив стены Гефа, построив города в их областях. На востоке аммонитяне платили дань Озии, и в этом регионе Иудея снова стала значимым государством. Сирийцы до Иудеи теперь не доходили, если они что-то и пытались, их останавливал Израиль на севере, впрочем сирийцы были завоёваны в это время Израилем и Дамаск стал на время (не могу сказать надолго ли) его провинцией. В заботе об армии Озия сделал то, что до него мало кто делал – он обеспечил армию вооружением и латами со шлемами за государственный счёт, сняв с населения или воинов заботу об оснащении. Столь масштабные работы и планирование, разумеется, дали свои плоды, он стал знаменит и уважаем.

Когда человек достигает вершин, часто наступает время быть осторожным. Дело тут далеко не только в человеческом несовершенстве и греховности, а ещё и в том, что когда достигнуты цели, даже большие, надо озаботиться новыми, и с этим часто возникают проблемы. Чтобы поставить новую цель, её надо увидеть или осознать, быть готовым к ней. Но если человек не развивался, если он не узнал себя и не понял своей природы (а значит и Бога, Его не получится понять так, как нужно, не познав себя), то новые цели, если даже озадачиться поиском новых, не будут достаточно масштабными. И человеку может показаться, что это вершина, выше которой ничего нет. А раз нет и достигать больше нечего, значит он достиг всего что можно, он уже почти бог. И возникает у многих гордыня, и с ней пренебрежение к мелким незначительным людшкам. Озия настолько не возгордился, его верность Богу не нарушилась, однако и он утратил какой-то важный момент здравого смысла. С чьей-то точки зрения он вообще не сделал ничего плохого. Ну как сказать, насколько это плохо – его потянуло на подвиги во имя своего Бога, он захотел поучаствовать в богослужении. Однако же он не был левитом, имеющим на это право. Ну хотя бы мог стать назореем, однако же и этого он не делал, а просто взял кадильницу священника и вошёл в храм, чтобы воскурить там фимиам. В первом отделении Храма стоял жертвенник для фимиама, на котором каждый день курилась благовонная смесь, и он решил тоже приложить к этому руку. Какими соображениями он руководствовался, история умалчивает. Но так и представляется, что Озия считал себя вполне правым, и даже если что-нибудь не так, то он лишь попробует, как это, не будет ли ощущения особой близости с Богом, кого Озия вполне уважал и кому служил. Он сравнивал себя с отцом, который экспериментировал с идумейскими богами, а ведь он наоборот, хочет приблизиться к своему Богу. Но тут под рукой мешались священники, требуя покинуть внутреннее отделение храма – сюда могли входить только они. Возможно у царя было не самое здоровое состояние ума, приходящее ко многим, перешагнувшими некий порог здоровья. Не оно ли было причиной падения многих других царей, да и не только их?

Все слышали, что в здоровом теле здоровый дух, но обычно немногие представляют, насколько эта поговорка верна. Система интеллекта, ментальное устройство человека, информационный вычислитель, базирующийся на нервных клетках и их связях, зависима от состояния нижестоящих систем. Известно, что если нарушается гематоэнцефалический барьер, то в мозг и нервные ткани из крови попадают вещества, которых там ни при каких условиях быть не должно. И эти посторонние для мозга вещества причиняют разные сбои в работе информационной системы человека. Нарушения могут быть самые разные – от плохого настроения с депрессией до невозможности сконцентрироваться на отдельной задаче, от простой депрессии до шизофрении или паранойи, вкупе с плохой памятью и обучаемостью, склонностью к немотивированным поступкам, всяким склерозам с альцгеймерами. Я не медик, поэтому не готов (да и многие из них также не могут) назвать все причины, отчего барьер мозга вдруг не способен выполнять свою работу как надо, однако в работах С.Гандри и

Д.Пёрлмуттера⁵⁰ показана зависимость проницаемости гематоэнцефалического барьера от функционирования кишечного барьера, подобной же мембраны внутренней стенки кишечника. Когда из-за сбоя в работе микрофлоры или других причин в кровь попадают недопереваренные вещества, то кроме повреждений для организма повреждается и защита мозга.

Обычно в молодости все системы у большинства людей вполне крепки и справляются со всеми ядами и вредностями, которые сегодняшняя цивилизация предоставляет в пользование человечеству, причём эти ослабляющие нас вещи считаются престижными, так что люди добровольно делают себя рабами, или в лучшем случае, пленниками медицины, обеспечивая врачей и фармацевтов постоянной работой и доходом. Но после тридцати, а то и раньше фильтры, сохраняющие кровь и внутреннюю среду организма чистой, сдаются и не могут уже защищать нас, и наши тела начинают засоряться и деградировать. Кожа теряет постепенно упругость и светимость, в мягких тканях появляются отложения чего-то лишнего, в суставах откладывается кальций, ещё где-то мочевая кислота. Всё это нарушение обмена веществ, но причина в общей разбалансировки и неблагоприятной внутренней среде.

Во многих продуктах присутствуют лектины, короткие белки. Слово "лектин" греческое и означает "разные", что хорошо описывает природу этих белков, многие из них ядовиты, и все они химически активны. Их яды обычно хорошо нейтрализуются (совсем уж ядовитые растения мы не употребляем) в пищеварительной системе, но это лишь если эта система работает хорошо. Поэтому получается для многих людей постарше неприятный сюрприз, когда та пища, что в молодости укрепляла их и делала только сильнее, вдруг становится совсем другой – наполняет их болезнями, так как ЖКТ уже не может справиться с теми ядами как в молодости. Впрочем если бы люди избегали вредных вещей и воздержания, то фильтры и защитные системы организма и пищеварительной системы были бы в гораздо лучшей форме, и это обеспечило бы не только долголетие, но и более долгую молодость.

Кстати, это как раз то, что пугает молодых в стариках, и они клянутся, что ни за что не станут такими, но делая то, что делают все их сверстники, они идут той же дорогой, что и старшее поколение, которое тоже было молодым и ужасалось тех потерь в чувствительности и восприятии, что видели у предыдущего поколения. И наступает время ломки, когда они ощущают, что перестают быть прежними, что теряют свежесть ощущений, и это вовсе не из-за забот семейной жизни, не из-за того, что новое поколение отнимает их время и силы – это мелочи по сравнению с внутренними изменениями, уходе от оптимальных режимов работы систем их организма.

Озия разозлился на священников, препятствующих ему приобщиться к славе Сущего, однако когда он позволил себе гнев на них, что-то изменилось. На лицах священников появилось совершенно другое выражение, и было понятно, что у него проблемы. Ему сказали, что у него на лице появилась проказа, и это был более чем явный знак, что именно Бог недоволен им. Фактически, если было делать по закону, то царя могли не упрашивать, а вывести из храма и на месте убить за то (а то даже и не выводя), что он посмел взяться за кадилницу и делать то, что мог делать лишь священник. Так что он ещё легко отделался. Он жил ещё немало лет, только как прокажённый не мог уже контактировать с людьми, и за него эту работу выполнял его сын. Он продолжал считаться царём, но сам уже мало что делал, кроме как передавая свою волю через сына, который стал управляющим от его имени. Сам же он жил в изоляции в саду своего дома, где у

50 Американские учёные, взявшиеся изучать функции и влияние кишечника, его состояния, а также его микрофлоры на общее здоровье организма.

него был отдельный дом. Больше он не мог уже сделать в управлении ничего, и оставшиеся годы мог посвятить анализу того, как он попал в такое положение.

Иудея. Иофам

Похоже, что отец в самом деле немало думал и имел что посоветовать сыну, который продолжал двигаться в верном направлении. Иофам⁵¹ имел не меньший успех в государственных делах, и поскольку армия уже была обеспечена многим, начал обширное строительство укреплений на своей земле, в горах и лесах появились крепости и башни, да и в столице многое было улучшено и расширено. Правление Иофама можно бы называть чрезвычайно успешным, прямо-таки благословенным от Бога, но увы, время Его терпения заканчивалось. Никто не вёл кампании против самодеятельных жертвоприношений не по левитским законам, никто не брал примера с Иосафата или Самуила. Если хотя бы кто-то разъяснял людям, что так делать нельзя, то это уже было бы правильной деятельностью, которую Суций одобрял бы, но видимо Иофам считал, что раз Суций терпел эту недоделку у прежних царей, то будет делать это и впредь, и он может не переживать об этой мелочи, а может быть и вообще не думал об этом. Но он ошибся, именно в его дни Бог поставил границу, после перехода которой Он начал проявлять Своё недовольство, и "недоделка", точнее пренебрежение ясно выраженной обязанностью, перестала быть терпимой. Там, где люди казались себе праведными, они оказались, по крайней мере в глазах Бога, разрушителями, к которым уже не осталось снисхождения, проявляемого до сих пор. Иофам имел больше знаний и благоприятных возможностей, чем прежние цари, поэтому извинений у него не было. Именно потому, что он был лучше многих, что он мог на примере отца видеть, как небольшая короткая ошибка может изменить судьбу до чрезвычайности, его ответственность была более высокой, и он ничем не мог оправдать откладывание решения проблемы нарушения левитского закона, который (закон) принижывал всю жизнь этого общества.

Официально он был царём лишь шестнадцать лет, но это после смерти отца, однако же он уже вершил всеми делами ещё при жизни отца, поэтому его реальное царствование было более долгим. Жаль, но прожил он всего лишь сорок один год, техники безопасности для царей тогда никто ещё не разработал. Я склонен винить в этом, как уже писал об этом, избыточно обогащённое, изысканное и обильное питание и, наверное, недостаточно подвижный образ жизни у некоторых из них. Его отец был редким исключением из этого ряда, прожив до шестидесяти восьми лет.

Израиль. Закат северного царства

От Иеровоама Второго царство перешло к его сыну Захарии, но он недолго был царём. Он уже откровенно пренебрегал обязанностями перед Богом и даже не мыслил возвращать дорогу в Храм народу Израиля, поэтому его время на троне было недолгим. Ииюю была обещана поддержка от Сущего на четыре поколения, и это время заканчивалось, царствовал Захария всего полгода. Против него был составлен заговор, и следующим царём стал Селлум, убийца Захарии. Однако же судьба Селлума была незавидной – он процарствовал всего лишь один месяц, как в Самарию пришёл военачальник Менаим. Услышав, что придворный сверг царя, он собрал свои силы и отправился в столицу навести порядок, на что у него ушёл этот месяц, который Селлум провёл царём. Царя Менаим уже не мог вернуть, но он наказал заговорщика, не считая его достойным или легитимным для главы страны. Кажется, у него не было соперников, равных ему, и заговор Селлума с его воцарением был неожиданным для него, но у Селлума не было сил и способностей удержать власть, только претензии. Менаим занял трон и царствовал десять лет, и проявил он себя жёстким правителем, (о его следовании законам Сущего ничего не упоминает-

51 В синодальном переводе почему-то употребляется написание Иоафам, однако "а" в первой половине имени выглядит избыточной, в оригинале для неё нет оснований, создавая даже русским людям лишнее напряжение при произношении. Не стоит и говорить, что в других переводах используется более короткий вариант.

ся), в его истории отмечен факт, что он разорил один район страны за то, что ему не открыли ворота города, видимо не признавая его прав на трон. За такое наказывал бы любой царь, разве что за исключением Давида, это было их право, но наказывали бы лишь глав и старейшин или особо отличившихся, этот же царь уничтожил даже беременных женщин.

В его время случился первый приход ассирийцев во главе с Фулом в Израиль, но они в этот раз не имели планов всё разорить, но расширить своё влияние, то есть присоединить вассальные территории. Менаим увидел в этом сильном царе возможность укрепить своё положение, но за его покровительство надо было хорошо заплатить. Менаим внёс в казну Фула тысячу талантов (двадцать пять тонн) серебра, причём не своих (или не только государственных) денег. Он разложил эту сумму на всех богатых и состоятельных людей страны – по пятьдесят шекелей с каждого из них вроде бы не было чрезмерной суммой. Зато теперь защита ассирийцев обеспечивала его безопасность от сирийцев и других воинственных соседей. В чём-то он, наверное, выиграл, но независимости Израиль уже не имел, попав с этого времени в вассалы ассирийского царя. Также он не строил ничего на божественных принципах, хотя с другой стороны не насаждал язычества, оставляя каждого вольным выбирать свой путь. Со стороны Суцего не было уже никаких вмешательств, Он много сделал для возвращения этой части Своего народа на Путь, но ни со стороны царей, ни народа, не было порыва и желания к этому, никаких ответных чувств. На угрозы они реагировали слабо, привыкли, и лишь в самых тяжёлых бедах начинали искать помощи. Но такой стиль жизни не продвигает ввысь, это обеспечивает лишь деградацию. Планов для них у Бога в последние годы северного царства почти не было, Он лишь наблюдал их в эти годы, инерция равнодушия людей была столь сильной, что никакие чудеса уже не могли вывести людей на Путь. Практически, Он дал им просто пожить перед тем, как племена северного царства будут развеяны по народам и странам. Гуманно с Его стороны. Не лучше было когда-то Моисею прислушаться к Его предложению, и пусть там говорят⁵² кто что хочет – всё равно ведь говорили, не об одном, так о другом..?

Менаим царствовал десять лет, видимо, был уже немолод, когда стал царём, и его сын Факия (Пекайя) взойшёл на трон после него. Его время было коротким, лишь два года он был царём, продолжая те же принципы, что лишали Суцего возможности вести и управлять Своим народом. Против него был составлен заговор, и группа людей произвела успешный переворот в пользу Факея (Пека), который устранил царя явно не для того, чтобы вести лучшую политику, а чисто в личных корыстных целях. Факей пробыл царём двадцать лет, и ушёл с этого поста не по своей воле, его сверг ещё один соискатель трона, Осия, чтобы в свою очередь попробовать управлять страной. Историки пишут, что в это время в пределах страны появился Феглафферассар (Тиглатпалассар) и захватил некоторую часть страны, и именно в это время Осия совершил переворот, возглавляя проассирийскую партию. Царь Ассирии утвердил его, вознаградив за устранение Факея, который занимал непримиримую к ассирийцам позицию. При этом Феглафферассар переселил часть племён из Израиля в другие земли. Это привело к немалому ослаблению Израиля.

Надо сказать, что ассирийские источники упоминают ещё одного царя перед Осией, царствовавшего примерно десять лет, и это может объяснять некоторые нестыковки в связывании хронологий Северного и Южного царств (хотя это скорее наместник на территории, с которых были выселены евреи).

Однако поцарствовать как ему хотелось у Осии не получилось. Когда Тиглатпалассар сменился на Салманассара, Осия посчитал, что не обязан ему ничем и принял участие в противоассирийском союзе с Египтом и другими силами региона. Но Салманассар решил наказать нарушившего договор Осию, и вскоре пришёл на его землю. Осии пришлось вспомнить, что его стра-

52 Основным аргументом Моисея "было что скажут в Египте", что будут злорадно насмехаться, что Суций не смог довести евреев до Ханаана.

на и земля существуют не сами по себе, но имеет Хозяина, и это не Осия, сын Илы. О нём летописец говорит, что хотя он делал то, что противно Сущему, хотя не так, как те, кто были до него. Но поскольку он не пытался изменить направление, то частичное послушание правилам не могло помочь ни ему, ни Израилю. Он искал политический выход в союзах с Египтом, но эти метания привели лишь к тому, что ассирийцы пришли с войной, захватили Осию в плен, и после трёхлетней осады столицы (израильтяне хорошо воевали и упорно сопротивлялись даже без царя, но увы, захватчики были сильнее) просто расформировали всё – переселили большую часть населения в другие земли. И это был конец Израиля, северного царства евреев.

Израильская земля после Израиля

Салманассар положил конец государственности Израиля, захватив столицу страны, несколько ранее захватив в плен Осию. После падения Самарии началось переселение евреев в другие земли, и это переселение не было разовой акцией, но длилось десятки лет, и на их место приводились другие народы. В прежние времена Бог отвёл разным племенам и народам каждому свои территории, и нарушать границы считалось у Него нарушением. Однако когда Ассирия стала империей, кое-что изменилось. На примере следующей империи (пусть ещё не большой), нововавилонской, Бог выразил чёткую мысль, что "всех жителей земли" отдал в волю Навуходоносора, который уже имел право решать, кому где жить. И эти его решения уже не нарушали волю Бога о владениях прежних племён, но решения царя уже сами становились как бы Его волей, и Бог не защищал тех, кто пытались противостоять Навуходоносору. То же самое относится и к Ассирии – её цари решили переселить Израиль с его земли, и Бог со своей стороны не считал им это грехом... Да, впоследствии Он обещал вернуть изгнанников на их землю, но не просто так, а после того, как они вернутся к Нему, под Его правление и правила, прекратят своё сопротивление им.

Летописец описывает проблемы тех, кого Ассирия переселила на израильскую землю – люди сильно страдали от диких зверей, и проблема была столь значительной, что жалобы дошли до царя. Новые жители земли не могли решить сами этой проблемы, причём причина её была ясна и очевидна для всех – новые жители не знали законов и порядков Яхве, Бога этих территорий (Его подданных не стало, но земля по прежнему принадлежала Ему...), и те, кто донесли жалобы жителей царю, сразу же и предложили, чтобы кого-то из священников Израиля вернули назад, чтобы новые жители этой земли могли избежать опасностей от зверей. Тогда сюда прислали одного из священников, причём не левитских, а тех, которые служили Сущему в образе тельцов Вефиля и Дана, этого уже было достаточно. Людям организовали срочный небольшой религиозный ликбез, и больше жалоб на львов, волков и медведей не было. Сама проблема и её решение показали всем, кто Хозяин этой земли, правда нужных выводов вряд ли кто сделал, но даже поверхностное послушание некоторым правилам Сущего и признание Его сильнейшим среди их богов решило проблему, всё же эти люди не были связаны обязанностями по отношению к Нему. Каждый из переселенцев придерживался своей родной религии, они только добавили поклонение ещё и Сущему, соблюдая какие-то из Его правил, добавив в Его праздники свои традиции.

Иудея. Ахаз

После Иофама воцарился его сын Ахаз. С самого начала он занялся плохими вещами, нарушением законов и определений Сущего. Он рос в то время, когда его отец был царём, делавшим казалось бы всё правильное и нужное, Иофам не был лицемером и притворщиком, по крайней мере нет никаких свидетельств этому. Однако же неполная посвящённость, которая сходила с рук буквально всем прежним, вдруг стала камнем испытания, оселком, которая вскрыла его вроде бы совсем маленькую неверность и стала причиной разных бед для страны, в том числе и той, что его сын невзлюбил своего Бога вместе с Его законами.

Позже Исаия, глядя на неудержимый поток всяких нарушений, как бы вытекающий из самой природы человека, как бы не могущей выдержать праведности, задал очень важный вопрос, ключевой к этой проблеме – возможно ли вообще человеку удерживаться всегда на Пути, не отклоняясь, или его природа в самом деле настолько искажена, что искушения неотразимы? Его вопрос звучит так: "почему Ты позволил нам совратиться с Твоих путей, ожесточиться нашим душам⁵³?" Нет, он спрашивает не о том, почему Бог не заставил их быть праведными, сам пророк не был таким и не имел проблем с выбором и действием. Он спрашивает о том, почему для народа, для общей массы отступление было столь лёгким, а возвращение столь невозможным. Судя по вопросу, Бог вполне мог контролировать бессознательное всего народа, смягчая нравы и делая их более покладистыми, более понимающими необходимость. Даже и с такой мощной поддержкой люди бы не были роботами или зомби, так или иначе хватало бы простора для просветительских и воспитательских усилий, но общая картина была бы гораздо более благополучная. В других местах Библии есть слова Бога о том, что Он может дать единство, склонность к добру и всяким добрым вещам, однако это же означает, что может и не дать. Без Его особой помощи и работы над человеческой природой внешне облагораживание бесполезно, сколь угодно облагороженное и воспитанное общество будет очень ненадёжным и жизнь в нём будет сопряжена со многими опасностями, пороки будут всего лишь замаскированы. Тем, кто посмеивается над христианством из-за этого, нужно напомнить, что греховность и склонность к нарушениям в человечестве живёт не сама по себе, она также результат усилий внешних по отношению к человеку сил. Без дьявольской помощи греховность бы, конечно, не исчезла, и праведность не появилась бы сама по себе, однако же масштабы упадка нравов были бы куда меньшие. Даже сегодня если убрать из общества тенденции, искусственно инициализирующие сексуальность в определённом возрасте (из-за их повышенной чувствительности им достаточно совсем небольших намёков, чтобы раскачать сильные ощущения), склонение опять же молодых людей и детей через ложную романтику обязательно что-нибудь нарушать, что без этого не может быть радости жизни, то многое бы изменилось. Убрать эти влияния, разумеется, очень сложно, поскольку многие не захотят расставаться с привычным, однако не невозможно.

Отсутствие божественного влияния, направляющего людей в нужную сторону, привело и к этой проблеме, что Ахаз был совершенно без царя в голове. Он, правда, не восставал прямо против Сущего, неплохо понимая, что это ему не по силам, зная историю Иезавели, однако же при нём особенно расцвела практика соединения идолопоклонства и всяких других нарушений с поклонением Сущему. К тому же ему поневоле, из-за бед, приходящих из-за его преступлений на его землю, ему приходилось иметь дело с одним из значимых пророков, с Исаией, который фактически помогал ему, раскрывая царю планы врагов, Факея и сирийского Рецина, что Сущий не позволит им довести их планы до конца – поставить в Иудее израильского ставленника. В такие времена, получая очень сильные удары от Сущего вместе с поддержкой (очень напоминает армейские порядки), он поневоле впечатлялся возможностями Сущего. Однако же едва проблемы забывались, возвращался к своим идеям и желаниям. Покрыть зло последующим угодным Сущему делом, "грешить и каяться" в варианте его времени стало, пожалуй, всеобщей практикой. Делая грехи, они считали себя тут же примирёнными с Сущим только потому, что приходили поклоняться Ему по субботам. Всего лишь совмещая что-то из Его требований со многими грехами, они считали, что уже в расчёте с Ним. И это даже не принося жертвы за грехи, не раскаиваясь, как, если уж так формально подходить к делу, буква закона требовала. На эту тему Бог выражал Своё негодование ясно:

Как! Вы крадете, убиваете, прелюбодействуете, клянётесь во лжи, кадите Ваалу, и ходите во след иных богов, ... и потом приходите и становитесь передо Мной в этом Доме, названном Моим именем, и говорите: "мы спасены", чтобы и дальше делать все эти мерзости.

Не стал ли притоном разбойников в ваших глазах Дом этот, который назван именем Моим? Вот, Я видел это, говорит Суций⁵⁴.

Я уже писал, что всякий грех разрушителен, и поэтому неприемлем. Если бы Бог принимал такой торговый принцип "возмещения" зла добром, то то же самое он мог бы применить ещё в самом начале для Адама с Евой, и им со всеми их потомками не было бы нужды проходить столь долгий путь возвращения к норме. Вот только во что превратилась бы жизнь человечества в такой вселенной? Царство Бога быстро наполнилось бы злом любых видов, и все бы считались невинными через формальное выполнение какого-нибудь необременительного добра. Только как обезопасить членов общества от нарушений их прав, их жизни и имущество и личную свободу от посягательств? Эта традиция была просто издевательством над всеми планами Бога. Но многим людям вполне нравилась такая жизнь, пока это приносило свободу для удовольствий, но в результате в стране умножилась преступность, ведь многие искренне начали считать, что они вполне добропорядочные люди, что Суций ими доволен, и главное всего лишь не попадаться во время свершения тех дел, которые потом надо будет искупить. Но у Бога грех оценивается по абсолютной шкале, по всем своим последствиям, которые невозможно покрыть заплатками отдельных добрых дел. Также добрые дела имеют ценность лишь тогда, когда они сделаны под влиянием импульса свыше, а не притворно или вынужденно. Дела не создают праведности, они лишь показывают, какое начало управляет человеком. Поэтому взгляды многих, что возможно возместить или покрыть нарушение последующим праведным делом, в корне неверны – человек будет отвечать за все неверные дела, и всего лишь с него не будет взыскано за то, что было сделано правильно...

Здесь речь идёт о тех, кто не раскаивается в сделанном, кто считает именно это достаточным – покрывать грех последующим добрым делом. Но те, кто не рады своим ошибкам, кто хотел бы быть праведником, кто видит губительность зла и преступления, те люди раскаиваются, отрекаются от сделанного неверно, и у них иная участь – Бог работает с ними, их грехи прощаются, и их добро будет вознаграждено по настоящему, не считая того, что они уже причастны вечности, Его жизни.

Ахаз царствовал шестнадцать лет, и эти годы были временем, по сегодняшнему говоря, постоянного хождения по граблям. То, что он делал неверного, довольно быстро было наказываемо, но он с упорством, достойным лучшего применения, продолжал своё. Он ставил статуи Ваала, правда, не заставлял народ перейти в язычество, оставляя храм Сущего заниматься тем, чем он должен заниматься, и сам посещал его, считая, что этим прикрывает свои преступления. Он проводил своих детей через огонь, не ради игры или забавы, а как языческий обряд, связанный с иными богами. Эти вольности не могли кончиться хорошо, и его страна очень сильно пострадала (многие поддерживали его и участвовали в его делах). Пришли сирийцы и захватили немало пленных, которых увели в рабство. Израильская армия Факея за одно сражение поразила сто двадцать тысяч человек, и в тот день один сильный ефремлянин убил сына Ахаза. Израильтяне также захватили много пленных, но когда они привели их к себе, то один из пророков пристыдил их за жестокость, что Суций дал им превосходства над иудеями из-за их грехов, но ведь израильтяне жили ничуть не праведнее иудеев. Князя послушались этого голоса, понимая, что иудеи были в целом вернее, чем они, так что на их месте надо бы было вести себя куда осторож-

нее, потому что завтра за те же грехи то же самое будет с ними. В общем, пленных вернули и даже одели и накормили, но для Ахаза это было небольшим утешением.

Также за эти годы успех был у всех, приходящих на Иудею за добычей, филистимляне и идумеи захватывали города и земли, и преуспевали в своих походах против этой страны. Чтобы как-то обезопасить страну, царь обратился за помощью к Ассирии, хотя у него была возможность вернуться к Сущему и этого одного было бы достаточно для успеха и процветания. Но этот вариант он считал неподходящим, поэтому тратил средства на оплату безопасности. Ему пришлось основательно выгрести все запасы ценностей, но Феглафелассар всё же помог ему против Сирии. Ассирийцы буквально стёр Сирию с карты, убив Рецина, царя Дамаска, и переселив его жителей в другие места. Другой летописец пишет об этом, как бесполезном, ничего не принёсшем стране деле. Ахаз мог быть какое-то время доволен своим удачным обращением к Ассирии, но его нахождение ассирийцев в Иудее сказалося тяжёлой финансовой нагрузкой на ослабленную страну, так что вопрос о цене этой помощи был очень существенным. Пришлось снова и снова собирать с князей, чтобы покрыть расходы войска и царя Ассирии.

Когда Ахаз посетил Дамаск после того, как Феглафелассар изгнал оттуда сирийцев, он увидел жертвенник, который показался ему гораздо красивее того, что был сделан мастерами Соломона. Думаю, что иерусалимский жертвенник не уступал многим другим, но необычные формы и новизна могли бросаться в глаза, так что Ахаз послал чертёж этого жертвенника первосвященнику, чтобы к его приезду в Храме стоял такой же, что и было выполнено. В конце своего царствования он приносил жертвы даже сирийским богам, думая, что может быть от этого будет какая-то помощь, но это лишь утяжелило его и так непростую ситуацию.

Я говорил, что Ахаз не выступал открыто против Сущего, но в конце концов он дошёл и до этого. Когда он поменял жертвенник во дворе Храма, то вскоре дошёл до того, что стал изменять облик храмового убранства – снимал ободки у умывальниц, затем медный бассейн снял с фигур волов и поставил его на пол. Позже он дошёл до того, что собрал сосуды храма и переломал их, лишив храм возможности нормально проводить жертвоприношения и службу в нём, а потом даже вообще закрыл храм, потребовав прекратить службы. Вместо закрытого Храма на каждой улице и площади появились жертвенники, и не все из них предназначались для Сущего... Он ушёл, когда ему было всего лишь тридцать шесть лет, практически молодым, но мне кажется, что его умственное здоровье не было в порядке. Впрочем, физическое тоже, здоровые люди в тридцать шесть не умирают, особенно не истощённые трудами и болезнями (умирают, конечно, но при этом человек только выглядит здоровым, однако у него тогда что-то подточено, сердце или сосуды или иное расстройство). Он как будто стремился доказать, что можно прожить без Сущего, и на это положил свою жизнь. Зря, как оказалось, его жизнь была разрушена, болезненное стремление в самом деле подточило его, и он слишком рано ушёл, не в своё время⁵⁵, как выразился один мудрец.

Езекия

Когда Езекия стал царём, ему было двадцать пять лет, то есть он хорошо помнил деда, бывшего одним из лучших царей за историю Иудеи. То, что творил, точнее вытворял его отец, вызывало в нём негативные эмоции, однако повлиять на отца ему не удавалось. Некоторые исследователи допускают, что в отдельных случаях, в том числе и с Езекией, отцы как бы учили сыновей государственным делам, допуская их в соправители. Может бы и так, это может помочь в согласовании некоторых расхождений в хронологии израильских и иудейских летописей. Причём иудейская хронология выглядит куда надёжней израильской, уже хотя бы потому, что конец последнего независимого царя Иудеи Иосии (608 год до н.э.) чётко вписывается в канву мировой истории. В Израиле же происходило несколько смен династий, и похоже, что хроники и записи

55 Екл.7,17 "Не предавайся греху и не будь безумен, зачем тебе умирать не в своё время?"

царствования велись доверенными людьми, назначаемыми самими царями, то есть они были членами команды. Из-за этого могли случаться потери преемственности в оценке дат, влияющих на конечный итог. Независимые от царей записи должны были бы вести школы пророков, но наличие нескольких источников всё равно вносило своё влияние.

Один из методов критики Библии, христианства и религии вообще базируется на нестыковках хронологии, однако же это на самом деле ещё не критика или не доказательство их правоты. Критики основываются на тезисе самих христиан, что Библия непогрешима, что она есть слово Бога, поэтому не может содержать ошибок, но такой подход многих в христианстве несколько поспешен. Сами ошибки христиан в исторической науке очень немного дают пользы критикам, но субъективно можно понять тех недалёких атеистов, сделавших упор на ошибки переписчиков и неувязки и противоречия в священных текстах. Сама Библия не утверждает, что ошибки людей в ней не могут случиться. Ошибки происходят из человеческой природы, но и сама она, и божественные вести в ней обладают высокой степенью "помехоустойчивости", за счёт многократного повторения важнейших вещей, составляющих учение и основы христианства, о чём упоминает апостол Павел, начиная послание с "Бог многократно и многообразно говорил нам через пророков..."⁵⁶ Поэтому всё, что нужно для достижения обозначенных в Библии целей для человека, передано достаточно чётко. В этих вещах противоречий нет, чем больше я знаю о них, тем более это ясно. Законы жизни, требования Бога к возрождению и целям человечества не содержат противоречий и нестыковок, и возражения в этой области происходят лишь от неграмотности "критиков" в этих предметах.

Кстати, сама разность оценок событий, особенно количественная, свидетельствует именно в пользу подлинности оцениваемых событий. Когда имеет место сговор, то каждый участник даёт максимально схожую с показаниями других картину события... Может быть вы видели эти эксперименты психологов – зрительный зал полон людей, на сцене находятся психологи, рассказывающие о индивидуальных характеристиках восприятия и памяти у разных типов людей, и вдруг на сцену врываются несколько человек, изображающих неких преступников, они делают выстрелы (холостые или вообще имитация) по залу, скручивают команду на сцене, и быстро уволакивают их за кулисы. Всё занимает полминуты или меньше. Весь зал это отчётливо видит. Через ещё секунд пять из-за кулис выходят "похищенные" психологи и начинают опрашивать зал – сколько было похитителей и каков был ход их действий. Думаю, вы понимаете, что очень немногие в зале назвали точное число напавших, зато расхождения были очень значимые – от пяти до десяти нападавших. Несмотря на то, что все были очевидцами, и на то, что всё это происходило пару минут назад, расхождения в оценках были колоссальными. Это происходит оттого, что восприятие действительно по разному организовано у разных типов людей, и чтобы быть объективным, человек должен как минимум подготовиться, и быть наученным, как и что оценивать и куда смотреть. И всё равно субъективность (что не есть грех, а лишь сложность информационной организации нашей природы) влияет на то, что заметит и что пропустит один, и что заметит и пропустит другой. Один заметит цвет одежды и волос, но не сможет запомнить остальное, другой выделит характер движений и выделяющиеся черты кого-то, третий ещё что-то близкое ему. Люди должны уметь соединять свои сильные стороны, объединять свои преимущества, и это значительно усилит общество, пока же мы скорее отрицаем достоинства друг друга, и это не развивает нас вместе, скорее разъединяет. Так что когда в Евангелиях люди не постеснялись разночтений (а

авторы Евангелий знали о разнице в воспоминаниях друг друга), но описали всё так, как они помнят, то это неспроста, в этом тоже есть урок, а разногласия со временем уйдут, когда придут времена, когда каждый будет встроен в единое пространство, где каждый усиливает, а не ослабляет другого.

Езекия с первых же дней своего правления отдал приказ открыть Храм и очистить его от всех осквернений, которые произвёл его отец, восстановил праздники и десятину, без которой немалое число служителей храма стали забывать о своём призвании. Наибольшим делом я бы назвал то, что он сделал то, что ожидалось ещё от его деда Иофама – отмена и запрет жертвоприношений на жертвенниках вне Храма. Всё, что было определено законом Моисея, Езекия заботился, чтобы выполнялось. Это был правильный настрой, и это открывало ему немалые возможности. Однако же он даже превысил всё, что было сделано до него, разве что Давиду и Соломону не было нужды в таких шагах, поскольку в те времена страна была единой и теократическое устройство не было нарушено – Езекия разрушил медного змея, который был сделан когда-то Моисеем ещё в пустыне, потому что люди стали этому символу, учреждённому самим Суцим, поклоняться как языческому божеству, что было извращением целей Бога. Чтобы решиться на такой шаг, нужна немалая смелость, неординарность мышления и нонконформизм, настрой идти против большинства, если большинство отклоняется от Пути. Другим сверх всяких обязательств делом было, что он послал гонцов и послов в соседний Израиль, приглашая посетить восстанавливающийся Храм и приближающуюся Пасху. На тот момент Израиль ещё существовал, но Осия не запрещал иудейским посланникам агитировать своё население вернуться в Иерусалим. Оба царства евреев сейчас находились под некоторой опекой ассирийцев, это не было порабощение, но с тех пор, как Ахаз, отец Езекии своими руками и за свои деньги привёл Феглафелассара на свою землю, ассирийцы навязали не самые выгодные соглашения (в книге Царств это названо как "царь Ассирии был в тягость" Иудее), и враждовать в этих условиях было как-то не с руки. Израильтяне были уstraшены разорением дамасской Сирии и гибелью Рецина, и защита, пусть и купленная Ахазом, работала – израильтяне сейчас не представляли угрозы для Иудеи. Этим обстоятельством воспользовался Езекия, приглашая израильтян вернуться в место, определённое Суцим для поклонения Ему. Правда, большая часть израильтян насмеялись над иудейскими посланниками, но многие откликнулись на этот зов, и впервые за многие годы, и даже века, паломники из северных племён пришли на праздник. Многие неожиданно для самих себя оказались рады возвращению к Сущему, многих охватило небывалое воодушевление от реформ нового царя, и это было действием Сущего, поддержавшего усилия Своего человека.

После того, как Пасха была отпразднована, множество людей испытало прилив духа, и когда они вернулись домой, то с энтузиазмом очистили свои поселения от языческих жертвенников, посвящённых деревьям и прочим символам язычества. Правда, Израилю как государству это мало помогло, так как масштабы очищения были невелики, так что через несколько лет пришли ассирийцы и после взятия столицы покончили и с этим краем, начав кампанию переселения части населения Израиля по другим землям. Если бы больше людей откликнулось на зов Езекии, то у них был бы какой-то шанс хотя бы продлить своё существование.

Результатом таких усилий по восстановлению духовных начал и верности во всём, без уклонения даже в мелочах, были восстановление и военной силы Иудеи. Езекия успешно вытеснил филистимлян, которые начали вторгаться в страну при его отце, и он посчитал, что может не придерживаться обязательств, навязанных Иудее при прошлом царе. На первый взгляд здесь он несколько поспешил и возникли некоторые проблемы с суровой и жестокой Ассирией. Если на тебе обязательства, данные под клятвой, то нарушение обязательств наказуемо. Союз против Ассирии, кажется, существовал, по крайней мере Египет был ещё силен, но многих сторонников его уже не стало, в том числе Израиля. В начале царствования Езекии (на седьмом году его царствования) ассирийцы покончили с этим государством. На первый взгляд, Езекия, решив закон-

чить с данью ассирийцам, навлек на себя проблемы. Однако если посмотреть внимательнее на обстановку, то видно, что Езекия не был виноват и действовал вполне разумно – от Исаии (то есть и от Бога) было немало заверений, что Ассирия очень скоро если не исчезнет, то по крайней мере перестанет представлять опасность, да и Суций был только за то, чтобы договор Ахаза, заключённый против Его воли, перестал существовать. Однако же при всех заверениях Бога Иудее предстояло пройти через этот процесс и испытать нашествие ассирийцев, они не были избавлены от опасений, от контактов с их войском – эта беда должна была показать многим масштаб проблем, назревающих в мире, и раскрыть хоть кому-то ответственность их положения в этом мире и вызовы времени.

Мир развивался, население умножалось, и с этим увеличением населения менялись времена и эпохи. При малом количестве населения проблемы и способы решения проблем взаимодействия в обществе просты и незатейливы, однако с увеличением количества игроков и действующих лиц развивались и способы управления, пути решения усложнившихся задач. Израиль был призван давать людям свет, который Бог хотел дать этому миру для решения появляющихся перед ним вызовов, задач и проблем. И теперь представьте себе, что мир развивается и усложняется, обрастает постепенно зачатками наук, общественных учреждений, служб и контроля, а Израиль только копирует у других, и ладно бы копировал лучшее, что будет нужно миру в будущем, но он брал лишь видимое, побрякушки, и ни шагу не сделал в праведности, без которой этот мир рисковал быть снова уничтоженным, как при Потопе. Те, кто были задуманы предоставить миру что-то наподобие соли для предохранения от порчи и распада, сами ферментировались далеко не оптимальным образом, насаждая закваску гнили, а не штаммы, подавляющие её. Мир уже подрос, Ассирия первая (в значимом масштабе, где многие народы варились в общем котле зарождающейся европейской и переднеазиатской цивилизации) стала империей. И Израиль с Иудеей были в аутсайдерах, не имея заряда святости и праведности, которые они должны были распространять своим влиянием. Если бы они соответствовали своему призванию, то с их помощью Суций мог бы кроить цивилизацию (не их военной силой, а примером своего благополучия и устройства, к ним, как к Соломону, приходили бы учиться успешным методам управления и общественного устройства), но они упустили все свои шансы. Если бы только свои, но и Суцему они почти разрушили возможности влиять на мир к лучшему. Без явного примера слова и теории были бесполезны и беспомощны. Оставалось лишь примерно наказать виноватых, чтобы хотя бы в будущем эти люди могли сделать нужные выводы. Миру же пришлось вариться в собственном соку, и что вышло из этого, видно всем. Впрочем, нельзя сказать, что у Бога не было запасных планов. Он хорошо знал возможности тех, кого Он создал, и слабые и сильные их стороны.

Израиля уже не было, но у Иудеи с Езекией был определённый шанс оправдать доверие и занять место в божественных планах. Нужно было всего лишь остаться на Пути, не сбиться с него. Езекия выполнил все предыдущие условия, нужные для того, чтобы Бог раскрыл Себя как источник праведности, делающий умы и чувства людей хорошо направленными в нужную сторону. Правда, всё же не совсем все – он не продолжал дело Иосафата с просветительской деятельностью в народных массах, что было упущением с его стороны, и очень серьёзным.

В Ниневии возмутились отсутствием поступлений из Иерусалима и пришли с войсками. Царь с большинством армии осадил один из городов Иудеи, Лахис, о котором осталась запись в его летописях, что этот город был взят. Езекия был искушён думать, что Суций не может ему просто так помогать, потому что он всё же нарушил обязательства перед Сеннахеримом, может

быть поэтому даже не пытался поначалу выставить войско против пришедших ассирийцев, а сразу послал посольство к Лахису, чтобы повиниться и попросить о снисхождении. Езекию практически простили, но, понятно, за плату, примерно семь тонн серебра и семьсот килограммов золота он должен был отдать, возвращая долги с процентами. Он сумел набрать нужное количество, выбрав сокровищницы Храма и свои собственные, даже пришлось снять золотые пластины облицовки с дверей и столбов Храма. Но расплатиться получилось, и вроде как угроза со стороны ассирийцев миновала. Однако же, Сеннахерим, раз уж двинулся с места, не хотел уходить просто так, и вскоре к Иерусалиму явился небольшой отряд, чтобы переговорить о некоторых вещах. Египтяне, и другие участники антиассирийской коалиции беспокоили Сеннахерима, хотя иудеям они этого не показывали. Езекии предложили как будто бы союз с Ассирией, однако же их не рассматривали как равных, а скорее как "мясо войны", бросаемое в трудные места. Кроме того, Сеннахерим собирался переселить иудеев, если даже не всех, то многих, что было совершенно неприемлемо. Он собирался сделать Иудею своей провинцией, считая, что Сущий прогневался на евреев. Странно, что приди он пораньше, во время правления Ахаза, то мог бы иметь куда больший успех, Бог действительно был недоволен положением вещей в те времена. Но сейчас он опоздал со своими обличениями, Езекия был на пике своей духовной формы, сделав много, выполнив все прежние условия, необходимые Богу для успешной работы со Своим народом. Последнее повеление царя Иудеи о запрете делать что-либо на жертвенниках вне Храма Сеннахерим почему-то посчитал нарушением воли Сущего, ему показалось, что Езекия действует в интересах левитской верхушки и против своего народа, уничтожая духовную инициативу населения... Разведка у него в этот раз чего-то не поняла в тонкостях Моисеева закона, что стоило Ассирии потери суверенитета. В общем, Рабсак, ведущий переговоры у ворот Иерусалима, грубовато и пренебрежительно обрисовал иудеям их положение и перспективы – либо сдать-ся на волю (отнюдь не самую благоприятную) Сеннахерима и ждать, когда их пусть по хорошему, не в цепях, но переселят куда подальше, пусть даже на хорошие земли, либо они будут сметены не знающими поражений войсками (и перечислил блистательные победы ассирийцев над другими странами) и переселены уже по плохому, насильно. Поминая побеждённые народы, Рабсак живописал и побеждённых богов тех народов, причём упирал на то, что и Сущий не будет на стороне иудеев, потому что Езекия прогневил Его, и даже сказал, что именно их Бог и послал Ассирию против Иудеи.

Это была психическая атака, вражеская пропаганда для морального разложения противника, причём Рабсак был уверен в своих словах о гневе на них их Бога. Езекия разумно заранее распорядился, чтобы никто не спорил и не вступал в полемику с врагом, чтобы не вынуждать Рабсака говорить слишком много, что могло бы в самом деле деморализовать защитников города. Те, кто вели переговоры с противником, вернулись с разорванными от упадка настроения одеждами, и выслушав их, царь разодрал и свои. Новости были в самом деле очень неприятные – только-только думал, что с выдачей всех ценностей, с выплатой долгов сторицей их оставят в покое, а тут противник приходит и начинает дожимать их, тут кто угодно потеряет уверенность в завтрашнем дне, да и в сегодняшнем тоже.

Езекия послал нескольких человек к Исаии пророку, чтобы тот не просто спросил Бога о том, что будет со страной, но и передал Сущему его слова отчаяния и упадка духа, его жалобы на Рабсака. Он сделал очень правильно, обратившись к пророку, потому что тот тут же передал ответ от Того, Кто контролировал всё и вся в этом мире. Ответ гласил, что слова Рабсака окажутся пустыми и ничтожными, что ассирийцы не смогут ничего сделать стране и царю, более того, царя Ассирии ожидает бесславный конец в своём доме. Такие вести успокоили всех в Иерусалиме, однако же история с угрозами от ассирийцев на этом не кончилась. Рабсак, проведший эти "переговоры", которые были с его стороны наездом, чтобы Езекия был в дальнейшем посговорчивее, вернулся в Лахис, но Сеннахерима там не нашёл, тому пришлось начать неожиданные воен-

ные действия против одного из небольших иудейских городов. Одно это не значило бы ничего, но это задерживало поход на Иерусалим, но появилось и совершенно неожиданное обстоятельство в лице ефиопского царя, вышедшего против ассирийцев. Поход на Иерусалим откладывался надолго, поэтому, чтобы сохранить лицо, Рабсак решил припугнуть Езекию, чтобы тот не слишком расслаблялся оттого, что к нему явилась помощь. Он послал письмо в Иерусалим, повторяя угрозы, что ассирийское войско непобедимо, что они обязательно и непременно сделают с Иудеей то же самое, что с другими странами, и опять ввернул, что и Сущий не поможет им, так как боги Ассирии сильнее всех богов, и как brave ассирийцы брали в плен богов побеждённых ими народов. Этот последний пассаж был роковым для не только их войска, но и для самой Ассирии. Не скажи он лишнего о Сущем, что он слабее ассирийских богов, всё бы шло куда более естественным путём, но эти слова вызвали неожиданно сильную реакцию.

Езекия, получив это письмо от Рабсака, когда прочитал его, уже не упал духом, получив уверения от Сущего в ответе Исаии, но скорее возмутился. Он отправился в храм и развернув письмо Рабсака, направил его в сторону святилища (сам он находился во дворе, не заходя дальше жертвенника), чтобы живущий в Святом-Святых обратил внимание на чрезмерно наглые слова ассирийского военачальника. К этому действию он прибавил немало слов, призывающих Сущего показать этим зарвавшимся ассирийцам, что они сильно неправы.

Стоит заметить, что ассирийцы имели некоторые познания в прошлом о Сущем. Какое-то время назад Он напомнил им о Себе, послав одного из пророков, Иону, чтобы привести эту очень сильную и успешную страну в порядок в духовном плане, поскольку их сила сделала их слишком самонадеянными и жестокими. Ассирийцы, будучи семитами, имели некоторую память от предков и старейшин о живом Боге, и к тому же в их обществе оставались какие-то люди, даже влиятельные, кто задумывался о происходящем с ними и о законах жизни, о преступлениях, совершаемых их обществом перед многими народами. У пророков были выражены намерения Сущего иметь Своих последователей не только в Израиле, но и в Египте и Ассирии, такие возможности были не нулевыми. Проповедь Ионы (о его приключениях в связи с этим поручением к ассирийцам стоит написать отдельно) оказалась очень успешной, иначе Ассирия потеряла бы свою мощь и прекратила существование гораздо раньше. Правда перемены к лучшему оказались недолгими, но последующие поколения были обязаны помнить о тех предостережениях, и сейчас Рабсак показал, что они забыты либо пренебрежены. И это привело их страну к внезапному коллапсу.

Езекия говорил к Богу, и был услышан, дело было совсем не личное. Он не был пророком, не был способен услышать ответ на свои просьбы, поэтому очень скоро во дворец пришёл посланник от Исаии, к кому он не обращался и который не знал о просьбах царя, принесший ответ от Того, к Кому он обращался. Это была целая речь, это была поэма возвышенного слога, где все слова принадлежали самому Сущему. Большей частью пророки передавали идею от Бога своими словами, но сейчас все слова в этой не такой уж и малой речи были Его.

То, о чём ты молился Мне против Сеннахирима, царя Ассирийского, Я услышал. Вот слово, которое изрёк Сущий о нём: презрит тебя, посмеётся над тобою девствующая дочь Сиона; вслед тебя покачает головой дочь Иерусалима.

Кого ты порицал и поносил? И на кого ты возвысил голос и поднял так высоко глаза свои? На Святаго Израиля!

Через послов твоих ты порицал Сущего и сказал: "со множеством колесниц моих я взошел на высоту гор, на ребра Ливана, и срубил рослые кедры его, отличные кипарисы его, и пришёл на самое крайнее пристанище его, в рощу сада его; и откапывал я и пил воду чужую, и осушу ступнями ног моих все реки Египетские".

Разве ты не слышал, что Я издавна сделал это, в древние дни предначертал это, а сегодня выполнил тем, что ты опустошаешь укрепленные города, превращая их в груды развалин?

И жители их сделались маломощны, трепещут и остаются в стыде. Они стали как трава на поле и нежная зелень, как поросль на кровлях и опаленный хлеб, прежде чем выколосился. Сядешь ли ты, выйдешь ли, войдешь ли, Я всё знаю; знаю и дерзость твою против Меня.

За твою дерзость против Меня и за то, что надменность твоя дошла до ушей Моих, Я вложу кольцо Моё в ноздри твои и удила Мои в рот твой, и возвращу тебя назад той же дорогой, которой ты пришёл.

И вот тебе, Езекия, знамение: ешьте в этот год выросшее от упавшего зерна, и в другой год самородное, а на третий год сейте и жните, и садите виноградные сады и ешьте плоды их. И уцелевшее в доме Иуды, оставшееся, пустит опять корень внизу и принесет плод вверх, ибо из Иерусалима произойдет остаток, и спасение от горы Сиона. Ревность Сущего Воина сделает это.

Поэтому так говорит Сущий о царе Ассирийском: "не войдет он в этот город, и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыпет против него вала. Той же дорогой, которой пришёл, возвратится, и в город этот не войдет. Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, слуги Моего".

В эту же ночь вся армия ассирийцев, находящаяся в Иудее, перестала существовать. Сто восемьдесят пять тысяч человек не проснулись утром, осталось может быть десяток-другой человек вокруг царя. Незаметно было никаких жалоб и недомоганий в предыдущие дни, и население в близлежащих селениях не имело никаких проблем с какими-либо заболеваниями, так что версия о какой-то таинственной эпидемии не подходит. Библия говорит об ангеле, поразившем всех этих людей, и это достаточное объяснение. Те, кто проснулся утром, были в шоке от увиденного. Если не осталось рядовых солдат, то у царя остались лишь высокопоставленные придворные, которым самим пришлось добираться до пределов Ассирии, впрочем вряд ли люди, принимавшие участие в походах, были изнеженными, так что домой они добрались не как оборванцы. Однако же для гордой нации такое поражение и потери даже только с точки зрения престижа были очень унижительны. Собственные сыновья не могли простить Сеннахериму эту потерю лица, и в скором времени они подняли на него руку, убив его во время поклонения в храме своего бога, видимо лишь там он расслаблялся и его не охраняли строго. Сеннахерим понимал, что потеряв немалую часть армии, не только он сам стал уязвим перед князьями и теми, кто хотел бы занять его место, но и сама его страна, целая империя (пусть это и первая попытка строительства империи) стала уязвима перед соседями.

Сыновья, убившие царя, сбежали на север, в "землю Араратскую", где находилось Урарту, сильное государство, противостоящее Ассирии и не покорённое ею. Эти потрясения привели к немалым ослаблениям страны, волнениям и переменам. Буквально в тот же год стал поднимать голову Вавилон. Там не упустили момента, и в следующей главе, когда Езекия выздоровел от болезни, то знамение, что сопровождало его выздоровление, обратило на себя внимание многих, и уже из Вавилона, а не из Ниневии, приехали послы поздравить Езекию с выздоровлением и спросить, что это было (а было некоторое нарушение законов природы, на которое утончённые и учёные вавилоняне обратили внимание). Вавилон временами входил в состав Ассирии, временами выходил, и данный момент был неким толчком, давшим возможность Вавилону, с помощью персов, со временем занять место Ассирии. Сейчас шёл восьмой век дохристианской эпохи, где-то 706-705 годы по моим подсчётам.

Езекия, кажется, не заметил требования о соблюдении юбилейного года, не сеять и не жать в этом и следующем годах, и очень зря. Перед этим я говорил, что он был довольно последователен в выполнении всего, что предписывал закон Моисея, но сверх того, что делали другие праведные цари, он выполнил лишь одно пренебрегаемое до него требование о недопустимости принесения жертв вне Храма. Но было нечто, что с каких-то пор, если не с самого начала, оказалось в пренебрежении, и если Бог не требовал специально его соблюдения, то лишь потому, что было немало других проблем, требующих первоочередного внимания. Это субботние и юбилейные годы, когда нужно было не сеять и не обрабатывать землю и отпускать должников, оказавшихся в порабощении. Поскольку Езекия выполнил все требования, на которые пророки обращали внимание царей и народа, то было естественно ожидать, что он будет так же верен и с другими уставами и порядками, оказавшимися в пренебрежении уже долгое время. Но он не издал указ, что следующий год должен стать субботним и следующий за ним юбилейным. Может быть этот покой земли должен был быть объявлен не в своё время, вне очереди, но если бы Езекия обратил на это внимание и выполнил указанное, то не случилось бы многих тяжелейших проблем с ним и народом и страной в последующие времена. Но он повёл себя как его дед Иофам – раз предыдущие поколения с забытыми правилами были хороши для Бога, то и я могу продолжать то же самое, я и так уже выполнил то, что Иофам не сделал. Но "и так сойдёт" не сошло. Это был прямой приказ восстановить одно из положений закона, на это было обращено его внимание, но он, посчитав, что раз прежде нарушали, то и ещё потерпит, сделал себя преступником, и все его прежние заслуги оказались лишь отягчающим обстоятельством... Именно так для праведника расценивается его ошибка, чем выше он стоит, тем выше ответственность, тем значимее его, пусть и малозаметная, неверность. Он должен был довести свод применяющихся законов до полного выполнения, когда ничего из древних предписаний не должно было остаться без внимания. На этих условиях Сущий мог начать работать с массами, выправляя бессознательные процессы всего общества к небывалому уровню сознательности и настоящей праведности, не вымучиваемой непосильными стараниями. Однако Езекия не дал этому случиться, перекладывая эту работу на последующие поколения. Следующим шагом могли стать развитие вещей, до сих пор невозможных, когда множество людей могли начать делать прорывы в науках и ремёслах, искусстве и других тонких сферах, в том числе в медицине.

Проблема юбилеев и субботних лет в том, что даже если отдельные люди попробуют придерживаться этих уставов, пользы будет немного. Эти уставы рассчитаны на всё общество, на системное применение, это целостная система взаимоотношений, вовлекающая торговые правила, судебные, и вообще взаимодействие людей друг с другом, а не просто воздержание от сельского хозяйства раз в семь лет и после сорока девяти лет ещё один год того же. Казалось бы простое дело, но его выполнение невозможно без особых усилий и процедур во всём обществе одновременно, так что система юбилеев оказывалась важным показателем и фактором духовного состояния всего общества. Этот порядок было бы нетрудно завести с самого начала, но теперь, после того, как жизнь устоялась без него, требовались очень немалые усилия, требующие коренной перестройки общественных отношений. И Езекий мог это сделать, именно потому, что до сих пор не отказывался от всего, что было нужно сделать.

Вторая половина царствования Езекии

Для начала Езекия заболел, смертельно. Вроде бы всего лишь нарыв на теле, но опухоль с болью, и лихорадка из-за воспаления быстро пожирала его силы. К нему пришёл пророк Исаия, однако вместо помощи, на которую он надеялся, тот велел ему распорядиться наследием, сделать завещание. Кстати, судя по всему, за эти четырнадцать лет Езекия не удосужился обзавестись наследником. Возможно, он был настолько занят всеми реформами и восстановлением, и это как будто бы могло быть похвальной чертой, однако же он отсутствие наследников могло ввергнуть страну в беспорядки из-за столкновений других, не столь близких претендентов на

трон. Наверное, порядок престолонаследия среди потомков Давида был продуман когда-то, но никогда не применялся, и если бы Езекия умер сейчас, то в Иудее мог бы случиться кризис. Тот, кто стал царём после Езекии, на трон взошёл в двенадцать лет, то есть был рождён после этих событий, и сейчас наследника у него не имелось.

Необходимость делать завещание не прибавила настроения Езекии. Он казался сам себе одним из лучших царей по многим линиям, и это всё было верно, но вместо наград от Бога, вместо благополучия, будучи лишь тридцати девяти лет, в расцвете сил он должен уйти. Было очень горько, и он эту свою горечь не стал держать в себе, умножая её и пропитываясь ею, но обратил её куда надо, где она могла совершить полезную работу. Он обратился к Сущему, отвернувшись к стене, чтобы не видеть лиц тех, кто не мог помочь, но требовал ещё каких-то дел, когда его мучает это тяжёлое воспаление, принося всё больше боли. Даже Исаия не мог помочь ходатайством перед Сущим, который вряд ли стал бы слушать даже его. Он уже передал требование о завещании, что звучало приговором без малейшей надежды на снисхождение.

Просьба Езекии была горячей, и он просил отсрочки, он совсем ещё не хотел умирать. Бог не мог отказать ему, когда он сам вышел к Нему один на один, без посредников. В самом деле, Его могли неверно понять, все вокруг видели царя как подвижника, и вряд ли кто был способен понять, что последнее распоряжение Бога он игнорирует, что он отступил от Него. Что интересно, Езекия даже перед лицом смерти, когда другие люди начинают перебирать, за что Бог мог быть разгневан или что было сделано не так, не делает этого. Он лишь упрощает и умоляет ещё немного пожить, но ни единого намёка на самоанализ... Беспросветно. Однако же Сущий даёт ему шанс. Думаю, что здесь было больше испытание и попытка настроить его на лучший, более высокий лад, и если даже на смертном одре Езекия не догадается подумать поглубже, может быть позже он обратит внимание на то, что он игнорирует одно повеление свыше. Это была сильная встряска, и шанс на то, что Езекия взойдёт на ещё более высокую ступень был ненулевой.

Исаия ещё не успел далеко отойти от дворца, как к нему пришло сообщение, чтобы он вернулся к Езекии и передал ему, что он услышан, и что он будет иметь ещё пятнадцать лет жизни, и уже через два дня сможет ходить и вернуться к нормальному образу жизни. Вроде бы немного, гарантия дожить только до пятидесяти четырёх, но многие цари Иудеи и Израиля жили куда меньше, так что это была очень хорошая новость. Езекия, услышав благое известие, был обрадован, ему довелось пройти через сильное потрясение, но оно благополучно миновало. Исаия, кроме известия о изменении намерений Сущего, также сказал, каким способом надо вылечить царя, нужно было приложить повязку из инжира. От этого средства нарыв прорвало и стало намного легче. Но пока готовили повязку, Езекия решил попросить дополнительный знак, чтобы Бог подтвердил Свои слова. Это было нормально, иной раз Бог и сам предлагал, что Он может продемонстрировать человеку Свои возможности, это большей частью было полезно. Исаия на это предложил два варианта, чтобы царь выбрал на свой вкус – вернуться ли тени на солнечных часах или продвинуться вперёд? И сразу на десять часов, чтобы сомнений уже ни у кого бы не оставалось. Езекия ответил, что продвинуться вперёд дело простое и естественное, и даже бы если тень не передвинулась в один момент, а шла обычным порядком, ему бы могли сказать, что тень всё равно продвинулась. Так что он выбрал, чтобы тень вернулась назад на десять ступеней, то есть на десять часов. Помнится, одно время в какой-то рекламе был сюжет об остановке самолёта, чтобы подвезли, как останавливают машину, но здесь было даже посильнее этой шутки, тут изменялось положение планеты относительно Солнца, точнее положение её вращения. Некогда Иисус Навин притормозил ход Солнца к западу (как оно выглядело для наблюдателя на Земле), теперь вот почти то же самое предложили и Езекии в знак расположения к нему Бога. День длился примерно двенадцать часов, и сейчас царь выбрал, чтобы к обычной длительности дня прибавилось ещё целых десять часов. И это произошло, вечер отодвинулся, а тень на сол-

нечных часах, устроенных Ахазом, передвинулась на утренние отметки. И это событие особо взяли на заметку в Вавилоне, где развивалась наука и было немало учёных людей.

Езекия благополучно выздоровел, однако же почему-то никаких выводов не сделал, напротив, расслабился. Видимо обещание ещё пятнадцати лет показалось ему такой твердой гарантией расположения к нему Бога, что он подумал, что может теперь не беспокоиться и отдохнуть. И казалось бы, его благодарность к Богу должна бы стать более острой, посвящение перейти на новую ступень, но он повёл себя как тот удачливый богач из притчи Христа – "ну, много богатства (в данном случае гарантированного благополучия) лежит у тебя на многие годы – ешь, пей, веселись". Он ни разу не обратился мыслью к невыполненному повелению, как бы допуская, что раз Бог уж дал ему время, то спешить с выполнением обязанностей уже и не надо. А то даже и выполнять не надо, расположение Бога ему уже гарантировано... Неужели он посчитал, что блага свыше надо зарабатывать? И раз ему уже гарантированы жизнь и благополучие, то он уже всё отработал и ничего не должен? Для такого подхода (а он встречается среди людей, по моему, очень часто) его поведение естественно. Но это ошибка – Бог подаёт все блага не за плату, их надо не зарабатывать у Него, а давать возможность, чтобы ничего не мешало этому потоку блага поступать от Него. Надо держать каналы связи чистыми, чтобы Он мог в нас осуществлять правильное и должное, а если они засорены тем, что Ему не нравится и отталкивает Его, то это в самом деле чудо, что Он ещё продолжает что-то посылать от Себя человеку, продолжает заботиться.

Вскоре из Вавилона прибыла делегация от Беродаха Бадалана, тогдашнего правителя свободного (скорее всего) Вавилона, вышедшего из состава Ассирии в связи с её упадком. С его стороны это была также и благодарность Иудее за предоставившийся Вавилону шанс подняться в этом мире, хотя прямо об этом никто не говорил, в политике многие пытаются избежать благодарностей, так как это может наложить обязанности. Люди же мира сего не желают быть обязанными, так как это может быть использовано для их порабощения бесчестными людьми. Говорятся вежливые и учтивые слова, но по возможности обтекаемо, чтобы не попасться на крючок ближнему. Если бы не продление светового дня в день, когда Езекия получил знамение в уверенность восстановления его здоровья, то вряд ли бы Вавилон послал благодарить Иудею за то, что огромная армия ассирийцев нашла там свой конец. Поначалу никто не знал, что случилось в тот день, когда солнце откатило назад, но вскоре вести о связи этого события с выздоровлением царя Иудеи достигли учёных Вавилона. Царь явно был тоже из этой среды, поэтому не мог удержаться, чтобы не разузнать из первых рук, как это всё было, и по возможности узнать всё, что можно. У Езекии были блестящая возможность навести этих людей на своего Бога. Насколько они заинтересовались бы Им, не так важно, но та команда естествоиспытателей, бывшая в верхних уровнях власти в этом славном городе, в то время была не чужда никаких знаний, и вполне серьёзно они могли заняться изучением возможностей Бога евреев, да и всей их системы, раз уж Он так зацепил их этим необычным просшествием. Однако же Езекия принял их как самый обычный обыватель, он провёл им экскурсию по дворцу и сокровищницам, а там даже после выплат ассирийцам (гибель ассирийской армии дала немалую добычу, да и выплаченные им средства, скорее всего, вернулись обратно) было что показать, тем более и в Иудее уже немалое время присутствовали технические разработки в защите стен от осад и усовершенствования в водопроводной системе, также показал свои коллекции оружия. Но почему-то он не повёл их в Храм, разве только в его сокровищницы, и так и не коснулся истории болезни и выздоровления, или может быть очень и очень коротко. То, как чудо с возвращением солнца связано с его выздоровлением и Кто за этим стоял, как-то выпало из разговоров царя с приезжими сановниками Вавилона, акценты были смещены на обыденные вещи, на простые земные радости, удовольствие от общения с умными людьми, но эти умные люди так и не получили того, зачем сюда ехали. Получилось всего лишь поздравление с выздоровлением, но какая драма и даже трагедия стояла за этим, он уже за-

был, изображая всё совершенно по другому, поверхностно и легко. Если среди вавилонян был кто-то желающий узнать о самом чуде, то он уехал сильно разочарованный, и царь Вавилона получил очень невнятный отчёт на эту тему. Зато список возможной добычи в Иерусалиме был полным... Вавилон по вине Езекии не получил никаких знаний о его Боге, хотя он был очевидцем и непосредственным участником знаменательных событий. Он спрятал от мира вещи, которыми должен был поделиться, без которых мир стал хуже, причём по его вине. Он сам потерял контакт с Сущим и не дал Ему выйти в мир, скрыл Его от внимания мира. Очень большие и серьёзные возможности были упущены. Поведай он дело так, как сам его переживал, не забудь он свои слёзы и желание жить, то, скорее всего Вавилон предложил бы ему и Иудее союз и сотрудничество, в процессе которого произошли бы весьма мощные сдвиги в устройении жизни и порядков в нашем мире, свежий взгляд вавилонских естествоиспытателей мог бы подхватить очень много полезного, и просто воспользоваться многими возможностями Живого Бога.

После отъезда послов к царю наведалься Исаия, и как бы между прочим спросил, не акцентируя вопроса, хотя других разговоров он не вёл, а задал лишь один этот вопрос: "Что тебе говорили эти люди, и откуда они были?" Езекия, всё ещё полный впечатлений от общения с гостями из далёкой заграницы и очень приятных собеседников, похвалился пророку также, как хвалился гостям о своих ценностях – "из далёкой земли они приходили, из Вавилона". Тогда Езекия задал уточняющий вопрос – "что они видели в твоём доме"? Его вопрос не значил, что гостям нельзя ничего показывать, но нужно было как-то показать царю неверный курс, взятый им в отношении этих людей. Ответ царя был: "всё, не осталось ничего непоказанным". Нужно было как-то пробить эту оболочку полного самодовольства и самоуверенности Езекии, и Исаия высказал то, что Бог перед этим визитом раскрыл ему, хотя и не высказал всё прямо как есть, а выдав неприятный намёк о плохом будущем, которое царь навёл на Иудеев и своих личных потомков своим поведением именно с этими послами ещё не великой, но с великим потенциалом страны. Исаия сказал – "Придут дни, когда заберут всё, что в твоём доме, в Вавилон, и не останется ничего. И из твоих детей некоторые станут евнухами во дворце царя вавилонского". Кому-то другому эти слова навели бы печаль и вопль "за что?", но Езекия был абсолютно непробиваем. Немного подумав, он вообще выдал такое – "однако твои слова означают, что при мне будет мир и благосостояние", то есть "после меня хоть потоп"... Говорить что-либо ещё, убеждать царя в неправоте Исаия не стал, Бог не уполномочил его добиться покаяния от него. Оно было, пожалуй, и опасно, да и Бог решил оставить его доживать свои дни как он может. Шансы на осмысление были, нужные намёки Езекия получил, и теперь лишь от него зависело, потеряет ли он всё достигнутое или останется достойным своих прежних дел. Многие в народе не поняли бы, если бы Бог уничтожил или ещё как-то наказал одного из лучших царей, особенно после того, как наградил его за верность дополнительной порцией жизни. Не всякий понимает разницу между хорошим и лучшим, между сделанным и сколько было возможно сделать.

Манассия

В первой половине царствования Езекия не имел детей, и сын Манассия был рождён через три года после болезни. Он рос в атмосфере, которая не была такой, какая исходила от отца в первой половине царствования, когда всё должное Езекия выполнял без вопросов о том, трудно ли или сколько усилий понадобится для выполнения законов и правил. Закон о субботних и юбилейных годах не выполнялся давным-давно, и его выполнение включало немало вещей из финансовой и юридической сфер, потому что цены на землю должны были быть плавающими, в зависимости от близости юбилея. Введение давно забытых норм требовало перестройки деловых отношений и судейской практики, может быть это всё казалось ему в тягость после прежних усилий и потрясений (Бог в самом деле понимал, что Езекии неясно, из-за чего за всю верность прежней жизни ему вдруг выпал было смертный приговор, поэтому нужно было только его собственное осознание своих не только сильных, но и слабых сторон, переход на уровень выше,

чего Езекия, похоже, так и не сделал), ему не хотелось начинать этих перестроек, казалось невозможным настраивать против себя всех богатых людей, которые могли даже восстать против восстановления юбилеев. Но отговорки отговорками, а присутствие Бога в душе Езекия на этом потерял, Сущий не мог быть с ним как прежде, это был момент падения и измены. С виду он, как и прежде, выглядел тем же праведным царём, но отказ и нежелание выполнять приказ и уставы свыше отняли присутствие Духа, перед людьми была лишь оболочка прежнего царя. В этой мертвящей атмосфере его сын не мог проникнуться нужным настроением, своей чувствительной детской душой он ощущал лишь фальшь в каждом движении отца. Он не получил нужного примера искренности и последовательности в послушании Богу. Трудно винить его за то, что он сделал из виденного свои выводы, что решил быть открытым противником Сущего, так как скрытый саботаж Его порядков он посчитал ещё более отвратительным. Где-то он здесь сделал уже свои ошибки – разве открытое сопротивление лучше скрытого саботажа или сатанизма лучше лицемерия и притворства в христианстве? Что достойного и благородного в открытом враге, если он сеет смерть и разрушение? Его проклинают одинаково с тем, кто делает то же под личиной доброго человека. Если уж Манассия настолько возненавидел фальшь и ложь, то что мешало ему направить свой протест в созидательную сторону? Зачем надо было делать то же самое, только открыто? Но он продолжил дело отца, которое тот делал в последние годы жизни, непослушание и сопротивление. И соответственно повторилась совсем недавняя история Иофама и Ахаза, когда недостаток посвящённости, вылившийся в непослушание в одном-единственном требовании для отца, создал преграды для действий Бога для сына, да и для общества. Проблема, когда осознанное нежелание выполнять хоть одно во всём своде законов лишает людей возможности выполнить и всё остальное, хотя они-то как раз думают, что они выполняют всё, кроме чего-то совсем уж для них неудобного, ну почти всё...

Манассия пустился буквально во все тяжкие. Он восстановил всё, с чем боролся и что отменил за своё правление его отец – жертвенники патриархального служения, когда каждый у себя во дворе мог приносить жертвы, и это было ещё самым безобидным. Но он ставил жертвенники и Ваалу, совершал службы небесным светилам, а в Храме поставил статую Астарты. В стране появились занимающиеся общением с умершими, волшебники и прочие служители оккультных направлений. Очень многие приветствовали такие перемены и "свободы", сейчас они жили в полном смысле слова "как все", причём даже перещеголяли этих "всех", потому что обычно большинство народов следовали своим культам богов, а евреи собирали самые разные культы, разных богов из разных пантеонов. Но было немало тех, кто знал, что Сущий недоволен этим разгулом свободы для нарушителей Его пути, и что это кончится, как обычно, плохо. Многие пророки предупреждали о последствиях, но нарушители не особо прислушивались. Царь же, широко открывая двери оступлению, не был добрым и светлым, он запустил репрессии, может быть даже не только против несогласных, а вообще, из политических и экономических соображений. Кровь лилась как вода, и многие пали, Иерусалим был наполнен кровью невинных людей. При этом всё Манассия царствовал дольше всех других царей, Бог как бы полностью отстался от Иудеи. Хотя это не совсем так, в летописи книги Царств не рассказывается, но в хрониках записаны были и иные события. Бог не остался в стороне и в Иудею снова приходили ассирийцы, не разучившиеся воевать после падения Сеннахерима. Упадок в Ассирии не сразу привёл к возникновению Нововавилонского государства, но эта страна уже не приходила в прежнюю силу, и Вавилон уже играл свою игру. Сейчас какое-то главенство было за Вавилоном, и эти ассирийские войска, но уже подвластные Вавилону, увели Манассию в кандалах в Вавилон. Его гордость была резко унижена, он увидел себя и Бога в более реальном свете, в прежние времена он рос и жил в очень благоприятных условиях, и лицемерие отца казалось ему самым неприятным, что только может быть в жизни. Когда текла кровь тех, кто ему не нравился и кого он ненавидел, это было по ту сторону, не его страдания, поэтому реальности жизни ему были очень

мало знакомы. Сейчас всё вдруг очень сильно перевернулось, и он вдруг понял то, от чего убегал ещё с детства – Сущий совсем не тот, кого он себе представлял под влиянием отца. С этим пониманием он обратился к Нему, высказал Ему всё понятое и просил простить его безумия. В ответ на это тот, кто царствовал в Вавилоне, вдруг вернул его в Иерусалим, он снова оказался на своём троне. Только, кажется, это было в конце его довольно долгих жизни и царствования, поэтому он мало что мог изменить в стране.

Думаю, что Бог был в некоем тупике, впрочем не Он сам, но этот Его народ не имел уже практически никаких шансов, и изменить что-то уже было почти невозможно, шансы на продолжение прежней жизни были ничтожны. Долгие времена Израиль с Иудеей стояли на месте, все эти примерно пять веков эпохи царей в духовном развитии общества избранного народа не произошло никаких сдвигов. А мир в это время значительно изменился, уже начались империи, но Израилю было нечего противопоставить развивающемуся и изменившемуся человечеству. Поэтому даже если бы иудеи стали слушаться Бога, оставалось очень мало времени подготовить их на должном уровне. Ладно с духовностью – если бы они поставили себе цель слушаться всего закона (пусть это и представляется невозможным человеку самому по себе без посторонней помощи, но они должны были узнать это на опыте, чтобы узнать, что и здесь им нужно сотрудничество с высшим Началом), то их Бог имел бы возможность многое изменить, но как общество они отставали в науках и многих других сферах. Ирония судьбы – они хотели быть как все, и именно поэтому не стали равными или достойными тех "всех", не имели что сказать полезного миру со своей стороны. Поэтому в свете современного положения вещей они скоро должны были лишиться статуса ведущих, и стать ведомыми. Сохранить замыслы Сущего в прежнем направлении могло только чудо, стремительное развитие духовности и научной мысли и культуры. Но откуда этим вещам было взяться? Даже если можно было найти подвижника, подобного Илие или Самуилу, то народ, утративший интерес к правильному, всколыхнуть, поднять и направить в нужную сторону было сложно.

Амон

Его сын не сделал никаких выводов из судьбы отца, и когда Амон стал царём, он продолжил ту же линию, что и отец большую часть своего правления. Но зато он не прожил долго, против него составили заговор его слуги, потерявшие берега и ценности, развращённые последними десятилетиями разгула преступности, уже не собирались сохранять династию Давида, однако же их заговор не был хорошо подготовлен, поэтому их уничтожил народ, и сын Амона Иосия, последний царь независимой Иудеи, сел на трон.

Иосия

Ему было только восемь лет, когда пришлось стать царём. Скорее всего в первые годы он немного занимался распоряжениями и правлением, но кто-то, наверное, помогал ему освоиться на троне. Он сразу не поддержал язычество и разные отклонения от Пути, его выбор был слушать Богу по всем Его нормам и определениям. Возможно, что он был впечатлён последними днями жизни Манассии, своего деда, который уделил пяти или шестилетнему мальчику немало внимания после своего возврата на Путь, желая передать ему свои чувства о гибельности ложных путей и настоящих ценностей жизни. Сын был, похоже, безнадёжен, и не хотел слушать откровений отца, так что он постарался повлиять на внука, и это ему удалось.

В шестнадцать лет Иосия принял чёткое и осознанное решение держаться Пути, и стал пытаться наводить порядок в духовной сфере. Через четыре года после этого он начал очищать страну от слишком вызывающих форм язычества, но делал это не очень системно, но по мере осознания или обнаружения проблем. В это время, покончив с явными очагами язычества в стране, он взялся за очищение территории большого Израиля, который в данное время был запустелой землёй, с переселенцами из других земель и небольшим числом уцелевших евреев.

Когда Иосии было двадцать шесть лет, он занялся ремонтом храма, которому было около четырёхсот лет к тому времени, и после предыдущего ремонта Иоаса снова нужно было обновлять какие-то части здания и облицовки. За время бесчинств против Храма при Ахазе и Манассии, а также Амона, многое нужно было восстанавливать. Он отдал необходимые распоряжения о начале ремонта и о расходовании собранных средств. И его ожидал немалый сюрприз. Во время приборки и наведения порядка в храме первосвященник нашёл книзу Закона, свод законов и правил, называемых законом Моисея. По одному из этих законов всякий правитель должен был сделать свою личную копию книги Закона, переписав её лично, и должен был всю жизнь изучать её. Вот только с невниманием ко многим правилам это тоже было забыто, так что даже Давид во многом был невежествен в законах и правилах, что привело к трагедии с Озой при перевозке Ковчега завета. Одни лишь священники занимались этим, да наверное в школах пророков изучались эти книги, но сейчас даже в храме было не найти священных книг. И первосвященник был удивлён, что возможно, ему в руки попал один из древнейших свитков, который должен был храниться рядом с Ковчегом, но затерялся в смутные времена. Он рассказал об этом летописцу при царе, а тот поведал о находке царю. Книгу эту он взял с собой, и Иосия захотел узнать, что в ней написано. Похоже, что перед ним была книга, называемая у нас Второзаконием, там как раз много говорится о том, что следует за послушанием ей и что бывает за непослушание, и, скорее всего, они читали "Песнь Моисея", где предсказывался печальный конец Израиля. Для Иосии всё это оказалось отравлением, потрясшим его до глубины души. Он вдруг понял, что его народ находится на грани если не уничтожения, то провала, когда Бог пошлёт тяжелейшие наказания, потому что Его терпение заканчивается – он очень долго ждал от них результата, и все Его предыдущие наказания и воспитательная работа не принесли никакого плода. Он понял, что Бог чрезвычайно разочарован их состоянием, и это было самой большой проблемой – они не справились, они не выполнили Его планов и сильно подвели, подставили Его. Он ощутил, что время утекает сквозь пальцы, что ещё немного, и даже его старания окажутся бесполезными – народная масса весьма инертна, и если даже при нём многие пороки сдерживаются лишь его усилиями, но последующие поколения вряд ли будут верны, и жизнь будет идти всё также бесплодно. Он помнил то, что вещали пророки, и там было много неприятного, и сейчас он остро ощущал, что потеря времени уже не восполнима ничем. Он кричал и плакал, разодрал свои одежды от горя из-за надвигающихся бед, которые было почти невозможно отвратить, потому что людей уже не изменить, что проект Бога о священном народе-хранителе находится на грани если не закрытия, то серьёзнейших перемен. Надо сказать, что он был расстроен не столько грядущими бедами, сколько тем, чем они были навлечены, их причинами.

Царь срочно потребовал, чтобы его люди пошли к пророку и узнали о том, что будет с Иудеей в свете открывшихся сведений из древнего пророчества. Несколько высокопоставленных придворных, в том числе сам первосвященник, пошли к пророчице, жившей в Иерусалиме, и она передала им ответ Бога на вопросы царя. Сущий ответил, что действительно, вскоре на страну и город обрушатся многие беды и проблемы, что Иосия понял всё совершенно правильно, и что гнев Сущего уже не отвратить. Огромная проблема было в том, что если простить их, то они посчитают всё это как так и должно быть и снова продолжат тот же разрушительный курс, соединяя служение Богу как способ откупиться от Него, с тем, что им нравится в язычестве. Правда, когда начались те проблемы, то оказалось, что они начинались не с уничтожения страны, не с каких-то великих бед, а скорее с унижения и неприятностей, то есть Бог не спешил сделать всё так ужасно, как оно казалось издали, однако об этом отдельно.

Но для царя лично было передано, что поскольку он верно поставил себя и принял близко к сердцу всё услышанное, то в его дни не случится ничего плохого. Однако мысль, что наказания неизбежны, ни на миг не расслабила Иосию, он не посчитал, что раз беды неизбежны, то нет смысла стараться что-то изменить. Он в самом деле понимал всё верно, но то ли опоздал родить-

ся, то ли опередил своё время. С другой стороны и Бог на его примере показал, как надо вести себя, что даже невозможное не должно восприниматься как невозможное. Он предпринял со своей стороны всё возможное и даже больше, чтобы попробовать очистить страну, чтобы изменить обстановку, которая, собственно, и навлекает на них печальное будущее.

Реформы Иосии

Разобравшись с надвигающимися переменами, Иосия начал действовать. Он призвал к себе всё начальство со всех концов страны и провёл с ними немалую работу. Он не потребовал от них покорности своим приказам, но постарался довести до них всё то, что пережил сам. В Храме были прочитаны книги Моисея, всё что связано с заветом с их Богом, чтобы дать базовую информацию, которую уже каждый сам мог осознать. Разница между тем, что должно было быть в Иудее и тем, что делалось, была очевидна теперь всем. И каждый теперь хотя бы умом понимал, что такое положение вещей не кончается добром, а последние вести от пророков просто били набатом, что терпение Сущего заканчивается. Они сейчас живут на пороге перемен, когда даже покаяние уже не изменит их статуса и не вернёт к прежним временам, к покаянию нужны были результаты, недостижимые за год или даже десять лет, нужны были наработки поколений. То есть Бог простит их как всегда, если они изменят свои намерения, но вернуть их в благополучие и независимость уже не вернёт, ими будут править чужие люди и этого уже не отменить. Пока жив именно Иосия, их текущий царь, у них есть время что-то изменить, это их единственный и последний шанс. И оставалось всего тринадцать лет, но они не знали точных дат, это мы сегодня смотрим в прошлое, имея послезнание.

Высокое собрание согласилось с царём, что надо произвести процессы очищения от языческого присутствия, которое оказалось очень широким. После этого собрания люди заключили договор, что они сделают всё, что нужно по книгам закона, и что будут следовать этому пути и дальше. С очисткой они снова прошли по своей стране, распространив её также на территории бывшего Израиля, где уже была ассирийская провинция, но оставались либо остатки евреев, либо заброшенные селения.

Начали с храма, откуда вынесли до сих пор находящиеся там статуи Астарты и многие языческие предметы (до сих пор все восемнадцать лет правления Иосии они привычно находились в храме Сущего, к ним настолько привыкли, что и не замечали их присутствия, хотя служения им уже не совершали, следуя запретам царя). На многих углах улиц и площадей в столице и других городах находились жертвенники солнцу, луне и звёздам, и народ с воодушевлением убирал это всё из городов и сёл. За время Манассии и Амона появилось немало священников, служащих не в Храме, хотя и Сущему, и этих людей Иосия отправил в отставку, лишив их ремесла. По сельской местности прошлись также команды, уничтожающие языческие предметы и символы. За пределами Иудеи в Вефиле, куда Иосия предпринял поход, они также уничтожили высоту и тельца (как, наверное, и в Дане), устроенных когда-то Иеровоамом в начале его правления, чем Иеровоам очень сильно испортил или даже разрушил планы Сущего на Свой народ. Эти тельцы и альтернативное поклонение, начатое Иеровоамом, внесли огромный вклад в то, что и независимость Иудеи тоже скоро придёт к концу. При этом исполнилось предсказание, что когда-то Иосия разрушит сделанное Иеровоамом. Иосия заметил отдельно стоящий памятник пророку, выглядевший иначе, чем то, что он здесь разрушал, и он спросил людей, живших здесь, что это за сооружение, чтобы узнать, разрушать его или нет, и ему ответили, что это могила того пророка, который предсказал сегодняшние события в Вефиле.

По результатам и масштабам оздоровления и проведённых работ в направлении возрождения общества, летописец говорит, что таких царей ещё не было, однако даже всего сделанного им было недостаточно, чтобы изменить намерения Сущего. Сделано было много, с поддержкой верхов и низов, но всё же лишь снаружи, куда можно было дотянуться, революции в умах душах

большинства, увы, не произошло. В народе мало кто представлял себе то, что понял сам царь, о перспективах потери статуса Израиля как народа, находящегося под особым покровительством и защитой. Народ поддерживал царя, однако он также точно в своей массе (другое дело, что эта масса состоит из разных групп, и группы поддержки плохих и хороших начал разные, то есть одни поддерживают верных царей, и совсем другие люди получают свой шанс, когда другой царь идёт другим путём) будет поддерживать и отступников. Думаю, что Иосия понимал это, однако не мог не сделать всего, что могло бы закрепить общество как можно более надёжно на верном пути. И возможность такая была. Те беды, которые планировал Суций, могли пройти мягко, они развивались постепенно, по мере нежелания народа делать выводы из уже полученных уроков, так что они могли бы продолжать быть духовными лидерами в мире, но уже не в качестве самостоятельного государства, а в составе тех или иных империй. Забегая вперёд, отмечу, что и эту возможность они довольно старательно отвергли или потеряли.

Не могу не отметить, что даже Иосия не добрался до того, чтобы начать соблюдать субботние года и юбилеи. Почему так, трудно сказать. Не заметил или не понял? Или опустили руки, видя неподъёмный объём работ? Или видя инерцию народа, который может похоронить многие начала, не желая менять коренным образом свои привычки? Или понимая, что даже это не отменит объявленные планы Суцего? – почему-то уверен, что именно это могло всё изменить, и с возвращением к системе юбилеев души людей стали бы направлены к праведности куда сильнее, чем за всё время до сих пор. Наверное, всё же стоило начать, но Библия говорит, что этот устав всю эпоху царей не был соблюдаем, и назначенное время плена в семьдесят лет рассчитано как раз из примерно четырёх веков, когда правили цари. Если бы этот порядок соблюдался, то не было бы нужды устраивать для земли покой за эти годы, когда ей ни разу не дали отдохнуть...

Надо сказать, что начать выполнять именно этот закон было довольно трудно, его философия была обычному человеку слишком уж поперёк его понятий – в самом деле, кто из тех, кто торгует и ценит деньги слишком высоко, может вынести, что твой товар, который ты купил и на который надеешься, что он хотя бы окупит затраты, постепенно, с каждым годом теряет в цене? Те, у кого есть деньги, им этот порядок было сложно вынести, но именно у этих людей обычно больше влияния, чем у многих. Поля и земли по закону должны были за сорок девять лет от юбилея до юбилея дойти по практически нулевой, точнее, почти в пятьдесят раз меньше, чем сразу после юбилея, когда она была максимальной. В юбилей же она должна была перейти к изначальному владельцу бесплатно, так что спекулировать землёй, одним из главных богатств страны, ни у кого бы не получалось бы, если бы закон о юбилеях выполнялся. Этот порядок был призван воспитывать в людях бескорыстие, чтобы они не привязывались к выгоде, и наносил бы серьёзный удар по "корню всех зол"⁵⁷ – любви к деньгам и богатству. И явно именно поэтому кое-кто постарался (может быть и не кто-то конкретно, но дело уже в коллективном бессознательном), чтобы оставить этот устав в забвении. И Езекия, и Иосия, лучшие цари Израиля, избегали касаться этой темы, ощущая инерцию привычки жить по старому, вся их верность и вера оказывались слабыми, когда они даже мысленно подходили к этой теме. Нет, они могли, но почему-то посчитали, что сделанного ими уже немало, и позволили себе не делать того, что именно они и должны бы были начать делать. Единственный, кто рискнул взяться за это, оказался последний царь Иудеи, Седекия, вовсе не самый верный человек, а вообще считавшийся одним из худших. Пусть под давлением обстоятельств, но он рискнул, и что-то у него даже получилось, его князья не воспротивились этому, хотя именно они по жизни и тому, кем и чем они были, они должны были костями лечь, но не допустить такого поворота. В принципе, они быстро покончили с этим экспериментом, но всё же это упрёк всем тем, кто считаются "хорошими" царями Иудеи. Даже в годы правления праведных царей этот порядок был не выполняем, люди созна-

тельно уклонялись от него, это был момент неверности, сознательного уклонения от предписанного им.

Нередко тех, кого называют "субботниками", насмешливо критикуют за их слова, что "надо соблюдать закон". Их спрашивают, как у них самих насчёт этого соблюдения, успешно ли получается, и как правило, никто не может похвалиться. После этого разговор заканчивается, подразумевая, что все нормальные люди соблюсти весь закон не могут. Однако же здесь проблема не в том, что человек может ошибаться и что-то у него может не получаться. На самом деле разговор должен вестись не о том, что нужна безошибочность и непогрешимость в соблюдении правила и заповедей Закона (это другая тема), а о том, что в Законе нет необязательных пунктов, что человек должен понимать, что он не может сам назначать, что соблюдать, а что нет. Получится или нет их выполнять – дело второе, а вот если кто-то решает, что шестую и восьмую он выполнять будет, так как они очень удобные, защищающие его жизнь и имущество, а вот седьмую он только попробует выполнять в определённых обстоятельствах, а в целом даже не собирается, потому что ему свои удовольствия важнее, то как раз это и есть та проблема, о которой пытаются сказать эти субботники (и не все из них сами понимают разницу между "получается-не получается" и сознательным отказом соблюдать что-либо вообще). Начальствующие Израиля отказались выполнять закон о юбилеях, и в этом была та причина, почему Бог не мог проявлять сдерживающую и обуздывающую силу в отношении человеческих слабостей. Если бы они не отказывались заранее, то в их обществе действовала бы внешняя сила, помогающая им во всём, где они сами были неспособны и слабы, но поскольку они изначально поставили себя в отказ, пусть и в единственном пункте, это была серьёзнейшая преграда и проблема в их отношениях с Богом. Вскоре этот закон был забыт, а ответственные за просвещение не напоминали о нём, и редкие реформаторы не успевали добраться до этой темы, занимаясь завалами проблем, появившимися за годы и века жизни на частичном послушании.

Лет тринадцать спустя, это был тридцать первый год Иосии⁵⁸, между Египтом и Вавилоном возникли существенные трения (Вавилон теснил ассирийцев, Египет же в этой ситуации поддерживал ассирийцев, вытесненных на север, в Харран), и фараон Нехао направился в Кархемис, чтобы там решить свои споры с жителями Междуречья. Дорога туда лежала через Ханаан, бывший перекрёстком многих путей. Иосия, которому донесли о перемещениях египтян, как и многие на его месте бы сделали, возмутился этим фактом, не каждому понравится, когда его территорию используют как проходной двор, особенно когда делают это без спроса. Нехао же не имел намерений воевать здесь, он в самом деле не обращал внимания на находящиеся явно не на пике могущества Иудею и уже не существующий Израиль, он просто проходил мимо. Он был уже на территории Израиля, вовсе не Иудеи, когда ему перегородили дорогу иудейские войска в Мегиддоне (не начал ли Иосия считать эту землю принадлежащей Иудее?). Он послал к ним переговорщиков, чтобы успокоить Иосию. Он высказал как бы даже извинения, обращаясь к Иосии довольно спокойно и дружелюбно – "Что мне и тебе, царь иудейский? Я иду не против тебя (твою землю я уже миновал и ничего никому не сделал), я иду туда, где у меня война. Бог велел мне спешить – не противься Богу, который со мной, чтобы мне не погубить тебя". Дела были серьёзны, Нехао ссылается на Сущего, однако же для Иосии почему-то это всё не показалось важным, он упорно зачем-то стремился остановить египтян и помериться с ними силами. Это было какое-то помрачение разума. Был ли он на стороне вавилонян, хотел ли поражения ассирийцев или просто показывал, что по его территории не следует ходить без разрешения? Трудно сказать, нет явных указаний в библейской истории. Возможно он считал, что как верный Суще-

58 Примерно 608 год до н.э.

му, он может рассчитывать на Его помощь, и неважно в таком случае, насколько велико войско у противника. Но он не спрашивал Бога об этом походе, поэтому реальность оказалась для него печальной. Вместо того, чтобы отпустить с миром египтян, он выстроил свои отряды к бою, и тогда египетские лучники дали по нему залп. Он не умер мгновенно, но был сильно ранен и попросил вывести его из строя. Его воины освободили дорогу египтянам, и отправились домой. В Иерусалиме Иосия умер, и народ устроил ему торжественные похороны, вся страна оплакивали царя, зная, что мир и благо Бог обещал только на время, пока он жив. Он был для них неким гарантом защиты от бурь, готовых обрушиться на Иудею. Одна из плачевных песен у Иеремии посвящена ему.

Плен

Сыновья Иосии на царстве

После оплакивания Иосии народ поставил на царство его сына Иоахаза, почему-то не старшего из сыновей. Иоахазу было двадцать три года. Но он пробыл на посту лишь три месяца, и его правление было не из лучших, он продолжал дело не праведных царей, но худших. У него было немного времени, в течении которых Нехао решал свои дела на севере Ефрата. В этом году у Египта дела шли неплохо, и когда египтяне возвращались из похода, фараон заглянул в Иерусалим, чтобы навести порядок, и он не встретил никакого сопротивления, ничего такого не упоминается, просто пришёл и объявил, что теперь здесь будет по другому. Ему не нравилось, что Иудея оказала намёк на сопротивление ему. Поэтому он сместил Иоахаза и поставил Иудее царя уже от себя, что было потерей самостоятельности, с этих пор начался период подвластности избранного народа более сильным государствам. Обратного пути уже не было, впрочем эта мера не означала, что Бог отказался работать с ними и через них явить миру Себя и Свои законы и образ жизни. Напротив, эта мера должна была привести евреев в чувство и избавить их от ложных надежд, что никуда Сущий не денется – раз они Ему нужны, то Ему придётся терпеть все их капризы. Они не подумали, что достигать Своих целей Он может и другими способами.

Над Иудеей был поставлен Иоаким (Иоахаза же он увёл в Египет, в заключение), как Нехао назвал его по своему, до этого его звали Елиаким. Он был старше Иоахаза, ему было двадцать пять лет. Своим высоким положением Иоаким был обязан Египту, и это подразумевало, что он будет лоялен ему. Также Нехао взял контрибуцию с Иудеи, один талант золота и сто серебра, как будто не очень большая сумма (по крайней мере, намного меньше, чем взыскание, наложенное ассирийцами на Езекию).

Царствование Иоакима было более долгим, одиннадцать лет. Он также не был верным призванию своего народа, как и его брат. Через три года в мире произошли немалые перемены, в 605 году до н.э. Вавилон при Кархемисе разбил египетские войска и с этого времени он стал усиливаться, и очень быстро стал империей, усвоив территории, прежде охваченные ассирийским влиянием. Египет ослабел после поражения в сражениях на севере, и уже не мог управлять Иудеей или диктовать Иоакиму. Теперь Навуходоносор взял Иудею под своё крыло, до этого им волей-неволей, будучи под Египтом, приходилось выступать на его стороне против Вавилона, так что возмездие, по крайней мере внимание со стороны победителя было обеспечено. Неясно, пришёл ли он с войной и силой навязал договор или просто предложил, но отказаться от этого предложения было невозможно, тогда в Иерусалиме бы появился новый царь. С этого времени, с 605 года до н.э. многие отсчитывают время "вавилонского плена", правда, сам плен начался раньше, с назначения Иоакима фараоном Нехао, с 608 года до н.э. У Иоакима были шансы и надежды на какое-то возрождение, если бы он был склонен задуматься об остоятельствах, но летопись упоминает лишь о "мерзостях", творимых в его время. Может быть проблема была в том, что когда после смерти Иосии пришли проблемы, то они не выглядели апокалиптически? Ведь

бывали угрозы куда хуже во время Езекии от ассирийцев, заявлявших им, чтобы готовились к переселению в чужие земли, а тут всего лишь их присоединили к лагерю более сильной стороны. Не впечатляло, похоже, потому что ни голода не было, ни ограблений, ни уничтожения населения или войск, всего лишь на их царём появился некто повыше, а так ничего... В этих бедах, потере самостоятельности, предсказанных неоднократно, можно было бы и задуматься, обстановка всё же располагала к этому, но Иоаким с упорством, достойным совсем другого применения, продолжал линию Ахаза-Манассии-Амона. Иной раз мне кажется, что это был своего рода осознанный бунт против Сущего, отстаивалось право на каприз, на свободу соблюдать не все заповеди законов, а по выбору. Они как бы взывали – мы хорошие, только оставь нам чуть-чуть чего-то, чего нам когда-нибудь очень захочется, а если не дашь, то будем делать назло сознательно, и всё равно испортим Тебе Твои планы. Ему нужно возрождение человечества, а этим вот дай всего лишь прожить свой "кусочек жизни"...

Когда Навуходоносор заключал с Иоакимом договор о союзе и подвластности его юрисдикции, были взяты и заложники, чтобы в Иерусалиме помнили и крепче держались условий. Среди этих забираемых в Вавилон заложников, были и Даниил с его друзьями. Им была предложена участь не совсем заложников, но им предстояло обучение на чиновников высокого ранга, которые впоследствии обеспечивали верность захваченных стран метрополии, так поступал Вавилон, и, наверное, не только он, с захватываемыми территориями и народами. Навуходоносор действительно строил империю, и во многом преуспел, хотя не на долгое время.

В храме снова появились языческие символы и статуи, чужие жертвенники, многие священники, потомки Аарона участвовали в поклонениях Солнцу, Луне, планетам и иноземным богам. В его время Иеремия подвергся гонениям и заключению. Когда Иеремия записал свои пророчества, которые были ему даны в предыдущие годы, в книгу, Иоаким просто сжёг её на огне, показывая свою независимость от Сущего, это был вызов Ему. В ответ он получил нападки от многих соседей. Время было такое, что с таким характером было сложно не попасть в какие-нибудь неприятности. Первые три года подвластности Навуходоносору Иоаким делал всё что положено, однако вскоре возник соблазн – Египет имел некоторый успех и потеснил Навуходоносора. Сложился союз против Вавилона, и Иоаким, изначально поставленный Египтом, вспомнил, кому обязан своим возвышением, и отложился от союза с Вавилоном, благодаря которому он остался на троне... При этом от Иеремии и других пророков были предупреждения, что Вавилон будет господствовать над всеми другими странами региона, и что именно Сущий укрепляет его и поддерживает, а Навуходоносор есть Его слуга. В огромной степени Навуходоносор в самом деле стал последователем Сущего, так что эти слова были верны в самом буквальном смысле. Но многие ли в политике слушают предостережения со стороны Бога, когда им предлагают то, что им кажется выгоднее и при этом соответствует желаемому ими? Так что Иоаким занял сторону в конфликте между Вавилоном и Египтом не на той стороне. Навуходоносор, возможно, сожалел, что поверил этому человеку, который при первой же возможности нарушил клятву и вернулся к прежнему хозяину. Надо было ставить сразу своего ставленника, который был бы обязан только ему, может быть было бы надёжнее. Но тогда он поверил уверениям Иоакима и оставил его на царстве.

Навуходоносор пришёл к Иерусалиму, чтобы наказать отступника. Войны и осады Иерусалима не было, Иоаким рассчитывал, что покорностью он заслужит себе снисхождение. Здесь летописи несколько расходятся, однако не принципиально. В книге Царств повествуется о его смерти и воцарении поначалу его сына Иехонии, который был царём лишь три месяца и десять дней. В Летописях же говорится том, что Навуходоносор сковал Иоакима оковами, чтобы отвести его в Вавилон, и тоже говорится о воцарении его сына Иехонии. Однако оба источника не говорят лишнего, что сделало бы версии несовместимыми. На деле задача решается так, что Иоаким не был отведён в Вавилон, он только был связан для этого, а умер не выходя из Иудеи. В

реальности произошло то, что предсказывал Иеремия – "не будут оплакивать его, ... ослиным погребением будет похоронен, вытащат и бросят его далеко за ворота Иерусалима"⁵⁹. Явно Навуходоносор, после общения с Иоакимом, пришёл в негодование и решил проблему на месте, без того, чтобы вести его куда-то. После этого вавилоняне ушли, за это время иудеи поставили царём, как обычно, сына последнего царя, Иехонию. Но через три месяца Навуходоносор вернулся, то ли дела отвлекли его, то ли понял, что оставлять Иудею без своего ставленника не будет разумным, и забрав Иехонию в Вавилон, поставил царём уже младшего сына Иосии – Матфанию, которому дал имя Седекия. Иехония поначалу заперся и воевал против вавилонян, но оценив свои силы и возможности, решил не отягощать свою участь и не стал дальше противиться Навуходоносору, но покорно вышел к нему со всеми придворными и семьёй, чем обеспечил себе немалое снисхождение.

В это время в Вавилоне Даниил уже проявил себя, и он занимал пост главного мудреца и мага страны, в силу этого он имел некоторое влияние на царя и его политику в отношении Иудеи. Правда, походатайствовать за Иудею Даниил не мог, не идя при этом против ясно выраженной воли Сущего, Который predeterminedил евреям быть под властью Вавилона. Если уж помогать облегчить участь Иудеи, то это можно было обеспечить только обращением соотечественников на путь истинный. Но как раз в этом он был лишён всяких возможностей, да и не его это было предназначение. Сильнейшие пророки были бессильны изменить настрой нации, и ещё один голос издали был бессильно изменить чувства и желания большинства. К тому же Навуходоносор был яркой и непростой личностью, попытка влиять на него могла плохо кончиться, если бы кто-то набрался такой смелости из-за нехватки ума. Навуходоносор решил выселить из Иудеи и Иерусалима самых значимых людей, лучших мастеров и знатоков (на это был и совет свыше). Он сделал это, забрав с собой в Вавилонию военных людей, большую часть князей, кузнецов и плотников, всех мастеровых – элиту и сливки народа, так что остатки были самыми бедными во всех смыслах людьми. Кроме переселения людей, Навуходоносор забрал из Храма часть утвари, которые были помещены в одном из языческих храмов в Вавилоне. После этого Иеремия получил видение о двух корзинах с инжиром, в одной из которых были очень качественные плоды, а в другой очень плохие, совершенно несъедобные. О хороших плодах было сказано, что это переселённые в Вавилон, а о плохих, что это те, кто остался... Причём, что интересно, контраст был огромный – в плохих было невозможно найти хоть что-то мало-мальски приемлемое, а среди хороших нельзя было найти хоть какой-то недостаток. Этим Бог подчёркнул, явным образом сказав об этом, что покорность Навуходоносору в данном моменте времени обеспечивает и пригодность для Него Самого, потому что этому человеку отданы все соседи и их земли, в его власть и под его руку, и даже звери отданы Им под его управление.

Седекия

Седекия был младшим сыном Иосии, и теперь бремя руководителя выпало ему. Сейчас ему был двадцать один год, и, как мне кажется, он не имел сильных лидерских качеств. Сам по себе он мог не быть настроен против Сущего, как старший Иоаким, он за свои молодые годы достаточно насмотрелся всего, и довольно неплохо представлял себе расстановку сил, что планы и желания их Бога осуществляются с завидным постоянством, а восстания против Него заканчиваются практически всегда плохо. Он уважал Иеремию (который начинал ещё при Иосии, и был пророком уже тридцать лет), однако же князья, с которыми ему приходилось иметь дело, представляли уже спаянную команду, сформировавшуюся при разгульном Иоакиме, и они вряд ли собирались что-то менять коренным образом в своей жизни. Не знаю, был ли у них разговор с царём, подобный как был некогда у Иоаса с его князьями после смерти первосвященника Иодая, или было сразу понятно, что если он хочет что-то изменить в стране, то ему сначала придётся иметь дело с ними, и неизвестно ещё, кто выиграет, и он пошёл у них на поводу, поскольку не

был из тех, кто чётко для себя решил, на какой стороне ему быть (в таких случаях стойкости обычно сильно не хватает). Князья же были настроены против Вавилона, и при малейшей возможности начинали интриги и союзы с окружающими странами. В отношении же религии они были готовы терпеть своего Бога, если Он не будет требовать от них слишком много... Сейчас Вавилон был силён, а Египет слаб, но разница была невелика, он вполне мог себя показать, и они надеялись и ждали, когда вокруг снова соберётся сила, могущая противостоять новой империи и ожидали возможности бросить новый вызов гегемону на Ефрате. Вавилон был довольно далеко, и здешние народы были постоянно склонны к сепаратизму, привыкнув за века своей истории вариться в своём котле. Но увы, времена качественно менялись, и хотя новых транспортных средств не изобрели, но уже ассирийцы привыкли к дальним походам и оценили возможности объединения ресурсов отдалённых территорий, и назад это было уже не откатить. Иеремия передаёт слова жён Седекии (об этом прозвучало в видении, но скорее всего они были сказаны на самом деле) об этих мнимых друзьях – "тебя обольстили и превозмогли твои друзья, твои ноги погрузились в грязь, и они удалились от тебя"⁶⁰ – в самом деле, они диктовали ему свою волю, а Седекия не смел им отказывать, лишь иногда тайком вопреки их диктату выручал Иеремию из беды, когда те хотели уничтожить пророка. В другой ситуации тоже раскрываются обстоятельства отношений царя и князей – когда Иеремия был лишён свободы за свои непатриотические пророчества, что Навуходоносор возьмёт Иерусалим и разрушит храм, то когда князья потребовали убить или как-то заставить пророка замолчать, то ответ царя был – "Он в ваших руках, я ничего не могу делать вопреки вам". После этого к царю пришёл другой высокопоставленный человек, защищающий Иеремию, просящий, чтобы тому была сохранена жизнь, об изменении условий содержания (а он был брошен в яму с жидкой грязью), то царь тут же разрешил ему это, душой он был всё же на стороне Иеремии. Потом был момент, когда царь решил узнать о своей участи и попытался поговорить с заключённым, и после разговора с ним царь инструктирует Иеремию не говорить князьям, который обязательно придут узнать о содержании их разговора (тоже характерная деталь – князья следят за царём, не позволяют ему вести дела самостоятельно), он не должен разглашать ничего о их разговоре. Такова была обстановка при дворе.

Некоторые писатели о первых годах Советской власти писали, что на улицах городов можно было редко увидеть интеллигентных людей, что на улицах было много маргинальных личностей самого неприятно вида. Не уверен, что дело обстояло так в те годы в России, зато подобная ситуация имела место как раз в последние дни Иудеи – факт, что Навуходоносор забрал из Иудеи и её столицы практически всех лучших людей, наложило свой отпечаток на последние годы Иерусалима. Видение Иеремии о двух корзинах инжира было очень красноречивым описанием того времени. Мало-мальски разумные и здоровые, мастеровые и умеющие делать вещи люди жили теперь далеко на востоке, и можно лишь догадываться, какая атмосфера царила после этого в Иерусалиме.

Летописи очень немного пишут о правлении Седекии, но о последних годах Иудеи немало записано у Иеремии, которому выпало много проблем. У него записано, как были неоднократно предупреждены Иоаким и Седекия, и как они и князья реагировали на эти вести. Седекия был втянут в антивавилонскую деятельность соседних с Иудеей стран, в результате чего он нарушил союз с метрополией, и результат не замедлил сказаться – пришли вавилоняне и больше года осаждали Иерусалим. Осада была нелёгкой, иудеи сражались отчаянно, потому что их поддерживали ложные пророки, противостоящие Иеремии. Мало кто хотел разбираться, кто из них прав, и многие выбирало не то, что казалось более правдоподобным, но то, что выбирало большинство, как оно большей частью и бывает. Ведь те пророки точно также клялись, что именно Сущий обе-

60 Иер.38,22 – здесь Бог предупреждает царя о больших проблемах, когда его жёны перейдут к победителям как приз, и это будут их прощальные слова к нему.

щал свергнуть иго Вавилона, и это соответствовало патриотическим настроениям. Хотя для любого хотя бы слегка интересующегося темой, кто хотел бы разобраться, понять кто прав не составляло труда. Ведь за Иеремией уже было много сбывшихся пророчеств, а у этих нанятых за деньги просто ничего. Но за ними стояли князь и царь, да и вещи они говорили более приятные.

Во время осады случилось очень примечательное событие, показавшее всем, что Бог хотел бы помочь, но Ему нужны серьёзные перемены к лучшему. Неизвестно, с чьей подачи, князь и народ на каком-то из совещаний, видя, что их Бог явно против них, решились всё же послушаться Его хоть в чём-то, и они решили отпустить всех слуг и рабов из евреев на свободу. Этого не происходило давно, поскольку субботные и юбилейные года во времена царей (да и при судьях тоже) не соблюдались, и многие не отпускали попавших в рабство по разным причинам людей. Теперь же они торжественнейшим образом прошли между рассечёнными животными (жертва, редко применявшаяся, которую однажды совершил Авраам), этим клянясь выполнить свой зарок. Это было именно то, что было в забвении веками, чего не сделали ни Езекия, ни Иосия, часть системы юбилеев и субботных лет, когда в эти годы отпускались на свободу те, кто не могли выкупить себя из долгового рабства. И едва они сделали это, Навуходоносор решил вдруг оставить Иерусалим в покое и ушёл от его стен. Неизвестны детали, был ли у Иеремии разговор с Седекией об этом, но война и осада вдруг закончились, и люди увидели, что если послушать Суцего в том, чего Он настоятельно просит, то и Он идёт навстречу. Именно это дело было принципиально важным, именно о соблюдении суббот земли и юбилеев Он говорил ещё Езекии, и вот по прошествии пяти царей (не считая ещё два трёхмесячных царствования) или ста семидцати лет, это наконец попробовали выполнить. Разумеется, что Суций не мог не отреагировать даже на поверхностную попытку, но всё же Его планы не нарушились. Едва осаждающие исчезли за горизонтом, князь облегчённо вздохнул, им показалось, что те пророчества, за которые они платили своим карманным пророкам, начали сбываться. И обрадовавшись, они вернулись к своему обычному состоянию, которое порождало другие мысли – "как же мы будем жить без прежних слуг и служанок? Что это мы делаем?" И они начали силой возвращать их на прежние места... Но, разумеется, подобная мысль пришла в голову и Навуходоносору, и войска вавилонян вернулись.

В одиннадцатом году Седекии Иерусалим был взят, и хотя он остался жив, однако его неустойчивость и неспособность держать порядок в своих руках дорого обошлись ему. На его глазах были убиты все его князья, помыкавшие им как хотели, а также его сыновья, что означало, что царская династия оборвана, и от Давида уже больше не будет царей, кроме великого Царя некогда в будущем, и это было последнее, что видели его глаза, потому что он лишился их по приговору Навуходоносора. Тот провёл своё расследование, долго спрашивал Седекию, как он докатился до восстания, хотя давал клятву верности, почему позволил всему этому восстанию случиться, и составил своё мнение, выразившееся в его приговоре. После этого Храм и сам город были разрушены по его приказу, впрочем он знал, что выполняет волю и приказ Суцего, с Которым был уже хорошо знаком и был Его последователем.

Здесь можно поставить точку в истории независимых Израиля и Иудеи. Вавилонский плен, должный длиться 70 лет, был уже в разгаре, начавшись с 608 года до н.э. (кто-то считает с 605, хотя сам Бог не называет этот плен вавилонским, а лишь говорит, что в Вавилоне годы плена завершатся).

Впрочем есть детали, о которых стоит упомянуть. Вещи Храма были собраны и отвезены в Вавилон, однако среди увезённого не упоминается Ковчег завета, то есть он был спрятан до захвата города. Правда, это вполне могло осуществиться и в присутствии вавилонян, потому что Иеремия после их прихода был освобождён и мог делать всё, что угодно, также Храм разрушили не сразу после захвата города. Есть предания, что это Иеремия в какой-то момент, будучи свя-

щенником и имея право входить внутрь храма, забрал его оттуда и спрятал в пещерах под Иерусалимом. Есть представление, что некогда он снова будет доступен людям, для этого он и был утаён тогда, как показатель, что евреи не оправдали Его доверия, но когда в человечестве возродится интерес к вечным вещам, то он сможет ещё чем-то послужить людям.

Годолия. Оставшиеся на своей земле

Много было убито во время осады или погибло от голода и болезней, многие из оставшихся были переселены в иные земли, но определённую часть людей Навуходоносор оставил жить на своей земле. Многим бедным были выделены земли с домами, и теперь они могли хозяйствовать здесь. Царь Вавилона не имел планов, чтобы эта земля пришла в запустение, заросла кустарником и деревьями или чтобы на ней развелись хищники, потом обживать её будет намного труднее, чем дать людям сберечь её сейчас. Кроме того, поскольку Вавилон не проводил враждебной политики против иудеев или Иудеи (в войне и разгроме повинны были дух неприязни к Вавилону и восстания, захвативший именно тех, кто был во вражде со здоровыми принципами, это было как каприз или безумие, за всем этим видна деятельность врага рода человеческого), а пророки Сущего всех призывали поддержать Вавилон и прекратить бессмысленное сопротивление, то многие так и сделали. Были многие, перешедшие на сторону вавилонян, и они пользовались свободой и были в полной безопасности за пределами Иерусалима. Эти люди оставались в Иудее и над ними был поставлен начальником и управляющим Годолия. Это был благородный человек княжеского происхождения, его отец защищал Иеремию в правлении Седекии, и Навуходоносор был в курсе состояния дел в иудейской элите, так как у него в Вавилоне было много людей из этого круга, так что его выбор не был случаен.

Годолия был хорошо известен практически всем, и когда люди узнали, что назначен именно он, то стали собираться к нему со всех концов. Ему доверяли все, и скоро в Массифе⁶¹ собралось немало людей. В городе находился небольшой гарнизон вавилонян, но сюда пришли также несколько людей, имевших свои дружины, то ли остатки армии, то ли князя со своими людьми, они тоже представляли из себя какую-то военную силу, так что у Годолии могло сложиться неплохое положение как успешного правителя.

Но один из пришедших полевых командиров принёс с собой неприятные вести. Как уж он узнал об этом, неизвестно, но талант разведчика у него имелся. Этот человек, Иоанан, рассказал Годолии, что аммонитский царь Ваалис, один из участников антивавилонского союза, ненавидя Вавилон, имел замысел и против тех, кто на него работает. Таким он видел и Годолию, и этот Ваалис послал одного из иудейских князей царского рода, прятавшихся у аммонитян, убить наместника вавилонян, Годолию. Теперь он был в опасности от Исмаила, сына Нафании, который собирался придти к нему с нехорошей целью. Если бы Годолия и здесь проявил то же благоразумие, которое имел для других, но он благородно не поверил Иоанану, обвинив его в клевете, что потомок Давида не станет заниматься столь низким делом. Похоже, он знал его немного, но в делах политических он был довольно наивен. Иоанан предложил Годолии решить проблему с Исмаилом, но Годолия отказался, обвинив его в клевете на невинного человека.

Годолию можно понять, хотя немногие повели бы себя так, как он, на этом месте. Хорошо, пусть он запретил ликвидацию диверсанта, но когда Исмаил в скором времени явился к Годолии, мог хотя бы принять меры предосторожности. Но вместо этого Годолия принял Исмаила вместе с его командой, десятью людьми с оружием, которые во время обеда встали и поубивали всех находящихся с Годолией. Они захватили врасплох даже вавилонян, и кроме них убили очень многих, находящихся в Массифе. Они знали, что все пришедшие сюда пришли именно к хорошему человеку, поэтому могли не разбирать, кто может быть на их стороне и кто не с ними, зная, что все здесь против них. Рядом с селением был ров, выкопанный как часть оборонительных соору-

61 Похоже, селение в земле Вениамина, недалеко от Иерусалима (было несколько городов с таким названием)

жений, и его Исмаил наполнил убитыми... Правда, немало людей Исмаил захватил в плен, чтобы увести их с собой к аммонитянам, где им могла грозить не лучшая участь быть проданными в рабство. В это время в городе не было тех полевых командиров, что предупреждали Годолию о заговоре против него, но они слышали о нападении на город и как раз приближались к Массифе, когда Исмаил выводил пленных из города. Ситуация была совсем невыгодна Исмаилу, у него было мало людей для схватки с численно превосходящим противником, готовым к бою, и он убежал от Иоанана и его людей, бросив пленных.

Сомнения и отказ от Сущего

Среди этих освобождённых был Иеремия, который после своего освобождения из Иерусалима не захотел идти в Вавилон, но решил остаться в Иудее. Его работа была как будто окончена, больше некого было обличать, в смысле царей и князей, уклоняющихся от обязанностей. Все его предсказания о настоящем уже сбылись, а будущее было ещё далековато. В Вавилоне он мог бы отдохнуть душой и телом и последние свои годы прожить обеспеченным человеком, ему было обещано это со стороны должностных лиц Вавилона, но он был ещё не стар и хотел остаться среди своих. Спокойной жизни не получилось, у Годолии он видел начало восстановления страны, начала налаживаться жизнь, но гибель Годолии опять перевернула всё. Люди боялись, что с них спросят за гибель военных Вавилона и наместника, поэтому думали уйти в Египет, где, как они считали, нет и не будет никакой войны. С этим они были очень наивны, Египет не раз был поражён Вавилоном (хотя не сильно, и даже наносил ответные удары), но пока его земля ещё не была тронута войной. Однако же многие помнили, что среди них находится пророк Всевышнего, и они обратились к нему за советом.

Спросить они спросили, но вот ответ им не понравился настолько, что они поступили всё равно по своему замыслу, решили идти в Египет вопреки ответу Бога. Иеремия, отвечая людям на их вопрос, сказал, что им не нужно опасаться, что на них возложить какую-то вину за гибель Годолии. Скорее наоборот, сбегая с места преступления, они дадут повод думать (если некому будет рассказать, как оно было), что смерть наместника может быть их рук дело, да и не узнают, кто на самом деле сделал это. Тогда останется ненаказанным Исмаил и аммонитский царь Ваалис, а спрашивать будут с тех, кого потом могут обнаружить в Египте... Однако люди, даже опытные военачальники уже всё продумали, и другого варианта они почему-то не видели, поэтому, хотя поначалу буквально клялись, что послушаются слова Иеремии, что он передаст им, когда Бог ответит, услышав сам ответ, отвергли его без всяких сомнений. Они обвинили Иеремию, что он желает им зла, что этот ответ наваян его помощником Борухом, а вовсе не Сущим. Ответ же Бога был таким, чтобы они оставались в родной земле, что им ничего не грозит, что в этой земле они будут процветать и будут иметь всяческий успех и удачу. При этом если они пойдут на чужбину, куда Он очень не хочет, чтобы они шли, запрещает возвращаться туда, то там их ждёт и война, от которой они бегут здесь, и к тому же Бог из Помощника превратится во Вредителя, отнимающего всякую удачу и успех. Казалось бы, что хуже, что страшнее, если им страшны подозрения вавилонян, то гнев их Бога должен бы стимулировать не меньше, однако же не зря Бог сравнивал тех, кто остался после от первого переселения после Иоакима с нигде и ни на что негодными фигурами, эти люди просто не соображали в критическое время, да и души были с немалой гнильцой, даже у самых лучших из них.

Беженцы добрались до Египта, Иеремия не стал отделяться от них. Не будь его с ними, эта история не дошла бы до нас, да и он, ощущая себя теперь свободным, как птица, не мог без какого-нибудь дела, где мог принести пользу. Эти люди должны были знать, что они делают, и хотя бы в назидание потомкам стоило пройти с ними. Дальше о Иеремии нет записанной истории, но он оставил свои записи о событиях после ухода беженцев в Египет, где эти люди раскрыли себя самым явным образом. Одно это откровение стоило всех проблем, приключившимся с ними и с пророком.

Они добрались до Тафниса, здесь была резиденция фараона, и видимо здесь они ожидали каких-то решений о них, где им предпишут поселиться и чем заниматься. Иеремия получил распоряжение взять несколько булыжников и спрятать их в глине рядом с входом во дворец фараона. Его действия, как он вбивал во влажную глину камни, привлекли внимание толпы, и закончив свои действия, Иеремия объявил о смысле делаемого им. Как раз на этих камнях поставит свой шатёр Навуходоносор, когда придёт в Египет. И когда он будет здесь, то всё, от чего они бежали из своей земли, получают и здесь вместе с египтянами. Толпа услышала, но что было делать им теперь? Оставалось только потихоньку надеяться, что как-нибудь их лично обойдёт стороной, ведь в Иудее как-то пронесло...

Спустя какое-то время Суций ещё раз обратился к беженцам, и Иеремия передал им Его слова, когда многие, живущие в области Пафроса собрались из нескольких соседних городов и селений для по какому-то поводу, и как бы это не был египетский праздник в честь одного из богов. В речи Иеремии звучали обличения за служение языческим богам в своей земле, из-за чего они подверглись наказанию, в результате которого сейчас они находятся в чужой земле. Бог спрашивает, зачем им навлекать на себя ещё больший Его гнев, продолжая делать это уже в Египте. Речь Иеремии была сравнительно долгой, не в одном-двух словах, однако вместо того, чтобы проникнуться, эта толпа иудеев пошла вразнос, они открыто выступили против требований Сущего, при этом вовсе не отвергая Его существование... В заключительной части речи Иеремия озвучил, что они получают продолжение тех бед, что они навлекли на себя и свою землю прежде, уже в Египте они снова подвергнуться тем же проблемам, и если в Иудее им повезло выжить, то здесь это будет уже под вопросом. И обратно в свою землю (куда все желают вернуться) из этих идолопоклонников уже не вернётся никто, кроме тех, кто убежит отсюда.

Вряд ли толпа отвечала ему хором, наверное это были несколько выступающих, в том числе женщины, а остальные кивали и поддакивали говорящим, но суть ответа толпы была такая: "Мы непременно будем кадить небесной царице, так же, как мы все с царями и князьями нашими делали это в Иудее, потому что когда мы это делали, то были сыты и счастливы, и не видели беды. А вот с тех пор, как перестали кадить ей и возливать возлияния, то тогда и случились с нами все те проблемы – голод и война".

Не знаю, как чувствовал себя Иеремия, слушая эту ахинею. Это была высшая точка развития отступления, концентрация всего неверного в их истории. Это было нагло, вызывающе, показывало, что эти люди скорее безумны, хотя выглядели вроде бы как всегда... Не то, чтобы это было что-то новое, именно против этого Иеремия и боролся всю жизнь с тех пор, как его призвали в пророки, но никогда зло не было столь наглым. Ладно царь мог позволить затыкать рот пророкам, у него должность даёт ему какую-то возможность для этого, но чтобы простые люди так просто и открыто отказывались от требований своего Бога, это было необычно. Но это было то, что накапливалось в их душах, не желающих разобраться в смыслах происходящего, их бессознательные желания, чтобы было так, как им бы хотелось. Думаю, в данный момент, будь даже там Моисей, они ответили бы ему также. Они же не говорили, что Суций слаб или что Он неправ, они просто служили всем богам, что им нравились или подходили. Поэтому Сущему они отводили определённое место, но и другие боги у них стояли рядом с Ним, и явно, что в их представлениях Он занимал небольшое место. Неважно, сильнее или правее или правильнее они были, чем Суций... Сейчас небесная царица им казалась более могущественной, чем создавший их для Себя Суций.

Суций, получив их ответ, передал Иеремии пару слов, которые Иеремия тут же озвучил – "Коль пошло такое дело, то что ж, твёрдо держитесь ваших обетов и исполняйте их. Но выслушайте вот что – в этой земле больше ни один иудей не будет клястся Моим именем. Я буду смотреть за вами ко вреду и гибели, и очень немногие из вас вернуться в Иудею. И посмотрим, чьё слово сбудется – Моё или ваше. И ещё – нынешний фараон окажется в руках Навуходоносора,

как недавно Седекия..." Царица неба будет бессильна защитить их, когда Сущий найдет на них их врагов.

В умах людей произошла какая-то инверсия, они сами верили в то что говорили. Снова надо сказать, что оставшиеся в Иудее с Седекией были людьми невысокого полёта, и это сильно сказывалось... Думаю, многие люди встречали тех, чьи умы работают так, что вызывают недоумение, здесь был такой же случай, только таких набралась немалая толпа, кто мыслил одинаково извращённо. Почему они считали, что когда они служили языческим богам, то всё было хорошо, а когда перестали, то пошли беды?

Ответ на это отчасти находится во временах Иосии, неверно понятых предвзято настроенными умами. Иосия заставил многих отказаться от язычества, точнее прекратить совершать явные групповые языческие обряды, и хотя многие в народе поддерживали поворот на службу Сущему, но "многие" ещё не все. Вскоре (прошло тринадцать лет с наиболее решительных действий Иосии) царь погиб и на страну обрушились проблемы – фараон Нехо и Навуходоносор. В умах тех, кто не заботился поразмыслить о происходящем глубоко, легко могло сложиться впечатление, особенно когда прошедшее время резко сжимается в памяти и кажется мгновением, что именно реформы Иосии навлекли гнев богов... Он был верен Сущему, а проблемы всё равно обрушились, и с точки зрения невежественных обывателей толку от его стараний не было, они не защитили их, как по слухам, было когда-то. Проблемы накапливались веками, а приписали их крайнему, как часто бывает. А вот во время Иоакима, когда язычество захватило Иудею, и они уже привыкли к жизни под Египтом и Вавилоном, не было никаких войн и потрясений, а те, что были, их лично не касались, беда приходила к верхушкам общества... То же было и во время Седекии – простые люди не знали о борьбе групп верных и неверных людей, жили по язычески и поклонялись одновременно и Сущему, для порядка, как уже давно было заведено, и считали, что живут как надо – и всё было гладко, подумаешь, некоторых выселили после Иоакима с Иехонией, так они в Вавилоне живут отлично и проблем не знают, да и их никого не затронуло, войны большой не было. В самое последнее время, уже во время осады Иерусалима, Седекия попытался вернуться к соблюдению законов Сущего, и даже самые упёртые князья, контролировавшие царя, приняли это. Но это обращение к Пути сопровождалось быстрым возвращением к прежнему образу жизни, и после этого Иудея и Иерусалим прекратили своё существование. Но в глазах невежественной тупой толпы попытка сделать по правилам стали ассоциироваться с бедами, поскольку они казались им одно выходящим из другого, как бы беды были из-за реформы (хотя они были из-за отказа от реформы). Поэтому их вывод звучит так уверенно при всей его неправомерности. Не посчитайте грубым, но анекдот о "слухе у таракана в шестой ноге" описывает как раз-таки их ситуацию, как они поняли свою историю. У многих некритически мыслящих людей, ненаблюдательных подобное часто случается, когда отдельные события штрихами, обрывочно запоминаются им, и из этих штрихов может сложиться совсем иная картина, чем была в действительности. Все, наверное, видели картинки двойного изображения, когда в одном положении видно одно, а если повернуть её, то совсем другое изображение. Иногда политики пользуются этим штриховым мышлением, чтобы создать у масс людей нужное впечатление, и у тех, кто не проверяют свои знания, таким образом можно создать сколь угодно искажённые впечатления о истории, о героях, превращая их в преступников, а преступников в героев... Те, кто противостояли сейчас Иеремии, хотели верить в то, что говорили, и в их глазах всё это казалось им чистой правдой. Тут "трезвому, что голому, неловко..."

На этом история Иудеи и Израиля как государств заканчивается. Это время было временем плена, и он был в самом разгаре уже более двадцати лет. Думаю, сейчас самое время уделить немного времени "третьей власти" в теократической системе этого народа, предназначенного для высоких целей – пророкам.

Пророки

Судьи и цари – люди, поставленные координировать и управлять племенами были первой властью, подобно как это было в любом другом, наверное, обществе. Священники, совершавшие религиозные обряды, со времени Моисея стали отдельной ветвью, правда, властью их назвать трудно. У них был авторитет, однако они не были наделены какими-то полномочиями, пересекающимися с княжескими или царскими, поэтому обычно никогда в Израиле не было конфликтов судей или царей со священниками, я просто не нашёл ничего подобного во всей Библии⁶². В те времена не существовало прессы, поэтому ни о какой власти журналистов и владельцев издательств речи не могло идти, новости распространялись простыми путниками и торговцами "по совместительству", поэтому не было тех, кто мог держать в своих руках потоки информации. Но в этом народе (хотя и у других тоже было подобное) были случаи, когда Бог призывал кого-то, неважно кем они были, для того, чтобы они были связными между Ним и людьми. Призванные на служение обществу, они не только доводили до людей предостережения или похвалы от Царя и верховного Судьи, но и служили людям, доводя не то, чтобы до сведения Бога их проблемы и вопросы, так как Он их знал и так, но они передавали ответ от Него, который простые люди, да и даже цари, без них вряд ли могли получить. С этой стороны Бог давал людям возможность решить проблемы, которые было невозможно решить иначе – Его сверхвозможности были как бы обязаны служить тем, кто не имеет таковых, кто ограничен возможностями своей природы, ведь они все Его дети, и сильный Отец не может оставить детей страдать там, где Он может помочь... Многие люди разрешают свои затруднения обращением к магии, к гадалкам, к колдунам, платят им, и не стоит думать, что это лишь обман трудящихся и дурман мистицизма. Пропаганда научного атеизма многих приучила думать о ложности всего этого спектра сверхъестественного, и даже после ухода от власти атеистически настроенных сил не потеряла своего влияния, но те, кто владеют этими силами и способностями, продолжают заниматься своими делами, кто приносит пользу в меру своего разумения, а кто и вред, служа тёмным силам. И когда человек в затруднении, атеизм уходит куда-то в сторону до лучших времён, а человек находит себе какое-никакое решение. Если, правда, не попадает в лапы обманщиков, паразитирующих на теме сверхъестественного, что тоже случается. Как и в любой другой сфере, возможны подделки, люди принимают вид не только магов, но и высоких чиновников, работников спецслужб, то же и в религиозной сфере – везде, где возможно заработать обманом, везде могут появиться обманщики. Паразитизм не дискредитирует той идеи, на которой он кормится, хотя почему-то религию из-за этого некоторые считают обманом, но это не от большого ума.

По поводу полномочий пророков как ещё одной ветви власти – хотя Бог позволил царскую систему правления, царь не был абсолютным монархом, он был скорее наместником, его власть была ограничена (по идее, на деле же некоторые цари пытались быть полновластными властителями, и иногда добивались этого, пока превысившего свои полномочия не смещал Бог либо кто-либо из людей по Его поручению). У царей Израиля была только светская власть, они не брали на себя роли священников, хотя на примере Давида видно, что Бог хотел видеть на их месте лидеров и духовного плана, как пример образцовой жизни и принципов. И в этой системе пророки вырисовываются, в силу своего положения вестников или передаточного механизма между Богом и людьми, на ролях не выше царей, но где-то рядом с ними. Они не могут подменять царя, но легко могут отдать приказ (понятно, что не от себя и не по своему желанию) на его замену, они должны были доводить до царя советы и приказы Верховного. Когда Амасия в ответ на об-

62 Саул уничтожил один из городов священников, но не из-за противоречий со священством, причиной были болезненные подозрения против Давида. Ещё первосвященник Илий был судьёй страны, но злоупотребления положением не наблюдалось. Также в послевоенной истории Иудеи первосвященник некоторое время занимал пост правителя, но не в силу того, что его пост давал ему такое право, да и фарисеи прямо указывали ему на недопустимость такого совмещения постов. И это, пожалуй, всё.

личение набрался наглости спросить пророка, когда это его назначили царским советником (когда он попробовал поклоняться идумейским богам), то он, изображая дело, будто пророк не может сам по себе быть советником у него, на деле занизил положение пророка – пророк уже изначально стоял на уровне советника, если не выше. Этим Амасия бросал вызов Тому, Кто призывает пророков и ставил царей.

Как будто всем довольно ясно, что пророк имеет связь с Богом, что он говорит и действует от Его имени, но редко где можно встретить описание призвания на эту службу к Верховному Правителю миров. Но в истории Иеремии, в его книге описано и это (хотя вряд ли подобные процедуры имели место с каждым из них).

Иеремия

"Что ты видишь, Иеремия?" – "Я вижу жезл, сделанный из миндального дерева".

"Ты правильно видишь..." – подтвердил голос Сущего, говорящий с молодым человеком. Иеремия, молодой священник, в силу возраста ещё не имевший права служить в этой должности (впрочем и достигнуть возраста ещё не означало получить работу в Храме, мест там было ограниченное количество), разговаривал с Сущим. Ему было сказано, что он призывается на очень ответственное дело – стоять над народами и странами, над царями и князьями. Он знал, что это значит, не столько то, что он станет командовать миром, но что ему за этот мир придётся отвечать... Сколько ему было в этот момент, не могу сказать, скорее всего от шестнадцати до двадцати, потому что он почему-то испугался – "Я ещё молод, я не умею говорить!", но Сущий ответил ему немного жёстко, по командирски – "Не говори "я молод", потому что ко всем, к кому Я тебя пошлю, пойдёшь, и всё, что велю тебе сказать, ты скажешь". Дело было, в принципе, действительно несложное, и Иеремия и сам понимал, что говорит лишнего, но по молодости и из-за этого скромности как бы считал должным сказать о своём незначительном положении среди людей. Сущий добавил, что он не должен бояться или стесняться людей, теперь он будет представлять Его, верховного Властелина вселенной, и ему просто не положено излишне скромничать и унижаться перед кем бы то ни было, ставить их слишком высоко и принижать этим те вещи, что были доверены ему для передачи людям. То есть скромность Иеремии была очень хорошим начальным качеством для Его представителя, гордость и заносчивость сделала бы его совершенно неприемлемым для этой работы, однако перед важными лицами этого мира нужно было, не строя из себя кого-то, в то же время достойно представлять Сущего, не опускать глаза перед сильными мира сего. Он знал, кому поручить такое дело. Но сейчас, после объяснения, на какую службу этот молодой человек призван, Бог почему-то провёл сеанс наподобие технической настройки канала связи. Такого, кажется, не происходило до сих пор ни с кем из пророков, да и после тоже.

Какая нужда была Богу подчеркивать, что Иеремия видит правильно? В те времена в полный рост встала проблема ложных пророков – то ли дьявол разработал способ нейтрализовать казалось бы неотразимый авторитет пророков, то ли люди, которым захотелось хоть как-то пожить без требований Хозяина, придумали, как не обращать внимания на вести пророков. Пророки, говорящие от имени других богов, не могли противостоять тем, за кем стояла сверхсила, но когда в Израиле Иеровоам изобрёл альтернативу Храму в Вефиле и Дане, а позже за дело взялась Иезавель, появились пророки, которые казалось бы исповедовали того же Сущего, говорили от Его имени, и даже имели к Нему какой-то доступ, говорили о видениях, пугали карами за непослушание, однако они были при этом всё какие-то другие. Спустя время это дело было взято на вооружение уже в Иудее теми из сильных мира сего, кто желал свободы от своего Бога. Они просто вывели некую породу людей, которые изображали из себя пророков, но говорили то, за что им платили. По сути это были скорее маги, чем получатели информации от Бога, и их сообщения или требования обеспечивались их претензиями и угрозами, чем авторитетом закона и

Сущего. Их задача была создавать альтернативные пророчества, чтобы народ не знал, кому из двух пророков верить – тому, кто требовал соблюдать правила Сущего, или тому, кто говорил, что Сущий не будет наказывать тех, кто делает что-то, что запрещал первый пророк и закон, а то и вообще объявлял, что требование пророка неправильное. Если вопрос не касался правил и законов, а каких-то текущих распоряжений, наподобие идти воевать с кем-то или нет, или какая задача стоит на данный момент, то здесь была полная свобода для импровизаций. Например, Иеремия говорил, что Навуходоносору отдана власть над всеми народами, и Иудея должна дружить и сотрудничать с ним, чтобы уцелеть как государство, то другие, купленные проегипетской партией, говорили, что власть Вавилона будет низвержена через два года, а дружить надо с Египтом. Причём деньги на эту информационную войну были, возможно, из Египта. За деньги такие "пророки" могли многое, а если проситель почему-то не платил им, то они, как где-то упоминается в Библии, объявляли войну такому человеку, очерняя его и угрожая проклятиями. В такой атмосфере народ разлагался, конечно, особенно быстрыми темпами. Нравственность этих продажных людей была очень низка, они не отказывали себе ни в каких удовольствиях, доступных за деньги, да и обычно это были люди с харизмой и влиянием. Самое сложное, что эти лжепророки в самом деле имели способности, дающие им возможность говорить о видениях, хотя Бог говорил о их видениях, что Он не имеет к ним никакого отношения.

В такой сложной атмосфере было очень трудно работать. Именно это вело к тому, что народ и князья с царями перестали слушать Бога, потому что в их глазах Сущий уже как бы раздвоился на строгого и мягкого, и выбор большинство делало, понятно, в пользу того, что больше им подходило. Божественные вести были успешно нейтрализованы, и именно поэтому Иудею уже было невозможно сохранить, и Сущему приходилось волей-неволей прибегать к жёстким мерам. Только ведь и жёсткие меры далеко не всегда работают, да и не хотелось Ему, чтобы Его ассоциировали только с проблемами. Поэтому Ему приходилось выжидать определённое время, чтобы эти вынужденные меры снова могли стать эффективны, поэтому мы видим длительные периоды, когда народ становился донельзя разболтанными, а наказания не спешили свалиться на их головы.

Можно бы было выводить этих ложных пророков на чистую воду божественной силой, что и имело место иногда, когда кто-то из них пытался напрямую противостоять Иеремии, но в глазах людей если гибель ложного пророка была не мгновенной, то они уже не впечатлялись, и выбор делали не по сути дела и не результатам спора, а всего лишь по тому, нравилось ли им то, что говорили один или другой пророк.

Поэтому наверное, Сущий, как бы проверяет свойства Иеремии, его способности. Влияние продажных пророков не просто разлагало народ, но, не исключено, повреждало тонкие настройки человеческой природы. Такие времена уже можно называть проклятыми, когда искажается материя жизни, делается ненадёжной. Слух устроен более просто, поэтому звуковой канал служил для проверки и настройки видеоотдела мозга... Иеремия получал какую-то картину, и с помощью описания увиденного происходило согласование. Впрочем, сам Бог знал, что этот молодой человек воспринимает всё правильно, но этим показывал Иеремии всю сложность вопроса с пророками его времени. В других местах в его книге описывается, как под влиянием алкоголя пророки ошибаются в видении, то есть картины искажались в их восприятии. В переводе символов на язык реальности они тем более ошибались, не в силах соотносить одно с другим, подставляя свои собственные желания, толкуя в сторону, более им выгодную. Кстати, религия начинается с приведения эмоций и желаний к норме – то, что называют смирением и кротостью, эти самые базовые начала нравственности служат для настройки наших ощущений и сенсоров, ставят "стрелки на ноль", чтобы они выдавали достоверные величины. Капризный человек меряет вещи обычно искажённо – малая величина неудобства для него воспринимается как огромная. Другие наоборот, могут быть слишком бесчувственны (к страданиям других, например, да и свои ощу-

щения бывают притуплены), и даже значимые воздействия кажутся им незначительными. "Море по колено" – это отсюда.

То, что даже ложные продажные пророки могли видеть нечто, наталкивает на мысли, что где-то их готовили и обучали, используя то, что изначально уже вложено Богом в природу человека. Нынешние информационные технологии натолкнули на мысль, что зрительный отдел мозга слишком уж напоминает видеокарту. Но более сложную, видеокарта выводит на экран лишь то, что программа и процессор указывают выводить, но зрительный отдел мозга, кажется, отражает в себе всё, что в нас происходит, и здесь появляются ассоциации, связи объекта и символа, явления и его отражений. И этим можно пользоваться...

По моему, практически все из нас могут видеть, в смысле вообразить себе то, о чём мы думаем. Мы редко на это обращаем внимание, но это так. Если вы подумаете о слове "дерево", то если обратите на это внимание, заметите, что воображение выдаёт вам какую-то картинку. Кстати, тут же надо заметить, что то, какое дерево "подставит" вам ваше воображение, можно использовать для тестирования человека, потому что разные характеры и разные организации нашей природы определяют характер этих картин. На том, какая картина возникнет у человека на то или иное слово, построены некоторые психологические тесты, раскрывающие глубины психики и немало интересного об устройстве человека вообще. И эта наша способность воображения рисовать что-то (не один лишь зрительный отдел отзывается на ввод символов, но и слуховой, да прочие ощущения также часто отзываются) фактически является основой для развития и пророческих способностей. Нет, пророк, призванный Богом для служения связным между Ним и людьми, если и смотрит в себя и пытается уловить оттенки смыслов, то всё же он получает ясные и чёткие сигналы извне, он слышит Его слова или даже может видеть того, кто с ним говорит (это не всегда Бог, в этом участвуют и те, кого называют ангелами, жители других миров), но явно, что контакт происходит на той же базе изначально заложенных в нашу природу способностей. Зато те, кого называли лжепророками, а также "заказные" пророки времён Иеремии пользовались как раз своими собственными способностями, не имея никаких сигналов свыше. Бог не раз говорил о этих последних, что Он их не посылал, что Он им не говорил и не давал видений, они сами всё это создавали, точнее высасывали из пальца, по нашему говоря. Им ставили вопрос, или они сами себе заказывали нечто, что хотели увидеть, и пытались это осуществить в своём воображении. Это как раз был метод Иезавели, "называющей себя пророчицей". Она поставила перед своими подопечными дело так, что если они с сильным желанием будут удерживать в своём воображении некую нужную картину, то она имеет шансы исполниться, даже если Сущий не хотел бы, чтобы так было⁶³... Подобным образом работали и работают всякие оккультисты, если используют прямое мысленное воздействие, хотя другие используют готовые формы в виде заклинаний, предметов в рецептах магии и прочего такого. Если человек не намерен действовать против порядков и законов Бога, то поиск возможностей внутри себя может помочь и продвинуть во многом, от совершенствования себя до постижения вещей, скрытых от многих. В том числе и в самом деле он может стать в какой-то степени пророком, насколько позволяют эти заложенные в нас возможности. Сами эти возможности видеть больше, чем только глазами или ощущать всей нервной системой совершенно законны, не нарушают никаких правил, как мускулы не делают человека нарушителем сами по себе, лишь когда они направлены на причинение зла, тогда происходит нарушение. Всякий может посмот-

63 О возможностях оккультизма (и чем это кончается) стоит посмотреть Иез.13,17-23

реть вокруг через внутреннее зрение, оно же воображение, и может увидеть много интересного, но только не стоит включать в это время фантазию. Воображение визуализирует многие скрытые вещи, но фантазия уводит воображение в область желаемого, а не действительного. Человек сначала должен видеть реальное, нужно остерегаться, чтобы желания не завели в искажения, фантазия у капризного человека гарантированно ненадёжна. Опять нужно напомнить, что первая обязанность в религии – поставить желания под контроль необходимости, а не наоборот. Владующий собой в безопасности, но водящийся капризами всегда идёт не туда, его ведёт стихия и тёмные силы.

Иеремия не просто различил фигуру и предмет, но даже оценил материал, из которого он был сделан. Со Своей стороны Сущий, раскрывая Иеремии процессы связи между пророком и высшим миром, транслировал некую картину для нового перспективного связного, и был озабочен качеством приёма. Это означает какие-то проблемы с человеческим материалом, у многих принимаемые сигналы приходили искажёнными. Либо здоровье у людей стало приводить к этим проблемам с мозгом, либо люди стали столь кривы в душе, что их восприятие даже сигналы для внутреннего пользования не могло воспринимать здраво... Это неправильный настрой общества так заразен? Или когда слишком много людей не хотят знать правды, то что-то происходит такое, что мышление почти всех становится повреждённым? Однако по крайней мере с этим парнем всё в порядке, и как бы удостоверившись в пригодности Иеремии, Бог сообщает, что он прошёл испытание на прозорливость (мне кажется, что это было сделано больше для того, чтобы показать нам детали и подробности того, как Бог работает с нами, чем испытывать способности Иеремии). Теперь с ним можно работать, и наготове первое видение, первая весть для народа. **

Время Иосии было временем окончания терпения Сущего. У евреев было более восьми веков, чтобы Бог мог из них сделать сверкающее и удивительное здание, чтобы показать, что Он хотел бы дать людям и какими они могли бы стать, если бы с Его помощью вышли из под влияния тёмных сил. Увы, этот народ делал шаг вперёд и тут же мог вернуться на начальную позицию, что означало, что надо опять начинать строить сначала... Но чаще он делал два шага назад. И очень редко, когда случались два или более шага вперёд, но откат случался практически всегда, и они падали ниже начального уровня, с которым пришли в эту землю. Израиль практически не давал Богу развернуться на этой земле, он срывал все уроки и занятия. Отдельные люди достигали немалых высот, но их пример мало кто подхватывал, в своей массе Израиль был чрезвычайно инертен, это было практически болото, поглощающее любые внешние воздействия, сводящее всё к нулю.

Иеремия не зря спрашивал Бога, почему Он ПОЗВОЛИЛ им дойти до такого состояния. На Сауле было показано, что может Бог сделать с человеком, но на этом же примере было очевидно, что без воли на то человека изменения не задерживаются надолго. Бог действительно мог всех насильно сделать праведниками, как и Саула, но если их желания направлены на другие цели, противоположные тем, что хотел бы достигнуть Бог, это бесполезно и даже вредно (жуть берёт, если представить, что могло бы происходить огромных массах, глядя на то, что происходило с одним Саулом после потери дара). Евреи относились к закону избирательно, какие-то части законов Всевышнего просто игнорируя, выбрасывая из повестки, поэтому Он не мог работать с ними так, как планировал, поэтому у них (да и у любого, идущего таким путём частичного послушания) никак не выходило со следованием Пути. Если бы они согласились с законом полностью, то обстоятельства были бы совершенно иными, в этом случае Он бы сделал их подобными уже не Саулу, а Давиду или Самуилу. Они могли бы обнаружить в себе проблемы с законом, с трудностями послушания ему и выполнения, те самые, что позже выявил Павел⁶⁴, когда говорил о раздвоенности человека, понимающего, что закон правилен и добр, но не имеющего при этом

желания или способности выполнить всё, что нужно. Но всё же эта описанная им проблема иная, чем была у евреев до Плена – те заранее отказывались следовать Закону, имея настрой, что будут следовать лишь ограниченному набору правил, а не всему завету и закону. Так что вопрос Иеремию имел ответ, но понимал ли его сам Иеремия? – он не говорит об этом прямо, и ответ на него Бог тоже не давал, для этого было достаточно немного проанализировать историю. Выборочная посвящённость – не посвящённость, а кощунство, попытка торговаться с Богом – "я же делаю то и то, мне же за это должно быть хоть что-то" говорит о совершенно неприемлемом состоянии человека, находящемся в глубокой тьме...

Небольшая выборка из того, что говорили и писали пророки, может существенно расширить рассмотренную нами историю событий за описываемый период, раскрасить события и дать эмоциональное наполнение последних времён Израиля.

Это Иеремия:

5,1 – "походите ... и посмотрите, не найдёте ли человека?"

5,29 – "неужели Я не накажу за это, не отомстит ли Моя душа такому народу, как этот?"

5,31 – "пророки пророчествуют ложь и священники господствуют посредством их, и народ Мой любит это"

6,15 – "Стыдятся ли они, делая мерзости? – нет, нисколько не стыдятся и не краснеют"

7,4 – "Не надейтесь на обманчивые слова – "здесь храм Сущего, храм Господний, храм Господний"

7,9-10 – "Как! Вы крадёте, убиваете и прелюбодействуете, клянётесь лживо и кадите Ваалу, ... а потом приходите и становитесь передо Мной и говорите "мы спасены", чтобы и дальше делать все эти гнусности"

11,13 – "сколько у тебя городов, столько и богов у тебя, Иуда, и сколько улиц в Иерусалиме, столько вы наставили жертвенников ... чтобы кадить Ваалу"

11,14 – "не проси за этот народ и не возноси за них просьб, потому что Я не буду слушать, когда они будут взывать ко Мне"

11,13 – "Тогда сказал я: Господь Суций! Вот, пророки говорят им: "не увидите меча, и голода не будет у вас, но постоянный мир дам вам здесь". И сказал мне Суций: пророки пророчествуют ложное именем Моим; Я не посылал их и не давал им повеления, и не говорил им; они возвещают вам видения ложные и гадания, и пустое, и мечты своего сердца.

11,15 – "Поэтому так говорит Суций о пророках: они пророчествуют именем Моим, а Я не посылал их; они говорят: "меча и голода не будет на сей земле" – мечом и голодом будут истреблены эти пророки"

23,9-14 "о пророках" – пророки Самарии хотя бы были пророками Ваала, а в Иерусалиме они претендуют, что исповедают Сущего, при этом говоря и действуя против Него ...

23,21-32 – "Я слышал, что говорят пророки, Моим именем пророчествующие ложь. Они говорят: "мне снилось, мне снилось". Долго ли это будет в сердце пророков, пророчествующих ложь, пророчествующих обман своего сердца? Думают ли они довести народ Мой до забвения имени Моего посредством снов своих, которые они пересказывают друг другу, как отцы их за были имя Мое из-за Ваала? Пророк, который видел сон, пусть и рассказывает его как сон; а у которого Мое слово, тот пусть говорит слово Мое верно. Что общего у мякины с чистым зерном? говорит Суций. Слово Мое не подобно ли огню, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу? Поэтому, вот Я на пророков, ... которые крадут слова Мои друг у друга. Вот, Я на пророков, говорит Суций, которые действуют своим языком, а говорят: "Он сказал". Вот, Я на пророков лож-

ных снов, ... которые рассказывают их и вводят народ Мой в заблуждение своими обманами и обольщением, тогда как Я не посылал их и не повелевал им, и они никакой пользы не приносят народу..."

25 и 27 главы – вести ко многим странам и народам, что всем придётся служить Навуходоносору, и лучше по хорошему

Жизнь и борьба Иеремии. Один против всех – выработка характера

В пятнадцатой главе Иеремия рассказывает о своих проблемах, об упадке духа. Когда Суций призывал его на службу, Он особо отметил, что его положение довольно высокое. То, что было сказано ему, как мне кажется, никому другому не говорилось – он был назван "пророком для народов". Даже Моисей, как ни был велик по совокупности сделанного и масштабу личности, не имеет такой характеристики. По факту он (Моисей), наверное, сильнее всех других, разве что Самуил, да Илия с Елисеем стоят с ним в одном ряду (и пожалуй Валаам как очень сильный пророк, хотя слабый морально), и у Иеремии были огромнейшие возможности занять место среди этих личностей, несомненно. Он получил особое предостережение не малодушествовать перед людьми, потому что тогда Бог будет вынужден наказывать и поражать уже его самого вместо тех, кто сопротивляется ему. И здесь я в большом затруднении... Моисею тоже приходилось иногда трудно, но когда, был случай, он уже думал, что на него набросятся и растерзают, да и в других подобных случаях, когда слов было уже недостаточно, появлялся Суций и останавливал безумие толпы. Очень трудно судить об обстоятельствах Иеремии, любой возразит мне, что я не был на его месте, да я и сам думаю также, однако всё же позвольте предположить (другого пока просто не приходит в голову, также в какой-то мере моя жизнь имеет подобные моменты, что и у него, что касается разговоров с людьми и рассказами о законах Бога и о Нём самом, с последствиями за эти разговоры), что он также мог рассчитывать на такую же помощь Бога в своих трудных моментах. Это ещё не были времена после Плена, когда, как было сказано Даниилу, что "истина будет попираема", не времена гонений на незащитных христиан в Римской империи, то есть когда Бог перестал оказывать силовую поддержку Своим представителям вместе с прекращением независимости Своего народа, поставив его под управление язычников (да, именно после Плена наступили эти "времена язычников", которым некогда придёт конец), так что Бог был совсем не против проявить Себя, когда это могло бы помочь вразумлению сильно разболтавшегося народа или начальства. Однако же явных следов проявления Его силы мы не находим. Максимум, это смерть некоторых лжепророков, наступившая, хотя и после того, как Иеремия объявил им об этом, но не мгновенно, а некоторое время спустя. Это всё же несколько не то, что останавливает толпы и о чём потом восхищённо пересказывают отцы и деды своим потомкам даже века спустя.

По многим моментам о Иеремии можно сказать, что он был мягким человеком, и пожалуй это лежало в основе его проблем. Многие бы посоветовали Богу, что в такое время упадка на место Иеремии надо было ставить кого-то покрепче, со стальными нервами и с кожей потолка – останавливать толпу, упорнодвигающуюся в пропасть, работа не для деликатных людей. Не знаю, может быть у Бога просто не было таких в наличии, толстокожие, скорее всего, просто не смогут услышать Его голос. Их легко использовать вслепую – дать меч и войско побольше и направить на провинившихся, там они проявят себя максимально. Хотя если человек не склонен слышать малые сигналы, к нему может явиться ангел и сказать всё, что нужно, открыто. Да и если Он может открыть глаза слепому и уши глухому, то в самом деле никто не укроется, если Он захочет что-то кому-то сказать. Однако же пророк не только слышит или видит, он ещё должен пересказать и донести, и здесь нужны богатство души и духа. Но как бы ни был Иеремия мягок и деликатен, все способности человека и характер – лишь начальные условия. Он мог развить недостающие черты, в этом человек практически неограничен. Развитие человека происхо-

дит ступенчато, поначалу от нас требуется развить то, что в нас заложено от природы, что досталось от родителей и Бога, что является нашими сильными сторонами, но потом приходит время, когда надо расширяться, довести то, в чём мы были изначально слабы, тоже до какого-то более высокого уровня. Работа долгая, не на один десяток лет, но зато это перспектива... Поэтому Иеремия мог и должен был сделать себя таким, каким он был нужен на своём месте – там, где требовалась непоколебимость, он должен был развить больше твёрдости. Вообще чувствительные люди, когда избавляются от податливости, они становятся гораздо сильнее тех, кто был изначально суров и жёсток. Сильнее и лучше.

Вполне возможно, что он и стал таким, и я зря думаю на него, что он был слаб в острые моменты и проявлял малодушие. Этого также я не вижу в его жизнеописании, единственные слабости, что я видел у него, это то, что он иногда не сразу находил ответ и склонен был уходить, оставляя место противостояния. Хотя опять же, что делать, если Бог ещё не дал нужных слов, а разговор вроде как окончился? Однако же, с другой стороны, снова вспоминается – "не малодушествуй перед ними, чтобы Я не поразил тебя"... Малодушие – это когда твоё лицо показывает эмоции слабости в ответственный момент, наверное где-то это прорывалось, и Сущий не мог наказывать его врагов, и доставалось самому Иеремии. И даже необязательно, чтобы что-то было явно на лице – когда в душе сомнение или неуверенность, это тоже недостаток души.

Если сравнить его с Илиёй, то Илия рвался в бой, горел энтузиазмом развенчать Ваала. Такого человека нужно было всего лишь поддержать и вооружить, что Бог и сделал, и какие были результаты! Правда, один раз (всего лишь раз) Илия проявил малодушие перед Иезавелью, разочаровавшись из-за повышенных ожиданий, упрощённо полагая, что яркой демонстрации силы Сущего будет достаточно и с первого раза всё получится. О Иеремии неизвестно, каким он был до встречи с Сущим – был ли он возмущён масштабами упадка как Илия или наоборот, привык к этому, и подобно праведному царю Иосии, не замечал в храме примелькавшихся языческих статуй. Если второе, то можно понять его инертность и неотмобилизованность, и борьба с высокопоставленными людьми, тянущими всех в язычество для него оборачивалась неожиданными опасностями и душевными перегрузками. Времена, в которые он жил, были опасными, многие из князей и цари не останавливались перед преступлением и кровь лилась часто, из-за чего Бог называл Иерусалим "городом крови"⁶⁵, со времён Манассии это стало обыденным. Видимо поэтому Сущий подмечает ему в ответ на жалобы – "Если ты с пешими бежал, и они утомили тебя, как тебе состязаться в беге с конями? Если в мирном краю ты был в безопасности, то что будешь делать в наводнение Иордана?"⁶⁶

Как человек он мог не всегда понимать смысл того, что передавал из услышанного от Бога людям. Хотя в его случае вести были простые и несложные, но жёсткость выражений Бога могла казаться ему излишней. Он со всей верностью передавал всё без утайки, но сам страдал, поскольку видел перед собой иной раз кажущихся довольно хорошими людей, симпатичных и весёлых, идущих вольно широкими путями. И эти люди в штыки воспринимали его резкости, хотя и не от него самого идущие, но ведь через него, и это иной раз (а может почти всегда) было больно. От таких перегрузок у него случались кризисы. Четырнадцатая и пятнадцатая главы подводят к первому его кризису, когда он не выдержал – он передавал слова о полном разрушении всего вокруг, это были тяжёлые мрачные картины, речь шла о бесполезности попыток избежать беды или отвратить её. Если забыть, что сами эти наказания были за вполне конкретные вещи, вполне заслуженные очень и очень многими, если видеть перед собой на первый взгляд хороших и нормальных людей, то весть может показаться слишком жестокой или даже незаслуженной. И если убегать от наказания им бесполезно, то зачем и предупреждать их? – наверное, это тоже смущало его. Он передавал эти слова – "Если спросят тебя "куда нам идти?", то скажи

65 Иез.24,6-9

66 Иер.12,5

им – "кто обречён на меч, иди под меч, кто на смерть, иди на смерть". Это всё было предназначено хоть как-то образумить людей. В его время отступление приняло гигантские масштабы, и по другому с ними Бог видел, что уже и не получится, что лишь самые жёсткие выражения могут как-то впечатлить общество. Кто-то мог подумать, что теперь вообще всё бесполезно, можно и не пытаться угождать Суцему, поэтому кто-то воспринимал его пророчества как безжалостный приговор, у слишком многих совесть была уязвлена и подсказывала, что это касается и их тоже. Могло сложиться впечатление, что даже праведники подпадают под этот мрачный приговор. И когда Иеремия пересказал порученное ему, после этого идут его собственные слова, свидетельствующие о том, что он сорвался, что он на грани (может быть это было не сразу по окончании речи к людям) – "Горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всеми! Я никому не давал под проценты, и мне никто не одалживал под проценты, а все проклинаят меня!" Негативная реакция людей и их враждебное отношение к носителю таких предсказаний не способствовала хорошему настроению.

Это не было восстанием против Бога, он не проклинает свою суровую службу, но где-то у него накопело. У него правильная работа, но тяжёлая, и он, подобно Иову (возможно, что он сравнивал себя с ним, и в немалой степени это правомерно), позволил себе лишнее. Суций не рассердился на него за это, наоборот, поддержал и попытался успокоить – "Конец твой будет хорошим, Я заставлю твоего врага поступать с тобой хорошо в трудное время". Кажется, он по молодости и скромности считал всех людей, кто не был пойман в грехах, слишком хорошими, кроме явно плохих, и похоже, что именно это было причиной, что он не всегда понимал причин, почему Бог сообщает через него тяжёлые угрозы. Со временем и опытом эта либеральная (просто он был мягким, подобно своему предку Аврааму и другим лучшим из них) черта прошла, но поначалу мешала и приводила к таким вот острым моментам. Его внутренние установки трещали и причиняли душевную боль, когда ему приходилось уважаемым людям говорить резкости и раскрывать им их злые дела, а уж их почти всеобщая нелюбовь, чтобы не сказать хуже, основательно ранили его. Он выговаривал свою боль, накопившуюся из-за того, что вокруг он видел к себе недоброе отношение. Где-то здесь была субъективность, он слишком зависел от взглядов и реакции окружения, что не является образцом хорошей веры. Уже сама его чёрная депрессия свидетельствовала о том, что он неверно расставил ориентиры, руководится какими-то неправильными ценностями. Видеть лишь то, что есть – это отсутствие воображения, и это неправильно. Внутри мы можем иметь генератор иной реальности, и те, кто сумели понять это, блаженны. Это не бегство от реальности, это скорее независимость и сила, к тому же внутренняя реальность это тоже реальность, она может влиять на внешнюю, и иной раз чрезвычайно сильно... В ответ на его жгучие жалобы Суций ответил ему именно тем, что могло ему помочь – "Если ты изменишься (обратишься, переменишь своё поведение или привычки), то Я восстаню тебя и ты будешь стоять передо Мной" – то есть Он говорит, что с ним всё же нечто было не так, как надо, из сказанного Им следует, что он где-то сбился с пути и ему надо измениться. Суций продолжил – "И если извлечёшь ценное из ничтожного, то будешь как Мои уста – они сами будут приходить к тебе, а не ты обращаться к ним. И Я сделаю тебя крепкой медной стеной, они будут воевать против тебя, но не одолеют, потому что Я буду с тобой"... В этом ответе Бог и вскрыл его проблему – он слишком позволял себе зависеть от людей, слишком высоко ставил их и слишком низко себя. Многим непонятно, как такое может быть, потому что они себе никогда не позволяли себе считать других выше себя, но уверяю вас, такое бывает, сам был таким довольно долгое время.

Неизвестно, сколько времени прошло после этого разговора с Богом о его проблеме, и возникла ещё одна ситуация, когда Иеремия снова оказался в чрезвычайном расстройстве. Началось всё с одной демонстрации в глазах князей народа и священников – он с глиняным горшком вывел приглашённых за ворота города, где была красивая долина, на которой были устроены места

поклонения разным богам, это место использовалось и для отдыха и для праздников как священное место. Иеремия высказал то, что Бог поручил ему и разбил кувшин, предсказывая, что за идолопоклонство в этом месте долина будет осквернена и потеряет свою праздничность и привлекательность. Вернувшись в город, он пошёл в храм и находящемуся там народу заявил примерно те же слова о печальном будущем Иерусалима. Однако если среди ходивших с Иеремией за город князей и начальников не нашлось столь дерзких, чтобы бросить вызов Сущему, стоящему за пророком, то надзиратель за порядком в храме оказался таким человеком. Услышав о разрушении Иерусалима, он подошёл и ударил Иеремию, а затем посадил в колоду, которую устроили тут же, на территории двора храма, продержав его до утра. О такой должности – смотритель за порядком – прежде не было слышно. Территория Храма священна, и ни о каких безобразиях в его дворах вообще-то не могло бы идти и речи, однако оязычивание священной территории привело к ослаблению действия Бога здесь, и чем больше цари уходили в язычество, тем больше в народе появлялось распущенных людей, так что с недавних пор даже здесь появилась нужда смотреть за порядком. Отказываясь навести порядок в соблюдении законов Сущего, им пришлось учредить своего рода полицию в святом месте. Эта сама по себе неуставная структура и не могла правильно работать, поэтому Пасхор, выполняющий обязанности полицейского здесь, оказался тем, кто посмел поднять руку на представителя Верховного. Пророк имел полное право грозить кому угодно, и столице, и царю, и Храму, потому что говорил не от себя, однако же Пасхор перевёл дело в политическую плоскость и повел себя с пророком как с врагом народа. Нужно ли говорить, что этим он бросил вызов Тому, Кто на самом деле сказал эти слова, от Чьего имени говорил Иеремия?

Наутро Пасхор выпустил Иеремию, и тот сказал ему кое-что о его участи, которую тот навёл на себя – Сущий сменил ему имя с "мир вокруг" на "ужас вокруг", так что он сам станет предметом ужаса для своих друзей, и даже для себя самого. Ему придётся увидеть смерть своих друзей и близких, а также конец Иерусалима, и умрёт он в плену в чужой земле. Этот человек, кроме прочего, был лжепророком, одним из тех, кто противостоял Иеремии, что также поясняет причины его поступка с пророком Всевышнего.

Удалившись из храма, Иеремия не успокоился, его эмоции разгорались всё сильнее, в нём бушевала буря, и потом он записал всё, что говорил, находясь в этом состоянии духа – "Ты влёл меня, Сущий, и я увлечён. Ты сильнее меня, и Ты превозмог, и *теперь* надо мной постоянно смеются и издеваются. Едва я начинаю говорить, то приходится кричать о насилии и разорении, потому что Твоё слово для меня стало поношением, я постоянное посмешище..." Дальше он говорит, что хотел прекратить говорить людям, перестать передавать то, что Бог говорил ему для народа, но у него не получилось. Он говорит, что "в сердце у него был как будто огонь", и кости его ныли от этого огня, и он пытался удержать его в себе, но не смог. Снова он выходил и говорил им то, о чём их предупреждал Бог, и чего они никак не желали слушать. За ним наблюдали, не совершит ли он какой ошибки, чтобы донести на него и избавиться от него на законном основании, и это дополнительно отравляло его жизнь. Он понимал, что "со мной Сущий, как сильный воин, поэтому мои гонители споткнутся и не одолеют, но будут сильно постыжены". И он просит, чтобы за его жизнь, отравленную таким отношением, Сущий отдельно наказал всех, причастных к этому. После этого его монолог перешёл к восхвалению его Бога, однако же сразу после "хвалите Сущего, спасающего бедного от злодеев" он снова взрывается проклятием, напоминая начало речи Иова, когда он в первый раз заговорил перед своими друзьями: "Проклят день, в который я родился! ...⁶⁷" У него был тяжёлый день, и в этот раз Бог не стал говорить к нему и утешать – нужно ему, чтобы выйти из этих проблем, уже было сказано в первый раз. Не знаю, стало ли ему легче, почему-то думаю, что не стало, но в дальнейшем он больше не расстраивался так, и чем старше становился, тем меньше жаловался на судьбу. Эти моменты сла-

бости не рисуют благостной картины жизни тех, кого массовые религии причислили к святым, однако зато положение дел освещено открыто и честно, мы видим все стороны жизни. Понятно, что эти проблемы порождены не службой Богу, а её тяжестью (на что в любой армии запрещено жаловаться), сопротивлением Богу большого количества людей. В более поздние времена станет меньше тех, кого можно называть героями, но больше тех, кого называют обычными людьми, и для них описание жизни этого пророка может оказаться важным, придать сил, быть прививкой против слабости и уныния, что у них всё не так, как у больших людей и великих подвижников. Всякий может реально взвесить предстоящее поприще, без разочарований потом, когда придётся встретиться с подобным сопротивлением "болота" и прочих тёмных сил.

Репрессии и тюрьма

В конце царствования Седекии пришли вавилоняне разобраться с изменой Иудеи, вошедшей в антивавилонский союз. Осада Иерусалима длилась год, и за это время произошло немало событий, в том числе войска вавилонян дважды отступали от города. Второй случай я описывал, это когда князья решились вдруг выполнять закон о юбилеях и отпустили было своих рабов. Они недолго соблюдали своё клятвенное обещание и вавилоняне вернулись, чтобы покончить с этим непонятным противником. Был ещё момент, когда чужое войско отошло от стен города, скорее всего это было в самом начале осады. Причиной отхода было известие, что на помощь союзнику Египет отправил свои войска, и вавилоняне, видимо, были не готовы к этому. Хотя может быть, что они решили встретить египтян отдельно и сначала разобраться с ними, и потом вернуться к отложенной задаче. И в этот момент, когда Иерусалим вдруг оказался свободен от осады, к Иеремии обратился Седекия, послав к нему двоих из своих слуг, с просьбой, как они говорили, помолиться о Иудее. Момент был интересный – те лжепророки, что проповедовали и предсказывали, что Вавилон скоро рухнет, что надо быть с Египтом, праздновали победу. Большинство народа было на их стороне, так что со стороны царя это было издевательством – они как бы хотели посмотреть на то, как Иеремия будет реагировать, потому что то, что произошло сейчас, не согласовывалось с его предсказаниями о поражении Иудеи. Они просили помолиться, когда на их взгляд никакой опасности не было, и посланные если не смеялись открыто, то явно ухмылялись, ведь такие просьбы делаются во время бед и угроз, а не во время торжества.

Однако же, если запись о просьбе именно помолиться о стране верна (я допускаю по сути дальнейшего развития истории, что они на самом деле приходили не с просьбой походатайствовать за них, а с вопросом о том, что будет дальше), то Иеремия не стал этого делать, к тому же он получил свыше послание для этих людей и для царя, их пославшего. Он ответил им, чтобы они не расслаблялись, потому что фараон вернётся обратно к себе и помощи им из Египта никакой не будет, а вот вавилоняне обязательно вернуться к Иерусалиму и уже не уйдут, пока не сожгут город. К этому он добавил, что даже если бы они разбили вавилонян и у тех остались только раненые, то хватило бы и этих раненых, чтобы уничтожить Иерусалим, потому что Сущий настроен против них решительно.

Этот ответ звучал дерзко, но в то время Иеремия ещё был на свободе, и никто не трогал его, хотя угрозы он слышал часто. Однако он оценивал обстановку вокруг себя как неблагоприятную, и решил, что больше не сможет принести пользы этим людям и Иерусалиму. Не говорится, что он советовался об этом с Богом, и также что Бог советовал ему сделать то, что сделал – он решил уйти из города. Момент был, казалось бы, благоприятный, врагов нет, выход из города и вход в город свободные, и он направился в землю вениамитян, на свою родину. Но почему-то на него обратил внимание начальник стражи при воротах, он явно был его недоброжелателем, и сейчас у него был удобный случай обвинить этого ненавистного пророка. Он придрался к нему, хотя другие люди без особых проблем выходили из города. Он вывел его из толпы и обвинил, что тот хочет перейти к вавилонянам, причём обвинение было придумано на ходу, лишь бы при-

драться и задержать. Иеремия пытался возражать и говорил, что не собирался переходить на сторону халдеев, но его уже не слушали. Начальник стражи привёл его к князьям и те обрадовались, что теперь у них есть повод выместить на нём всё, что у них накопилось против него. Его били и заключили в тюрьму, устроенную на скорую руку в доме одного из царских слуг. В клетке подвального помещения ему пришлось пробыть много времени, наверное пару месяцев.

Голос пророка перестал звучать к людям, однако же некоторые люди стали искать его, потому что его слова, сказанные прежде, стали сбываться. Вавилоняне вернулись, и как ни кричали продажные пророки о скорых победах, эти картины даже из их воображения постепенно стирались. Седекия был мучим мрачными предчувствиями и искал хоть какой-то выход. Он ощущал, что у Иеремии есть какие-то советы, и ему было очень важно поговорить с ним. Он послал представителей людей, чтобы взять Иеремию из этой тюрьмы, и это ему удалось. Разговор с ним царь держал втайне, потому что боялся своих князей, которые на почве ненависти к Вавилону и успехов Вавилона стали совершенно невменяемыми. Он же не хотел погибать с ними в одной компании, но не знал, как теперь избавиться от их опеки. Иеремию привели к нему домой тайно, и Седекия деликатно спросил, не имеет ли он каких-то вестей от Сущего, не смея требовать от истощённого длительным заключением под землёй Иеремии, зная, что он может отказаться говорить с ним, так как он устранился от правосудия и сдал его князьям, боясь противоречить им. Но пророк ответил, что есть новости, причём недобрые – "ты будешь предан в руки царя вавилонского". Правда, весть могла быть и похуже, а по сравнению с тем, какое положение Седекия занимал между князьями, то даже и не столь плохая, как могло бы показаться. Потом Иеремия упрекнул царя, оставившего его без суда, также спросил, где все те пророки, что вещали против Вавилона. И он попросил, чтобы его не возвращали в эту частную тюрьму, где с ним плохо обращались, и царь сделал по его слову, пойдя против своих князей – он передал его во двор стражи, где Иеремия был почти свободен, он только не мог покидать это место, и к тому же он имел гарантированный кусок хлеба, пока хлеб вообще был в Иерусалиме. Забрать его оттуда у князей уже не получалось, воины его не отдавали, многие из них с уважением относились к нему, несмотря на обвинения в непатриотизме и предательстве, потому что убедились, какой из множества пророков Иерусалима настоящий.

Однако же во двор стражей князья иногда приходили, и однажды они застали картину, как Иеремия снова пророчествует всё то же, что Иерусалим падёт. Сюда приходили многие, в этот раз было немало слушателей, и князья увидели, что никакие меры против Иеремии до сих пор не сработали. Им почему-то было чрезвычайно важно заставить его замолчать, хотя его последователей нигде не было видно, это были просто слушатели. Но видимо тёмная власть, которой они давно покорились, не позволяла им удовлетворяться достигнутым в ограничении пророка Сущего, их вела внешняя сила, как часто бывает в подобных случаях. Так что, не имея возможности делать по своему в этом месте, они пошли к царю и потребовали от него смертного приговора для Иеремии, упирая на то, что он ослабляет руки защитников города, ведёт подрывную работу. Седекия не имел слов для защиты его, он не знал, как перевести политическое обвинение в измене в какое-то другое измерение, поэтому он снова сдал его им. Получив полномочия, они пришли во двор стражи, теперь местное начальство уже не могло ограничивать их. Князья решили почему-то, имея на руках право на казнь Иеремии, не просто убить его, а сделать его смерть мучительной и унижительной. В этом месте был то ли подвал, то ли яма, заглублённая до уровня подпочвенных вод, и туда бросили Иеремию.

Воды там было немного, но глина была разжиженная, и он погрузился в эту грязь. Князья поглядели и удовлетворились его положением, видя, что со временем он будет поглощён густой глиной, либо умрёт там от голода и холода. К счастью, больше они сюда не приходили, видимо нашлись дела, которые отвлекли их от прежних мыслей. Однако же о судьбе Иеремии услышал один из царедворцев, который был из верных Сущему, и он нашёл царя и рассказал ему, что сде-

лали с Иеремией, сказав, что в той яме он умрёт. Царь, когда на него не давили князья, часто имел своё мнение и он дал распоряжения, чтобы Авдемелех вызволил пророка. Задача была непростая, глина крепко держала человеческое тело, к тому же истощённое, и чтобы не поранить его верёвками, которыми его вытаскивали, Авдемелех пошёл в чуланы царского дома, чтобы раздобыть старые ткани, которые подложили под верёвки, чтобы они не врезались и не травмировали кожу. Так общими усилиями его вытащили и это было его последнее испытание в этом городе на данном отрезке времени. Столь неприятных проблем больше у него не было, а те, что ещё выпадали ему, были несравнимы с этими. Иеремия продолжал оставаться с воинами стражи на их территории и был в безопасности, несмотря на войну на стенах и голод.

До захвата города оставалось недолго, и это было ясно уже всем – многие люди умерли от голода и болезней, а снаружи города находились не только вавилонянские солдаты, но и иудеи, находящиеся на стороне Вавилона, агитировавшие сопротивляющихся за стенами прекратить бессмысленное сопротивление, потому что вавилоняне не враги и обращаются со всеми вполне нормально. Князей это приводило в негодование и они следили за настроениями воинов и оставшихся в городе, словно поставили целью сделать всё наперекор Властелину этой земли, чтобы Его гнев был доведён до максимально возможного уровня. Они верили тем пророчествам, за которые сами же и платили (впрочем, возможно, не все из них знали об этом), и фанатично и иступленно требовали продолжать войну до победного конца, а если не выйдет, то готовились умереть на улицах любимого города. Они считали его своим, только действительного Хозяина этого города никак не признавали, и поэтому они не были своими для Него, а значит и для этого города, который наполнили кровью и насилием.

Видимо незадолго до захвата Иерусалима царь, предчувствуя конец, ещё раз вызвал Иеремию, на этот раз он встречался с ним тайно при одном из входов во двор храма. Седекия обратился к нему с просьбой обязательно ответить и не скрывать от него ничего, подразумевая, что ответ может быть неприятным. На это Иеремия ответил, а будет ли царь прислушиваться к тому, что он сообщит, и не захочет ли убить его за весть беды. Царь ответил клятвой, что не будет причинять ему вреда и даже не отдаст его в руки князей, ищущих его смерти. Прежде Иеремия уже сказал царю, что он будет захвачен Навуходоносором, и теперь в этом ничего изменить нельзя, но можно сделать так, чтобы это не несло проблем для Седекии, и если он выйдет к царю Вавилона добровольно, то есть сдастся, то он сохранит жизнь себе и своим детям. Другой же путь приведёт только к тому, что он сам потеряет всё (хотя жизнь его сохранится), и Иерусалим будет разорён и сожжён. Седекия и здесь был нерешителен, хотя ему давали практически полную гарантию, он боялся тех иудеев, которые находились на стороне вавилонян, что его отдадут в их руки и они выместят на нём всё, что им пришлось перенести по его вине, в том числе и саму войну Вавилона против Иудеи, так как он навлёк её своей изменой и нарушением союзнической клятвы. Пророк ответил, что этого не случится, и попытался уверить его, что это единственный хороший и надёжный вариант для него. Но царь выглядел по прежнему сомневающимся, и для того, чтобы помочь ему, Иеремия добавил красок к уже нарисованной картине, сказав, что скажут его жёны, которых заберут себе вавилонские князья – "твои друзья обольстили тебя и взяли верх над тобой, и когда твои ноги погрузились в грязь, они оставили тебя"⁶⁸.

Седекия, выслушав это, понял всё, но не принял решения в данный момент, решив обдумать это после, но был благодарен Иеремии за всё. Про себя он прикинул, как будет осуществлять совет Иеремии и Сущего, но впоследствии по слабости характера не нашёл правильного момента, как обойти князей так, чтобы избавиться от их опеки. Напрямую сделать по своему, как надо, он не решился, а выискивание удобного момента подвело его, момент такой так и не предоставился. Но сейчас царь потребовал от Иеремии, чтобы он не разглашал никому этого их разговора, а когда князья будут выведывать у него подробности, то чтобы сказал им только о

том, что он просил царя, чтобы его не возвращали в первую тюрьму в доме Ионафана, где он сидел в подземелье, пока царь не перевёл его во двор стражи. Князья действительно узнали о его встрече с царём, и пытались узнать у Иеремии подробности, но ничего не добились и ушли.

О благоприятном будущем среди беды

Однако Иеремия не всё время был вестником горя. Среди его пророчеств бывали и самые благодные картины будущего, не только о благе для всех, в том числе для других народов, а не только евреев, но и о том, какая праведная жизнь будет в том будущем. Одно из последних пророчеств во дворе стражи было и для него самого совершенно неожиданным. Началось оно как будто обыденно – к нему пришёл родственник и попросил помочь с выкупом надела земли, который он сам вынужден был продать. По закону ближайший родственник должен был помочь обедневшей родне, поддерживая у себя их долю до лучших времён, пока они не смогут выкупить её или в юбилейный год она не отойдёт им обратно (с последним сомнительно, законы о юбилеях не соблюдались в масштабах общества, явно человеческая жадность не могла вынести постоянной потери стоимости купленного по мере того, как время шло своим ходом, и не с этой ли целью Бог и устанавливал этот закон, чтобы поставить преграду падшей природе человека). Этот человек попросил Иеремию выкупить его поле, несмотря на его неблестящее положение заключённого, Иеремия же получил предупреждение, что к нему придёт двоюродный брат с этой просьбой. Родственник нуждался в деньгах, у Иеремии они были, и сделка состоялась по всем правилам. У Иеремии уже давно был помощник, и Иеремия сказал ему взять обе записи, запечатанную и открытую, и положить их в глиняный сосуд, чтобы они там могли сохраниться надолго. Это действие совершалось перед всеми, присутствовавшими во дворе стражи, и они слышали, как пророк говорит, что пусть не завтра, но придёт время, когда эти записи будут нужны, что в их земле снова будут заключаться сделки с недвижимостью. Это было довольно неожиданно, до сих пор Иеремия был вестником конца света, пусть и не в мировом масштабе, и вдруг от него исходят лучи надежды, будущего мира и покоя. В какой-то мере это могло поменять у многих о нём мнение как о вестнике бед, простой человек подсознательно понимал его и Бога правоту в наказаниях, обрушившихся на них, и теперь они получали важный штрих к общей картине о Сущем, который желает, чтобы Его народ был благополучен. Это было принципиально важно. Сам же пророк был просто потрясён этой демонстративной акцией Бога и он высказал это Ему, на что Сущий ответил очень подробно, описав прошлое положение, и что должно измениться в будущем с этим Его народом. До сих пор, Он выразился довольно сильно, "как будто только для Моего гнева и ярости существовал Иерусалим со времени его постройки до сегодняшнего дня", но после того, как Он соберёт уцелевших снова в эту землю, то они уже не будут такими, но изменятся, и тогда Он сможет сделать им много добра, которого не мог дать до сих пор.

В тот день, когда в городе закончился хлеб, отчего стоящие на стенах ослабели от голода и потери надежды и уже не смогли сдерживать вавилонян, город был взят. Вскоре в ворота города смогли войти князья Вавилона, присутствовавшие при осаде, и они сели в воротах, подобно тому, как сидели здесь цари и князья Иудеи. Седекия с князьями и группой воинов, видя такое дело, выскользнули в ночь через ворота царского сада, и их не заметили сразу. Но потом за ними погнались, и все они были схвачены и приведены к Навуходоносору, он был в это время в другом месте, и там он провёл свой суд над ними, и конец этого сопротивления был печален.

Где-то через три месяца после этих событий в Иерусалим пришли отряды вавилонян и они разрушили дворцы и дома, в том числе храм Соломона, и сожгли всё, что могло гореть. О других событиях после этого уже говорилось в обзоре летописей, и добавить стоит только то, что Иеремия поначалу был освобождён со двора стражи и мог делать всё, что ему хотелось. Но спустя некоторое время вавилоняне обнаружили его среди скованных пленников, которых должны были вести в Вавилон, видимо нижестоящие чины не знали в лицо Иеремию и увидев праздно ходя-

щего человека не самой солидной наружности, прихватили и его. Но в этом быстро разобрались, и Иеремию предложили идти в Вавилон, там он мог рассчитывать на обеспеченную жизнь, ему гарантировали это, но он предпочёл остаться в Иудее и помогать Годолии. Дальше вы уже знаете, как развивались события.

Иезекииль

Этот человек был среди переселенцев, которых переселили раньше всех. Он был современником Иеремию, но действовал не в Иудее, а среди переселенцев. Он рассказывал и наглядно демонстрировал, по указанию свыше, осаду Иерусалима, ему были раскрыты тайные дела высших священников Храма и князей, которые устроили в Храме тайные места поклонения языческим богам, совершали там свои ритуалы, практически параллельно со служением Суцему. Это Иезекииль видел видения, в которых действовал сам Суций, трон которого окружали те же существа, что и в Откровении Иоанна века спустя – лев, вол, орёл и человек. Описания различаются, в Откровении их облик у каждого свой, а у Иезекииля каждый из четырёх херувимов имеет по четыре лица, каждое из которых смотрит в свою сторону. У этих существ рядом с каждым были колёса, и эти колёса охарактеризованы как "колесо в колесе", действующие согласованно и в то же время они самым тесным образом зависели от херувимов, принадлежа по одному каждому из них. Эти колёса, как будто бы технические устройства, не животные и не живые существа вообще, были в каком-то симбиозе с херувимами, про это говорится, что "дух живых существ был в колёсах" – не напоминает ли дистанционное управление, осуществляемое ментально? С этой стороны Иезекииль уникален, раскрывая о Боге и Его мире то, что не было раскрыто никому другому.

Также Иезекииль видел видения о будущем обустройстве Израиля, где ему были даны указания, каким должен быть новый Храм, и этот Храм выглядит довольно-таки иным, чем соломонов храм. Однако же вид и устройство нового Храма должны были быть даны Израилю лишь при условии их перемены и обращения, если они прекратят тот образ жизни, который был до плена⁶⁹. Лишь при этом условии Иезекииль имел право показать народу чертежи и рисунки Храма, доступное же всем описание не содержало их. На практике это видение осталось не осуществлённым – когда вернувшиеся из плена начали строить храм заново, это была закладка только главного здания, и никакие указания от Иезекииля не были взяты во внимание. Лишь намного позже, во времена Ирода Великого храм стал принимать очертания, напоминающие то, что было дано Иезекиилю, люди хотели приблизиться к указанному, но неизвестно, насколько они преуспели в этом, не имея чертежей и рисунков. Но даже если бы они выстроили всё по этим описаниям, этого было бы слишком мало, Иезекииль описывает совершенно иное размещение и границы племён Израиля, из этого не было осуществлено совершенно ничего. Храм должен был стоять на особой территории в промежутке между землями племён, не принадлежащей никому. Каждое племя должно было занимать полосу земли, вытянутую с запада на восток, каждое имея выход к морю, на практике же племена заняли ту же территорию, что была у них до плена, насколько это было возможно, так как местами на их земле жили совсем другие народы, переселённые сюда ассирийцами. К тому же не все племена вернулись в Израиль, многие остались жить в землях, принадлежащих в то время персам, и там следы многих потерялись, некоторые евреи переняли арамейский язык или других народов, среди которых жили, хотя постарались сохранить свою самобытность, но в свою землю уже не возвращались.

Исаия, Михей и другие пророки

Исаия написал много, поэтому принадлежит к группе, называемой "большими пророками", и если писать о нём, то надо бы было делать это подробно, но о пророках я не думал писать много, это тема для более религиозной аудитории, кому это достаточно интересно. Поэтому о

69 Иез.43,11

нѐм я скажу не больше, чем об остальных, считающихся малыми, оставаясь в рамках обзора истории. Иеремия стоит особняком в этом отношении, потому что у него очень много истории, дополняющей исторические записи и летописи, много фактов о Седекии и его окружении, что осталось почему-то не освещѐнным в книгах Царств и Хрониках.

Исаия и Михей жили до Плена, однако же неверные цари уже тогда подвели общество к черте, от которой большинство уже не уходило, и все проблемы, процветающие во времена Иеремии и Иезекииля, то есть перед Пленом, в основном начали быть в его время. Казалось бы, виноват был откровенно нечестивый Ахаз, но вторая половина царствования Езекии, не наполненная, как первая половина, посвящением, вряд ли меньше по влиянию в недобрую сторону. Продолжай Езекия оставаться тем же, кем был вначале, влияние Ахаза могло бы быть нейтрализовано. Поверхностная религия опасна даже больше, чем явное зло, потому что под её покровом творятся вещи те же самые, что и в открытом отступлении, но из-за притворства и маскировки они намного дольше остаются нераспознанными и неназванными.

Исаия обличал своё время: “Слушайте слово Суцего, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский! К чему Мне множество жертв ваших? – говорит Суций... Когда вы приходите являться пред лице Моё, – кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои?⁷⁰” Тема содомии почему-то становилась актуальной, некоторые вещи в язычестве требовали и мужской проституции (то ли мода диктовала, чтобы всё, как у передовых людей), и люди принимали это, смирялись с чуждыми порядками, и он пишет – “Если бы Суций не оставил нам небольшого остатка, то мы стали бы как Содом, сделались бы подобными Гоморре⁷¹”.

Михей говорил, что “грешники на Сионе опираются на Суцего”, богохульно хвастаясь “Не среди ли нас Суций? Не постигнет нас беда”, то есть они исповедовали теорию покрытия грехов правильными делами, главным из которых было всего лишь жертвоприношение, идея торга, покупки прощения. После этого, примирѐнные, они считали себя свободными для новых нарушений... Они строили “Сион кровью и Иерусалим — неправдой⁷²”, предопределяя будущее возмездие – “За вас Сион будет распахан как поле, и Иерусалим станет грудой развалин”. В такой атмосфере у людей стремление к добру быстро уменьшалось, а ко злу нарастало. Глядя на всё это, Михей вынужден был констатировать: “Не стало милосердных на земле, нет правдивых между людьми”, “лучший из них – как тѐрн и справедливый – хуже колючей изгороди⁷³”. Если сегодня кто-то думает, что свечкой перед иконой (или чем-то подобным) они покроют что-то из своих грехов и снова свободны для новых недобрых дел, то они находятся на точно том же пути, что и допленный Израиль.

Другие пророки также высвечивали недостатки и грехи, вызывавшие гнев Бога и ведущие этот народ к разрушению уже сами по себе, даже если бы их Бог не наказывал их. Иногда их слушали и выполняли переданное ими, но в целом их пророчества остались лишь как свидетельство, что Бог предпринимал немало усилий, чтобы вернуть этот народ на путь созидания.

Иона

Эта история должна была бы быть описанной в истории Израиля, но неизвестно, в какое время она произошла, приблизительно это могло быть после первого появления ассирийцев на этой земле, и вплоть почти до конца северного царства как государства. Также история, описанная в книге Ионы, происходит вовсе не в Израиле, так что и с этой стороны её трудно включить в тот раздел, поэтому будет здесь, тем более описанное здесь довольно примечательно, и раскрывает Суцего не как еврейского Бога, а скорее как Владыку всей планеты. Кем Он и является.

70 Ис.1,10-12

71 Ис.1,9

72 Мих.3,9-12

73 Мих.7,2.4

Просто многие не делают выводов из малых штрихов, считая, что раз подавляющее большинство фактов, связанных с Сущим, описано в связи с еврейской нацией, то Он от этого становится лишь их Богом, а все остальные вольны выбирать себе других богов. Однако те, кто действительно являются исследователями, выстраивают свои умозаключения не только из большинства имеющихся у них материалов, но не упускают и самой малой черты.

Где-то в Израиле был один человек, к которому обратился его Бог и потребовал, чтобы он пошёл в Ассирию, в её столицу, и там поработал с населением, потому что грехи этого города достигли предела. Ассирийцы были жестокими завоевателями, без сомнений льющих кровь по малейшему поводу, на небе уже скопились много жалоб на них. Однако прежде чем пускаться в ход жестокие методы, Бог должен был дать последний шанс на исправление, это Его метод и другого за Ним не наблюдается. Иона понял задание, но на этом этапе возникло серьёзное затруднение. Судя по всему, Иона и до этого был в числе пророков, то есть обучался в школе пророков. Коснулось ли его растлевающее влияние Иезавели или он сам себе был сильно на уме, трудно понять, в общем он взбунтовался. То ли он просто смотрел на задание с точки зрения ура-патриота, то ли имелись личные счёты к ассирийцам, но он, видимо, подумал, что если их не призвать к покаянию, то они и не покаются ни в чём (они вряд ли бы послушались и его проповедей, но если вообще ничего не говорить, то они точно останутся так, как есть), а значит будут уничтожены. Такой вот он оказался мстительный, даже не захотел дать шанс на покаяние, на исправление. Но почему-то Бог не хотел посылать никого другого, и требовал именно от Ионы сделать это. Почему? – Думаю, что именно у Ионы были какие-то данные для полного успеха именно в Ниневию, и у других не было бы такого успеха. Кадры решают всё – это истинная правда, даже если незаменимых нет, хотя мне кажется, что незаменимые бывают, только не все это видят и признают. Не раз сталкивался, когда разные люди пытались объяснить большую или малую вещь, и у одних это получалось чрезвычайно успешно, у других же не очень, даже при том, что они владели материалом полностью. Если бы умели распределять учеников по подходящим для них учителям, то успеваемость и обучаемость была бы выше на порядки, даже в тяжёлых случаях. Надеюсь, до такого тоже дойдёт, когда многое будет строиться с учётом психотипов.

Иона вместо того, чтобы отправиться на восток, направился на запад, к Яффу и оплатил себе проезд в Фарсис. Вот просто представьте – вместо тысячекилометрового путешествия на восток он тратит свои деньги на раз в восемь более дальнюю дорогу на запад, в Испанию. Это был демонстративный жест пусть не к Богу, но Ассирии. То есть он не хотел адресовать это лично Богу, но показывал Ему, как он смотрит на Его план исправить ассирийцев. Он лично хотел видеть этих врагов только мёртвыми... Может быть именно поэтому его проповедь среди ассирийцев и была настолько убедительной...?

Дальше начались приключения – корабль с Ионой вряд ли уплыл далеко, как разразился сильный шторм. Он был достаточно силён, чтобы моряки испугались. Они выбрасывали вещи, чтобы облегчить судно, потому стали молиться каждый своим богам, потому что других способов выбраться из проблемы уже не видели. Капитан судна наткнулся на Иону, спящего (очень крепкое здоровье, однако) где-то на корабле, и потребовал, чтобы он поднялся и тоже взывал к своему богу. Когда Иона встал, капитан пошёл дальше по своим делам, думая, что угроза гибели достаточный стимул, чтобы и этот пассажир присоединился к коллективной молитве. Однако Иона не мог молиться, в его ситуации открытого непослушания это было кощунством. Он и не стал, однако морякам хотелось жить. Видя, что они пока ещё живы, и что ярость моря какая-то необычная, многие поняли, что дело нечисто, есть кто-то, навлекший на себя особое внимание какого-то бога. Решались такие вещи просто – кинули жребий, и жребий выпал на Иону. Его спросили, в чём дело, и он не стал скрывать от них ничего, ощущая, что невольно вовлечён этих людей в большие проблемы и может быть виноват в их гибели. Среди них не было ассирийцев, и не было смысла желать им беды. Иона рассказал, что он бежит от своего Бога, и это привело

простодушных моряков в ужас, история, в которую они попали, была очень скверной. Они спросили, зачем же он пытается действовать вопреки воле такого могущественного Бога, и Ионе было очень сложно объяснить этим людям, зачем и почему он сопротивляется Его воле. Он видел, что до Испании он не доплывёт, и чтобы не губить попутчиков, он попросил их, чтобы они бросили его в воду, и тогда шторм утихнет.

Люди не хотели брать на себя вину за его жизнь и отказывались сделать то, что он говорил, однако же шторм не утихал. Иона попробовал утешить их, что он не погибнет, что раз Бог до сих пор не уничтожил его, то Его требование идти в Ниневию к врагам до сих пор ещё в силе. Это объяснение и также неутрачивающий шторм в конце концов вынудили моряков выполнить его просьбу, они бросили его с борта, помолвившись Суцему, чтобы Он не вменял им в вину этот поступок, всё вышло так, у них не было выбора. Когда Иона очутился в воде, ветер стал стихать и вскоре ветер и волны успокоились совершенно. Связь этой бури с их пассажиром была очевидной, и моряки обещали Суцему принести жертвы и наложили на себя те или иные обеты, с этих пор их жизнь в немалой степени изменилась, вряд ли они теперь признавали своих прежних богов после таких ярких впечатлений.

Иона же оказался в желудке у кашалота, которого Бог направил к этому месту. Эти киты обладают широкой глоткой, так что могут проглотить человека целиком⁷⁴. Три дня Ионе пришлось пробыть в его желудке, возможно, что частично в бессознательном состоянии. В воде далеко от берега он бы не смог продержаться и доплыть до суши, так что кит поработал для него транспортным средством в качестве подводной лодки. Под конец третьего дня Иона был готов забыть о всех своих прежних мыслях и установках, всё, чем он жил до сих пор, было крепко потрясено и очень многое стало смотреться по-другому. В том числе отношение к врагам перестало быть таким непримиримым, как прежде, он стал видеть в них людей, пусть виноватых в тех или иных вещах, однако могущих перестать быть врагами, могущих измениться. Он обратился к Богу свои слова и мысли, выразив всё, что было на душе, в том числе и надежды, что снова увидит Храм и сможет восхвалить Его достойным образом. Место своего теперешнего нахождения он называет адом, в древнем значении этого слова, то есть в глубинах земли и воды, у основания гор. Он не обещает как будто выполнить порученное ему, но собирается выполнить обещание, данное перед этим, думаю это как раз о Ниневии. Он благодарит Суцего, который уже услышал его и знает, что снова будет ходить по земле. Вскоре после этого Иона был извергнут китом у берега.

Придя в себя, Иона снова услышал поручение идти в Ниневию и в этот раз не стал противиться. Добравшись туда, он начал провозглашать на улицах города, что через сорок дней Ниневия будет разрушена, что Суций разгневан на этот город и если ничего не изменится, то так и будет. Если представить со стороны, то вряд ли Иона отличался от юродивого или городского сумасшедшего, хотя в древние времена о таких персонажах не слышно, люди ещё не настолько потеряли в здоровье. Будь на его месте кто другой, может быть мало кто стал бы прислушиваться, но Бог знал, кого призвать на то или иное дело. Его услышали, и его голос был созвучен голосу их совести, и кто-то в Ниневии задумывался о том, как они обращаются с покоряемыми народами. Неприязнь Ионы к ассирийцам, скорее всего, не была сдерживаема, и он со всем усердием высказывал угрозы своим слушателям. Это было очень искренне, и людей пронимало. Может быть именно оттого, что у Ионы были чрезвычайно сильные эмоции к врагам, он и был нужен для проповеди здесь... Город был огромным даже по нашим меркам – "на три дня пути" пешего хода, чуть позже Бог говорит о ста двадцати тысячах младенцев, не умеющих различать правое от левого, то есть в возрасте до полутора-двух лет, наверное. Вряд ли это был современный город, скорее посёлки округи слились воедино и было несколько центров с двух и более этажными

⁷⁴ Такой случай произошёл в конце 19 века с одним китобоем, он был проглочен кашалотом, который вскоре был убит, и в его желудке нашли пропавшего человека. Он выжил, только кожа его стала белой, потеряв пигмент.

строениями, но населения такая большая деревня, судя по количеству малых детей, должна была иметь не меньше миллиона человек.

После того, как несколько влиятельных людей, наслышанных и о Сущем и Его порядках и правилах, восприняло голос Ионы всерьёз, они донесли о надвигающихся бедах и царю, который тоже внял голосу разума. Вряд ли это произошло в первый же день проповеди Ионы, но срок был всего лишь три дня, так что у них оставалось максимум два дня на размышления. Царь и князья приняли решительные меры, задуматься о своём поведении никогда не плохо и ущерба не принесёт, они не видели угроз со стороны Израиля, что это может быть еврейская пропаганда с целью ослабить противника, просто не было никакого признака умысла с этой стороны, а совесть их подтверждала, что на их счету в самом деле много такого, что любой бог рано или поздно может с них спросить. Они объявили пост на три дня, чтобы не только люди, но даже животные не получили воды и еды, а также чтобы все были одеты в рубище и сильно задумались каждый о своих преступлениях. У всех людей очень близкие нормы вне зависимости от культуры, все одинаково получают раны или боль при ударе или от злого слова, всем одинаково плохо, если что-то украли или отняли, об этом и шла речь. Власть в Ниневии была крепкой, так что народ выполнил предписание, и вряд ли кто не понимал, зачем это всё нужно. Голос животных и детей, томящихся без воды и еды, и плач взрослых был слышен во всём городе, и Иона понял, что его работа выполнена.

Хотя потрясение, которое он навёл на себя в море и в животе кита, очень сильно повлияло, но полностью его мысли не изменились, где-то в уголке души осталось недопонимание по отношению к врагам, им ещё владели мстительные мотивы. То, как его слова были восприняты, ему всё же льстило, но ему хотелось куда большего. Но он понимал, что теперь разрушения вражеской столицы уже не состояться, и это его печалило. Он столько перетерпел из-за ассирийцев, и его счёт к ним даже увеличился из-за этого, и его съедала печаль, что ассирийцы не заплатят по полной за всё, что они сделали Израилю и ему лично. Он не замедлил высказать всё это Богу, когда закончил свою работу и увидел её результаты – "Я ведь так и знал, так и говорил, что Ты не станешь их наказывать, потому что Ты Бог добрый и долготерпеливый, и не желаешь всерьёз выполнять Свои угрозы! Я поэтому и хотел убежать в Фарсис, что знал, что так и будет". И он стал даже просить себе смерти, настолько ему нестерпимо было то, что ассирийцы выйдут сухими из воды. Вот ведь характер... Бог, слушавший этот поток эмоций, не смолчал, но участливо и мягко поинтересовался, не желая и дальше травмировать этого ценного, хотя и весьма эксцентричного сотрудника – "неужели это тебя расстроило настолько сильно?" Ответ Ионы не приводится в книге, но ясно, что он подтвердил, что да, настолько сильно. Такой настрой был неправилен, когда ещё Иона наберётся мудрости, и Бог решил устроить ему небольшой наглядный урок.

Выйдя за город, Иона устроился на природе, в какой-то надежде ожидая, что покаяние людей не будет серьёзным и Бог ненадолго отвёл проклятие. Из подручных материалов он устроил шалаш и решил задержаться в этом месте, чтобы увидеть суды Сущего на этих беззаконников, в перемену которых он не верил и не мог себе представить, чтобы эти люди отказались от своих недобрых черт характера. Иона, скорее всего, неплохо знал людей, хотя бы ту черту, что если на человека нажимать, то результат будет скорее обратным, человек не захочет делать то, что его заставляют, но в этот раз вышло не по его, чем сильнее он выкрикивал угрозы и требовал покаяться, тем серьёзнее люди воспринимали. Он мог ожидать, что его убьют здесь за его слова, по крайней мере в Израиле и Иудее такое бывало не раз, и шёл сюда с мыслью, что здесь его жизнь и закончиться, но хотя бы врагов лично поугаает, а потом гнев Сущего сотрёт ненавистный город, и радовался хотя бы этому. А тут такое – его неожиданно послушались. Но он не терял надежды и ждал. Бог же действовал – Он помог вырасти какому-то растению очень быстро, и оно своей тенью и свежей зеленью обрадовало Иону, климат был не умеренный, и солнце грело жар-

ко. Но на следующий день, когда Иона надеялся, что снова увидит приятную тень от зелёного друга, оказалось, что на нежную ткань растения покусился некий червяк или гусеница. Иона был, как вы, наверное, уже заметили, был довольно эмоциональный человек, и увидев лежащий на земле ствол с увядшими листьями, воспринял его гибель очень близко к сердцу, как если бы это был его близкий друг, к тому же маленький и беззащитный, словно ребёнок. А тут ещё солнце стало палить особенно жестоко, так что Иона совершенно расстроился. Он опять стал просить смерти у Суцего, на что Тот опять участливо стал спрашивать – "Неужели ты из-за растения так сильно расстроился?" Иона ответил – "Чрезвычайно, до смерти". Суций подвёл черту – "Ты жалеешь о растении, над которым ты не работал, которое не растил – оно в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало. А теперь представь, что здесь в этом городе, в котором одних только младенцев на сотню тысяч (то есть которых Он растит и работает, занимается днями и ночами, нянчится), и как думаешь – Мне их не жалко?"

Иона не приводит свой ответ, который более чем ясен – его поймали на том же, чем он сам был озабочен, урок был ясен. Иона не был невежествен о характере и правила своего Бога, он был излишне эмоционален, но этот урок усвоил как надо. Да и всё предыдущее теперь вмиг выстроилось в стройный ряд.

Жизнь в плену. Даниил

Когда Навуходоносор взял клятву верности с Иоакима, в качестве залога (но непохоже, что заложников) он взял с собой в столицу некоторое число молодых людей из княжеских родов, самые отборные из которых должны были войти в его элиту, предназначенную на высшие должности. Эта политика обеспечивала верность территорий довольно эффективно, и Навуходоносор не первый, кто это использовал для установки скреп империи. Четверо из них (наверное, их было больше) получили назначение на обучение всему, что было накоплено к тому времени в Вавилоне. Учебное заведение, возможно, предлагало и большую программу обучения, но три года обучения "книгам и халдейскому языку"⁷⁵ было необходимо, чтобы рассчитывать на важные должности в управленческом механизме Вавилона. Система образования в этом городе была ключом ко всем успехам этого города и территорий, которые он сумел подчинить. Навуходоносор, чувствуется по некоторым моментам, был не просто очень умён, но и образован, и без этого он бы не был тем, кем он известен, не добился бы блестящих успехов, и его царство не было бы охарактеризовано небом как "золотая голова".

Преподавали в этой академии люди, которых называют мудрецами, и если не все они, то немалая часть являлись ещё и магами. Это не просто официальное звание, но действительные достижения, где исследовательский пытливый дух вникал в возможности и устройство человека. Не только в Индии йоги занимались темой сверхвозможностей, но и в этой части Земли тоже хранили древние понятия, и, наверное, пытались и приумножить, несмотря на некоторое обмельчание человеческой природы к этому времени. Библия более чем достаточно характеризует умения этих людей, говоря об "огромной силе их волшебства". На эту тему в Библии говорится немного, однако если сопоставить, что в Вавилоне были самые сильные маги, с тем, что Иезекииль писал о ведьмах в Иудее, то становится неприятно. Колдовки Иудеи практиковали нечто, напоминающее чёрное вуду, захватывали души людей, причём Суций особо отмечает, что они убивали своим колдовством людей, которые должны были жить, и оставляли в живых людей, которых Суций считал недостойными продолжать находиться в живых⁷⁶. По сравнению с возможно-

75 В Вавилоне население говорило на одном языке (если не ошибаюсь, аккадском), а жрецы, мудрецы и элита пользовалась другим, раньше это был шумерский язык. Во время Даниила, многое, похоже, в этой области изменилось, арамейский использовался очень широко, хотя это вряд ли был язык элиты, "халдейский". Правда, говорят, что всё же это был именно арамейский.

76 Иез.13,19

стями Бога это, конечно, как ветерок против урагана, но в среде, где для Бога нет или мало каналов для проявления Его охраняющей силы, это всё приобретало значимые масштабы.

Перед молодыми парнями открывались блестящие перспективы, но для именно евреев имела проблема. Для кого-то она, может быть, и не была существенной, но для щепетильных в вопросах религии весьма существенная. Вавилон был языческим городом, хотя это как раз не было для них новым, у них в Иерусалиме было много язычества (из-за которого они, собственно, и оказались здесь). Однако именно эти четверо были сторонниками Сущего, и еда и питьё, которыми их снабжали, были некошерными со всех сторон. Может быть не все мясные блюда были с нечистым мясом свинины, но её жир, да что там жир свинины – даже сало чистых животных, кроме того, что тонкие прожилки внутри слоёв мяса⁷⁷, было запрещено также, как и некошерные вещи, даже неслитая кровь животного делала мясо несъедобным, так что в этом деле последователю Сущего было трудновато. В еде могло встретиться многое, и они не знали пока устройства дворцовой кухни, и кто бы стал их сейчас в этом просвещать, пока они были почти никем. Но мало этой проблемы, часто еда и напитки были посвящаемы богам, и это было также значимой причиной воздерживаться от всего, что дают им от царского стола, а именно к нему они были поставлены на довольствие. Навуходоносор тщательно заботился о своих воспитанниках, на них он возлагал немалые ожидания, и он знал зависимость успехов человека от его здоровья, а здоровья от питания. Когда Даниил попробовал обсудить проблему с куратором, чтобы им давали еду попроще, лучше всего вообще не прошедшую процессы обработки, кроме мытья и очистки, тот отнёсся к этому очень пессимистично, ответив, что не может рисковать своей головой, если от этих экспериментов они хоть чуть-чуть будут худощавее остальных воспитанников. Видя, что высокое начальство не склонно вникать в их дела, Даниил решил обратиться к человеку, непосредственно приставленному к ним, и похоже, что стал не обширно объяснять ему свою проблему, а сразу предложил эксперимент – давать им овощи с фруктами (не знаю, приготовленными как-то или сырыми, эти продукты отлично идут и в сыром виде, и даже обычно гораздо эффективнее именно в необработанном состоянии во многих случаях), и проверить в течение десяти дней, что из этого получится. В богатых городах люди, скорее всего питались, подражая богатым людям, едой изысканно приготовленной, но не несущей здоровья, и хорошо, если не вовсе отнимающей его, но не все были склонны слепо подражать моде и не спешили отказываться от опыта предков с их умеренностью и воздержанием во всём. Даниил явно был знаком с действием простой пищи, поэтому не боялся неуспеха, заранее зная, что из этого получится. Уверенность Даниила оказалась заразной, и Амелсар, с которым он договаривался, согласился, тем более за десять дней можно было не опасаться больших неудач.

Десять дней миновали, и с этого времени Амелсар получил дополнительный приработок, большая часть их блюд с царской кухни он куда-то забирал, и, наверное, выгодно призраивал, а четверых евреев с причудами снабжал отличными фруктами и овощами – эти ребята на простой растительной еде прямо-таки расцвели и выглядели лучше остальных, питающихся излишне престижными блюдами.

Многим, у кого болезни связаны с отложением солей, сосудистыми и сердечными проблемами, такая диета принесёт немало облегчения, но болезни бывают разные, и не всегда этот путь ведёт к тому же результату. Если проблемы организма связаны с нарушением обмена веществ, с плохой работой кишечника, то этот путь веганства и сыроедения может быть не для них, хотя в умеренных дозах может помочь и им, нужно осторожно пробовать и определить границы, где что полезно и какой продукт идёт или не идёт.

77 Если я правильно понимаю тонкости этого вопроса

Таково было начало жизни четверых молодых людей в Вавилоне, и последующие их дела и успехи были не менее удивительными. В процессе обучения они показали блестящие результаты, они преуспевали во всех предметах, а у Даниила обнаружилась способность легко разбираться в вещах, связанных с символами – он без труда мог понять и объяснить сны и видения, даже если они были даны не ему. Подобная способность была ещё у Иосифа, сына Иакова. Сказывалось хорошая работа родителей, научивших их зависеть прежде всего от Источника всего, и достигать всего своими руками, избегая зависимости от людей. В княжеских домах учили тому или иному делу и профессии, и лишь это делало детей способными заботиться о своём племени. Когда начинают учить добиваться своего от других, учат, как заставлять других работать на себя, начинается вырождение ткани жизни, но не стоит сейчас о плохом, перед нами сейчас не тот случай.

Не все, достигшие высокого положения, балуют своих детей, некоторые воспитывают их так, чтобы не стыдиться за них ни в детстве, ни в зрелых годах, так что всем бы стоило взять это на заметку. Все люди любят удовольствия, такова природа вещей, но не у всех удовольствия способствуют развитию, а ведь могли бы. Простые удовольствия скрашивают жизнь, но остановиться на них означает деградировать, и в детстве можно направить человека так, что достигать результата станет для него тоже удовольствием, и это уже будет удовольствие высшего порядка, потому что без новых ступеней достижения чего-либо человек уже не сможет обходиться, это станет вечным двигателем его прогресса. Миф о приятной жизни ничегонеделания должен бы быть уничтожен, и страна, где хотя бы какую-то часть детей зарядят таким настроем, взлетит и обгонит многих. В нашем мире некоторые страны за деньги стягивают таланты к себе, как временный выигрыш это можно понять, но стратегической задачей было бы куда разумней сделать ставку на то, чтобы у людей появилась тяга и стимул к высшим успехам внутри них самих, не в деньгах и власти, не в тёплых местечках, а в достижениях в науке, изобретательстве, мастерстве.

После трёх лет обучения молодые люди прошли через экзамены, которые принимал сам Навуходоносор, что указывает на его собственное немалое образование. Это было не парадное мероприятие, но он задавал им сложные практические вопросы, и по их ответам судил о степени пригодности к его планам. И эти четверо, если доверять автору книги, оказались не просто в числе лучших выпускников, но царь нашёл их обогнавшими даже некоторых из их преподавателей. Здесь сказались разные факторы, и кроме прямого вмешательства Сущего, давшего им особые способности, надо отметить и влияние их диеты, избавлявшей их умы от излишних затрат энергии на усвоение и переработку отягчённых или излишне обогащённых смесей продуктов. В молодости пищеварительная система очень крепка у большинства и справляется безболезненно и с большими перегрузками, но всё же даже здесь, если не отвлекать организм на переработку трудных смесей, выигрыш будет очевиден.

Сон Навуходоносора и первое пророчество о будущем мироустройстве

Даниил и его друзья ещё учились, когда царю Вавилона приснился сон, наделавший очень много шума как минимум в столице. Навуходоносор проснулся с сильным впечатлением от увиденного, однако же в голове не осталось ни одной картинки, за которую можно бы было зацепиться и вытащить остальное из памяти. Он ощущал, что здесь кроются какие-то очень важные вещи, ответы на какие-то вопросы, но ничто не могло помочь припомнить хоть что-то. Он вызвал к себе всех, имевших отношение к вавилонским премудростям, которыми сей город был издавна славен, и рассказал о своей проблеме – "мне снился сон, и он сильно меня тревожит, я хочу его знать". Тайноведцы бодро ответили, что желают царю всякого здоровья, и пусть он им расскажет этот сон, и они ему объяснят его, про себя отметив необычность ситуации, ведь царь

ничего им не рассказывал, и многих это насторожило. Царь на это заявил, что он не может ничего сказать им, и если они ему не расскажут его сна и его значения, то он уничтожит их, поскольку их претензии на всезнание выглядят обманом. Часто бывает, что люди не довольствуются авторитетом и почётом, выпавшим на их долю, и даже когда их заслуги оценены по достоинству, некоторые хотят больше. Многие учителя претендовали на большие знания и авторитет, это помогло им в том соревновании за лучшие места и ресурсы, что началось с тех пор, как в мир вошло зло. Но претендуя на недозаслуженные лавры, они подставляли себя под колесо репрессий, если вдруг в такие моменты, как этот, их слава обнаруживалась дутой. Навуходоносор кроме угрозы, поманил их и огромной наградой за раскрытие сна, понимая, что это в самом деле задача неслыханная, но если тут многие претендуют на проникновение в любые тайны богов, то могли бы и постараться.

Побледневшие мудрецы попереглядывались, и поняв друг друга, решили попробовать потянуть время, и попытались внушить царю привычный путь решения проблем – "да скажет царь своим слугам сон, и мы объясним его ему". Но у испуганных людей не получилось надавить авторитетом и направить мысль царя по привычной колее к тому, что надо изложить задачу подчинённым, а не посылать туда не знаю куда, куда люди не привыкли ходить. Царь видел их растерянность и переглядывания, и обвинил их в том, что они пытаются затянуть время и что-то придумать такое, чтобы либо отвлечь его от того, что волновало его, чтобы он оставил это дело, либо придумать что-то такое, чтобы напелсти ему и заставить поверить в это. Такое вполне могло быть, и царь потребовал от них, чтобы если они в самом деле что-то могут, то пусть покажут это, узнав его сон, тогда и объяснению сна можно будет доверять.

Дело получалось очень серьёзным, и им пришлось вспомнить о реальности, где они не знали так много, как им хотелось бы, и они заговорили о том, что есть вещи, которые людям неподвластны, но они в ведении богов, находящихся за пределами человечества. Эта фраза кроме прочего означала ещё и то, что у них доступа к этим богам не было, или им было нечем заставить их выдать свои тайны, нечем повлиять на них. В эти времена о живом Боге забыли уже многие, может быть даже эти люди лишь изредка вспоминали о Едином, Чьим преломлением были их более близкие и понятные им боги, придуманные ими самими. Они попытались усовестить царя, что такой задачи, как он сейчас, никто никогда никому не ставил, однако Навуходоносор на это лишь пришёл в ярость, поняв, что те, кто даже сейчас пытался давить на него своим авторитетом, оказались на деле куда мельче, чем претендовали. Он выгнал их от себя, и вызвав других людей, объявил об указе уничтожить все мудрецов Вавилона. Он не стал отделять естественные науки от оккультных, но всех поставил в одинаковое положение. Сам он, получив своё образование, ценил его, но видимо решил избавиться от этих напыщенных индюков, изрекающих с важным видом высокопарные слова, но для страны не приносящих той пользы, которой от них можно бы было ожидать, глядя на их важность. С одной стороны он поступил так сгоряча, явно его характер был не просто вспыльчивый, но он мог и сам накрутить себя, воспаляясь от своих же собственных слов. Он хорошо владел собой, и в гнев приходил не сразу, но когда он вспыхивал, то гнев не утихал быстро. Будь он менее сдержан, то мог бы отдать приказ на их уничтожение сразу же у себя в спальне, но он действовал более обширно, не поддаваясь минутному порыву, обдумывая месть и облакая её в законную форму.

Под этот удар попадали и студенты академии, гнев царя оказался слишком велик, соответственно разочарованию в учителях нации. Это сословие кроме прочего имело претензии на власть, по крайней мере без их совета было сложно предпринять что-либо серьёзное в государстве, и они претендовали на солидный кусок масла к своей порции хлеба. Видимо царь получил удобный момент поставить конкурентов на соответствующее им место, правда здесь и сейчас он вообще собирался устранить их со сцены, хотя не думаю, что он собирался вообще упразднить науку вообще, но жрецов от науки он больше не хотел иметь рядом с собой. Может быть он со

временем пожалел бы об этом, но этому плану не суждено было сбыться. Начальник охраны Ариох шёл от царя, имея поручение организовать уничтожение мудрецов, и не думаю, чтобы ему это нравилось, однако спорить он не собирался. Он направился туда, где находились ученики мудрецов, и Даниил оказался одним из первых встречных. Наверное, было сразу понятно по его виду, что сейчас будет очень плохо, но Даниил не растерялся и вступил в переговоры с этим человеком. Ариох был не в восторге от того, что ему надо было делать, поэтому позволил себе ответить на вопросы очень молодого человека, который показывал впечатляющие результаты в учёбе и просто производил очень приятное впечатление. Убивать такого было непросто. Он ответил ученику, в чём дело, и рассказал всё, что произошло сегодня у царя. Он был удивлён, когда услышал предложение выполнить просьбу царя о его сне, уверяя, что его Бог может ответить на все вопросы царя. Ариох с удовольствием отложил последний приказ царя и вместо этого осмелился привести к нему Даниила, который предложил Навуходоносору попробовать ещё один раз. Его Бог был не таким, как боги этих мудрецов, хотя тоже обитал не на Земле, однако Даниил был знаком с Ним и мог претендовать на Его помощь в любом деле. Кроме того, Навуходоносор всё же имел сильное впечатление от сна, и если он сейчас перережет последнюю нить в лице этого прекрасного юноши, то он так и не узнает ни этого сна, ни того, что он означает. К тому же Даниил не был испорчен властью и авторитетом мудрецов и говорил искренне, веря в то, что говорит, и царь не видел в нём никакого притворства и лукавства. Также он не видел в нём страха, хотя было понятно, что если его предложение не будет принято, то он умрёт быстрее других мудрецов, а за свою дерзость может поплатиться дополнительно. За это время царь немного остыл, и был готов дать один шанс до следующего утра этому парню. Даниил предложил, что он попросит Сущего показать ему тот сон, что приснился царю, и после этого будет готов дать ответ. Предложение было разумное, подобного действительно никогда ещё не случалось нигде в мире, поэтому Навуходоносор согласился с этим. Если мудрецов он подозревал, что они тянут время, чтобы придумать что-нибудь из своих хитрых манипуляций (да они даже не помянули о возможности увидеть его сон, поэтому не просили времени на это), то с этим юношей всё было по настоящему, тот именно собирался посмотреть тот сон, что снился ему. Все остальные маги Вавилона получили отсрочку вместе с Даниилом до следующего дня...

Придя к себе, Даниил советовался с друзьями, дело было необычное, и даже опытный человек здесь был бы в одинаковом с ними положении. Нужна была их помощь в просьбах к их Богу, кто знает, захочет ли Он помогать, может быть они обречены сгинуть с лица земли вместе с учителями? Хотя они не допускали такой мысли, краем мысли они это осознавали. Однако же до сих пор они видели Его помощь, к тому же им не в чем было себя упрекнуть, в памяти не было ничего, омрачающего их совесть, ничего не стояло между ними и их Богом, поэтому им было легче просить Его о чём-либо, чем многим другим. И они просили, чтобы дело царя было им открыто. При этом всё им не хотелось погибать вместе с людьми, занимающимися делами или науками, которые их Богом не одобрялись, а то и вообще запрещались, впрочем от них не требовалось практиковать оккультизм, также за три года эти предметы им не давались в серьёзном объёме, они лишь знакомились с ними, так что и в этом их совесть была чиста. И Сущий услышал их просьбы, и повторил Даниилу тот сон, что Он посылал царю вчера. Даниил видел те же картины, испытал то же впечатление, что ощущал царь, и теперь он был готов раскрыть Навуходоносору всё, что было в этом откровении. Проснувшись и осознав, что у них всё получилось, Даниил пришёл в восторг, и не мог удержаться от того, чтобы не благословить Сущего, выразив свои чувства в словах возвышенных и торжественных.

После этого он отправился к Ариоху и, полный энергии, полущутя обратился к высокопоставленному телохранителю – "Не убивай мудрецов вавилонских", и по тону голоса и сияющему лицу Ариох понял, что поверил этому парню совсем не зря, что он в самом деле имеет что сказать. Он и сам был готов просить их Бога, да и всех остальных, которых знал, чтобы у него всё

получилось, слишком уж необычные были обстоятельства и очень уж хорошим человеком был этот парень. "Веди меня к царю и я открою ему значение его сна", добавил он.

Ариох безотлагательно отправился с ним к Навуходоносору, и войдя к царю, доложил ему, что он нашёл из пленных иудеев человека, способного раскрыть ему вчерашний сон. Навуходоносор тоже был в предвкушении чего-то необычного, его интерес к этому делу несколько не угас. Если бы он похуже владел собой, то провёл бы всё это время в предвкушении тех казней, которыми бы наградил называющих себя мудрецами, однако не думаю, что он потерял надежду, что ему удастся узнать, что же ему приснилось вчера и что это будет означать. Он тоже ждал с надеждой, и тоже желал успеха этому молодому еврею, столь искреннего в своих словах и поведении.

Сон и его значение

Навуходоносор спросил, может ли Даниил на самом деле рассказать этот сон, и Даниил ответил, что по сути эта тайна настолько велика, что на свете нет людей, способных проникнуть в неё, но в небесах есть Бог, который знает всё и может раскрыть что-то и людям. Сам Даниил получил откровение не потому, что он умнее или лучше других, а для того, чтобы Навуходоносор получил знания от верховного Властелина, и чтобы с помощью всего этого опыта лучше понял самого себя – это было нужно и царю, и Сущему. При этом он сообщил царю, что этот Бог в этом сне показывал ему, что будет в последние времена. Сон же царя был следующим – однако перед раскрытием сюжета сна Даниил напоминает Навуходоносору одну очень важную деталь – когда он лежал, то размышлял перед тем, как заснуть, и думал он о том, что же будет с его страной после него, и как будут на Земле развиваться страны и народы. Именно в ответ на такой вопрос, хотя и не направленный к Сущему, отвечал этот Бог. И я уверен, что не задайся Навуходоносор этим вопросом, что будет после него, то не было бы и откровения, а Сущему пришлось бы искать на трон кого-нибудь более любопытного, может быть даже того же Ариоха... Нужно это отметить, что Бог хочет, чтобы люди думали, углублялись, и задавали себе (а лучше Ему) вопросы потруднее, потому что Сущий сам является чрезвычайно разумным существом, и в созданное Им вложил те же задатки, и когда интеллект хоронят ради эмоций или удовольствий, а то и ещё более низких вещей, это для Него неприятно и расценивается как профанация данных Им возможностей.

Итак, перед царём была величественная статуя, выполненная из блестящих полированных металлов. Голова была золотая, грудь и руки были из серебра, живот и бёдра из меди, а ноги железные, правда, нижние части ног и ступни состояли из смеси железа и глины. В этой картине можно заметить понижение ценности металла (по шкале именно ценностности, а не практической полезности материалов) по ходу обзора, который направлен сверху вниз, так идёт изложение от Автора, давшего этот сон. Фигура приковывала внимание царя, её вид потрясал и впечатлял, навевал страх. Некоторое время прошло в созерцании статуи, но потом царь видел, как с неподалёку расположенной горы покатился камень, который подкатился к фигуре и ударил её, так что она была разбита практически в пыль, которую тут же развеял ветер и от всего этого потрясающего великолепия ничего не осталось. Однако же на этом сон не был закончен, теперь внимание привлёк камень, разбивший металл – он разросся в размерах, сам став большой горой, и эта гора заполнила всю землю.

"Вот сон!" – сказал Даниил, "теперь скажем царю и о его значении". Даниил объявил Навуходоносору, что он и его страна обозначены головой статуи, которая из золота. Он объявил царю, что его успехи по объединению земель под главенством Вавилона одобрены небесным Богом, что Он отдал под его управление многие страны и народы, и даёт ему всякую силу и успех его планам, многие из которых ещё только задумывались. Хотя Навуходоносор был часто довольно жесток, однако же общая картина жизни в его империи выглядит благополучной, в последующих

империях происходило снижение стандартов отношения к людям, их нравы и принципы теряли в гуманности. После периода войн люди оценили возможности, открывающиеся в беспопытной торговле, открытости больших пространств и отсутствии на дорогах преград, и это привело к расцвету общества. Скорее всего дело было ещё и в личности царя, который объединял земли не из хулиганских побуждений, не из желания власти или мести врагам – живущий в нём дух халдеев, древних хранителей неких начал, не потерянный в этом городе, дал хорошие плоды.

В следующих царствах происходила потеря ценности, скорее всего гуманитарных начал, порядки ужесточались, нравы вырождались, и за золотом Вавилона следовало серебро Персии, за ним медь Греции, и заканчивалось железным Римом. Здесь ещё не названы имена империй, пока был только золотой Вавилон, но для нас это уже напоминает школьные уроки истории. Из них мы помним, что персы копили серебро, основное платёжное средство, а у греков армия пользовалась медью в оснащении и защите. Рим же в самом деле ассоциируется с железом – "железный Рим" у нас на слуху, и это идёт с давних пор.

Даниил, характеризуя последовательность металлов, особо задержался на железе – "Четвёртое царство будет крепко, как железо, потому что как железо разбивает и дробит всё, так и оно ... будет дробить и ломать". То, что пальцы на ногах частью из железа, а частью из глины, означает, что ближе к концу времени "царство будет разделённое, в нём будет крепость железа", но будет и "хрупкость глины". Эта разделённость видна в Европе уже давно, в ней есть ведущие страны, и есть слабые, хотя иногда и шумные. Железо плохо сочетается с глиной, у них разные коэффициенты расширения, поэтому благополучие сохраняется лишь в благоприятной обстановке, но под нагрузками или под воздействием природных факторов такие соединения по самой природе вещей будут уязвимы и ненадёжны.

Уже это, первое из видений в книге Даниила, хоть и в самой упрощённой форме, описывает европейскую действительность до конца мировой истории. Кто-то может усомниться, считая, что Бог описывает лишь те страны, которые соприкасаются с Израилем, однако же Европа после Христа становится центром, где народом Суцего является уже не Израиль, а христианство, теперь оно выполняет ту роль, которая прежде предназначалась Израилю, и именно там долгое время будет угнетаться церковь (то, что угнетателем выступит тоже церковь, лишь добавляет драматичности).

Заканчивает Даниил тем, что в дни этих европейских государств наступит конец, когда следующее царство будет установлено уже Богом, и установленное Им уже никогда не кончится и не будет передано другому народу (как произошло с предыдущими, и с Римом – из языческого, свергнутого нашествием варваров, восстал Рим католический). "Великий Бог дал знать царю, что будет после этого. И верен этот сон, и точно толкование его!" – воскликнул он. Навуходоносор, когда Даниил начал пересказывать ему, уже вспомнил всё, может быть уже даже с момента, когда Даниил ему напомнил о его размышлениях перед сном. И вспомнив, он с напряжением слушал удивительнейшие вещи, открывающиеся перед ним из его сна. Он сам видел теперь, что требовал от своих халдеев слишком много, однако же это "слишком много" привело его в соприкосновение с Тем, для кого "слишком много" нормально, и это было самым поразительным во всей этой истории. Когда доклад был закончен, Навуходоносор не посчитал зазорным для себя поклониться Тому, Кто открыл ему столько, сколько никаким царям не давалось, и это было огромной честью перед всеми царями Земли. "В самом деле ваш Бог есть Бог богов и Владыка владык, раскрывающий тайны, раз ты раскрыл эту тайну!"

В результате этого дня Даниил поднялся на большую высоту, и его друзья также не были забыты, потому что без их помощи, их просьб к Суцему, это откровение могло и не состояться. Впрочем, им ещё нужно было продолжать учёбу, но они справились.

Навуходоносор. Попытка изменить историю – забрать всё

Впечатления Навуходоносора за эти два дня запомнились надолго, сначала сам сон, даже забывшийся, не давал ему покоя, затем он открыл для себя еврейского Суцего, оказавшегося живым и реальным Сверхсуществом, и ещё ему было дано узнать, хоть и в общих чертах, но реальную историю мира до самого его конца. Ему льстило, конечно, что Бог обратил на него Своё внимание и выделил его из многих царей, ему нравилось быть избранником, которому в руки идёт гарантированная удача и успех чуть ли не во всём, что он хотел бы осуществить, однако постепенно он привык к новому положению вещей. Теперь его стала не то, чтобы мучить, но занозой сидела мысль, почему его золотое царство должно закончиться? Почему бы не попробовать продлить его, а если всё организовать как надо, то почему бы золотому Вавилону не продолжать быть вершиной мира? Может быть что-то можно сделать такое, чтобы до самого конца этого мира его город правил всеми? Что мешает этому?

Чтобы организовать такое, нужны были очень серьёзные возможности и знания, а также и исследования о процессах в обществе, о возможных подводных камнях и препятствиях в этом деле, надо бы было поставить дело на очень широкую ногу, чтобы подавлять процессы, ведущие к ослаблению Вавилона, уметь их распознавать и предупреждать, а также ослаблять другие страны, чтобы они не стали слишком сильными и не вышли вперёд. И стоило ли ради честолюбия и гордости затевать всё это? Но полный сил Навуходоносор попался в эту ловушку тщеславия. Были ли у него догадки о том, как это всё организовать? Вряд ли, не была мысль людей ещё готова к такому планированию. Навуходоносор попытался зайти с другой стороны, более известной ему, с магической. С этой точки зрения он мог попробовать заместить образ, открытый ему во сне, на тот, который хотел бы осуществить он, такой наивный магизм. Он в самом деле занялся этим, и изготовил статую из золота в тридцать метров высоты, формой напоминавшей фигуру из сна, если не точную копию того образа. Отличие было лишь в том, что она вся была из золота, и он надеялся, что признание её множеством людей и поклонение ей наделят этот образ достаточной силой, чтобы его план осуществился.

На поле Дур были собраны множество людей, все чиновники столицы и областей, присоединённых к его царству, а также представители всех народов. От единства поклоняющихся этому образу, маги считали, зависит исполнение замысла, поэтому царь постарался придать больше торжественности обстановке, он хотел, чтобы люди испытали ощущения, подобные его ощущениям, испытанным во том сне. Наверное, это ему удалось, само представительнейшее собрание уже навевало людям настрой в нужном направлении. Глашатай объявил всем, что когда зазвучит большой оркестр, в котором было до десятка разных видов инструментов, все должны пасть лицом перед фигурой из золота и поклониться. Это не был новый бог, у него не было имени, однако эта статуя и поклонение ей могло стать новым культом. Жрецы разных богов, наверное, не задавали Навуходоносору глупых вопросов, о том, как боги (или служители храмов) реагируют на его инициативу, видя его решительность и напор. Наверное, царь объяснил им, для чего он вводит это поклонение – чтобы увековечить свою страну в веках, и противников не нашлось. Да и как бы они нашлись, если тем, кто откажется поклониться, была приготовлена сильно разогретая печь для обжига глины или же плавильная для металла. Среди представителей покорённых и присоединённых народов были и иудеи, но при Иоакиме, исповедующем и поддерживающем язычество, проблемы с поклонением ещё одной фигуре не могло быть. Однако же Навуходоносор отлично понимал, что один человек точно будет против, и это был Даниил, и для него он сделал исключение, его не должно было быть на этом празднестве. Именно Даниил раскрыл ему суть его сна и он не мог поддерживать царскую затею, и чтобы не портить отношения, его не стали звать сюда. Однако же насчёт его троих друзей, имевших теперь должности при дворе, он то ли забыл, то ли специально не оговорил, как с Даниилом, и распорядители торжества без раз-

говоров потребовали присутствия Седраха, Мисаха и Авденага среди всех остальных чиновников и придворных. Про них никто не подумал, и они испортили всё мероприятие...

Зазвучал оркестр и ряды стоящих людей, огромная, наверное, толпа склонилась лицами к земле. Видимо поле было в самом деле огромное, что не все видели, что происходит на другом краю, может быть так бы и обошлось, однако же среди склонившихся нашлись такие, которые поглядывали за соседями, кто и как и насколько добросовестно выполняет царский приказ. Хотя скорее дело было не в бдительности, а в возможности донести на соперника или недоброжелателя, здесь многие плели свои интриги, и недавние новички, ещё даже не окончившие академии и уже оказавшиеся среди высших чиновников выскочки вызывали у некоторых жгучую неприязнь. И зная их стойкость в своей религии, кое-кто ожидал, что они не станут склоняться перед символом славы и силы Вавилона. Так что они расположились так, чтобы им было видно, что будут делать эти трое, либо склонившись, выворачивали шею, чтобы увидеть, что они будут делать. И они увидели то, что ожидали, и едва все поднялись, от них был послан гонец к царю. Царь услышал, что на этом поле нашлись трое иудеев, не склонившихся перед его изделием. Может быть он считал, что отсутствие единства в поклонении разрушает его план, лишает Вавилон вечной славы, а может быть просто разгневался, что в то время, как он склоняется перед символом Вавилона, кто-то в это время позволяет себе быть выше него, царя, да и как минимум на него глядело много тех, кто мог желать ему проблем и искал повода. Он понял, что зря забыл о друзьях Даниила, либо напротив кто-то его подставил, призвав их тоже, тогда как их не должно было быть здесь. Как бы ни было, ситуацию надо было корректировать, терять лицо не хотелось, и для начала царь нажал на них – "С умыслом ли вы не служите моим богам и не поклоняетесь золотой статуе, которую я поставил?" Он надеялся смутить их и запугать, поскольку множество людей было свидетелями дерзости этих молодых людей. Он вроде бы обвиняет их, что они не поклоняются вавилонским богам, хотя до сих пор никто обычно не заставлял никого менять религию, и евреев также не заставляли отказываться от Сущего (хотя многие давно были язычниками). Навуходоносор пошёл на то, чтобы переиграть ситуацию, он предложил им подумать, и ради них согласился повторить всю процедуру поклонения, только чтобы они поклонились вместе со всеми, хотя это уже было потерей лица – не будь эти трое друзьями Даниила, участниками того чуда с его сном, когда он сам признал Сущего сверхбогом, непослушные уже догорали бы в печи.

Однако же что могли ответить эти молодые иудеи, попавшие в сети интриг? Склониться там, где они уже остались стоять, не позволяла их принципиальность и верность Сущему. Они видели, что царь пытается защитить себя, но чтобы ему помочь, надо было покориться его капризу, но подводить своего Бога они не собирались. Правда, если Сущий защитит их и явит силу, то именно это поможет и Навуходоносору выйти из проблемы. Этот выход для него выглядит тоже не лучшим, поскольку его идея с символом вечности Вавилона потерпит полный крах, и его подданные всё равно ослушаются его приказа, но склониться перед сверхсилой для царя не зазорно, и это намного лучше, чем если бы он не смог наказать непослушных. Навуходоносор добавил в заключение, что если он бросит их в печь, то какой бог сможет защитить их от его руки? Это был вызов Сущему, с немалой силой которого царь недавно уже встречался.

Эти трое ответили, что им нет нужды отвечать на обвинения, подразумевая этим, что он прекрасно знает, какому Богу они поклоняются и почему игнорируют всех остальных. Относительно же печи они ответили так, что их Бог достаточно умеет и может, чтобы защитить их от неё или даже в ней. Но они не могли быть уверены, что Сущий вмешается, чтобы защитить их от гибели, о таких вещах нужно знать наверняка, но не будучи пророками и не получив уверений лично от Него, они не могли говорить точно. Однако они заявили о своей верности Ему, зная, что даже смерть сейчас несущественна, потому что у Него жизнь, и все, причастные к Нему и Его пути, когда-то будут жить снова в восстановленном мире, где для зла уже не будет никаких

возможностей. Они так и сказали, что даже если они погибнут, то всё равно богам Вавилона они не будут служить, и этой фигуре из золота поклоняться не станут.

Это был вызов, они не могли играть в этой ситуации, отступить было некуда, и выручать царя из интриг его придворных тоже никак не могли, слишком высока была цена неверности Суцему. Навуходоносор, видя, куда зашло дело, что его игру не поддержали (он понимал, что они не могут), разъярился. Насколько я понимаю его натуру, он легко мог впасть в ярость и гнев, хотя был развитым человеком, и мог себя контролировать, но в его положении мог себе позволить не оглядываться на мнение окружающих. Теперь речь шла о его личном положении, и он сделал и так слишком много для этих пленников. Может быть он и жалел их, но посчитал, что жертвовать собой не может, положение обязывало отреагировать соответственно тем правилам, что он заложил в эту ситуацию. В гневе он велел раскалить печь в несколько раз сильнее, и когда туда набросали побольше топлива, так что пламя стало вырываться с силой наружу, этих троих бросили внутрь. При этом вырывающееся из отверстия пламя было настолько сильным, что практически все, выполняющие приказ, пострадали, получив тяжёлые ожоги, так что большинство из этих стражей погибло на месте.

Крики некоторых из стражей угнетающе действовали на многих, получалось, что отправляющие на гибель этих молодых людей пострадали едва ли не раньше их самих. Их гибель отвлекла людей от происходящего в печи, но когда царь перевёл глаза на печь, то от удивления вскочил. В пламени внутри печи были видны двигающиеся фигуры, и это были не судороги умирающих и не игра высокой температуры с мышцами сгорающего тела, их движения были осознанными, к тому же можно было видеть, что фигур в печи четыре, а не три. Навуходоносор, не веря своим глазам, даже спросил у ближайших из присутствующих – "Ведь мы бросили в огонь только троих?" Люди подтвердили – "истинно так, царь". Четвёртый из находящихся в огне выделялся своим видом, так что всякий ощущал, что он принадлежит к сверхсущностям, из богов. Поскольку в огне находились иудеи, то ни о каких известных языческих богах никто не посмел заикнуться, там находился кто-то из ангелов Суцего, если не сам Сын Всевышнего, о котором после откровений, данных Соломону, люди имели некоторое представление⁷⁸.

То, что все, собравшиеся здесь, оказались неправы, понимали все, и Навуходоносор тоже это хорошо почувствовал. Всё, что он пытался сделать поперёк планов Бога, оказалось пустышкой и суетой, напрасной тратой гигантских ресурсов. Статуя из золота, уже было очевидно, не изменит реальности, открытой ему и Даниилу, и даже казнить непослушных у него не вышло. Суд, который он вынес этим молодым людям, выставил виноватым его самого, и он принял это. Против его планов выступил верхний мир, и было уже чудо, что сверхъестественный гость ограничил своё пребывание лишь печью, помогая бесстрашным юношам, а ведь мог и выйти и обратить внимание на безобразие, что творилось вокруг... Царь подошёл к печи и позвал: "Седрах, Мисах и Авденаго, слуги Бога Всевышнего! Выйдите и подойдите сюда!" Трое вышли из печи, и их буквально ощупывали и обнюхивали, и видели, что огонь не причинил никакого вреда ни им, ни даже их одеждам и волосам, как и запаха огня (от нефти или смолы, которые использовались в этих печах) от них не было. Навуходоносор ещё раз убедился в возможностях Суцего, Бога Даниила и этих троих, Бога Иудеи и Израиля, который претендовал на то, что Он Бог и всей Земли также, хотя об этом задумывались немногие. Царь понял, что не стоит пытаться делать по своему, если у Суцего уже есть планы на что-то, и он, впечатлённый моментом, восхитился тем, что сейчас произошло – явлением им им Бога и стойкостью Его последователей, на выручку которых Он пришёл. Он благословил Суцего и издал указ, чтобы против этого Бога никто не смел произносить недобрых слов, и если такое случится, то того человека должна постигнуть очень суровая участь и его дом будет разрушен. При этом царь не заставлял других принимать Суцего или отказываться от своих богов, он лишь защитил Его честь, чтобы никто не произносил на

78 Притчи Соломона, 8 глава, особенно стихи с 22 по 31.

Него хулы. После этого царь поставил этих молодых людей на ещё более высокие посты, чем они занимали до сих пор. В первый раз они получили посты по просьбе Даниила, но теперь царь сам убедился, что они действительно стоящие и надёжные, как скала, люди.

Духовные проблемы Навуходоносора. Суровая шлифовка

Навуходоносор в религии оказался в несколько неожиданном положении – его народ имел своих богов, как и всякий другой на Земле, но скоро жизнь свела его с настоящим Богом, не расщеплённым философствованиями мудрецов на персонифицированные качества, и он понимал, что Сущий имеет на него немалые планы. Он не жалел, что столкнулся с Ним, он не был связан обстоятельствами и никто не мог его упрекнуть за то, что он поставил Его высоко в Вавилоне. Он не заставлял исповедовать Сущего, не насаждал еврейской религии своему населению и придворным, в этом отношении он был может быть более демократичным, чем даже наши времена. Он открыто заявил о Его превосходстве над любым богом и любым пантеоном, и считал это достаточным, чтобы другие могли делать свой выбор или не делать его. Но кто во что верит и какие идеи носит в голове, немногого стоит, если эти идеи не управляют жизнью. Тогда их ценность не выше мусора, какими бы ценными они не были сами по себе – для их носителя они мусор, потому что руководят его жизнью какие-то иные принципы. Красивые и правильные идеи выполняют роль витрины или украшений жилища, однако же внутри оно может быть мрачным и опасным, несмотря на внешнюю красоту. Навуходоносор имел склонность к гордости, что естественно в его положении, однако же он вполне искренно ценил всё, связанное с Сущим, многое понимал из принципов Его правления. Везде и во всём он имел успех, и это уводило его от реальности бытия, от понимания вещей как они есть. Успех люди часто склонны приписывать себе, даже когда они обязаны другим за их помощь и поддержку. Если бы разум наш работал всегда трезво и чётко, мы бы отслеживали всё происходящее с нами и вокруг нас и отдавали отчёт и ценили бы всё так, как оно того заслуживает, но немногие достигают этого, наши эмоции почему-то имеют приоритет повыше мысли, и это прискорбно, они склоняют нас думать не то, что есть на самом деле, а часто сбивают стройность мысли и картина почти всегда искажена. Нет, эмоции тоже имеют свою немалую ценность, но они должны раскрывать сущность вещей, а не искажать общую картину. Для себялюбивого человека они не могут работать правильно, преувеличенное "я" склонно создавать эгоцентричную картину жизни, которая искажена по умолчанию и иначе быть не может. Чем меньше человек эгоистичен, чем лучше владеет собой и своими желаниями, тем меньше искажений вносит его "я" в работу его вычислительного устройства.

Царю Навуходоносору это тоже было свойственно, поскольку при его воспитании вряд ли ставили цель сделать его совершенным в этом плане, хотя он, конечно же, не рос во вседозволенности, но это была программа-минимум. Однако Сущий очень ценил этого человека, Он видел его возможности, и требования к нему у Него были значительные, тем более, что и сам царь ни в чём не отрекался от Него и не отказывался от раскрывающихся перспектив с этим Богом. Он достаточно заботился о людях, не зря в этом сне он был показан как дерево, от которого питались все люди, звери и птицы, в чьих ветвях было место покоя для всех, однако был всё же жёстким правителем, и меры против противников, особенно в гневе, употреблял не гуманные. Не всегда он был также и справедлив, и если он признавал Сущего как Царя царей, то сам не спешил Ему подражать, что создавало противоречие, со временем только нарастающее.

В перерывах между успешными походами Навуходоносор отстраивал и украшал Вавилон, который стал к концу его царства жемчужиной мира, чем он гордился. Но в небе несколько иначе смотрели на его успехи, они уводили его от главной работы любого человека – приведения себя в порядок и гармонию со Всевышним. Он не отказывался от этого, но и не спешил заниматься этим, как и многие, он считал, что раз он признаёт Сущего своим Богом, то он уже достаточно хорош одним этим фактом, однако это одно из тяжелейших заблуждений, в какое попада-

ют люди. Бог не хотел упускать царя Вавилона, поэтому, в конце концов, Ему пришлось применить к нему тяжёлые меры.

Однажды ему приснился сон, весьма необычный и очень впечатляющий. Утром царь созвал, как когда-то, всех, кто имел отношение к толкованию снов, но никто не смог чётко объяснить его значения. Вроде бы там всё говорилось открытым текстом, но вот о чём там речь, понять и объяснить не смогли. Видя их неспособность, Навуходоносор позвал Даниила, и рассказал свой сон ему. Сон Навуходоносора был следующим – высокое и красивое плодовое дерево, предоставляющее для всех убежище и пропитание, означавшее его царствование и империю, которая оказалась благоприятной для множества простых людей, в которой расцвели торговля и ремёсла из-за благоприятных условий обмена на огромной территории. Но вдруг с небес появилась фигура, кого Навуходоносор называет по своему, не по еврейской традиции Бодрствующим и Святым (сказывается также специфика арамейского языка, имеющего иные конструкции выражений). Этот Бодрствующий имеет власть, и Он приказывает срубить дерево, обрубить ветви и стрясти листья, однако же главный корень дерева должен оставаться нетронутым. Теперь этот корень должен быть в железных и медных оковах, он будет орошаем росой и питаться травой вместе с травоядными животными, и это будет длиться семь времён, то есть семь лет. Видимо здесь мудрецы Вавилона начали расходиться друг с другом в толковании, а может быть они и понимали смысл, но боялись сказать об этом царю, тем более что они не были знакомы с целями Святого, который издал это повеление. Также, у корня этого дерева будет забрано человеческое сердце, а вместо этого будет дано сердце зверя. И всё это направлено на то, чтобы на этом примере все люди прониклись и поняли, что над Землёй царствует Всевышний, и Он может ставить на царство тех, кого Он хочет, пусть даже это был униженный человек, которого люди могли бы считать недостойным занимать трон.

Царь видел, что смысл сна для его друга тайны не составляет, только вот почему он молчит и не спешит говорить? Молчание и задумчивость затянулись, если читать как описано, на целый час. Тогда царь, поняв, что дело касается его самого, и дело это довольно неприятное, ободрил Даниила, чтобы тот не стеснялся, за правду он не будет гневаться, какой бы горькой она ни была. Тогда Даниил заговорил, он долго подыскивал слова, чтобы объяснить царю его неправоту, а это было всё же опасно – как почти всегда бывает, после сорока-пятидесяти у людей меняется психика, они становятся менее терпеливы и выносливы из-за проблем со здоровьем. Но получив индульгенцию, теперь мог говорить. Начал он весьма деликатно – "Царь, твоим бы врагам этот сон, и твоим неприятелям его значение!" – то есть признал, что дело довольно плохо. Дерево, пышное и прекрасное, в тени которого живут люди, звери и птицы – это он, царь Вавилона, Навуходоносор, власть которого простирается до краёв земли. Значение же остального, что сказал Бодрствующий и Святой, таково – тебя отлучат от людей и будут держать в оковах, кормить будут травой, и длиться это будет семь лет, пока ты не поймёшь власть небес. Но в этом сне был утешительный и обнадеживающий момент, через семь лет всё вернётся на место. Сон означал, что с разумом царя что-то случится, что он потеряет человеческий вид, травой его будут кормить не принудительно, а потому, что он считает себя быком и ничего другого есть не может и не хочет.

Изложив сон, Даниил не был бы собой и слугой Сущего, не попытавшись дать совет, как можно избежать таких больших проблем для себя и страны. Если все проблемы вызваны его неосознанностью и нежеланием признавать власть Всевышнего, точнее, подчиниться Ему в чём-то важном (наверное, речь шла о том, чтобы убрать из обращения жестокость, оставив её для самых тяжёлых случаев, когда ничего иного не остаётся), что осталось у царя из прежней жизни, до знакомства с Сущим, остальное он явно признавал. Если бы царь устранил то, что разделяло его с Богом, где он шёл до сих пор своим собственным путём, то Богу не было бы нужды применять к нему сильнодействующие средства. Даниил говорил: "Искупи грехи твои правдой и беззакония милостью к бедным, вот то, чем может продлиться твоё благополучие". Не все жертвы На-

вуходоносора были достаточно виноваты, из-за вспыльчивого характера были казнённые, кто не заслуживал этого. Никто не мог призвать его к ответу из людей, но Бог не хотел, чтобы этот человек оставался таким, как он есть, он мог и должен был стать лучше.

Многие считают, что у государства и его служителей есть право на иную мораль, чем общепринятая, что правила, которые регулируют отношения между людьми, не применимы, когда речь идёт о безопасности общества, а тем более страны и государства. Понять их можно, в самом деле многие вещи, терпимые для отдельного человека, могут принести большие проблемы для большой массы людей. Но есть границы – государство не может проливать невинную кровь, не может осудить кого-либо без вины, чтобы не навлечь вину или кровь уже на себя. За преступления начальников расплачиваются не только они, но и страна... То, ради чего некоторые позволяют себе разрушить чью-то судьбу только за то, что кто-то оказался не в том месте, делаемое ради абстрактных интересов общества, не только ложится виной на сделавшего это, но и разрушает тонкую и нежную ткань жизни (она не бывает другой, дети не растут нормальными в жестокости или грубости) тех, кто был с ним связан. Государство – механизм для охраны и приумножения этой субстанции, а не для злоупотребления ею. В Библии уже описаны правила отношения к царям (и всем производным от власти), их повышенные права, однако у них и ответственность повышенная. Говорится о том, что идти наперекор воле царя, тем более пытаться разрушить его власть и авторитет – это наказуемые вещи. Но также есть и грань, за которой цари и правительства, переставшие выполнять свой долг, должны быть смещаемы, но беда, если за подобными решениями не стоят высшие силы, когда это делается без реальной команды свыше.

Однако, хотя сон впечатлил его, царь не спешил с осознанием своего положения, не вник в себя поглубже, не занялся изучением себя, самоанализом. Многие пренебрежительно отзываются о подобном действии, называя это "самокопанием", но это из-за плохого примера тех, кто тратит много времени на рефлексию, при этом ни в чём не изменяясь, вися в одном и том же привычном положении (то есть уже вовсе не самоанализ и тем более не совершенствование, а что-то слегка похожее на это, вредное и болезненное, почему и выглядит отталкивающе). "Самокопание" для них становится образом жизни, но не средством прогресса и совершенствования, поэтому не удивительно, что они отталкивают других от этого весьма нужного инструмента. Целый год был у Навуходносора после этого сна для наведения порядка в саду своей души, но время прошло, и когда некая комиссия, отслеживающая дела у подопечного, снова рассмотрела его состояние, было констатировано, что по хорошему не получилось. Поэтому были задействованы первоначальные меры, описанные пациенту во сне, которых у него был очень хороший шанс избежать.

Навуходносор сам описывает этот момент, когда сон начал буквально исполняться. Из своего дворца он рассматривал виды города, открывающиеся из его окна. Он много поработал на его украшением и развитием, он был его законной гордостью, и вот он сказал сам себе: "Это ли не величественный Вавилон, который я построил себе как царский дворец, моей собственной силой во славу моего могущества?" И сразу за своими словами он услышал голос – "Тебе говорят, царь Навуходносор – твоё царство отошло от тебя! Тебя отлучат от людей, твоё обитание будет со зверями, тебя будут кормить травой, и семь лет пройдёт над тобой, пока ты поймёшь, что Всевышний властвует над людьми..." Дальнейшее он описывал после перерыва, когда эти семь лет то ли безумия, то ли болезни окончились, а в этот момент он перестал помнить, кто он и что он, он стал ощущать себя животным, быком. Его тянуло к траве, он не мог говорить и общаться с людьми, может быть он и не узнавал никого, ему не требовалась одежда. В таком состоянии его могли изгнать из дворца и из города, но по меньшей мере Даниил взял заботу о царе в свои руки, зная, что это состояние временное. Через семь лет этот воображавший себя животным человек вдруг поднял голову к небу, и в один миг вся память вернулась к нему. Он с удивле-

нием рассматривал свои ногти, которыми теперь мог бы разделять рыбу или использовать как инструмент, стало неловко без одежды, но на него уже обратили внимание те, кто охраняли его покой, ожидая пробуждения его разума. Немедленно ему принесли всё необходимое и известили дворец, и как он говорит, "его разыскали его придворные и советники". Он вернулся на свой трон, который оставался незанятым всё это время, верные люди позаботились обо всём.

Этот временный отпуск и отдых на природе, где он забыл обо всём на свете в буквальном смысле этого слова, пошли ему на пользу. По крайней мере для, как говорят, души. Он очень сильно изменился, то есть одна важная черта в нём стала такой, какой надо, может быть в других вещах, где он был хорош и раньше, не было нужды изменять что-либо. Но гордости больше не было. Он описал этот свой опыт для всех, открыто и честно, дав сильный урок всей своей стране, это стало известно всем. Это был тот чрезвычайно важный момент, который позже был отражён в следующем видении Даниила, когда лев был поставлен на задние ноги, как человек, и из него убрано сердце зверя и дано сердце человеческое. Во главе царства номер один на Земле, Вавилонской империи, оказался дваждырождённый человек, последователь Сущего. То, что было редкостью для Израиля и Иудеи, вдруг стало реальностью в Вавилоне. Гордыни (не гордости) в нём больше не было. Он со всей сознательностью и пониманием дела пишет в назидание всем – "Сегодня я, Навуходоносор, славлю, превозношу и величаю Царя небес, Которого все дела истинны и пути праведны, и Который силен смирить гордых".

Однако, как мне кажется, трава не самая лучшая еда для человеческого желудка, хотя если есть желание и реальное тяготение к ней, то проблем не должно быть, в таком случае она будет усваиваться нормально и человек получит из неё всё, что ему нужно. Но всё же после этого Навуходоносор не жил долго, проблемой было то, что ко времени перерыва в пребывании на троне, он был уже не молод. Вскоре его не стало, и в Вавилоне разразилась чехарда с претендентами на верховное место, а страна начала катиться в упадок. Однако же разумных людей там было немало, и большинство понимало, что в междуусобице можно легко потерять всю накопленную Навуходоносором мощь. Поэтому когда талантливый военачальник Навуходоносора Набонид решился занять царский дворец, ему не чинили больших козней (либо он их успешно преодолел). Особенно помогло то, что он женился на вдове Навуходоносора Нитокрис и усыновил их сына Валтасара, старые скрепы укрепили его положение среди знати. Именно поэтому Нитокрис называет Навуходоносора отцом Валтасара, тогда как многие считают Навуходоносора его дедом, но в таком случае и Набонид должен был быть сыном Навуходоносора.

Валтасар. Конец Вавилона

Против Вавилона воевали мидяне с персами, многие тогда были недовольны Вавилоном. Набонид отсутствовал, война требовала его присутствия в другом месте, и город был оставлен на Валтасара, впрочем Вавилон был хорошо укреплен, и оборонять его было нетрудно. Валтасар в этих условиях не нашёл ничего лучше, чем устроить празднества для придворных, истребляя запасы вина и пищи, в то время как персы стояли вокруг города. Это было как-то совсем уж легкомысленно, но видимо второй правитель страны считал, что ничего с ним и с городом случиться не может вообще. Набониду лучше бы было обойтись без этого соправителя, которого он посадил себе на шею ради того, чтобы изобразить преемственность и снизить количество желающих перехватить трон, думаю он хорошо понимал его никчемность как человека, а в правители он вообще не годился, изнеженный и безответственный, лишённый разума своего отца. Сейчас Валтасар решил устроить пир, и тысяча человек пировали у него во дворце. Сыну Навуходоносора почему-то, явно по недостатку разума, очень не нравилось приверженность отца Богу евреев, так многие воспринимали и воспринимают Сущего, хотя многим понятно, что Он и есть та фигура, что стоит за пантеонами языческих богов, так как именно Он является источником и прообразом для всех их, не зря Его называют Единый даже язычники.

Он демонстративно возвращал Вавилону господство прежних языческих богов, славя их по всякому поводу, стараясь, чтобы имя Сущего было забыто. Но здравиц в честь разных богов, золотых и серебряных, деревянных и каменных, ему показалось мало. В разгар пира, когда вино отключило голову, он потребовал, чтобы к ним принесли священные сосуды из иерусалимского храма Сущего, чтобы унижить этого Бога, употребляя вино из них, не предназначенных для бытового употребления вне храма, да ещё во славу тех богов, которых и в природе-то не существовало. Это была намеренная дерзость и оскорбление. Ещё за сто лет до этого Исаия предсказывал, что для Вавилона придёт время, когда его светильник погаснет, и даже был описан способ, как город будет захвачен. И в это время, когда Валтасар пил из этих чаш вино, мидяне и персы уже отвели русло Ефрата в выкопанный канал, и собирались сжечь деревянные решётки, загораживающие проход по руслу в город. Солдаты же, которые должны были охранять речное русло, беспечно занимались чем-то другим, но не службой. Похоже, не только во дворце царя пировали и пили.

Валтасар упивался своим торжеством, победой над Суцим, Его унижением, и Суций не оставил этот вызов без внимания. Люди обычно не понимают, Кому и чему они бросают вызов, и Бог дал понять, против чего он выступил, чтобы последующие поколения имели это ввиду. К счастью для многих, как правило Он показывает Своё принципиальное отношение к тому, что делают люди, лишь один раз (оставляя остальные "награды" на Суд в конце времён), так что из этого люди знают, как Он относится к тому или иному, Он может в последующие разы никак Себя не проявлять, и люди думают, что и в первый раз не было ничего и что всё то просто сказки и легенды. Но увы, Он лишь показывает, какой конец будет у тех или иных дел, какое возмездие. Когда наконец то время настанет, оно будет "сейчас". Это глядя в будущее, кажется, что оно придёт не скоро, но дело обстоит так, что всё это сегодня стало намного ближе – и Язвы, и Конец Света, и Второе Пришествие. Многие станут яснее при рассмотрении пророчеств, особенно Откровения.

Разгорячённый Валтасар вдруг заметил кисть руки, которая стала что-то писать на стене неподалёку от него. Он знал, против Кого выступил, и когда проявилось присутствие невидимого прежде наблюдателя и вестника, он почувствовал себя совсем по другому. Он презирал отца, признавшего власть и авторитет Сущего, а теперь сам ощутил немного той реальности, которую отвергал. Его колени стали биться одно о другое, а сам он смотрел и пытался понять, что такое написано на стене. Написанное видели и другие люди, но, похоже, это было написано незнакомыми буквами, поэтому никто не мог ни прочитать, ни понять написанного. Царь потребовал, чтобы сюда пришли мудрецы, многие, возможно, были уже здесь, и когда они собрались, всё равно и они были бессильны понять написанное. Испуганы были все, здесь было много женщин, жён и наложниц царя, и это только усиливало панику и неразбериху. На шум явилась и мать Валтасар, Нитокрис. Она явно была на той же стороне, что и муж в своё время, это видно по её словам, характеризующим его прежнего советника, который во дни Валтасара был, скорее всего, не у дел. Она напомнила о нём, что в нём живёт Дух святого Бога, и для него нет загадок в этом мире, он в прежние дни был начальником вавилонских магов и мудрецов. По её совету Даниил был призван, и он явился сюда, чтобы дать знать царю, что хотел сказать ему Живой Бог. Валтасар уже объявлял, что тому, кто сможет прочитать и объяснить написанное на стене бескровной кистью руки, будет дарована золотая цепь, высокая честь и он станет третьим, после него и Набонида, соправителем страны. Это же он предложил и Даниилу. Когда Даниил появился перед ним, Валтасар уже немного пришёл в себя, хотя это скорее он мобилизовался, не желая, чтобы последователь Сущего, с которым он считал себя в контрах, не увидел его испуганным и смятым. Но Даниил не оценил его дары, посоветовав отдать их кому-нибудь другому, однако тайну надписи для него раскроет. Он её уже прочитал и ему было ясно её значение, скорее всего она была написана еврейским письмом, и хотя слова были арамейскими, незнакомые буквы не чита-

лись. Но даже если буквы были знакомого алфавита, и слова тоже из обыденного употребления, смысл их ускользал от понимания.

В его объяснении всё кажется простым, однако судя по всему, значение этих слов было не просто соединить в тот смысл, который в них вкладывал пишущий, там был намёк на нечто другое. Дело в том, что слова, использованные в надписи, означали не одну вещь, и в короткой фразе было неясно, какое из них имелось в виду. "Мене" могло означать счёт, но также означало "мину", весовую единицу, весом примерно в фунт, которой пользовались все вокруг с древнейших времён. Даниил указывает, что в этом случае слово указывает на счёт, дважды повторенное слово означало окончание времени, отведённого этому государству. Мина была и денежной единицей, хотя монет таких не делали, в минах подсчитывали стоимость. "Текел" буквально означает "шекель", денежную единицу, по ценности намного меньшую, как и по весу. Если мина весит 400-500г, то шекель всего где-то десять граммов. Там, где взвешивали и "считали" Валтасара, он оказался лёгким, невесомым, недостойным, в нём не было основательности, им двигал лишь каприз, но не серьёзное изучение вопросов. Во фразе из четырёх слов как будто не говорится такого, но Даниил безошибочно ощущает атмосферу последних дней Вавилона и его элиты, и не видит иного смысла в написанном. "Перес" или "парс" в этом "комплекте весов" означало "половину мины". Однако же слово звучит ещё и как "перс", народ, соперничающий с Вавилоном, которые прямо сейчас сейчас отводит воду реки и открывает себе путь в город. Даниил видит в этом смысл того, что страна будет "разделена" между мидянами и персами. Буквально фраза звучала так – "мина, мина, шекель, полмины", второй же смысл Даниил указывает как "считать", точнее "считали, считали – оказался лёгким, располовинен". В общем итоге "верхний" смысл написанного складывается у него в "сосчитано и решено, взвешен и оказался недостойным, разделено мидянам и персам".

Вряд ли Валтасара обрадовал смысл того, что его так сильно испугало вначале, теперь он видел свою судьбу решённой, хотя мог надеяться, что его возьмут в плен и его жизнь не прекратится. Но для такого исхода ему бы стоило хотя бы сейчас задуматься о смыслах, переоценить бездумное сопротивление Сущему, признать его власть и возможности. Но он ничего подобного не делал, может быть уже и не мог, дойдя в своём сопротивлении до черты, когда то, от чего он закрывался и чей голос глушил, уже не пробивается в его сознание. Но если бы занялся этим, то вполне могло быть, что победитель оставил бы ему жизнь, как было с другими, подобными ему.

Обещания царя должны были выполняться, так что хотя Даниил и высказывал нежелание получать знаки почтения, ему на шею была повешена золотая цепь и он был провозглашён следующим после Валтасара властелином. Когда эти церемонии закончились, Даниил поспешил домой, потому что не стоило в это время быть на улице. Было поздно, середина ночи, пожилому человеку стоило отдыхать, а его разбудили ради проблемы в царском дворце, а потом вот-вот на улицах должны были появиться персы и мидяне с союзниками. В эту же ночь Валтасар был убит, и Вавилон прекратил быть столицей большой страны, теперь он сам стал частью империи Кира Персидского.

Служба у Дария. Интриги и ночь со львами

Вавилон от захвата города врагами вроде как не пострадал, мидяне и персы объявили его своим владением, и территории, которыми владел Вавилон, перешли под руку новых властителей. Территория персидской империи с присоединёнными сейчас землями была куда больше прежней. Над прежней Вавилонией правителем стал Дарий Мидянин, один из начальников у Кира, который победоносно и не зная поражений шествовал по землям. Не то, чтобы ему было совсем легко, но всё же его войны и политические ходы оказывались благоприятны для него. По логике вещей первый год Дария является и первым годом Кира (для Вавилона, для остальной Персии Кир был царём уже двадцать четыре года).

Будучи довольно пожилым человеком, да и новичком в управлении такого уровня, Дарий решил организовать работу управления так, чтобы ему докладывали время от времени о принципиальных вещах, требующих его внимания, но всю рутину несли на себе другие. Кажется, подобным образом устроена система управления государством сегодня, да и уже давно люди пришли к этому, но в те времена это было явно новшеством – до этих времён (а в малых образованиях даже и до сих пор так) масштабы управления ещё не были обширны, цари часто вникали во множество подробностей в своих странах, хотя помощников требовалось всё больше и больше по мере умножения населения. Расширение границ и земель также требовало иной раз на порядок более сложное управление, так что Дарий, если и выделился здесь, то скорее как новатор и рационализатор, его опыт, кажется, был подхвачен и широко использован. Лень – двигатель прогресса, а слабеющий Дарий внёс в копилку человечества очередной прогрессивный метод. Правда, умножение бюрократии и чиновничества в условиях, когда в людях имеется склонность к нарушению правил и законов, имеет свои слабые стороны, когда зло и проблемы общества могут усиливаться, вместо того, чтобы быть нейтрализованными совместными усилиями.

Однако же, если бы имелось больше верных и надёжных людей, развитых и сильных, очень много зла не смогло бы реализоваться. У Дария, много времени проведшего рядом с Кирием, было понятие, что верные люди нужны всегда и везде, что это ценнейший ресурс, не заменимый ничем. Поэтому Даниил не мог быть проигнорирован, когда новые хозяева в Вавилоне организовывали порядок и управление. У него был огромный опыт во многих направлениях, от советника царя до начальника академии, начальник над магами и мудрецами – это тоже он. По возрасту он был даже старше Дария, и это тоже сближало их. Наверное, не один он из вавилонской знати был приглашён на службу новой власти, и он принял приглашение, как и другие, не имея особых резонов отказываться. Кир, как и многие до него, старался войти в новые земли максимально безболезненно и бесконфликтно для местных – он совершил все нужные жертвы по вавилонским обрядам их религии, и считался "своим", законным правителем, а не захватчиком, и ничего не менял в обычаях и местных порядках, оставляя многих на своих местах.

Если Навуходоносор был на службе у Суцего, то Кир не в меньшей мере также был избранником у Него. О Кире были предсказания у Исаии за сотню лет до этих событий, и когда Киру сообщили о предсказаниях о нём в еврейских Писаниях, это был для него немалый сюрприз, расположивший его к Суцему также, как и Навуходоносора в своё время. Навуходоносора уже не было, его преемники сделали очень много для того, чтобы разбазарить и потерять всё, сделанное им, Даниил при Валтасаре был в некоторой степени отодвинут от дел, так что он ничего не мог сделать для страны, чтобы сохранить её. Новая власть взяла на себя заботу о людях и землях если и чуть хуже, чем это было при Навуходоносоре, то не намного, так что Даниилу не в чем было себя упрекнуть. Наоборот, он предупредил последнего правителя Вавилона о грядущей беде, и будь тот чуть трезвее, Вавилон бы не был захвачен.

Однако на каждое место подбирать людей честных и верных до конца сложно. В этой жизни, как-то так складывается, что люди понижают свою ценность эгоистичной направленностью интересов, само желание преуспеть любой ценой, правдой или кривдой, обеспечивает преступность пути любого такого человека. Не всегда это происходит из-за плохого воспитания, хотя оно больше всего вкладывает в поставку обществу людей недобрых склонностей. Эгоизм может преодолеть самое лучшее воспитание, если человек вдруг решит, что всё, что он получил в детстве и молодости, не обладает высокой ценностью лично для него. Поэтому в какой-то момент истории некоторые люди решили, что можно попробовать обойтись и без верных и надёжных людей, устроив систему сдержек и противовесов, какого-то контроля за чиновниками, когда люди сдерживают зло друг друга. Их можно понять, как бы не требовало время и состояние дел высококачественные составляющие, но где их взять, если сами строители государства или обще-

ства так снисходительны к своим маленьким слабостям. Кто-то просто сдался и перестал ставить себе высокую цель... Мне кажется, что эта идея исходит из кругов, считающих добро и зло равноправными и неизбежными.

Дарий набрал нужное количество управляющих на эти посты из имеющегося контингента, но поставил над ними людей, как он надеялся, более высокого класса, которые бы концентрировали и отфильтровывали поток докладов снизу, исправляя недочёты сами, не обременяя его. Одной из таких высших фигур был Даниил. Дело пошло, механизм работал, однако же обыденность вошла в конфликт с упорядоченностью одной из фигур наверху. Сатрапы, как они назывались в Персии, начальники над областями, имели интерес работать не за одну зарплату, и пытались создать систему, которая бы покрывала их махинации. В данный момент, видя, что царь то ли новичок в таких делах, то ли не желает вникать в дела, они увидели в этом отличную возможность организовать выгодное для себя дело. Если с двумя из верховных начальников им удалось найти взаимопонимание, то Даниил отказывался входить в их положение. Усугубило положение то, что Дарий, видя превосходство Даниила во всех отношениях и его исключительную честность, стал думать поставить Даниила над всей этой системой управления, едва ли не ставя его рядом с собой. На такой высоте он будет недостижим, а их гешефт станет невозможным, а на их головы могут обрушиться репрессии. Из-за него вся система сокрытий и приписок грозила обвалиться, поэтому активные фигуры создающейся мафии решили избавиться от слишком принципиального звена. Поначалу они пытались скомпроментировать его, обвинив в халатности или ошибках, но когда стали искать зацепки, попросту не нашли ничего, этот человек был достаточно опытен и знающ, чтобы допускать погрешности. После разных раздумий нашёлся кто-то знающий, указавший на слабое место и у Данила. Он был религиозен, и по обычаям тех времён его религия имела видимые элементы – он по три раза в день совершал молитвы в направлении на Восток, в сторону Иерусалима и Храма, пусть и разрушенного, но место оставалось священным. Окно его было в это время открыто, и наверное, голос его тоже был слышен соседями. Они сказали между собой, что Даниила не взять ни на чём, если не только не придраться к самой его религии. Комбинация, которую они решили разыграть против него, была сложной, точнее трудноосуществимой, но всё же им удалось почти всё, то есть вообще всё, только конечный результат оказался неожиданный.

Они подошли к Дарию с лестью, и хотя просьба их выглядела довольно необычной, их предложение было принято. С одной стороны это было даже несколько кощунственно, они предложили, чтобы провести месячник, когда царь замещает всех богов. То есть поклоняться любому богу вроде как не запрещалось, но просить о чём угодно следовало только лишь царя. Момент был скользкий, царь мог не клюнуть на эту приманку, но всё же эта инициатива почему-то польстила Дарию, и он согласился издать такой закон, не предполагая о цели пришедших к нему льстецов.

Даниил, когда узнал о новом указе, понял, что его противники всё же придумали, как навредить ему. Теперь он под ударом, и как быть – уступить ли на время, пока не окончится действие закона, перестать делать свои молитвы громкими, или продолжать делать так, как делал до сих пор? Если сделать своё общение с Сущим тайным, остановит ли это его врагов? Они всё равно найдут способ узнать о его молитвах, и он лишь упадёт в глазах всех знающих его, будет скомпрометирован. Даже если он сохранит в секрете своё поклонение, то его ждёт другая беда – враги узнают, что он вовсе не такой принципиальный, как выглядит, и тогда нападки продолжаться, и сама его уступчивость станет поводом для его дискредитации. Если он испугается, то они найдут способ, как оставить о нём неприятный осадок у царя. Так что Даниил не пытался отвести от себя беду уступками, тем более что терять контакт с Богом было худшим из всего, грозящего ему. Так что он продолжил делать то, что всегда делал.

Вскоре к Дарию подошли и тонко так уточнили – "Не ты ли подписал указ, чтобы всякого, кто будет в течении месяца просить какого-нибудь бога или человека, кроме тебя одного, бросать в яму ко львам?" Ощутил ли Дарий подвох в этот момент, не знаю, но в самом тоне было что-то ядовитое. Царь подтвердил, что по обычаю мидян и персов принятый закон не может быть изменён или отменён. Тогда эти люди донесли ему, что пленный иудей Даниил на принятый закон не обращает никакого внимания, как и на самого царя. Они подбирали слова побольнее, однако же в этом они не преуспели, Дарий вместо того, чтобы разгневаться на нарушителя, только расстроился, поняв, что его использовали в дворцовых интригах, а он как неопытный юнец, повёлся на эти козни. Ведь мог же сразу уловить, откуда дует ветер! Его друг и опора в этой мутной воде вавилонских интриг оказался в опасности по его вине, и Дарий начал тянуть время и искать, как бы можно было повернуть дело так, чтобы спасти Даниила. Наверняка он хотел вернуть дело на то, что речь шла лишь о просьбах, а хвала богам не попадала под действие его закона, но у него не получилось. Даниил всегда молился о Иерусалиме, о восстановлении его и храма, о прощении его народа, и переквалифицировать дело не получалось, на его стороне не оказалось хорошего юриста... А среди этих интриганов как раз были знатоки и умельцы крючкотворения. Дарий пытался с помощью рассмотрения деталей дела и юридических процедур протянуть время до захода солнца, чтобы с помощью процедуры "просроченного суда" вывести Даниила из под удара – это обычай не только у евреев, но и у многих в те времена, что если за проступок не последовало наказания сразу, то потом уже нельзя это делать. Не смог сразу наказать схваченного за руку – потом уже не можешь. Не скажу, что такой обычай точно был, но что можно было попытаться пойти по этому пути – несомненно. Послепотопные цивилизации поначалу складывались в пределах одной семьи, и во многом имели сходные черты. В законах Израиля был пункт, что если хозяин дома поймает вора, ночью делающего подкоп под его дом или сарай, и убьёт его при этом, то на нём нет вины убийства, но если это случится на рассвете или при свете солнца, то он виноват – при свете можно опознать преступника, и известное лицо уже можно объявлять в розыск. Также были моменты в законах, когда сразу по свежему событию можно было принимать меры, а после нескольких дней уже нет⁷⁹. В общем, возможности какие-то были, но Дарию не дали этим воспользоваться, желающие гибели Даниила собрались и объявили царю, что если царь это сделает, то нарушится обычай мидян и персов о невозможности менять или отменять законы. Довод был железный, и Дарию пришлось поступить так, как он был должен поступить на своём царском месте. Даниила привели и спустили в подвальное помещение, где жили львы, и царь, страдая от невозможности в этой ситуации действовать, и сочувствуя другу, сказал ему, уже имея какую-то слабую надежду на его Бога, что Суций защитит его от львов. Он был наслышан о прежних приключениях Даниила и его друзей, поэтому имел возможность ухватиться за такую надежду, пусть даже и кажущуюся слабой.

Дарий был сильно расстроен, даже очень сильно. Он потерял аппетит, и ночь провёл без сна. Ему было очень плохо и от того, что не смог защитить, наверное, единственного настоящего человека в этом гадюшнике, в который превратился Вавилон после Навуходоносора, честного и неподкупного, да и просто интереснейшего и умнейшего собеседника, к тому же уже и друга. А то, как его обвели вокруг пальца примитивной лестью, тоже даже само по себе было мощным поводом к потере настроения, так что можно себе представить, как он себя чувствовал этой ночью. Но как ни тянулось время в напрасных томлениях и порывах отомстить, как ни тянулось ожидание, утро пришло, и царь, едва начало светать, пришёл к львиному подвалу. Он подошёл к краю и слабым голосом стал звать Даниила – "Даниил, слуга Бога живого, смог ли твой Бог спасти тебя от львов?" Как же он был обрадован, услышав бодрый ответ снизу – "Вовсе живи, царь! Мой Бог послал ангела, и львам была поставлена преграда, и они не повредили мне". Он добавил, что это потому, что он был чист перед Ним, как и перед царём. Здесь, навер-

79 Отец или муж женщины мог объявить недействительным её обет Богу.

ное, мог быть упрёк и царю, но если он и был, то был справедливым, и никакого раздражения у Дария не вызвал. Царь приказал поднять своего верного человека, и на нём не было повреждений. Львы, если не настроены агрессивно, похожи на кошек, кем и являются, то есть в худшем случае просто игнорировали ещё одного обитателя их стаи, в лучшем же пришли к нему, чтобы их погладили и поласкали. Даниил, скорее всего, с ними никогда не имел дела, поэтому воспринимал их настороженно, но даже если и ощущал поначалу скованность среди них, это не настроило их враждебно к нему. Возможно, что за время, пока Дарий пытался избавить Даниила вчера, он постарался накормить животных посильнее, но будь хоть кто-то из львов не в настроении, чужаку бы пришлось очень плохо. Его бы могли не съесть, но могли забавляться и замучить своими играми, так что Дарий не мог быть уверенным, что его предосторожности сработают.

Царь радовался настолько же сильно, как до этого был угнетён. Теперь он мог рассчитаться с теми, кто обманул его и подвёл его друга под проблемы. Этого требовали даже и обычаи, не просто желание посчитаться с нехорошими людьми – если суд, по которому они обвинили Даниила, окончился выживанием приговорённого, то это означало, что высшая справедливость обвинила обвинителей, и теперь они должны были подвергнуться тому, что хотели сделать Даниилу. Были приведены все те, кто требовали смерти Даниила, а они засветились перед Дарием все, зная, что чем больше людей будет давить, тем успешнее натиск. Так что их собрали и привели к львиной яме и поскидывали туда, откуда живым вышел Даниил. Видели ли они его здесь? – по идее Даниил должен был быть показан им, чтобы у них не было повода обвинить царя в произволе, у персов и мидян на законах и процедурах был пунктик, так что формальности не могли быть не соблюдены. Так что бывшие обвинители и бывший обвинённый увидели друг друга, и представляю состояние этих чиновников. Записавший эту историю отметил, что эти люди не успевали достигнуть дна помещения со львами, львы перехватывали их, к этому времени они уже то ли проголодались, то ли разыгрались, но кости жертв были переломаны ещё не достигнув пола.

Теперь уже в Мидийско-Персидской империи появился указ Дария, предписывавший почитать Суцего, Бога Даниила, с описанием причины, почему это нужно делать. Снова людям не указывалось, что им надо сменить религию, а только лишь уважать этого Бога. Так без Израиля, всего лишь через единичных его представителей, темы о живом Боге достигали людей и давали им шанс хоть немного узнать о Нём. Цели и планы по просвещению мира всё же выполнялись. Хотя этого было чрезвычайно мало.

Второе пророчество о будущем мироустройстве. Седмая глава книги Даниила

Первое видение о судьбе стран и народов увидел Навуходоносор, Даниил также увидел его, чтобы помочь царю вспомнить его. Следующее откровение на эту тему Даниил получил при Валтасаре, соправителе Набонида, последних царях Вавилона. Это также был сон, но более подробный, чем прежний. Он видел море в сильную бурю и волны, и из этих стихий появлялись звери, вид которых имел значение, обозначая признаки существующих и будущих государств.

Первым из волн вышел крылатый лев, однако через некоторое время эти крылья у него были вырваны, также у него забрали сердце зверя и взамен он получил человеческое. При этом он был поднят на задние лапы и стоял уже как человек. Значение этого символа читается легко – крылатый лев часто использовался в Ассирии, и для Вавилона, претендовавшего на главенство в ней, естественен. Ассирия в это время входила в состав Нововавилонской империи. Значение этого образа без сомнений – Вавилон. Крылатый лев соответствует золотой голове из сна Навуходоносора, так что можно ожидать, что и остальные символы второго сна будут точно соответствовать символам первого. То, что лев стал похож на человека, означает гуманизацию Навуходоносора, его перемену после того, как он поближе понял того Бога, с которым часто имел дело.

Второй зверь, вышедший из моря был похож на медведя, от него ожидалось, что он будет есть много мяса. Во рту у него было три клыка, по другим данным три ребра. Медведь стоял не прямо, но сместив центр тяжести на одну из лап. Поскольку Вавилон и его земли были захвачены персами и мидянами, то невозможно отнести этого зверя куда-либо ещё, кроме Мидо-Персии. Смещённость позы медведя указывает на не совсем равные отношения в этом царстве, само название этих народов, персы и мидяне, есть смысл этого символа. Три клыка, как следует из дополнительных пояснений от небесных личностей в видении, означают трёх царей в этом государстве, выделившихся по какому-то признаку. Нетрудно допустить, что поскольку само видение показывает Сушйй, то и фигуры в нём имеют отношение к Его планам, а также к судьбам Его народа. За ними легко увидеть Кира, Дария и Артаксеркса – трёх царей, принимавших решения по судьбе евреев и Иерусалима, его восстановлению. Медведь второго видения соответствует серебру в первом.

Третий зверь – барс, имевший четыре птичьих крыла, также и голов у него было четыре. В отличии от предыдущих, про этого сказано, что "ему была дана власть". Греки, медное царство из сна Навуходоносора, были очень быстры в своих завоеваниях. Александр Македонский прошёл полмира за несколько лет, не зная поражений. Также его экспансия распространила культурное влияние греческого мира на даже более обширные территории, чем было завоёвано силой оружия. Римляне пользовались культурой Греции, хотя греки их не захватывали, но римляне победили греков. После Александра Великого греческие завоевания распались на четыре обширных территории, обозначенных четырьмя головами барса.

Четвёртый из зверей не описан, как он выглядит, кроме только что это монстр с железными зубами и медными когтями. Как и железные ноги статуи первого сна, этот зверь "пожирает и разрушает, остатки же попирает ногами". Кроме того, у него было ещё десять рогов. Пока Даниил смотрел на этого зверя, он заметил, что три рога вдруг выпали, и на их месте вышел новый рог, который сначала был небольшим, но затем разросся и стал больше других. Кроме этого, на нём появились рот и глаза, и рот этого рога говорил "высокомерно".

Затем картина сильно изменилась, он увидел поставленные троны, на один из которых сел Ветхий днями, перед которым текла огненная река, Кому служили миллионы и перед Кем стояли миллиарды. Рядом с Ним заняли места судьи, перед которыми лежали книги. Книги были раскрыты и начался процесс, по итогам которого к этим зверям были применены меры, и четвёртый зверь был уничтожен за свои преступления. После этого эпизода появляется фигура Человека, или, по оригиналу, "Сына человеческого", который был подведён прямо к Ветхому днями и был наделён Им огромной властью и авторитетом. Его власть простирается на все времена и Его царство и правление никогда не окончатся. В четвёртом звере нетрудно видеть Рим. Его рога означают постримские времена, когда на обломках Римской империи в Европе формировались племена, позже ставшие государствами Европы. В Европе, конечно, значительно больше стран, чем десять, как и племён на территории Европы, но речь идёт именно о "железных" германских и родственных им, задавших костяк ведущих стран Европы. В ней было немало других племён, которые не создали сравнимых с Германией или Испанией и Францией союзов, что отражено, на мой взгляд, "глиной" в первом видении Навуходоносора.

Может быть кому-то обидно сравнение остальных народов с глиной, но не думаю, что это говорит о какой-то ущербности кого-либо. Характеры людей и народов должны быть разные, и считать, что фундамент здания ущербнее потолка или стен довольно неразумно. В условиях, где не было бы зла, все характеры и особенности отдельных людей и народов гармонично дополняли бы друг друга, усиливая друг друга, но в условиях зла, где одни не доверяют другим и "тянут на себя", кто-то окажется в выигрышном положении. То, что эти выигравшие не помогали тем, кто в силу своей природы не приспособлен выживать за счёт других или подавлять других, было пре-

ступлением, их победа над кем-то не означает, что они лучше других, напротив, они будут отвечать на Суде за злоупотребление положением.

Одиннадцатый рог, убравший со своего пути троих, означает католическую церковь, папскую власть на всей Европой. Это не волевое назначение крайнего на эту роль, история этой системы, её роль в жизни планеты, её величина просто требует, чтобы в пророчествах эта организация была как-то отмечена. На неё указывает и "рот, говоривший высокомерно и гордо" – одно лишь "господь бог папа" является более чем достаточным основанием считать, что именно сюда указывает данный символ. Кроме того, позже указано, что этот рог воевал против настоящей церкви, против "святых Всевышнего", и делал это очень успешно. Однако он имел успех лишь до тех пор, пока не начался этот Суд с председательством Всевышнего. Кстати, суд, начавшийся здесь, заседал не по поводу зверей или Рима, это было побочным результатом его деятельности, но Даниил однозначно указывает, что "Суд был дан святым Всевышнего", то есть разбирались дела тех, кто служил и принадлежал Богу, всех христиан и последователей Сущего во все времена, от начала Земли до её конца. Многие считают, что "верующие на Суд не приходят", основываясь на сказанном в Библии (и на этом суде присутствуют лишь жители неба, но не земляне, кроме нескольких, переселённых подобно Еноху, Моисею и Илие), однако это не всё, что в Библии говорится на эту тему – "Суд на Домом Бога" также обозначен в Библии⁸⁰, и верующие действительно на него не приходят, и это потому, что он происходит (или будет происходить) на небесах, пока здесь на Земле люди всё ещё живут так, как жили все предыдущие времена. Также будет ещё один, совсем другой суд в конце времён, уже над спасёнными людьми, выбравших другую участь, и на тот суд те, кто спасён, так же не будут вызваны, и если и будут там присутствовать, то не как подсудимые, но как свидетели, на стороне Победителя, чтобы увидеть конец тех, кто предпочёл жить по своему сейчас, отказываясь от будущего.

Таково было видение, но на этом оно ещё не закончилось. Даниил говорит, что это видение сильно озадачило его, и он захотел объяснений, за которыми обратился к одному из служителей, обслуживавших судей и Ветхого днями, и тот добавил немало важных подробностей, которых сам Даниил не мог видеть глазами. Этот служитель раскрыл ему свойства тех персонажей, что это четыре "царя" (хотя под ними читаются государства – люди не живут столь долго, в них сменились многие поколения правителей), и что после них наступит царствование "святых", то есть тех, кого Бог выращивал на нашей Земле, праведных людей, вышедших из под власти зла. Это пояснение повторяло практически слово в слово значение сна Навуходоносора. Однако Даниил не удовлетворился таким пояснением, если это видение было более подробным, в других символах, то здесь и значений и смыслов должно быть больше.

Даниил говорит, что захотел получить информацию по четвёртому зверю, по его рогам и по дополнительному агрессивному рогу. Он заметил, хотя не упомянул это при первом описании малого рога, что этот рог, ставший большим, вёл войну со святыми и побеждал их. На это небесный служитель ответил, что четвёртый зверь будет особым царством, оно будет пожирать всю землю, разрушать и попирает всё. Интересно – не владеть всей землёй, а разрушать. В своих владениях он не занимается разрушением и войной, но вот для всех остальных он будет являться источником проблем. Впрочем с помощью насилия это государство и расширяет свои владения, и они очень внушительные – территории Рима были, пожалуй, намного обширнее, чем у всех предыдущих империй, вместе взятых. Но зверь не вечен, и уже его рога продолжают его дело после него – и это иные страны и народы постримского мира, однако они наследники империи, продолжение её. Народы, жившие на территории Рима, образовали свои страны, варварские народы, покорённые Римом, включённые им в свой состав, образовали свои страны, но продолжили его линию.

80 1Пет.4,17 "Время начаться суду с дома Божьего, и если прежде с нас начнётся, то какой конец не покоряющимся Евангелию?"

Этот небольшой рог, как говорит объясняющий Даниилу, отличается от остальных рогов. Из истории видно, что власть в нём происходит не от народа, не от нации, а от группы людей, объединённых идеей или целью. Христианская церковь, находящаяся в Риме, правда церковь в те времена уже очень сильно отличалась от того, что было создано Христом и Его первыми учениками, не упустила открывающихся перед ней возможностей. Центральное положение города прежней империи давало возможность претендовать на главенство в христианском мире, и те, кто были в то время в церкви Рима, не упустили её. Прежний Рим рассыпался под ударами нашествий варваров, но через некоторое время возродилась уже Священная Римская империя, под властью церкви, управляющей царями и князьями. Не одна какая-то страна правила остальными, но новая власть, религиозная, считала всех остальные страны и их королей своими вассалами.

Небесный служитель пояснил Даниилу, что это новое царство будет произносить слова против Всевышнего и угнетать Его святых. Он указал, что это царство захочет отменить времена и закон, и праведники будут в его власти "на время, времена и пол-времени", то есть год, два года и полгода или три с половиной года. После окончания этого срока, в скором времени наступит власть уже праведных. На этом видение закончилось, Даниил физически ощущал истощение и усталость, даже болезненность, однако все детали видения хорошо запомнил.

Теперь можно заняться значением всего, что он видел. История в аспекте этого пророчества до языческого Рима ясна и легка для всех, кто учился в школе. Но проблемы христианства уже кажутся трудными для понимания, большей частью потому, что под христианством подавляющее большинство людей понимают всех, кто говорит о вере в Христа. Против этого трудно возражать, однако в дальнейшем, особенно в Откровении, станет видно, что с христианством не всё просто. Кто следил за течением повествования Библии об избранном народе, замечал, как этот народ срывал все планы своего Создателя, как упорно сопротивлялся Ему и пытался всё делать по своему. Мы ещё не дошли до кульминации этого, как в результате упорнейшего сопротивления Богу был отвержен и распят Мессия, но все наслышаны об этом хотя бы немного. Думаете, с появлением христианства много поменялось? Я бы не сказал, природа человека не изменилась, разве что стала ещё более слабой и испорченной из-за вырождения, поэтому проблемы человеческого фактора остались там же, где и были, и масштаб отступления, использующий "наработки" неверности Израиля, оказался куда выше. В христианстве имели место те же процессы, что и в Израиле со времени его появления. Поэтому как Израиль отверг Того, ради Кого он был создан, делал слишком много по своему, так и в христианстве появились те, кто кроили Церковь по своему разумению, по своим желаниям, подстраиваясь к выгодам, которые этот неправильный мир даёт и предлагает. Те, кто оставались верными призыванию Церкви, оказались в меньшинстве, а затем были объявлены врагами и обращались с ними соответственно. Костры горели большей частью не для действительно извращающих веру, а для несогласных с государственной церковью, потребовавшей, чтобы все следовали только её указаниям, при этом Библия была объявлена опасной для простых людей, и поэтому запрещённой для самостоятельного чтения. Иногда думают, что лишь с протестантизмом Церковь стала возвращаться к истокам, но это не так, группы верных людей были всегда, даже в период расцвета католицизма, в самые мрачные времена средневековья, и вряд ли сама Реформация стала бы возможной без фундамента подпольной Церкви, стоящей на древних началах.

Объяснение гласит, что этот рог, то есть отступившая церковь, будет произносить слова против Всевышнего, будет угнетать святых Всевышнего, и даже захочет отменить у них "времена и закон", и торжество отступников будет длиться три с половиной года. В краткосрочных предсказаниях используются обычно реальные годы, но в некоторых случаях долгосрочных предсказаний для обозначения года использовался день – "день за год". Сорок дней осмотра Хаана разведчиками Израиля, и после того, как народ отказался входить в обещанную землю,

Бог назначил им сорок лет хождений в пустыне, по году за день. Иезекиилю также, чтобы передать недовольство Бога Иерусалимом, нужно было четыреста тридцать дней лежать на боку⁸¹, обозначая этим столько же лет отступления Израиля и Иудеи. Книга Даниила обзрывает времена ветхо- и новозаветные, достигая конца времени, более того, Святыище, находившееся в Иерусалиме, впоследствии заменяется его небесным оригиналом, поэтому неудивительно, что годы здесь обозначают днями.

Эти "три с половиной года", если перевести их в дни, будут 1260 дней, при этом если считать год в 360 дней и месяц в 30 дней. Это как бы не совсем точные годы и месяцы, однако в некоторых случаях это законный счёт, тем более в Откровении этот же отрезок времени так и обозначается – и как 42 месяца, и как 1260 дней. Да, и здесь и там это всё об одном и том же времени, что очень помогает разобраться в символике обоих книг. Эти 1260 дней означают двенадцать с лишним веков католического владычества, они охватывают время господства этой церкви на Европой. И это время как раз Средних веков, когда всякий прогресс был заторможен, и знания рассматривались как опасное и подозрительное явление.

О "временах и Законе" – может быть не все знают, что католическая церковь претендует на верховную власть на Земле, считая себя средоточием небесной власти, и в её катехизисе однозначно говорится, что именно данной ей властью и авторитетом она изменила день празднования с субботы на воскресенье, с седьмого дня недели на первый. В списке праздников⁸² в законе Израиля прежде Пасхи и других праздников стоит седьмой день недели, что показывает, что он главный из них. Также и в Законе десяти заповедей, провозглашённом с Синая лично Суцим, четвёртая заповедь как раз о седьмом дне, в который все люди должны отдыхать. Теперь можно взвесить претензии этой церкви и это вот пророчество, о том, что одиннадцатый рог зверя станет менять у церкви святых праздничные времена и закон. Седьмой день – это сразу и праздник, и заповедь в Законе... Позднейшие церкви, возникшие в результате Реформации, наивно считают, что день празднования изменился сразу после воскресения Христа, однако же это не могло быть так просто. В Иудее в то время выходным была суббота, и если бы христиане изменили священный день в те времена, это был бы очень тяжёлый и заметный конфликт, оставивший много кровавых следов. В той среде в те времена это было немыслимо, и мы бы знали, как трудно пришлось бы тем, кто стал бы вместо седьмого дня отдыхать в первый. Но ни единого упоминания о таком конфликте нет, наоборот, ко многим церквям на перифирии были претензии, что они иудеят, отдыхая в субботу. То есть в истории остался заметный след субботы в христианстве, но не было ничего подобного в иудейской среде, иудеи и ревнители веры не винили христиан за нарушения субботы. Если христиане продолжали приносить жертвы и ходили в храм, пока он стоял, то это говорит о том, что по этому поводу ни малейшего разногласия между ветхо и новозаветными адептами не существовало. Христиан гнали, но эти проблемы связаны с тем, что правители Иудеи боялись обвинения в убийстве Мессии, поэтому пытались остановить деятельность апостолов и их последователей. Потом Савл из Тарса, после убийства Стефана, начал большую кампанию против Церкви, что окончилось его обращением в христианство. Но нигде не упоминается других причин конфликта, кроме как в имени Христа. Перемена в праздновании стала возникать постепенно, и началось это в местах, отдалённых от Иудеи, где массы народа не держались субботы, но днём отдыха был первый день недели, и поначалу люди праздновали оба дня и лишь со временем отказались от седьмого дня полностью.

В том же католическом катехизисе, если вы посмотрите на Закон, данный на Синае, то обнаружите немалую разницу с тем, что произносил и писал Суций на камне. На месте второй заповеди вы увидите третью, четвёртая о субботе стала третьей, потеряв в содержании и смысле, предписывая первый день недели вместо седьмого, и так со всеми до десятой, потому что запо-

81 Четвёртая глава книги Иезекииля

82 23 глава книги Левит

ведь, запрещающую поклоняться изображениям, Рим решил убрать, заявив, что раз на них изображён Бог, ангелы и святые, то им поклоняться не грех. Хотя эта заповедь однозначно упоминает не только языческих богов или планеты с Солнцем, не только животных и птиц и рыб, но и самого Бога – даже Ему нельзя поклоняться через изображения. Моисей специально указывал – "помни, что ты не видел на горе лица Сущего, чтобы ты не сделал Его изображения и не поклонился ему" – такова суть его приказа. Поклоняться Богу нужно лично, не ограничивая Его своим воображением, не задавая ему рамок видимым образом. Может быть и наше воображение тоже ограничивает Его, но каждый раз эти рамки меняются, однако задав образ на иконе, мы сковываем работу Его Духа в нас, и это, думаю, лишь одна из причин, почему Он не позволял делать этого. А чтобы сохранить число заповедей, десятую заповедь разделили на две...

Можно заметить, что великий Суд на небе с участием Ветхого днями и Сына Человеческого начинается после окончания "трёх с половиной лет" господства малого рога, то есть вполне можно допустить, что он уже происходит где-то там, в Центре. А если учесть, что само окончание власти рога связано с работой Суда, то другого и не остаётся. Нужно лишь заметить, что Суд является преддверием передачи власти над Землёй праведникам во главе с Сыном Божьим, и что Суд имеет отношение к символике Святилища и Храма. Об этом будет говориться в следующей главе, где ангелы, поясняющие Даниилу видение, упоминают о Святилище и его очищении.

Третье видение. Восьмая глава книги Даниила

В последний год Валтасара (и Вавилона как государства) Даниилу было показано ещё одно видение. Ему уже немало лет, в Вавилоне он прожил где-то шестьдесят семь или немного меньше лет, и если прикинуть его возраст, когда он был приведён сюда, то ему сильно за восемьдесят. Явно он постоянно жил в Вавилоне или в пределах страны, но сейчас он оказался в видении на территории Мидии и Персии. Вавилон вскоре должен был быть поглощён победителями, и эта страна уже не фигурирует в новом пророческом откровении.

В видении он стоял на берегу реки Улай недалеко от Суз, и увидел на берегу реки барана, один из рогов которого был выше другого. Мало того, указывается, что высокий рог поднялся не сразу, сначала он был меньше. Уже по этой детали можно догадаться, что речь идёт о Мидо-Персии, и этот образ параллелен медведю в предыдущем видении и серебру в статуе первого видения. Эти параллели, выраженные совершенно разными символами, помогают точнее разобраться в реальности и понять, что хотел сказать посылающий эти образы.

Баран был сильным и очень резвым, он нападал на всех, находящихся вокруг, и никто не мог победить его, и он очень гордился собой. Однако же вскоре Даниил говорит, что заметил надвигающегося сюда с запада козла, у которого был большой рог на лбу. Увидев барана, козёл расвирипел, и бросился на него, и оказался сильнее. Баран не смог противостоять ему и был растоптан. Когда козёл победил барана, то гордиться стал уже он, и от гордости он просто раздувался, однако же его счастье не длилось долго. Его рог сломался, но сил в нём было ещё много, и на место сломанного вышли четыре рога, направленных в разные стороны, на четыре стороны света.

Здесь снова нетрудно, зная древнюю историю, увидеть Грецию, а в главном роге Александра Македонского, который жил недолго и умер вскоре после того, как не осталось никого, с кем бы можно было помериться силами, за считанные годы покорив тогдашний мир. И можно сравнить образ третьего видения с барсом с четырьмя птичьими крылами и четырьмя головами из второго. Кстати, в этом видении отсутствует Вавилон, он вскоре будет покорён персами и будет в составе их царства.

Дальше появляется небольшой рог, как бы отросток от одного из рогов козла, и он напоминает "небольшой рог" на четвёртом звере из предыдущего видения, однако здесь у отростка другая функция, он обозначает Рим от языческого до папского. В этот раз Рим не обозначен живот-

ным, но таким необычным символом. Этот небольшой отросток от одного из рогов (или даже просто откуда-то с запада) сам становится огромным рогом. Он действует с запада, обозначено начальное направление его распространения, которое двигается на восток и на юг. Рим в начальный период экспансии захватывал Египет, Палестину и Сирийские земли. Греки не захватывали Италии, откуда начал своё развитие Рим, но некоторые из греков обосновались там в давние времена и вместе с местными племенами латинян и этрусков преуспели в создании мощного государства, то есть греческое влияние имелось в его происхождении, хотя и очень небольшое.

Разросшись, этот рог, уже Рим, а не разделившаяся Греция, потерявшая силу в междуусобицах, вёл войны даже с "небесным воинством", низложив многих оттуда, и даже имел успех в поражении "Вождя небесной армии". Римские солдаты распинали Христа, приводя в исполнение приговор синедриона, представитель Рима Пилат был принуждён подтвердить приговор иудейских старейшин и священников. Также, победив Вождя небес, этот рог отнял у Него "ежедневное служение" и осквернил Святилище. Также написаны странные на первый взгляд слова, что "небесное воинство" было предано в его руки по причине его греховности и нечестия (то есть речь идёт не о ангелах в небе, а Его представителях на Земле, они должны были быть святыми, но не соответствовали). В общем, этот рог оказался орудием наказания тех, кто принадлежал вроде бы к небесному воинству, но по жизни оказались недостойными своего звания. Этот новый огромный рог преуспевал везде.

"Ежедневное служение", отнятое у Вождя, и оскверненное Святилище

Думаю, многое не будет понятно у Даниила, как и в Откровении, если не уточнить о Святилище и служении в нём. Святилище и Храм занимали центральное место в духовной системе Израиля. Когда Моисей строил первое святилище, ему был показан образец, по которому он должен был строить, подобным образом и Давид получил чертежи и описание Храма, который потом построил Соломон. Это может натолкнуть на идею, что в небе есть оригинал того, что люди строили на Земле. Павел в послании к Евреям однозначно указывает, что наверху в самом деле есть Святилище, символом которого были построенные Моисеем и Соломоном копии. Собственно, здесь, в этом видении у Даниила речь также идёт об этом, когда в разговоре между персонами видения звучит – "на сколько времени простирается это видение о ежедневном служении ... когда Святилище и воинство будут попираемы?", на что другой отвечает – "на две тысячи триста вечеров и утр, и тогда Святилище очистится" (или "заработает", "восстановится").

Во дни Даниила служения в Храме не происходило, поскольку храм Соломона был разрушен, но это было наказанием, и вскоре начнётся строить второй храм. В видении речь идёт о будущем, что Рим отнимет у Церкви и у Бога службу, которую надо бы было производить, ежедневное, регулярное служение. На деле произошло то, что между Богом и человеком появилась фигура посредника, тогда как настоящим Посредником уже является Сын Бога. И это дело длиться будет не какой-то короткий промежуток времени, но названо 2300 лет (хотя это "вечера и утра", однако в истории евреев нет подходящих дат и событий, удовлетворяющих буквальному подходу к пророчеству, поэтому остаётся лишь вариант символических "день за год"⁸³), в течении которых это будет разворачиваться. Забегая вперёд, это время заканчивается в 19 веке, когда начало восстанавливаться здоровое положение дел в полной мере (протестантизм при своём начале и долгое время после находился в трудностях, что не позволяло глубоко анализировать степень накопившихся потерь и искажений). Когда между человеком и Богом встал посредник, что

83 Выражение "вечера и утра" используется впервые в Бытии, где Земля рассматривается со стороны, из космоса, вид от Создателя... Здесь, где время пророчества длится из ветхозаветных времён в нашу эру, во времена, где действует Святилище уже оригинальное в небе, "космический вид" более чем уместен. Для наблюдателя на Земле актуальны длинные периоды дня и ночи, смена освещённости не длится долго, но для наблюдателя из космоса, особенно издали, глаз поневоле сосредотачивается на контрастах освещённости. То есть употребление редкого выражения "вечер и утро" однозначно указывает на Святилище в небе, а не на Земле.

случилось уже в первые века христианства, люди и Бог были в какой-то степени лишены связи, ограничены в контактах. Нет, Бог не ослабел и те, кто стремились достигнуть Его, получали желаемое, однако же определённые сферы были потеряны, и это произвело много проблем для человечества. С другой стороны, люди, вместо того, чтобы иметь персональную связь со Всевышним, стали направлять свою веру и надежду к подобным себе, и даже к равным себе, потому что сан духовенства не делал их выше или лучше (разница между учителями и народом есть, но скорее в повышенной ответственности за подопечных), что было превышением полномочий. Люди были лишены прямой связи с их Богом, и Бог также был лишён должного внимания людей. Эти установки привели к тому, что небеса для людей стали выглядеть слишком далёкими, а праведность казалась доступной лишь особо сподобившимся. Это приводило к деградации человека и общества, и Средние века показали это со всей убедительностью.

Эти вещи имели ещё одно следствие – Святилище небес, что было прообразом ветхозаветных храмов, в христианстве оказалось начисто забытым. Отдельные свидетельства Библии уже не играли роли, не собирались в единую картину, в головах у людей никакого представления об этом просто не существовало – святилищем были церкви, в которых место занимали обряды ежедневных и праздничных служб, разработанные людьми, не имеющие пророческого и божественного авторитета. Таким образом Святилище, которое по всей логике должно было занять место иерусалимского Храма в христианскую эру, потерялось из вида людей, и по этой причине оно оказалось в запустении... Туда просто никто не приходил, ни прихожане, ни священники, собравшие внимание на себя, ни папы и патриархи – отлучив паству от реального Святилища небес, они забыли о нём и сами. Люди пользовались минимумом небесных услуг, прощением грехов. Все знали, что грехи прощаются жертвой Сына Божьего, все признавали, что Он защищает всех, обращающихся к Нему за спасением. Для отдельного человека, собственно, этого было достаточно, но в массовых церквях даже это подвергалось искажениям, индальгенции памятливым всем. Они могли бы захватить католическую церковь и заразить остальных, это было бы окончательным падением её, но именно из-за них началась Реформация, началось возрождение христианства, долгое и тяжёлое возвращение к началам.

Гавриил, просвещая Даниила о значении образов видения, не случайно сказал о восстановлении Святилища. Что такое "очищение Святилища"? – здесь требуются некоторые пояснения. Прощение грехов, совершаемое Христом в небе на основе принесённой им Жертвы, Его посредничество, помогающее человеку возродиться и очищаться, это описано символами ежедневного служения в Святилище, где согрешившие приводят свои жертвы и получают освобождение от вины. Но в конце года был день, когда никто уже не мог принести свою жертву, потому что в этот день Святилище очищалось от всего, что накопилось в нём за год. И если кто-то не успел принести жертву за своё преступление, оно уже не могло быть ему прощено, что соответствует понятию в христианстве о "конце времени благодати". В этот день, десятый день седьмого месяца, в дело вступал Первосвященник, он очищал Святилище. Суть этого "очищения" в том, что кровь жертвы вносилась во Святое-Святых, и так Святилище очищалось полностью. Это было символическим действием, в реальности же эти символы означали время, когда записи о грехах тех людей, которым они были прощены, будут окончательно убраны из небесных отчётов. Для того, чтобы рассмотреть эти отчёты, и собирается Суд в седьмой главе книги с Ветхим днями и Сыном человеческим. Кстати, на одежде первосвященника одна из деталей называется "судебный нагрудник", что достаточно ясно указывает на суть символов этого дня.

Дела каждого человека записываются в книги (или какие там имеются технические средства), многие люди раскаиваются в сделанном неверно, и те, кто серьёзно это делает, получают освобождение от вины. Так и в символах человек приводил свою жертву к воротам храма, и после её совершения уходил прощённым. Для него всё на этом оканчивалось, но для служителей Храма это была лишь первая фаза по очищению человека. Вина людей накапливалась во дворе

храма и первом отделении день за днём, и наступало время, когда Святилище должно было быть очищено. Если человек прощен, то когда-то все процедуры, связанные с этим, должны быть закончены совершенно. Это и есть назначение "очищения Святилища". В седьмой главе Даниила как раз и описан Суд, который символизирован этим очищением, работой, совершаемой в десятый день седьмого месяца. В присутствии Всевышнего судьи рассматривают серьёзность намерений человека быть очищенным от нарушений Закона, и те, кто прожили жизнь так, как заявляли и намеревались, вступая на этот Путь, объявлялись достойными. Есть и те, кто не жил как надо, кто отступал и не удержался на Пути, и имена таких людей будут вычеркнуты из Книги Жизни. Все, кто когда-либо претендовал на вечность и на праведность, должны быть рассмотрены на том суде.

Другой вопрос возникает ещё из этой темы – зачем Богу, видящему людей насквозь, утруждать Себя дополнительными рассмотрениями такого огромного числа людей, и тратить на это столько времени? Он действительно знает всех и каждого, но не нужно забывать, с чего всё началось – о проблеме падения Люцифера и его друзей, поверивших ему. Люцифер поднял тему альтернативного пути, не ограничиваемой свободой живого высокосоциального существа, он обвинил Бога в разных вещах, придуманными им по ходу дела, и теперь мы всё это расхлёбываем. Просто так взять и объявить человека, прошедшего через опыт зла и нарушения, святым и безгрешным только потому, что за него ручается лично Бог, или потому что Он не ошибается и не лжёт, не будет работать. Именно потому, что Люцифер заронил сомнение в Нём, нужны иные доказательства, чем "Я сказал", чтобы каждый мог лично убедиться в Его правоте, как и надежды тех, кто прошёл возрождение благодатью, прошёл немалый путь из смерти в жизнь. И этот следственный Суд, где рассматриваются дела всех претендентов на жизнь, как раз и делает именно эту работу, чтобы все во вселенной убедились в правоте Бога, нашедшего путь, как выручить людей из беды, и почему не предоставляют подобной возможности Люциферу и компании. Вот смысл "очищения Святилища" в законе Моисея и его реальное значение в давнем противостоянии света и тьмы. Понятно, что смысл этого суда в конце времён довольно логичен и прост, и легко вписывается в представления о борьбе добра и зла на этом свете.

Особо привлекает внимание то, что "он достал до небесной армии и сверг оттуда часть воинов и звёзд". Это верно в отношении Иудеи, которую Рим под видом протектората постепенно сделал своей провинцией (также он поступил с Сирией и Египтом). Это также исполнилось и в его войне против Церкви, как в языческом виде, так и в позднейшем христианском. Однако эта же тема звучит и в Откровении, где говорится, что "хвост дракона увлёт с неба третью часть звёзд"... То есть символы пророчеств показывают определённую связь между человеческими и нечеловеческими силами – Рим тесно сотрудничал с дьяволом, или, лучше сказать, Рим находился под опекой князя тьмы, так что его война со "святыми" была задана ещё в борьбе Люцифера против Сына Бога, когда он жил ещё в небесах, до своего изгнания оттуда. Он вёл активную агитацию против Сына Божьего, и многие ему поверили, результатом чего стала первая "цветная революция" в небесной империи, беспорядки, восстание против Его правления, что окончилось изгнанием Люцифера и всех восставших. Теперь Рим и Люцифер оказались переплетены единой символикой, и ясно, что Рим своими успехами обязан ему. Когда Лютер совершил паломничество в Рим, то вынес оттуда твёрдое убеждение, что "если ад существует, то Рим построен на нём". Если во времена Навуходоносора его правление сравнивается с золотом, говорится о том, что в его царстве было место для всех, и это было гармоничная среда, не подавляющая население, и если ещё у персов порядок и достоинство человека довольно хорошо охранялись, то уже Греция снизила стандарт защиты человека. Греки были утончёнными и развитым народом, но их свобода нравов уже не обеспечивала социальной гармонии, они не имели мощных представителей Бога, подобных Даниилу в Вавилоне и Персии, вносящих облагораживающую струю пра-

ведности. Но Рим в этом отношении ниже всех. Даже в начальный период его законы подчас жестоки, его здоровье обеспечивается уничтожением больных младенцев, это недобрый знак, а последующие успехи привели его к ухудшению нравственной обстановки. Во времена расцвета Рима о империи говорят, что она очень плохо пахнет. Был обеспечен жёсткий порядок в проведении воли центральной власти, что до поры до времени спасало империю, но о нравах мало кто заботился, и они деградировали, вызывая отвращение у варваров, служивших им. На это тёмное покровительство недвусмысленно указывает и Гавриил, объясняя Даниилу видение – "укрепится сила его, хотя и не его силой"⁸⁴.

Может быть я неправ здесь, но думаю, что и отдельный человек, и народы, притягивают тёмные или светлые силы на помощь себе в зависимости от своих характеров. Зло притягивает и порождает зло, а добро, пусть и не всегда порождает добро из-за человеческого фактора, но всё же по самой природе своей склоняет также к добру. Каждое качество притягивает к себе соответствующие силы. Многие племена и народы жили за счёт насилия, имея возможности отнимать сделанное трудом других, и пока такое положение вещей длилось, они жили под покровом недобрых сил. Выполни Израиль своё предназначение, Бог имел бы больше возможностей наводить порядок и наказывать заходящих слишком далеко в зло, но из-за недостатка правильного влияния Он был ограничен, поэтому, как Павел однажды выразился, "Бог в прошлом позволил всем народам ходить своими путями"⁸⁵. То есть если кто-то и был наказываем, то самой жизнью, но не волевым действием свыше. Правда те, кто контактировал с Израилем, всё же так или иначе получали знания о законах и правилах, и там Бог мог награждать и наказывать, но это была небольшая часть Земли, где эти знания хоть как-то освещали окрестности.

Начиная со времени плена, Израиль был лишён государственности и силовой поддержки со стороны Всевышнего, он должен был забыть о своей гордости, Бог назначил им горькую долю, потому что во времена благополучия он использовал, как правило, все блага для зла. В униженном положении была возможность лучше позаботиться о зависимости от Бога, теперь это был непрекращающийся стимул к поиску Бога. Проблема только, что приговор Израилю, когда волей Всевышнего "святыня и воинство преданы за нечестие"⁸⁶, передался и наследникам Израиля, христианской Церкви, законным потомкам Авраама, хотя и не по семейному родству. Им пришлось жить и работать в очень неблагоприятных условиях, что наложило сильный отпечаток на обычаи и культуру этого сообщества. О тех, кто сам стал господствовать над хранящими изначальные принципы христианства, не хочется говорить, хотя и они называются также христианами, как и подавляемые ими. Будущее покажет результаты дел тех и других.

Пояснения и дополнения к увиденному от небесных личностей

Просмотрев показанное и поразмыслив, Даниил подумал, что ему нужны пояснения, он уже получал их в прошлый раз, благо было у кого спросить. В этом видении он также увидел перед собой кого-то, похожего на человека. Кроме того, прозвучал голос со стороны реки, чтобы Гавриил объяснил ему всё, что нужно. Гавриил приблизился к нему, однако присутствие архангела оказалось для восьмидесятилетнего человека слишком тяжёлым испытанием – Даниил упал и не мог подняться. Он был почти в обмороке, но ангел прикоснулся к нему и помог встать, видимо он подзарядил его, так что Даниил стал чувствовать себя лучше и смог воспринимать то, что ему говорили.

84 Дан.8,24

85 Деян.14,16

86 12 стих

Бывает, что и люди, вроде бы равные друг другу по природе, смущают один другого, так что кто-то теряется и хуже владеет собой, и даже не может совершать точные действия, всё начинает валиться из рук. В случае же контактов с более сильными личностями другой природы, это воздействие ещё более заметно. По этой же причине человек не может вынести присутствие Бога. Разумеется, негативное влияние чужой энергии можно нейтрализовать, после знакомства и налаживания отношений влияние этих сил становится дружественным и негативные эффекты отсутствуют. Разве что Бог Отец настолько силён, что никто не может приблизиться к Нему ближе некой черты даже при самых лучших отношениях, если от Него "разбегаются небо и Земля"⁸⁷, и "горы тают"⁸⁸ просто от Его присутствия. Как бы ни был полезен для нас огонь или энергия, в печь или работающий реактор залезать не рекомендуется.

Первый комментарий прозвучал ещё до вопросов Даниила в диалоге двоих, это как раз о длительности эпохи подавления правды и истины на этом свете, о 2300 вечерах и утрах. Теперь главнейший из ангелов (что подчёркивает важность сообщаемой нам информации) объяснил Даниилу, причём прямым текстом, что животные, виденные им, обозначают Персию и Грецию. Большой рог козла – первый царь Греции. Александр Македонский, конечно, не первый из правителей в Греции, но он начал экспансию Греции, и в этом смысле он первый, раздвинувший эллинский мир. После его смерти империя распалась на четыре куска, и Гавриил указывает, что под конец их времени (когда они переполняют свою меру грехов⁸⁹) возникнет новое государство, ещё более умелое в зле. "Он будет производить поразительные опустошения и преуспевать, будет губить сильных и святой народ", к тому же, Гавриил подчёркивает, что сила последнего царства имеет своим источником не только силу народа или оружия, "укрепится сила его, хотя и *не его силой*". Об этом мало говорят даже занимающиеся Даниилом и Откровением (мне как-то не попало ничего об этом), но здесь явно указывается, что в этих людях дьявол нашёл свою опору и помогал им своими способами и средствами. Видимо, их принципы во многом совпадали с принципами князя тьмы, так что на примере имперского Рима, и языческого, и христианского, можно предположить, какого рода жизнь устроил бы он везде, где смог бы установить свою власть. Подобную же политику проводят и наследники Рима. Я не могу сказать, что они все делают одно только зло, тогда прекратилась бы жизнь, наверное, но всё же к добру слишком часто примешана порция яда, отравляющая многое для многих. Конечно, практически всякий, живущий в нашем повреждённом мире, живёт в таком смешанном режиме, но римские обычаи содержат в себе сознательное зло и подавление окружающих, тогда как большинство людей делают грехи лишь когда это их особо привлекает. Нет, я не хочу сказать, что законы Рима прямо заставляют делать зло, ни в коем случае, но в его методах есть что-то, далёкое от справедливости – взять хотя бы проскрипции как метод улаживания противоречий... Да и уничтожение больных вместо поиска средств лечения – не согласен.

Гавриил добавляет, что этот последний царь имеет мощный ум, и он будет изощрён в коварстве. Он погубит многих, и попробует сражаться даже с Владыкой владык, но будет поражён, и не человеческой рукой. Во всех трёх линиях разных видений характеристики всех царств освещены чётко, и Рим везде выглядит довольно неприятно. Такова история, предсказанная в пророчествах.

Даниил в последние годы наблюдал за временами, понимая, что скоро должно произойти восстановление Израиля, возвращение из плена, и он ожидал, что в этих пророчествах будет ка-

87 Отк.20,11

88 Суд.5,5

89 Про грехи первых двух, Вавилон и Мидо-Персию, говорится немного, зато для Греции и Рима они как бы норма. Повествование в Дан.8,23 создаёт впечатление, что сила греховности развивается и усиливается – "когда отступники наполнят меру беззаконий, восстанет царь наглый и искусный в коварстве"...

кая-то информация об этом, однако же все видения были обращены в будущее. Его настрой, кажется, дополнительно сбивал его с толку – когда затрагивались числа и времена, он примерял их к своим ожиданиям и не мог найти согласованности. И вот Гавриил сказал, чтобы он скрыл видение, которое сейчас получил, потому что оно относится к далёким временам. Даниил, несмотря на то, что его укрепили небесные силы, ощущал себя всё же не лучшим образом, возраст сказывался сильно, и узнав, что виденное им относится к далёкому будущему, из-за неоправдавшихся ожиданий услышать что-то об освобождении Израиля потерял силы. Гавриилу из-за этого пришлось оставить его, и видение осталось без нужных пояснений. Для предсказанного времени нужна точка отсчёта, с какого времени его считать, и это было отложено до лучших времён. Когда здоровье Даниила восстановилось, он смог продолжить свою работу – в свои годы он всё ещё был при делах во дворце, однако он отмечает, что увиденное им смущало его, наверное тем, что не вписывалось в привычные для него представления. В видении было сказано о восстановлении работы Святилища, и это было вроде бы скоро – 2300 дней, в годах это всего лишь шесть с небольшим лет, однако же отдалённые времена? Тогда о чём речь?

Относительно скрыть видение, а позже это прозвучало ещё раз в конце книги, немного неясно. Если эту книгу или её часть в самом деле скрыть от людей и составителей Библии, то потом, когда настанет время, её могут не принять, слишком много религий и мнений в наше время, и это сделает невозможным единство в признании книги Даниила канонической, ей бы грозила судьба апокрифов. Но поскольку нужно, чтобы её принимали все без возражений, то она должна была быть в каноне. Поэтому произошло следующее – книга Даниила была включена в список ветхозаветных Писаний, так что все ветви христианства признают её без возражений, однако толковать её редко кто брался именно потому, что в ней самой содержалось указание, что она "закрыта" и это многих останавливало, так что до 19 века мало кто пытался её понять. Пророчества второй, седьмой и восьмой главы были большей частью легко понятны, но не полностью, и это останавливало многих от дальнейшего изучения, а если кто пытался продвинуться, то без помощи свыше оказывались в дебрях своих фантазий, и ничего толкового из этого не выходило. Отсутствие здравых подходов даже создало немалую проблему миллеритам в 19 веке и завело их в сильное разочарование с ожиданием второго Пришествия в 1844 году, но имей они хоть немного понятия о святилище в небе заранее, новейшая история нашего мира могла бы быть иной.

Девятая глава. Восполнение пропущенного в прошлый раз. Предсказание о Мессии – 70 седьмин

Прошло сравнительно немного времени, и обстановка в мире резко изменилась, Вавилон теперь не был столицей империи, он стал частью другой империи, с которой до этого воевал. Теперь мысль об освобождении его народа из плена не оставляла Даниила в покое, и чтобы не быть в постоянной озабоченности, он занялся делом – он решил свериться с пророчествами, потому что хотя он и знал о семидесяти годах плена, надо бы было выяснить, когда он начался. От этого зависело и время освобождения. В книге Иеремии как раз были все нужные сведения, когда что происходило, чего не было в других летописях (по крайней мере они не вошли в книги Царей и Летописей). Иеремия передавал о семидесяти годах, которые исполняться в Вавилоне, и был вопрос – эти годы должны охватывать лишь вавилонский период, то есть начинались с 605 года до н.э. с приходом Навуходоносора, или же начинались с потери независимости. Независимость Иудеи закончилась, когда фараон Нехао сменил царя в Иерусалиме (608 г. до н.э.), и по сути все эти годы Иудея была подвластна либо Египту, либо Вавилону. Хотя может быть надо было считать потерю не независимости, а вообще государственности? – Тоже ведь соображение сильное. Самое лёгкое было начинать счёт с 608 года, как раз семьдесят лет миновали или были на пороге. Даниил пришёл к выводу, похоже, как раз об этом варианте, и переживал очень сильно о судьбах своего народа. Он видел реальное положение вещей, что иудеи и евреи чрезвычай-

но мало переживают о своей судьбе. Большинство привыкло к новому месту жительства и было довольно своей судьбой. Были и те, кто стремился на родину, но лишь немногие. И даже стремящиеся в Палестину не являли в себе необходимых качеств, нужных Богу, которые необходимы для дела, к которому они были призваны. Никакого национального, и тем более религиозного возрождения не было заметно. Даниил об этом переживал больше всего – а вдруг Сушйй откажется от них совсем? За нежелание жить по Его порядкам Он разрушил страну и вывел их сюда, чтобы они задумались о своей жизни и поведении, а они приспособились, и будут лишь рады, если их оставят в покое и забудут о них... Такие мысли доставляли сильную депрессию, так что Даниил с этим всем, отягчающим его душу, обратился к своему Богу, и всё это высказал. Это была исповедь грехов, в которых он лично не был виноват, однако высказывая всю печаль о моральном облике соплеменников, он и себя вносил в это число. Он понимал, что храм должен быть восстановлен, без него что-то важное не могло осуществиться. У них был закон Моисея, по которому должны были совершаться службы, но без святилища они были невозможны.

Он не закончил молитвы, она была прервана появлением уже знакомого ему Гавриила. Ангел прикоснулся к нему, отвлекая его внимания от его занятия, и стал говорить с ним. Оказалось, едва Даниил стал просить об участии своего народа, как Бог уже послал Гавриила, чтобы он объяснил ему всё о том, что волновало этого человека. Гавриил особо отметил, что Даниила очень высоко ценят там, у них, и теперь он пришёл, чтобы пояснить ему то, что осталось недообъяснённым в прошлом видении, когда их разговор прервался из-за болезни Даниила. Первый год Дария ещё не был годом освобождения евреев, но до этого момента оставалось недолго ждать, скоро Кир начнёт новый отсчёт царствования в империи, и это будет решено. Но Гавриил не говорит этого, он сразу переводит разговор на будущее, которое начнётся довольно скоро по историческим меркам. Он назвал семьдесят недель⁹⁰, которые выделены для Израиля, и отсчёт этих лет начинётся с указа о восстановлении Иерусалима. Он отвечает на молчаливый вопрос Даниила, что за это время возвратятся люди и будут отстроены стены и улицы городов, хотя это будут трудные времена (и они в самом деле были нелёгкими). Он поделил эти четыреста девяносто лет на периоды семь семёрок, шестьдесят две и одна. Пока не сказать, что было точно в сорок девять первых лет этого периода, известно, что одно время евреям было запрещено строить и восстанавливать город во время царствования лже-Бардии (возможно, что и не ложного), но запрет не длился долго, однако проблем со стороны множества недоброжелателей хватало. Подробнее об этих делах будет идти речь в книгах Ездры и Неемии.

Слова о выделенности четырёхсот девяносто лет для Израиля одновременно указывает на тот большой период времени, ведущий к восстановлению Святилища в небе, две тысячи триста лет, начало семидесяти недель является началом и 2300 лет... Также из этого следует, что оставшиеся от этих 2300 лет годы принадлежат уже не Израилю, его время заканчивается, это прямое указание на христианскую эпоху, на время Церкви, которая собрана уже со всех народов, где "нет ни иудея, ни эллина". Самое же главное в том, что здесь прямо предсказано время появления Мессии, хотя речь не о Его рождении, а о начале деятельности. Последние семь лет из 490 являются временем Мессии, хотя сама Его работа ограничена половиной этого времени. По Евангелиям тоже видно, что Он работал здесь три с половиной года, как раз это время "в половине недели прекратятся жертва и приношение" – нужно ли говорить, что с Его смертью, запланированной "от начала мира", все символы прежнего израильского святилища прекращали иметь значение? Без Его жертвы все жертвы животных не имели силы, в них не было ничего, чтобы освободить человека от вины, они были лишь указанием на Его свершение. Оставшиеся три с половиной года Израиль ещё имел привилегию вернуться из своего бунта против Мессии, но этим мало кто воспользовался, так что когда время Израиля вышло, его место заняли другие люди, которым было передано то поручение, что этот народ отказался выполнять.

90 Точнее, "семёрок" (по старому седмиц или седьмин), употребляемых не только для обозначения недели, но и лет.

Слова Гавриила звучали местами таинственно – "по истечении шестидесяти двух недель Мессия будет предан смерти, и не будет, а город и святилище будут разрушены". Христос в самом деле был казнён, однако, имея власть вернуть Себе жизнь⁹¹, Он сделал это и покинул место Своего погребения, уйдя наверх, чтобы там, в Святилище, в постройке которого не участвовали человеческие руки, продолжать дело, которое символически изображалось служением в прежних храмах на Земле. Иерусалим же, спустя сорок лет после этого, был разрушен римлянами, которым не было соперников, равных по мощи, четвёртым царством в обозреваемой истории. Ещё он добавляет, что и самого опустошителя со временем постигнет "окончательная и предопределённая гибель", но не называет времени, просто подтверждая участь этого последнего царства. Эта империя не раз уходила и возвращалась в другой форме, не зря символы её многозначны – и зверь, и головы (это в Откровении), и его рога – всё является формами его существования. Царь Северный – тоже о продолжении Рима в позднейшие времена.

Четвёртое откровение. Одиннадцатая глава

Спустя пару лет после третьего видения (восьмая и девятая главы составляют единый сюжет), Даниил видит ещё одну встречу с Гавриилом. Когда он встречался с ним во второй раз, то он не испытывал проблем со здоровьем и самочувствием от его вида, видимо архангел максимально скрыл свою силу и исходящие от него токи, но на третьем году Кира, это должен быть 535 год до н.э., они снова встретились. Теперь Даниила уже не мучил вопрос о судьбе Израиля, евреи уже были отпущены пару лет назад и уже занимались обустройством на родине. Правда, как и было предсказано, им приходилось трудно, и, наверное, именно из-за их проблем он сейчас и постился. Это пост не был полным воздержанием от пищи (он может принимать разные формы, достаточно любых ограничений, чтобы сосредоточиться на какой-то идее или цели), он ограничил свой рацион и так провёл три недели. Хотя он и принимал пищу, но в его возрасте и это было значимым ограничением, и он немного ослабел. Снова неясно, был ли он в самом деле на берегу Тигра или это происходило в его видении. Предыдущий визит Гавриила происходил практически наяву, никаких символов не присутствовало, но в этот раз, хотя он не видел никаких образов и картин, но символика всё же имела место быть. Даниил был не один, когда его охватило это состояние, но его спутники разбежались, всех охватил большой страх, никто не мог оставаться в этом месте. Даниил видел того, кто стал причиной переполоха – он видел фигуру, которую описывает в ярких выражениях – "тело как топаз, лицо имело вид молнии", кожа рук и ног сияла, как отполированная медь (у полированной меди есть ещё эффект глубины, довольно сильно впечатляет), и голос этого по виду человека звучал очень громко, древние выражались "как голос множества людей", для нас, наверное, это голос из усилителя с дополнительными эффектами. Уже одно только созерцание этого посланника неба потряс Даниила, так что он потерял силы, а когда услышал его голос, то почти потерял сознание. Он упал лицом вниз и так оставался, пока кто-то ещё из свиты Гавриила не стал помогать ему. Чьи-то руки коснулись его, и пытались поднять, но получилось только подняться на четвереньки, и в этом положении Даниил слушал пролог к видению. Как раз семьдесят лет назад его забрали из отцовского дома и привезли в Вавилон, так что сейчас ему могло быть от восьмидесяти до девяноста лет, и возраст всё больше сказывался. Гавриил обратился к нему – "Драгоценный Даниил, тебе нужно вникнуть в то, что я скажу тебе. Встань на ноги твои, потому что сегодня я послан к тебе лично". Почему-то эта просьба укрепила Даниила больше, чем помощь от того, кто поддерживал его, он осознал ответственность и торжественность момента, и когда попробовал встать, обнаружил, что может это сделать. Правда, тело слушалось его пока не очень хорошо, ноги дрожали, но он мог держаться.

91 Мат.10,18 "Никто не отнимает её (жизнь) у Меня, но Я сам отдаю её. Имею власть отдать её и имею власть опять принять её"

Гавриил продолжил – "Не переживай, Даниил, с первого дня, как ты настроился, чтобы разобраться и смириться перед Богом, ты был услышан, я был готов придти по твоим словам, но князь персидского царства противился мне двадцать один день". Пока Даниил переживал о затруднениях в Иудее, оказалось, что его просьбы привели небеса в движение. Правда, даже небесная канцелярия имела трудности, Кир оказался под влиянием тёмных сил и ему по каким-то причинам было невыгодно защищать иудейских переселенцев, имевших проблемы с враждебным окружением. Гавриил рассказал, что одних его сил было недостаточно, чтобы образумить Кира, но к нему на помощь пришла тяжёлая артиллерия в виде ещё одной очень значимой фигуры небес – Михаила, и этот архангел добился нужного эффекта, и Гавриил говорит, что после этого он мог продолжать свою работу при дворе персидских царей.

В третьей книге, где речь шла о взятии Иерихона, я говорил о Ангеле-Сущем, Вожде армии Сущего. Ангел, принимающий поклонение, равный Богу и являющийся Им, это та самая Личность, которую в Троице принято называть Сыном, Кто через несколько сотен лет воплотится в сыне Марии, в Иисуса из Назарета, Мессию. Здесь, у Даниила появляется Его имя, которое Он носил до своего воплощения в человеческое тело – Михаил, означающее "Кто как Бог". Гавриил чуть позже здесь же называет Михаила "князем Израиля", то есть Израиль является Его народом. Никакие другие персоны в небе, кроме Бога, не имеют какого-либо отношения к этому народу, но Михаил как раз и есть Тот, Кто создал этот народ, кто вёл Авраама и остальных его прародителей. Когда Христос отвечал иудеям, удивившимся на тридцатитрёхлетнего Учителя – "Тебе ещё нет пятидесяти лет, и ты видел Авраама?" – "Авраам был рад увидеть Мой день, и увидел, и радовался", то Он как раз описывал Своё бытие до воплощения в человеческом теле.

После того, как Гавриил с Михаилом добились нужного решения от Кира помочь иудеям и заступиться за них в их конфликтах с соседями, Гавриил сказал, что теперь Даниил должен узнать о дальнейшей судьбе того дела, ради которого создавался Израиль, и снова картина будущего простиралась от ближайших дней до самого конца времени. В этот момент силы Даниила опять потерялись и он повалился на землю, и хотя остался в сознании, говорить не мог, да и всё его тело потеряло чувствительность, он был почти в обмороке.

Снова кто-то из присутствующих в видении, выглядящий как человек, подошёл к Даниилу и коснулся рукой его губ, и это воздействие придало ему достаточно сил, чтобы он мог говорить. Всё ещё лёжа, на большее у него не было сил, он объяснил своё состояние, что все его внутренности перевернулись, он был очень сильно впечатлён тем, как выглядит Гавриил в своей силе и славе. И это было не просто минутное первое впечатление, он до сих пор прямо-таки в самом буквальном смысле подавлен влиянием, исходящим от этого ангела. Наверное, Гавриил, как и в прошлый раз мог скрыть свою силу, но, как я понимаю, откровения о будущем стран и империй и событий вокруг Церкви требовали показать их значимость, так что Даниилу нужно было как-то справиться с этой проблемой. Гавриил не стал уменьшать силу, исходящую от него, но организовал медицинскую помощь ослабшему пожилому человеку. К нему снова прикоснулся тот, кто уже помогал ему, и вместо того, чтобы просто накачать его здоровьем (для них это не составляло проблемы), прозвучал голос, требующий от него мобилизоваться – почему-то было очень важно, чтобы Даниил сам регулировал своё состояние. Ему сказали – "не бойся, мужайся, держись!" И это помогло, Даниил попробовал снова собраться с силами, настроился, и у него получилось, он ощутил себя в гораздо более лучшем состоянии. В этом тоже был огромный урок, о значимых резервах в самом человеке, а также о том, как можно себя укрепить или повредить себе при одних и тех же начальных условиях здоровья. Возможно, что он себя повёл не совсем верно, следуя идеологическим штампам о ничтожности человека перед небесными личностями,

и этим настроем едва не повредил себе. Когда же ему посоветовали не думать таким образом, он значительно улучшил своё самочувствие... Именно он в те времена был лучшим на Земле и стоял очень близко к небу по своему развитию и складу всех качеств характера, ему ясно об этом сказали, обращаясь с большим уважением "дорогой, уважаемый, драгоценный, желанный", но он не сразу это понял.

Теперь ничто не мешало Даниилу слушать. Гавриил продолжил и сказал, что то, что сейчас он будет ему рассказывать, "начертано в истинном Писании", то есть это некие планы Бога, то, как Он наметил историю Земли. Эта книга находится не у нас, на Земле, и нашему вниманию доступен лишь этот отрывок, переданный в одиннадцатой главе книги Даниила.

"Знаешь ли, для чего я пришёл к тебе? Сейчас я пойду бороться с князем Персии, а когда я выйду от него, придёт князь Греции". До времён Греции в Персии будет ещё много царей, но он их всех считает как одного, имея ввиду всю царскую власть. И со всеми ими приходится бороться, поскольку мало кто из них от души следует законам и воле Всевышнего, да и защищать Иерусалим от его врагов не всем хочется, были некоторые, которые хотели его принизить. Ещё хуже то, что сами евреи опять же не были образцом, и за таких заступаться не очень хотелось даже самым благожелательно настроенным из персов, так что работы у Гавриила хватало.

Начинается история Гавриила с того, что в Персии будут ещё три царя, не считая Кира, который правил сейчас, которым он стал помощником. Пока царствует Кир, и после него будут ещё три царя, а четвёртый станет богаче всех прежних царей и начнёт борьбу против Греции. Следующими были Камбиз, сын Кира, затем его то ли настоящий брат Бардия, с которым был спор за власть, то ли поддельный, но Бардия (лже-Смердис) царствовал месяца четыре, и после него был Дарий Первый, а за ним Ксеркс Первый. Этот четвёртый, обретя огромные богатства, начнёт большую (или скорее долгую) войну против Греции, сильной страны, противостоящей Персидской империи. Эта борьба шла больше сотни лет, но Гавриил говорит очень фрагментарно, Александра Македонского он как бы ставит сразу после Ксеркса Первого, однако при Ксерксе борьба с Грецией лишь началась, и, возможно, это долгое противостояние и привело к появлению сильного и успешного вождя, пожелавшего прекратить персидскую угрозу. Концом этой войны станет разгром Персии, ярко представленной борьбой барана и козла-единорога в восьмой главе. Смерть Александра Великого положит конец могуществу греческого мира; завоёванные области, разделённые между соратниками Александра, станут воевать между собой, выхватывая друг у друга земли и власть.

Эта одиннадцатая глава, где разворачиваются все основные события четвёртого откровения, содержит много подробностей, требующих соответственного объёма комментариев. Символов или картин здесь нет, разговор ведётся как будто прямой и довольно детальный. Важно помнить, что последовательность государств уже описана в трёх предыдущих линиях пророчеств, и следовательно, все фигуры в каждом видении будущей истории параллельны друг другу, то есть для последнего рассказа Гавриила почва уже подготовлена. Персия описана до начала войны с Грецией, и вот уже появляется "могущественный" Александр Великий, узнаваемый как "медь" статуи, барс с четырьмя крыльями и четырьмя головами, и козёл-единорог, у которого ломается главный рог и появляются четыре других. Об этом нужно помнить – поскольку история, излагаемая Гавриилом, длится, как и в остальных главах, до конца времени, то она проходит через те же времена и государства, что и предыдущие три линии видений и образов. Символы разные, но обозначают они одни и те же субъекты истории. Нужно лишь заметить переходы из одного состояния в другое, что сделать иногда непросто – четвёртое откровение выглядит не видением, а рассказом, и символов в нём как будто никаких нет. Но они есть – сама история северного и южного царств уже является кодом к верхнему слою значений, селевкиды являются симво-

лами последующих царей Рима и Европы, и всего западного мира под самое окончание повествования.

Первый слой описан очень чётко, почему очень многие толкователи видят там лишь действия Антиохов III и IV, причём до самого конца главы. Но если почти всю главу занимает только один из четырёх рогов, то где Рим из предыдущих трёх видений? Но не зря в третьем видении "малый рог", обозначающий Рим, появляется как бы из ниоткуда. А если в этот раз Гавриил рассказывает о всей исторической последовательности, то почему почти вся глава так неотличима от истории Селевкидов и Птоломеев? Это так сильно смущало богословов и толкователей, что между ними шли сильные споры, но этот подход, что история Египта и Сирии сама оказывается символами на другие времена и страны, неожиданно примиряет обе стороны, снимает неразрешимые противоречия и трудные вопросы. Это возможно в силу параллелей, многое из того (если не всё), что случилось с Антиохом Епифаном, случилось и с римлянами – Марком Антонием, Октавианом Августом, Тиберием и папством. Такое для Библии не ново, хотя и редко встречается – у Иезекииля идёт речь о царе Тира, однако же в некоторых местах описываются вещи, невозможные для человека, и христиане видят в этих фигурах символику, раскрывающую Люцифера, момент его падения, когда он выбрал себе свой собственный кривой путь. Существующее на Земле было использовано для обозначения происходившего в небесах, реальные фигуры становились символами происходившего в далёкой реальности. Повествование откровенно "двухслойное", дающее повод подумать об истории как о повторяющейся цепи событий. Без этого у читателей толкований одиннадцатой главы Даниила, да и даже у самих толкователей (которые видят лишь "нижний" сирийский слой) возникает серьёзнейший вопрос – а куда вдруг делся ожидаемый по предыдущим трём пророческим линиям Рим? Персия на месте, Греция тоже есть, и вдруг всё до самого конца (и конец этот не выходит за рамки 2 века до н.э.) заикливается пресловутым Антиохом Епифаном? И это всё? Но теперь с таким подходом нам будет гораздо легче разобраться в достаточно сложных сплетениях сюжета этой главы. Естественно, события у селевкидов происходят большей частью в течении второго века до н.э., а римские и постримские дела происходят в своё время, от первого века до н.э. до наших времён.

В стихах с 4 по 14 (впрочем и дальше тоже) рассказ идёт о борьбе селевкидов и птоломеев, Сирии и Египта, соответственно северном и южном царствах. После Александра "царство его разрушилось и перешло не к его потомкам, и не с той властью", "его царство раздробилось и досталось ещё и другим, кроме этих". Гавриил упоминает мелкую подробность, важную для историков, которой не видно на "картинках" прежних видений, что когда делили наследие Александра, то делили на пятерых, а не на четверых, Антигон с товарищами был пятым претендентом, но они не удержали своих владений, так что со временем территории были поделены на четыре. Последующие трения между Селевком и Птоломеем изображены так, будто читаешь учебник истории, и в те времена "южный царь" был довольно силен, хотя сегодня для многих он кажется слабой фигурой. В конечном итоге в самом деле юг (где бы и кто бы ни конфликтовал) обычно проигрывает, хотя беспокойств доставляет немало.

После раздела территорий Селевк Никатор правил в Вавилоне. Там он подвергся нападкам Антигона, одного из сильнейших среди претендентов, на мой взгляд. Ему пришлось оставить всё, практически потерять все владения, оставив их в руках Антигона, и бежать в Египет к Птоломею, который пристроил его командиром отряда в сотню кораблей. Потом Птоломей по старой дружбе (и в надежде на успех и немалую добычу) помог Селевку вернуться, чтобы забрать назад свои владения. Спустя одиннадцать лет Селевк отвоевал у Антигона Вавилонию и очень скоро склонил под своё правление окружающие области, и этим стал одним из значимых прави-

телей, собрав под свою руку обширные области. Сбылись слова Гавриила, что "один из его князей пересилит его"⁹² – Селевк некоторое время, в перерыве между царствованиями действительно был на службе у Птолемея. Ещё через одиннадцать лет Антигон был разгромлен и убит, и его царство было разделено между победителями, и теперь Селевк I получил и западные владения с Сирией, став таким образом соседом с Птолемеем. Иудея (в составе Келесирии во владениях Птолемея) оказалась как раз между ними, со временем став причиной раздора между бывшими союзниками.

Птолемея помогал Селевку не только из прежней дружбы, от победы над Антигоном и он получил немало, так как Антигон воевал также и против него, и он сам мог лишиться всего, как и Селевк. Однако же после того, как Селевк вдруг оказался владельцем громадной территории (с их ресурсами, давшими его потомкам возможность мобилизовывать новые силы даже после сильных поражений), отношения не остались прежними. Успех ближнего не всегда вызывает радость у окружающих, так что прежняя дружба потерялась. Самой большой причиной их ссоры была, наверное Келесирия, Иудея с окружающими областями, обоим показалось, что эти земли могли бы принадлежать им. Иудея не была прочно привязанной к Египту, ещё совсем недавно она была провинцией Персии, также Антигон, похоже, владел этой областью некоторое время, так что Селевк, особенно прощупав настроения в этих местах, посчитал, что вполне мог бы считать и их своими владениями, а Птолемея возмущался, что Селевк, и так уже обладая огромной территорией, мог бы удовлетвориться имеющимся и не хвататься за чужое, что он успел застолбить чуть раньше. Мне не удалось найти точных сведений, что происходило с Иудеей во времена, когда Персия исчезла как империя, но кажется, ничего другого, кроме перечисленного, не имело места.

Прошло лет сорок или пятьдесят, правили уже Птолемея II и Антиох II, когда они решили примириться, как в синодальном тексте переведено – "установить правильные отношения". Попытка была как будто правильная, только цена этого примирения почему-то оказалась для коекого неприемлемой. Птолемея II отдал в жёны Антиоху свою дочь Веренику, но Антиоху для этого пришлось развестись с уже имеющейся женой Лаодикой. В те времена две и более жён не было диковиной, но видимо характер Лаодики был таков, что они с новой женой не ладили бы в одном доме. Антиох развёлся с Лаодикой и удалил её с сыном (своим родным, однако) из дворца. В приданое дочери Птолемея отдал и Палестину, так что сейчас она законно перешла во владения Селевкидов. У Вереники родился сын, однако через некоторое время с помощью интриг и хитрости Лаодика сумела вернуться ко двору и восстановила справедливость по своим понятиям. Вереника и её сын были убиты по её приказу, а Антиох отравлен. На трон взошёл сын Лаодики и Антиоха Селевк II Каллиник, для царства вряд ли что-то поменялось, но Иудея и окружающие её земли опять стали спорными.

Гавриил говорит, что "от корня её (Вереники) вырастет отрасль", которая "войдёт в укрепления царя северного" и на некоторое время будет доминировать над северным царством. Этой отраслью был брат Вереники, Птолемея III, он пришёл мстить за сестру и преуспел в этом. Лаодика была убита, множество добычи и ценностей ушло в Египет добычей Птолемея. Иудею он забрал себе, как дар, который потерял адресата.

Селевк Каллиник попытался отомстить, но его поход на Египет не был успешен. Сам он погиб в войнах с парфянами, и два его сына продолжили править. Селевк III правил недолго, был отравлен, но Антиох III был довольно успешен, так что его прозвали Великим. Огромные владения, которые принадлежали ему, давали ему немалые возможности. Разумная экономическая политика позволила ему накопить достаточные средства для мобилизации сил, и он начал войну с Египтом. Первые походы не были такими уж успешными, но он отжимал понемногу Келесирию, однако в 217 году до н.э. в битве при Рафии был разгромлен Птолемеем, который имел

преобладание в военных силах. На эту победу Юга Гавриил сообщает, что от этой победы южный царь "не станет сильнее". Это казалось удивительным, возможно, что Птоломей просто не проявил решительности в тот момент, когда он мог диктовать условия. Но с другой стороны, он мог решить не загонять противника в угол, понимая, что ресурсов у Сирии намного больше, и желал дать возможность Антиоху разойтись с минимальными потерями. Это была четвёртая война Севера и Юга, 217 год до н.э.

Как можно было ожидать, Антиох III вернулся с гораздо большими силами, правда далеко не сразу. Лет двенадцать он собирал силы, наводил порядок в своих владениях, и ему это удалось, хотя в таких больших владениях это делать обычно сложнее, если нет долгой истории и привычки к жизни под каким-то правлением, а греческие царства были в самом деле совсем молодыми. В 202 году до н.э. он начал пятую войну с Египтом, который в это время значительно ослаб организационно. На троне сидел малолетний Птоломей V Епифан, а армию его отец распустил после победы на Антиохом, что создало проблемы для страны в виде бунтов и беспорядков, чему способствовало недоброе правление опекуна малолетнего царя.. Вместе с Антиохом участия в войне принял царь Македонии Филипп, ведя войны в египетских владениях – "многие в то время восстанут против царя южного". В том числе иудеи пожелали быть под правлением Антиоха, они с радостью приняли его и перешли на его сторону, принимая участия с ним в этой войне. Египет был почти обречён, но он подумал о возможности прибрать к рукам Египет более спокойным путём, и с этой целью навязал свою дочь Клеопатру (речь не о Клеопатре времён Цезаря) Птоломею Епифану в жёны, с целью иметь своё влияние через неё. Этот момент соответствует "дочь жён отдаст ему". Этот план не удался, его дочь почему-то приняла сторону малолетнего мужа, отказываясь осуществлять планы отца по захвату Египта. В чём-то Антиох добился многого, Иудея по договору отошла ему уже окончательно, в смысле это было как-то оформлено договором, хотя проблемы с этой землёй на этом не закончились.

Иудеи, пожелавшие быть под Сирией вместо Египта, сделали политический ход, казавшийся им выгодным, однако же сами эти расчёты играть между противоречиями сильных государств не принесли им пользы, напротив, они проиграли, потому что их гарантом должен был быть их Бог. Без Его одобрения, без руководства пророков, у них не могло быть успеха, им нужно было сначала найти Его, прежде чем решать вопросы о союзах с языческими силами. Они же искали помощи у сильных мира сего, и это не довело их до добра. Переход к сирийцам в скором будущем обернётся им огромными проблемами. Политические ходы вместо поиска и следования Пути уже был их духовным падением, и потеря даже условной независимости также ожидала их ещё не один раз.

После этого Антиох занялся расширением своих владений в других местах, однако его успехи привели его к столкновениям с Римом, некоторые из тех, на кого он нападал, были в союзе с Римом. Особенно Ганнибал, примкнувший к нему, настроивал его на войну с Римом. Сначала Антиох отвергал предупреждения и угрозы римлян, но это привело к тому, что они разгромили его и ему пришлось принять невыгодные условия мира. "Обратив лицо к островам, и овладев многими", он столкнулся со Сципионом, "вождём, который прекратил наносимый им позор" поражений, и он сам был опозорен в конце концов потерей армии и непосильной контрибуцией. Римляне, будучи в меньшинстве, разбили Антиоха. Пытаясь собрать деньги для выплаты римлянам, он погиб, пытаясь отобрать богатства храма Бела (другие пишут о храме Юпитера, впрочем, скорее всего это не ошибка, а соответствие римских и восточных пантеонов) в Элимаиде – "споткнулся и упал, и не стало его".

Следующим царём Сирии стал сын Антиоха III, Селевк IV Филопатр. О нём известно, что он был очень жаден и пытался выжимать деньги из всех, до кого мог дотянуться. Кто-то сказал ему, что так он потеряет всех друзей, но он ответил, что его лучшие друзья как раз деньги... Селевк царствовал двенадцать лет, не запомнившись подвигами, и был отравлен Илиодором, как

говорят – "погиб после немногих дней, не в сражении и не от бунта". Он посылал Илиодора за ценностями, хранимыми в иерусалимском храме, что соответствует словам "пошлёт сборщика податей пройти по царству славы", правда взять там ничего не удалось.

Илиодор провозгласил себя регентом при малолетнем сыне Селевка Антиохе, но его идея не встретила всеобщего понимания, и с помощью соседних правителей из Афин был призван брат Селевка (где после освобождения из Рима он жил и занимал положение в управленческой верхушке города). Илиодор был убит, его команда покинула столицу, а брат Селевка женился на его жене и усыновил их детей, при этом принял имя Антиох IV, до этого его звали Митридат. Этот шаг позволил ему выглядеть правым, когда наследник трона Деметрий терял права на царство. Тем, кто возмущался таким ходом, Антиох говорил, что готов будет вернуть трон, как только Деметрий вернётся домой. Дело осложнялось и тем ещё, что младший брат Деметрия тоже стал рассматриваться как наследник трона, а Антиох Епифан объявил себя соправителем Антиоха-младшего. Вообще когда Антиох, тогда ещё Митридат появился здесь, на престол претендовал Илиодор, а также из Египта сестра Селевка и Митридата Клеопатра надеялась продвинуть своего сына (египтянина) на это место. Векторов действующих сил было много, и Антиох смог их всех обойти.

Многие его презирали, он, как пишут, имел эксцентричный нрав, по ночам в одежде простолудина гулял по городу, лично судил гражданские дела и был близок с простыми людьми. Кому-то это нравилось, но при дворе не все это ценили и дали ему прозвище "эпиман" – "безумный", передразнивая "эпифан" – "блистательный". Двадцать четвёртый стих главы говорит о том, что он тратил свои средства, буквально "расточал" их, завоёвывая симпатии важных людей, на деле подкупая их. Но когда он добился своих целей, он стал снова собирать средства, то есть делал это "до времени".

У него многое удавалось, особенно с Египтом. То, что его сестра была там царицей, позволило ему без большой войны с немногими людьми попытаться занять там, под видом помощи и опекуна над малолетним племянником, царём Египта, важные и ключевые места, особенно крепости, куда он назначал своих людей. Такая попытка мирного завоевания Египта позволяла избегать внимания римлян, с которыми конфликтовать ему было не с руки. Но со временем он развязал и военные действия. На то время, после смерти Клеопатры, в Египте было два Птолемея, шестой и восьмой (седьмой номер был почему-то пропущен), не считая их сестры, Клеопатры Второй. Вторгнувшись, пошумев и попугав (победа давалась ему легко, потому что многие были куплены им заранее, там кругом были измены), Антиох заключил мир с Птолемеем VI, дав ему Мемфис, и ушёл из Египта, рассчитывая, что братья будут враждовать и воевать между собой. В принципе, это имело место, но позже, не тогда, когда он рассчитывал на это, а сейчас братья встретились и договорились между собой, что править будут совместно. Таким образом "услуги" Антиоха оказались ни к чему, и его планы потерпели поражение. Поэтому он запланировал другой поход на Египет, а пока он настроился против Иудеи, где он организовал своих союзников-иудеев, всей душой полюбивших греческий мир и ненавидевших всё иудейское, проводить прогреческое культурное влияние "мягкой силой", пропагандировать эллинский, "передовой" стиль жизни в противовес "отсталому, замшелому" иудейству.

В 168 году до н.э. он снова вторгся в Египет. Я сильно сокращаю историю событий, поскольку его политические ходы и интриги мало влияют на то, какое влияние он оказал на положение Иудеи. Но, как говорит Гавриил, этому его походу сильно и очень существенно помешали. Египтяне обновили свой союз о помощи с Римом, и сейчас силы Рима оказались свободны – прежде они были связаны в греческих войнах. Посланник Рима Попилий озвучил требования Рима, чтобы Антиох удалился отсюда. Антиох, озадаченный и раздосадованный сказал, что подумает на этих словах, но Попилий не дал ему времени – он очертил палкой, что была в его руках, круг, и сказал, что он не выйдет из него, пока не даст ответа. Причём нужного ответа...

Антиох был знаком с этими римлянами, за время пребывания заложником он познакомился с очень многими, и не ожидал такой резкости. Хорошо подумав, он ответил, что поступит по совету сената, выполнит то, что они сочли благом. Лишь после этого Попилий подал ему руку как старому знакомому. Такое поведение нарушало некоторый этикет, но видимо происки Антиоха вызывали раздражение в Риме, так что извиняться перед Антиохом не стали. Так исполнились слова Гавриила – "последний поход" Антиоха получился "не таким, как предыдущий", поскольку "одновременно с ним пришли корабли киттимские". Киттим это Кипр, но хотя это не Рим, корабли шли с этой стороны, так что для символического языка вполне подходит (во многих источниках римляне характеризовались почему-то в самом деле именно так), а если корабли Кипра оказывали транспортные услуги Риму, то тем более. Войска Сирии удалились из Египта и на этом их войны остановились. Однако же Иудея, бывшая до сих пор спорной территорией, стала местом, на которое Антиох Епифан обрушил всю злость и досаду из-за разрушенных планов.

И прежде Иудее доставалось с разных сторон, то Птоломей, и не только он, возжелает войти в Святое-Святых, то Селевк пошлёт своих слуг выгрести сокровищницы храма, то сами Иудеи, подражая эллинскому миру, перенимали "самые передовые обычаи", как правило и просто нездоровые, так и входящие в противоречие и с религией отцов, и просто с культурой. Таких эллинизированных евреев было немало, и когда Антиох Епифан вдруг решил заставить Иерусалим стать обычной провинцией, выравнивая их по образцу остальных своих владений, нашлись многие, поддержавшие его в этом. В этом было что-то извращённое – прежние завоеватели остерегались менять что-либо в жизни покорённых, и даже переселённых на другие земли народов. Теперь же, когда в народе, предназначенном быть светом миру, не осталось здоровых сил, близких с Богом, окружающий мир без здорового примера, без сдерживающей зло силы, стал развиваться в плохую сторону. То, что было запретным для множества властителей прежде, утеряло силу сейчас. Антиох IV, раздражённый на жизнь за неудачи, пожелал потешить себя за счёт некоторых, не таких как все. Трудно сказать, чем его раздражала религия иудеев – в те времена они не были такими как сегодня, в одежде и облике народов не было большой разницы, вряд ли больше, чем триста или тысячу лет назад. В прежние времена ненависть против евреев, если и была у кого-то, то только у ближайших соседей, которые если враждуют, то именно в силу столкновений на небольшой территории из-за ресурсов, и поневоле вражда окрашивается едва различимыми различиями во внешнем облике, языке и обычаях, дальние же никогда не проявляли неприязни к кому-либо, они просто гребли всё под себя, пока их сопровождала удача, стремясь захватить побольше, чтобы стать сильнее. Видимо желание отыграться за их счёт было вызвано их культурой, единственное, что их действительно отличало от других, это единобожие. Пророчество отмечает, что этот царь действительно был озлоблен на религию иудеев, и это началось с ним ещё при его первом походе на Египет.

Итак, к этому времени в Иудее были силы, на которые опирался Антиох в своей политике эллинизации этой области. Среди иудеев были и те, кто стал совершенно отказываться от своих корней, многие перестали делать обрезание, чтобы не отличаться от греков, ведущего народа их времени, первых почти во всём, уступающим в военной силе Риму, но и римляне следовали во многих вещах грекам. После первого похода против Египта Антиох установил с ними какие-то контакты и они с радостью стали разворачивать свою деятельность. Они не просто сами шли путём отказа от своей идентичности, но и агитировали остальных, и за ними были определённая сила и средства, в общем, получилась неслабая пятая колонна. В итоге эта эллинизация, активно подогреваемая Антиохом, привела к огромным проблемам и потерям для народа, и даже был убит первосвященник, о чём Гавриил сказал как о гибели "вождя завета". Эти слова несут большой смысл, их настоящее значение касается Мессии, но и первосвященник также является определённым средоточием смысла многих вещей, установленных Богом для Израиля.

Прежние неприятности были лишь цветочками, сейчас же Антиох велел прекратить жертвоприношения в храме Иерусалима, переименовал его в храм Юпитера и лично принёс на его жертвеннике свинью, чем осквернил всё место. Как рассказывает история Маккавеев, людей принуждали отказываться от прежних обычаев, заставляли есть нечистое мясо, убивая тех, кто отказывался это делать. В результате нашлись люди, поднявшие оружие против пришлых и своих собственных осквернителей, и в своей войне они имели успех. Вскоре Антиох Епифан умер, и хотя некоторые властители после Антиоха Епифана говорили о необходимости довершить начатое в Иудее, ничего серьёзного никто не предпринимал, и со временем иудеи добились своего.

Дальнейшие слова Гавриила (36-40 и дальше) к Антиоху Епифану относятся всё меньше и меньше, хотя он тоже и "возвеличивал" себя, и пытался установить нового бога, но здесь это уже натяжки – менять богов внутри одного пантеона как-то просто не считается изменой. Перейти под Зевса, точнее Юпитера Олимпийского, когда семейными богами были Аполлон и Диана, не знаю, великое ли это преступление в глазах греков и римлян, и является ли вообще чем-то таковым. Вполне может быть, что на такое смотрели косо, но на измену это никак не тянет. Вряд ли это равно хотя бы смене убеждений с коммунистических на либеральные или наоборот. Фигуры, обозначенные здесь в пророчестве, относятся уже ко второму слою смыслов, никак не к первому. У Антиоха Епифана было лишь два похода против Египта, тогда как если относить эти стихи к нему, то у него должен бы быть ещё один поход на южное царство, которого просто не было, с тех пор как Попилий выгнал его из Египта, больше он там не появлялся. Также в тексте не раз говорится о сроках, но для греков нигде никто не произносил никаких времён, сроки в 1260 дней ("три с половиной года") были обозначены лишь для Рима, для малого рога, выбившего три, чтобы освободить место для себя. И именно на этот "срок" ссылается Гавриил (в 35 и 40 стихах 11 главы), то есть фигура Антиоха здесь исчезает, и всё упомянутое происходит уже во времена христианского Рима, точнее той организации, что управляла "царями на Земле". Так что сороковой стих, что Антиох Епифан вдруг напал на южного царя "как буря" и всех победил – это, как говорят сегодня, не "из этой жизни", в данном случае не из той. Поэтому пора переходить к рассмотрению второго слоя значений этого пророчества.

Вернёмся назад, чтобы эту же историю прочитать как указатель других событий, других времён и народов, подходящих под то же описание.

Некоторые, без особых на то оснований, библейские пророчества относят к категории некоего жульничества и манипуляций. В самом деле, ряд вещей в истории повторяются, иногда просто в силу того, что сам выбор действий часто ограничен, ну хотя бы факт, что царь может процарствовать и умереть от старости, может быть убит на войне, и может умереть от переворота. Набор из трёх-четырёх вариантов, выбор вовсе не бесконечный, и с вероятностью один из трёх любой может "предсказывать" новому правителю судьбу, а потом с гордостью говорить "я же говорил". Однако же если посмотреть на то, как рисует Бог четыре линии предсказаний в книге Даниила, то понятно, что здесь возможность манипуляций фактами и символами очень сильно ограничена. Как-то манипулировать можно лишь когда есть одно "предсказание", но если вы поставите хотя бы два ориентира, то их совокупность резко ограничивает возможность случайных совпадений. Но мы с вами имеем целых четыре, добротню продублированных, исключаящих игру с фактами. Эти пророчества обрисовывают лишь четыре значимых мировых фигуры – Вавилон, Персию, Грецию и Рим, и жульничать с историей невозможно даже из 2 века до н.э., как атеистические комментаторы пытались представить книгу Даниила, слишком много о Риме простирается в наши времена. Есть, конечно, совсем уж за пределами смысла точка зрения, что на Земле суще-

ствуют силы, создающие историю по заданным, ими же и нарисованным линиям, что существует якобы мировой заговор каких-то невообразимо мудрых (причём на современном уровне) и сильных людей, и это ими придуманы и Библия, и другие религии и священные книги, но помочь исповедующим подобное вряд ли кто может.

Важно. Принцип толкования пророчеств – не всякое пророчество предназначено для того, чтобы мы знали заранее о том, что конкретно и как будет, часто оно становится ясным лишь после того, как исполнится. Именно поэтому они "зашифровываются", чтобы не дать нежелающим его исполнения в руки инструмент против него. Хотя и в этих случаях полезно попробовать поломать голову, напрячь мысль, чтобы в общих чертах угадать что может произойти, и хотя бы без персоналий и исполнителей оценить перспективу. Таковы были очень многие пророчества о Мессии, евангелисты на каждом шагу находили штрихи из самых разных мест Библии, выполняющихся на их глазах. Заранее пытаться понять их было бы очень сложным, практически невозможным делом, но на живом материале, когда пришло время, общая картина получалась куда как более ясная. Впрочем, с "историческими" предсказаниями дело проще, сама природа таких пророчеств требует большей ясности для желающих знать будущее, они для того и даны, чтобы люди заранее ожидали предначертанных событий. Хотя опять же, во времени Даниила события даже Греции могли быть поняты очень расплывчато, из времён Греции просчитывать Рим тоже удавалось бы в самых общих чертах. Однако же из сегодняшнего дня смотреть в прошлое намного легче, и в свете всего сбывшегося легче просчитывать оставшееся несбывшимся. Конечно, от подхода зависит очень многое в том, какая картина будет получаться, но для любителей заниматься этим нетрудно попробовать просчитать их с самых разных подходов, и посмотреть, что из этого получится, чьё богословие более трезво и реалистично.

Разбираться, какой "слой" смысла в том или ином месте преобладает, кажется несложным в принципе. Самое легкое это когда фигуры пророчества легко подходят и выполняются и для Греции, и для Рима. Но часто какие-то признаки применимы лишь в одном из них – например, во втором видении (в седьмой главе) о "малом роге", возникшем на остатках прежней Римской империи, говорится, что ему дана власть на 1260 лет. В четвёртой "серии" Гавриил упоминает не раз о "временах" или "сроках", и эти временные периоды никак не могут быть применены ни к Сирии как "северному царю", ни к Антиоху Епифану – никто не ставил им никаких рамок и не назначал сроков. Уже одно это показывает, что "сроки" надо относить к временам Рима, к которому они и были отнесены изначально, и именно "сроки" являются ключом к расшифровке. Думаю, это важное соображение в попытке осмысления библейского наследия.

Второй слой смыслов появляется в 14 стихе – проявляется Рим, как бы между большими "рогами" Юга и Севера просовывается небольшой поначалу рог Рима, однако он быстро становится гегемоном. Антиох Третий ещё пытался игнорировать его угрозы и воевать с римлянами, но его сын уже не осмеливается возражать, когда Попилий, хотя и старый знакомый, требует от него убраться из Египта. Южный царь пока ещё остаётся на месте, Египет был мишенью и для Рима, как было с Селевками, но северный противник меняет дислокацию, с Египтом вскоре начнёт воевать уже Рим (столетием позже). Кстати, "царём севера" Рим становится вроде как даже по наследству, поскольку владения Селевков стали римской провинцией... В третьем видении (в восьмой главе) Сирия обозначена северным рогом из четырёх, появившихся после Александра Великого, но потом появляется ещё один, сначала небольшой рог, обозначающий Рим, со временем разросшийся, так что прежние четыре теряются из поля зрения, новый рог то ли вбирает их

в себя, то ли вытесняет. Уже во время войн Сирии с Египтом Рим был значимым государством, но до прямых столкновений дело поначалу не доходило, Рим разрастался и набирал мощь.

О "мятежных" из Израиля – с римскими войсками, как и с Антиохом III, тоже выступал отряд евреев, по союзническим обязательствам они должны были помогать римлянам. Однако есть ещё значение слова, переведённого как "мятежные", еврейское "перец" – "тиран, разрушитель, хищный". Это означает как раз Рим, из союзника Израиля (после проблем с Антиохом Епифаном израильтяне заключили с римлянами договор о помощи, подобный тому, что помог Птолемеям в Египте против того же Антиоха Епифана) ставший со временем большой проблемой для него, присоединивший его к своим владениям столетие спустя. Антиох Епифан, причинивший много проблем иудеям, ставил на "славной земле свой стан", но то же делали и римляне. "Разрушители твоего народа поднимутся, чтобы исполнилось видение, и падут" – римляне вмешались в войну селевкидов с птолемеями, то есть появились ещё во втором веке до н.э., чтобы выполнить свою роль в истории, обозначенные в видениях книги Даниила, и пойдут к своему концу.

"Многие восстанут в те времена против южного царя" – это и Антиохи со своими союзниками во втором веке до н.э., в "первом слое", и позже это уже римляне в своих конфликтах вроде бы между собой, однако споры Августа с Марком Антонием принесли проблемы Египту – это "второй слой".

Рим помогал в междуусобной борьбе между наследниками и претендентами на египетский престол. Там много времени действует Клеопатра, которую Египет как бы "отдал" Юлию Цезарю, у которого она просила защиты и помощи. Помогая, Рим этим получил возможности влияния в южном царстве. Гибель Цезаря не остановила связи Рима с Клеопатрой, которая обратила внимание на Марка Антония, который через это оказался позже в опале у Октавиана Августа (между ними было и без этого много проблем, но это был сильный довод против Антония). С этой историей и пророчествами вышел занимательный случай – как-то я рассказывал об этих эпизодах пророчества одному знакомому, который незадолго перед этим смотрел фильм о Клеопатре, и он подхватил мой рассказ, передавая мне уже события из кино. Было удивительно, как мы дополняли друг друга, рассказывая друг другу одни и те же события...

Союз, заключённый иудеями с Римом, помогал им в сохранении спокойной жизни некоторое время, однако со временем дела пошли не лучшим образом, два брата не поделили власть. Оба, Гиркан и Аристокбул, позвали себе на помощь римлян. Когда пришёл Помпей, ему навстречу вышел Гиркан, которому Помпей и стал помогать. Помпей насыпал "осадный вал и овладел крепостью" – в этом времени северным царём был Рим, а южным царством сама Иудея... Оставшиеся в храмовой крепости сторонники Аристокбула были разбиты римлянами, Гиркан стал царём, правда при нём был назначен соправителем идумей Антипатр, Аристокбул же был уведён в Рим пленником. Помпей заглядывал во внутренности храма, хотя Святое-Святых было пустым и могло только навести на раздумья в лучшем случае. Тысячи иудеев погибли в гражданской войне между братьями и осаде римлянами, стена крепости была разрушена (Антиох Епифан тоже сносил её стены, но за сотню лет они были восстановлены), в Иерусалиме и Иудее остались два легиона солдат – "стан северного царя на славной земле", и территория Иудеи уменьшилась, так как многие подчинённые ей города стали провинцией Рима. "Вышедший к римлянам" Гиркан вынужден был "действовать по воле" римлян, получивший меньше, чем рассчитывал. Так политические союзы, заключаемые без совета с Суцим, ни разу не довели до добра иудеев, ни здесь с римлянами, ни прежде с селевкидами. Кто-то может сказать, что в те времена у иудеев не было пророков, и что им оставалось делать? Но что-то не осталось никаких свидетельств, что это их тяготило и они пытались как-то это исправить. Искали ли они своего Бога в те времена? На помощь призывали, времена Маккавеев привели к некоторому возрождению национального и религиозного духа, но не до такой степени, чтобы Бог явным образом вернулся к

ним. Хотя надо отметить, что у иудеев остались предания о тех временах, что Бог всё же не покидал их совсем, и я с этим согласен, иначе бы их не осталось вообще, но этого слишком мало.

Дальнейшие изыскания этой главы требуют детального рассмотрения.

Триумвират Юлия Цезаря: в 17 стихе царь севера "вознамерится войти ... и совершит это" – Цезарь собрал триумвират с Крассом и Помпеем, чтобы разрешить проблемы власти, происшедшие из конфликтов с сенатом. После гибели Красса и успеха в борьбе против Помпея он достиг пика своего успеха и карьеры. Тогда ещё Египет мог мирно присоединиться к Риму, поскольку Клеопатра была его наложницей, но по политическим соображениям Цезарю было невыгодно делать это в данное время – у Египта были большие ресурсы, и правящий Египтом имел возможности обрести большее влияние в Риме, но именно это вызвало бы опасения и зависть у сенаторов. Связь в Цезарем, как и позже с Марком Антонием не дали успеха ни Клеопатре, ни Египту, но её причастность к раздорам в Риме привели в конце концов её саму к бесславной гибели.

Юлий Цезарь в галльской компании был весьма успешен, высаживался на Британских островах, взял восемьсот городов, воевал с тремя миллионами человек, из которых миллион был убит и столько же захвачено в плен⁹³. Но триумвирату был нанесён тяжёлый урон, когда Красс, владеющий Сирией, погиб в войне с парфянами. Здесь исполнились слова "некий вождь прекратил позор" от римлян, и "свой позор обратил на него" – сравнительно небольшое войско в одиннадцать тысяч разбило семь легионов, около сорока тысяч солдат, половина из них погибла и половина из оставшихся попали в плен. Это был очень чувствительный удар по славе Рима. После этого парфяне напали на принадлежащую Риму Сирию.

В то время, когда Клеопатра была с Юлием Цезарем, он уже имел планы на то, чтобы подчинить себе Рим полностью, претендуя на императорский пост, высшее положение, когда сенат перестал бы мешать ему и прекратилась угроза лишения его полномочий, что соответствовало "замыслам на крепости своей земли". Он начал реформы законов, меняющие систему управления, он был недалёк от успеха, но заговор против него положил конец его претензиям, он "споткнулся, упал, и не стало его".

Октавиан Август: после Юлия Цезаря, "споткнувшегося, упавшего", встал Август, который провёл перепись, которую осуществляли сборщики налогов, в том числе "в царстве славы", на "земле Эммануила", и этот штрих, казалось бы ни к чему не относящийся, говорит много, так как именно из-за этой переписи Иосиф с Марией должны были отправиться в Вифлеем, где родился Мессия в очень круглую дату, четырёхтысячелетие, если считать от создания Земли. Он известен многим, в том числе войной в Египте с соперником Марком Антонием, проводившим время с Клеопатрой, избравшей его после Юлия Цезаря. Эта война окончилась гибелью обоих и присоединением Египта к Риму в качестве провинции. Практически сразу после переписи, "после немногих дней", Август умирает в своей постели, "не от возмущения и не сражения".

Тиберий: Тиберия, следующего правителя Рима, Гавриил описывает как "презираемого", который займёт высшее место в Риме не с помощью заслуг или подвигов, но хитростью. С помощью игры он (больше действовала его мать) сумеет создать благоприятную для себя ситуацию. Он выглядит довольно драматичной фигурой. Часто он выглядел неудачником, многие его в самом деле презирали, хотя то, что он был официальным наследником Августа, открывало ему много возможностей, его уговаривали занять его место, когда он то ли колебался, то ли набивал себе цену. Во многом он выглядит намного позитивнее многих, место ему "пробила" скорее его мать, чем он сам. Он был не склонен бороться за высшее место, удалялся от суеты, сеял по возможности мир, убирая семена войн – раздоры. Его лишили любимой жены, заставив жениться

93 Свидетельство Плутарха, "Жизнеописание Цезаря".

на другой, которая позорила его своими изменами, так что Август, сам же давший ему и первый и второй браки, позволил ему развестись с той, которая была условием его наследования ему. По сравнению с Августом и Марком Антонием он выглядит жертвой того, чем был Рим с его не лучшими на Земле нравами. Если Израиль был проектом Бога, чтобы через предназначенных к этому людей и общество нести в мир Его принципы, то Рим выглядит как подобный же проект Люцифера с подобными целями. Мир, где общество может процветать (правда, без малейших гарантий для членов этого общества, и Люцифер как бы беспомощно разводит руками – "ну это же свобода жить так, как хочешь, вы же этого хотели?") без праведности (скорее с какой-то ограниченной её версией), наверное и есть его идеал, если он у него вообще есть, так как кажется, что несмотря на его желание что-то такое выстроить, настоящая его цель есть разрушение всего, в том числе себя. Бессознательная его часть стремится к этому, используя живое для этой цели, даже вопреки себе.

Не поэтому ли сатанисты, обретя власть, не могут похвалиться логичностью целей – они сами по себе и желали бы что-то построить, и могли бы достигнуть чего-то, но их дёргают сверху (или снизу?), заставляя действовать против своих собственных интересов, и они слушаются, из "высших соображений" действуя против своей природы.

Именно в правлении этого "презренного" происходят важнейшие события – смерть Христа и отвержение Его Израилем. Вожди этого народа оказались на той же стороне, на какой находилась верхушка Рима – возможно, была какая-то связь, а не просто происки князя тьмы – дух, правящий Римом, заражал и его подопечных. "Всепотопляющие полчища", "потопленные" Римом, можно понимать и как просто военные успехи Тиверия, и как как бы неспособность всех ангельских войск защитить своего Вождя, Сына Бога (неспособность тут не при чём, Он пришёл на Землю именно для этого, сняв всякую защиту осознанно), Рим оказался как бы сильнее.

"Двухслойное" повествование позволяет не излагать события верхнего, более позднего слоя непрерывно, тем более что "верхняя" история движется куда быстрее, переходя, а то и "перепрыгивая" в Средние века и дальше, в наши времена. "Южный царь", Египет, не преуспевает в войне, даже его успехи нивелируются последующими проигрышами. Ложь друг другу говорили и Антиох Птоломеям, и Август Марку Антонию и сенату. "Участники трапезы" меняли хозяев, переходя на службу более сильным или платящим больше. Но фраза в 27 стихе, что "конец отложен до времени" неприменима к первому "слою" сирийско-египетского конфликта, в то время никаких пророчески назначенных времён нет, кроме 70 недель, 490 лет для Израиля и Мессии, однако эти "недели" относились к Израилю и никак не соприкасаются с другими народами. После "недель" через некоторое время начнутся "три с половиной года", это они присутствуют во втором слое значений.

Отступление Церкви: двадцать третий стих говорит о некоем союзе северного царя с Вождём Завета. Формулировка указывает уже на Церковь, не на Иудею, о которой используются выражения "земля", у народа Суцего нового времени нет своего владения в этом мире или привязке к какому-то народу, речь идёт о христианстве. Нужно заметить, что это времена, когда христианство уже существовало пару веков, прошло определённые стадии развития, характеризуемые не только достижениями, но и потерями, когда стало возможным использовать его в своих целях (начальное христианство не смогло бы пойти на компромисс с властью ради выгод для себя). Христианство ещё было сильно духом, поэтому речь не идёт об отступниках от Завета, как вскоре пойдёт об этом речь, но признание Константином за христианами права на их веру принесло новые испытания и искушения. Если до сих пор работал некоторый отбор, гонения отсеивали из среды христианства неверующих людей, то теперь эта удерживающая сила прекратила

своё действие⁹⁴, в церковь пошли случайные люди, а после того как условием попадания во власть стала принадлежность к христианству, туда потянулись самые отбросы. Константин как император видел, или скорее нуждался, в новой идеологии, позволяющей объединить общество, мобилизовать его для видимых ему целей, и он нашёл в христианстве то, что могло послужить его целям. Небольшие усилия и обман привели к появлению негативного отбора в Церкви.

Я не хочу сказать, что христианство не может принести обычным людям, далёким от Бога и Его законов, какую-то пользу. Польза всегда будет, только не всегда она будет служить благу людей, если они будут склонны использовать обретенные ресурсы на недобрые цели. Простейший пример – здоровье, приносимое Христом толпам, могло кого-то настроить на продолжение капризов и нездоровых привычек, почему Он самым явным образом предупреждал людей больше не грешить, чтобы чего худшего не обрушилось на их головы. Но те, кто живёт не полностью по заветам, склонны модифицировать их под своё понимание (как правило искажённое), человеческая природа сама по себе очень ненадёжна (когда хотелки занимают место необходимости или эмоции заменяют мысль), особенно когда требуются точнейшие и высочайшие духовные "технологии", и вместо них производят нечто, никак не приемлемое для неба и для совершенствования рода человеческого, почему здоровым силам Церкви приходится поневоле быть в той или иной степени в оппозиции земным начальствам, если они не проводят здоровых принципов.

Проблемой стало то, что Константину, при всей симпатии к христианству, нужно было нечто достаточно действенное, с гарантией успеха в народных массах. Христианство и вообще законы и уставы Бога, направлены к полному восстановлению или "спасению" человека, всякое снижение стандарта означает гарантированный провал, святость немислима наполовину или отчасти⁹⁵. В непавающей вселенной царит полное здоровье, и допустить туда носящее в себе невыкорчеванные ростки зла означает запустить все проблемы по новой. Человеческая природа способна быть приведённой туда, откуда упала, поэтому снижать стандарты совершенства нет ни малейшей нужды. Ребёнок, учащийся ходить, даже ему помогают подпорками, всё же имеет цель ходить самому, остаться на подпорках и привыкнуть к ним навсегда при здоровых ногах означает как раз покалечить его природу. Однако же тем, кто работает с обществом, ясно, что праведность и святость вещи статистически возможные, но никак не всеохватные, и даже процент таких людей чаще мал, чем достаточен. При определённых усилиях и создании нужной инфраструктуры в области воспитания этот процент может быть достаточно высок, но обычно этим управляющим это не по карману и не по характеру, поэтому им кажется, что можно ограничиться малым. И они создают свою версию церкви, которая помогает обществу держаться в неких ограниченных рамках, лишь бы сохранялась управляемость. В случае слабых моральных

94 В первом веке, когда Церковь была заметно сильнее и чище, апостол Павел говорил (2Фес.2,7), что вскоре сдерживающая сила, не дающая отступлению проявиться в Церкви, прекратит своё действие. Его предвидение к данному моменту давно уже сбылось, теперь же была устранена, пожалуй, последняя преграда.

95 Конечно, когда человек начинает Путь, он несовершенен, не всё у него получается сразу или не всегда, но когда он в контакте с Богом, то он получает от Него своего рода "заряды" совершенства, Его совершенства, настоящего, и этот двигатель продвигает его по ступеням. Если же законы обложить оговорками, снижающими абсолютность требований, вместо максимума дать целью средний результат, то характеры, поставленные на таких ослабленных требованиях, не выдержат вечности... Да даже и в этой жизни ни на какое серьёзное дело не сгодятся, такой вот парадокс. Как бы ни был слаб человек (а не все слабы, и даже слабый вполне развивается в сильного, если движется к цели), нельзя давать ему ограниченный стандарт святости. Можно не все цели ставить ему сразу, можно щадить его надломленный стержень, но если он будет получать неверный ориентир, потом, когда он станет крепче, он скорее будет склонен держаться уже привычного, и не выдержит перемен, когда придёт время познакомиться с настоящими требованиями. Он может посчитать их ложными... Ну как если бы детей приучить сначала ходить на костылях, а потом, когда станут взрослыми, пытаться их переучивать на нормальное владение ногами.

кондиций управленца или его команды получается достаточно неприглядные вещи – они сами не ограничены ничем, кроме опасений бунта, но от нижестоящих (поскольку они сами плохие дядьки, поэтому у них большая часть людей быдло, и в силу их настроения рассматривать так остальных, и в силу того, что они вольно или невольно продуцируют проблемы народу) требуют всего, чего не хотят делать сами. От народа требуют полной покорности, тогда как вождям могут позволять многое.

Константин делал богатые подарки церквям и тем, кто соглашался идти в русле его замыслов, чтобы религия перестала быть средством совершенствования (о спасении уже не говорили, о поголовном спасении всерьёз говорить нельзя, не отвергая свободу выбора человека, невозможно заставить спастись...) немногих желающих и занялась воздействием именно **на всё общество**. Это, хотя не затрагивало вроде бы никаких доктрин, было чрезвычайно важным пунктом, поворотным во всей истории христианства – массы людей никак не пойдут в спасение, у каждого своя голова на плечах, и свои собственные эмоции по поводу того, что желают им преподать или добиться от них. В силу свободы выбора все никак не захотят не то, что достигнуть рая, а просто изменить характер в лучшую сторону. Часть сил в церкви поняла, что от них требуют найти механизм не спасения, а лишь управляемости общества, и они взяли под козырёк. Царь сказал "надо", и нашлись люди, ответившие "сделаем"... При этом свобода человека, свобода выбора, несколько пострадала. На всякие посты теперь предпочитали христиан, якобы они вроде при прочих равных условиях всегда лучше нехристиан, однако с тех пор, как церковь стали делать массовой, туда пошли (вольно или невольно) всякие люди. Христос в одной притче, обрисовывая природу Церкви, назвал её подобной неводу, собравшей рыб всякого рода, чистых и нечистых. На берегу улов рассортировали – нечистое отпустили назад, а чистую направили дальше на переработку. Теперь же церковь меняла устои – чистое и нечистое должно было без разбору быть в одной упаковке. Далеко не все руководители церкви смогли принять такое положение вещей, но те, кто принимали новое положение вещей, получали привилегии от царя, получали богатейшие приходы и огромные средства. Так двадцать четвёртый стих говорит о "имуществе и богатстве, расточаемом на своих", на поддержку единомышленников и создание условий для возникновения церкви иной формации, у которой "царство от мира сего".

В прежней церкви (она впрочем никуда не делась, продолжала существовать рядом или вдали от центров массовой церкви) люди обретали членство после серьёзных перемен в жизни и характере, отречения от прежних ложных или неверных устоев, но теперь, поскольку в церковь нужно было загнать большинство народа, если не всех, стали принимать в неё на основе поверхностного заявления, никаких покаяний и отречений от прежней жизни не требовалось (или достаточно было заявить об этом). Для многих это было изменой Богу, чем оно и было на самом деле, но такой настрой на изначальные принципы был не у всех, и Константин торжествовал победу.

Для "второго слоя" стихи с 25 по 27 мне кажутся незначимыми, похоже, их смысл остался лишь в "первом слое" – наверное, я слабо знаю историю, не заметно никого, кто был бы "южным царём" для Константина. Но если попробовать рассматривать Рим и Константинополь в роли Юга, поскольку в те времена Рим испытывал большие потрясения от нашествия варваров, которые шли с севера и востока, то получается вполне вменяемая картина. Скорее всего так и есть, Рим пал, как всякое "южное" государство, потерявшее смысл своего существования, погрязшее в излишествах и невоздержании. В этих условиях выстояла восточная часть римской империи, где церковь расцвела, а потом, прибрав к рукам Рим, выросла в западную церковь, католицизм. "Конец, отложенный до времени" – очень похоже на то, что конец Юга, который в данном отрезке времени означал сам Рим, не состоялся – Константин перенёс столицу в Византию, а потом Рим возродился под управлением церкви новой формации. В 28 стихе говорится о "враждебном на-

мерении" против Завета, устоев христианства, который осуществился в перерождении Церкви из божественного орудия по возвращению человека в безгрешное состояние в подручное для царей и правителей средство управления массами, о чём я говорил выше.

Стихи 29-31: итак, если теперь "царём севера" являются варварские племена, то второй их поход привёл к тому, что "южный царь" остался на своём месте, как это было с Египтом, когда в тот раз римляне помешали Антиоху Епифану действовать захватывать его. К этому времени Рим имел сторонников среди новых королевств, и кое-кто из них (таким был Хлодвиг, король франков), стали поддерживать претензии римского епископа, из простого пастыря пожелавшего стать не просто первым среди равных, но главнейшим среди других епископов. Это было время, когда осуществлялось предсказанное в седьмой главе Даниила, малый рог на голове зверя вытолкнул три, мешавших ему. Три племени, исповедующих арианство, своим присутствием в Италии сильно ограничивали епископа Рима, и Юстиниан послал Велизария помочь папе избавиться от соперников. Война шла в течении двадцати лет, и наконец, в районе 530-540 годов нашего времени, для Рима открылась широкая дорога к осуществлению своих честолюбивых замыслов. Наступало Средневековье...

Ограничения от ариан вызывали "упадок духа" у тех в Риме, кто руководил церковью, и "соглашение" с внешними силами, с Юстинианом, привело к тому, что на помощь к ним была "поставлена часть войска, которая осквернила святилище могущества, прекратила ежедневное служение и поставила мерзость запустения", то есть дало этой церкви управлять по её правилам. В массовой церкви священство оказалось выделено в особое отдельное сословие, подобно ветхозаветной левитской системе (хотя со времени, когда символы Святилища пришли к своему исполнению в Мессии и Его жертве, вся левитская система потеряла смысл), и это привело к тому, что они стали посредниками между людьми и Богом, заменив в этом Христа. Кроме них, появились и другие посредники – святые подвижники, как бы более близкие людям, чем небожители, как если бы Христос не был Сам Человеком в человеческом теле, как будто Он в чём-то мог не понимать нужд человека. Этот сонм посредников разлучил в некоторой степени людей с Богом, их взгляды отвернулись от того места, где Христос занимался службой для них, настоящим посредничеством, а не тем символическим самодельным, что происходило в церквях на Земле. С развитием и ростом этой церкви усиливалось и запустение, не только в душах и умах людей, но и во всех сферах жизни, о средних веках редко говорят хорошее, да и то, в основном в области экзотики.

"Поступающие нечестиво против завета" составили костяк системы, выгодной власти. Однако же в разных областях и странах многие племена исповедовали христианство более простое, может быть не совсем свободное от испорченности, но всё же не позволявшее вбирать в церковь людей необращённых, не собиравшихся полностью подчиняться условиям спасения. Их бы можно было назвать протестантами, потому что с ними их роднит изначальная простота, изложенная в Библии, по сути протестантизм был возвращением к истокам, и не был новым учением, но древняя простота всегда была неподалёку от людей и именно из этого источника, не покрившегося католицизму, произрос и протестантизм.

У религии новой формации были свои соображения и оправдания – взять себе только желающих другой жизни означало оставить всех остальных за бортом. Вроде бы такая цель позаботиться обо всех выглядит благовидно, однако работа с теми, кто не желает становиться на Путь, совсем иная, чем с добровольцами, в ней поневоле приходится использовать принуждение. Не лучше ли всех сделать христианами насильственно, чем позволить всякому там язычеству продолжать существовать рядом с возвышенным истинным путём? Впрочем протекционизм к христианству уже обеспечил переход большинства на его сторону, но кому-то хотелось ещё большего – в такой системе духовное лицо обладало куда большими возможностями, чем в чисто духовной организации, где максимальное наказание это всего лишь исключение из членства. Разуме-

ется, при этом происходило глубокое перерождение той среды, что взяла курс на угождение властям века сего, что вскоре привело, и не могло не привести, к гонениям на тех, кто придерживался прежнего христианства, в котором Христос заявил "царство Моё не от мира сего".

Массовая религия, имея своей целью влиять на всех, должна была разработать некую систему, обеспечивающую влияние на большинство, куда включались и культурные элементы, песни и украшения. В изначальном христианстве средством работы с людьми было слово (не единственным, но ведущим и определяющим), оно обеспечивало всё для всех желающих, но поскольку в новой системе вещей приходилось иметь дело и с нежелающими, то надо было выстроить какую-то систему агитпропа. Дело не новое, но давно уже разработанное в языческих системах, так что неудивительно, что христианство нового образца взялось наполнять старые, давно известные людям формы новым содержанием. Они вполне работали и на новых хозяев.

Может быть у меня эта идея нездоровая, но иногда всё же я думаю, что господствующие правящие религии могли бы не гнать христианство изначальное, разделив в какой-то степени сферы влияния. Серьёзно интересующихся спасением и совершенством можно было бы оставить для "старой" церкви, где нет икон и пышно одетых священников-посредников, а всех остальных, кто не озабочен вечностью, оставить для "новой" церкви, считая друг друга "внешним и внутренним кругами" одной системы. Хотя "нежелающие" вообще-то должны быть заботой не Церкви, а государства, так что эта моя идея очень слаба, разве что сами рецепты и нормы "внутреннего" круга будут всё равно оказывать влияние на всё общество, как и должно быть, но не прямой силой диктата, а именно идейно.

Впрочем, при той обстановке, когда после признания христианства и допуска на всякие должности только христиан, в церковь пошли косяками как раз худшие представители рода человеческого, иной вариант было трудно осуществить, они решали дела так, как привыкли, не миром и не гармонией... Наверное, слишком наивно, но это могло бы быть определённым решением, потому что понятно, что язычество не могло оставаться состоятельным рядом с христианством, и когда-то всё равно бы пришлось заниматься теми, кто уже не может быть язычником, но и не желает при этом никаких духовных подвигов, ни "спасения", ни совершенства. Так что этот вопрос всё ещё висит... Я не хочу при этом сказать, что в массовой церкви нет стремления к совершенству и спасению, я имею ввиду лишь чтобы люди иной веры не рассматривались как чуждые или вредные. При разработке символики как-то возникла проблема "инославности", которая вдруг стала знаком враждебного, хотя многие сегодня согласны, что человеческие "перегородки" между церквями "до Бога не доходят". Эту проблему пытаются решить многие, но экуменическое движение его не решает в принципе, потому что пытаются достигнуть объединения компромиссом, взаимоуступками, отказом от каких-то незначимых вещей обеих сторон. Было бы правильно не отказываться от своих особенностей, а отказаться считать особенности других неприемлемыми. Все вещи символической природы, как на первый взгляд мне кажется, могли бы быть сняты с рассмотрения как преграды к единству. Вопросы различий существенны только в разнице учений и доктрин, лишь здесь стоит быть серьёзным в определении приемлемых и неприемлемых различий.

Сопrotивление: круги, не принимавшие лидерства римского епископа, были временами ожесточённо преследуемы. Области, которые исповедовали старую религию, подвергались иной раз поголовному уничтожению. Это именно в таких войнах против Провансаля, население которого исчезло в резне, устроенной католиками, прозвучали слова "убивайте всех, Господь разберётся, кто еретик, а кто свой". Но далеко не всегда жертвы гонений вели себя покорно, города

приходилось брать осадой, и католики в этих войнах гибли также, как и их жертвы, если среди осаждаемых случались воины, а не только женщины, дети и старики. Лишь в событиях Варфоломеевской ночи гугеноты почему-то не оказали сопротивления, хотя их воинственность и храбрость были хорошо известны. Впрочем так случалось лишь когда большинство населения были не католики, когда же большинство было на стороне господствующей церкви, то об организованном сопротивлении говорить не приходилось, людей просто арестовывали, и они не оказывали сопротивления, чтобы не прослыть бунтовщиками, как их рисовали их обвинители. В Пьемонте, в Италии, довольно недалеко от центра папства, долгое время был центр европейского Сопротивления, христианство изначального образца, и никто не мог найти их, в то время как их посланники ходили по всей Европе и всем желающим рассказывали о принципах истинной Церкви, продавая рукописи отдельных библейских книг, чтобы люди могли сами сравнить слова Бога с тем, что им преподавали в их церквях. Тех, кто опирался на Библию, называли еретиками и язвой общества, угрожающей благополучию государств, и это говорили те, кто запретил людям читать её. В самом деле, извращённость среди павшей церкви разрасталась, и дошло до того, что простое чтение Библии делало для слишком многих явным, что они находятся где-то далеко от Пути, и это привело к тому, что не только мирянам, но даже низшему духовенству было запрещено читать первоисточник. Этот запрет был отменён лишь в 20 веке...

Это Сопротивление, корень и исток протестантизма, был тем, о котором Гавриил говорит (32-35 ст.), что "разумные из народа вразумят многих". "Люди, чтущие своего Бога, усилились, и действовали", хотя все средние века им приходилось чрезвычайно тяжело, они "страдали от меча, огня, плена и грабежа". Их имена пытались покрыть позором, но из многих обвинений, брошенных на них сторонниками Рима, немногие были правдивы. Понятно, что в условиях отсутствия света многие люди в самом деле впадали в разные виды испорченности, средневековье было жутким временем, худшим из всех времён на Земле, но обвинения на христиан древней формации были ложными, кроме тех, что они верят не так, как "положено". В 16 веке вспыхнула Реформация, когда в среде самых строгих и серьёзных католиков неожиданно вспыхнул Поиск, приведший к возрождению не только веры, но и начал христианства. Появились "разумные, вразумившие многих", которым помогали князья и сама эпоха. Европа, ослабленная католицизмом, нападками со стороны Турции, не смогла собрать крестовый поход против Реформации, и она выжила и укрепилась. Отсюда началось возрождение тех стран, которые приняли обновлённую религию и отказались от старой. Да и как было не отказаться от того, что вело в упадок и разоряло народы. Некоторые из князей, даже вернейшие католики, видели, как нищает народ, тогда как высшие иерархи купаются в роскоши. Орден нищенствующей братии соблазнял молодёжь, и немало из многообещающих молодых людей вместо университетов уходили к этим монахам. В Англии цари и князья скрипели зубами, видя, как деньги, собранные в налогах, уходят за границу, во вражескую Францию, где одно время была резиденция пап. Они были в войне с Францией, и на деньги Англии их враги вооружаются и приходят убивать их... Это не могло не породить идею перестать поддерживать католицизм, и в Англии появилась первая независимая церковь, пусть по форме она почти не изменилась, но это был очень мощный прецедент. Пусть "притворно", но очень многие были согласны с идеями Лютера и других вождей Реформы, тем более что поначалу никто из них, особенно Лютер, не собирался отпадать от матери-церкви, думая лишь вернуть её на здоровые начала. Собственно, поэтому у него и было множество сторонников в Германии и других местах. По мере хода борьбы за перемены к лучшему люди увидели, что Рим далеко не то, чем претендует быть, и когда Лютера отлучили от церкви, многие решились идти с ним до конца. И победили.

В стихе 35 Гавриил говорит о страданиях и гонениях на Реформацию, которые случились потому, что "ещё есть время до срока" – недавно, говоря о плене, я говорил, что все проблемы Церкви были обеспечены отступлением Израиля, старательно саботировавшим планы Сущего.

Плен и последующая зависимость этого народа от внешних сил по наследству передалась и Церкви, вместе с их болезнями. Сейчас трудно предполагать, что это могло бы быть, будь цари Израиля все подобны Давиду и Соломону в их лучшие времена, теперь же на долгие две с лишним тысячи лет людям, служащим Богу были обеспечены большие проблемы. Удивительно, как вообще представители Церкви выжили и достигли времён Реформации, когда их дело получило мощную поддержку в этом мире. Гус, Иероним и многие другие погибли в кострах или в застенках инквизиции, но к счастью, когда началась Реформация, большая часть ключевых фигур не пострадали и смогли довести своё дело до более-менее успешного конца, когда их достижения уже не могли быть оспорены никем в Европе.

После этого Гавриил с 36 по 39 стихи описывает характер и признаки антихристианских сил, олицетворяемых здесь северным царём. "Вознесёт себя выше всех", "о Боге богов будет говорить хульное и будет иметь успех" – это повторение характеристик "малого рога" на четвёртом звере из седьмой главы. Здесь характеристики более подробные, он ещё "не уважает желание женщин" – верно отражена политика католицизма о безбрачии священников. "Будет чествовать бога крепостей" – не знаю, как это воспринимается в римской церкви, но со стороны многие видят, что цель этой организации – власть, власть, и ещё раз власть. Для этого и собирались всякими правдами и неправдами огромные сокровища, которые высасывались из стран и народов, из бедных и богатых. Для этого начинались самые нездоровые предприятия, одно из которых переполнило чашу терпения народов и подняло протест Реформации – индульгенции.

Слова Гавриила о "чужом боге" несложно соотнести с католицизмом, просто посмотрев на фигуру Папы, которому придали весьма высокие атрибуты, дошедшие до термина "Господь Бог Папа". Видимый глава земной церкви богословами этой системы был уравниён со Всевышним, пусть и не во всех аспектах, однако же сама попытка очень показательна. "Тем, которые признают его (чужого бога, т. е. Папу) увеличит почёт и даст власть и раздаст земли в награду" – что из этого не совпадает с практикой католицизма?

Правда, есть ещё кое-что в истории католицизма – реакция на всё, сделанное им во Франции и Европе – Французская Революция 1892 года. Люди в то время отвергли религию вообще, там появился атеизм в виде господствующей идеологии, и то, что некогда делали католики с протестантами и гугенотами, сделали уже с ними самими, и останавливать толпу было некому. Кстати, именно тем, что страна была вычищена от последователей более чистого понимания Евангелия, и довело страну до того, что беззаконие в отношении угнетённых классов и групп превысило всякие пределы, отчего разгорелся огонь гнева, когда любая религия стала казаться злом. Правда, года через три религию снова разрешили, потому что беззаконие в массах вместо того, чтобы ослабеть после уничтожения "корня зла", как они думали о религии, стало принимать ещё более устрашающие формы, чем было до того. Но "богиня Разума" и "религия истины" или науки, если и имеют отношение к этому пророчеству, то скорее как гармоника рядом с главной частотой, но не основным сюжетом предсказания.

Забегая немного вперёд, в двенадцатую главу, можно видеть, что на всё, что говорит Гавриил, установлены сроки⁹⁶. "Когда всё это будет?" – спрашивает один ангел другого, и звучит ответ, что эти события будут происходить в пределах трёх с половиной лет, или те же 1260 лет, что указаны и в седьмой главе книги, во втором видении о будущем, время владычества "малого рога". То есть нужно рассматривать историю именно Средневековья на материале споров эллинской Сирии и Египта. В самой истории Селевков и Птолемея нет ответов, они лишь указатели, ссылки на другие фигуры, более важные.

Итак, "под конец времени" царь южные нападёт на северного, и будет разбит, многие страны и народы юга пострадают. Срок в 1260 лет начинает своё отсчёт с 538 года, когда с Рима

была снята осада ариан, и заканчивается таким образом он в 1798 году, в это время революционными войсками Франции в Итальянском походе был пленён папа. Господство римской церкви над Европой было утрачено гораздо раньше, теперь же была подведена заключительная черта. В это время Наполеон начал Египетский поход, с целью укрепить своё положение во Франции, набрать очков в стремлении забраться повыше. Этот поход был вызовом многим – и Англии, и Турции, под чьим протекторатом был Египет. Турция в те времена сконцентрировала в себе всё, что нужно было, чтобы быть "южным царём", участвуя уже давно в политике, где у неё была своя немалая роль. Так что Наполеон, вторгнувшись в Египет, прошёл также и в Палестину, стремясь нанести удар по скрывшимся в Сирии войскам Египта. Земли Едома, Моава и Аммона остались в стороне от его маршрутов, а по территории, где когда-то был Израиль, прошли и даже повоевали армии Наполеона.

Однако "слухи с востока и севера" не относились к этому времени, они были только с севера и скорее с запада, Нельсон разбил его корабли и вынудил к эвакуации его войска, и это ещё была милость со стороны победителя. Отчасти можно найти какие-то соответствия и для Наполеона, так как он предпринял поход и против России, где потерпел поражение и вскоре, ещё через пару лет "пришёл к своему концу, и никто не помог ему". Однако же если он и устраивал стоянку "между морем и горой славного Святилища" (которого давно уже не существовало на Земле), то делал это до "слухов с востока и севера", а судя по рассказу Гавриила, царь севера должен устроить свой лагерь в этом месте после известий, разъяривших его. "Конец времени" имеет смысл не только как конец 1260 лет, но и конец времени в смысле "последнего времени", когда, по словам Марты⁹⁷, сестры Марии Магдалины, будет воскресение мёртвых и конец будет уже полный, в самом полном смысле этого слова.

Каждое поколение религиозных людей было склонно считать своё время последним, хотя далеко не у всех были для этого веские и достаточные основания. С одной стороны, это было своего "must have", "правильное" отношение к вещам, ещё со времени ухода Христа с Земли начали говорить об этом. Однако же при серьёзном рассмотрении этого вопроса Павел писал остальным, чтобы они "не спешили смущаться" от вестей, что скоро конец⁹⁸, потому что прежде чем на самом деле наступит это "последнее время", должны исполниться пророчества, к этому времени относящиеся. И ссылается как раз-то на Даниила, на "малый рог", говорящий богохульно. Если утратить из вида эти предсказания, то создаётся благоприятная почва для фанатизма, кликушества и прочих подобных извращений здоровых самих по себе вещей.

Так что после окончания времени господства католицизма пророческие времена ещё не заканчиваются, 2300 лет ещё длятся, хотя тоже близки к концу, до которого всего несколько десятилетий. Но время в эту эпоху начинает нестись вскачь, новое время приносит немало прогресса, наука также сильно изменяется и изменяет наш мир. Северным царём можно рассматривать Европу в целом или Британию во время её колониального расцвета, хотя в её время не происходит ничего знаменательного вокруг Церкви. На роль северного царя самых последних времён вызревает ещё одна страна...

Обычно освобождение людей от надуманных ограничений приносит прогресс и в хозяйственную сферу, все единогласно признают прогресс протестантских стран в технике и промышленности, что имело место даже у небольших государств. Другое дело, каков результат этого

97 Ин.11,24

98 2Фес.2,2-4 "не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога"

прогресса потом, оказались ли те страны достойны своего выбора в прошлом, не стал ли их успех в прошлом поводом расслабиться и забыть, какой ценой это было достигнуто. В этом ряду особо выделяется США – земля за океаном, где не было больших религиозных притеснений, где пришельцы из стран, где наводила ужас инквизиция католическая или гонения от англиканской церкви в Англии, вздохнули свободно и смогли служить своему Богу так, как диктовал их разум и совесть. Когда-то это были очень серьёзные темы, и это забыто сегодня. В России многие, говоря о США, считают её страной лишь преступников, бегущих от закона, как будто в Америке не было своего закона, судов и полиции. Разумеется, не без этого, но такие судьи имеют просто слепые глаза и видят лишь то, что им хочется видеть – основная масса людей прибыла туда прежде всего как религиозные беженцы от жестоких гонений, когда смертная казнь с пытками была очень частым явлением. Те штаты, которые уже существовали в Северной Америке, не исповедовали принципов свободы религии, но положение изменили как раз эти беженцы, ищущие свободы, они внесли в общественную жизнь новый принцип свободы совести, который не сразу, но в конце концов стал основополагающим, приведшим эту страну к процветанию. Но, как и в Европе, эта страна, точнее её правящий класс, не сохранила основ, которые принесли ей благополучие, так что не зря в Откровении она характеризуется двойственно – рога как у ягнёнка, но говорит "как дракон" (который символизирует дьявола). Характеристика очень говорящая.

Эта страна в наши дни занимает положение северного царя, и именно от неё можно ожидать, что её войска "раскинут шатры между морем и горой Святилища". США в большом кризисе, вести с Востока и Севера (да, есть цари и севернее, чем этот царь севера, и думаю, вы прекрасно знаете, кто это) о многополярном мире приводят его "в величайшую ярость", но, как и Наполеон, он "придёт к своему концу, и никто не поможет ему". В книге Даниила обрисована больше политическая картина мира, но это не объясняет многого, так что впереди ещё Откровение, где раскрываются более тонкие факторы. США не закончатся с потерей статуса северного царя, им ещё выделена очень значимая роль в религиозной сфере, но в книге Даниила это не раскрывается.

Нападение Севера на Юг – в истории есть ещё события, которые подходят к этому месту одиннадцатой главы Даниила. Турция была той силой, что издавна долгое время досаждала Европе, и уже после "трёх с половиной лет", в промежутке между окончанием этого периода пророчества и окончанием 2300 лет случилось довольно знаменательное событие, связанное с ней. В среде адвентистского движения (такой церкви в то время ещё не было, сторонники подхода Миллера находились практически во всех церквях христианства, даже в исламе, по свидетельству очевидцев, были люди, воспринявшие эти взгляды) ожидающего возвращения Христа в 1844 году – некоторые адвентистские исследователи просчитали одно из пророчеств Откровения, что независимость Турции закончится 12 августа 1840 года. Это было толкование пророчества о "дне, часе, месяце и годе" из девятой главы Откровения, сделанное за два года до указанного срока, и когда газеты написали о принятии Турцией условий от России, Англии и их союзников именно в этот день, это очень сильно всколыхнуло многих, и подняло авторитет адвентистских проповедников очень высоко. Северные державы привели Юг к покорности...

О последних делах северного царя говорится, что он поставит лагерь где-то в Израиле, "между морем и Святилищем", и это та же идея, что и в Армагеддоне – горы Мегиддо или Кармил тоже примерно в том районе. Это может быть политическое событие, когда войска США поддержат своего союзника против арабов своим присутствием, это самое простое видимое событие, однако рядом и одновременно с этим знаковым событием ожидаются описываемые в Откровении действия против истинной Церкви. Слово "Армагеддон" может быть прочитано и как "гора совещания", когда война света и тьмы достигнет кульминации в семи Язвах. Там будет своя очень тяжёлая идейная борьба, и если сегодня над разногласиями между церквями добрые

люди просто смеются, то к тому времени станет очень и очень кисло, потому что в противостояние людей обычных вступят сверхъестественные силы, именуемые в Откровении "язвами".

Двенадцатая глава

В это время, на этой стадии противостояния, говорит Гавриил, встанет Михаил, великий князь неба. В этом имени есть один указатель, многими пропущенный без внимания, но тут это важно. Михаил, как уже мы говорили, есть имя Христа, Сына Бога. Дело в том, что сегодня Он несёт службу как Первосвященник в Святилище небес, и если о Нём говорить, что Он "восстал" под именем Михаил, как князь, то это означает, что Он уже больше не Первосвященник. Это значит, что то дело, которым Он занимался в Святилище, уже окончено. Если кто слышал о "конце времени благодати", когда уже больше не будет прощения, то это как раз об этом моменте. Это значит, что все люди испытаны, взвешены и их судьбы решены и определены – "праведный пусть делает правду ещё, святой пусть освящается ещё, неправедный же пусть делает неправду ещё, и нечистый сквернится ещё"... Так что тот момент будет фактически заключительный, после этого остаётся очень немного времени, и всё заканчивается, происходит Второе Пришествие.

Это небольшое время, когда Христос больше не служит для оправдания тех, кто раскаялся, а занялся делами княжескими, довольно кризисное, особенно для тех, кто на Его стороне. Им ещё несколько недель жить на этой Земле, и если кто-то в чём-то нарушит Закон, то попросить прощения, как раньше, уже не сможет. В смысле прощения уже больше не будет. То есть надо продержаться среди этих искушений и давления среды, которая, надо сказать, в эти времена давить будет отчаянно. Впрочем, Язвы озаботят всех остальных, отвлекая их от того, чтобы досаждать тем, кто спасён, но время Армагеддона как раз и есть заговор против них, поскольку некоторые посчитают, что если уничтожить святых, то Бог, будут считать они, вынужден будет принять их, поскольку более праведных просто не останется... Для тех, кто мыслит о святости относительными категориями, такая идея самая что ни на есть естественная. Может быть там будут ещё какие-то соображения, но праведникам придётся озаботиться выживанием.

Гавриил дальше говорит о воскресении некоторых людей, ещё до Второго Пришествия, некоторых праведников и некоторых нечестивых, чтобы они лично увидели возвращение Того, Кто обещал вернуться. После того, как придёт Христос, воскреснут уже все праведники, а их и Его враги не переживут этого катаклизма. По Откровению, ещё через тысячу лет после этого Христос придёт на Землю ещё раз, чтобы поднять уже всех остальных для последнего Суда и окончательного расчёта.

Таково повествование Гавриила. Даниил, который вначале его визита чувствовал себя довольно плохо, к этому времени уже не упоминает о своём самочувствии, оно явно стало намного лучше, так что он без труда запомнил и смог записать всё, рассказанное ему архангелом. Гавриил велел ему скрыть эти слова и запечатать книгу, похоже, что повеление запечатать относится к этому последнему повествованию, первые три довольно легко читаются и понимаются. Он сказал, что её смогут прочитать только в последние времена и тогда от этого "умножится знание".

Встреча с ангелами на этом не закончилась. Даниил, когда смолк Гавриил, огляделся вокруг, и увидел двоих из них на берегах реки, и некто ещё стоял над водами реки. Один из стоящих на берегу обратился к тому, что висел над рекой – "когда будет конец этих происшествий?" Стоявший над рекой ответил торжественно, подняв руки к небу и клянясь Живущим во веки, что это окончится к концу 1260 лет, когда "сила святого народа будет уничтожена полностью". Это важный указатель, о котором я уже говорил выше, ключ к пониманию всей этой истории, что это вовсе не буквальная история Сирии и Египта, хотя она и изложена с большими подробностями. Исходя из этого указания, мы и рассматривали одиннадцатую главу.

Ангел над рекой добавил ещё некоторые ориентиры, чтобы исследователи имели более чёткую привязку в истории Церкви, он указал, что от момента, когда "мерзость запустения" будет "поставлена", то есть начнёт быть, пройдёт 1290 лет. Отличие этого отрезка времени в том, что 1260 лет это время господства католической церкви, а 1290 начинается на 30 лет раньше, со времени, когда в Риме уже собрались начать собирать власть под себя, но сделать этого им не дали ариане, и тридцать лет были потрачены на устранение этой проблемы. То есть 1290 лет начинаются с 508 года, когда в сторонники Рима перешёл Хлодвиг, король франков, посвятивший свой меч тому, чтобы приводить несогласных в покорность "единственно верному учению". "Небольшой рог" папской идеи начал набирать силу и расталкивать остготов, герулов и вандалов, устранив которых, он получил возможности, которыми и воспользовался. Указ Юстиниана 533 года дал папам полную власть над западным миром, что и было успешно осуществлено со временем. Интересно, что ангел добавляет ещё один период, точнее, продляет и соединяет период папского владычества с концом 2300 лет – 1335 лет, начинаясь с того же 508 года, приводит к 1843 году, когда сторонники адвентистской ("Пришествие" по латыни) идеи в первый раз назначили дату⁹⁹ Второго Пришествия.

На этом встреча с гостями с неба была окончена, Даниилу на прощание прозвучало, что он движется к своему успокоению, и в "конце дней" он встанет для получения своей награды. Как раз он должен бы быть из тех, кто встанет из праха до того, как Христос придёт во второй раз, чтобы увидеть исполнение рассказанного ему.

Окончание Плена

Восстановление Храма и города. Тяжёлые времена

Не могу сказать, как скоро после того, как Даниил переживал и постился¹⁰⁰ о судьбах своего народа, Кир издал указ о том, что еврейский народ может возвратиться в свою землю, но это произошло. Он приказал восстановить храм в Иерусалиме, и Зоровавель, наследник Давида по линии Иехонии, был ответственным за осуществление этого приказа. Со стороны Кира это было благодарностью Сущему за помощь во всех его прежних делах, да и в эти времена подобным образом действовали все цари, захватившие под свою власть чужие народы, признавая их богов, этим они придавали вид законности своей власти над другими землями. Трудно сказать, какова была численность еврейского населения Вавилонии и областей Персии, но в Иудею возвратились лишь 42 тысячи человек, правда считая только мужчин, общее число могло быть впятеро, как минимум, больше. Это был жалкий остаток, в то время как куда большее число людей осталось жить в Персии и других областях, не желая никуда идти от своих домов, тем более огромное число было рождено уже после плена и новые поколения ощущали своей родиной землю плена их родителей. Нужна была вера, хоть какая-то сознательность, чтобы в душе появились патриотические чувства к Палестине, так что те, кто оторвались от тёплых очагов и привычных стен, были подвижниками, пошедшими к разорённым и опустелым городам, чтобы начинать с начала.

Выход из персидской земли был для них торжественным, по распоряжению Кира им вынесли утварь Храма, увезённую некогда Навуходоносором в Вавилон. Сейчас им вернули всё это по описи, и их эмоции были самыми праздничными, один из них писал, что они ощущали это всё как удивительный и счастливый сон. Придя в свою, снова свою землю (правда, принадлежащую не им, а Персии, но хотя бы так), они разошлись по прежним местам жительства, откуда кто был или как было удобнее сегодня, чтобы держаться поближе друг ко другу, занявшись пер-

99 В своих расчётах они практически не ошибались, и под конец всё было выверено максимально, но они сильно ошиблись с тем, что именно должно было произойти в это время.

100 Описано в девятой главе книги

вичным обустройством. Наступил седьмой месяц, что примерно соответствует октябрю, нужно было отметить один из главнейших праздников. Праздник Шалашей по количеству жертв и обрядов был самым насыщенным из остальных, символизируя конец мира и победу сил добра – это был ещё и праздник жатвы. В этом месяце должен был быть проведён и День Очищения, но без Ковчега его было невозможно проводить¹⁰¹ (хотя некоторые говорят, что в позднейшие времена его пытались имитировать, то есть делать вид, будто бы он по прежнему стоит в Святом-Святых). На месте Храма поставили жертвенник и на нём приносили нужные жертвы. Возможно, что для этого они развернули палаточный Храм Моисея (скорее всего, они не имели и его, так как он также был спрятан вместе с Ковчегом), но скорее всего не было и этого.

На второй год, когда люди обустроились, организовали строительные работы по восстановлению Храма. Когда закладывали основание фундамента, музыканты и певцы пели священные гимны, а люди громко восклицали от радости. Правда, были среди них и такие, которые считали, что надо поплакать, потому что их глаза видят разорение и жалкое положение, они сравнивали сегодняшний день с тем, что видели когда-то, и в самом деле разница была огромная. Некоторые из стариков позволили себе не радоваться возрождению и новому шансу, а предпочли поплакать о былом, однако этим они критиковали или не ценили помощь Бога, позволившего им восстановиться. Если бы они радовались со слезами на глазах, было бы понятно, но в данном случае плач о прошлом оказывался неблагодарностью к Тому, Кто помиловал их. Часто такие люди хотят всего лишь выделиться, укорить и унижить новое поколение, за его счёт возвышают себя, сравнивая "вот раньше да, а теперь фу". Их плач портил общее ликование, впрочем их не осуждали, и в общем звучании их плач было трудно отличить, что это звук горя, в целом всё равно было громко и весело.

Соломон строил храм семь лет, но к его услугам были ресурсы намного более мощные и он мог мобилизовать больше людей и быстрее, сейчас количественно Израиль был жалкой тенью былого могущества. Поэтому даже при том, что строительство было достаточно профинансировано, дело шло долго. Да и финансирование было лишь на здание и не предусматривало никаких украшений, лишь стены с фундаментом и крышей. К тому же средства от царя находились явно в руках областеначальников, совсем не у иудеев, и уже те по распоряжению центра выдавали нужное на строительство. В таких условиях нередко случается, что в руки строителей доходили не все средства, предназначенные для него. О восстановлении же Иерусалима речь даже не шла, поэтому начало возвращения евреев в Иудею не могло быть начальной точкой отсчёта для пророчеств, повышение Иерусалима до статуса областного центра произошло намного позже, во времена Ездры и Неемии¹⁰². Люди строили себе дома, наверное, на старых местах, но без стен город не был защищён и живущие здесь ощущали неустроенность.

Кроме ограниченности в средствах были помехи и со стороны неприятелей. Не все соседи были рады возвращению иудеев на своё прежнее место, хотя прямо они не сталкивались, то есть не претендовали на одни и те же селения. Помехи были со стороны чиновников Самарии, административного центра – они однажды пришли в Иерусалим посмотреть на тамошние дела и предложили свою помощь в восстановлении храма. Они заявили, что тоже признают Сущего и приносят Ему жертвы, хотя сами они не были евреями, но переселенцами из других стран. Живого Бога они признали под давлением обстоятельств, и теперь считали себя Его поклонниками, хотя они вовсе не были Его последователями, Сущий был лишь одной из фигур в их пантеоне, и они относились к Нему по язычески. С таким положением вещей иудеи не могли и не должны были принимать их помощь. Если бы это были какие-то дары, то их бы приняли без разговоров, но если они станут участвовать вместе с ними в строительстве, то потом потребуют и своего

101 Очень похоже, что Ковчег был бы возвращён им, если бы они занялись осуществлением того плана действий, что был указан им у Иезекииля, но это требовало совершенно других усилий и направления ума.

102 По бумагам при Ездре, но на практике лишь Неемия осуществил это.

представительства в священстве и вообще, будучи язычниками, будут требовать всяческого участия и в религиозных и духовных делах, внося свои языческие формы и обряды. Как соседи они были беспокойные, к иудеям относились как к проблеме, в лучшем случае как к бедным родственникам, и их участие в делах Иудеи проистекало не из желания помочь, а наложить свою руку на пульс и контролировать. Так что неудивительно, что со стороны иудеев такое предложение было встречено очень холодно и негативно – "мы одни будем строить, вы не будете строить с нами". Самаряне изобразили большую обиду и удалились, с этого времени они стали злейшими врагами иудеев, хотя и до этого не пылали дружескими чувствами. В столицу Персии посыпались жалобы и кляузы, которые часто вызывали препятствия в строительстве, которое с тех пор значительно замедлилось. Пока царствовал Кир и его сын Камбиз, указ о восстановлении Иерусалима имел силу закона и не мог быть отменён, хотя иной раз казалось, что это может произойти – ситуация в начале десятой главы книги Даниила как раз описывает такой критический момент. Но когда Камбиз был убит и Бардия (или кто-то под его видом) занимал трон несколько месяцев, то этот царь, то ли будучи чужаком и не храня обычаев персов о неизменности законов, то ли из вредности, получив очередной донос на иудеев, запретил строить храм и стройка остановилась, против них была направлена военная сила. Жертв со стороны строителей как будто не было, но работы были остановлены.

К счастью, ложный царь не усидел на троне долго, и когда царём стал Дарий, то многое изменилось. В Самарии не осталось никого из тех, кто писал ябеды на строителей храма, имена правящей там команды стали совсем другими, однако иудеи, напуганные оружием, не спешили браться за инструменты. Надо сказать, что даже и в благоприятное время работы шли очень медленно, так что Бог наказывал иудеев засухой и всяческими неудачами за лень и эгоистичное отношение к Его делу: "Сеете много, а собираете мало¹⁰³; едите, но не досыта; одеаетесь, а не согреваетесь; зарабатываете, но для дырявого кошелька", "Не время строить храм Суцего? – а вам самим время жить в украшенных домах, тогда как храм в запустении?" От царя не было указа или разрешения продолжать строительство, и если бы они стали ждать этого, то храм бы вряд ли был восстановлен. Им нужно было начать работы, и они всё же услышали голоса пророков, требующих продолжать несмотря на то, что отмены запрета на работы не было. Однако они уже знали, что царь встал другой, и что законы персов если уж приняты, то навеки – для разумного человека этого уже должно было быть достаточно. Так и вышло, после того, как иудеи снова продолжили строительство, к ним подошли люди от областного начальства и поинтересовались, что здесь происходит и кто разрешил им работать – всё же хотя команда была новая, но они были в курсе запрета. Зная о судьбе предшественников, они не запретили работы над храмом (что уже было хорошим знаком), но вместо этого направили запрос в столицу, чтобы оттуда дали конкретный ответ – всё же была налицо коллизия, неразрешимая на местном уровне, какой из указов соблюдать, ложного царя или Кира. Разумеется, действующий царь принял сторону первого указа, который от Кира, да и тот, кто был перед Дарием, считался отступником и полностью неправильным, так что местное начальство получило указание не мешать больше строительству храма, напротив, оказывать всякое содействие, а если кто бы хотел помешать осуществлению указа Кира и Дария, то такой человек должен быть прибит к бревну, взятому из его собственного дома.

Полученный импульс от Дария позволил ускорить строительство, и к шестому году этого царя храм был окончен, то есть строился он примерно двадцать лет. Люди обустроивались и вели дела как могли, однако же в этом есть один смущающий меня момент. У пророка Иезекииля были явные и чёткие указания о после пленном обустройстве не только Храма, но и территории для племён, и новый порядок распределения земли ни в малейшей степени не совпадал ни с прежним распределением, ни с тем, что сложился после возвращения людей из плена. Были

переопределены многие положения из Моисеева закона, хотя разница не выглядит существенной, но после пленное время должно было стать временем Возрождения для Израиля. Говорят, что в устройстве храма какие-то предписания от Иезекииля были учтены, когда храм перестраивал Ирод Великий (перед временем Христа), он сделал многое по этим указаниям, но всё же если для самого храма как-то и было частично выполнено повеление о храме, то всё остальное было пропущено. Было ли это по причине забывчивости начальников народа или ещё как-то, но сделано этого не было. Это отношение к повелениям Сущего во многом предопределило незавидную судьбу этой страны и народа после плена, Он не мог опять работать с ними как было нужно для дела, не мог для них сделать слишком многого. Если бы они попытались выполнить законы и уставы для нового этапа национального бытия, Бог сделал бы много чудес для поддержки их усилий. Сейчас они были чрезвычайно малочисленны, а по уставам нового обустройства у них должна была быть земля в границах, которые были разве что при Давиде. По своим возможностям это было невозможно выполнить, но ведь они даже не пытались. Возможно, Ездра и кто-то из самых духовных людей осознавали эту задачу, но никаких следов даже о разговорах об этом в летописях не осталось. Давая подробное видение о храме и прочем, Бог сказал, чтобы это видение было доведено до народа, и было озвучено условие – "если они почувствуют стыд" за свои прежние дела (за всё, из-за чего они оказались в плену), то тогда нужно будет дать им чертежи и рисунки Храма, чтобы они могли это осуществить. Однако же если они не будут ощущать раскаяния за прежние дела, то, получается, они должны были остаться без нового Храма и порядков (храм был восстановлен старый)... Почему-то произошло второе, и все подробности тех тёмных и смутных дней вряд ли кому-то известны. Момент был упущен и развитие дел с Израилем пошло по неблагоприятному варианту, но это не было полным провалом замыслов Сущего, Он и в этих обстоятельствах имел возможности вести человека и мир. Как в армии – не получалось через голову, пришлось доводить через руки и ноги.

Восстановление Иерусалима. Ездра и Неемия

Ездра

В своей книге Ездра сначала описывает то, что происходило в Иудее до его прихода, с самого начала, когда Кир отпустил пленных евреев домой. Его приход в Иерусалим состоялся намного позже, когда храм уже был построен. Если первое возвращение при Кире произошло примерно в 538 году до н.э., то Ездра прибыл в Иудею лет на семьдесят позже, в 457 году. Приход этого человека был важным этапом в укреплении государственности, даже восстановлении её, у него появились возможности, которых не было у первых переселенцев – 25 стих 7 главы описывает небывалые прежде полномочия этого священника: "ставить правителей и судей, чтобы они судили весь народ за рекой". До сих пор переселенцы-репатрианты зависели от расположения местных начальников, которые были не из евреев, и те далеко не всегда благоволили к ним, но теперь Иерусалим этим актом Артаксеркса (Артаксеркс I) был возвышен до положения не меньшего, чем Самария или другие областные центры. Правда, надо сказать сразу, что при Ездре эти выгоды остались нереализованными, так выглядит, что соседи иудеев были совсем не рады их возвышению и сумели так поставить дело, что если бы не Неемия десяток лет спустя, то они бы так и оставались в очень приниженном статусе. Ездра был большим знатоком закона и Писания, прошедший большую школу, изучивший даже языческие науки и религии, но по типу личности был скорее кабинетным учёным, чем государственным деятелем. Он был, наверное, хорошим учителем народа, но слабым чиновником. Он занялся составлением канона Ветхого Завета и изучением многих вещей, в то время как политически Иерусалим попал в большую зависимость от недобро настроенных соседей. Многие деятели Самарии, видя, что Иерусалиму даны полномочия, которые если не нейтрализовать, то они потеряют влияние в округе, попытались

подкупить многих из высокопоставленных лиц этого народа, и в целом их политика была направлена на сдерживание Иудеи, чтобы она никогда не поднялась. И у них это получилось.

С момента прихода в Иерусалим Ездра обнаружил, что в этой земле порядок и уставы закона не соблюдаются в полной мере, что его сильно опечалило. С первой проблемой браков с женщинами из окружающих народов¹⁰⁴ он разобрался, учредив комиссию по исправлению этих дел, но впоследствии его активность в обществе не заметна, он отдалился от дел, занявшись, и думаю, во многом был прав, без этого у Иудеи не было будущего, работой по составлению канона, упорядочиванию богатого наследия летописей из дворцов, Храма и книг от пророков.

Неемия

Неемия служил у Артаксеркса виночерпием, должность считалась доверенной, говорят эти люди должны были гарантировать, что вино царя не было отравленным, пробуя его первыми. Царь был тот же, кто отправил Ездру лет десять назад для того, чтобы Иерусалим поднять в статусе, однако же Неемия пишет, что к нему как-то пришли его родственники из Иерусалима и рассказали ему о тамошних делах. Новости были такими, что Неемия был сильно выбит из колеи, так что ему пришлось прилагать усилия, чтобы не показывать свои чувства на службе, потому что во дворце не полагалось показывать никаких негативных эмоций, ничто не должно было отравлять атмосферу при царе. Прошло несколько месяцев, но думы о унижительном положении дел в Иудее не отпускали его, и однажды царь просто почувствовал, что с его пусть не другом, но всё же доверенным слугой, что-то происходит. "Ты не болен, этого нет, но что-то гнетёт тебя" – констатировал царь, и Неемия испугался, ожидая неприятностей, его тоска была обнаружена и он оказался нарушителем дворцового этикета. Разговор происходил за столом, где они обычно и встречались, в другое время расписание служб дворца не предусматривало его контактов с высшим лицом государства. Но слова царя не были придиричливыми, скорее это была забота о давно знакомом человеке, к тому же царь симпатизировал этому народу, не разделяя антисемитских настроений, которые имели место и в те времена. Это давало некоторую надежду, к тому же со своими печальями о родной земле Неемия давно обращался к своему Богу, и он решил, сейчас был момент, чреватый небывалыми возможностями, о которых он невольно мечтал иногда, и собственно, именно об этом он и просил Сущего время от времени, чтобы царь услышал его просьбу. "Как же мне не печалиться, когда город могил моих отцов лежит в запустении, и его ворота сожжены огнём!" Ездра до сих пор не смог поднять стен Иерусалима и починить хотя бы ворота, видимо он не слал отчёты о проблемах с соседями, а в столице не предполагали о их трудностях, считая, что статуса Ездры достаточно для решения любых проблем. В самом деле, молитвы Неемии были услышаны, его жажда помочь своему униженному народу была очень сильна – царь оказался настроен на очень конструктивный лад и спросил, чего бы он хотел. Неемия в этот миг успел помолиться, хотя и чрезвычайно коротко, и выложил давно выношенные идеи, практически докладную записку с полным спектром мероприятий. Он оказался отличным хозяйственником и практиком, предусмотревшим практически всё, понимая даже дело-производство и отношения внутри чиновничьего аппарата. Он сказал: "Пошли меня в Иудею, чтобы я обстроил Иерусалим". Есфирь, сидящая тут же за столом, заметив некоторое колебание царя, подхватила тему, чтобы его мысль не ушла в сторону – "Как долго продлится твой путь и когда вернёшься?" Неемия обозначил какое-то время, неизвестное нам, думаю он говорил о нескольких годах или обрисовал им минимальный и максимальный планы. В реальности он занимался Иерусалимом лет двенадцать, а потом вернулся туда ещё раз, чтобы продолжить свои дела, поскольку без него многое начало резко портиться, за многими нужен был постоянный надзор и крепкая рука. После ухода этих людей в Израиле продолжились процессы, ведущие к немалому упадку, но всё же если бы они не заложили крепкое основание, то трудно представить, что осталось бы от этого края и этого народа.

¹⁰⁴ Если бы эти браки не вели к забвению религии отцов и потере языка, то эта тема могла и не возникнуть.

Думаю, что именно у Артаксеркса женой была Есфирь, о которой отдельная книга в Библии. Она вместе с Мардохеем, двоюродным братом, немало заботилась об иудеях, и если бы она жила раньше и была женой Ксеркса, предыдущего царя (многие считают так), то и Иерусалим был бы возвышен раньше. Иным образом не объяснить, почему вдруг этот город подняли в статусе, когда Кир этого не делал. Скорее всего, её стараниями был обнаружен и поднят высоко Ездра, других действующих сил в интересах Израиля, кроме неё, найти не представляется возможным.

Мечта Неемии сбылась практически полностью – он получил много бумаг со всякими предписаниями о выделении нужных средств и ресурсов, требования о содействии и прочим, нужным в бюрократической системе персидской государственной машины, благо царь лично следил, чтобы у него не возникло никаких затруднений. Десяток лет назад царь подобным образом помогал Ездру, однако теперь было видно, что тому не хватило полномочий, и его и его миссию зажали в угол с помощью интриг и бюрократических ловушек. Теперь это вскрылось и царь сам был заинтересован, чтобы то, чему он способствовал для Ездры, не потерялось и не угасло, здесь была задета его собственная честь и достоинство – он был причастен к возрождению Иерусалима, и должен был довести дело до конца.

Восстановление стен

Прибыв, Неемия не спешил объявлять о своих полномочиях и показывать доказательства этого, сначала надо было понять, каким образом и почему Ездра не смог осуществить возложенные на него задачи, кто ему помешал и как. Начни он действовать сейчас открыто, могли подобным образом помешать и его миссии. Три дня он приглядывался, видимо он отлично разбирался в людях, и знакомясь со всеми, задавал нужные вопросы, и из разговоров и реакций людей на его слова составил картину, кто есть кто в этом клубке влияний и интересов. Самой большой проблемой переселенцев было то, что многим было хорошо и так, в уже сложившихся условиях. Высшие круги (не очень уж и высокие, но для многих и помощник писаря уже синекюра) завели связи с соседями в Самарии, которые давно уже дали понять, что возвышения Иудеи они не желают, и те старались их не злить, и пока эти требования соседей удовлетворялись, у них всё было очень неплохо. Соседи даже удостаивали их своей дружбой, так что многие в Иерусалиме считали чиновников Самарии очень душевными и добрыми людьми. С другой стороны, униженное положение Иерусалима и необходимость угождать чужим, смотрящим на них свысока, тоже не вдохновляло очень многих, так что у Неемии была некоторая возможность для манёвра, и он этой возможностью воспользовался по полной.

После примерно пяти дней рекогносцировки на местности, Неемия собрал старейшин и начальников, и выступил перед ними со своими планами. Он обрисовал им нынешнее униженное положение и показал бумаги от царя на строительные материалы, что у них теперь есть всё необходимое, чтобы защитить город стенами. Без этих стен сопротивляться или проводить независимую политику было просто опасно, любого несогласного могли устранить, это тоже было фактором, почему несмотря на связи с самарянским чиновничеством местные рискнули уйти из-под их влияния. Это повышало их статус и возможности договариваться становились совсем другими. Был, конечно, период большого риска, пока будут возводиться стены, но будущие преимущества перевесили, практически все согласились пойти на этот риск. Тем более что их подогревали свидетельства благоволения самого царя Персии, явно видимые на Неемии и его полномочиях. Рисковать с такими ставками было не очень даже и страшно, появился азарт и вдохновение.

После совещания о замыслах иудеев стало известно в Самарии, но там не придали значения первым слухам, и просто с презрением посмеялись – типа "да что они там смогут сделать", и намекнули: "уж не думаете ли вы возмутиться против царя?" Но похоже, заказанные стройма-

териалы подоспели без задержки, а в Иерусалиме после совещания люди хорошо организовались, тем более что больших сложностей не было – каждый из начальников взял себе по участку стены (каждый поближе к своему дому) и со своими людьми должен был восстановить его. И работа закипела.

Очень скоро до Санаваллата (видимо главного из местных чиновников) дошло, что работы на самом деле ведутся, и это его немало расстроило. Он негодовал и пытался насмешками заглушить тревогу – "Что делают эти жалкие иудеи? Неужели им позволят это сделать? Неужели они смогут закончить? Неужели оживят эти камни из руин, да ещё и пережжённые?" Известия из вражеского лагеря тоже каким-то образом доходили до Иерусалима, не только в Иерусалиме были передающие сведения на сторону. Терять доходы и влияние им не хотелось, и они решились попробовать силой и угрозами помешать работам. Санаваллат изображал дело как какую-то угрозу, хотя усиление Иерусалима не нарушало никаких балансов в империи, Артаксеркс давно уже включил этот город в свои планы, и только местные жулики, научившиеся делать гешефт на каких-то махинациях с бедными соседями, могли пострадать от того, что в разорённых краях вдруг будет наведён порядок.

Самаряне собрали некоторое войско для нападения, большой армии для их замыслов пока не требовалось, достаточно было всего лишь сорвать стройку и парализовать веру людей в свои возможности. Неемии пришлось реагировать на это, у них также собраны и поставлены люди с оружием, но это отвлекло часть людей от работы. Угроза нападения была отражена, на них уже не решались нападать. Однако же оставшиеся на строительстве стали не справляться с работой и ощутили, что дело сильно затягивается. Некоторые стали жаловаться, и это в самом деле могло повредить делу. Многие, жившие вне города, приходили и доносили слухи об угрозах нападения, что не способствовало хорошему самочувствию у слабых духом. Однако Неемия сумел найти выход и из этого положения – он вернул большинство людей на стены продолжать работы, однако теперь многие из работающих всегда были при оружии, и по сигналу трубы должны были быть готовы собраться в условленном месте для отражения атак. За противником следили разведчики и врасплох застать их было трудно. Это разрешило проблемы нехватки людей, разве что кому-то стало не так удобно работать, не убирая оружия с пояса, но всё же скорость работ снова возросла, и ропота или опасений больше не было, перспективы лучшей жизни были ещё далеки от истощения.

Работы шли полный световой день, но у всех было вдохновение и жажда покончить с унижительной зависимостью от чужих, так что на усталость и нагрузки практически не было жалоб. Чем выше поднималась кладка стен, тем увереннее чувствовал себя каждый, они понимали, что с этих пор многое станет лучше, и лишь быстрее стремились довести дело до конца. Соседи, видевшие, как растут стены, ощущали, что их выгода ускользает из рук, и всеми силами пытались найти решение. Теперь они оставили прямые угрозы и попробовали заняться дипломатией местного уровня, поставив целью дискредитировать ключевую фигуру. Они стали присылать приглашения встретиться где-нибудь на нейтральной территории, запугивали угрозой клеветы перед царём. Но Неемия не собирался встречаться с ними и даже реагировать на их выдумки, тем более что перспектив у них никаких он не видел. Царь хорошо знал его и доверял ему, да и влияние Есфири тоже стоило очень много, так что оклеветать его было весьма затруднительно, скорее полетели бы головы у клеветников, решишь кто-то в самом деле предпринять такое. Скорее в Самарии нарушали приказы Артаксеркса "помогать и способствовать подателю сей бумаги", и все их действия легко могли обернуться против них. Наверное, у Санаваллата это тоже понимали, и лишь прощупывали почву, насколько крепко положение у Неемии и не удастся ли его как-то смутить хоть чем-то. Встречаться с самарянами для Неемии было в самом деле тратой времени, если бы они решились его убить, то на них был легла тяжелейшая вина (хотя если обставить дело как действие неизвестных сил, могли попытаться), а слушать тонны словесной ше-

лухи ему не хотелось, время было дорого. В его отсутствие некие провокаторы могли много навредить и парализовать всё дело, так что никаких выходов из Иерусалима он не планировал. Наконец они прислали открытое письмо, что кое-кто думает про него, что он собирается стать царём в Иудее, и даже подкупил пророков, чтобы убеждали людей в этом. Эта ложь была произнесена их глашатаем в городе, и снова прозвучало приглашение встретиться, как бы они хотят помочь ему и прикрыть своим влиянием от подозрений Артаксеркса по этим обвинениям. Неемия ответил на этот призыв, что ему нечего бояться царя, что вообще все эти "подозрения" выдуманы и распространены ими же самими.

Однажды Неемия оказался у одного человека, который вдруг стал говорить ему, что его сегодня придут убить, он запер двери и стал звать его уйти в храм, где они смогут пережить эту ночь. Неемия видел, что этот человек изображает из себя пророка, но не стал пытаться разоблачать его, просто сослался на то, что он не священник, чтобы входить внутрь храма, и если он это сделает, то это сильно его скомпрометирует, подорвёт доверие людей к нему. Собственно, именно поэтому его и пытались заманить в храм, но не вышло. Снова, как и в дни перед падением Иудеи, в Иерусалиме действовали ложные пророки, источником вдохновения которых были деньги, причём деньги врагов. Неемия упоминает даже несколько человек, бравших на себя слишком много, объявлявших себя голосом Всевышнего, и это в то время, когда реальные пророки почти исчезли – долгое время, начиная с этих времён, примерно четыре столетия, может немного меньше, Бог не посылал пророков Своему народу. Об этом нет явных свидетельств, а что касается преданий, то в большинстве случаев это были фигуры, подобные тем, кого Неемия перечислил как лжепророков. Может быть я здесь и ошибаюсь, но по крайней мере не я один. Отсутствие пророков означало довольно плохое положение дел в обществе в сфере духовности, хотя это не было новым явлением, также было и в дни перед Самуилом.

Неемия пишет, что в это время многие из Иудеев, особенно знатнейших, были в активной связи с самарянским начальством. Благодаря указам Артаксеркса Иерусалим сам должен был стать областным центром, на равных с Самарией, но для Самарии это означало уменьшение налогового сбора, и пытались всеми силами сдержать Иудею и не допустить таких перемен. Если бы не Неемия, то они бы надолго, если не навсегда похоронили бы этот дар Есфири и Артаксеркса. У Санаваллата нашлось множество помощников, которые, при всём этом, своими же руками строили стену, чтобы лишить своих вредных соседей их преимуществ. Получается, они работали на два фронта, и за, и против самих себя... Но подобные истории нередки. Многие из таких людей даже описывали Санаваллата и Товию как вполне себе хороших и даже превосходных друзей, объясняя свою связь с ними. За счёт своей продажности, получая от них взятки за поддержку их влияния, они были готовы продолжать продавать свои национальные интересы.

Но за семь с половиной недель строительство было окончено. Враги ещё что-то пытались планировать, но евреи, вдохновлённые видом свершающегося своими руками, подняли стены до неприступной высоты, поставили ворота и двери, и в один день всё внезапно закончилось, бесперпятственно войти в город посторонний, как прежде, уже не мог, и всем попыткам сдерживания Иудеи был положен конец. После этого Неемия поставил к воротам стражу из ближайших жителей, чтобы они следили за порядком и отвечали за открытие и закрытие ворот. В Иерусалиме жило мало людей, было много пустырей, от прошлой заселённости оставались, наверное, лишь ямы и пустые фундаменты домов. Он предложил, после совещания с другими, чтобы в город переселились люди из других мест, чтобы десятая часть из городов и сёл пришли жить сюда. Это было принято и город стал застраиваться.

Особо был отмечен в тот год осенний праздник Шалашей, хотя ничего не говорится про праздники первой половины месяца – Новый год и День Очищения. В святилище не было Ков-

чега Завета, а без него обряд не мог быть совершён¹⁰⁵. С первых дней, как только собралось много людей, устроили помост, на который вышли Ездра как учитель, и с ним помощники, грамотные священники и левиты. Полдня они читали из Пятикнижия, причём не просто читая главу за главой или страницу за страницей (колонку за колонкой). Это не было отупляющее чтение "телефонной книги", но в каждом месте, где у людей возникал вопрос, неважно, задаваемый вслух или заметный по выражению лиц, в дело вступали эксперты, объясняющие тонкости и сложности. До сих пор, читая законы в книгах Левит и Числа, у многих постоянно возникают вопросы, также точно это было и в те времена, и пояснения знающих людей превращали эти чтения в увлекательное действие. Люди просто плакали от радости и восторга, приобщаясь к своей изначальной религии, Бог в это время совершал работу, которую и Сам так долго ожидал, это давало Ему отличные возможности помочь отдельным людям и в целом обществу понять Его и Его цели.

В этих чтениях многими было обнаружено, что люди должны жить в шалашах, и они с энтузиазмом набрали ветвей разных деревьев и провели неделю в них. После окончания праздника люди не разошлись, потому что вскрылись некоторые нарушения, в которых погрязли многие. Это было вскрыто ещё Ездрой с первых же дней его прибытия в Иудею, и тогда ему удалось навести некоторый порядок, однако за добрый десяток лет кто-то вернулся к прежнему положению вещей и их примеру последовали новые. Сейчас, после того, как люди ощутили среди них живое присутствие Бога, они более сознательно и добровольно произвели перемены, отделившись от тех, кто не стремился понять цели этого народа и его задач, тянул их в сторону, где их ждали многие проблемы. После того, как многие решительно отделились от языческих родственников, встали левиты, и громко и торжественно пропели сложившуюся прямо там и быстро подготовленную молитву, восхвалявшую Бога, перечислявшую их грехи и наказания. Они были вдохновлены Песней Моисея, где описывалось отступление Израиля и его судьбы, вот прямо как раз и осуществившейся, они ясно видели это во всём пройденном народом печальном пути. Они осознавали торжественность момента, как предсказанное сбылось от и до, от огромных благословений до полного уничтожения страны. Пение заканчивалось клятвой служить Богу, подписыванием обязательств, и скреплением документа печатями глав семей и племён. Отсюда мог начаться новый этап, даже новая эпоха Израиля...

Около двенадцати лет Неемия заведовал делами в Иерусалиме. Он был человеком на своём месте, и без него вряд ли что-то было сделано, и Иудея не смогла бы воспользоваться царскими дарами, самаряне так и господствовали бы над ними, а последующие цари (без Мардохея и Есфири) просто забыли бы о Иудее, оставив всё как есть. Ездра учил верному и правильному, но без Неемии его наставления никто бы не постарался выполнять, лишь небольшое число людей оставались бы верными Богу, остальные же быстро навлекли бы на страну (то есть уже просто на область) проблемы, худшие, чем случившиеся при Навуходоносоре. И вот на несколько месяцев Неемия покинул Иудею, он должен был дать отчёт о сделанном, рассказать царю, как выполнено всё то, о чём он просил когда-то и как он распорядился этими возможностями. Для царя это не было пустым звуком, Артаксеркс был человеком скорее жёстким, чем мягким и покладистым. Неемия очень коротко описал, что был в столице всего несколько дней. Если бы у царя возникли сомнения в его деятельности, то никакого продолжения не последовало бы, но миссия Неемии была продолжена и санкционирована Артаксерксом. Порядок, наведённый в Иерусалиме соглас-

¹⁰⁵ Как мне кажется, причиной того, что Бог не возвращал Ковчег с Законом, было то, что они не были серьёзны в своих целях, они привыкли "просто жить", и один-два посвящённых человека не нашли способа переломить тенденцию. Первое, что от них ожидалось, это необходимость хорошего осмысления их состояния, чтобы у них появилось направление, цель жизни. После этого по важности нужно было подумать о том, что Бог предназначал им через Иезекииля несколько иной путь устройства страны, и без этого о возвращении Ковчега в храм речи быть не могло. У Бога был план возрождения для них, но из этого в данный исторический момент было сделано немного.

но уставам и законам был именно тем, что обеспечивало и его успех в этой жизни, царь это хорошо понимал – Бог Иерусалима покровительствовал ему, но и он должен был помочь этим людям выжить в этом бурном мире, всё более выходящем из берегов. Так что Неемия пишет, что буквально через несколько дней он опять отправился в Иерусалим. Был он в столице недолго, но дорога была неблизкой, так что отсутствовал он не один месяц. И когда он появился снова в Иудее, то обнаружил, что за это время многие совершенно отбились от рук. Люди работали по субботам, торговцы из Тира продавали товары в этот день, в служебных комнатах при храме было выделено помещение для помощника Санаваллата Товии, а левиты не получают десятин, что привело к тому, что они разошлись по своим домам, чтобы кормиться со своих участков. Это было шокирующе, и просто удивляло – чего не хватало всем этим начальникам, которые показывали себя вроде бы здоровыми людьми? Разве они не умели поддерживать наведённый порядок, так это было сложно? Дело, очевидно было прежде всего во взятках, которыми прежние недоброжелатели, потеряв возможность давить силой, пробивали дорогу для прежних гешефтов. А кое-то был очень рад этому, и с удовольствием брал их. Однако расслабив порядок в одном, они теряли контроль и в остальных вещах, и регресс был на удивление быстрым. Так что Неемии пришлось снова напоминать многим о том, что союз с теми, кто не служит Сущему, всегда чреват упадком, он выговаривал и требовал от начальников тщательности в соблюдении всех пунктов закона. Некоторые по хорошему не хотели понимать, и пользуясь полномочиями, ему приходилось к некоторым применять и физическое воздействие. Торговцев он держал вне города, не открывая по субботам ворот и запрещая торговлю, и прогоняя тех, кто ждал открытия ворот в субботу. Один из сыновей первосвященника взял за себя дочь Санаваллата, укрепляя связи с соседями, но за это он потерял своё место священника.

Эти его усилия позволили поднять хотя бы внешне (впрочем это было благоприятно для духовности всего общества) жизнь Иудеи до уровня, какой был до Плена, и без этого человека участь народа была бы очень горькой. Не могу сказать, не ставил себе целью обрисовать жизнь Иудеи после Неемии, думаю, при тех тенденциях, с которыми он боролся, многое быстро пришло в упадок. Правда, дело спасло некоторое религиозное возрождение, случившееся позже. И к тому, что оно состоялось, думаю, сделанное Неемией имеет прямое отношение.

Фарисеи и саддукеи

В моих книгах рассматривается история, описанная в Библии, поэтому я не рассчитывал описывать вещи, не освещённые в ней, то есть по умолчанию четыре века, "пропущенные" про роками и людьми, имеющими вдохновени свыше, выпадают. В новозаветних книгах мы встречаем фарисеев и саддукеев уже в готовом виде, без объяснений, откуда они взялись. Однако есть история, где имеется немало сведений о том, что происходило с Израилем в эти пропущенные в Библии четыре столетия, и хотя бы коротко, но стоит рассмотреть возникновение новых фигур в общественной жизни этого народа. Подробно изучать историю фарисеев и саддукеев при таком подходе мне как бы нет нужды, я лишь переживаю, чтобы ничего не исказить из-за того, что мало знаю о них. Но, кажется, из того, что мне известно, это достаточно выверенные знания. Если где-то ошибусь, то позже внесу поправки в написанное.

Когда при праздновании праздника Шалашей при Неемии в первый раз была пропета молитва признания Бога правым в Его наказании пленом и разорением, для многих это было открытием и потрясением. Слушая Песнь Моисея и песню левитов в конце праздника, они связали предсказание с их текущим положением, и до многих дошло, что повторять снова упорное идолопоклонство весьма и весьма чревато. Люди поняли, что уйти от Суещго не получится, на них лежит клятва, по которой все их поколения посвящены службе Сущему, хотя бы этого или нет. Поэтому надо что-то придумать или что-то сделать такое, чтобы больше подобного с ними не происходило. Не знаю, как скоро, но кто-то всё придумал средства, которые в самом деле могли

быть предохранителем для народа, обеспечивающими хоть какую-то верность курсу, заданному в законах Моисея. Идея эта базировалась на тех мерах, которые использовал Самуил, когда он повернул практически весь народ к Богу, и на много лет задал курс, благодаря которому появлялись верные и здравые люди, задающие правильный пример, благодаря чему нация продержалась несколько веков, и не будь Самуила, плен и гибель нации случились бы намного раньше. Они рекомендовали религиозное просвещение на самой широкой основе, чтобы в каждом селе были центры, где изучались бы книги закона и пророков. Это было вроде бы немного, но этого было достаточно, на деле это была революция в общественном устройстве этого народа. Они вовлекли если не всех, то подавляющее большинство в регулярное и систематическое соприкосновение с божественными словами.

Если бы этим делом руководили возрождённые, духовные люди, лично соприкасающиеся с Богом, то их ожидало бы возрождение, превосходящее дни Самуила. Однако же, хотя они верно угадали нужные меры, без нужного заряда и настроя дело было обречено лишь на частичный, внешний успех. В результате воплощения в жизнь этого плана идолопоклонства в стране не укоренилось (определённой части людей законы не писаны, но так как они не в большинстве, то их влияние невелико), однако при этом Мессия, когда пришёл к ним, оказался для них чужим... Что-то не ладно в человеческой природе, а Бог хотя способен коренным образом изменить положение дел, без того, чтобы Его позвали и дали возможность помогать, делать этого не будет. Насильно Он не спасает... И этого не происходило. Довольно давно я прочитал в одной статье, что в основе фарисейского движения лежало убеждение, что они открыли некий закон совершенствования. Суть этого открытия примерно такая – если стараться выполнять законы и правила, если в этом развиваться, то что-то будет происходить с душой или характером, что они будут изменяться, что так жизнь наполняется влиянием свыше. О коренной ошибке этого метода апостол Павел выразился следующим образом – "они искали не в вере, а в делах закона", то есть начали очищать внешнюю сторону, считая, что за внешней стороной сама собой подтянется и внутренняя. Рациональное зерно в их теории есть, многие учителя и разумные люди знают и видят, что условия жизни могут значительно влиять на духовное и моральное состояние человека, но этого мало. Сделать вспомогательное воспитательное влияние основополагающим было большой ошибкой, но в те времена, когда это происходило, уже не было пророков и не было тех, кто искал бы самого Бога, при том что они отчаянно искали как бы не впасть в прежнее идолопоклонство.

Другая ошибка фарисейства была не менее трагична – каким-то образом, видимо из желания одних выглядеть значимее других, оригинальнее и круче, кто-то придумал идею, что к написанному в Библии было или должно было существовать дополнительное пояснение, которое вроде как передавалось через тайные каналы. Вообще-то мысль, что написанное нуждается в пояснениях, вполне верна сама по себе. И Моисей, и Самуил, и любой пророк, получали в случае разных вопросов пояснения свыше, однако же они не держали это в тайне, передавая ответ тем, кто пришёл с вопросом, но кто-то из фарисеев решил приватизировать эту линию связи человека с Богом. Не зря Христос сказал о фарисеях, что они "сели на седалище Моисея". Проблема была в том, что никто из них не был никогда пророком. Почему-то это их не смущало, они считали, что их знание и мудрость приближает их к этому уровню, что само по себе опять же, было верно, хотя мудрость всё же не является заменой прямому и точному откровению. Просто они как правило и мудрыми тоже не были, потому что мудрость не передаётся от учителей ученикам, передаются лишь знания, а мудрость есть всегда личное достижение, как умение ходить или плавать.

Из этой идеи вырос "третий закон" или "устный закон" преданий. Первый закон – Закон Божий, десять заповедей. Второй – закон Моисея, записанный в Торе или Пятикнижии. И теперь фарисеями были разработаны дополнительные заповеди, гораздо более многочисленные, чем за-

кон Моисея. Опять идея вроде бы отличная – размышляя над разными житейскими случаями, применяя известные заповеди к ситуациям, они выводили правила на каждый случай, и именно выполнение этих правил должно было делать людей святыми или совершенными. Однако же на практике, увлечшись нормотворчеством, они вместо динамического применения правил и законов, не поняли, что жизнь не есть мёртвая схема. Вместо негибких предписаний нужно было настраивать умы и души на поиск, тогда те схемы праведности осуществлялись бы естественным образом, но они оторвались от реальности, и их модели ситуаций чаще всего оказывались нежизнеспособными. Христос об этом выражался как о выработке неудобных правил, которые они сами лично и "пальцем о палец не ударяли, чтобы выполнить их". Они экспериментировали на живых людях, которые высоко ценили своих учителей, однако это не помогало им в их проблемах.

Изначально не задались отношения с кланом священников и левитов, которые были служителями Храма, именно от них должно было распространяться знание законов и правил, они и были призваны на учительство. Но вырождение духовности в послевоенный период коснулось и их. Были времена, когда их делали царями в Иудее, на что фарисеи возражали, что священники не могут быть царями, прежде это всегда были разные ветви, но священники, образовав свой круг, партию саддукеев, замкнулись в себе. В результате такого противостояния возникло и идейное взаимное отталкивание.

Если двое, имеющих одни и те же убеждения, поссорятся и будут в неприязни долгое время, то рано или поздно нарушится и их единомыслие. Ради того, чтобы насолить друг другу или просто из неприязни, они начнут противоречить друг другу, и они скорее всего даже не заметят этого. Их вражда будет склонять их к тому, чтобы не быть похожими друг на друга... Рано или поздно дойдёт до того, что даже при том, что они не мыслят себя изменниками своим убеждениям, они испытают искушение – услышав от противника свои же собственные идеи, они из противоречия возразят. Чем дальше тянется ссора, тем дальше они расходятся, и вслед за произносимым вслух отклонением от общих убеждений начнётся и пересмотр этих убеждений. Исключения из этого правила бывают, но редко.

Саддукеи из чувства противоречия отказались признавать книги пророков и остальное, написанное за время существования их народа, объявив, что признают только написанное Моисеем. Середины между ними не оказалось, обе стороны оказались вытолкнуты за пределы здравого подхода. Одни ограничили Писания, другие придумали нечто сверх Писания. От подобного предостерегает сказанное в Откровении – "если кто прибавит... на того Бог наложит язвы, о которых говорить в этой книге, а кто отнимет от слов этого пророчества, у того Бог отнимет участи в Книге Жизни".

Фарисеи были из обычных людей, иной раз действительно простых. Становясь знатоками Закона, они также становились авторитетными людьми в народе, и пользовались большим уважением, их слушали, задавали вопросы и старались выполнять их рекомендации. Изучение Писаний, серьёзная углублённость в темы, поднятые там, сильно продвигали занимающихся этим. Надо отметить, что как Библию не критикуют, но её влияние на развитие умов людей очень велико, трудно найти сопоставимую с ней по силе воздействия литературу. Студенты вузов во время своей учёбы очень заметно продвигаются в развитии, но изучающие Книгу могут достигать не меньших результатов у себя дома, если, конечно, серьёзно относятся к её изучению. Это происходит не потому, что она так хитро написана, а потому, что поднимает вопросы жизни и смерти, вечности, праведности и прочих грандиозных смыслов. Соприкосновение с ними всегда оставляет след в душе внимательного человека.

Саддукеи почему-то отделились от народа, образовав практически свою партию и замкнувшись в ней. Роль учителей по первоначальным планам Бога должна была принадлежать им и левитам, однако мало кто из них стремился выполнять это призвание, сосредотачиваясь на том, что попроще – работе в храме и при жертвеннике. Неудивительно, что когда идея широкого народного просвещения в виде синагог стала осуществляться, то на место учителей быстро пришли другие люди, святое место не осталось пустым. Фарисеи выдвинули хорошую идею, что священное не принадлежит только лишь Храму, но священное должно быть в каждом доме и в жизни простых людей. Может быть это тоже было фактором вражды их со священниками, поскольку идея сакрального как раз в том и есть, что для этих предметов Храм и существует и они усмотрели в их идее покушение на свою роль в обществе. Но у фарисеев, наверное, была мысль не о том, чтобы умалить Храм, а что души людей должны освящаться от Храма, чтобы посвящённость каждого человека возрастала, захватывала всё больше и больше людей. Это не противоречило планам Бога, в пророчествах есть указания о будущем, что Святым-Святых станет вся местность, где стоит Храм¹⁰⁶. Священные вещи предназначены содействовать святости человека, и в этом смысле идея фарисеев верна, это не должно было быть конкуренцией Храму, уменьшая его сакральность.

Есфирь

Нужно немного вернуться назад по времени, прежде чем закончить этот том, в момент немного раньше того, когда Ездра и Неемия были посланы в Иудею. У Артаксеркса произошли важные перемены в личной жизни, и они напрямую затронули судьбы Израиля и Иерусалима. В столице Персидской империи жило немало евреев, десятки лет прошли со времени их поселения здесь, немногие отсюда ушли в Иудею, когда Кир отпустил этот народ домой. Они неплохо устроились в земле своего плена и менять устоявшуюся жизнь на неустроенность родины не стремились, хотя переживали за тех, кто испытывал трудные времена в Палестине. Возможно, посещает меня иногда эта мысль, что трудности у них в Иудее как раз и были в огромной степени из-за того, что большинство предпочло остаться в земле плена, и вернись их намного больше, их обустройство шло бы намного успешнее с достаточным количеством рабочих рук и средств, и заодно для их врагов их многолюдство было бы сдерживающим фактором. Так что думаю, что оставшиеся в чужих краях и отказавшиеся возвращаться навлекали на себя некоторое неудовольствие со стороны их Бога и некоторые встряски, случившиеся с ними, должны были показать им ошибочность их мысли, что от добра добра не ищут, что на обжитой чужбине им будет лучше, чем в родных краях на старых развалинах.

В честь каких-то своих успехов Артаксеркс пожелал устроить большое празднество, в третий год своего царствования. Князья и высшие лица страны праздновали несколько месяцев, в конце этого времени царь сделал праздник также и для простых людей столицы. Сад царя был празднично украшен и все приходящие обеспечивались вином и напитками. Царица то же самое сделала для женщин города в своей части дворца. В последний день пира царь захотел похвалиться красотой жены, и он послал за ней, чтобы она явилась перед ними. Но она отказалась это сделать, чем поставила мужа в неловкое положение. Некоторые, склонные сочувствовать феминистским идеям, говорят, что она отказалась придти к ним из-за того, что упившийся царь хотел показать её в обнажённом виде, однако же это слишком невероятно (Библия этого вообще не говорит), чтобы в те строгие времена царь, делающий свои дела перед "знающими законы и право", то есть когда все его шаги судили ведущие мудрецы и князья (сам царь в то время был очень молод), отважился на такое дерзкое и недолжное поведение. Может быть скорее обратная история имела место, что не только царь и князья под долгим воздействием вина подрастеряли здравый смысл (нет и речи о том, что они ползали под столами или были в подобном опьянении, не

106 Иез.43,12; Зах.14,20

то общество, но всё равно мозговая активность не была в полном порядке), но и женщины тоже были не совсем трезвы и она не захотела покидать весёлую компанию подруг, кто знает. Кстати, по этой истории можно судить о правах женщин у персов и мидян, что они были значительны, и женщины не были принижены, как стало позже у отдельных народов, под влиянием жёстких форм религии. По рассуждениям и аргументам советников-правоведов видно, что во всех семьях персов и мидян женщины имели определённые права, раз они опасались, что по примеру царицы Астины все они станут вообще непослушными мужьям, что было в немалой степени вероятно, ведь что вошло в обычай у этого народа, то не могло быть отменено! Сам Артаксеркс, сильно выбитый из колеи демаршем жены, не мог найти достойного выхода из положения и отдал вопрос на решение знатоков законов, тем более, что они усматривали плохие последствия для всей их культуры и обычаев. Их суд оказался суров, хотя и не жестоким, без казней и лишения свободы – царицу приговорили к лишению звания царицы, на место которой должны были найти другую. Царь принял их постановление и оно было выполнено, после этого он смог успокоиться (то, что он долго не мог успокоиться, говорит о определённом складе его психики, так называемого сильного типа).

У царя было немало жён или наложниц, однако быстро нашлись советчики, высказавшие желание, чтобы была определена кто-то из, кто будет первой леди при царе, женским лицом страны, на эту роль никто из уже имеющихся жён почему-то не годился, нужны были какие-то выдающиеся качества, не одна только красота, хотя здесь больше зависело от выбора самого царя. Молодые слуги при царе захотели парада, и предложили провести всеперсидский конкурс красоты. Царю это предложение чем-то польстило, он был молод и весёлые шутки парней в конце концов были приняты. Для них это было развлечением, хотя мне кажется, одна сторона дела всё же была нездоровой – участницам этого марафона грозило пожизненное заключение в царском гареме, другой судьбы у них уже быть не могло. Да и зрителей у этого конкурса было немного, широкая публика не могла участвовать в этом шоу, так что даже шоу никакого и не могло получиться. Но с другой стороны семьи, у которых заберут дочерей, не думаю, что были склонны переживать о их судьбе, быть в родстве с царём считалось многими куда выгоднее. У каждой эпохи свои проблемы...

По городам и селениям империи отправились доверенные слуги, отбирающие самых лучших девушек. Неизвестно, сколько их собрали всего, надеюсь это число не было велико, но тех, кого выбрали, были привезены в столицу. Им дали немало времени для прохождения процедур приведения внешности к неким нормам, и после этого они попадали к царю. Среди взятых во дворец была одна еврейка, выращенная и воспитанная двоюродным братом (который был, наверное, намного старше её), названная Есфирью. По характеру она была человеком, который нравился окружающим. Начальник отдела дворца, ответственный за порядок и быт в том месте, где содержались девушки, взял её под своё покровительство и помог ей адаптироваться в новой обстановке, также прояснив об обычаях и порядках во дворце. Это помогло ей избежать ошибок и вести себя естественно, когда настала её очередь увидеть Артаксеркса, и вместе с её собственным характером и умом, это вывело её на недостижимую для других высоту. Впрочем, не будь она совершенной парой для Артаксеркса, вряд ли бы она заняла место рядом с ним, и даже если бы с помощью уловок и смогла привязать к себе, то ненадолго и быстро бы потеряла всё несправедно нажитое. С этим человеком шутить никак не стоило.

Обретя царицу, Артаксеркс снова устроил пир во дворце, уже в её честь, и даже сделал льготы в налогах для всех областей страны и раздавал щедрые подарки. Рядом с этой женщиной он чувствовал себя лучше и жизнь шла куда веселее, как всегда бывает, когда рядом правильный именно для тебя человек, подходящий по всем статьям.

Двоюродный брат Есфири, Мардохей, внезапно сделался знатным человеком, однако же не объявлял, что теперь он является близким родственником царя. Антисемитизма в те времена как

настрою, что именно евреи есть худшее племя на Земле, ещё не существовало, ненависть к ним могли испытывать лишь иудеи и амаликитяне, может быть моавитяне с аммонитянами, близкие соседи, но остальные не отличали их от других наций. Однако же почему-то Мардохей потребовал от Есфири не называть ни своего рода, ни племени, и она, с детства привыкшая к его старшинству, слушалась его как отца, и сделала всё как он говорил. Так что царь не знал, что его жена из переселенцев из Израиля. Мардохей, по обычаю многих, приходил сидеть к площади у дворца, где собирались уважаемые люди и вели свои разговоры о разных вещах. Там, у дворца, Мардохей получал вести от слуг Есфири и обратно они несли его ответы. Как-то получилось, наверное, Мардохей пришёл слишком рано, когда на площади ещё никого почти не было, и услышал разговор двоих охранников ворот дворца. Эти люди за что-то невзлюбили царя и говорили о том, как бы им добраться до Артаксеркса и убить его, не видя, что их разговор слушает нежелательный свидетель. Вскоре Мардохей передал через слугу своей сестре об этом разговоре, а та сообщила царю, что это ей передал её родственник. Царь поручил расследовать подозрение кому следует, и дело быстро подтвердилось, наверное, двое заговорщиков были совсем простые люди и не умели держать язык за зубами. С ними не церемонились, они были казнены, а отчёт о предупреждении Мардохея был записан в книге ежедневных отчётов дворца, и благополучно забыт. Дело выглядело слишком мелким, никакой политики в нём не было найдено, никаких широких связей, поэтому было сочтено мелким, и царю, скорее всего, не было доложено, чем оно закончилось.

Спустя какое-то время в Персии кое-что поменялось. Прежде при царе были князья, своего рода боярские советники, даже если и не ограничивающие его власть, то имевшие право давать советы, и царь не мог делать какие-то вещи по своему произволу и разумению, всегда выстраивая свои распоряжения в соответствии с законами и порядками. Эти князья как раз и следили за тем, чтобы старое право и законы определяло царскую деятельность. Может быть из-за той войны, что шла с Грецией со времён Ксеркса или ещё по какой-то причине, но Артаксеркс упразднил совет князей, и теперь единолично, без контролирующих (и явно сдерживающих, не проявляя они частых придинок, возможно, он бы и не решился пойти на такие резкие перемены) его во всём старцев, мог управлять всеми делами. Как часто бывает, к царю пытались притереться другие люди, ощутившие в переменах в управлении новые небывалые возможности лично для себя. Одному из них это удалось, он чем-то очень угодил Артаксерксу, и царь приблизил его, возвысив до личного друга, с которым он часто проводил время. Доверие, оказанное Аману Вугеянину, было высоким, его статус поднялся выше всех других князей столицы, царь даже велел склоняться перед ним всем, высоким и простым людям, что те и делали, когда Аман появлялся перед народом. Однако Мардохей не делал этого. Похоже, Мардохей не был в первых рядах, а Аман не присматривался ко всем на улицах и площадях, так что не замечал, кто уклоняется от обязанности.

Аман выглядит человеком, дорвавшимся до власти, он был бесконечно очарован ею, упивался и наслаждался своей славой. В этом была цель и смысл его жизни, если вы почитаете, что он считал важным для себя, какие вёл разговоры, сколько и чего он достиг, насколько он велик, даже с женой и ближайшими друзьями (хотя у такого человека не может быть друзей, а лишь подпевалы и прихлебатели), то будете разочарованы. Наверное, было в нём что-то, что понравилось царю, но всё же это было больше лестью и угождением, видимо он мог развлекать и вести приятные разговоры, за счёт чего и держался всё то время, что был фаворитом.

Мардохей не склонялся перед Аманом, в этом могли быть замешаны разные мотивы, но религиозного начала здесь я не могу усмотреть – в почитании царя и вельмож Библия не усматривает чего-то предосудительного. В самой книге отказ Мардохея также не подносится как религиозный, иначе все остальные евреи, населяющие столицу, имели бы проблемы с этим, но об этом нет ни слова. Просто-напросто Мардохей был в роли царского тестя (как опекун и родственник

его жены), и как бы ни был вознесён фаворит царя, круг царской семьи был свободен от обязанности склоняться перед такими. Правда, было проблемой, что остальные никто об этом не знали, так что причины упорства Мардохея люди не понимали и это могло вылиться в большие неприятности. Конечно же, Мардохей держал в запасе то, что если что-то такое обрушится на него, ему придётся раскрыть, что у него во дворце есть сильная поддержка, но пока он скрывал это до поры до времени. Он как знал, что Есфири лучше не объявлять своё происхождение, и это в самом деле пригодилось. Но сначала его нежелание кланяться тому, кто был ниже его, создало такие проблемы, которых никто не мог предвидеть. Знающие Мардохея, видевшие, что он не выполняет царский указ о почитании Амана, в конце концов решили проверить, насколько он прочен в своём вызове системе. Они тоже не знали о родстве с ним царицы, так что один из интриганов донёс кое-куда, что есть человек, не склоняющийся перед высокопоставленным князем. Они думали, что иудей Мардохей не желает кланяться Аману только по причине его амаликитянского происхождения¹⁰⁷, так что решили раздуть конфликт и посмотреть, что получится.

Когда Аман услышал, что кто-то не признаёт его величия, он присмотрелся к народу перед ним, когда в очередной раз оказался среди людей, и в самом деле обнаружил одного человека, смотрящего на него с вызовом. От такой наглости Аман поначалу растерялся, но быстро придумал, как ему показалось, достойный ответ. Он решил расправиться не только с нарушителем царского приказа, но и со всем народом, из которого Мардохей происходил, это показалось ему достойным ответом. Он сначала не знал, кто есть Мардохей, но узнав, решился на геноцид. Давняя вражда этих двух народов вылилась в такие вот меры. Придя домой, он стал разрабатывать достойные планы мести, и для определения даты нападения на них взялся за жребий. Жребий у него выпал на конец года, тогда как в данный момент шёл лишь первый месяц, так что ждать выполнения планов нужно было почти целый год, но для Амана эта задержка выглядела подарком богов, чтобы насладиться страхом жертвы, а потом со всем удовольствием добраться и до их тел. Уже наслаждаясь этими планами, Аман поспешил к царю и представил ему картину, как немалый народ в империи занимает место, отравляя жизнь всем вокруг, нанося ущерб царю своим существованием, и вообще, он лично готов внести огромную сумму денег, десять тысяч талантов серебром, для очистки от них страны. До сих пор Артаксеркс не сталкивался с такими подходами к людям, это ему было вновинку, но словно околдованный, он согласился с предложенным планом своего фаворита. Выглядит странно, как достаточно разумный человек вдруг легко согласился с такими людоедскими оценками. Я думаю, что к этому времени Артаксерксу было порядочно за тридцать, и нездоровый образ жизни расслабил его, а также частое употребление вина в избыточных количествах и прочая роскошь притупили его. Хотя я думаю больше всего, что это общество Амана снижало его умственные способности, он предлагал всегда низменные темы для разговоров и заполнял время далеко не размышлениями о душе и судьбах Всевышнего. Наверное, многие замечали, как одни друзья снижают разумность ваших детей или близких, а то и вас самих, тогда как другие облагораживают и продвигают. Это не пустые подозрения, а реальность, так что совет выбирать влияния и компании всегда актуален. "Связался с плохой компанией" – у скольких людей это стало причиной их водворения в места не столь отдалённые.

Артаксеркс снял с пальца свой перстень с личной печатью и в знак высшего доверия другу позволил ему делать всё, что он хочет с этим народом. Печать царя могла позволить сделать много чего от его имени, однако выглядит так, что Аман всё же не стал злоупотреблять доверием, зная, что за ним следят немало завистливых глаз, кого он унизил со времени своего взлёта, и представлял, что и на него, если он зарвётся, кто-то доложит, и он может плохо закончить свою карьеру. Он старался взять всё от своего положения, но рассчитывал находиться на вершине как можно дольше, поэтому проявлял осторожность. Однако иудеев это уже не касалось, карт-бланш был получен, и он начал действовать. На следующий же день были собраны царские писцы, что-

107 Сам я не смог отследить, что Аман был из амаликитян, но доверяю тем, кто говорит об этом.

бы записать и размножить указ от царского имени, который Аман продиктовал им. Сразу же с этими бумагами были посланы гонцы во все области империи, чтобы везде объявить царскую волю, что в тринадцатый день двенадцатого месяца все евреи должны быть убиты и имущество их разграблено. До назначенной даты было ровно одиннадцать месяцев. Похоже, что жители Иудеи также точно подпадали под этот указ, только кто там стал бы его выполнять? Однако вряд ли кто стал смеяться с этого, по крайней мере в Иудее, охотников, как они понимали, нашлось бы, самих иудеев было всё ещё очень немного, а немало соседей давно желали им всяких проблем. С другой стороны нападать на саму Иудею было куда сложнее, чем на живущих рассеянно иудеев, живущим вместе легче защищаться, так что думаю, что сама Иудея не была напугана, как иудеи в других местах, а возможно, что именно туда Аман вообще не стал отправлять свой приказ, чтобы не подставить Артаксеркса внутренними волнениями в стране, довольствуясь теми, кто жил в рассеянии, их как раз было намного больше, чем в самой Иудее. Тем более в книге Есфири ничего не говорится о Иудее, а только об отказавшихся от переселения на историческую родину. Получается, что эта угроза с одной стороны могла служить напоминанием, что они были неправы, пожелав удобной жизни в земле плена и отказавшись возвращаться в священную для них землю, и это их неверность зову навлекла на них эту проблему. У живущих в Иудее было оружие и кругом все свои, зато у живущих в Персии те, кто могли и должны были их защищать как граждан страны, вдруг оказались преследователями, и ни малейшей защиты ни с какой стороны.

Везде, куда доходил указ, это было огромной проблемой для всех иудеев. Непонятно, касался ли указ всех евреев, или только лишь членов племени именно Иуды, в указе, по крайней мере говорилось только о них. Только вряд ли кто разбирал между ними, кто еврей, а кто жид... Люди были испуганы и подняли плач о своей участи. В столице иудеи были в смятении, а Аман в обществе царя наслаждался произведённым эффектом. Мардохей, когда до него дошло, к чему привел его вызов, пришёл в ужас, он оказался причиной угрозы уничтожения большинства своего племени, если не вообще всего Израиля. Неизвестно, какие меры пытались предпринять люди, возможно, что некоторые строили планы бегства из Персии в другие края, где нет этой ставшей вдруг враждебной им власти. С другой стороны, до назначенной даты был почти год, и до того времени никто их трогать не должен был, и было время всё взвесить и лишь после этого что-то делать.

Мардохей мог жалеть о сделанном, но родство с царицей оставалось мощным аргументом, и подходило время, когда надо было пустить его в ход. И сразу же обнаружилась большая проблема, царь оказался недоступным ни для кого, даже для царицы. Это пугало, казалось, что царя так и не удастся известить о том, что Мардохей его родственник. Аман занимал много времени с посиделками и пустяками с пьянками, и царь, кажется, забывал о своих делах и обязанностях, Аман его морально разлагал, и вполне может быть, что делал это сознательно, с целью захватить власть, когда царь, опустившись под его влиянием, сделает что-то неправильно или просто потеряет бдительность и расслабится. Через слуг Мардохей передал сестре о происходящем и попросил о помощи. Теперь пришло её время действовать, чтобы защитить свой народ, потому что по указу Амана она тоже бы должна быть убита. Конечно, о ней никто не знал, кто она, и её никто не тронет, но сама угроза ей должна была настроить царя на нужный лад.

Когда понадобилось действовать, оказалось, что никто не знает как. Мардохей был далёк от дворца и не знал его механизмов и интриг, поэтому не мог дать советов и указаний. Есфири оставалось действовать самой, самой изобретать подходы, просто так подойти и пожаловаться вряд ли было возможно, Аман был близким другом, и вставать между друзьями совершенно не лучшая стратегия для женщины, тем более в условиях древнего общества с патриархальными устоями. Женщины в Персии были уважаемы, однако всё же не на мужской половине, так что даже если бы она могла придти к царю в любой момент, это было бы непросто реализовать.

Огромной проблемой оказалось то, что войти к царю в его внутренний двор в принципе было можно, но была высокая вероятность, если тебя не позвали туда, потерять там жизнь ещё до того, как скажешь хоть слово. Разве только царь не решит, что вошедшего стоит выслушать и сделает знак своим скипетром, протянув его в сторону посетителя. Есфирь рассказала Мардохею об этой проблеме, что высока вероятность бесполезно погибнуть, особенно из-за того, что к царю её не приглашали уже месяц. С Аманом царь, кажется, пустился в загул, и кто знает, в каком он сейчас настроении. Мардохей всё же потребовал, чтобы Есфирь рискнула, сказав, что может быть она и достигла своего положения как раз для именно этого момента величайшей опасности за всю историю существования своего народа. Если свою историческую миссию не выполнит она, то Бог найдёт возможность, как защитить своих людей, но тогда она потеряет и достоинство и жизнь, если не рискнёт в минуту опасности. Она выбрала рискнуть, только попросила, чтобы за неё молились и постились все иудеи столицы, и она будет делать то же самое, готовясь к решительному поступку.

После трёх дней поста она оделась по царски, покрасивее, чтобы напомнить царю о своём существовании и пришла ко входу во внутренний двор. Затем сделала пару шагов, показываясь в дверях, и царь увидел её, он сидел как раз напротив. С тех пор, как они были вместе, у него не было к ней каких-либо претензий и недовольства, так что никаких недобрых планов в отношении жены у него не возникло. Он в самом деле давно её не видел, и сейчас, обнаружив её, расположился, может быть подумав, что слишком надолго забыл о ней и не уделял ей внимания, и что же ей такого нужно, что она решилась рискнуть своей жизнью, придя сюда незваной? Он протянул к ней свой жезл, и она вошла. Артаксеркс со всей любезностью заговорил – "Что нужно царице Есфири? Даже полцарства – всё будет тебе". Но Есфирь высказала чрезвычайно скромное желание – "Если царь не против, пусть придёт сегодня со своим другом на пир, который я приготовила для царя". Артаксеркс с удовольствием пообещал быть и отправил гонца к Аману, чтобы с ним пойти ещё попить в новой обстановке.

На обеде, который угодил обоим мужчинам, Артаксеркс, немного заинтригованный слишком простым объяснением рискованного визита Есфири, снова обратился к ней, чего бы она хотела, и даже полцарства не будет слишком большим желанием. Не зря она была у него первой женой, он высоко ценил её. Она снова высказала желание, столь же скромное, как и предыдущее, чтобы и на следующий день они продолжили этот пир. Есфирь пыталась нащупать верный момент, когда можно было бы безопасно, точнее успешно, представить царю проблему свою личную, а также целого народа. Она добавила, слегка интригуя, что на следующий день она выполнит желание царя, то есть выскажет ему то, ради чего он ей так отчаянно стал нужен. Время Артаксеркс, да и Аман, провели замечательно, Есфирь умела создавать атмосферу, и пока потенциал приятного времяпровождения был не исчерпан, так что царь предвкушал, как они здорово отдохнут и завтра, к тому же раскроется какая-то тайна.

В этот день Аман был доволен и счастлив, царица, позвав царя к себе, не забыла о нём и не стала пытаться изолировать мужа от него, пригласив его тоже на свой званый обед, так что он думал, что его влияние во дворце усиливается. Правда, выходя из дворца, он заметил, как Мардохей снова не поклонился ему, но поначалу разгневавшись, он успокоил себя тем, что надо немного подождать, и он сполна рассчитается со всеми иудеями. Придя домой, он созвал свою компанию слушателей, и перед ними распространялся о своих достижениях и богатстве. Почему-то эти люди названы друзьями, но если это друзья, то лишь такие, что вьются около богатых и успешных людей, надеясь перехватить от них капли их успеха или славы, а может и подачек. Друзей не используют, чтобы хвалиться перед ними своими успехами и чтобы они тебя восхваляли и превозносили, это совсем другие люди и другие отношения. Он пожаловался своей компании, что всё у него просто великолепно, но всё удовольствие портит Мардохей, упорно не желающий поклониться ему. В принципе, любопытные люди могли сопоставить, что к Мардо-

хею подходят некоторые служители дворца, и знающие из них могли шептать другим, что у него есть какие-то важные связи, и наверное лишь это сдерживало Амана от немедленной расправы с Мардохеем. Но всё же этот человек был нарушителем царского распоряжения без видимых на то оснований, так что наперсники Амана дружно предложили ему повесить Мардохея наутро, поскольку уже был вечер. Аману понравилось это предложение, и в свете того, что и царица стала благоволить к нему, даже если у Мардохея есть что-то за душой, то теперь он может действовать смелее и решился на уничтожение соперника немедленно. Он распорядился и проследил, чтобы у него во дворе соорудили высокую виселицу или столб в двадцать пять метров, чтобы завтра же повесить этого ненавистного иудея, не дожидаясь назначенного самим же срока.

Если бы события шли сами по себе, лишь по воле человека, то вряд ли бы Мардохею удалось избежать приготовленной ему Аманом участи, однако вмешались более высокие силы, многие люди в столице уже несколько дней обращались к Создателю с серьёзными просьбами, отказавшись от пищи. У Артаксеркса в эту ночь случилась бессонница, и заснуть никак не удавалось. Под утро, чтобы как-то развеяться, царь потребовал, чтобы ему читали из книги ежедневных записей по дворцу, к которой он редко обращался. При чтении разных отчётов встретился тот, где было записано о донесении Мардохея на заговор стражей входа во дворец, и царь спросил, как был награждён этот Мардохей. Оказалось, что никак, и это был беспорядок, упущение с его стороны. Артаксеркс решил, что за прошедшее время у него накопился долг к этому человеку, и он подумал, что надо бы подстойнее отблагодарить его. Но что именно сделать, он не мог решить. Тогда он решил, что посторонние люди могут разбираться в наградах получше, чем он, или просто решил положиться на мнение другого, и спросил, нет ли кого из посетителей, кто уже пришёл в приёмную. Утро уже наступило, хотя и раннее, но Аман, горя нетерпением со вчерашнего вечера, спешил обновить свою новую виселицу жертвой и уже ждал, когда можно будет войти к царю с жалобой на соперника. Слуги доложили, что Аман ждёт его внимания, и Амана позвали к царю. Когда он вошёл, царь спросил, что бы такого надо сделать человеку, если царь захотел бы особо выделить какого-то человека почётом? Аман умилился – надо же, царь думает о нём, ночи не спит, всё желает угодить ему, Аману, дорогому другу... И открыл свой рот, озвучивая мечты и фантазии – нужны царская одежда, царский конь, на голову царскую корону, всё это дать в руки какому-то из высших князей и чтобы тот князь лично одел того, кого царь хочет возвысить и выделить среди всех, потом чтобы вывел его на городскую площадь и прокричал – "так делают тому человеку, кого царь хочет возвеличить!" Эти мечты Амана говорят о его примитивности, о низменности желаний, но всё же в самом деле это было для большинства людей очень впечатляюще. И теперь, когда Аман озвучил всё своё самое сокровенное, и не было возможности вставить хоть слово о своей цели, ради которой он в такую рань пришёл во дворец, он услышал невообразимое, заставившее онеметь и потеряться – оказывается, он должен своими руками всё, о чём мечтал для себя, сделать своему врагу, которому он уже было приготовил самую высокую виселицу в городе... Но у царя не забалуешь и не сдашь назад, ему пришлось всё это выполнить. Царь не обратил ни малейшего внимания на потерянность Амана, и Аман с ужасом заметил, что называющий себя его другом Артаксеркс ничуть не расстроен его унижением, и не обращает на него внимание. Что будет после такого падения? Слуги царя с огромным интересом, хотя и не явно, следили за его позором, и он ничего не мог сделать. После и меньшего промаха многие фавориты теряли достигнутое, и ему было страшновато. И можно себе представить удивление и опаску Мардохея, когда его вдруг провели во дворец и там его встретил его враг, но не с оружием в руках, а с драгоценностями, и пряча глаза от него, одевал его и представлял народу как нового фаворита – что происходит?

Аман вернулся домой и пожаловался на судьбу жене и своим советникам, однако же никто из них не смог ничего подсказать, кроме как безжалостно констатировать – видимо, если ты начал падать перед этим иудеем, то тебе не устоять, ты проиграешь... Это было жутковато, но сда-

ваться Аман не собирался, закон об уничтожении иудеев уже подписан, и отменить его нельзя, вот только ждать ещё одиннадцать месяцев, а их ещё прожить надо. К тому же к нему уже пришли из дворца посылные, надо было идти на званый обед к царю с царицей, и может быть удача ещё повернется к нему лицом...

Во время обеда всё как будто шло также, как и вчера – царь был снова расположен к нему, слушал его и веселился, как обычно, так что Аман стал оттаивать, и может быть даже узнал, из-за чего Мардохею вдруг были оказаны такие знаки внимания. Но ведь это же всего лишь на один раз, и его момент уже прошёл, остался в прошлом, так что всё, кажется, в полном порядке. Царица как и вчера, всё так же мила и радуется мужа и его гостя, нет никаких признаков надвигающейся беды, зря жена и мудрецы пугали его. Надо будет устроить им что-нибудь такое, чтобы думали, прежде чем говорить неприятности ему, Аману, любимцу судьбы.

Обед близился к концу, все насытились, и Артаксеркс, хотя и умел ждать, всё же поглядывал на жену, что же у неё за загадка, что он не может даже догадаться, что бы это могло быть. Он снова задал ей вопрос, что и в прошлый раз – "Какое твоё желание? Хоть до полуцарства – ты это получишь". В прошлый раз Есфирь не решилась высказывать об угрозе своей жизни, царь мог не полностью проникнуться важностью сообщения, посчитать пустой блажью, но теперь она видела, что он в самом деле расположен к ней, серьёзен и собран. Еда, которую она готовила, была не слишком отягчающей, какая часто бывает на богатых праздничных столах, и к сегодняшнему дню он был в хорошей форме. И она выдала, что её жизни угрожает опасность, причём не одной ей, но и её родным и вообще её народу. Она добавила, что если бы их всех захватили в рабство, то она не стала бы беспокоить царя, хотя его правлению был бы нанесён ущерб, но речь идёт о жизни и смерти. До Артаксеркса постепенно доходило, что это не шутки, и пока Есфирь говорила, он уже сделал предварительные выводы. Он спросил у жены, кто же это такой, что мог осмелиться поднять руку на его личную драгоценность, и услышал в ответ, что злобный заговорщик находится рядом с ними, указатель "этот" подразумевает, что она, похоже, указала на Амана пальцем.

Как ни ценен казался Артаксерксу его приятель, но пакостить в его доме не позволено никому. Его стала забирать ярость, и он, зная себя, чтобы сгоряча не поспешить и не жалеть потом о сделанном в спешке, вышел из комнаты в сад, чтобы переварить ситуацию – новость была неожиданной и менять предстояло многое, к чему он привык. Мне кажется, если я правильно понимаю его тип личности, что он не любил менять устоявшийся порядок, хотя неудобства он не любил ещё больше. Аман, поняв, что Есфирь оказалась из иудеев, осознав, насколько сильно промахнулся со своим замыслом, стал умолять царицу пощадить его жизнь, что он не знал, что он готов сделать всё, что нужно. Он на коленях приблизился к её сиденью и умоляя её, то ли касался её, то ли протягивал к ней руки. Когда Артаксеркс зашёл в комнату, он увидел дело так, как будто Аман хотел овладеть ею. В любой другой ситуации, наверное, люди бы это и подумали, но не в этой, но царь тут не смог удержаться от недоброй шутки о бывшем фаворите. Судьба Амана была у него практически решена, а последний штрих оказался прямо-таки вишенкой на торте. После слов царя – "да ты даже насиловать собрался царицу прямо у меня в доме!" в комнате появились телохранители, до этого момента ждавшие конкретных указаний, хотя и контролировавшие обстановку. Амана окружили и закрыли лицо. Начальник стражей, который по службе должен знать всё обо всех (что Мардохею иудей, было известно, а теперь стало известно, что и Есфирь тоже), выдал царю, что у Амана как раз приготовлена во дворе дома виселица для Мардохея, который оказал царю ценную услугу. Подсказка была тут же принята и вышло царское распоряжение повесить на ней самого Амана. И это разрядило гнев Артаксеркса, обычно он с трудом отходил, если его что-то выводило из себя.

В этот день изменилось многое, не только с Аманом, но и с Мардохеем. Царь узнал, наконец, кто он для его жены, ему стало понятно также, почему Мардохей не желал склоняться перед

Аманом, и по праву. Мардохей занял место, которое до этого занимал Аман, и ему Артаксеркс отдал свой перстень с печатью, который до этого забрал у Амана, когда тот был разоблачен. Судя по греческим припискам к истории этой книги, замысел Амана оказался политически вредным для Персии, потому что уничтожение целой нации уменьшало количество подданных, когда Персия была в состоянии большой и долгой войны с Грецией. По крайней мере для царя это выглядело серьёзным делом, и хотя сам Аман мог не подумать об этом, но другие могли заподозрить в нём греческого агента, внедрившегося в ближний круг царя с вредительскими целями. Мардохей оказался для Артаксеркса не менее интересным собеседником, чем Аман, а зная свою жену, он мог не сомневаться, что вырастивший и поднявший столь хорошего человека, как Есфирь, и сам не может быть ненадёжным или недобрым человеком.

Однако радости этого дня не дали забыть Есфири о главной тревоге, и она стала просить царя вернуть назад указы Амана об уничтожении иудеев в Персии. Однако царь объяснил ей, что принятый закон или распоряжение, скреплённое царской печатью, отменить невозможно. Но не всё так плохо, у них в руках теперь был перстень с царской печатью, и Артаксеркс предложил им написать новый указ, уже в защиту иудеев. Так что войны отменить не удалось, но получилось полностью изменить её ход, теперь от Есфири иудеи получили право на свою войну, они могли убить всякого и всех, кто находится с ними во вражде. Собственно, именно те, кто прежде всего и радовались указу Амана и уже выказали свои угрозы беззащитным на тот момент иудеям, и попали на заметку. Теперь они оказались на равных – один закон давал им право убить, но по следующему закону и их жертвы получили право защищаться и то же самое сделать с теми, кто посягал на их жизнь и имущество. Хотя иудеи могли быть в меньшинстве по сравнению с количеством желающих поживиться на халяву, все начальники провинций видели, что рядом с царём находится совсем не Аман, а Мардохей, поэтому вся поддержка сверху была направлена только к иудеям. В этот день Мардохей вышел из дворца в одеждах, выражающих его высокий статус, и город Сузы веселился с большим торжеством. Мардохея знали все, сидящие у ворот дворца, и знали как порядочного человека. Иудеи были симпатичны остальным жителям столицы, поэтому радость иудеев была близка их друзьям, так что весь город радовался переменам. Думаю, что Аман многим не нравился, этот человек был не из тех, кто доставляет радость своим существованием, и резкая перемена фигур вблизи царя оказалась доброй вестью большинству населения.

Когда наступил назначенный в указах Амана и Мардохея день, иудеи взяли в руки оружие и прошлись по местам, откуда к ним были высказаны угрозы. Никто тех людей не заставлял проявлять враждебность, которая, не будь указа Амана, может быть и не проявилась бы, но то, что оказалось возможным пограбить и помучать кого-то безнаказанно, выявило некоторую гниль в народе, и сейчас она была удалена хирургическим путём. Так у иудеев появился праздник Пурим, в память о дне победы над нехорошими людьми, врагами, без причины пожелавших воспользоваться удобным случаем.

Я думаю, что с этого времени и стало возможным возвышение Иерусалима, стараниями Есфири и Мардохея он стал центром власти в пределах Иудеи и независимым от Самарии. Очень похоже, что именно их стараниями были найдены и поддержаны и Ездра, и Неемия. Если бы она жила раньше и была женой Ксеркса, как многие считают, то было бы непонятно, почему Иерусалим не был возвышен при Ксерксе, ведь при Артаксерксе уже некому было бы заинтересовать Артаксеркса интересами Иудеи. Единственно (!) серьёзная нестыковка имеется лишь в том, что слишком мало времени для развития событий – Есфирь стала царицей в седьмом году его царствования, и в седьмом же году Ездра отправляется в Иерусалим. Всё остальное сильно свидетельствует в пользу того, что Есфирь современница Ездры и Неемии. Скорее всего нестыковка эта из-за ошибки в датах – Артаксеркс остался без главной жены в третьем году царствования, а Есфирь стала царицей согласно записям в книге в седьмом, вроде как это слишком долго, здесь явно ошибка писца. То есть скорее всего она попала во дворец в четвёртом или пятом

году царствования Артаксеркса, и тогда никаких больше проблем нет. Взлёт Амана мог быть очень коротким, от полугода до года, и его сменил Мардохей, и дальше есть время на подготовку Ездры и поднятие статуса Иерусалима. К тому же Ксеркс царствовал лишь двадцать два года, а Артаксеркс сорок, и факт, что Неемия в тридцать втором году Артаксеркса встречался с ним и царицей (Есфирью), гармонично вписывается именно в эту ситуацию.